

Ж 15
32

иссылается по специальному списку

№ 000466

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том четвертый

МАРКСИЗМ СЕГОДНЯ

Выпуск второй

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1986

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том четвертый

МАРКСИЗМ СЕГОДНЯ

А

Выпуск второй

STORIA DEL MARXISMO

Volume quarto

IL MARXISMO OGGI

Giulio Einaudi editore
Torino — 1982

Ж $\frac{15}{32}$

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том четвертый

МАРКСИЗМ СЕГОДНЯ

Перевод с итальянского

Выпуск второй

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1986

Общая редакция *АМБАРЦУМОВА Е. А.*

Редактор *САДОВСКИЙ Н. А.*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПРОГРЕСС»	7
--------------------------------------	---

ОТТО КАЛЛЬШОЙЕР

Марксизм и теории познания . . .	11
----------------------------------	----

1. Маркс «в плане философии»	15
2. Особенности итальянского марксизма	25
3. Франция: поиск марксистской эпистемологии	44
4. Длинная тень Франкфуртской школы	67
5. Гносеологическая двойственность диалектики «Капитала»: Маркс и Гегель	82

АГНЕС ХЕЛЛЕР

Этическое наследие марксизма . . .	93
------------------------------------	----

1. Свобода и общественная необходимость	94
2. Против проповеднической морали	101
3. Неверные марксистские трактовки этики Маркса	107
4. Этика конечных целей	112
5. Заполнить чистую страницу	115

ДЖАКОМО МАРРАМО

Политика и «сложности»: поздне- капиталистическое государство как категория и как теоретическая про- блема	120
---	-----

1. Теория кризиса и теория государства: проблема «неуправляемо- сти»	121
2. Кризис господствующих парадигм марксистской традиции	133
3. Структура, эволюция и изменение формы	138
4. Экскурс: корпоративизм и коллективная демократия у Неймана и Френкеля	159
5. «Конституционный кризис» в исследованиях Неймана и Ласки	170
6. Равновесие, компромиссная демократия и «диктатура без суве- рена» в идейном наследии Кирххаймера	182
7. Администрация и политики: современная проблематика «границ рациональности» в марксизме и теории систем	195

РЕНАТО ДЗАНГЕРИ

Между кризисом капитализма и новым социализмом на Западе . . . 209

1. Экономические реформы и природа государства 210
2. Дискуссия о новых тенденциях капитализма 217
3. Суизи: государственная власть и власть монополий 220
4. «Изменился ли капитализм?» 227
5. Государственное финансирование капиталистического производства 232
6. О'Коннор и Хабермас: кризис экономики и социокультурный кризис 237
7. За расширение понятия революционного класса 245
8. Труд в развитом капиталистическом обществе 248
9. Кризис социального государства и проблема демократии 255

ЭЛЬМАР АЛЬФАТЕР

Теория государственно-монополистического капитализма и новые формы капиталистического обобществления 269

1. Государственно-монополистический капитализм и «общий кризис капитализма» 271
2. Ретроспективная теория и прогнозы кризиса 274
3. Дискуссии в Европе и Японии 288
4. Трудности, связанные с понятием монополии 297
5. Проблемы средней нормы прибыли 303
6. Некоторые политические последствия 318

АУГУСТО ГРАЦИАНИ

Марксистский анализ и структура современного капитализма 325

1. Микроэкономический и макроэкономический анализ 326
2. Экономический процесс и денежный цикл 339
3. Промышленный капитал и финансовый капитал 354

ПЬЕРАНДЖЕЛО ГАРЕНЬЯНИ, ФАБИО ПЕТРИ

Марксизм и экономическая теория в наши дни 368

1. Кризис господствующей теоретической постановки 373
2. Возрождение классической постановки 398
3. Пересмотр интерпретаций Марксовых работ 418
4. К реконструкции политической экономики 444

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПРОГРЕСС»

Данной публикацией завершается выпуск перевода на русский язык четырехтомного коллективного труда «История марксизма», вышедшего в итальянском леволиберальном издательстве «Эйнауди».

Книга открывается статьей западногерманского левого социал-демократа Отто Калльшойера «Марксизм и теория познания». Исследуя работы западных авторов, причем не только и не столько марксистского, сколько квазимарксистского характера, Калльшойер полностью игнорирует заметные достижения ученых СССР и других социалистических стран в этой области. Приписывая молодежному движению 60-х — 70-х годов «разрушительное» воздействие на марксизм, Калльшойер обходит тот факт, что развивалось оно во многом под марксистскими лозунгами и что именно исследователи-марксисты точно осмыслили противоречивое значение молодежного движения, извлекли из этого феномена нужные выводы. Вместе с тем, если критике идеологических обоснований капиталистической системы некоммунистическими левыми теоретиками (например, Франкфуртской школой, которую анализирует Калльшойер) и была порой присуща определенная меткость, то это имело место лишь тогда, когда они опирались на Маркса, на революционную диалектику его гносеологии.

Обращает на себя внимание подход Калльшойера к работам Л. Альтюссера. Автор подмечает упрощенную трактовку Альтюссером наследия Маркса, и в частности сведения всего его многообразия к «Капиталу».

Венгерка Агнеш Хеллер, социолог так называемой Будапештской школы Хегедюша, ныне работающая в Австралии, в своем исследовании марксистской этики пишет, что интерес и действия индивида нуждаются в личной мотивации и не могут быть «напрямую» выведены из классового или общест-

венного интереса, иначе возникает опасность отчуждения. Но она недооценивает диалектическую взаимосвязь личного и общественного интереса при социализме, не учитывает, что может быть добровольно-сознательное — без отчуждения — подчинение индивидом своего интереса общественному, в русле той самой естественной, «действительной коллективности», о которой писали К. Маркс и Ф. Энгельс (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 75).

Отсюда и непонимание ею Плеханова, критика его за идею слияния эгоизма и альтруизма при социализме, идущую от «разумного эгоизма» Чернышевского. А. Хеллер не учитывает, что и Маркс не относился однозначно отрицательно к концепциям утилитаризма. И совсем примитивно, в духе вульгарного антимарксизма, она [вслед за Альтюссером] истолковывает Марксову этику, изображая Маркса принципиальным имморалистом на основе неоправданно обобщенных, вырванных из контекста некоторых его высказываний. В то же время она игнорирует известный призыв Маркса к тому, «чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 11). Соответственно явно искаженно, сугубо прагматически оценивает она ленинские высказывания о морали и советскую этическую науку, не утруждая себя ссылками хотя бы на современные советские учебники по этике, где моральные постулаты отнюдь не сводятся только к классовым.

В статье итальянского левого социалиста Дж. Маррамао рассматривается проблематика «позднекапиталистического государства», причем на материалах более чем полувековой давности — работах германских социал-демократов периода Веймарской республики и британских лейбористских теоретиков во главе с Г. Ласки. Их теоретические позиции, судя по пересказу Маррамао, были близки австромарксизму, хотя в политическом отношении они отличались большим консерватизмом, — вот главный и не очень-то оригинальный вывод, вытекающий из этой главы.

Известный итальянский общественвед-историк, член Руководства ИКП Р. Дзангери прослеживает формирование выдвинутой П. Тодьятти концепции структурных реформ,

«итальянского пути к социализму» и, наряду с прочим, отмечает, что еще в 1945 году руководители ИКП предвидели возможные издержки национализации и потому не считали ее панацеей.

Оправдан критический анализ Р. Дзангери работ американского экономиста П. Суизи, весьма популярных среди «новых левых» на Западе. Автор показывает схематизм Суизи, который, соглашаясь с необходимостью социалистической революции в странах развитого капитализма, в то же время не видит адекватных путей перехода к социализму, которые были открыты международным коммунистическим движением и зафиксированы в его известных документах. Именно Суизи, напоминает Дзангери, выдвинул идею — перенятую затем маоизмом, но не выдержавшую испытания жизнью, — перемещения центра революционного движения в «мировую деревню», то есть в развивающиеся страны.

Р. Дзангери излагает также относящиеся к 60-м годам взгляды английского лейбориста Стрэчи, японского социалиста Цуру. Интересны выводы из позднейших работ О'Коннора и Хабермаса, которые с левосоциалистических позиций анализируют противоречия современного капитализма и специфику их частичного преодоления при помощи государства. Заслуживают внимания данные, почерпнутые из новейших работ американца Бравермана и немца Оффе, о маргинальных социальных слоях и сферах современного капитализма. Однако выдвигаемые Дзангери наброски позитивной программы «нового социализма на Западе» носят общий, декларативный и мало убедительный характер, при всей привлекательности таких компонентов, как демократизм, самоуправление, гибкое планирование.

В статье левого социалиста Э. Альтфатера, профессора Университета Западного Берлина, отражены и сопоставлены различные трактовки государственно-монополистического капитализма, особенно левыми (некоммунистическими) теоретиками. Им присуще начетнически-фаталистическое его понимание, из которого логически вытекает приемлемость любых средств, в том числе и экстремистских, для борьбы с ним. Современных же советских работ о государственно-монополистическом капитализме Альтфатер попросту не знает, ограничиваясь изложением полемики (относящейся к концу

40-х — началу 50-х годов) Л. Леонтьева с Е. Варгой, при этом не учитывая, что Л. Леонтьев впоследствии радикально пересмотрел свою прежнюю позицию. Пожалуй, наиболее оригинально у Альтфатера рассмотрение вопроса о соотношении между сформулированным Марксом законом-тенденцией средней нормы прибыли к понижению и реальным ростом монополистических прибылей.

В двух последних главах обсуждается соотношение идей Маркса с современными западными экономическими теориями — кейнсианством и некейнсианством, маржинализмом и другими модификациями теории предельной полезности. Отдельные актуальные замечания (например, о недопустимости отождествления трудовых теорий стоимости Рикардо и Маркса, о важности учета иных, помимо труда, факторов производства, об упрощении Маркса Гильфердингом) сочетаются здесь с некоторыми натяжками и противоречиями. Нельзя, впрочем, не отметить заключительный вывод о том, что «ни-что существенное в его (Марксовом) анализе не устарело».

Издательство «Прогресс» в целях информации направляет читателям перевод заключительного, четвертого тома «Истории марксизма».

Отто Калльшойер

МАРКСИЗМ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Марксизм и философия всегда были в конфликте, в значительной степени отмеченном противостоянием теории и действительности. Особенности этого противостояния изменялись по мере развития капитализма, социализма и самой марксистской теории. Например, в 20-е годы такие марксисты, как Грамши, Лукач, Корш, усмотрели в философском обновлении марксизма «политическую революцию в революции», революционный переворот: главной проблемой для них стала задача избежать в теоретическом (позитивистском) и политическом (реформистском) плане уравнивания марксизма с западными капиталистическими демократиями. За последние три десятилетия проблема отношения между философией и реальной действительностью формулировалась в понятиях, совершенно разрушающих марксистскую теорию: изменившаяся реальность возродила в марксизме философию. То был результат процесса преобразования мира: мир реального социализма, управляемый коммунистами, превратился в государственную машину; на Западе произошло обновление капитализма.

В результате этого «действительного движения» возник вопрос о возможности марксистской интерпретации всех этих изменений; иными словами, изменение спектра проблем капиталистического и социалистического мира неизбежно порождало вопрос о том, способна ли марксистская теория адекватно решать сегодняшние проблемы. Какие именно проблемы? За последние 30 лет спектр проблем марксистской теории был обновлен в результате трех великих событий:

а) «незабываемый 1956 год» на Востоке и его осмысление западными марксистами — со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Откровения» Хрущева о сталинских преступлениях наряду с последующим крахом антисталинистских реформ в Польше и поражением антисталинистской революции в Венгрии поставили под вопрос освободительные цели марксизма; поиск «социализма с человеческим лицом» стал проблемой, до сих пор еще не нашедшей своего решения ни

на Востоке, ни на Западе («Кто нам гарантирует, — вопрошал Луи Альтюссер на встрече в Венеции, организованной группой «Манифесто», — что «иные пути социализма» не заведут в те же тупики, что и социализм, уже существующий?»);

б) неокapиталистическое развитие на Западе. Здесь представляется важным не само по себе «экономическое чудо», достигнутое капиталистической экономикой в период послевоенной реконструкции и в течение длительной (ж сожалению, уже завершившейся) фазы процветания западных держав во главе с США. Важно выделить здесь несомненные достижения в развитии техники («научно-техническая революция», в которой Запад занимал лидирующие позиции по сравнению со странами реального социализма), во взаимоотношениях между политикой и экономикой, установивших новые, хотя и не абсолютные, гибкие рамки для контролирования кризиса, возникающего при антагонистических производственных отношениях, в новом подходе к возможностям социального познания, поставившем под сомнение претензию и привилегию марксизма на «абсолютное знание» общественных отношений. Происходило взаимодействие и накопление новых методов, достижений и исследовательских программ в сфере гуманитарных и общественных наук: структурализм, теория систем, психоанализ и т. д. Такое динамичное развитие (следствием которого было также разнообразие новых «субъективных» и «объективных» форм предполагаемых кризисов капитализма) вынудило марксистов уже в 50-х годах вновь поставить вопрос: «Является ли марксизм (или какой именно марксизм является) научным познанием?»;

в) «1968 год» с его новыми субъектами социального действия и новым содержанием «революции». В конце 60-х годов на Западе (но также и на Востоке, особенно в Польше и в Чехословакии) возникает новая «ведущая роль масс», резко отличающаяся от представлений классической марксистской теории революции, равно как и от традиционного марксистского реформизма. Она возникла в результате антиимпериалистического, направленного против властей и (следовательно) антикапиталистического, студенческого движения в основных западных странах. Студенческое движение вызвало цепную реакцию, увлекшую в горнило сложной социальной работы новых рекрутов («массовый рабочий», научно-техническая интеллигенция, «белые воротнички», работники сферы обслуживания и т. д.). В некоторых странах широкая волна протеста захлестнула политически активную часть рабочего класса, вызвав временное ослабление официального контроля над рабочим движением и в конечном счете глубокое обновление последнего.

Еще более значительным является долговременное влия-

ние движения 1968 года. Оно справедливо считается процессом социального изменения в рамках существующей капиталистической инфраструктуры, процессом, отвечающим функциональному требованию капиталистической модернизации (Режи Дебре), или же «антропологической победе» общества потребления (Пьер Паоло Пазолини). И все же «объективный фактор субъективности» никогда не обрел бы такой расковывающей динамики, если бы не эффективное осуществление студенческой культурной революции. В результате длительного влияния студенческого движения произошла политизация почти всех сфер общественной жизни (техника, религия, семья, секс), и на этой основе появились новые «объединенные пруппы» (Сартр), новые субъекты политической деятельности в обществе, такие, как «женщины», «молодежь», «студенты», «антиядерщики» и т. д. — группы, которые уже не соответствуют эмпирической классовой структуре. Критика общественных институтов и критика общественного разделения труда приводят к переформулировке с новых теоретических позиций проблемы общественного воспроизводства как в «производственной», так и в «экономической» моделях, широко представляющих марксистскую традицию. С появлением студенческого движения критика идеологии и критика науки становятся массовым явлением. Критика науки не избежала мифотворчества (например, классическим подтверждением схемы Сореля был миф долгое время идеализируемой китайской «великой культурной революции»), но была весьма далека от того образа «идеалистической реакции против науки», который стремился увидеть в ней Лючо Коллетти. Очевидно он не понял того обстоятельства, что эта критическая по отношению к науке позиция не направлена против механизмов социального организма, а сама является их составной частью. Правильнее будет считать, что движение 60-х годов и последующие движения под влиянием новой проблематики должны были заставить различным образом переформулировать самые традиционные для марксизма вопросы, например об отношении между промышленной и политической революциями или между социальным и индивидуальным освобождениями. Можно упомянуть о проблеме с еще более глубокими корнями: могут ли социалистическая перспектива «регулируемого общества» (Грамши) или веберовская радикальная «рационализация» общества служить ответом на старый марксистский вопрос об условиях освобождения человека.

Все эти вопросы еще ждут рационального ответа и, разумеется, не могут быть здесь исследованы достаточно глубоко. Все они образуют проблемный горизонт, определивший начиная с 50-х годов потребность философии в марксизме, расширение «спроса» на марксистскую философию. Что

касается «предложений», то есть различных попыток «переосмысления», «реконструирования» и «актуализирования» марксистской философии марксистами (которые на Западе, по крайней мере до войны, не были объединены в «корпорацию»), то я бы сказал, что все исследовательские программы схематично могут быть сведены к двум основным направлениям.

Под формулой «марксизм — это гуманизм» марксисты-критики на Востоке (большей частью, но не исключительно) понимали дальнейшее развитие критического потенциала (которым пренебрегала традиция) теории отчуждения и теории освобождения у Маркса, увязывая его с соответствующим прочтением Марксовых текстов, приспособленным к диалогу с современными философскими течениями (экзистенциализм, феноменология и т. д.). Эта попытка была усложнена тем обстоятельством, что каждая из коммунистических партий (как восточных, так и западных) стремилась представлять свою собственную разновидность марксизма, не свободную и от сталинистских корней, в качестве «реального гуманизма».

Используя формулу «марксизм — это наука», критически настроенные марксисты (преимущественно западные, но не только) стремились к интеграции оставшейся без внимания проблемы условий развития социально-научного познания, проблемы «логики научного открытия» и нового прочтения Маркса, способного обеспечить диалог с современными эпистемологическими направлениями (логический позитивизм, структурализм и т. д.). Кроме того, это стремление сочеталось с тем, что коммунистические партии Запада и Востока представляли свой марксизм, который они строили по образцу главы об историческом и диалектическом материализме в «Кратком курсе истории ВКП(б)» в качестве «науки» или «научного взгляда на мир».

Разумеется, это только различие по принципу «идеальных типов», оно — аналитическое; в действительности же такое противостояние не имело места. Как уже сказано, это различие проявилось в двух различных исследовательских программах. Однако драма «научного диспута» между марксистскими школами за последние 30 лет, равно как одни из наиболее значимых «эпистемологических затруднений» в «рациональном развитии марксистской теории» (если использовать ритуальную терминологию), состоит в том, что большая часть принявших участие в споре трактовали различие между этической и эпистемологической проблематикой (между тем, «что я должен делать?» и «что я могу знать?») как противоречие.

Естественно, что Маркс в своей борьбе с политическими течениями «утопического социализма» (используя при этом средства и полемические приемы не очень «гуманные»), но не

будучи против этического обоснования социалистической деятельности, никогда не поддерживал гипотезы такого рода, ибо испытывал на себе сильное влияние гегелевской критики чистого должностования. Независимо от того, что мог бы сказать сам Маркс, тот факт, что в последующем нашем изложении исследуются только критико-гносеологические и эпистемологические направления марксистской философии в Италии (особенно в 50-е годы), во Франции (особенно в 60-е годы) и в Западной Германии (особенно в 70-е годы) вовсе не означает, что «гуманистические» или этические подходы бесполезны или чужды марксистской философии. Просто это другая тема.

1. Маркс «в плане философии»

50-е и 60-е годы были отмечены расширением проблематики социальной сферы и увеличением значимости социального аспекта для марксистской теории. Кризис сталинизма (равно как и непосредственно следовавшая за ним десталинизация) не вызвал на Западе массового бегства из марксистских партий¹ рабочего класса, не вызвал всеобщего отказа интеллигенции от марксистской теории, хотя отдельные лица или даже, как то было во Франции, целые группы влиятельных интеллигентов вышли из коммунистической партии. Критически настроенные интеллигенты или «диссиденты» еще долго продолжали искать (в рамках официальных дискуссий марксистского рабочего движения или вне его²) марксистское решение новых проблем (кризис стали-

¹ Разумеется, только там, где такие партии существуют. Сказанное относится прежде всего к ИКП и к ФКП. У социал-демократического движения не было проблемы такого рода. Особый случай представляет собой Великобритания. В ходе нашего исследования мы большей частью не говорим о британском марксизме, так как британские марксисты-интеллигенты традиционно занимаются социальной историей (Э. Хобсбом, Ч. Хилл, Э. П. Томпсон и др.), экономикой (Р. Мик и др.), культурной антропологией (Р. Уильямс и др.), а не философскими исследованиями. С темами философских дискуссий континентального марксизма британские марксисты познакомились благодаря «новым левым», руководимым П. Андерсоном и Т. Нэйрном. Мы не можем здесь рассматривать проблему этого интереса, парадоксально сведенного к систематической философии в эпоху международного академического триумфа аналитической философии Оксфорда и Кембриджа и «критического рационализма» Карла Поппера. Каковы бы ни были причины относительного «молчания» британского марксизма, ясно, что «эмпирическая идиома» британской демократической культуры, так же как и «аналитическая идиома» англосаксонской академической философии окажут и далее решающее влияние на будущее марксистской философии.

² Вне официальной линии коммунистической партии выступают такие журналы, как «Тан модерн», «Аргуман», «Сосиализм э барбари» во Франции, и такие, как «Раджонаменти», «Пассато э презенте» и «Квадери Росси» в Италии. Свобода критики «внутри» официальной рабочей движения существовала только в «итальянском варианте». См. антологию: G. Vacca. Gli intellettuali di sinistra e la crisi del 1956. Roma, 1978.

низма, трактовка неокapитализма). Для таких стран, как Италия и Франция, следствием 1968 года был культурный рост; для Западной Германии и США — возрождение разработки марксистской теории в массовом масштабе и в рамках культурных и образовательных учреждений буржуазно-капиталистического общества. Что же в действительности означают эти изменения для марксистской теории? Было бы слишком рискованно подводить здесь итог всех попыток исторической или систематической реконструкции новейшей истории марксистской философии. Я ограничусь рассмотрением только одной интерпретации: не только потому, что она в настоящее время самая известная в мире, но и потому, что она благополучно избегает методологических ошибок, которые могли бы исказить результаты.

Согласно Перри Андерсону, основная черта «западного марксизма» — постоянное пренебрежение «теоретическим анализом экономических и политических структур» с одновременным смещением «центра исследования... все ближе к философии»³. Такое развитие проходило под знаком неповторимого опыта западных марксистов в 20-х годах (поражение революции в наиболее развитых регионах европейского капитализма), и с тех пор оно постоянно отмечено «разрывом между социалистической теорией и пролетарской практикой»⁴. Если бы это объяснение было справедливым, то оно подтверждалось бы в 60-е годы еще более массовым отказом марксистов от философской проблематики. Произошло же прямо противоположное. Вопросы материалистического или диалектического метода никогда не вызывали такого живого интереса в марксистской теории, как в 60-е годы. Эта «философская» или «методологическая» дискуссия в те годы проводилась с согласия тех, кто отвечал за культурную политику и журналы в коммунистических партиях (если не напрямую была ими организована), хотя и с обычными ограничениями или, как это было во Франции, запретами⁵. Мы не говорим уже об активизации «философских» диспутов после 1968 года. Таким образом, диагноз Перри Андерсона совсем неверен. Конечно, в ходе формирования марксистской теории никакой философский процесс не может быть понят вне социальных и политических условий, в которых он происходит, или вне рамок национальной культуры, включающей марк-

³ P. Anderson. Il dibattito nel marxismo occidentale. Bari, 1977, p. 65.

⁴ Ibid., p. 118.

⁵ Например, А. Натта пишет в статье «За единое развитие марксистских исследований» (A. Natta. Per uno sviluppo unitario degli Studi marxisti), что «немыслимо испрашивать согласия у несуществующей высшей «инстанции» истины и марксистской ортодоксии или просить ее проветить себя». Ср.: F. Cassano (a cura di). Marxismo e filosofie in Italia 1958—1971. Bari, 1973, p. 240 sgg.

систскую традицию (или протест против этой традиции). Подобное «понимание» все же еще не порождает относительно «эффекта познания» (Альтюссер); прежде всего оно не создает основы для редукционистского объяснения той или иной философской тенденции путем механического соотнесения ее с той или иной социальной или исторической ситуацией. При подобном конструировании «социологии знания», в котором «неустойчивое условие» марксистской интерпретации (то самое, которое Андерсон называет отсутствием «единства теории и практики») объясняет относительно большой удельный вес философской и эстетической проблематики, образуется разработанная Андерсоном модель интерпретации, служащая целям развития западного марксизма.

Наш подход будет основан не на отрицании, а на методологическом вынесении за скобки «внешних» влияний, протекающих из сложной политической ситуации. Аналитический пафос будет сконцентрирован на «внутренней» истории марксистских философских споров.

В 60-е годы для всех них характерна одна общая черта: преодоление классической антиномии между свободой и необходимостью, между освобождающей субъективностью и объективной обусловленностью исторического прогресса или между практикой и историческими законами⁶. Достаточно книг, которые пытаются отрицать эту характерную черту, однако несомненно, что впервые в истории марксизма в 50-е и 60-е годы возникает гносеологическая, или эпистемологическая, «проблематика»⁷ (Альтюссер), ставшая общим центром притяжения для различных подходов, исследований и дискуссий в марксистской философии. Что же тогда понимается под гносеологической проблематикой? Какую роль играет она в марксистских спорах? Какие узлы должна бы она развязать?

«Гносеология» — очень специальное понятие, принадлежащее «семейству»⁸ весьма специфичных понятий, а именно относящихся к взаимоотношениям между познанием и наукой, наукой и историей, объективностью и субъективностью и т. д.,

⁶ Ср.: Э. Арато. Антиномия классического марксизма: марксизм и философия. — В: "Storia del marxismo", v. II.

⁷ Между терминами «теория познания» и «эпистемология» (соответствующий кантовский термин «критика» подразумевает оба эти термина) нет строгого различия. Тем в большей мере начинают здесь играть роль национальные традиции. Например, в Италии говорят о «гносеологии» при обозначении того, что Альтюссер называет словом «эпистемология». В Великобритании на дискуссиях говорят о «философии науки». Предложение о терминологическом различении двух этих терминов выдвинуто Дж. Прети. См.: (G. Preti. Due orientamenti nell'epistemologia. — In: "Rivista critica di storia della filosofia", vol. 5, 1950, p. 200 sgg.)

⁸ О понятии «семейственные сходства» см.: L. Wittgenstein. Ricerche filosofiche. Torino, 1984; S. Veca. Modi delle ragioni. — In: A. Gargani (a cura di). Crisi della ragione. Torino, 1979.

в свою очередь связанным с «семейством» очень специальных проблем; как справедливо заметил Альфред Шмидт, проблема марксистской теории познания на деле не решена⁹. Прочтение «Капитала» Маркса в философском плане означает «полагание проблемы эпистемологических оснований единства языка-объекта, отличающих это единство от иных форм единства языка-объекта»¹⁰. Это предполагает проблематичную для марксистской теории ситуацию во всей ее сложности, в центре которой вырастает ключевой для марксистов вопрос о том, является ли «достоверной наукой знание, с которым имеет дело разум, или нет»¹¹.

В этой ситуации вопросы обоснования познания, поиск критерия «научности» (альтюссерянский «механизм производства знания») наполняются максимальным теоретическим содержанием; во всяком случае, теоретической сфере знания приписывается роль «основы», твердой опоры широкой марксистской теории. Это означает, что разрушается теоретическое единство ситуации, на что указывают по крайней мере четыре предпосылки.

а) Понятие науки как объективной системы методологически упорядоченных знаний, или же «идея» науки (дело в том, что само слово «наука» является не научным понятием, а скорее тем, что Ридель называл *Sinnbegriff*), порожденная семантической революцией XVII века, идея сущности познания, в которую включалась обязательно систематизирующая роль эксперимента¹².

б) Кантианская «революция в способе мышления», определяющая объективность познания, всеобщность и необходимость которого извлекается теперь не из существовавших до него космологии или метафизики, а из рефлексии относительно «условий возможности» научного познания, то есть в формах (восприятие-разум) субъекта (системы, вырабатывающей информацию)¹³, в опытных рамках которых становятся возможными объекты эмпирического познания.

в) Если последние становятся заметными признаками «семейства» гносеологических понятий (объективность, субъек-

⁹ Ср.: A. Schmidt (Hrsg). *Beiträge zur marxistischen Erkenntnistheorie*. Frankfurt am Main, 1969, S. 7 ff.

¹⁰ L. Althusser. *Das "Capitale" alla filosofia di Marx*. — In: Althusser, Balibar, *Lire le "Capital"*, I. Paris, 1968, p. II.

¹¹ I. Kant. *Kritik der reinen Vernunft*, vol. VII.

¹² Ср.: M. Riedel. *Die Universalität der europäischen Wissenschaften als begriffs- und wissenschaftsgeschichtliches Problem*. — In: "Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie", Jg. X, Bd. II (1979), p. 267—599.

¹³ Трудности различения кантианского «трансцендентального» (систематического) субъекта познания от любой формы эмпирической субъективности в дальнейшем неокантианстве приводят к тому, что Риккерт называет "Zwei Wege der Erkenntnistheorie: Transzendentalpsychologie und Transzendenten tallogik". — In: "Kant—Studien", Jg. 14 (1909), S. 169 ff.

тивность, рефлексия, форма, объективируемость и т. д.), то происхождение гносеологии (то есть внеэмпирического философского исследования и рефлексии, независимой, с одной стороны, от любого вида идеологии, а с другой — от любой психологизированной науки) выводится из разрушения гегелевской системы. Это разрушение было порождено прежде всего развитием математических методов в естественных науках, что во второй половине XIX века заставило физика Гельмгольца и философа Либмана провозгласить «возвращение к Канту», которое благодаря Э. Целлеру, Ф. А. Ланге и неокантианцам вызвало профессиональное отношение к гносеологии. Таким образом, в сфере теоретической философии рождение гносеологической проблематики явилось выражением того процесса «разложения абсолютного духа»¹⁴, которое было отмечено Марксом в «Немецкой идеологии» по отношению к практической и политической философии гегельянства. Исследование гносеологических оснований философии через их связь с «фактом позитивных наук»¹⁵ есть, следовательно, результат разрыва давнего *единства философии и науки* (единства метафизического или диалектического — как угодно), которое должно было быть обеспечено своевольной властью философии над отдельными науками. Гносеология, а затем Мах и позитивизм все больше способствуют превращению теоретической философии в эпистемологию. С другой стороны, происходит процесс отделения философии от науки (экзистенциализм или философия жизни). Этот двойственный процесс, так сказать, был повторен в 20-е и 30-е годы в размежевании логико-позитивистской «единой науки» и критики гносеологии и позитивных наук Гуссерлем и Хайдеггером.

г) Наконец, «гносеологическая ситуация» в философии — это указание на то обстоятельство, зачастую игнорируемое или ставившееся под сомнение, что та или иная разновидность единства теоретического и практического разума пока что считалась само собой разумеющимся фактом: до Канта — в рационалистической форме (однако критикуемой британскими «сентименталистами»); до кантианской гносеологии — в этической диалектике Гегеля (которой угрожает «моральное обвинение» рабочего класса и «сознание несправедливости», возникающее в процессе развития рабочего движения)¹⁶; до

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 15.

¹⁵ Помимо классического примера критики Кассирером крочеанской недооценки наук, см. из новейших примеров: H. Cohen. Einteilung mit kritischem Nachtrag zur "Geschichte des Materialismus" von F. A. Lange (1896). — In: *Sand kühler und de la Vega* (Hrsg.). Marxismus und Ethik. Frankfurt am Main, 1970.

¹⁶ Ср.: B. Moore. Injustice. The social roots of obedience and revolt. London, 1978. См. также по этой проблеме: A. Honneth. Moralbewußtsein und soziale Klassenherrschaft. — "Levia than", IX, 1981, № 3—4, S. 556 ff.

начала дискуссий о марксистском методе, что является нашей темой, — в виде единой сталинистской и антифашистской¹⁷ «науки обоснования»¹⁸ (которой стала упрощать марксистская критика сталинизма¹⁹ после XX съезда и «оттепели», распространявшаяся среди марксистской интеллигенции, отражая потребность в «культурной открытости»)²⁰.

В «Немецкой идеологии» Маркс характеризовал распад гегелевской школы следующим образом: «Когда в нем угасла последняя искра жизни, различные составные части этого саргит mortuum распались, вступили в новые соединения и образовали новые вещества»²¹. Эти слова можно было бы применить еще раз в отношении той теоретической ситуации, в которой марксизм оказался неожиданно после XX съезда и разрушения 30-летних сталинских оков.

Осторожная, противоречивая, но отражавшая то, что было на самом деле, политическая дискуссия вынудила философов-марксистов признать, что марксизм как единая система (теория исторического материализма, капиталистического развития, борьбы классов, политики и т. д.) был чисто метафизическим творением философии «диалектического материализма». Вместо несокрушимой системы «научного понимания мира» философы-марксисты оказались перед пустотой, перед фальшью и ложью философского «бога». Как отмечал Альтюссер, «конец философского догматизма не означал еще восстановления единства марксистской философии. Окончательно нельзя освободиться от того, что, подобно догматизму, продолжает реально существовать. Конец догматизма означал действительную свободу исследования, но также и нечто вроде лихорадки, охватившей некоторых, кто чересчур поспешно потропился объявить философию идеологическим истолкованием своего ощущения освобождения и своего чувства свободы»²².

Однако эта исследовательская лихорадка, расцветшая на развалинах сталинистской концепции марксизма, не привела к восстановлению беспроblemного единства марксистской теории. Напротив, в отличие от всех иных эпох теоретической (и

¹⁷ См. по этому поводу статьи: Э. Хобсбом. Интеллигенция и антифашизм; М. Черути. Диалектический материализм и партии в 30-е годы. — В: «История марксизма», т. 3, ч. 2.

¹⁸ Ср.: O. Negt. Marxismus als Legitimationswissenschaft. Zur Genese des stalinistischen Philosophie. — In: A. Deborin, N. Bucharin. Kontroversen über dialektischen und mechanischen Materialismus. Frankfurt am Main, 1969, S. 7—19.

¹⁹ Ср.: М. Сальвадори. Марксистская критика сталинизма. В: «История марксизма», т. 3, ч. 2.

²⁰ Ср.: R. Guiducci. Sul disgelo e sull'apertura culturale. In: "Socialismo e verita" Torino, 1956.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 15.

²² L. Althusser. Aujourd'hui, предисловие к: "Pour Marx" Paris, 1965, p. 20 sgg.

политической) истории марксизма постсталинская прежде всего отмечена множеством различных и противоположных «философских тенденций». Начиная с 50-х (в Италии) и 60-х (во Франции) годов даже официальное марксистское рабочее движение в такой степени было разобщено, что само слово «марксизм» оказалось лишенным содержания, даже чисто описательного. Итак, если брешь, пробитая в «closed society» («закрытое общество». — *Ред.*), там, где до той поры речь шла о монолитном коммунистическом рабочем движении, была единодушно воспринята как событие, чреватое политическими возможностями, фактический плюрализм, распространившийся в сфере марксистской философии, был оценен скорее как опасность. Не только коммунистические партии, но и новые философские школы, течения и направления упорно делали вид, будто «марксизм» является единой системой, причем каждая приписывала себе интеллектуальное первенство по отношению к этому систематизированному единству. Общий им всем боевой клич «Вернемся к Марксу!» призывал найти в его текстах основу для нового системного единства, освободить Маркса от искажений сталинской философии, а зачастую просто начать, наконец-то, читать его.

Все же более значимым был не столько сам факт обращения к чтению Маркса в философском плане после долгих лет «смерти марксистской философии», сколько в какой именно проблемной плоскости осуществлялся этот феномен. Объединяющим началом прочтения в 50-х и 60-х годах Марксово критики гегелевской философии государства и права и особенно его же критики политической экономии различными теоретиками, такими, как Гальвано Делла Вольпе, Луи Альтюссер, неомарксисты Западной Германии, является его *метатеоретический характер*. Аргументы Маркса воспринимаются не только (и даже не в первую очередь) с точки зрения содержания, сопоставляемого с эмпирической реальностью капитализма, а «методологически». В первую очередь обращается внимание на вопросы, связанные с Марксовым методом разработки теоретических законов, что ошибочно получило название «позиционной логической ценности» логических абстракций и эмпирической достоверности марксистской теории. И все это постоянно в свете соотносительности с марксистской теорией. Таким образом, речь здесь идет о попытках осмысления марксистской теории (или наукой) «условий своих возможностей» в качестве критической и революционной теории — именно в этом для нас и заключается аналогия с гносеологически проблематичной ситуацией «буржуазной» философии после разложения гегельянства.

Основной причиной, вызвавшей в европейском марксизме потребность внести ясность в эпистемологические вопросы, был фактический плюрализм философских разновидностей

марксизма, что представилось одновременно проявлением как освобождения, так и напряженности (вследствие разрушения или, по крайней мере, релятивизации политических барьеров философских дискуссий в марксизме). То, что этот поиск *ubi consistam* принял по преимуществу гносеолого-эпистемологический облик, объясняется традиционной недостаточностью гносеологической проблематики в марксизме, а также тем, что — используя выражение, обычное для дискуссий 70-х годов, о существовании марксистской «политической теории»²³ — для марксизма периода II и III Интернационала гносеология, то есть рефлексия по поводу условий собственной «научности», была «белым пятном на карте теории». Этот пробел заполнялся теоретическим материализмом Каутского и Плеханова в виде официально принимаемой марксистскими партиями философской концепции мира; такая интерпретация в последующем утвердилась в Коммунистическом Интернационале, особенно в связи с ленинской работой «Материализм и эмпириокритицизм»; а среди социал-демократии после 20-х годов распространялся преимущественно философский агностицизм, соотносительный с вековой битвой между «материализмом» и «идеализмом».

Объяснить наличие такого пробела сравнительно просто, равно как, в сущности, почти не возникает вопросов о причинах его появления. Что же касается причины длительного сохранения этого пробела, то они, напротив, весьма неопределенны и тесно увязаны с политической историей марксизма: корни их — в отсутствии подлинного сопоставления Марксом и Энгельсом своих рассуждений с кантовской критикой познания. Будучи учеником Гегеля, Маркс в значительной мере воспринял все аспекты гегелевской критики Канта. Ни критика Фейербахом гегелевской логики, ни собственная критика гегелевской концепции науки, предпринятая им в рамках методологической рефлексии в подготовительных работах к «Капиталу», не послужили для Маркса поводом к переосмыслению Кантовой теории об условиях возможности научного опыта как вероятной альтернативы спекулятивному идеализму.

Даже сам «материализм» Маркса, начиная с «Немецкой идеологии», был прежде всего (если использовать терминологию Дьюи)²⁴ научной позицией, а не особым учением (*subject matter*). Это, впрочем, следует из его главного постулата — требования, чтобы историческое и социальное исследование опиралось бы не на произвольные и догматические посылки, а на действительных индивидов и материальные

²³ См. работы Л. Альтюссера и Н. Боббио в: AA. VV. *Discutere lo stato*. Bari. 1978.

²⁴ L. Dewey. *Unity of Science as a social problem*. — In: *International Encyclopedia of Unified Science*, vol. I, № 1, p. 29.

условия их жизни, как те, которые они застали уже существующими, так и те, которые порождены их деятельностью: «...предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем»²⁵.

Философская позиция молодого Маркса как раз характеризуется глубоким интересом к философии истории, тесно сочетающимися с критикой гегелевской философии всемирной истории. К ней же вплотную примыкает этико-политическая проблематика условий возможности освобождения (понятая как осуществление философии, тождественной осуществлению свободы) в тесной связи с критикой младогегельянцев²⁶. Эта проблематика так и останется в основе марксистского «материализма» в ходе его последующего научного развития — начиная с коммунистического уравнивания «гуманизма» и «натурализма» в «Экономическо-философских рукописях» 1844 года. Разработка исторического материализма связана с этой этико-политической проблематикой, пока еще идущей от философии истории, возникшей под воздействием таких новых проблем, как политическое отношение к борьбе за освобождение трудящихся классов и критическое отношение к действующей научной дисциплине — классической политической экономии. Отметим попутно, что здесь, в записках, рукописях, подготовительных и напечатанных материалах к «Критике политической экономии», впервые можно обнаружить подлинно эпистемологические размышления, которые через критику подходят к самой сущности гегелевского «понятия» и увязываются с познавательными условиями, пределами достоверности, эмпирической верифицируемостью и т. п. научными законами. Однако специально методологическое осмысление (знаменитые две-три страницы о диалектике²⁷) не было нам оставлено в наследство от Маркса. Над «материалистическим пониманием истории» и над программой научных исследований, развернутых в ходе критики политической экономии, дополняя «Анти-Дюринг» и завершая «научный социализм»²⁸, возвышается философский материализм. Этот факт тесно связан (отвлекаясь от взглядов Маркса по поводу этого философского материализма) с конституирова-

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 18.

²⁶ См. по этому вопросу фундаментальную работу: M. Rossi. Da Hegel a Marx. Milano, 1974.

²⁷ Сравни письмо Маркса Энгельсу от 14 января 1858 года: «Если бы когда-нибудь снова нашлось время для таких работ, я бы с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то рациональное, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 29, с. 212).

²⁸ Ср.: S. Na'aman. Gibt es einen "wissenschaftlichen Sozialismus"? Marx, Engels und das Verhältnis zwischen sozialistischen Intellektuellen und den Lernprozessen der Arbeiterbewegung. Hannover, 1979.

нием марксистского рабочего движения в партию и соответственно с требованием создания «завершенной доктрины».

Как раз вследствие конституирования «научного социализма» в качестве системы — за что Маркс несет несомненную ответственность, хотя он и опирался вполне определенно на гегелевские предпосылки («круг кругов») ²⁹, — здесь на деле не может возникнуть автономное гносеологическое исследование. Это именно так, поскольку здесь мы сталкиваемся с *предпосылкой решения*, с философским постулатом материалистического тождества, согласно которому утверждаются структурное тождество законов природы, общества и мышления, знаменитые «три основных закона диалектики» Энгельса. Ленинская «теория отражения» — постулирующая относительную автономию научного развития в сфере «пролетарского Weltanschauung» (мировоззрения. — *Ред.*) посредством различения «абсолютного» философского понятия материи и относительного приближения к истине в естественных науках — также способна интегрировать гносеологические аспекты в виде подсистемы, зависимой от более сложной теории, единство которой (единство динамичное, но не фальсифицируемое) постоянно обеспечивается «диалектическим материализмом». Философия (материалистическая) вновь появляется здесь в древнем (метафизическом) обличье коротенькой науки.

Поскольку дело обстоит так, как мы только что описали, неудивительно, если проблема конституирования «научности» марксизма всегда возникает в связи с историческими, политическими и теоретическими нарушениями единства диалектического и исторического материализма в самом рабочем движении, или же в ситуациях так называемого «кризиса марксизма», в котором само отношение науки и философии становится проблематичным, ибо разрывается множеством интерпретаций, определяющих это отношение.

Судьба эпистемологической рефлексии и революционной теории в современном марксизме — их разрыв, ибо обе заключены в рамки практической деятельности общественных индивидов. В самом деле, западные философы-коммунисты приходят к выводу — особенно после политического кризиса 1956 года, — что философия диалектического материализма, весьма далекая от подлинного единства «научности» марксизма и его критическо-революционной перспективы («теории и практики»), давно уже стала «*carpi mortui*». «Возврат к Марксу» был, следовательно, еще и поиском иной основы «научности» марксистской теории — иной по отношению к унаследованной коммунистическим движением.

²⁹ Я позволю себе отослать читателя по этому вопросу к моей статье: “Das ‘Sistem des Marxismus’ ist ein Phantom”. — “Kursbuch”, № 48, giugno 1977.

2. Особенности итальянского марксизма

Тезис Альтюссера о «философской смерти» марксизма в годы сталинизма частично требует корректировки, если иметь в виду послевоенный итальянский марксизм. В самом деле, возобновление марксистских исследований в послефашистской Италии с самого начала было отмечено сильным интересом к «философии», направленным на преодоление «ревизионистского» отделения Маркса детерминистско-натуралистического от Маркса гуманистическо-этического³⁰. Кроме того, публикацией «Тюремных тетрадей» Антонио Грамши коммунистическая партия начала культурно-политическое наступление огромного значения³¹. Конечно, в течение длительного времени Тольятти пытался затушевать существенные политические отличия взглядов Грамши от сталинизма, хотя сам он прекрасно осознавал глубочайшую и принципиальную культурную разницу между грамшианской «философией практики» и сталинским марксизмом. Эти отличия послужили той пружиной, которая дала толчок движению коммунистической партии вглубь итальянского общества не только в политико-институциональной области, но и в сфере культурного «присутствия». Этот образ «тольяттизированного Грамши» (Сприано) в русле «национального пути к марксизму»³², зачастую искусственного, он подытоживал в следующих тезисах:

а) восстановление исторической преемственности и национальной оправданности рабочего движения, начиная с традиции демократической критики «незавершенного Рисорджименто»;

б) грамшианский «историзм» как синтез и энциклопедический итог всего прогрессивного в развитии итальянской культуры в сферах литературы, историографии и философии;

в) объединение «интеллектуальных сил как составной части средних слоев итальянского населения, или, точнее, интеллектуальных сил, которые могут стать посредниками меж-

³⁰ Этот вывод см. в: A. Del Noce. Studi intorno alla filosofia di Marx. "Rivista di filosofia", № 37, 1946, p. 223 sgg. Аналогичное направление, хотя их авторы приходят к противоположным выводам, отражено в статьях: P. Rossi. Recenti studi sul marxismo. — "Rivista critica di storia della filosofia", vol. 5, 1950, p. 330 sgg.; N. Matteucci. La cultura italiana e il marxismo dal 1945 al 1951. — "Rivista di filosofia", № 44, 1953, p. 61 sgg.

³¹ О «национально народном» Грамши, например, писал Л. Паджи (L. Paggi. Gramsci e il moderno principe. Roma, 1970, p. XI), определяя его взгляды как «идеологию наиболее подходящую „новой партии“».

³² P. Togliatti. Per una giusta comprensione del pensiero di Antonio Labriola. — In: "La politica culturale". Roma, 1974, p. 307 sgg. В отношении критики этого тезиса о преемственности см.: C. Luporini. Il marxismo e la cultura italiana del Novecento. — In: "Storia d'Italia", vol. V, tomo II: I documenti, Torino, 1973, p. 1585 sgg.

ду партий и рабочим классом, с одной стороны, и средними слоями — с другой»³³.

В соответствии с моделью Тольятти коммунистическая культура освобождала культуру в истории³⁴, релятивизировала теоретические вопросы, сделав их более гибкими, по крайней мере до тех пор пока речь не шла о «выборе политической сферы». Эта форма коммунистической итальянской культуры была приемлема для интеллигентов-коммунистов вплоть до кризиса 1956 года, не требуя существенных уступок от их теоретического сознания.

«Находясь в итальянской партии, мы чувствовали себя в привилегированном положении», — отмечал Лупорини, — «благодаря ее явно большей гибкости и критической или проблемной открытости по сравнению с жесткостью других партий. Это было связано с теоретическим характером ее историзма, который, вообще говоря, делал возможным большую и более скорую историзацию и одновременно проблематизацию непосредственно случающегося, из чего она постоянно исходила. Этим, например, объясняется, почему знаменитое интервью Тольятти журналу «Нуови аргументи» сразу стало широко известно. Какая другая коммунистическая партия могла бы высказать устами своего высшего руководителя проблемное суждение такой глубокой критической направленности? Однако в целом на протяжении положение дел сегодня представляется мне в противоположном свете. Мне кажется, что мы жили тогда (то есть мыслили и действовали) словно в пустоте, в пустоте между двумя ортодоксальными и в конечном счете двумя догматическими теориями: сталинизма и историзма»³⁵.

Таким образом, в вопросе о научной природе марксизма марксизм ИКП в 60-е годы не основывался на твердом фундаменте. Официальная терпимость в рамках партии даже в 50-е годы была большей, чем в любой другой западной коммунистической организации, но это тем не менее не послужило поводом для методологического развития самой марксистской философии. Например, не были рационально оценены попытки эпистемологической интеграции доказательного потенциала марксизма, эмпиризма, топического позитивизма с целью построения «демократической культуры», в основе которой лежит методология позитивных наук (Прети). Эти попытки восходили не только к американскому прагматизму Дьюи и Морриса³⁶, но также и к «неорационализму», кото-

³³ См.: A. Asor Rosa (Речь на конгрессе, организованном журналом «Мулино»). "Il mulino" cfr. XXX, 1981, № 4, p. 533. Более детальную реконструкцию см.: N. Ajello. Intellettuali e Pci. Bari, 1979.

³⁴ Ср.: П. Спруано. Марксизм и историзм Тольятти. — В: «История марксизма», т. 3, ч. 2.

³⁵ C. Luporini. Dialettica e materialismo. Roma, 1974, p. XXXI sgg.

³⁶ Ср. прежде всего: G. Preti. Praxis ed Empirismo. Torino, 1957.

рый, хотя и был критически связан с логическим позитивизмом «Венского кружка», открывал возможность развития различных методологических позиций³⁷. Конечно, этот пробел имел также политические причины, хотя бы потому, что политико-культурный выбор всегда подразумевает где-то устранение: «Факт, что открытость навстречу Спавенте одновременно закрывала дорогу к Каттанео»³⁸. Значительное место, отводимое Тольятти «великой традиции историзма... оставляло в стороне опыт международной демократической культуры в период между двумя войнами»³⁹. Приписываемая интеллигенции роль «носителей идеалов», «мироотворцев» подразумевала в течение долгого времени сильную недооценку научно-технической интеллигенции. Определяющее значение, приписываемое истории в 50-е годы, оборачивалось по существу безразличием к новым тенденциям в социологии и в других общественных науках.

Однако тот факт, что официальный итальянский марксизм «вписнул... теоретическое изменение в историко-прагматическое»⁴⁰, имел также и теоретические основания, непосредственно связанные с «философией практики» Грамши. В «Тюремных тетрадах» нет почти никаких рассуждений гносеологического характера. Простое объяснение состоит в том, что для Грамши философской проблемой было не доказательство «научности» марксизма (для него факт несомненный), а ее воплощение. Проблемой для Грамши было не прогнозирование капиталистического способа производства на основе «законов природы», а, как это прекрасно показал Никола Бадалони, «предсказание» условий возможности революции на Западе, перехода к «регулируемому обществу» в странах развитого капитализма⁴¹. Здесь мы вынуждены опустить анализ тех последствий, которые эта выдвинутая Грамши программа исследований имеет для революционной теории. В данном случае речь идет о прямой противоположности грамшианской «политической науке» (Хобсбом). Грамшианская программа «нравственной и интеллектуальной реформы» содержит в себе по крайней мере один важный аспект для нашей темы: критику понимания науки, которое господствовало в марксизме II Интернационала. Еще будучи молодым, Грамши отвергал объективистские, эволюционистские и позитиви-

³⁷ Z. Geymonat. *Filosofia e filosofia della scienza*. Milano, 1960.

³⁸ *Id.* *Troppo idealismo*. In: „Gli intellettuali di sinistra e la crisi del 1956“, p. 50.

³⁹ R. Rossanda. *Togliatti e gli intellettuali italiani: unità politica e scelte culturali*. — „Rinascita“, № 34, 28 agosto 1965.

⁴⁰ N. Badaloni. *Il marxismo italiano degli anni sessanta*. Roma, 1972, p. 714.

⁴¹ H. Бадалони. Грамши: философия практики как предвидение. — В: «История марксизма», т. III, ч. II; см. его же: „Marxismo di Gramsci“, Torino, 1975, особенно в отношении Грамши—Сорель.

стские черты этого «вульгарного» марксизма; Грамши периода «Тюремных тетрадей» в определенном смысле должен был довести до конца эту свою задачу в критике бухаринского учебника.

Оппозиция позитивистской идее энциклопедического знания (которая, по Грамши, могла привести к фидеизму и к революционной пассивности тех, кто становился предметом подобного «объяснения») наряду с его программой «перестройки всего комплекса философского знания»⁴² исходила из двух довольно различных источников⁴³:

а) пример Ленина, «Революции против „Капитала“»*, а также дискуссий в итальянской партии и в III Интернационале;

б) критика позитивистского понимания позитивных наук, в которой сошлись, начав с различных исходных предпосылок, итальянский неоиdealизм (Кроче и Джентиле), Бергсон и Сорель, а также специфически воспринятый в этой области философии первый американский прагматизм (в частности, Уильям Джеймс).

Оба «источника» грамшанского марксизма одинаково значимы, так как только взятые вместе они объясняют, отчего у Грамши не появилась специфически «гносеокритическая» рефлексия по поводу методологических условий научной объективности марксистской теории и отчего, следовательно, объективность «стремится раствориться в интересубъективности, сплоченная воедино с ней элементами социальной практики»⁴⁴. Благодаря всему этому в его мысли, взятой в отношении к «идеалистическому» моменту сведения познания к сознанию и к «прагматистскому» (философскому) моменту отождествления теории и практики, научные размышления являются, по преимуществу, служат лишь фоном. Более очевидные «идеалистические» акценты, естественно, расставлены в «Ранних произведениях». В них Грамши развивает такую модель культуры, в которой познание концентрируется вокруг проблематики (творческого) самосознания и познание «собственного трансцендентного Я» (Нобалис) становится условием познания другого, внешнего сознания, а обычная деятельность самосознания исполняет обязанности социального действия.

Теоретический контекст антипозитивистской полемики, в

⁴² L. Paggi. La teoria generale del marxismo in Gramsci. „Annali dell'Istituto Gian Giacomo Feltrinelli“, vol. XV, 1973, p. 1321.

⁴³ Кроме уже процитированных работ, см. по этому поводу также статьи: M. Tronti, E. Agazzi. — In: Caracciolo e Scalia (a cura di). La città futura. Saggi sulla figura e il pensiero di A. Gramsci. Milano, 1976; а также очерк: R. Bodei. Gramsci: volontà, egemonia, razionalizzazione. — In: „Istituto Gramsci. Politica e storia in Gramsci“, vol. I. Roma, 1977, p. 61. sgg.

* Имеется в виду одноименная статья Грамши. — *Прим. ред.*

⁴⁴ M. Tronti. Alcune questioni intorno al marxismo di Gramsci. — In: Istituto Gramsci. Studi gramsciani. Roma, 1958, p. 316.

котором создавались «Ранние произведения», вспоминает Эудженио Гарен⁴⁵, — это с самого начала проблематика формирования коллективной воли как решающего звена (по отношению к материальным предпосылкам развитого капитализма) революции на Западе, как основной духовной базы нового Государства. Грамши здесь разрабатывает, в определенном смысле *ante litteram*, теорию «гегемонии», хотя и ограничиваясь до поры развитием «самосознания» класса пролетариев — которое только одно может превратить этот класс в деятеля (для себя), — и формулирует этот аспект пока еще в категориях теории сознания.

Вполне можно перевести «идеалистические» оппозиции молодого Грамши (дух — природа; созидательность — пассивность; упорядоченность — спонтанность; свобода воли — необходимость) в более сложные понятия «Тетрадей», в которые, однако, уже включаются новые исторические и теоретические проблемы: отношения насилия, общественное устройство, организованный капитализм, «пассивная революция». Вследствие этого в них преодолевается его изначальный «идеализм». Один и тот же эмпирический факт, один и тот же социальный контекст может быть описан с точки зрения деятеля и с точки зрения наблюдателя:

«Отношение базис — надстройка, рассмотренное натуралистически, интерпретируется как отношение причина — следствие и приводит к историческому фатализму; рассмотренное же с точки зрения активного субъекта истории, с точки зрения коллективной воли, оно превращается в отношение средство — цель»⁴⁶.

Для Грамши марксистская теория в первую очередь есть «методология революционного действия», «критика отношения субъект — объект» с точки зрения деятельной правомочности коллективного пролетарского субъекта⁴⁷. Отдельные ограничения, которые он допускает в отношении отождествления теории и практики в «так называемые исторически переходные периоды», происходят из неоднородности различных «воль» и «верований», которые объединены в коллективной воле. В пределах этих ограничений революционная теория и практика все же тяготеют к единству, или к тождеству, что напоминает прагматистский тезис, согласно которому значение теории отождествляется с действиями, которые она определяет⁴⁸.

⁴⁵ E. Garin. *Intelletuali italiani del XX Secolo*. Roma, 1974, p. 289 sgg.

⁴⁶ N. Bobbio. *Gramsci e la concezione della società civile*. Milano, 1976, p. 32.

⁴⁷ M. L. Salvadori. *Gramsci e il rapporto tra soggettività e oggettività; ero же: „Gramsci e il problema storico della democrazia“*. Torino, 1973, p. 222. См. также: Paggi. *La teoria generale*, p. 1354.

⁴⁸ Gramsci. *Quaderni del carcere* (a cura di V. Gerratana). Torino, 1975, p. 1780. По поводу дискуссии об отношении Грамши к прагматизму см.: Badaloni. *Gramsci: la filosofia della prassi*, p. 283 sgg.

«Реалистический» характер теории и «определяющие» элементы различных форм практики определяются у Грамши путем обращения к различным теоретическим аспектам исторического материализма, заимствованным из традиции, или модернизированным, или же развитым ею: теория «органического кризиса», теория политических институтов и т. д.

Метатеоретическое (или «философское») осмысление грамшианской «смены парадигмы» в области исторического материализма движется преимущественно в направлении от поиска единства (или тождества) «предвидения» и революции, теории и практики, то есть от расширения формирования коллективной воли (свободы) по отношению к структурам (все еще), не контролируемым чистой систематической (капиталистической) необходимостью. Следовательно, «марксизм» Грамши шире его же «философии практики». Однако именно философия практики является как раз его творением. Именно к этому моменту должен был тяготеть с философской точки зрения послевоенный марксистский историцизм, поскольку он пытался отличить себя от сталинистской ортодоксальности.

В отличие от других образцов того времени грамшианская критика позитивистской интерпретации наук не содержала в себе никакой недооценки позитивных наук и их методов, даже в его ранних работах.

«Экспериментальный метод позитивен, поскольку является методом беспристрастного и незаинтересованного научного исследования. Он же является методом исторического материализма, но от последнего он независим, ибо в собственном смысле слова он присущ только конкретным наукам. Исторический материализм избрал в себя экспериментальный и позитивный метод, применив его к исследованию и к изучению человеческих деяний, социальных феноменов, однако его нельзя отождествлять с этим методом, равно как нельзя отождествлять с философским позитивизмом»⁴⁹.

Грамши относит здесь марксистскую философию к неокантианскому «научному факту», но делает это не в терминах гносеокритических, а в понятиях своей «философии практики», то есть такой философии, которая в какой-то степени определяет развитие науки и ее результаты (теоретические и технологические) на основе освобождающего познавательного интереса к формированию новой «коллективной воли». Несмотря на этот приоритет философии практики, Грамши развивает в «Тюремных тетрадах» некоторые эпистемологические тезисы, звучащие удивительно современно⁵⁰:

критика понятия науки «как чистого объективного поня-

⁴⁹ A. Gramsci. Scritti giovanili. Torino, 1958, p. 328.

⁵⁰ P. Rossi. Antonio Gramsci e la scienza moderna. — In: „Critica marxista“, XIV, 1976, № 2, p. 41—60.

тия»: напротив, наука есть «единство объективного факта с гипотезой или система гипотез, которые «снимают» чисто объективный факт»⁵¹;

критика сведения истории науки к истории технологического развития в грамшианской полемике по поводу бухаринского учебника и речи того же Бухарина «Наука на перепутье» на международном конгрессе истории науки 1931 года⁵²; определяющая роль «интеллектуальных инструментов», теорий, методологий, революций в способах мышления;

понимание экспериментальной науки как одной из принципиальных предпосылок «разложения теологии и метафизики», как «более объективированной и конкретно универсализированной субъективности»⁵³.

Культурное тождество «новой партии» Тольятти и «философии практики» Антонио Грамши образуют два принципиальных условия, влияющих на новейший итальянский марксизм. Однако они не предопределяют, естественно, ответ на вопросы специфически гносеологические или эпистемологические. Напротив, они прежде всего фиксируют некоторые неизменные каноны норм и принципов, подобно тому как в ту эпоху (в период 50-х годов и начала 60-х годов) постулировали почти все коммунистические партии в других странах.

В плане гносеологическом и методологическом итальянский марксизм характеризуется скорее разнообразием и плюрализмом, чем цельностью своих вопросов и ответов. Шкала философских ответов на проблему познания включает в себя динамический трансцендентализм Антонио Банфи, интерпретации Джулио Прети и Энцо Пачи, соответственно в прагматистском и феноменологическом ключе, вплоть до позиций (к ним мы должны будем еще вернуться) философов марксистов: Николо Бадалони, Гальвано Делла Вольте и Чезаре Лунорини. Эта множественность теоретических позиций и является причиной особого богатства и способности к развитию, которые вплоть до сегодняшнего дня обнаруживает итальянский марксизм. Однако наиболее подлинная его черта далеко не чисто теоретическая. Чрезвычайно сильна его связь с тем аспектом, о котором вспомнил Банфи в своей посмертной статье о «Марксизме и философских исследованиях». Дело в том, что «большая часть (чтобы не исказить — все) итальянских философов, которых сегодня можно назвать марксистами, пришли к марксизму преимущественно через политическую и социальную борьбу... Это большинство философов-марксистов, или даже все они, благодаря существенно практической своей ориентации в теоретическом отноше-

⁵¹ Gramsci, op. cit., p. 1458.

⁵² См. также: M. Finocchiaro. Science and praxis in Gramsci's critique of Bucherin. — „Philosophy social criticism“, vol. 6, 1979, № 1, p. 34 sgg.

⁵³ Gramsci, op. cit., p. 1416, 1449.

нии держат курс на различные направления и течения современной философии»⁵⁴.

Именно по этой причине итальянский марксизм с самого начала в своем поиске теоретического единства руководствуется не догматическим *petito principio*, а отчетливо выраженной связью не только с политико-социальной, но также и с философской «средой». Следовательно, особенность итальянского марксизма состоит в выборе такой позиции по отношению к современной философии, которую Банфи отличает как от глобального отрицания «буржуазной философии», так и от построения всеобщих принципов марксизма. Такое построение, утверждает Банфи, мы «находим там, где достигнута социально-политическая победа пролетариата... в особенности в Советском Союзе». По отношению к нему итальянский вариант занимает «критически-резолютивную» позицию.

Современный итальянский марксизм поддерживается в состоянии постоянного равновесия внутренним стержнем грамшианства, обеспечившим ему эту «критически-резолютивную» позицию — независимо от полемического противостояния с очередным теоретическим противником от Кроче до Полпера и до современного нам Лумана. Таким образом, тем обстоятельством, что марксистская философия с самого начала развивалась в рамках вопроса о гегемонии проблемы метода, она обязана влиянию Грамши⁵⁵. Из этого следовали два вывода (если отвлечься от «политизации», которая сегодня преувеличивается в методологических спорах)⁵⁶. С одной стороны, мы встречаемся с обращенным к интеллигенции призывом подвергнуть обсуждению «оторванность» теоретических разработок от сложного социального развития⁵⁷. С другой стороны, для философской дискуссии в узком смысле слова

⁵⁴ A. Banfi. Il marxismo e gli studi filosofici. — „Società“, XVI, 1960, № 3, p. 367 sgg.

⁵⁵ Сравни вклад Ч. Лупорини в: „Studi gramsciani“, так же как: N. Badaloni. Marxismo come stocismo. Milano, 1962, особенно последнюю главу (p. 210 sgg.)

⁵⁶ Эти споры, наиболее известным из которых является памятная дискуссия в «Ринашита» о так называемой «объективности противоречия», отражены теперь в документах: „Marxismo e filosofia in Italia (a cura di F. Cassano)“.

⁵⁷ По этому вопросу см.: «Введение» G. Vacca к: P. Togliatti. I corsivi di Roderigo. Bari, 1974. Это совершенно другой путь, опосредованный не институциональной партией, а прямым участием в деятельности рабочего класса; путь преодоления «отдельности» левой интеллигенции, с успехом предлагаемый Р. Панциери и группой, которую объединяют «Квадери Росси». Это был тот путь, который подразумевал не только новую оценку антагонистических элементов «рабочего знания», но также интерпретацию отношения между неокapиTaлистическим развитием и технологическими инновациями, между «техникой» и «политикой» рабочей борьбы, превосходящая таким образом аналитически многие элементы борьбы рабочего класса, которые играли значительную роль в период «осеннего потепления» и затем в «совещательном синдикате».

более значимым был тот факт, что проблема социальной «тотальности» воспринималась как исходный пункт не только в методологическом плане и что марксистская философия рассматривалась как средство интеграции различных историко-общественных наук. Здесь мы можем провести параллель с политической сферой. В этой сфере «гегемония» означает способность части рабочего движения взять на себя ответственность за решение определяющих социальных проблем, а «исторический блок» — на самом деле нечто большее, чем политика союзов под эгидой пролетариата. Соответственно марксистская философия ставит перед собой задачу интеграции различных познавательных областей историко-общественных наук в комплексном образе капиталистической динамики и предвосхищения ее социалистического «преодоления»⁵⁸. Эта мысль — а отнюдь не попытки осуществить ее — объединяет между собой не только согласных друг с другом философов-марксистов, но даже и в корне расходящихся, таких, как Бадалони и Делла Вольпе. В действительности итальянский марксизм не воплотил на деле это стремление к интеграции всех историко-социальных «механизмов» (стремление, вдохновленное философией, и в то же время научно обоснованное). Сегодня уже само это стремление ставится под сомнение в дискуссиях⁵⁹.

Что же касается диалога с различными направлениями развития отдельных наук, то в этом отношении итальянский марксизм прибегает к своего рода «разделению труда». Вероятно, здесь оказали свое воздействие различные культурные традиции в Италии, благодаря которым, например, можно отделить позитивистско-рационалистическую и чисто пропрессиетскую тенденцию «нордического духа» от «этико-политической» в духе Гегеля, присущей интеллигенции Центральной и Южной Италии⁶⁰. В рамках этого разделения труда монолитный «грамшнанский» марксизм «большинства» вступает в диалог прежде всего с историко-герменевтическими науками и пропрессиетским наследием гуманистическо-идеалистической «великой философии». Именно о ней шла речь, когда говорилось о необходимости очистить ее от шелухи неондеалистических интерпретаций крочеанского и джентилианского образца. Различные направления марксизма «меньшинства» сопоставляются с аналитико-конструктивистскими научными теориями, с современными эпистемологическими и логико-формальными течениями, с программами и методами исследования американской социологии или с неокапиталистическими технологическими построениями. Конеч-

⁵⁸ Ср.: *Badaloni. Marxismo come storicismo*.

⁵⁹ Ср.: *„Crisi della ragione“*.

⁶⁰ См. полемические выводы во многих статьях, включенных в: *„Gli intellettuali di sinistra“*.

но, это различие утвердилось с немалой осторожностью. Даже сегодня взгляд ex-post на дискуссии последних 25 лет в итальянском марксизме, несомненно, приводит к выводу об относительности упомянутой противоположности между марксизмом «большинства» и «меньшинства», между «историчистской» и «рационалистической» установками, между «национально-народной» и «рабочей» тенденциями и т. д. Дело в том, что разнообразная тематика, разработанная в 50-е и 60-е годы в теориях «меньшинства», со временем стала «естественным» компонентом всего комплекса марксистских дискуссий. Именно в отношении грамшианского (или «историчистского») направления в итальянском марксизме может быть сказано (не вопреки, а благодаря осознанию им значения преемственности), что он обладает высокой «степенью приспособления» к новым теоретико-политическим образованиям. Мыслить в русле исторической традиции (от Вико до Лабриолы) — означает косвенно усиливать способность к осознанию исторического (а следовательно, ограниченного) характера собственного теоретизирования, к постоянному обогащению оснований собственной интерпретации марксизма (особенно марксизма Грамши и Лабриолы) новым опытом и новыми доказательствами.

Все это со всей очевидностью проявится прежде всего на различных этапах трактовки Грамши, которые будут отличать итальянский марксизм после 50-х годов. За «национально-народным» Грамши первого послевоенного периода, которого левые социалисты после кризиса 1956 года противопоставляли «фабрично-заводскому» Грамши периода «Ордине nuovo», следует Грамши-«ленинец»⁶¹ (здесь очевидна связь с критической позицией коммунистов по отношению к левоцентристским правительствам), когда ИКП всячески подчеркивала свое классовое единство и способность принять участие в управлении страной. «Новые левые» 60-х годов в противовес этому Грамши-партийному, Грамши «нового государства» выдвинули Грамши рабочих советов. Как известно, 70-е годы стали для ИКП годами усиленной разработки новых социальных импульсов, вызванных «жаркой осенью» 1968 г., студенческим движением и появлением многообразных субъектов общественного действия. Как раз в эти годы — годы «исторического компромисса» и «социализации политики» — появляется новое прочтение Грамши, как это видно из критического издания «Тюремных тетрадей». Новое прочтение увязывает воедино осознание противоречивой дифференциации в «гражданском обществе» со стремлением к «органической» перестройке на основе политического примата единства демократии и гегемонии, «парламентаризации» и «рацио-

⁶¹ См. очерк П. Тольятти в: „Studi gramsciani“.

нализации». В конечном счете этот проект терпит провал (по причинам, которые здесь не могут быть описаны), а «органические», синтетические элементы грамшианского «предвидения» процесса социалистического переустройства общества, все еще облеченные в «гегельянскую» форму, подвергаются решительной релятивизации. В грамшианском анализе «пассивной революции», технологических и политических изменений во взаимоотношении между массами и государством, сделанном в 30-е годы, обнаруживаются почти «веберовские» качества. Перспектива (никогда не исключаемая Грамши) объединения «профессионализма и политики» в меньшей мере препятствует их усвоению, чем перспектива, содержащаяся в грамшианском анализе практической дифференциации в центробежной диалектике рационализации...

Таким образом, развитие современного итальянского марксизма в теоретическом плане демонстрирует характерные черты «обновления в преемственности». В стратегическом плане это способность к интегрированию нового с традиционным, что проявляется в политическом развитии самой влиятельной итальянской рабочей партии — ИКП⁶². Оценки такой «динамической преемственности» по сути своей и по значимости совершенно различны в зависимости от точки зрения. Несомненно, однако, то, что эта дифференциация и (ре)интеграция не подчиняются гипотетико-дедуктивной логике или диалектике⁶³. Так, например, они не охватываются схемой Карла Поппера, предписывающей любой единичный эмпирической фальсификации или любой логической непоследовательности отказ от всего комплекса теоретических гипотез, замену их новыми смелыми предположениями. Конечно, как раз эти «ригористичные» элементы попперовской эпистемологии подверглись обсуждению в послепопперовских дискуссиях, ибо неуклонное следование этой модели делало невозможным какое бы то ни было исследование. То самое обстоятельство, что большинство итальянских марксистов более 30 лет придерживались грамшианской «проблематики гегемонии» как «неизменного ядра» (Лакатос) собственной философской программы и общественной теории, могло бы быть скорее предпосылкой, чем помехой способности итальянского марксизма к обновлению. Это тем более верно, если учитывать не только теоретический, но также политический и социально-интергративный аспект марксистской теории в Италии. В этом отношении стоит привести пример предпринятой ИКП в конце 70-х годов попытки перевести стратегический аспект «гегемонии» (у Грамши до конца остававшийся ленинским) в политическое

⁶² См. статьи: „Sul compromesso storico“. — „Laboratorio politico“, 1982, № 2—3.

⁶³ См.: К. Р. Popper. Conjectures and refutations.

единство современной рабочей партии. В этой перспективе прагматическая проблема «консенсуса» в парламентской специфика — функциональное измерение, не утрачивая своих социально-экономической «договоренности» между различными «субъектами плюрализма» классовая борьба приобретает новое институциональное измерение, не утрачивая своих социально-экономических оснований. ИКП часто обсуждает, усваивает и легитимизирует эту новую тематику, однако посредством устаревших концентуализаций. По этой причине Массимо Л. Сальвадори обвинил коммунистическую культуру в теоретическом приспособленчестве, упрекая ее за значительную долю «католической мудрости»⁶⁴. Если обратимся к известному анализу понятия «гегемония», то эта критика, несомненно, попадает в цель. Если же учитывать «способность понимания» социального или политического организма, то неуклонное сохранение «неизменного ядра» традиционного базисного контекста политического и теоретического единства может описываться как *conditio sine qua non* (непременное условие. — *Ред.*) получения новой «парадигмы» в сфере теории и политики. В терминах теории систем мы сможем утверждать, что неизменное ядро единства «системы» служит условием ее способности приспособления к изменяющимся условиям «окружающей среды», так же как и условием ее «преобразовательной работы» в этой самой «окружающей среде».

Эта сложная картина (довольно необычная для западно-европейского марксизма) выявляет трудности изолированной интерпретации гносеологического аспекта итальянского марксизма. Здесь мы ограничимся тем, что на основе размышлений некоторых философов-марксистов 50—60-х годов опишем теоретические упражнения итальянского марксизма в ту эпоху, когда в других странах марксистская философия или была «мертва» (Альтюссер) или оказывалась узницей академической «башни из слоновой кости». В сложном комплексе итальянского марксизма такой философ, как Никола Бадалони, несомненно, является представителем аспекта преемственности. Это не означает, что его философские вопросы и ответы всегда остаются неизменными на фоне изменений эмпирического горизонта итальянского рабочего движения и методологической дискуссии в марксистской философии. Напротив, было бы неправильно видеть в работах Бадалони периода написания им книги «За коммунизм» (1972) или в его (во многих отношениях новаторской) интерпретации «Марксизма Грамши» (1975) только лишь продолжение статей и полемики 50-х годов, содержащихся в книге «Марксизм как историзм» (1962). Последовательность Бадалони в области марк-

⁶⁴ M. L. Salvadori. Gramsci e il Pci due concezioni dell' egemonia. — In: „Eurocomunismo e socialismo sovietico". Torino, 1978.

систской философии состоит в том, что он, подобно лишь немногим итальянским марксистам, оставался верным грамшианскому призыву к единству марксистской мысли: к единству этическому и политическому, единству анализа и предвидения, возможностей развития производительных сил и политической инициативы. И все это — в контексте очень разных философских дискуссий: от «анти-Кроче» до «критики разума». В 50-е годы Бадалони в тесном контакте с такими философами, как Боббио, Пачи, Аббаньяно, Прети, стремятся герменевтически достичь искомого единства марксистской теории перед лицом прагматистского, экзистенциалистского или философско-аналитического скептицизма по отношению к философии марксистской истории, не впадая в проблематику философии истории. Основная проблема книги «Марксизм как историзм» — это ответ на грамшианскую проблематику взаимоотношения между свободой и необходимостью в историческом процессе на основе единой «современной» логики марксистской теории. Таким образом преодолевалась альтернатива между экономическим детерминизмом необходимости и кроччанской «религиозной свободы». Если в кроччанской философии «абсолютного историзма» свобода в процессе истории одновременно была имманентна и (на этом настаивала грамшианская критика) трансцендентна («проблема — это история, вечное решение»), то для Бадалони было важно в рамках всей «тотальности» условий исторической необходимости выявить возможность распространения и осуществления человеческой свободы. Для этого необходимо было обосновать такое понятие «свободы», которое не было бы трансцендентным, подобно идеалистическому понятию, по отношению к реальным историческим возможностям действия и условиям их познания и которое можно было бы подвергнуть испытанию и эмпирической проверке. Теоретические инструменты, с помощью которых Бадалони ищет способ разрешения узловой проблемы «свобода — необходимость», были подвергнуты критике в марксистской дискуссии той эпохи. Речь идет об «определении им «законов-тенденций»⁶⁵ и его трактовке «объективных противоречий», которые привели к известной дискуссии 1962 года на «страницах журнала «Риннацита»⁶⁶. Для истории марксизма нам представляется более

⁶⁵ Ср.: A. De Palme, S. Meliga. Alternative nel marxismo e italiano. «Rivista di filosofia», 1963, № 54, p. 446–471. См. также реплику Бадалони в «Rivista di filosofia», 1964, № 55, p. 303–317.

⁶⁶ В «Marxismo come storicismo» характер «противоречия» продолжает оставаться довольно неясным, так как автор балансирует между двумя пониманиями «противоречия»: объективно-онтологическим, когда Бадалони говорит о «марксизме как реальном отражении всей тотальности противоречий» (p. 173) и, в противоположном смысле, «социальном противоречии» — например, там, где он непосредственно связывает («Rivista di filosofia», № 55, p. 313) противоречие с антагонизмом борьбы рабочего

важным по сравнению с возвращением к этому спору⁶⁷ подчеркивание того обстоятельства, что стремление к унификации методологических инструментов, предназначенных для анализа современного положения капитализма, образует лейтмотив исследований Бадалони и в 70-х годах, равно как чрезвычайно интересного прочтения им Марксовых рукописей в 1962—1963 годах⁶⁸.

Отказ от принятия на основе марксистской философии различия, которое проводит аналитическая философия между бытием и должным, между описательно-аналитической наукой и предписывающе-нормативной ориентацией, приводит Бадалони в лагерь философов-марксистов гегельянского толка. Не случайно гносеологически значимые места находятся у него там, где Бадалони воспроизводит дискуссии о Гегеле. Это происходит на фоне нового марксистского прочтения Гегеля в 70-е годы⁶⁹: Бадалони увязывает телеологию (само)сознания гегелевской «Феноменологии духа» и философскую интерпретацию современными естественными науками гегелевской «Логики» с марксистской схемой «гуманизации природы», что наблюдается в отношении капиталистического производства, в результате «самодвижения» капитала в сторону увеличения его производительности. В книге «За коммунизм»⁷⁰ Бадалони трактует гегелевское «самодвижение» духа как процесс автономизации, который только на основе замены отношений личной власти абстрактным обменом может положить начало той комбинации науки и телеологии, которая образует жизнь гегелевского «понятия» и которая в

класса, утверждая, что «существует рабочая практика, которая поддерживает ощущение претягивания как противоречия». В первом случае «противоречие» преодолевает формальную логику (см.: „Marxismo come storicismo“, p. 18); во втором случае (то есть в том, когда речь идет о «социальных противоречиях или противоречиях сознаний», как непоследовательных убеждениях, противоречивых индивидуальных желаниях, или «противоречиях в целях» групповых действий или результатов социального действия, которые вступают в противоречие с намерениями действующих лиц) нарушение принципа непротиворечия не означает отказа от него, а скорее обеспечивает логические средства для разрешения «социальных противоречий». Или же, как сказано в фундаментальной работе, недавно написанной на эту тему, это означает, что «„реальные противоречия“ в этом случае тесно связаны... с (социальными) процессами преобразования: частично оттого, что сами они являются разновидностью этого преобразования, частично оттого, что они вызывают движение преобразования в направлении согласованности. (J. Elster, *Logik und Gesellschaft. Widersprüche und mögliche Welten*, Frankfurt am Main, 1981, 116 sgg. См. также: 215 sgg.)

⁶⁷ Ср.: L. Colletti, *Tramonto dell'ideologia*, Bari, 1980; ср. также: N. Badaloni, *Sulla contraddizione*. — „Rinascita“, 1980, № 50.

⁶⁸ N. Badaloni, *Dialettica del Capitale*, Roma, 1980.

⁶⁹ См. особенно: B. D. Giovanni, *Hegel e il tempo storico della società borghese*, Bari, 1970.

⁷⁰ Ср. „Teleologia ed idea del conoscere nella logica di Hegel“. — In: „Per il comunismo“. Torino, 1972.

перспективе при коммунизме будет подчинена контролю ассоциированных производителей⁷¹.

Теоретическое развитие Чезаре Лупорини (первого, который в 50-е годы приступил к «материалистическому прочтению» немецкого идеализма⁷²), напротив, в значительно большей мере отмечено критическим подходом и новшествами. Его имеющая важное значение «эпистемологическая брешь» — это столкновение в 60-е годы со структурализмом, привнесенным Альтюссером в марксистские дискуссии⁷³. Пробив эту «брешь», Лупорини подходит к концепции исторического материализма с двух теоретических позиций, которые в данной статье могут быть лишь названы, но не обсуждены⁷⁴. С одной стороны, речь идет о материалистическом определении естественных условий существования общественного зоополитикона* через использование Лупорини антропологического исследования; с другой стороны, о методологическом направлении «анализа форм» социального бытия при помощи систематического «синхронно-генетического» метода. Лупорини пытается его реконструировать, читая Маркса «симптоматически» и нащупывая аргументы против гегелевских концептуализаций, используя, например, «Капитал» как теоретическую «модель». Эта процедура соответствует также лупоринанскому прочтению Марксова анализа отношения между политикой и экономикой при капиталистическом способе производства⁷⁵, когда он избегает в значительной мере смещения плана «толкования» и плана «реальности», равно как историцистского отождествления «формальной генетики» с «исторической генетикой».

Непосредственно гносеологические рассуждения встречаются прежде всего у тех философов, которые, так сказать, «импортируют» в свою концепцию марксизма гносеологиче-

⁷¹ Двигаясь в направлении прямо противоположном тому, которым идет Хабермас (ср. § 4 данного очерка). Бадалони стремится не столько концептуализировать «диалектику морали» и «диалектику производства» в соответствии с двумя различными логиками действия, сколько объединить их в марксистском понятии труда.

⁷² C. Luporini. *Filosofi vecchi e nuovi*. Roma, 1981.

⁷³ См., например, его «Предисловие» к итальянскому изданию работы Альтюссера (*Althusser. Per Marx*. Roma, 1967, p. VII—XXVI). Естественно, значение Лупорини для марксистской дискуссии не ограничено его антидогматической «открытостью» по отношению к структурализму. Однако поскольку наше внимание сконцентрировано здесь на 50-х годах и производстве Лупорини 60-х годов здесь не представлены в отличие от работ Бадалони, тематическое расширение его первоначального подхода отражено нами здесь схематично, как новые этапы развития Лупорини как марксиста.

⁷⁴ Ср. особенно очерки в: „Dialectica e materialismo“. Roma, 1974, p. 156—294.

* Политическое животное -- данное Аристотелем определение человека. — *Прим. ред.*

⁷⁵ Ср.: C. Luporini. *Critica della politica e critica dell' economia politica in Marx*. — „Critica marxista“, XVI, 1978, № 1, p. 17—50.

скую позицию, разработанную до своего контакта с марксистской теорией. Здесь речь пойдет прежде всего об Антонио Банфи и о Гальвано Делла Вольпе.

Концепция гносеологической диалектики Банфи, в сущности, восходит к предпринятой еще в 20-е годы⁷⁶ попытке преодолеть эпистемологическую противоположность рационализма и эмпиризма с помощью несколько динамизировавшего развития неокантовского трансцендентализма (Марбургской школы) и гуссерлианской феноменологии. Познавательный процесс для Банфи представляет собой сочетание, комбинацию (никогда до конца не реализуемую) двух необходимых элементов: интуитивного и рационального моментов⁷⁷. В интуитивном обобщении экспериментальных данных налицо «непосредственная связь между субъектом и конкретным объектом», а при рациональном способе формирования гипотез и понятий эта непосредственность преобразуется в непосредственность относительную, или — как звучит это в одной из банфианских формулировок, вдохновленных Кассирером, — функциональную. В отличие от движения, которое в гегелевской логике категорий — но также и в некоторых тенденциях марбургского неокантизма — принимает направление всеобщего растворения наук в логике чистых понятий или в математизации формирования законов, для Банфи напряжение между интуитивным и рациональным восполняет этот пробел. Это напряжение образует условие динамики научного прогресса как открытой структуры. «Жизнь понятия», как он ее называет, диалектика теоретического поиска, не представляет собой преодоления антиномии субъекта-объекта в «объективной» или «имманентной» логике духа⁷⁸. Скорее она есть движение бесконечного процесса расширения опыта. В этом процессе, однако, все же появляется опасность (в кантовском смысле «самообмана» разума) «догматического принятия концентуального», которое не осознает своего функционального характера и конституируется в качестве метафизики. В своей книге «Коперниканский человек» Банфи схематически описывает историю современного познания как освобождение научного развития от пут метафизики, как рождение «сочлененной дифференцированности и... динамичности мира знания, полного неисчерпаемого живого опыта, которым мы познаем, а также диалектичности отношений между разумом и опытом и их разнообразия во всех сферах и всех направлениях»⁷⁹. В научной культуре, направленной

⁷⁶ A. Banfi. *Principi di una teoria della ragione* (1926). Roma, 1967.

⁷⁷ ID. *La contemporaneità di Hegel*. — „Studi filosofici“, III, 1942, № 1, 2, p. 14 sgg; особенно: „L'uomo copernicano“, Milano, 1965, p. 271 sgg.

⁷⁸ Ср.: G. Preti. *Questioni hegeliane*. — „Studi filosofici“, III, 1942, № 1—2, p. 57 sgg.

⁷⁹ Ср.: Banfi. *L'uomo copernicano*, p. 273.

против догматического использования разума⁸⁰, его критическое употребление превращается в «диалектический реализм... интуицию жизненности действительного»⁸¹. Именно эта связь между научной культурой, понятой в этом смысле, и перспективой практической эмансипации социалистического движения воплощает для Банфи «универсальность»⁸² марксизма. Таким образом, перед нами такая концепция марксизма, которая радикально исключает свою завершенность в «системе», подразумевая, напротив, в своей трактовке разума его радикальную ориентацию на социальные условия собственной возможности.

В отношении Делла Вольпе также можно сказать, что его «марксистское обращение», произошедшее в 1943—1944 годах, — это результат его философского развития. Речь идет о последовательно достигнутом результате философского развития, которое уже в его книге «Критика логических принципов» (1942) привело его к «неокритицистической» гносеологии⁸³. Впрочем, эту теорию познания мы находим в неизменном виде также и в главном произведении марксиста Делла Вольпе, в его книге «Логика как позитивная наука» (1950), поскольку выражение «логика» у Гальвано Делла Вольпе означает не формальную («или диалектическую») логику, а скорее то, что у Поппера называется «логикой исследования», а у Дьюи — «логикой поиска». Логика Делла Вольпе есть логика познания, гносеология, всеобщая методология (эмпирических) наук, попытка их философского обоснования, а также попытка (в области марксизма, трактуемого как «галлицизм» нравственного мира) их обоснованного описания. В этих рамках гносеологическая позиция Делла Вольпе есть *prins*, «условие возможности» последовательной методологии наук.

Именно в этом пункте Делла Вольпе (во введении к «Критике логических принципов») порывает с «левым актуализмом» джентилланской школы. В отношении «кризиса идеализма» он говорит, что этот кризис системы самой по себе, а не «в» системе. «Истина самосознания» является для него «фундаментальной догмой» гегелевского идеализма. Уже в первых своих произведениях Делла Вольпе в «интерпретированном характере истины» усмотрел *trait d'union* (связь) между спекулятивной мистикой и современным идеализмом. Критика этого обстоятельства уже содержит в себе в зародыше гносеологическое приближение Делла Вольпе к Марксу.

⁸⁰ Ibid., p. 254 sgg.

⁸¹ Ibid., p. 278.

⁸² A. Banfi. Sull' universalità del marxismo. „Società“, XIII, 1957, p. 623—638.

⁸³ M. Rossi. Galvano della Volpe: dalla gnosologia critica alla logica storica. — „Critica marxista“, IV, 1968, № 4—5.

Генеалогию критической модели Делла Вольпе можно представить себе довольно точно: от Аристотелевой критики до платоновского *diairesis*, от Галилея до Шрайнера — вплоть до Марксовой критики, согласно которой «важно то, что Гегель всюду делает идею субъектом, а действительного субъекта в собственном смысле... превращает в предикат»⁸⁴. Сущность его доказательства состоит в следующем: Аристотель, Галилей и Маркс критикуют как «негативный, замкнутый круг» (спекулятивное) отношение, которое имеется у Гегеля и у Платона между разумом и эмпирией и которое у Делла Вольпе называется единым принципом познания, определяющим позитивность множественного. В марксистском смысле этот замкнутый круг не способен «выразить в понятиях специфическую логику специфического объекта», благодаря тому, что он не вступает в подлинный (то есть методологически контролируемый) контакт с разумом и эмпирией, а является скорее «заменой спекуляции на эмпирию» и «эмпирии на спекуляцию». Другими словами, процедура носит круговой характер, так как приводит к чисто аллегорическому употреблению эмпирии для пояснения или же эманации истины, уже фиксированной в логической аутореференциальной структуре «понятия»⁸⁵.

Итак, «материалистическая» контринстанция по отношению к идентифицирующей функции разума — это эмпирия. Или же, говоря то же самое в терминах Делла Вольпе: «позитивность множественного», где «позитивность» для Делла Вольпе означает всегда также отсутствие противоречия, ибо фактические данные не могут противоречить друг другу⁸⁶. Теория познания Делла Вольпе, таким образом, представляется попыткой выявить *функциональную* дополнительную унифицирующую функцию разума и позитивности эмпирического множественного. Это не что иное, как явное повторение кантовского проекта неспекулятивного синтеза «рационализма» и «эмпиризма». Это — продолжение работы Канта, уточняющее кантовскую *разнородность* двух «стволов» познания (чувственность и разум) как возможную основу критики апориизма в самой «Критике чистого разума».

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, с. 228.

⁸⁵ Ключевое понятие самоопределения основных положений и структур для понимания гегелевской «Науки логики» (особенно понимания отрицания отрицания) находится в центре последнего исследования Дитера Хенриха. См. особенно работу: Dieter Heinrich, Hegel im Kontext. Frankfurt am Main, 1971.

⁸⁶ Этот аргумент успешно использует прежде всего Лючо Коллетти против «диалектического материализма». По поводу обширной дискуссии о «проблематике противоречия» у Делла Вольпе, которая включает в себя его очерки по диалектике 1964 и 1965 годов, отсылаю ко второй главе превосходной работы: J. Fraser, An Introduction to the Thought of Galvano Della Volpe. London, 1977.

Дав, таким образом, философское неметафизическое (не «идеалистическое» и не «материалистическое») определение экспериментального познания, можно перейти к определению методологии самих экспериментальных наук, прежде всего марксистской теории капитализма. Именно эту методологию пытается Делла Вольпе выделить из Марксова «Введения» 1857 года (см.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 46, ч. I), которое он прочитывает как методологический и «рабочий» перевод гносеологической «революции», совершенный Марксом в «Критике гегелевской философии права». Решение проблемы, каким образом эмпирическая природа индукции в сфере множественного действует эффективно наряду с дедуктивной достоверностью вывода «абстрактных» законов, со всей очевидностью сформулировано, согласно Делла Вольпе, в Марксовой критике «неопределенной» природы понятия «труда *sans phrase*» в классической политической экономии:

«Этот пример с трудом убедительно показывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляя собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах»⁸⁷.

Тот факт, что Маркс соотносит познавательную ценность «абстрактной категории»⁸⁸ с историко-социальными условиями, интерпретируется Делла Вольпе как демаркационный принцип для различения научных и ненаучных «абстракций» в сфере моральных и общественных наук. Определенные абстракции — это те, в которых элементы исторической эмпирии «принимают единое, всеобщее значение, утрачивают свой убогий частный, чисто аналитический, историко-хронологический смысл, не теряя при этом своей определенности или значимой аналитичности благодаря своей историчности или исторической необходимости».

Подобные «определенные абстракции» могут стать следовательским ситом в незамкнутом «кругу» теории и эм-

⁸⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 46, ч. I, с. 42.

⁸⁸ Точнее говоря, речь здесь идет не о «категориях», а о гипотетических законах: это относится как к случаю Смитовой «категории» «объективированного труда» (меры стоимости), так и к Марксову тезису, согласно которому «каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому точно так же определяют место и влияние всех остальных отношений» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 46, ч. I, с. 43). Характер исторической определенности может быть обозначен через «идеальные предпосылки» условий, предшествующих законам, формулируемым при помощи этих «категорий». Это явно выражено у Маркса: большая историческая определенность основных положений законов делает возможной для Маркса более высокую степень обобщения его теории.

пирии: «круговое движение конкретного или реального к абстрактному или идеальному, и наоборот». Однако материалистическая методология Делла Вольпе остается незавершенной оттого, что характер этого «круга», его эпистемологического статуса, никогда не получает у него четкого рисунка. Это тем более верно, что, как показал Джон Фрэзер, Делла Вольпе сам дает этому «кругу» две разные трактовки. Начнем, к примеру, с предположения о том, что познание структурировано не только интеллектом и что эмпирия, следовательно, является независимым источником информации, что следует из кантовской предпосылки о том, что «вне изначальной связи с возможным опытом... связь понятий с каким бы то ни было объектом абсолютно не может быть понята»⁸⁹.

В этом случае необходимо еще определить, каким образом конкретно происходит «функциональное» взаимодействие теории и эмпирии, эмпирическая коррекция научного разума. Один только пример, сам по себе значительный. Разумеется, Поппера нельзя обвинить в том, что он недооценивает гносеологическое значение эмпирической очевидности. И все же у Поппера контакт эмпирии и теории происходит не в сфере эмпирии, а в сфере языка. Формулировка в чисто лингвистических терминах «круга» конкретного и абстрактного — это как раз то, чего Делла Вольпе хотел избежать в книге «Руссо и Маркс» и в первом издании своей «Логики». Переформулировка «круга», которую находим во втором издании «Логики» (1956), с точки зрения терминологической резко приближается к гипотетико-дедуктивной модели. Как показывает запоздалое желание Делла Вольпе сменить заголовок книги «Логика как историческая наука» на «Логика как позитивная наука», методологический характер «круга» между эмпирией и разумом до самого конца продолжал колебаться между альтернативами, четко сформулированными Фрэзером: «Конкретное абстрактное---конкретное, понятое как историческое понятие, является завершенным кругом материи, или опыта, и разума; понятое как гипотетический метод, который даст начало законам, это — круг открытый»⁹⁰.

3. Франция: поиск марксистской эпистемологии

Новейшая история французского марксизма дает несколько парадоксальных ответов, касающихся взаимоотношения марксизма и теории познания. Всюду, где появляется термин «теория познания» (например, выступление Ж.-П. Сартра во время памятной дискуссии с Вилье и Гароди в

⁸⁹ *I. Kant. Kritik der reinen Vernunft. A 104.*

⁹⁰ См.: *Fraser. An Introduction*, p. 91.

парижском зале «Мютюалите» в декабре 1961 года), вновь возникает проблема кантианской практической философии. Проблема, которую Сартр стремится прояснить «критически и гносеологически»⁹¹, — это вопрос об «умопостигаемости» человеческой истории, причем поставленный в понятиях, в которых годом раньше он обсуждал его в «Критике диалектического разума»⁹². Сартр интересовался не столько проблемой познаваемости социальной целостности, сколько причинами возникновения (и, следовательно, «прозрачностью») «тотализации» человеческих действий. Это и есть «диалектика» для Сартра. То, из чего он исходит, состоит в следующем: «Диалектический закон — это тотализация общества в нас и нас самих в социальном движении. Короче, диалектика — это не что иное, как практика. Поскольку же она — все существующее (в той степени, в какой она самовоспроизводится и самосохраняется), то ее можно определить и как *логику действия*»⁹³. Существенной заслугой «теоретической практики» Альтюссера и его учеников будет достижение результативного контакта марксистской философии с проблемой природы научного познания. Однако на первый взгляд этот контакт лишен какого бы то ни было «гносеологического» смысла⁹⁴.

Нас могут спросить, отчего только в 60-е годы во Франции произошло соприкосновение марксизма и теоретической философии. Помимо всеобщих закономерностей «смерти философий» в период сталинизма существуют особые причины для «непреодолимого и основательного отсутствия подлинной теоретической культуры» в истории французского рабочего движения, на которые с сожалением указывал Альтюссер⁹⁵. Эти основания заключены в специфическом антиинтеллектуализме французского коммунизма, из которого происходило «двусмысленное» и потому «необнаруживаемое»⁹⁶ положение марксистской теории во Франции, ее постоянное шатание между академической философией и позицией противобольшевизма (А. Крижель) коммунистической партии.

Что касается взаимоотношений ФКП с интеллигенцией, то характерная для них постоянная черта — глубочайший анти-

⁹¹ J.-P. Sartre. *Marxisme et existentialisme. Controverse sur la dialectique* par Jean-Paul Sartre, Roger Garaudy, Jean Hyppolite, Jean-Pierre Vigier, Jean Orgel. Paris, 1962.

⁹² ID. *Critique de la raison dialectique (précédé de Question de méthode). Theorie des ensembles pratiques*. Paris, 1960.

⁹³ ID. *Marxisme et existentialisme*.

⁹⁴ См.: Althusser, Balibar. *Lire le „Capital“*, I cit., p. 63, 67.

⁹⁵ Althusser. *Pour Marx*, p. 13.

⁹⁶ «Бесподобный марксизм» (David Lindenbergh. *Il marxismo introvabile*) — заголовок очерка Давида Линденберга, изданного во Франции в 1975 году.

интеллектуализм, проистекающий из единства этой партии⁹⁷. В самом деле, существует довольно прямая связь между обвинением Эльзой Триоле «философа» Сартра⁹⁸ в антикоммунизме и обвинением, брошенным Марше в 1978 году критикам разрушения союза левых сил в том, что они — интеллектуалы, не вылезавшие из-за своих письменных столов. Если говорить схематично, то постоянство этой черты можно объяснить тем, что в сфере теоретической культуры французское коммунистическое движение унаследовало скорее недостатки, чем достоинства анархо-синдикализма, реформистского социализма и большевизма: эволюционизм, экономический детерминизм, антиинтеллектуализм и пролетарский классовый характер⁹⁹.

С точки зрения культурной политики или «союзов» все это как следствие привело к тому, что в качестве пролетарской и большевистской «contre-communauté» («противо-общности») ¹⁰⁰ ФКП абстрактно «противопоставляет французскому республиканскому социализму совершенно отличную от него «иную» (пролетарскую) идеологию. Буржуазная республиканская и пролетарская идеология непримиримо стоят друг против друга на крайних полюсах... Как показывает история партии, это резкое противопоставление стало утрачивать свою не знающую исключений жесткость только ввиду сближения национальных интересов Франции и Советского Союза» ¹⁰¹.

Как известно, с политической точки зрения преодоление французским коммунизмом узкого горизонта пролетарской идеологии и интересов Советского Союза было результатом национального единства в годы Народного фронта, а после освобождения, в «золотой век» ¹⁰² взаимоотношений интеллигенции и ФКП, явилось следствием «национального единства» 1944—1947 годов. Поле действий коммунистов в сфере культуры также было отмечено национальными особенностями: область, в пределах которой французский коммунизм был готов вступить в диалог с другими философскими тече-

⁹⁷ Об этой проблеме см., например: *D. Caute. Le communisme et les intellectuels français 1914—1966.* Paris, 1967; *B. Schock. Marxismus in Frankreich seit 1945.* Frankfurt am Main — New York, 1980. Ср. также поучительное исследование: *A. Kriegel. Les communistes français. Essai d'ethnographie politique.* Paris, 1970.

⁹⁸ Об этом сообщает Симона де Бовуар в: «La forza delle cose». Torino, 1966.

⁹⁹ *P. Rosenovallon, P. Viveret. Pour une nouvelle culture politique.* Paris, 1977, p. 47, 54.

¹⁰⁰ См.: *R. Tiersky. Le mouvement communiste en France (1920—1972).* Paris, 1973.

¹⁰¹ *Schock. Marxismus*, p. 133.

¹⁰² См.: *J. Fauvet, A. Duhamel. Histoire du Parti Communiste Français.* Paris, 1977, где на странице 500 сказано: «Золотой век длился вплоть до 1947 года».

ниями, была ограничена французским «рационализмом» того времени, или материализмом энциклопедистов и мыслителей картезианской ориентации. Особую роль здесь играли не столько общественные (за исключением Дюркгейма), сколько естественные науки. Этими двойственными истоками (материалистически-рационалистическими и сталинскими) объясняется также *Hegellosigkeit* (отсутствие Гегеля) во французском марксизме, на что совсем недавно сетовала Кристина Бюси-Глюксман¹⁰³. Такой марксизм ФКП, политически связанный с Советским Союзом, а теоретически — с естественнонаучным материализмом, в культурном смысле был не в состоянии выжить в условиях «холодной войны». Единственным исключением был, может быть, социолог и философ, коммунист Анри Лефевр, опубликовавший в 30-е годы первые переводы «Экономическо-философских рукописей» Маркса и «Философских тетрадей» Ленина. Он оказался единственным французским коммунистом, сумевшим в 50-е годы создать серьезные философские труды¹⁰⁴.

Между тем общая картина французской философии претерпела изменения: открытие Маркса-младогегельянца, Маркса феноменологического и экзистенциалистского, включалось в теоретический контекст, для которого был характерен пробудившийся интерес к Гуссерлю, Хайдеггеру и к самому Гегелю, внимание к которому привлек еще в 30-е годы Кожев¹⁰⁵. Благодаря этому Маркс обрел гражданские права в «высокой» французской культуре, и было покончено со специфической формой исключения марксизма из «французской идеологии», которая принимала «„академический марксизм“, прогрессивную ветвь философских историй, материал для разработки новых метафизических концепций жизни и конкретности», но отвергала «„вульгарный марксизм“, тоталитарную идеологию, порожденную волюнтаризмом советского государства, жуткое оружие партийного догматизма»¹⁰⁶.

Философский марксизм «ангажированных», избравший ле-

¹⁰³ См.: *C. Buci-Glucksmann. Philosophie et politique. Lénine, Hegel et l'histoire du mouvement ouvrier français. — "Dialectiques", novembre 1973, № 3, особенно* p. 63—71.

¹⁰⁴ Например: «*Le marxisme*». Paris, 1948; «*Problèmes actuels du marxisme*». Paris, 1958. Лефевр был исключен из ФКП за «ревизионизм» в конце 50-х годов.

¹⁰⁵ См. лекции Кожева (опубликованные издательством «Галлимар» под ред. Р. Кено): *Introduction à la lecture de Hegel. Leçons sur la phénoménologie de l'esprit professées, de 1933 à 1939 à l'École des Hautes Études; M. Merleau-Ponty. Sens et non-sens. Paris, 1948; V. Descombes. Le même et l'autre. Paris, 1979.* Этот последний том — блестящая история современной французской философии, в которой описывается развитие «философских поколений»: от «поколения *«трех Н»*, как говорили после 1945 года, к поколению трех «Учителей сомнения», как говорили в 1960 году, — Маркс, Ницше и Фрейд.

¹⁰⁶ *Lindenberg. Il marxismo in trovabile, p. 6—7.*

вые политические позиции интеллигентов, напротив, с самого начала представлял собой поиск «конкретной философии», в корне порвав со всей довоенной философской традицией социологического позитивизма Дюркгейма и неокантианского рационализма Брюнсвика, что было отказом от (исключительно) теоретической философии. Поскольку гносеология рационализма брюнсвикианского образца была идеалистической¹⁰⁷, то «конкретная философия» должна была искать истину бытия не в познаваемом бытии, а в «смысле», порожденном человеческой практикой, спонтанно возникающем, по словам Мерло-Понти, на пересечении действий, посредством которых человек упорядочивает свои отношения с природой и с другими людьми¹⁰⁸.

От «Введения к прочтению Гегеля» Кожева до «Критики диалектического разума» Сартра прослеживается эта укорененность вопроса об истине в понятии практики — или негативности — как свободы, выступая красной нитью философии истории, в которой «умопостигаемость» (Сартр) истории является результатом порождения ею своего смысла. Поэтому в «Введении к прочтению Гегеля» Кожева философия истории является философией практики, понятой как созидание¹⁰⁹; для Сартра же экзистенциализм — это гуманизм. Эти замечания, возможно, помогут объяснить, отчего гносеокритическая рефлексия по поводу марксистской теории не могла иметь своим источником ни «попутчиков» ФКП, ни тем более коммунистов-интеллектуалов. «Марксизм философов» (в доброжелательной интерпретации) означает нравственную философию; в интерпретации критической он означает философию истории (разумеется, свободы, а не необходимости), но ни в каком случае он не означает критики познания или эпистемологии. Он совершенно не выдвигает проблемы воздействия на «вульгарный марксизм»¹¹⁰.

Ввиду такой сложной политико-культурной структуры французского марксизма произведения Альтюссера являются цезурой и «философией „нет”»¹¹¹ в двойном смысле: «1) Это — проект, выдвинутый не только с целью глубокого преобразования «французской идеологии», подобно тому, которое совершили Маркс и Энгельс в отношении «немецкой идеологии», но и ради реформы, или даже скорее ради создания заново, массового марксизма, который был бы лишен отталкивающих черт стерильного «вульгарного марксизма».

¹⁰⁷ См.: *Descombes*. Le même, p. 28.

¹⁰⁸ *M. Merleau-Ponty*. *Eloge de la philosophie*. Paris, 1953.

¹⁰⁹ *Kojève*. Introduction, p. 183.

¹¹⁰ Об отношении «философов» к коммунистической партии см. горькие размышления: *A. Gorz*. *Le Traître*. Paris, 1977.

¹¹¹ Так выглядит заголовок одной из наиболее важных работ Гастона Башляра: «*La philosophie du non* (1940)». Paris, 1973.

По сути, Альтюссер хотел стать Лютером французского марксизма: 2) На сей раз речь шла уже не о включении философии исторического материализма в какой-либо культурный синтез, а о том, чтобы освободить для нее командное место, показав ее созвучие новейшим открытиям эпистемологии и гуманитарных наук: всё — марксизм, нет ничего, кроме марксизма»¹¹².

Согласно Альтюссеру и его последователям, условия подобного двойственного наступления были определены почти исключительно политической необходимостью. Сам Альтюссер на первый план выдвигает прежде всего кризис мирового коммунистического движения, последовавший после XX съезда КПСС; последователи Альтюссера, напротив, подчеркивают растерянность французских коммунистов по отношению к позиции, занятой партией в период алжирского кризиса¹¹³. Что касается нашего мнения, то мы скорее подчеркнем «познавательные результаты» произведений Альтюссера, начиная с теоретических предпосылок предлагаемой им реформы марксизма. Эти предпосылки состоят в «структуралистской» перестройке гуманитарных наук во Франции в 60-е годы и в антиидеалистическом и антиэмпирицистском «неорационализме» исторической эпистемологии Башляра. Обе эти предпосылки, как увидим, являются не внешними условиями альтюссерянского марксизма, а его функциональными элементами, внутренне присущими его проблематике, его «задаче преобразования» марксистской теории.

Подобно Фуко, Деррида или Лакану, Альтюссер отказывается определить собственную программу исследований как «структуралистскую интерпретацию Маркса». Эта позиция, общая всем философам-структуралистам¹¹⁴, все же не служит сама по себе убедительным доказательством и не становится им благодаря «политизированной» самокритике Альтюссера (примат борьбы классов и т. п.), в которой структурализм превращается в чистую и простую идеологию¹¹⁵. Более существенно то возражение, что не существует структурализма вообще (но равным образом не существует и марксизма вообще, а лишь только марксисты и отдельные разновидности марксизма). Винсент Декомб в своей истории французской философии указал на три различных значения структурализма: 1) метод структурного анализа в качестве такового предшествует французской феноменологии; 2) семиология, в противовес феноменологии выдвигающая наиболее подходящую концепцию значения (зависимость субъективно конституи-

¹¹² *Lindenberg. Il marxismo introvabile*, p. 8.

¹¹³ См.: *J. Rancière. La leçon d'Althusser*. Paris, 1974. См. также: *Ph. Gavi. J.-P. Sartre, P. Victor. On a raison de se révolter*. Paris, 1974, p. 147 sgg.

¹¹⁴ См.: *F. Wahl. Qu'est-ce le structuralisme?* Paris, 1968.

¹¹⁵ *L. Althusser. Eléments d'autocritique*. Paris, 1974, p. 55—64.

руемого смысла от лингвистической логики значений); 3) философская ориентация, в действительности совпадающая с подлинным поворотом в философии¹¹⁶. В первом своем значении техника структуралистского анализа уже стала составной частью методологии дюркгеймовской школы, которая в 40-е и 50-е годы возродилась во Франции благодаря экзистенциализму и феноменологии, а в 60-е годы была вновь импортирована с помощью американской социологии. Второе значение имеет в виду изменение парадигмы в сфере гуманитарных наук, которое на основе структурной лингвистики (Якобсон) и антропологии-этнологии (Леви-Стросс) должно было привести к перестройке «интеллектуального поля» (Бурдьё) французской научной культуры.

Итак, в чем же состоит эта перестройка теоретического поля, которая лишает экзистенциалистский «субъект» и феноменологическое исследование «смысла» гуманитарных наук? «Примат знака», используемый в лингвистике, в структурной антропологии и в психоанализе школы Фрейда¹¹⁷, как следствие, вел к отходу в этих научных дисциплинах от эссенциалистского типа научного объяснения, которое Мишель Фуко считал присущим глубокой структуре эпистемы XIX века¹¹⁸. В ней дескриптивное пространство номенклатуры феноменов и экспликативное пространство организации феноменов не совпадают, а пересекаются. В месте пересечения двух «пространств» находится знак, показывающий, что «означает» в сущности функция¹¹⁹. Согласно этой эпистеме, этой «простой» модели познания, результат научного анализа — не что иное, как проявление вовне подлинной сущности анализируемого «реального объекта», путем освобождения его от всего несущественного с помощью абстрагирования, подобно тому, как делал это Микеланджело со своими статуями¹²⁰. Для структуралистов эта модель не в состоянии более соответствовать научному прогрессу, когда познание

¹¹⁶ Descombes, *Le même*, p. 98.

¹¹⁷ См.: L. Althusser, *Freud et Lacan*. — “La nouvelle critique”, décembre 1964 — gennaio 1965, № 161—162. См. также: Wahl, *Qu'est-ce le structuralisme?* p. 326, где «примат знака» определяется как такая цезура, которая «запускает априори движение науки таким образом, что делает законным следующее утверждение: здесь начинается новая эпистема».

¹¹⁸ M. Foucault, *Les mots et les choses*, Paris, 1968. Это произведение Фуко выходит одновременно с работами Альтюссера и его учеников о «Капитале». В «Lire le Capital» Альтюссер также описывает эту эпистему как «эмпирическую» концепцию познания (Гегель) и как «однородное пространство» проблематики классической политической экономики (Рикардо), с которой Маркс свел счеты, совершив «коперниканский переворот». Отличие Альтюссера от Фуко состоит в разных оценках марксизма и его роли в мысли XIX века.

¹¹⁹ См.: Foucault, *Les mots et les choses*; см.: Althusser, *Leggere il Capitale*, p. 39.

¹²⁰ Ibid., p. 42.

рассматривается не как «освобождение», «проявление вовне», а скорее как «конструирование» на основе материалов, которые в свою очередь не являются «заранее данными», а воссоздаются путем «деконструирования» всей видимой сферы. В этой перестройке гуманитарных наук ведущими в парадигматическом смысле слова являются конструктивистско-формальные дисциплины: математика Бурбаки, лингвистика Соссюра, информатика и т. д.¹²¹

Эти формальные науки перестраивают объективные концепции гуманитарных наук, таких, как теория бессознательного (Лакан), теория культуры (Леви-Стросс), «континент истории» (Альтюссер), выделяя их теоретическую «*materia prima*»¹²². Однако тот самый факт, что фундаментальные теоретические понятия (Альтюссер сказал бы: идеологические) гуманитарных наук утрачивают свое традиционное единство в субъективистско-субстанциалистской философии истории, подтверждает, что изменяется сам теоретический объект этих наук. Или же, как поворят структуралисты, что эти науки впервые воспроизводят свой объект, «когнитивный объект». «Преобразовательная работа», которую выполняет структуралистская эпистема в гуманитарных науках, ведется, следовательно, в трех направлениях:

антисубстанциалистское:

«Невозможно говорить о структуре единичного объекта, например о тексте, или об учреждении. То, что структурировано, не является самой вещью... но лишь целокупностью, которая в этой вещи находит свое воплощение и которая сочетается с иными целокупностями. По этой причине структурализм переходит от структуры к модели: она перестраивает или перевоссоздает данное, которое подвергается анализу»¹²³;

антиэссенциалистское:

«Однако в случае структурализма... речь идет совершенно о

¹²¹ В отношении сравнения теории множеств и теории модели в математике см.: A. Badiou (математик близкий к Альтюссеру). *Le concept de modèle. Introduction à une épistémologie matérialiste des mathématiques*. Paris, 1969; см. также: B. Hindess. *Materialist Mathematics*. — "Theoretical practice", autunno 1971, № 3—4, p. 82 sgg.

¹²² В альтюссернианской терминологии (см.: "Sulla dialettica materialista". — In: "Per Marx", 139 sgg.) понятия и гипотезы гуманитарных наук образуют сырье della "Generalità I", которые при посредстве «преобразования» «структуралистской эпистемы» образуют новую систему значений и связей "Generalità II". Вторая "Generalità", пока что неопределенно названная «структуралистской эпистемой», в процессе производства знания последовательно деконструируется Альтюссером, согласно марксистской терминологии, в две ипостаси: «исторического материализма» (наука) и «диалектического материализма» (теория или философия). La "coupure", которую должен произвести альтюссернианский «труд преобразования» марксизма, таким образом, совпадает с тремя направлениями «атаки», которые только что были описаны.

¹²³ Descombes. *Le même*, p. 104.

другом. Структурализм не ищет органичного местопребывания «смысла за пределами распространения знаков, а изучает функционирование семиологической системы вблизи; то, что он обнаруживает, не глубоко, скорее, напротив, поверхностно, и за пределами этого имеется порядок, но на сегодняшний день порядок без внутреннего»¹²⁴;

антитеологическое (Альтюссер скажет: антиисторицистское):

«С этой точки зрения нам представляется, что Сартр сохранил лишь половину доктрины, возникшей в результате сочетания Фрейда с Марксом. Они учили, что человек имеет смысл тогда, когда он полагается с позиции смысла: здесь мы соглашаемся с Сартром. Однако необходимо добавить, что этот смысл не есть в точности тот же самый: надстройки являются «счастливы» ошибочными социальными образованиями. Следовательно, бессмысленно задавать вопрос о наиболее верном смысле исторического сознания»¹²⁵.

Эта «структуралистская революция» во Франции 60-х годов воплощалась во множестве самых различных вариантов. Кто называл ее «последним оплотом, который все еще может создать буржуазия против Маркса»¹²⁶; кто определял ее как «решительное социологическое размежевание между капитализмом кризиса и капитализмом организованным» в теории¹²⁷; кто, наконец, как окончательное освобождение наук от гуманизма, выдвигающего проблемы, «которые не может решить»¹²⁸. Однако независимо от возможных оценок несомненно то, что эта революция оказала глубочайшее влияние на научную практику — оттого, что в перестройке гуманитарных наук она провозгласила то изменение фигуры интеллектуала, которое 20 лет спустя Фуко назовет прощанием с «универсальным интеллектуалом»¹²⁹; оттого, что она изменила отношение философии к наукам вплоть до отсутствия в этом новом теоретическом поле привычной роли «гуманистической» философии или «философии истории». Роль (марксистской) философии — как бы ее ни понимать — должна, следовательно, всегда состоять в том, чтобы управлять произвольными утверждениями конкретных наук¹³⁰.

Теоретическая преобразовательная деятельность, вызванная «структуралистской революцией» в сфере французских

¹²⁴ Wahl. Qu'est-ce le structuralisme? p. 372.

¹²⁵ C. Lévi-Strauss. La pensée sauvage. Paris, 1962.

¹²⁶ J.-P. Sartre. Interview (di B. Pingaud). — "L'Arc", 1966, № 30.

¹²⁷ L. Goldmann. Sciences humaines et philosophie. Paris, 1966, p. 522.

¹²⁸ M. Foucault. Interview (di M. Chapsal). — "La quinzaine littéraire", 1966, № 5.

¹²⁹ ID. Intervista (di A. Fontana). — In: "La microfisica del potere". Torino, 1977.

¹³⁰ См.: L. Althusser. Philosophie et sciences humaines. — "Revue de l'enseignement philosophique", juin—juillet 1963, № 5, p. 1—12.

гуманитарных наук¹³¹, — это тот горизонт, в который вписывается альтюссерянская попытка переосмысления «теоретической революции» Маркса в истории науки. В отличие от «попутчиков» ФКП Альтюссер в начале 60-х годов пытается остаться коммунистом в теоретическом смысле. И воюет при этом на двух фронтах: как против дидактико-законодательного здания сталинистского «диамата», так и против уже упомянутых философских течений «*marxisme savant*» («ученого марксизма»). Эта борьба на два фронта, несомненно, роднит его с итальянскими коммунистами, такими, как Делла Вольпе и Лупорини. Но он отличается от них своими стратегиями и теоретическими подходами, избранными им в ходе его исследований в качестве твердого фундамента обоснования «научности» марксизма. Они же отличают его также и от философов французской «структуралистской эпистемы»¹³².

Структуралистская революция в гуманитарных науках и марксистское обоснование науки истории (исторический материализм) для Альтюссера имеют общую черту: они все еще не выработали никакого понятия собственной «теоретической практики». По этой причине «структуралистская» интерпретация Марксова «Капитала» неизбежно ведет к «небрежности»: это мы наблюдали, к примеру, у Фуко, не способного отличить теорию Маркса от классической политической экономии. И если марксистская философия постоянно впадает в «уклоны» (как порой утверждает Альтюссер, невольно используя сталинистскую терминологию) то в сторону экономизма, то в сторону историзма, то это происходит благодаря тому, что эта философия в «Капитале» Маркса еще не появилась: «Несмотря на возникающее впечатление, а также вопреки нашим ожиданиям, методологические рассуждения Маркса в «Капитале» не приводят к развитому понятию предмета марксистской философии, тем более — к

¹³¹ См. в работе «За Маркса» очерки «„Философские манифесты“ Фейербаха» и «Марксизм и гуманизм». Критика Альтюссером гегелевского понятия тотальности как «экспрессивной тотальности» направлена против кожевской интерпретации Гегеля и против «тотализации» Сартра и вообще против философских интерпретаций марксизма как теории реализации «человеческой сущности». См. по этому поводу: A. Levine. Althusser's marxism. — "Economy and Society", X. August 1981, № 3, p. 243—283.

¹³² Тот, факт, что я акцентирую внимание преимущественно на раннем Альтюссере, объясняется тем, что эпистемологическая проблематика в собственном смысле слова, характеризующая Альтюссера-«теоретика», проявляется в сущности в этот период, о чем написано в последующих его работах и в «самокритичных» выступлениях. Я согласен с Катлем и Гейном A. Cutler and M. Gane. On the Question of philosophy for a Theory of theoretical practice. — "Theoretical practice", gennaio, 1973, № 7—8) в том, что «новая роль философии», которую обосновывал Альтюссер в работе «Ленин и философия», соответствует скорее «внешним» вопросам (политическим), чем «внутренним» (теоретическим).

ее развернутому понятию»¹³³. И все-таки «Капитал» Маркса существует, существует сам факт марксистской научной революции. На основе этого факта научной революции (не понимая его при этом) марксистская философия традиционно строила «философию практики», «философию истории», не разрешая задачи осмысления подлинной Марксовской философии: «Это так, ибо сегодня мы можем лишь оплакивать ту «диалектику», в которой Маркс не нуждался, которой он лишил нас, хотя и осознавал, что мы имеем ее и знаем, где она находится: в теоретических произведениях Маркса, в «Капитале» и т. п.; да, мы находим ее там — в практическом смысле, несомненно фундаментальном, но тем не менее не в смысле теоретическом!»¹³⁴

Ранее Макс Адлер выдвинул тезис о том, что гносеологическая «*vérité en marche*» уже заключена в научной методологии Марксова «Капитала», хотя до сих пор еще отсутствует ключ к ее расшифровке. Аналогично обстоит дело с вопросом о том, откуда берет начало альтюссеррианский поиск (утраченной или вечно не обнаруживаемой) философии в марксизме: сам факт науки (новый континент истории) произведен от философской революции, которая у Маркса существует только в «практическом смысле». Однако эта аналогия несет в себе и важные отличительные особенности: прежде всего совершенно другим становится понятие эпистемологии, или философии, которое образуется путем соотношения с «фактом науки». В лице Адлера мы имеем дело с неокантианской эпистемологией, соотносительной с конструктивистской (а не психологической) концепцией «сознания»; у Альтюссера, напротив, понятие «философского научного духа» немыслимо вне контекста «исторической эпистемологии» его учителя Гастона Башляра¹³⁵, который преодолел или

¹³³ *Althusser* Leggere il Capitale, p. 80.

¹³⁴ *Id.* Sulla dialettica materialista. — In: «Per Marx», p. 153.

¹³⁵ То обстоятельство, что в 1948 году Альтюссер защищал свою диссертацию («*La notion de contenu dans la philosophie de Hegel*») о Башляре, естественно, не доказывает еще нашего тезиса, согласно которому эпистемологическая аргументация Альтюссера воспроизводится в рассуждениях Башляра. Однако (косвенное) доказательство этой гипотезы состоит в том, что, отойдя от эпистемологических занятий, Альтюссер фактически ликвидировал как «отраженно-спекулятивную» ошибку, как идеологическое противопоставление истинного и истинного центрального место «*conçue épistémologique*», того понятия, которым он «обязал» Башляра. Совершенно иной вопрос — «спинозизм» первых произведений Альтюссера, на котором я не буду останавливаться, поскольку эта проблематика носит отпечаток (анти-) философии истории и (анти-) телеологии, а не эпистемологических размышлений. Опосредованный Спинозой подход к Марксу служил прежде всего критике субъекта как «центральной категории воображаемой иллюзии». По этой причине пантеизм Спинозы представляется Альтюссеру более близким материализму, нежели атеистическая реализация теологии в кожевской интерпретации Гегеля.

(как он сам утверждал) «открыл» неокантианство в своих работах по истории естественных наук ¹³⁶.

В своих произведениях, посвященных истории физических и химических наук, Башляр доказывал абсурдность классического гносеологического противопоставления эмпиризма и рационализма: объекты современной физики микромира представляют собой конструкции научного разума, чистые продукты экспериментального упорядочивания материального мира. Если критерием научной философии должен стать процесс реального познания в науках ¹³⁷, то тогда должны быть отброшены все классические философские оппозиции: рационализм/эмпиризм, априори/апостериори, субъект/объект, идея/материя и т. п.

Отказ от оппозиции априори/апостериори и т. п. не означает перехода на дуалистическую позицию, так как «в соответствии с нашими убеждениями из двух метафизических направлений одно должно иметь преимущество при рассмотрении; а именно и в особенности то, которое от рационализма приходит к опыту» ¹³⁸. Это движение «*rationalisme appliqué*» («прикладного рационализма») означает его открытость по отношению к «диалектике» «действительных наук» в качестве постоянной преобразовательной деятельности как в сфере теоретических гипотез, так и в отношении экспериментальных классификаций. Примат рационализма в научной диалектике означает здесь только лишь то, что научное исследование не может исходить из «фактов», «данных» эмпирии, так как воспринятые «внетеоретическим» способом подобные «данности» просто-напросто не существуют. Выбор «веера» данных предопределяется теоретической «парадигмой» (Т. С. Кун) и, следовательно, не является внетеоретическим наблюдением. Тем не менее примат рационализма не означает признания неизменных законов разума под прикрытием эмпирической фальсификации ¹³⁹. Диалектика «*esprit scientifique*» („научного духа“) представляет собой междисциплинарный диалог двух взаимодополняющих друг

¹³⁶ См.: *Bachelard. La philosophie du non*, p. 25. Целостную интерпретацию эпистемологии Башляра см.: *H. Brühmann. "Der Begriff des Hundes bellt nicht". Das Object der Geschichte der Wissenschaften bei Bachelard und Althusser.* Wiesbaden, 1980; D. Lecourt. *L'épistémologie historique de Gaston Bachelard.* Paris, 1972; *ID. Pour une critique de l'épistémologie.* Paris, 1972; *E. Balibar. From Bachelard to Althusser: The Concept of "epistemological break". — "Economy and Society", VII, August 1978, № 3, p. 207-237.* Последние две работы представляют собой типичное выражение наиболее современных «ревизионистских» интерпретаций Башляра школой Альтюссера после «самокритики» последнего.

¹³⁷ По этому вопросу см.: *G. Bachelard. Le matérialisme rationnel.* Paris, 1953; см. также: *R. Martin. Hommage à G. Bachelard.* Paris, 1957.

¹³⁸ *Bachelard. La philosophie du non*, p. 20.

¹³⁹ *ID. L'activité rationaliste de la physique contemporaine*, Paris, 1951.

друга сторон научной практики: рациональной формулировки новых гипотез и их «*répétément technique*», технического применения в экспериментах. Речь идет о диалоге, так как эксперименты представляют собой материализацию теоретических предпосылок и не дают, к примеру, никакого «результата познания», независимого от предшествующей математической формулировки. Эта диалектика «*matérialisme rationnel*» («рационального материализма»), следовательно, отличается от теории отражения «*диамата*»: она «полностью агностична по отношению к традиционному онтологическому противопоставлению материализма и идеализма»¹⁴⁰. Это — диалектика в пределах научной практики.

Итак, история наук не может быть понята на основе позитивистской модели и ее кумулятивного и эволюционистского понятия научного прогресса, так как ее материальная практика сама по себе есть результат и «проекция» теоретического воображения. Научное познание появляется не из «*connaissance commune*» («обыденного сознания»), а, наоборот, путем разрыва с ним. Новые научные дисциплины или новые познавательные «регионы» в уже существующих науках возникают на основе разрыва с предшествующими стилями мышления, представляют собой продукт «научных революций» (Кун)¹⁴¹. Таким образом преодолеваются эпистемологические затруднения предшествующих форм мышления и исследования и устанавливается новый исходный рубеж организации знания¹⁴². Науки развиваются не только кумулятивно и эволюционно, но также и дискретно. Это означает, что история наук не может быть хронологией или простым перечнем событий. Она должна быть историей проблем, «рационализированных» научных революций, но историей только «региональной», соотносимой с теоретическим полем тех или иных научных дисциплин.

Структуралистское наступление в сфере гуманитарных наук и историческая эпистемология Бахляра служат составными частями альтюссерянской реформы марксизма. Итак, мы видим, что эти составные части согласованно взаимодействуют друг с другом в рамках проблематики Альтюссера¹⁴³. Вернемся теперь к проблеме осмысления природы марксистской теоретической революции.

¹⁴⁰ *Lévine. Althusser's marxism*, p. 254 sgg.

¹⁴¹ В отличие от Куна Бахляр, как и Альтюссер, не признает (ввиду психоаналитического аспекта своей позиции) никакого идилического периода «нормальной науки»: даже *puzzle solving* остается *net* для обычного опыта.

¹⁴² См.: *M. Pecheux, M. Fichant. Sur l'histoire des sciences*. Paris, 1969.

¹⁴³ Наш подход к мысли Альтюссера одинаков по сути с позицией, выраженной в главе XIII, посвященной Альтюссеру, том VII: *S. Tagliagambe*. — In: «*Storia del pensiero filosofico e scientifico di L. Geymonat*»,

Первый шаг к решению это «деконструирование». Марксистская теоретическая революция не проста и включает в себя два способа человеческого познания: науку и философию. Альтюссер (который «имеет сильную закалку идеолога, подвергающего обсуждению окружающий его политический и интеллектуальный упадок»¹⁴⁴) выбирает для обоих ортодоксальные наименования: исторический материализм (наука) и диалектический материализм (философия).

Второй шаг — реконструирование. Каково же содержание двойственной революции Маркса? Оно соответствует двум упомянутым составным частям альтюссерянской реформы этой революции: с одной стороны, антисубстанциалистская, антисущностная, антителеологическая цезура, которую задолго до структуралистов Маркс использовал в науках исторических и общественных; с другой стороны, эта эпистемологическая цезура как таковая никогда не была осмыслена в истории марксизма, поскольку теоретическая революция Маркса до сих пор еще не завершена. После Маркса философия не считается с научной революцией (за исключением Ленина и Мао Цзэдуна), понав под влиянием «буржуазной идеологии»: экономизм, морализирующий идеализм.

Третий, решительный шаг к решению — реформа философии. Здесь может быть определен подход, который, по мнению Альтюссера, является решающим для успеха марксистской теоретической революции. Завершение этой революции зависит от возможности (или невозможности) «дать науке ту философию, которую она заслуживает» (Бахляр). Хотя для обозначения этого обновления философии Альтюссер употребляет традиционное название — диалектический материализм, последний имеет мало общего с классическим вариантом философии марксизма, как сталинистского, так и антисталинистского образца. Однако оригинальность альтюссерянской программы исследований еще не служит гарантией ее успеха. В чем же особенность философии или, как называет ее Альтюссер, марксистской реконструированной теории?¹⁴⁵

Марксистская философия, подобно Бахляровой эпистемологии, конституируется по отношению к естественным наукам с помощью марксистской науки. Будучи «дисциплиной, в рамках которой можно максимально выявить научность этой науки»¹⁴⁶, она является метатеорией исторического ма-

¹⁴⁴ E. Hobsbawm. The structure of Capital. In: "Revolutionaries" London, 1973.

¹⁴⁵ Althusser. Sulla dialettica materialista. — In: "Per Marx", p. 170 sgg.

¹⁴⁶ См. также: A. Badiou. Le (Re) Commencement du matérialisme dialectique. "Critique", maggio 1967, № 240. Речь здесь идет о более последовательном плане альтюссерянской программы эпистемологических исследований.

териализма и играет, так сказать, роль теории познания: «Все эти проблемы группируются в названной области, в классической философии, в теории познания. Однако предмет диалектического материализма — нечто совсем иное, чем «теория познания». С одной стороны, новая теория не может быть чем-то большим, чем классическая теория познания, теория формальных, вневременных условий познания... Новая теория не может быть теорией истории производства знаний, или теорией действительных условий (материальных и социальных, внутренне присущих научной практике) процесса этого производства. С другой стороны, новая теория полностью изменяет традиционную проблему теории познания, так как выдвигает вопрос о критериях познания, ставит проблему выявления механизма производства знаний как таковых»¹⁴⁷.

Несмотря на иную терминологию, проект Альтюссера не менее претенциозен, чем классическая теория познания. В случае успеха подобная «теория эффективности познания» обеспечила бы, по замечанию Ж. Валя, «ничуть не меньше, чем переход от эпистемы (организация знака) к эпистемологии (критерии правильного доказательства)»¹⁴⁸. Однако успех этой программы крайне сомнителен. (и не только оттого, что сам Альтюссер оставил эту дорогу в процессе последовавшей самокритики). Среди многочисленных направлений исследований в области теории научного познания он отказался как раз от самого перспективного: от того, которое было нацелено на конструктивистскую эпистемологию¹⁴⁹.

Альтюссер (наряду с Делла Вольпе и Лупорини) обнаруживает движение в этом направлении во «Введении» Маркса 1857 года. Цикл производства знания, преобразовательная деятельность (*Généralité II*), изменяющая интерпретирующие модели, теории и гипотезы (*Généralité I*), предсуществующие в научных понятиях, моделях и законах (*Généralité III*), полностью заключен в мышлении. Таким образом, науке нечего делать с «реальностью», «данными», «эмпирией», она имеет дело с «объектами познания». Какова же природа этих объектов познания? Альтюссер не может, подобно Бахляру, обратиться к процедурам, используемым в естественных науках, где эмпирия и интеллект всегда объединены связью, выводимой из теоретической парадигмы. Не может он и вернуться к «ратифицированной» истории марксистского поиска. «Внутренняя суть критерия практики по отношению к рассматриваемой научной практике» продолжает лежать в основе формирования научных понятий и гипотез. Альтюссер

¹⁴⁷ L. Althusser, *Matérialisme historique et matérialisme dialectique*. — “Cahiers marxistes—léninistes”, avril 1966, № 11, p. 104.

¹⁴⁸ Wahl, Qu'est—ce le structuralisme? p. 397.

¹⁴⁹ S. Tagliagambe. — In: “Storia del pensiero filosofico e scientifico”, p. 419 sgg.

говорит об «игре отдельных форм, обеспечивающих наличие научности в производстве знания», и ставит акцент на «контексте обоснования» научных теорий, который не выводится из «контекста открытия»: «подобные формы отличаются от тех, в которых создается знание как результат в ходе истории познания»¹⁵⁰.

Таким образом, формы познания должны обеспечивать не внешнюю связь с «действительным объектом» (*adaequatio intellectus ad rem*), а внутреннюю согласованность доказательства. Эти формы предстают почти как условия научного познания, в котором истина каждого отдельного понятия или закона не верифицируется эмпирически *ad hoc*, а зависит от согласованности целостной системы доказательств («теоретической проблематики»). Аспект, о котором Альтюссер многозначительно умалчивает, состоит в том, что подобная система должна была бы содержать в себе условия своего эмпирического контроля.

«Результат познания, полученный на уровне упорядоченных оговоренных форм доказательства, а затем на уровне отдельно взятого понятия, возможен при условии систематичности системы, которая служит основой понятий и порядка их появления в ходе научного обсуждения... Результат познания предстает как следствие научного обсуждения, существующего только лишь как обсуждение системы, то есть объекта, рассматриваемого в структуре его сложного конституирования»¹⁵¹.

Таким образом, проблема истины ставится только как проблема внутренних лингвистических (логических, математических) условий науки (конструирование гипотез, конструирование «правил соответствия» для контролирования теоретических гипотез в «языке наблюдения»). «Если этот анализ имеет смысл, он приводит нас к новому вопросу: каковы особенности научного обсуждения как такового?»¹⁵² Если этот анализ имеет смысл, он должен был бы в случае марксистской теории привести к рациональной реконструкции научного языка «Капитала». Это проясняет роль логических правил, математических моделей, «идеальных типов», к которым обращается Маркс при формулировании законов, а также смысл, который получают в «Капитале» отдельные понятия и гипотезы благодаря «программе» формального анализа социальной системы, основанной на стоимости¹⁵³. Од-

¹⁵⁰ Althusser, *Leggere il Capitale*, p. 71.

¹⁵¹ *Ibid.*, p. 72.

¹⁵² *Ibid.*

¹⁵³ Подобная попытка эпистемологической реконструкции «Капитала» должна объяснять критику способа осмысления «мысли», которую Маркс проводил во «Введении», полемизируя с гегелевским учением о категориях. Эпистемологическая концепция «Капитала» может относиться не к теорети-

нако у Альтюссера этого не происходит, и вопрос остается открытым.

Вместо того чтобы следовать этой программе, в произведениях «За Маркса» и «Читать „Капитал“» Альтюссер идет другим путем, который мы можем назвать «трансцендентным»¹⁵⁴, используя выражение одного из его критиков, поскольку он не преодолевает, а воспроизводит дилеммы классической теории познания. Ключевое понятие этого пути — «производство», или «практика» в противоположность «практису». Известно, что структуралисты разложили субъективистское и телеологическое выражение «праксис» на многочисленные разновидности «практики», которые подвергаются научному анализу в процессе своего функционирования¹⁵⁵. Упорядочение этих «практик» в рамках «сложной тотальности» данного общества образует их организацию в виде неких «уровней»¹⁵⁶. Модель упорядочения этих уровней заставит Альтюссера произвести дальнейшие изменения и дополнения. Но если мы обратимся к первоначальной модели, то ей соответствует чрезвычайно последовательная схема. В этой схеме области социальной эффективности (то есть «структурной детерминации» общества посредством функционирования форм его праксиса, а на последнем уровне — посредством производственных отношений) и области эффективности познания (то есть познания этой детерминации посредством производства нового понятия «структурной причинности») смыкаются. Они не совпадают, однако, как в «эмпирической концепции познания»; здесь происходит отказ от «линейной причинности», которая приводит не к научному познанию, а к «закрытой» идеологической системе — порочному кругу экономизма и гуманизма, этих двух образцов одной и той же идеологической иллюзии. Этот порочный круг не позволяет раскрыть понятие, затухнувшее линейной иллюзией, подобное теоретической идеологии Гегеля¹⁵⁷ или

ческому результату (в голове мыслителя), а лишь к формулировкам мыслей, то есть к утверждениям и понятиям теории. Заслуживает внимания вопрос, можно ли за пределами гегелевской проблематики говорить о «категориях» как о «формах наличного бытия» и «экзистенциальных определениях».

¹⁵⁴ См.: A. Glucksmann. A ventriloquist structuralism. — "New Left Review", march—april 1972, № 72, p. 68—92. Глюксман недавно стал одним из наиболее известных «новых философов», особенность которых состоит в отрицании как «зародышей» «тоталитаризма» всего того, что до сих пор они искали в марксизме и в структурализме: научности, объективности. На этой антимарксистской версии того, что Альтюссер считает задачей «новой практики философии», я здесь не буду останавливаться. Но все же самые новейшие и, по моему мнению, немногими разделяемые взгляды Глюксмана не направлены против Альтюссера, на которого я ссылаюсь здесь, и впервые появляются в «Там модерн», № 250 за 1967 год.

¹⁵⁵ См.: Descombes. Le même, p. 26, 148.

¹⁵⁶ См.: Badiou. Le (Re) Commencement, p. 455 sgg.

¹⁵⁷ См.: Althusser. Sulla dialettica materialista, p. 191—197.

классической политэкономии¹⁵⁸. Это понятие производства как преобразовательной деятельности, в котором материальное и теоретическое производства могут быть «деконструированы» формально гомологичным способом.

Марксистская философия (диалектический материализм) освобождает понятие «теоретической практики» как преобразования от чистого «практического состояния» Марксовой науки (исторический материализм), придавая ему концептуальную определенность. Таким образом, она позволяет понять цикл производства знания как «открытый»: «Речь идет о производстве (в точном смысле этого слова, который означает: проявить вонне сокрытое, а на самом деле преобразовать для того, чтобы придать ранее существующей «первичной материи» форму объекта, тяготеющего к цели) того, что в некотором смысле уже существует. Это производство (в двойственном смысле, который придает ему необходимая форма цикла) есть производство знания. Таким образом, понять особенность философии Маркса означает осмыслить сущность самого движения, посредством которого производится знание, и понять познание как производство»¹⁵⁹.

То, что *такой* цикл производства знания, описанный Альтюссером, на самом деле открыт, вызывает сомнение. Этому циклу в действительности недостает «структурной детерминации» данной сложной тотальности («общество») и знания о каком-либо источнике автономной информации, позволяющем судить о большем или меньшем соответствии «социальной» и «познавательной результативности». То есть недостает эмпирического контроля в кантовском смысле. Естественно, что любая научная эмпирия зависит от значимых критериев «программы теоретического исследования» (Лакатос), что справедливо утверждал «прикладной рационализм» Баньяра. Все это, однако, не означает, что наука — это только «теоретическая проблематика», что эмпирический контроль больше не играет в ней никакой роли. Тезис Баньяра, согласно которому экспериментальное применение гипотез естественных наук может вызвать их изменение, привел к прямо противоположному выводу ввиду отсутствия собственной «доктрины фальсифицируемости».

Вопреки этому, Альтюссер не вывел эксплицитно правил конституирования в специфических формах научного обсуждения и не поставил проблему правил об условиях их эмпирического контроля. По этой причине постулированная теория исторической эпистемологии в действительности остается чрезвычайно формальной гомологией форм производства зна-

¹⁵⁸ См.: ID. L'oggetto dell'economia politica. — In: "Leggere il Capitale", p. 165 sgg.

¹⁵⁹ ID. Leggere il Capitale, p. 35.

ния и форм производства вообще. То есть остается то, что Андре Локсман определил как «трансцендентную связь».

Назовем эту модель «формалистической» или «структуралистской» — все равно она не может служить достаточным основанием философии, которая стремится приблизиться к проблемному уровню исторического материализма и современной эпистемологии. Эти замечания, разумеется, не уменьшают заслуг теоретической работы Альтюссера и его единомышленников. Для целого поколения марксистов (и не только французских) они превратили «Капитал» Маркса в «предмет познания» и выявили в нем теоретическую проблематику, которую недостаточно интерпретировать филологически, чтобы вывести из нее плодотворные аналитические следствия, касающиеся современных капиталистических отношений. С другой стороны, если отвлечься от исследований Пулансаса о политической власти или от работ Бодло и Эстабле, анализирующих классы во Франции, то становится заметным, что альтюссерянце слишком немногое успели сделать для совершенствования этого эмпирического анализа действительного движения. Но это уже другая тема. Критическое движение к Альтюссеру и к его последователям должно состоять в обращении к теоретическим утверждениям, выдвинутым в ходе «самокритики», относительно проблемы «анализа идеологии» и «новой роли философии» в марксизме.

Что же касается интерпретации «Капитала», то основные заслуги Альтюссера и его учеников заключаются в том, что они привлекли внимание к опасностям «буквалистского» прочтения критики политической экономики, а это наряду с прочим почти всегда интерпретация Марксовых понятий и гипотез в гегельянском духе.

Насыщенность эмпирией Марксовых понятий и гипотез (в этом состоит важное значение программы исследования Маркса) может, к примеру, заставить забыть (благодаря «интуитивному» характеру аргументации первой книги) высокий «уровень идеализации» условий, которые Маркс имел в виду, разрабатывая понятие капитала¹⁶⁰; может заставить (используя Марксов образ) заменить «анатомию» способа капиталистического производства репрезентацией его «жизненного процесса» или даже его «патологии». Альтюссерянце решительно настаивают (и справедливо) на теоретической природе рабочих понятий «Капитала». Понятие «форм стоимости», которому, к примеру, посвящена целая глава книги «Читать „Капитал”»¹⁶¹, не выводится (как это могло

¹⁶⁰ См.: L. Nowak. Das Problem der Erklärung in Karl Marx "Kapital". — In: J. Ritsert (Hrsg.). Zur Wissenschaftslogik einer Kritischen Soziologie. Frankfurt am Main, 1976, S. 20 ff.

¹⁶¹ P. Macherey. A propos du processus d'exposition du Capital (Le travail des concepts). — In: "Lire le Capital", vol. IV. Paris, 1973.

бы показаться при «буквалистском» прочтении первой главы) из анализа, в котором отсутствовали бы предпосылки «товара», эмпирической «массы» товаров, образующие богатство буржуазного общества на взгляд стороннего наблюдателя¹⁶². «Форма стоимости» подразумевает «референциальную связь» с теорией развитого капитала¹⁶³.

Альтюссер и его ученики справедливо подчеркивали теоретический статус Марксовой системы понятий и ее несводимость к continuum эмпирического наблюдения и повседневного языка. Однако они никогда не выдвигали противоположного вопроса: в чем состоит теоретический смысл эмпирического контроля в Марксовой парадигме? «Догматическое прочтение» непосредственно способствует реконструкции «логики» Марксовых рассуждений в соответствии с гегелевской моделью имманентного «снятия», которую Маркс, очевидно, использовал в качестве предварительной опоры. Альтюссеряницы выделяют в «Капитале» несколько различных «теоретических объектов» или частных теорий, которые на деле не связаны друг с другом «имманентно»: теорию обращения, теорию прибавочной стоимости, общие понятия исторического материализма (Башибар), элементы (намечаемой) «теории перехода» от одного способа производства к другому и т. п.; кроме того, они различают условия теоретической согласованности этих частных теорий в комплексной модели способа капиталистического производства от условий гегелевской «тотальности» «преодоления». Однако акцент на «функционалировании» частных теорий — скорее чисто терминологический пюанс, чем теоретическое решение проблемы. Логическая последовательность «Марксовой теоретической проблематики» (наряду с ее эмпирической действительностью) скорее голословна, чем доказательна. Понятие «couple épistémologique» («эпистемологический разрыв») представляет собой, так сказать, «фирменное клеймо» школы Альтюссера и в качестве такового превратилось в предмет страстной боевой дискуссии между критиками и сторонниками существования этого разрыва. Ни Альтюссер, ни его последователи никогда не упоминали о том, что новая программа исследования, сформулированная Марксом после «разрыва» (теория

¹⁶² Эмпирические товары — это всегда уже товары с определенной ценой. Маркс наряду с прочим стремится реконструировать самое «форму цены» как функциональный элемент своей модели капитализма. Отсюда происходят его анализы «формы стоимости», «происхождения формы денег» на теоретическом уровне. Эти вопросы остаются в тени в цитируемом очерке Машрея. См.: *S. D. Brunhoff*. La monnaie chez Marx. Paris, 1973; и серию очерков: *H.-G. Backhaus*. Materialien zur Rekonstruktion der Marx'schen Werttheorie. "Gesellschaft. Beiträge zur Marx'schen Theorie", I (1974), II (1975) и XI (1978).

¹⁶³ См. по этому поводу: *J. Ritsert*. Probleme politisch-ökonomischer Theoriebildung. Frankfurt am Main, 1973.

капитализма, исторический материализм), хотя и весьма красноречиво свидетельствующая об условиях осуществления социалистической этики, не выдвигает никакого решения на основе своих критериев и принципов. В ходе этой «идеологически predetermined» дискуссии превалировала альтюссеррианская тенденция тотализации разрыва, которому придавался тем больший философский и политический смысл, чем в более филологическом смысле его релятивизировали, учитывая, что в произведениях Маркса не существует более «гегельянского» элемента, чем архитектура «Экономических рукописей 1857—1859 годов». В ходе альтюссеррианской «самокритики» теоретическая «цезура» во все большей степени превращается просто в побочный продукт «настоящей классовой позиции», которую Маркс занимает в области теории. Таким образом, «цезура» равнозначна борьбе Ленина против народников, критике Грамши Бухарина, критике Мао экономизма. Однако с эпистемологической точки зрения понятие «цезуры» не способствует продвижению вперед — «цезуры», согласно которой «единое раздваивается», представляя собой борьбу революционной линии против буржуазной идеологии, притаившейся в ревизионистских отклонениях.

И все же первоначальное понятие эпистемологического разрыва (которое теперь Башляр заново определяет как «теоретическое отклонение», употребляемое *ad hoc*¹⁶⁴) могло бы получить позитивную эпистемологическую функцию. Очевидно, что предпосылкой этого должна служить трактовка его как программы эпистемологической реконструкции, а не как (филологически корректного) описания развития Маркса¹⁶⁵. К примеру, оно служило основой понимания изменения Марксом позиций по отношению к классической политэкономии. Реконструкции подлежат не только вводимые Марксом новые понятия и то содержание, которое благодаря им становится явным (это показывает Альтюссер в отношении Марковского понятия «рабочая сила»¹⁶⁶), но также и теоретический предмет «Капитала» и причины, побудившие Маркса отойти от теоретической проблематики Рикардо. Однако как раз эту самую главную задачу Альтюссер не решает, сводя проблематику классической политэкономии в книге «Читать „Капитал“» к идеологической иллюзии «однородного поля» экономических объектов/субъектов¹⁶⁷. Поэтому по-прежнему остается абсолютно непонятным, отчего Маркс усматривал именно в классической политэкономии, а не, скажем, в вульгарной решительный, хотя и недостаточный, шаг вперед по пути аналитического рассмотрения буржуазного общества.

¹⁶⁴ Так и у Балибаба. — In: „From Bachelard to Althusser“, p. 216 sgg.

¹⁶⁵ Levine. Althusser's marxism, p. 263 sgg.

¹⁶⁶ „Leggere il Capitale“, p. 24 sgg.

¹⁶⁷ Ibid., p. 165 sgg.

Серьезный подход к программе реконструкции «изменения Марксовой позиции» означает проникновение в лабораторию Маркса, изучение и проверку «Экономических рукописей 1857—1859 годов» и особенно «Теорий прибавочной стоимости»; Марксовой реконструкции истории политической экономики¹⁶⁸.

Здесь мы должны прервать обзор основных тезисов альтюссеррианской интерпретации Маркса, хотя детальный критический разбор понятий «предопределенного противоречия», «структурного определения», «доминирующей структуры»¹⁶⁹ или альтюссеррианского прочтения «экспозиции» Маркса был бы не лишен интереса. Представление, которое сложилось у нас в результате изучения альтюссеррианской интерпретации Маркса, показывает значение его попытки реформы марксистской теории в *pars destruens*. Альтюссер развенчал Маркса, то есть миф о единстве «системы научного социализма». Он раскрыл глаза многим марксистам на реальность крайнего проблемного плюрализма, который скрывается за диалектической однородностью «Капитала». Он доказал, что и марксистская теория тоже является «полем битвы» различных гипотез, проблематик, концептуализаций и видимых решений: от гегелевского отрицания отрицания до абсолютной стоимости Рикардо. Успех реформы, *pars costruens*, означает, что «теория разрушается и воплощается в новые формы для более удачного, достижения поставленной цели»¹⁷⁰.

На самом деле в целом альтюссеррианский марксизм внес в *pars construens* критического марксизма незначительный вклад. С одной стороны, он полностью пренебрегает, как мы видели, главной для любой эпистемологии проблемой эмпирического контроля высказываний. С другой стороны, представляется, что самим альтюссеррианцам не удалось справиться с растущей сложностью марксистской теории, которую сами они и выявили (или «произвели»). Они были вынуждены сослаться на чрезмерно упрощенный механизм «редукции сложного», разрушающий гордый узел новых затруднений «простой» демаркационной чертой между дружественным и враждебным, «борьбой двух линий».

Бунт мая 1968 года, вспыхнувший не среди рабочего класса, а среди студентов Латинского квартала, по-своему

¹⁶⁸ Эти проблемы находятся в центре исследований некоторых итальянских марксистов. См. особенно: S. Veca. *Marx e la critica dell'economia politica*. Milano, 1973; C. Napoleoni. *Lezioni sul capitolo sesto inedito di Marx*. Torino, 1972; Tescari. Marcuzzo, Medio e Veca. *Marxismo e critica delle teorie economiche*. Milano, 1974.

¹⁶⁹ См.: N. Poulantzas. *Vers une théorie marxiste*. — “Les Temps modernes”, 1966, № 240, p. 1952—1982.

¹⁷⁰ J. Habermas. *Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus*. Frankfurt am Main, 1976, p. 9.

доказал (не без помощи «уместного» прекращения чтения курса философии Альтюссером в Высшей нормальной школе) существование «трещины» в марксистской теории: отсутствие того, что Бьяджини ди Джованни называет теорией социального воспроизводства¹⁷¹, или же отсутствие того, что вместе с Фуко мы можем определить как теорию «власти» — имея в виду не только экономический институт¹⁷², но и инструмент, управляющий воспроизводством специфических форм «социальности» при капитализме. Большая часть произведений Альтюссера 60-х годов является попыткой заполнить эту «брешь» с помощью «идеологической теории». Из его очерка о Бертолацци и Брехте¹⁷³ становится довольно очевидным, что идеология (или, что лучше, «институт» идеологии) — это не столько и не только ложное сознание, сколько «репрезентация» воображаемого, видимого отношения индивидов к их экзистенциальным условиям (тело, общество, история), самостоятельное измерение действительности со своими социальными конфликтами, однако несводимое только к ним. После 1968 года Альтюссер покинул область новых проблем, открытых для этой гипотезы, и стал отстаивать идею *сведения* идеологий капиталистического общества к функциональным элементам, к «аппарату» государственной машины. Эрнесто Лакло выявил здесь теоретическую ошибку, состоящую в отождествлении с государством всего того, что вносит свой вклад в сплоченность общества¹⁷⁴.

Что касается «самокритики» позднего Альтюссера, то она приносит в марксистскую теорию новое определение философии (диалектического материализма). Отсюда возникает необходимость в новом «философском праксиесе», в который Альтюссер довольно произвольно превращает «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Имея двойственную связь с науками и с классовой борьбой, философия ставит перед собой задачу охранять и защищать «научность» наук, не превращая «производство знания» в объект своей рефлексии. Поэтому теперь у философии нет «объекта», а есть лишь «подход». С другой стороны, философия должна отстаивать «классовую борьбу» пролетариата в науках, не покидая теоретической сферы, но ограничивая себя «репрезентацией» классовой борьбы в ней. Философия делает только две вещи: она играет с этими двумя «узловыми пунктами», не выдвигая и не осмысляя понятий и гипотез (подобно наукам или эмпи-

¹⁷¹ B. De Giovanni. Riproduzione e ideologia — Lukács e Althusser. — In: «La teoria politica delle classi nel „Capitale“». Bari, 1972, p. 243 sgg.

¹⁷² N. Poulantzas. L'état, le pouvoir, le socialisme. Paris, 1978.

¹⁷³ „Per Marx“, p. 109—130.

¹⁷⁴ E. Laclau. The Specificity of the political: the Poulantzas — Miliband Debate. — „Economy and Society“, IV, febbraio, 1975, № 1.

темологии), а формулируя «тезисы» — «справедливые», а не «истинные»¹⁷⁵.

Правильная интерпретация двух «узловых пунктов» новой роли философии (отношение к наукам/отношение к политике) как «отношений разрушения» предполагает отказ от прямой связи между классовой борьбой и науками: это и было одним из аспектов содержания движения 1968 года, оказавших наибольшее влияние на некоторые тенденции развития эпистемологии и критики науки. В альтюссерянской модели два полюса связи испытывают потребность в «репрезентации», то есть в философии, играющей роль *филтра*, проводя в сфере наук общую линию борьбы классов. Вместо *прямого* контакта интеллигенции с конкретными ситуациями борьбы в неоленинскую логику теперь входит отношение, профильтрованное «революционным авангардом» и предназначенное для того, чтобы подчинить интеллигенцию классовым границам «пролетарской дисциплины». Однако преобразование политических форм в 70-е годы делает очевидной необходимость переосмысления в более динамичном виде отношения между «наукой» и «классовой борьбой»¹⁷⁶.

4. Длинная тень Франкфуртской школы

В отличие от того, что происходило в таких странах, как Франция и Италия, в ФРГ марксистская теория развивалась не в упорядоченной институциональной сфере (академической, политической или культурной). Немногие «учителя», развивавшие западногерманский немарксизм, воплощают в себе преемственность широко разбросанных направлений.

Прежде всего разрыв преемственности исторического сознания, неспособность западногерманской демократии справиться с наследием нацизма и второй мировой войны, которое больше подвергалось заклятиям в стремительном ритме реконструкции и экономического чуда, чем преодолевали в культурной сфере, — с помощью введенного во всех университетах нового понятия «тоталитаризма». Немецкие интеллигенты еврейского происхождения — сторонники Франкфуртской школы, вернувшиеся (но не «репатриированные») из американского изгнания, возрождали марксистскую культуру в Западной Германии, значение которой не в последнюю

¹⁷⁵ L. Althusser. Philosophie et philosophie spontanée des savants. Paris, 1974.

¹⁷⁶ Некоторые наиболее значимые примеры этого «возрождения» осмысления проблемы «политика/наука» см.: F. Basaglia (e altri). Crimini di pace. Ricerche sugli intellettuali e sui tecnici come addetti all' oppressione. Torino, 1975; Foucault. Microfisica del potere; A. Asor Rosa. Intellettuali e classe operaia. Firenze, 1973.

очередь определялось радикализмом Адорно и Хоркхаймера. В «Диалектике просвещения» они не обезвредили высокопарное понятие историко-философского разума, искаженное разрушением разума фашизмом. После смерти Адорно один из их критиков и учеников Ганс-Юрген Краль сказал по этому поводу: «Я считаю, что на создание критической теории повлияли двусмысленным образом, с одной стороны, опыт фашизма, с другой — осмысление немецкого идеализма. Она оказалась способной со всей теоретической строгостью развить понятие тотальности в тесной связи с абстрактным трудом, обменом и буржуазной рациональностью, но ей не удалось теоретически овладеть изменившимися структурами классового антагонизма»¹⁷⁷.

Во-вторых, разрыв в поступательном движении немецкого рабочего движения, потерпевшего поражение от национал-социализма, как дань попыткам восстановления рабочего единства сразу после окончания войны. За поражением рабочего движения последовал его раскол, углубленный «холодной войной» и усилившийся в результате раздела страны и закрепленный после образования противостоящих друг другу экономических, политических и военных блоков. Ввиду этого разделения мира на блоки и автоматически следующего из него шельмования внутреннего сопротивления путем навешивания ярлыка угрозы «границам нации» марксистская философия, несомненно, была беззащитной. Это доказывает судьба философа Эрнста Блоха, в конце 50-х годов вынужденного покинуть кафедру в Лейпциге и искать убежища на Западе.

Кроме того, в результате раскола нации и антагонизма двух систем в ФРГ не только была запрещена коммунистическая партия (1956), но и социал-демократия, заинтересованная перспективой участия в правительстве, была вынуждена порвать с собственной политической и культурной традицией, одобрив «отказ от марксизма», закрепленный Бад-Годесбергской программой (1959)¹⁷⁸. Этот поворот подразумевал также разрыв с молодежной организацией—Социалистическим немецким союзом студентов, исключенным из социал-демократической партии в 1961 году¹⁷⁹, как и с левыми интеллигентами, тяготеющими к ней. Одним из них был

¹⁷⁷ H. J. Krahel. *Konstitution und Klassenkampf. Zur historischen Dialektik von bürgerlicher Emanzipation und proletarischer Revolution*. Frankfurt am Main, 1871.

¹⁷⁸ С целью более широкого обсуждения теоретических оснований и проблем, выдвинутых «поворотом в Бад-Годесберге», я позволю себе отослать к моему очерку: „*Filosofia e politica nella socialdemocrazia tedesca di oggi*“.—In: „*Il consenso e il potere*“ (a cura di L. Castelli e E. Collotti).

¹⁷⁹ См. по этому поводу: T. Fishter und S. Lönnendonker. *Kleine Geschichte des Sds*. Berlin, 1977.

выдающийся представитель немецкого Сопротивления Вольфганг Абендрот (бежавший в 1948 году в западную зону из-под носа советской тайной полиции). Этот «профессор-партизан»¹⁸⁰ в научной области представлял тип сознания, далекий от классической марксистской традиции немецкого социализма. И хотя он действительно был первым в Западной Германии, кто стал перечитывать Корша, Лукача, Грамши и австрийских марксистов, он все же остается «традиционалистом» с точки зрения философской.

Наконец, опыт поражения движений протеста против политики вооружений и чрезвычайных законов приводит к новому антиавторитарному и антиимпериалистическому движению протеста студентов и к разрушению правил игры институциональной оппозиции (политической и профсоюзной). Неспособность «истеблишмента» создать гибкие общественные отношения и реальная модернизация университетов под воздействием морально-политического протеста против империалистического характера «западной свободы» породили новую форму внеинституциональной социализации студенческой политической оппозиции, для которой даже в Германии термин «движение» был не просто пазвашим, а программой¹⁸¹. В университетах это движение не в последнюю очередь означало отказ от традиционных форм и содержания академического управления: практическое, да и теоретическое оправдание освободительной перспективы, которая увязывала возможность реализации разумного в истории с сознанием, действием и «жизненным опытом» индивидов. Даже «историко-философское содержание психоанализа» играло важную роль в попытках внедрения в сознание потенциала сопротивления, направленного против одномерности позднекапиталистической социализации. На этой основе «американский друг»¹⁸² Герберт Маркузе стал не ментором академического образца, а товарищем и соратником антиавторитарного движения, которое сделало его произведения своим знаменем.

¹⁸⁰ По этому вопросу см. слова Хабермаса: «Абендрот, — пишет он в «Цайт» от 29 апреля 1966 года, — живет сознанием, которое беспощадно оживляет прошлое. Для него не существует никакой границы между вчера и сегодня. События 20-х годов и 30-х годов для него происходят словно сейчас, и о них можно прочитать в журналах и газетах. Подобное сознание в эпоху, которая стремится отодвинуть от себя эти события, само является тревожным».

¹⁸¹ См. поучительный, хотя слегка идеализированный ретроспективный взгляд: T. Schmidt, Facing Reality — Organisation kaputt. — „Autonomie“, ottobre 1975, № 1, p. 16 sgg.

¹⁸² Так у Детлефа Клауссена в его некрологе о Герберте Маркузе в «Таргцайтунг» 6 августа 1979 года. Штрихи политического и теоретического значения Маркузе для западногерманских левых см. труд коллектива авторов: D. Claussen (Hrsg.), Spuren der Befreiung — Herbert Marcuse. Darmstadt, 1981.

Современное развитие теоретического марксизма в ФРГ естественным образом созвучно новаторскому (с социально-политической точки зрения) духу «внепарламентской оппозиции» студенческого движения, хотя, разумеется, оно происходит самостоятельно. Зримые формы неомарксистские школы обретают в период упадка движения протеста. Это произошло на фазе разброшенности и разобщенности, которая характеризовалась так называемым «преодолением» антиавторитарного движения через соединение с рабочим классом как в рамках его официальных организаций (включая сюда легализованную коммунистическую партию), так и в пределах небольших групп «новых левых», занимавшихся политической работой на предприятиях и отказавшихся от претензий на «культурное» и индивидуальное освобождение¹⁸³. С другой стороны, комплексная социальная инициатива обновления и реформы на несколько лет перешла к «независимому политику» — к надеждам на «внутренние реформы» сверху, представленные (и лишь в минимальной степени реализованные) социал-либеральной коалицией. Краткий период синхронности социал-демократических реформистских надежд и фракционности левых (за которым следовала «инверсия тенденций» середины 70-х годов, решительно все изменившая) был одновременно эпохой расцвета теоретических кружков и разнообразия левых журналов. В эти годы такие журналы, как «Прокла», «Аргумент», «Гезельшафт» и т. д., предприняли попытку (типичную для того, что за границей получило ироничное название «производный немецкий марксизм») реконструировать «общее понятие о капитале», создав фундаментальную модель парадигмы, способной объяснить всю совокупность поздникапиталистических отношений.

Таким образом, в Германии марксизм значительно более наглядно по сравнению с другими странами стал неомарксизмом (в условиях отсутствия официального марксистского рабочего движения Германская коммунистическая партия была и остается лишь одной из многих организаций), и его нередко «платоновские» черты (тенденция подменять «действительный анализ» «категориальными» конструкциями Марксовой теории) объясняются отчасти как раз этим отсутствием традиции. С теоретической же точки зрения более проблематичными представляются безоговорочность и несомненность, с которыми отстаивается тезис о «научности» Марксовой теории на фоне полного отсутствия связи с процессом развития современной философии науки. Глоссологические размышления о статусе «критики политической эко-

¹⁸³ См.: G. Eisenberg, W. Thiel. *Fluchtversuche. Über Genesis, Verlauf und schlechte Aufhebung der antiautoritären Bewegung*. Giessen, 1975.

помни» (наука или критика) продолжают оставаться (несмотря на экспансию марксистского теоретизирования) скорее исключением, чем правилом. К этому добавляется то обстоятельство, что левые неомарксисты практически игнорируют самую важную западногерманскую попытку превратить философию в общественную теорию. Речь идет о теоретической практике Юргена Хабермаса. Это отношение находится в обратно пропорциональной зависимости от значимости роли Хабермаса в международных марксистских дискуссиях¹⁸⁴. Корни этой парадоксальной ситуации несут не столько теоретический, сколько прямо политический характер. На студенческом съезде в Ганновере, состоявшемся после похорон Бенно Онезорга (студент, убитый полицейским в Берлине во время антишахской демонстрации), Хабермас обвинил «акционистское» крыло Социалистического немецкого союза студентов в «левом фашизме». Все это накалило политический климат до такой степени, что началась «охота за ведьмами», развернутая газетчиками и политиками и направленная против студенческих беспорядков¹⁸⁵. Не вдаваясь подробно в проблему пользы хабермасовской «стратегии просвещения масс» и его концепции «политики союзов», стоит отметить, что политическая позиция Хабермаса (соединение социалистического реформизма с либеральным просветительством, имеющее сегодня интересные точки соприкосновения с «еврокоммунизмом»¹⁸⁶) в 1968 году была действительно не способна вызвать энтузиазм у революционных студентов. Если последние просто не могли ему простить политической ошибки обвинения их в «левом фашизме», то вряд ли это может служить подходящим аргументом против его теории. Передавая широкая дискуссия об истоках Франкфуртской школы¹⁸⁷ привлекла внимание к имеющему место параллелизму между понятием групповой целостности Хоркхаймера начала 30-х годов и «классовым сознанием»¹⁸⁸ Лукача. Пусть

¹⁸⁴ Не случайно первая полная реконструкция теории Хабермаса принадлежит американцу. Ср.: T. McCarthy. *The Critical Theory of Jürgen Habermas*. Boston, 1978.

¹⁸⁵ Соответствующие статьи и очерки Хабермаса собраны теперь в книге: „Kleine politische Schriften“ Frankfurt am Main, 1981. Об отношении Хабермаса и студентов-социалистов см. труд коллектива авторов: O. Negt (Hrsg.). *Die Linke Antwortet Jürgen Habermas*. Frankfurt am Main, 1968.

¹⁸⁶ См.: A. Bolaffi (a cura di). *Intervista con Jürgen Habermas*. — „Rinascita“, 1978, № 30, 31; а также мои замечания в: „Auf der Suche nach einer politischen Theorie bei Jürgen Habermas“, — „Aesthetik und Kommunikation“, 1981, № 45—46.

¹⁸⁷ См. прежде всего: H. Dübler. *Wissenschaftsorganisation und politische Erfahrung. Studien zur frühen kritischen Theorie*. Frankfurt am Main, 1978; A. Söllner. *Geschichte und Herrschaft. Studien zur materialistischen Sozialwissenschaft, 1929—1942*. Frankfurt am Main, 1979.

¹⁸⁸ Хабермас в четвертой главе своей последней книги анализирует

с меньшими притязаниями на теорию революции, но уже «материализм» первоначального Франкфуртского кружка должен был обосновать аргументы против исторического осуществления освобождения пролетариата, понятого как единство теории и практики, философской истины и научного познания общества. Это единство разрушается в сознании франкфуртских теоретиков вследствие поражения социалистических принципов свободы в немецком обществе, осознания их извращения в сталинистском социализме, а также вследствие того, что в американском изгнании эти теоретики осознали свою архаичность перед реальностью капитализма и демократии Соединенных Штатов. По мере становления Франкфуртской школы за размежеванием марксистской теории общества (удачно названной «критической») и классовой борьбы пролетариата следует размежевание теоретической «критики» от методов и результатов отдельных наук. На основе своих социально-психологических исследований и опыта фашизма и эмиграции франкфуртские теоретики обнаруживают между субъектами и адресатом революционной теории столь огромный разрыв, что освобождающая теория общества становится монополией маргинальных групп интеллигентов (знаменитые «туш»*, на которых яростно нападал Брехт). Наряду с этим во «франкфуртской» концепции науки все более заметной становится философская струя. Таким образом, происходит движение от первоначальной идеи междисциплинарной, «философски интегрированной» социальной науки (1930—1936) к «почти философской» критике образования научных гипотез и законов (1937)¹⁸⁹ и к «диалектике просвещения» 40-х годов, в которой современное развитие науки и производительных сил представлено как «ложная тотальность». Эта теория общества, ставшая (негативной) философией истории, в конце концов утратила всякую связь с возможными социальными «носителями» «новых исторических рациональных принципов освобождения» (Краль). Универсальный интеллигент представлен совершенно одиноким (негативным) философом. Эта эволюция (удачно поднятая на уровень понятия в «Негативной диалектике» Адорно) не

критическое отношение Лукача, с одной стороны, и Хоркхаймера и Адорно, с другой, к историко-философским выводам веберовского диагноза «порабощающей оболочки» западного рационализма и обсуждает различные варианты предлагаемых ими решений См.: J. Habermas. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main, 1981, t. 1, S. 453 sgg.

* Персонажи пьесы Б. Брехта «Турандот». — Прим. ред.

¹⁸⁹ См.: M. Horkheimer. Der neueste Angriff auf die Metaphysik, а также: „Traditionelle und kritische Theorie“. — „Zeitschrift für Sozialforschung“, VI, 1937 (trad. it. in: „Teoria critica“, vol. II, Torino, 1974: „Il più recente attacco alla metafisica“, p. 82 sgg.; „Teoria tradizionale e teoria critica“, p. 135 sgg.).

упрочивает своей внутренней последовательности, если учесть, что для теоретиков Франкфуртского института радикальным образом изменился «перспективный» (но не «проблемный») горизонт рационального, лежащий в основе их рефлексии. Юрген Хабермас недавно привлек внимание к тому обстоятельству, что «франкфуртцы» твердо придерживались понятий теорий и истины, основанных на интуитивно понимаемом философской традицией понятии рационального. Это то самое понятие, которое парадоксальным образом воплотилось в формуле «инструментального разума». «Термин «разумное» не должен проясняться только по отношению к значению истины, в узком смысле слова, когда мы говорим об истине исходных данных. Перед разумом стоит задача показать единство тех моментов рационального, которые во всех трех кантовских критиках были отделены друг от друга: единство теоретического разума и практически-моральной идеи, а также способность эстетического суждения. В сфере науки мы имеем дело только с узким значением истины. Это порождает двусмысленность»¹⁹⁰.

Двусмысленность, которая находит свое наиболее яркое воплощение в философской метакритике эмпирической социальной науки, развитой Адорно в так называемом позитивном споре — столкновении его с Карлом Поппером (на тот момент немецкие марксисты считали его «позитивистом») на социологическом конгрессе 1961 года в Тюбингене¹⁹¹. Отказ включиться в имманентную критику аналитических научных концепций¹⁹² (неубедительно мотивированный всеобщей подозрительностью идеологии к «адовой машине» формальной логики и к гарантиям эмпирического контроля гипотез методологическими правилами) буквально развратил последующее поколение западногерманских марксистов в методологическом плане.

Несмотря на критику Адорно и Хоркхаймером Гегеля, «тоталитаристская претензия» критической теории общества носит на себе почти гегельянский отпечаток. В последующей своей фазе критическая теория «иммунизирована» философски в большей степени, без различия объективных и мета-теоретических предпосылок, при признании сводимости социальной тотальности к единому внутреннему принципу и выражении «критического» недоверия эмпирическому конт-

¹⁹⁰ „Dialektik der Rationalisierung“ (J. Habermas a colloquio con A. Honneth, E. Knödder — Bunte e A. Widman). — „Aesthetik und Kommunikation“, 1981, № 45—46, S. 131.

¹⁹¹ См.: Adorno, Albert, Dahrendorf, Habermas, Pilate Popper. Der Positivismussstreit in der deutschen Soziologie. Neuwied, 1969.

¹⁹² См. немногословную, но плодотворную критику в Предисловии U. Steinvorth. Eine analytische Interpretation der Marxschen Dialektik. Meisenheim an der Glan, 1977, S. 1—4.

ролю в социальной науке¹⁹³. Эти особенности непреднамеренно символизируют то, что Поппер называл «псевдонаукой» и что он, разумеется, не считает теорией Маркса.

В теории общества и в критике познания западка этой ссылки на тотальность находит свое симптоматичное воплощение у Адорно во взаимосвязи его критики, уравнилельного мышления в истории западной философии и уравнивания продуктов человеческой деятельности в абстрактном отношении меновой стоимости¹⁹⁴. Согласно Адорно, оба эти принципа организации социальности могут быть расшифрованы с помощью инструментальной логики «первобытного выживания» человечества в истории (вплоть до капитализма) под властью внутренней и внешней природы. Влияние, которое эта философская теория общества оказала на революционное студенчество, не в последнюю очередь объясняется тем, что она «упрощает сложное». Таким образом, «общество потребления», порожденное западногерманским экономическим чудом, и преобладание «позитивизма» в научной культуре Запада объясняются на основе критики «власти».

Эти теоретические элементы образуют фундаментальную основу неомарксистского теоретизирования в Западной Германии. Эффективно синтезирующим эту «проблематику» торосом служит построение «буржуазного общества в качестве онтологии»¹⁹⁵, в котором утверждается «категориальная» власть стоимости (в ее самодвижении к капиталу) над любой чувственной данностью (эту метафору многие неомарксисты часто заменяют «научными положениями», поскольку эмпирическая зависимость первой с самого начала представляется недостаточно определенной).

Единственным представителем студенческого движения, который в отношении подобного «категориального» идеализма сформулировал «материалистический скептицизм», поставив его на службу Марксовым концептуализациям, был Ганс-Юрген Краль. Преждевременной смертью он был вырван из кипучей деятельности в движении, вследствие чего его теоретическая практика осталась незавершенной в многочисленных фрагментах его выступлений, рукописей, набросках статей. В этих рукописях он неустанно показывает пределы достоверности формальных принципов (не являю-

¹⁹³ См. C. Beier, *Zur Struktur des Totalitätsbegriffs in der kritischen Theorie Adornos. Perspektiven einer sozialwissenschaftlichen Rekonstruktion*. — In: J. Ritsert (Hrsg.), *Zur Wissenschaftslogik einer kritischen Soziologie*.

¹⁹⁴ Это главный пункт, на котором зиждется вся «Негативная диалектика» Адорно.

¹⁹⁵ См.: H. Reichelt, *Zur logischen Struktur des Kapitalbegriffs bei Karl Marx*, Frankfurt am Main, 1970, S. 75 ff.

щихся только лишь «пределами интерпретации») как в сфере теории общества, так и в сфере гносеологической. В первом случае Краль постоянно возвращается к границам абстрактного обмена, который не может привести к герметической закрытости капиталистических формальных принципов, то есть к реальному, а не метафорическому «автоматизированному субъекту» капиталистического производства. Следовательно, «действительное отношение обмена не может развиваться, если продукт не имеет также и потребительной стоимости. Принцип обмена прочно связан со своей природной основой; он от нее абстрагируется, но появиться может только на этой природной основе. Потребительная стоимость становится феноменальной формой своей противоположности — стоимости. Это означает, что упомянутые абстракции всегда являются идеологией, ложным сознанием. Поэтому, если они должны обрести какую-либо реальность, ни в коем случае не следует прибегать к полной абстракции в отношении конкретных потребительных стоимостей и потребностей»¹⁹⁶.

Материалистическая связь с эмпирией подразумевает методический отказ от любого рода транс- или метасторической предпосылки самотождественного принципа «власти» или «капитала». Для Краля позднекапиталистическая форма социализации не выводима из простого экстраполирования анализа товара, а означает качественное преобразование самих принципов капиталистической организации. Первые их формулировки он находил в Марксовом анализе (функционирующих обществ, реального порабощения «совокупного производителя» требованиями повышения нормы прибыли и т. д.), не восприимчивая, однако, эти аналитические элементы в качестве окончательных решений. Не случайно Краль проводил свой анализ с критических позиций по отношению к неоортодоксальным попыткам «преодоления студенческого движения» с помощью ориентации на рабочий класс. «Если умственный труд постоянно интегрируется в совокупном производителе, что же тогда отличает, — спрашивал Краль, — умственный труд от физического... научную интеллигенцию от промышленного пролетариата...»¹⁹⁷

Часто цитируемая и критикуемая формула, которую выдвигал в своих «Тезисах» Краль («движение научной интеллигенции должно стать коллективным теоретиком пролетариата»¹⁹⁸), подразумевала отказ от признания авангардной роли «интеллигенции» или «рабочего класса», а также от

¹⁹⁶ H.-J. Kralh. *Erfahrung des Bewusstseins. Kommentare zu Hegels Einleitung der Phänomenologie des Geistes und Exkurse zur materialistischen Erkenntnistheorie*. Frankfurt am Main, 1979.

¹⁹⁷ „Costituzione e lotta di classe“, p. 348.

¹⁹⁸ Ibid., p. 362.

внешнего противопоставления «теории» и «практики». Скорее этот отказ выражал незавершенную попытку извлечь полезные следствия для революционной теории из изменившегося соотношения «познания» и «интереса» в систематическом контексте разделения «функционально социализированного» труда (Зон-Ретель), к тому же «функционально дифференцированного» в организованном капитализме. «Специализация + политика» в этих условиях не образуют органичного синтеза, так как сам «всеобщий разум» разорван на отдельные фрагменты, дифференцирован и автономизирован в частных, отдельных «рациональностях».

Сегодня, перед лицом новейшего «кризиса марксизма», важно вспомнить также о той метакритической проблематике, занимаясь которой Краль со всей ясностью указал на «белые пятна» Марксовой теории (в гносеологической сфере и в теории освобождения), проистекающие из «экономистского» уклона зрелой Марксовой теории, что приводит к тезису о том, что «понятие труда, поскольку оно сводится к труду, создающему стоимость, остается внутренней «точкой зрения капитала»... В структуре Марксовой системы понятие производства узко, так как производительный труд сводится в нем к труду, создающему стоимость»¹⁹⁹.

Таким образом, причины «отождествления революционного субъекта с промышленным пролетариатом» неоленинским крылом бывшего студенческого движения Краль видит в том, что еще в «Капитале» труд, как освобождающая категория, не включается органично в критику политической экономии. Для развития последней необходимо, чтобы в самом понятии труда аналитически расчленились стороны, «производящие капитал и разрушающие капитал (субъективное отрицание)»: «Если бы была объяснена «негативная» сторона труда, та, которая разрушает капитал, то тогда все, кто участвует в производстве «нравственности», принадлежали бы к революционному классу»²⁰⁰.

В свете подобного объяснения понятия революции становится более очевидной гносеологическая пустота, которая касается, по Крально, Марксовой концепции истории и которую он считает возможным «определить с помощью термина „язык“». В то время как Маркс ограничивается указанием на условия, при которых сознание определяется обществен-

¹⁹⁹ Ibid., p. 419—420.

²⁰⁰ Ibid. В отличие от Хабермаса «диалектика нравственности» не определяется исходя из сферы материального производства. Краль выдвигает гипотезу поиска измерений нравственно-практического знания в сфере эффективно работающих актов и процессов, «наделенных смыслом». См. по этому поводу: A. Honneth. Arbeit und instrumentales Handeln. — In: A. Honneth und U. Jaeggi (Hrsg.). Arbeit, Handlung, Normativität. Frankfurt am Main, 1981, S. 185—233.

ным бытием, в силу чего такое сознание есть «сознание иллюзорное», надо бы все же определить «способ, с помощью которого можно осознанно определить общественное бытие». Этот способ выводим из формулировки классового сознания... Детерминация сознания структурой «существует в языке в виде идеологии. Научное же познание совсем другое. Если в этом отношении забыть о языке, то было бы невозможно понять, прежде всего, отчего язык Маркса в состоянии преодолеть этот порочный круг»²⁰¹.

Юрген Хабермас, несомненно, один из наиболее значительных современных философов-марксистов. Это объясняется еще и тем, что его произведения выходят за пределы чисто философской сферы. Своей международной известностью он обязан — помимо книги «Познание и интерес» (1968) и дискуссии с Никласом Луманом, изданной под названием «Теория общества или социальная технология» (1971), — предпринятой в «Проблемах легитимации зрелого капитализма» (1973) попытке построить заново Марксову теорию кризиса и государства²⁰². Это можно считать выводом из его понятия философии, которую он, вслед за Марксом, ориентировал на цели освобождения и «сохранял для науки в качестве критики», поскольку, «помимо критики, у философии не будет никаких прав. В той степени, в какой наука о человеке является материальной критикой познания, также и философия (в качестве чистой теории познания лишенная конкретного содержания) косвенно вновь приближается к материальным проблемам»²⁰³. С нашей стороны мы ограничимся выявлением только тех аспектов, которые в произведении Хабермаса образуют «красную нить» преобразования им философии Маркса.

Работу «Познание и интерес» открывает тезис о том, что «после Канта науку никогда больше не рассматривали с философской точки зрения»²⁰⁴. Эта философская позиция по отношению к науке, вытекающая из определения теории познания, не стала архаичной в результате гегелевской критики Канта (вопреки марксистскому *communis opinio*), так как гегелевские предпосылки философии тождества способствовали разработке соответствующего понятия науки. Когда Кантов «критика познания вырабатывает эмпирическое понятие науки в форме современной физики», гегелевское понятие «спекулятивной науки» покидает область осмысленной гносеологической проблематики. Гегель, пишет Хабермас, «положил начало роковому недоразумению, заключающемуся

²⁰¹ „Costituzione e lotta di classe“, p. 418—419.

²⁰² См. статью Джакомо Маррамас в этом томе.

²⁰³ *Habermas. Erkenntnis und Interesse. Frankfurt am Main, 1977.*

²⁰⁴ *Ibid.*, p. 8.

в том, что принципы, выдвинутые рациональной рефлексией против абстрактного мышления интеллекта, равнозначны узурпации философией самостоятельных прав наук, что превращает философию в универсальную науку»²⁰⁵.

Действительное развитие науки, сопровождавшееся расцветом методологической самостоятельностью позитивных научных дисциплин, развенчало эту спекулятивную претензию как голую фикцию. По этой причине любой «современный спор о предпосылках возможного познания должен учитывать уровень, достигнутый аналитической теорией науки»²⁰⁶.

Реабилитация Хабермасом гносеологически проясненной позиции философии в отношении позитивных наук (вопреки гегелевской критике «философии разума») подразумевала одновременное преобразование (в отношении классической Франкфуртской школы) теории познания и теории общества. Обе больше не могли функционировать на основе диалектического понятия тотальности и занимать критическую позицию по отношению к «инструментальному разуму» и капиталистическому обезличиванию человека независимо от общественного и научного разделения труда. Связь гносеологической проблемы истинности и общественной практики не может быть предпосылкой, а должна быть выведена. Критический инструмент такого выведения Хабермас заимствует у американского прагматизма, прежде всего у Ч. С. Пирса. Выбор этого инструмента Хабермасом отличается (как это видно в его очерках «Спор вокруг позитивизма», в которых он еще полностью не отошел от концепции диалектики Адорно) от критики позитивизма Адорно, так как он не выводит позитивистскую концепцию науки из логики тождества абстрактного обмена, а увязывает ее с операциями мышления в функциональной сфере инструментального воздействия естественной природы. Однако в таком случае критика инструментального разума превращается в позитивистски урезанную критику рационализма. «С точки зрения хабермасовской аргументации сциентистская модель науки фиксирует только такие мыслительные операции, которые уже наличествуют на донаучном уровне в практике технических предписаний природы. Эта модель становится позитивистской в критическом смысле только тогда, когда она учитывает объективную сферу социальной реальности. Лишь претензия на универсальность, которую придает позитивизм своей экспликативной модели, с гносеологической точки зрения спорна, но не сами по себе когнитивные правила, которые она формулирует эпистемологически»²⁰⁷.

²⁰⁵ Ibid., p. 27.

²⁰⁶ Ibid., p. 9.

²⁰⁷ A. Honneth, H. Joas. Soziales Handeln und menschliche Natur. Frankfurt am Main—New York, 1980.

Даже если Маркс был бы единственным, кто способен был бы разработать такую критику науки с точки зрения теории общества, то и в этом случае он не смог бы полностью сформулировать идею теории познания как теории общества, считает Хабермас, так как «это именно та точка зрения, с высоты которой Маркс справедливо критикует Гегеля и которая вынуждает самого Маркса соответствующим образом концептуализировать цель своих исследований». Сужение понятия «общественной практики» до «материального производства» позволило бы, по Хабермасу, на основе схемы «инструментальной гносеологии» реконструировать у Маркса «трансцендентально-прагматистское понятие естественных наук». Имплицитная Марксова предпосылка понимания критической рефлексии в соответствии с моделью производства приводит к тому, что он не отличает «логический статус естественных наук от критических»²⁰⁸. Хабермас, напротив, приходит к выводу о необходимости увеличения роли критики через расширение концептуальных рамок исторического материализма. Он делает это с помощью различения двух основных форм социального действия: инструментальное действие (труд) и коммуникативное (взаимодействие). Условия возможности научного познания отыскиваются Хабермасом в структурах (то есть в правилах, существующих уже на донаучном уровне, реконструкция которых составляет цель критической теории) общественной деятельности: труд и взаимодействие. В этом первом варианте хабермасовской теории познания как теории общества «связь между формой деятельности и теоретическим обсуждением есть квазитрансцендентное следствие так называемых «интересов, управляющих познанием»: интерес к техническим предписаниям природы и интерес к intersубъективному пониманию историко-герменевтических наук»²⁰⁹. Трудности размещения третьего «эмансипационного интереса к познанию» (Хабермас разрабатывает его на основе методологической модели психоанализа) на том же в культурном отношении инвариантном и почти антропологическом уровне труда и взаимодействия²¹⁰ привели Хабермаса²¹¹ к попытке различения теории познания и теории общества на иной основе, а именно на основе разработки адекватной теории языка. Эта универсально-прагматистская²¹² реконструкция теории дея-

²⁰⁸ „Conoscenza e interesse“, p. 46—47.

²⁰⁹ «Послесловие» 1973 года к работе „Conoscenza e interesse“.

²¹⁰ См.: McCarthy. The Critical Theory, Chapter II.

²¹¹ J. Habermas. Was heisst Universalpragmatik? — In: K. O. Apel (Hrsg.). Sprachpragmatik und Philosophie. Frankfurt am Main, 1976, S. 174 ff.; /D. Sprachspiel, Intention und Bedeutung. — In: R. Wiggershau (Hrsg.). Sprachanalyse und Soziologie. Frankfurt am Main, 1975, S. 319 ff.; McCarthy. The Critical Theory, Chapter IV.

²¹² «Прагматика» употреблена здесь в смысле анализа языка, то есть

тельности, в некотором смысле благодаря «лингвистическому повороту» совершаемая на почве исторического материализма, здесь не может быть обсуждена. Точно так же здесь не может быть рассмотрена критика этого различения труда и взаимодействия — вплоть до сужения Марксовой «парадигмы производства» (Г. Маркузе) до инструментальной деятельности²¹³.

Хабермас отказался от «гегельянско-марксистского» единства критики познания, теории общества и историко-философского разума. «История и классовое сознание» Лукача и «Диалектика просвещения» Адорно и Хоркхаймера представляют собой соответственно оптимистический и пессимистический варианты этого единства. Говоря точнее, Хабермас методически разрабатывал это единство в двух различных направлениях рациональности: в направлении познания природы материального процесса жизни обществ и в направлении символически опосредованной коммуникативной практики, в которой лежат корни норм и социальных установлений. Из этого методического различения вытекает, что «свобода» и «необходимость» теперь не могут исходить из одного-единственного принципа и «объединяться» в нем: это правило было развернуто Марксом на примере понятия труда (как *poiesis* и *praxis*). Современной эпохе более не соответствует единое историко-философское понятие «прогресс». Теория познания, стремящаяся обеспечить себе основу достоверности теоретической ориентации, не дает никакой гарантии осуществления практического разума. Прогресс в сфере эмансипации — это вопрос эмпирии (успеха) и проблема практической философии (закрепление критериев и нравственных принципов оценки данных общественных форм). Таким образом, кантовский «дуализм» бытия и должностования возродился на почве марксистской теории.

Эта проблематика принимается Хабермасом и получает определенное решение. Он считает (так сказать, вместе с Кантом и против Гегеля), что стандарты рациональности теоретического и практического разума не выводимы друг из друга взаимнообразно, а следуют различным организующим принципам: различные «интересы, управляющие деятельностью» у раннего Хабермаса, и различные «обязательства обоснования» в теоретических и практических рассуждениях по-

в отличие от «синтаксиса» и «семантики» как измерение языковой деятельности. Хабермас исходит из „Sprachakt-Theorie“, развитой на основе идей позднего Витгенштейна прежде всего Остином и Сэрлем, увязывая ее с теорией практической intersубъективности как «коммуникативной деятельностью». В отношении последнего аспекта в свою очередь примечателен американский прагматизм, прежде всего социальная философия Джорджа Герберта Мидса.

²¹³ Ср. статьи: G. Markus, A. Honneth, J. P. Arnason. — In: „Arbeit, Handlung, Normativität“.

следующей хабермасовской теории рациональности. Хабермас все же стремится преодолеть дуалистические последствия такого результата: как и у Маркса, систематизированный социальный контекст должен стать горизонтом комплексного понятия освобождения. Хабермас всегда придерживался этого, хотя избранные первоначально методологические средства реализации этой программы исследования изменились: от трансцендентно-философских средств (все еще воплощенных в идее человеческого рода как субъекта мировой истории) «познания и интереса» до приземленной философии языка 70-х годов с ее экспериментальным преодолением трансцендентализма теории познания с помощью теории деятельности.

Как бы то ни было, теоретический смысл, увязанный Хабермасом с лингвистическо-прагматическим обоснованием теории общества, состоит в реализации Марксовой программы исследования определения условий возможности социального освобождения, но только не средствами философии истории. Иными словами, в обнаружении неидеалистического обоснования примата практического разума интереса над эмансипацией. Если можно доказать тот факт, что в своей деятельности (а лингвистическая прагматика позволяет даже теоретические выкладки представить в основном в виде деятельности) общественные индивиды постоянно следуют рациональным стандартам практического разума (с помощью коммуникативного структурирования общественной среды), то на этой основе можно показать этический примат познавательной перспективы, оценивающей институты и нормы ассоциированной жизни, при этом не впадая (подобно Максиму Адлеру в начале века) в идеалистическую непоследовательность «сведения систематизированных условий современных обществ к «априорной коммуникативной общности» и не упуская из виду дифференциации современного знания.

Пересмотр Марксовой диалектики производительных сил и производственных отношений как различий в правилах инструментальной и коммуникативной деятельности дает Хабермасу одновременно возможность пересмотра различий естественнонаучного и социально-научного познаний как рационализации различных модальностей (наряду с различными обязательствами обоснования). Этот путь Хабермаса изначально был связан с гегелевской «Философией духа» юнгского периода, где труд и взаимодействие трактовались как различные модальности процесса формирования «духа» («объективного») ²¹⁴. Затем связь (вначале лишь косвен-

²¹⁴ J. Habermas. Arbeit und Interaktion. Bemerkungen zu Hegels Jenenser „Philosophie des Geistes“. — In: *ID. Technik und Wissenschaft als „Ideologie“*. Frankfurt am Main, 1968, S. 9—47.

ная²¹⁵) с веберовским различием «формальной» и «материальной» рациональности открыто сформулирована в «Теории коммуникативного действия» (Theorie des kommunikativen Handelns)²¹⁶. Как и Вебер, Хабермас не считает необратимыми эти различия в системах деятельности современных обществ, но в отличие от Макса Вебера стремится к гарантированной перспективе (с точки зрения теории общества), эволюционистской, неслучайной рационализации норм деятельности, чтобы будущее социалистическое общество, этически «уравновешенное», не было бы основано на иррациональных ценностных решениях или задушено в тюрьме технократической модели социализма.

5. Гносеологическая двойственность диалектики «Капитала»: Маркс и Гегель

«Возврат к Марксу», воплощенный в различных попытках ориентации на марксистские гносеологию и эпистемологию, прежде всего был возвратом к «Капиталу» Маркса и к различным предшествующим ему подготовительным работам: «Введению» 1857 года, «Экономическим рукописям 1857—1859 годов», «К критике политической экономии» (1859), части «Экономической рукописи 1861—1863 годов», опубликованной под названием «Теории прибавочной стоимости». Что бы ни думали об «эпистемологической цезуре» молодого Маркса, в произведениях «зрелого Маркса» 50-х и 60-х годов уже имеется — таково было мнение — научная диалектика исторического материализма, если и не на уровне явно сформулированных «рассуждений о методе», то по крайней мере «в практическом виде». Поэтому речь попросту шла о том, чтобы выявить эту диалектику. Именно так была сформулирована задача в различных попытках приблизиться к новому прочтению «Капитала», и в этом смысле это было прочтение *метатеоретическое*.

Совершенно разные результаты этих попыток реконструирования Марксовых «диалектики», «метода», «проблематики» приводят к иному результату: произведения «зрелого Маркса» по критике политической экономии не столь однозначны, как это казалось интерпретаторам Маркса — как «диалектическим», так и «научным». Иными словами, различные и зачастую непримиримые реконструкции Марксовой диалектики, которые мы обнаруживаем в неомарксизме, можно было бы объяснить не только различиями национальных марксистских традиций, но и гносеологической «двой-

²¹⁵ См. его выступление с маркузианской интерпретацией Макса Вебера в: „Technik und Wissenschaft“, S. 48—103.

²¹⁶ „Theorie des kommunikativen Handelns“, vol. I, cap. II.

ственностью» диалектики в самом «Капитале» и в подготовительных работах к нему.

Если под «диалектикой» Маркса, отраженной в «Капитале» и подготовительных работах к нему, понимать форму «экспозиции», то она выливается в два совершенно разных, в конечном счете непримиримых, варианта прочтения. Один из этих вариантов имеет ясный и четко разработанный прототип в гегелевской «Науке логики». Эта, так сказать, «высокая» диалектика со всей очевидностью превалирует в первых, еще не полностью изданных исследованиях Маркса в области критики политической экономии. На ней основано ленинское высказывание о том, что «Капитал» можно понять только после тщательного изучения логики Гегеля. Однако как раз в этом методологическом прототипе содержатся, как мы еще увидим, причины ее поражения. Второму варианту, недавно названному «редуцированной диалектикой»²¹⁷, не соответствует никакая методологически разработанная модель — по крайней мере во времена Маркса. Она могла бы быть интерпретирована как не доведенный до конца переход к «конкретным стандартам современной логики науки и методологии общественных наук аналитического образца»²¹⁸.

При обоих вариантах прочтения рассматриваются не только специфические «диалектические» формы производных от понятий и гипотез. Двойственность экспозиции относится и к введенным Марксом рабочим понятиям (таким, например, как «форма»), и к характеру теоретических операций (как, например, «абстракции» или определение «противоречия»). Эта неоднозначность означает, что на самом деле возможны два варианта прочтения, но они не могут быть отделены один от другого в самом тексте Маркса.

Согласно первому варианту прочтения, который мы назовем «высокой диалектикой изложения», диалектика изложения есть свойство одного и того же объекта исследования (то есть способа капиталистического производства, поскольку он соответствует своему «понятию»). Движение «от абстрактного к конкретному» или от «особенного к всеобщему» понимается как саморазвитие структуры²¹⁹, мыслимое как «раз-

²¹⁷ См.: G. Göhler. Die Reduktion der Dialektik durch Marx. Strukturveränderungen der dialektischen Entwicklung in der Kritik der politischen Ökonomie. Stuttgart, 1980, S. 25 ff., 160—166.

²¹⁸ Ibid., S. 171.

²¹⁹ Уже отождествление фундаментальной структуры — «изначальная клеточка» и т. д. — представляет систематические трудности, которые трудно представить как случайные: является ли эта основная структура реальным субстратом, «реальной абстракцией» (Краль, Зон-Ретель)? Что именно мы должны представлять в виде такой реальной абстракции? Речь идет об отдельном товаре, понятии с точки зрения «идеального типа», или об определении отношения (сопоставимость товаров как меновых стоимостей), или же о «противоречии» (потребительная стоимость/меновая стоимость)?

витие», или «движение», от простого, элементарного к сложному, дифференцированному. Теоретик, превративший *pehus gegit* в точку отсчета, в «зародышевую клеточку», ограничивается лишь созерцанием. Это движение, которое не может скрыть свое родство с самостоятельным абсолютного духа²²⁰. Это структурное родство с гегелевской логикой все же смягчается тем, что «абстрактные» данности (подобно «стоимости») конкретизируются благодаря собственному движению и порождают действительные процессы (например, обращение).

Согласно второму варианту прочтения, который можно назвать «редуцированной диалектикой изложения», изложение — это теоретическая процедура. Маркс представляет свою теорию «законов движения» капитализма как последовательность частных теорий, все более богатых и конкретных, а не как уже завершённое целое²²¹. Прогрессивному росту новых концептуальных определений и гипотез законов соответствует последовательное расширение сферы применимости. Реконструкция (связанная с различными уровнями абстрагирования²²²) объективной сферы «простого обращения» как теоретической подсистемы, к примеру, связана с другими механизмами капиталистического способа производства (подобно получению прибавочной стоимости в процессе производства). Это позволяет ставить и решать проблемы относительно природы эмпирического «действительно-го объекта»²²³.

Два варианта прочтения отличаются друг от друга не в последнюю очередь различной близостью к Гегелю. Как пишет Гёлер, они могут быть увязаны с широтой Марковского «гегельянства» в «диалектическом развитии оснований своей экономической теории». Итак, можно спросить, «состоит ли особенность его диалектики... в преимущественном поиске самодвижения и в материалистическом самообосновании категорий посредством движения самого объекта? Или же ге-

²²⁰ Ритсерт (*Ritsert*). — In: „Probleme politisch-ökonomischer Theoriebildung“, S. 12 ff.) справедливо утверждает, что при таком прочтении «возрождается идеализм на почве анализа товара».

²²¹ Новак реконструирует эту процедуру как процесс возрастающей конкретизации теоретических моделей, возникших на основе «идеализированных предпосылок» (См.: *L. Nowak. La scienza come idealizzazione: i fondamenti della metodologia marxiana*. Bologna, 1977).

²²² Почти инструменталистская концепция теоретических определений понятий практически утверждается самим Марксом, когда он в «Предисловии к первому изданию «Капитала» сравнивает «силу абстракции» с микроскопом или с химическими реактивами.

²²³ Обсуждение «систематического отношения частичных теорий» в рамках «Капитала» Маркса при помощи «структуралистского подхода» (теории интертеоретических отношений), развитого Дж. Снедом (*J. Sneed. The logical structure of mathematical physics*. Dordrecht, 1971), см.: *W. Diederich, H. F. Fulda. Sneed'sche Strukturen in Marx'schen „Kapital“*. „Neue Hefte für Philosophie“, 1978, № 13, S. 47—80.

гегельянская перспектива Маркса, учитывая ее значение для разработки современной аналитической концепции науки, несводима к некоторым метатеоретическим элементам, таким, как предпосылочный характер, сущность-явление, генетическое обоснование и т. п.»²²⁴. Однако оценка возможностей двух метатеоретических вариантов прочтения «Капитала» еще ничего не говорит о том, которая из них является предпочтительной. Начиная с 70-х годов умножаются попытки не столько «пересмотра», сколько рациональной (не гегельянской) перестройки теоретической модели «Капитала» Маркса. И хотя речь идет о попытках, многообещающих и перспективных, как считают сами авторы, здесь невозможно говорить о них более подробно²²⁵.

В дальнейшем изложении этого параграфа мы попытаемся выявить затруднения, с которыми встречается реконструкция (намеченная самим Марксом) «Капитала» в категориях гегелевской логики. То обстоятельство, что эти трудности не могут быть преодолены с помощью гегельянско-марксистских инструментов, пока что остается конечным результатом истории новейших попыток разработки марксистских эпистемологии и гносеологии.

Изначальное построение понятия капитала может быть реконструировано в виде диалектической логики развития на основе «Экономических рукописей 1857—1859 годов», «Фрагмента первоначального текста второй главы первого выпуска „К критике политической экономии“» и переписки Маркса²²⁶. Оно строится по схеме трех последовательных этапов «имманентно самовоспроизводящихся» структур единства противоположных сторон, которое только на третьей ступени приобретает характер тождества (тождественность и нетождественность).

Первый уровень: непосредственное (абстрактное) единство потребительной стоимости и меновой стоимости; в основе потребительной стоимости лежит товар.

Второй уровень: это единство не возникает непосредственно, из-за необходимости удвоения двух форм существования единого «потребительная стоимость — стоимость»; оно

²²⁴ Göhler. Die Reduktion, S. 23.

²²⁵ Я вспоминаю здесь лишь некоторые труды в этом направлении, которые были созданы в 70-х годах: Nowak. La scienza come idealizzazione, и другие работы «Познаньской школы»; см.: „Poznan studies in the philosophy of the sciences and the humanities“, издаваемые начиная с 1975 года издательством „Grüner“ в Амстердаме; Ritsert. Probleme politisch-ökonomischer Theoriebildung; ID. Zur Wissenschaftslogik einer kritischen Soziologie; S. Veca. Saggio sul programma scientifico di Marx. Milano, 1977; U. Steinworth. Eine analytische Interpretation der Marxschen Dialektik. Meisenheim an der Glan, 1977; Cohen. Marx's Theory of History; „Neue Hefte für Philosophie, 1978. № 13 — специальный номер, посвященный «методологии Маркса» (с участием Ланге, Дидериха, Фильда и Новака).

²²⁶ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, с. 251—252.

нуждается в противоположности «товар—деньги» (где противостояние «потребительная стоимость — стоимость» постоянно тяготеет в большей степени к одной из двух сторон). Совокупность денежных функций обращения товаров образует первое «опосредованное целое» оппозиции «потребительная стоимость — стоимость»: это простое обращение. Такое «всего лишь формальное» целое не содержит в себе принципа своего единства, так как не выявляет своих предпосылок — структуру, которую Маркс трактует как «противоречие»²²⁷.

Третий уровень: опосредованное единство. Тождество тождественного и нетождественного представляется в виде единственной структуры, которая есть объединение товара и денег, — первое (абстрактное) понятие капитала. Они [деньги как капитал] являются единством товара и денег, но их совершающим процесс единством, и в такой же мере, в какой они не являются ни товаром, ни деньгами, они вместе с тем являются как тем, так и другим»²²⁸.

Эта архитектоника развития понятия капитала, присутствующая еще в его разложении (капитал вообще, особенный, единичный)²²⁹ совершенно непонятна вне связи с категория-

²²⁷ Противоречие простого обращения, с помощью которого во «Фрагменте первоначального текста» дается понятие капитала, полностью отличается от противоречия, раскрытого в главе IV первого тома «Капитала» — «Hic Rodhus hic salta!», — приводящего к понятию капитала. Окончательный вариант, опубликованный Марксом, не представляет никакой проблемы с точки зрения аналитической эпистемологии. Здесь перед нами проблематическая антиномия, лежащая в основе новой теоретической гипотезы (производство прибавочной стоимости) новой концепции (потребительная стоимость товара рабочая сила). Предыдущий вариант («Фрагмент» 1858 года) должен был объяснить переход к понятию капитала, исходя из «противоречия денег» в его третьем определении («деньги как деньги»), что выводит «простое обращение» за пределы самого себя. Это происходит на основе «предпосылок, не определяемых из самих себя». Свою логическую завершенность (Маркс называет ее в гегелевском духе «автономией») в определении как «завершенной меновой стоимости» этот процесс обретает не в самом обращении, а в его преодолении. Следовательно, сфера простого обращения все еще не является автономной, «полагаемой» меновой стоимостью, а «остается производством, на основе которого возникает меновые стоимости». То, что Маркс на этих же страницах называет этот переход также «возвратом простого обращения капитала», есть нечто большее, чем «кокетничанье» с Гегелем. Все действующие понятия в этой первой версии введения в понятие капитала на самом деле происходят из представления о «возвращении определений рефлексии к своему основанию», которое мы находим во втором томе гегелевской «Науки логики». Следовательно, неудивительно, что авторы всех «категориальных» интерпретаций «Капитала» предпочитают использовать этот первый вариант, а не последующие.

²²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, с. 484.

²²⁹ Это понятие «капитала вообще» полностью исчезает в варианте «Капитала», изданном Марксом, в котором вместо него мы находим такие понятия, как «внутренняя связь», «законы явлений» и т. д. Однако это «изменение основ» не просто терминологическое, так как понятие «капитала вообще» понимается лишь как первый абстрактный уровень гегелевской триады, и только на третьей ее ступени капитал в его «единично-

ми «Науки логики» Гегеля. Например, определения «простого обращения» (как первоначальной сферы опосредования сложного капиталистического процесса), приводящие к «противоречию денег», концептуализированы в очевидной близости к рассуждениям Гегеля о чистых рефлексивных определениях во втором разделе «Науки логики» (учение о сущности). При более глубоком подходе оказывается, что эта близость к гегелевской «Логике» поверхностна и не означает совпадения или полного «соответствия» с моделью Гегеля. Иными словами, Маркс использует гегелевские категории, превращая их в рабочие понятия, не учитывая их (онто)логического статуса, который у Гегеля служит предпосылкой их методологического употребления.

Г. Ф. Фульда выявил существенные отличия структур, которые у Маркса и Гегеля называются «противоречиями». В то время как у Гегеля «противоречие» означает отношение двух определений рефлексии, мыслимых «самостоятельными», у Маркса такой симметрии не существует для противоположных сторон «противоречия»²³⁰. «Разрешения противоречия» также существенно разнятся. У Гегеля нестабильность подавляется (как показал Д. Хенрих, это может иметь место при наличии предпосылки — простого понятия субстанции²³¹), у Маркса она лишь динамизируется; она обретает иные формы движения.

Наиболее серьезные возражения против тезиса о «соответствии» структур Марксова движения «товар—деньги—капитал» гегелевской «Логике сущности» были выдвинуты в середине 60-х годов Гансом-Юргеном Кралем в работе, которую он парадоксальным образом назвал «Логика сущности и Марксов анализ товара». «Имманентный синтез» определенного содержания, соответствующего гегелевским построениям, невозможен, если исходить из Марксовых посылок. Это происходит оттого, утверждает Краль, что у Маркса неструктурированная «формальная стоимость» неспособна из самой себя самоорганизоваться в пространственно-временные формы; она... должна найти стоимость-форму, в некотором смысле отличающуюся от природной формы товара». Парадоксальный результат этой гипотезы о структуре объектного мира, имплицитно присутствующий в Марксовой теории, таков, что «абстрактная стоимость обретает фе-

сти» опосредуется самодвижением стоимости к себе самой. В основе этой конструкции «отношения капитала с самим собой» лежит гегельянское понятие конкуренции капитала, закономерно предопределенное потерпеть неудачу в решении проблемы средней нормы прибыли и поэтому не использованное Марксом в третьем томе «Капитала».

²³⁰ H. F. Fulda, *Dialektik als Darstellungsmethode in Marx's Kapital*. — „*Ajatus*“, XXXVIII, 1977.

²³¹ D. Henrich, *Hegels Logik der Reflexion*. — In: *ID. Hegel im Kontext*.

номенальную форму, качественно отличающуюся от природной формы товаров, только в самих этих природных формах»²³².

Очевидно, что такая диалектика не имеет ничего общего с гегелевской «логикой сущности». Краль говорит о логико-онтической структуре, единственной, с которой может быть сопоставимо «косвенно материалистическое учение об объектах» Маркса.

Мы указали на эти затруднения оттого, что они могут послужить основой соответствующего прочтения Марксовой «диалектики». Позиция Маркса в отношении Гегеля «непроста», особенно тогда, когда Маркс следует гегелевской модели. Иначе говоря, нет двух Марксов, как это утверждает Колетти, один из которых трактовался бы в философских (гегельянских) терминах, а другой — в научных. На самом деле существуют две версии «Гегеля» у Маркса, две функциональные модальности гегелевской диалектики в самой Марксовой теории.

Первая функциональная модальность гегелевской диалектики проходит через то направление Марксовых рассуждений, в котором осмысливаются в гегелевском духе структурные контексты в соответствии с «логикой», прямо противоположной систематической процедуре гегелевской логики. «Кокетничанье» означает здесь критическую позицию, которая у Маркса принимает форму «разрыва» (*Umstülpung*). «Разрыв» — это указание на то, что гегелевские категории используются таким образом, что отрицается, или разоблачается как иллюзорное, абсолютное мышление высшего разума. Фульда определил этот «разрыв» (особенно в Марксовом определении структур противоречия) как «дисфункциональность, приводящую к нестабильности», и извлек соответствующие выводы для Марксова представления социальных структур²³³. Все это не является единственным аспектом или, скорее, причиной критического использования Марксом гегелевских концептуальных форм. Вторым элементом, который в истории марксизма приобрел самостоятельное значение, является упор Маркса на «материалистические», или реалистические, основные предпосылки систематической теории общества, упор, который придает совершенно иной смысл таким используемым им понятиям, как «сущность» или «су-

²³² Kralh. *Costituzione e lotta di classe*, p. 47—48.

²³³ «Вследствие этого диалектика не может перейти от непосредственного единства к более глубокому единству опосредования. Напротив, каждый раз она идет от непосредственного и относительно поверхностного противоречия к противоречию более сущностному, характерному для более широкой области явлений и имеющему, следовательно, более важные следствия». См.: H. F. Fulda. *These Zur Dialektik im Kapital*. — In: "Hegel—Jahrbuch 1974". Köln, 1975; также: *Luporini, Dialettica e materialismo*, p. 206 sgg.

ществование», то есть «явление». Третий элемент — это тот факт, что Маркс всегда твердо отстаивал несводимость жизненного момента к системным установкам буржуазного общества (обращение, законность, политико-институциональная стабильность), что тесно связано с притязаниями его теории на освободительную направленность²³⁴. Маркс противопоставляет гегелевской теории общества, или лежащей в ее основе логике, то, что, по его мнению, было теорией системных предпосылок буржуазной эпохи, концептуальными определениями в духе Гегеля человеческих потребностей, то есть объективными конститутивными предпосылками. В этом отношении достаточно вспомнить его рассуждения по поводу «потребительной стоимости». Эта сфера напряжения «форм потребительной стоимости» и форм «стоимости» каждый раз заново определяется на всех уровнях теории капитала. «Диалектика» здесь есть указание на противостояние и потенциальный конфликт, который не столько выводится из «материалистического» характера его анализа, сколько связан с его нормативной ориентацией на жизненные потребности социальных индивидов²³⁵.

Критическое использование Марксом «разрушенных» гегелевских структур недостаточно для обоснования системных притязаний теории капитала. Эти притязания становятся понятными в имманентной последовательности структур «триады» (последовательности, единства и противоположности «потребительная стоимость — стоимость»), приводящей к понятию капитала, что и является конкретной диалектикой самого капитала. Систематическому диалектическому развертыванию критики политической экономики неизбежно предпослан факт «существования структурного тождества Марксова понятия капитала и гегелевского понятия «Духа»²³⁶. Эта предпосылка косвенно названа и самим Марксом. Решающим для возможности диалектических переходов от непосредственного (абстрактного) единства к опосредованному (конкретному) единству является тот факт, как отмечает Маркс

²³⁴ О понятиях «система» и «мир жизни» см.: J. Habermas. *Theorie des kommunikativen Handelns*.

²³⁵ См.: P. A. Rovatti. *Critica e scientificità in Marx*. Milano, 1973. Понятие «субъективности», к которому относится эта критика, показывает, как отмечает Роватти в последней статье, свою постоянную нестабильность: «Однако субъект жизни не соответствует субъекту прозрачного сознания. Здесь двойной недостаток — метода и содержания. Критерий научности не функционирует, если его измерением является это очевидно слабое понятие жизни. Содержание его перемещается от идеи самостоятельной финальности к идее животворящей силы. Субъект и есть эта сила, которая не превращается ни в категорию, ни в понятие. К ней более неприменима прозрачность понятия» (*Id.* Marx, *lavoro vivo e questione del soggetto*. — "Aut-aut", novembre-dicembre, 1981, № 186, p. 17).

²³⁶ Reichelt. *La struttura logica del concetto di capitale in Marx*. Bari, 1973, p. 76.

во «Фрагменте первоначального текста»²³⁷, что противостояние потребительной стоимости и стоимости, или «отраженных» (конкретизированных) форм этого противостояния, разрешается каждый раз в пользу одной из двух сторон, а именно в пользу «стоимости». Только на основе этой предпосылки допускается «необходимость», то есть тот факт, что простое обращение, не содержащее в самом себе принципа своего самоотжестствления, «имманентно» приводит к самовоспроизводящейся структуре «капитала».

«Близость» гегелевскому понятию субстанции состоит в том, что объект исследования сохраняет тождество самому себе, в силу чего теория лишь следует за саморазвитием объекта. Каков же субъект или сущность этого тождества (тождественного и нетождественного)? По нашему мнению (которое легко мог бы подтвердить текстуальный анализ²³⁸), в подлинной Марксовой концепции понятие стоимости и есть понятие субстанции. Эта концепция приближается к «гегелевскому решению философствовать на основе предпосылок философии тождества»²³⁹ в большей степени, чем это полагает сам Гельмут Райхельт, один из инициаторов новых диалектических интерпретаций «Капитала». Схематично это выглядит так: «стоимость» в качестве универсального принципа капиталистического общества (то есть как капитал) является предпосылкой своего «имманентного» преодоления, то есть предпосылкой капитала. Марксова критика политической экономии, таким образом, является гегелевским «замкнутым кругом», кусающим себя за кончик хвоста котом.

Остается лишь перечислить возможные аргументы, делающие гносеологические проблематичной эту диалектику понятия капитала как понятия системного, которую мы представили здесь в ее основных чертах. Например, не заслуживает доверия основная предпосылка диалектического понятия капитала — тождество «теоретического объекта», полученного в результате анализа. Если для Гегеля «сущность» — это наиболее развитое понятие «бытия», а «основание» — более завершенное понятие, нежели «сущность», то Марксо-

²³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II.

²³⁸ Вспомним лишь, что в 1858 году Маркс представлял труд во всех планах в первой главе критики политической экономии под названием не «товар», а «стоимость». Следовательно, первоначальная диалектическая триада была не «товар/деньги/капитал», а «стоимость/простое обращение/капитал» как формы реализации единства потребительной стоимости и меновой стоимости: от непосредственного единства в товаре, которое столь же непосредственно разрушается, к единству процессуальному, «полагаемому» как опосредование, но не автономное в простом обращении, вплоть до автономного единства как опосредования, способного к самообновлению капитала, производства меновой стоимости как «автоматического субъекта», как говорится в напоминании об этой гегелевской формуле в первом томе «Капитала».

²³⁹ Reichelt, La struttura logica, p. 155.

во понятие о производстве прибавочной стоимости не является более завершенным, чем понятие обращения, понятие увеличения стоимости не является более завершенным, чем понятие меновой стоимости. Производство прибавочной стоимости и увеличение стоимости образуют сложный механизм, в рамках которого обращение и меновая стоимость представляют функцию, анализ которой в свою очередь является предпосылкой описания всего механизма.

Еще менее значима для теории капитала системная предпосылка гегелевской логики о возможности самотематизации идей. Превращенное отношение мысли и объектов (рефлексия) делает возможным полагание «чистой» мысли как отношения с самой собою в качестве категориальной основы всех объектов. Очевидно, что эта структура с самого начала служила Марксу эвристической моделью объяснения накопления как «самовозрастания стоимости».

Наконец, проблематична и сама системная претензия, присущая категориям и диалектической процедуре гегелевского типа. Гегель понимал диалектику как систематическую теорию метода и (*lo ipso*) теорию действительности. С этой точки зрения «рассуждение о методе» могло бы быть полностью обоснованным в том только случае, если возможно доказать, что развитый методологический инструментарий подходит для всей реальности в целом. В качестве системы метода диалектика (в этом случае «логика» в гегелевском смысле) совпадает с системой своего содержания. Таким образом, диалектика имеет смысл только как система, и в качестве таковой она соответствует закрытому принципу, неотделимому от системы «идеологического заказа»²⁴⁰.

Величайшая ошибка, за которую молодой Маркс упрекал гегелевскую диалектику, состоявшая в том, что она охватывает «единство в сущности, в идее, что понимается как противоречие явления», оказывается неотделимым компонентом диалектики в систематическом смысле, в том смысле, в котором Маркс использует ее для своего диалектического понятия стоимости—капитал.

Концепция диалектики тесно связана с претензией на всеобщность, которую многие марксисты постоянно соотносят с теорией капитала. При этом считается, что из структуры диалектического понятия стоимости (—капитала) может быть «выведен» весь комплекс современных общественных явлений (политических, идеологических и т. п.). Предпосылка «интерпретации истины», которую Делла Вольпе критиковал в качестве принципа спекулятивного идеализма, утра-

²⁴⁰ Как пытается сделать Фульда в своих плодотворных работах: "Unzulängliche Bemerkungen zur Dialektik". — In: H. P. Horstmann (Hrsg.). *Dialektik in der Philosophie Hegels*. Frankfurt am Main, 1978, S. 33—69.

чиваются для марксистской науки одновременно с утратой гегелевской иллюзии (раскритикованной Марксом во «Введении»), состоящей в том, что действительность понимается «как результат самопознающей, самоуглубляющейся и саморазвивающейся мысли»²⁴¹.

Притязания на всеобщность диалектического понятия капитала вынудили на марксистских дискуссиях вновь ввести в оборот целостную динамику капиталистических обществ, развивающихся почти всегда («в экономическом смысле слова») до капиталистического увеличения стоимости. Поскольку диалектическое понятие стоимости в сущности не отличается от притязаний на возможность вывести из его саморазвития всю «тотальность» современных социальных явлений, постольку марксистский социальный анализ всегда будет в состоянии увязать изменения в техноструктуре позднекапиталистического общества с теоретической моделью «Капитала» (но не вывести их из нее). Или же объяснить развитие форм государственной организации в их функциональной (но не дедуцированной) связи с производством стоимости и исторической эволюцией — как в формах капиталистического порабощения труда, так и в новых формах (опосредованных общественным состоянием) — распределения и других социальных конфликтами. Только посредством определения границ теоретической модели «Капитала» последняя может обрести способность к распространению, интеграции или теоретической коррекции другими «теоретическими объектами». И может быть, сможет найти свое место в более широком объяснении действительного развития капиталистических обществ.

²⁴¹ См. по этому поводу: *M. Adler. Marx und die Dialektik. — "Der Kampf"* 1. 1908, S. 256—265.

Агнеш Хеллер

ЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСИЗМА

Согласно философским и социальным концепциям Маркса, мир находится в постоянном изменении. Естественно, никакое, даже простейшее истолкование мира не может не учитывать ценностные суждения, в силу чего в многочисленных философских теориях речь идет о том, каким должен быть мир. Равным образом не была бы никем воспринята идея возможности (тем более необходимости) изменения мира без предварительного определения системы ценностей. Некоторые марксисты (от Плеханова до Альтюссера) утверждали, что марксистская наука должна быть свободна от приверженности тем или иным ценностям тех, кто участвует в социальной жизни. Если бы мы придали этому указанию универсальное значение, то оказались бы не в состоянии говорить о Марксовой (или, точнее, о марксистской) этике в любой ее форме, а лишь о частной морали тех людей, которые являются сторонниками марксистской теории, но независимо от своей приверженности практически действуют в соответствии с ценностями и нормами, не имеющими ни малейшего отношения к их научным убеждениям. Мнение Плеханова и Альтюссера само по себе не является абсурдным, но оно становится таковым, когда эти теоретики начинают утверждать, что марксистская наука подразумевает общественно-политическую практику. Прикладной наукой является технология, общественно-политическая практика ею не является. Она подразумевает сознательные действия индивидов, обладающих желанием и волей вызвать изменения в определенном направлении. Цель и/или изменение в направлении цели, по определению, являются объектами оценки. Кто бы ни брался за изменение мира в направлении желаемой цели, принимает на себя ответственность, по крайней мере подразумеваемую, за достижение и предпринятые действия. Из этого следует, что все остальные, не принимающие марксистскую теорию, вполне законно судят с этической точки зрения об общественно-политической деятельности ее последователей. Более того, по-разному истолковывающие марксистскую теорию марксисты выводят из нее разные (а зача-

стую даже противоположные) обоснования, совершенно различную общественно-политическую практику, вполне законно высказывают друг другу соответствующие этические суждения. Следовательно, мы не по собственному произволу подвергаем моральной оценке социалистические идеи, соответствие или несоответствие им способов их достижения: даже тот, кто отвергает нравственность, вполне обоснованно подвергается моральной оценке других.

Принципиально иной представляется проблема, содержит ли в себе марксистская теория в явном виде определенные моральные обязательства для своих последователей. Основанная на ценностях цель не предписывает автоматически тем, кто ее преследует, определенные обязательства, даже тогда, когда различные нормы поведения обычно связываются со специфическими ценностными объектами (Wertdinge). Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо вновь рассмотреть «случай Маркса», анализируя его вне связи с марксизмом. Поступая таким образом, я вовсе не предполагаю исследовать личную нравственность индивида по имени Карл Маркс, хотя это и не было бы излишне для рассматриваемой проблемы. И все же я должна выделить эту тему из всего комплекса Марксовой теории, опустив некоторые попутные замечания Маркса об этом.

1. Свобода и общественная необходимость

Возвышенный тон марксистской этики определился еще с той поры, когда молодой Маркс написал свою докторскую диссертацию. Изречение Эпикура, философия которого была темой диссертации: «Несчастье — жить в необходимости, но жить в необходимости вовсе не является необходимостью», — осталось основным философским убеждением в течение всей жизни Маркса. Для Эпикура несчастье жить в необходимости может превратиться в свободу в любой момент; для Маркса этот момент настал именно «здесь» и «теперь». В «предыстории» необходимо было жить в необходимости, но теперь уже нет. Все же Маркс следовал Эпикуру в решающем пункте: свобода для него всегда имела значение свободы индивида. Индивид свободен, если ни над ним, ни вне его не существует никакого авторитета. Страстные слова Прометея — «всех богов я ненавижу» — находил живой отклик у Маркса. Он дополнял их, говоря, что индивид не может быть полностью свободен, если он скован ненавистью к богам, если он ограничен в своих действиях, словно боги и не существовали. Он провозглашал, что атензм — не что иное, как первый шаг к коммунизму. Секрет «святого семейства» — земная семья. Для того чтобы освободиться от первого, мы

должны освободить себя от второго: от экономических связей, от государства, от семьи, от закона и даже от норм нравственного поведения. Это освобождение должно происходить не только в воображении, как это случилось в эпикуреизме, а в самой действительности: внешние авторитеты должны прекратить свое существование. Универсальная историческая роль пролетариата состоит в освобождении людей от всех стоящих над ними чуждых сил. Разумеется, процесс освобождения совершенно отличен от состояния свободы. Освобождение — это не цель, а только процесс, движение, которое приводит к свободе.

Идея о том, что абсолютная автономия личности идентична абсолютной автономии индивида в его глобальности, радикально порывала с кантовским различием *homo noumenon* и *homo phenomenon*. Маркс защищал единство noumenального и феноменального индивидов: человеческое общество, в котором нет никаких форм отчуждения, в действительности могло бы существовать лишь в том случае, если в нем было бы реализовано такое единство. Концепция, согласно которой в коммунистическом обществе индивидуальное бытие и сущность (человеческого) рода будут прогрессировать одновременно (идея, наиболее полно представленная в парижских «Рукописях»*), не была лишь только юношеским преувеличением, судьба которого — быть преодоленным в «зрелой» фазе. Маркс никогда не изменял этой прекрасной утопии и очень часто возвращался к ней. В «Святом семействе» он пишет:

А в «Теориях прибавочной стоимости» он подчеркивает: «Но свободное время, *время, которым можно располагать*, есть само богатство: отчасти для потребления продуктов, от-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 197.

части для свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью, — как угодно»².

Концепция зрелого Маркса отличается от концепции Маркса молодого только лишь постольку, поскольку он более не верит в то, что царство необходимости может быть полностью преодолено. Ведь поскольку природа не является «отчужденной силой», тот простой факт, что люди *должны* нечто делать, означает, что они не свободны. Необходимость (общественная необходимость) совпадает с отсутствием свободы. Там, где есть свобода, там полностью отсутствует общественная необходимость. Свобода стоит вне любой необходимости, любого принуждения, любой «внешней цели», какой бы они ни была. Очевидно, что в обоих цитатах совместный прогресс родовой и индивидуальной сущности подразумевается; без него мы не можем представить никакого общества, общества без необходимости, без принуждений, без какой-либо «внешней цели», навязанной индивиду. Совместный рост родowego и индивидуального бытия не означает, что речь идет о безнравственном обществе, хотя в нем нравственный авторитет заключен целиком «вовнутрь». Каким же образом люди смогут наказывать сами себя и в силу чего они должны будут это делать? Это мораль сознания, то есть мораль практического разума, «чистого», поскольку он не «затронут» внешним принуждением (какой-либо субстанциальной ценностью), но не чистого, поскольку ното пошпепоп и ното рнепопепоп становятся тождественными.

Идея абсолютной автономии (совместный прогресс бытия родowego и индивидуального) подразумевала не только радикализацию Канта, но также и радикализацию гегелевской концепции взаимодействия между институциональным этическим миром (*Sittlichkeit*) и моралью. В силу того что любое учреждение или объективация действует или может действовать в качестве внешней силы по отношению к индивиду, она, по Марксу, отчуждена. Поэтому необходимо выработать новое представление о *Sittlichkeit*. Это единственные человеческие узы, которые могут быть помыслены как прямое выражение индивидуальности, будучи при этом личностным человеческим контактом. Человеческое общество есть средоточие этих контактов. При коммунизме общество строится на «природных» предпосылках, равно как оно не опосредуется вещами. Исследователи Маркса знают, что для него производство товаров разрушает, а не укрепляет личностные отношения. Равным образом

² Там же, т. 26, ч. III, с. 265—266.

ясно, что и при коммунизме производство остается царством необходимости: в производстве «вещи» становятся посредниками между людьми, а люди опосредуют отношения между вещами. Полная социализация человеческой природы (совместный прогресс родового и индивидуального бытия) может осуществляться только в случае полного обобществления (*Vergesellschaftlichung*) человеческих отношений. В «Немецкой идеологии» Маркс пишет:

«...только в коллективе возможна личная свобода... Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное... В условиях действительной коллективности индивиды обретают свободу в своей ассоциации и посредством ее»³.

(Характеристика коммунизма как «общества ассоциированных производителей» в «Капитале» имеет отношение как раз к этому типу коллективности⁴.) Следовательно, в той степени, в какой коллектив может стать независимым по отношению к индивидам, он не является подлинным, а лишь его видимостью. Существуют различные формы «независимости» общества от индивидов: классовые отношения — лишь одна из многих форм. Таковы право, сословная политика и вообще любая система правил поведения, любой институт, который может следовать логике, относительно независимой от индивидуальных желаний и потребностей в любой данный момент. Мы возвращаемся, таким образом, к первоначальной проблеме: коллективность не может представлять по отношению к индивидам в виде отчужденной силы ни с какой точки зрения. Однако — и это «однако» имеет огромное значение — именно эта коллективность в качестве всеобщих социальных обязательств является предпосылкой личной индивидуальной свободы. Таким образом различие между *Sittlichkeit* и моралью *исчезает*. Лишенные опоры во внешних силах человеческие узы образуют *Sittlichkeit*, что в свою очередь есть не что иное, как отношение индивидуальной нравственности к внешнему миру. Эта концепция имеет некоторое сходство с кантовской утопией коллективного мира морали в его «Религии в пределах только разума»* — это с одной стороны, а с другой — напоминает Фейербаха. Однако онтологическо-антропологическое обоснование марксистской утопии иное: она тесно связана с материалистическим пониманием истории. Маркс очевидным образом отрицает, что «сущность человека» пребывает внутри самих индивидов в течение всей истории; напротив, она «открывается»

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 75.

⁴ Там же, т. 25, ч. II, с. 387.

* И. Кант. Трактаты и письма. М., 1980, с. 78—278. — Прим. ред.

только в «подлинной» коллективности. Он всячески подчеркивает, что эта сущность развивается вне индивидов, которые могут заново присвоить ее при коммунизме. Но как только человеческая сущность обретается, и родовое и индивидуальное бытие создается в единстве, неотчужденное общество с его человеческими отношениями явится воплощением этой сущности и, следовательно, социальные отношения, общественные связи станут гуманизированными, в значительной мере приобретут индивидуальную человеческую сущность.

Ценность свободы для Маркса имеет основополагающее значение, и это часто подчеркивается. Это касается, например, его идеи абсолютной автономии и отказа от подчиненности любой внешней силе. Ни то ни другое не является специфическим для Маркса. Свобода трактуется как высшая ценность почти всеми представителями новой философии. Отождествление свободы с абсолютной автономией постоянно проводится, в частности, Штирнером и Бакуниным, против которых Маркс вел непрекращавшуюся теоретическую войну. Итак, если мы хотим глубже понять особенности марксистской этической теории, мы должны проанализировать три следующих аспекта: интерпретацию свободы, концепцию моральных идей и норм, порожденных развитием «предыстории», и теорию процесса освобождения. Все три должны быть рассмотрены, естественно, с точки зрения морали.

Свобода — это развитие индивидов, происходящее независимо от внешних условий. А поскольку оно не зависит от внешних условий, оно — полное развитие всех человеческих способностей, их многостороннее развитие: «...развитие человеческих сил, которое является самоцелью, (есть) истинное царство свободы...»; «основным принципом (коммунизма) является полное и свободное развитие каждого индивидуума»⁵. Таким образом, свобода понимается не только как отрицательная идея (как свобода от любой внешней необходимости), но и одновременно как идея позитивная: свободная личность — это индивидуум, во всем богатстве своих потребностей, способностей, наслаждений и творческих сил. Здесь мы можем вернуться к уже упомянутой проблеме — упомянутой в связи с совместным прогрессом рода и индивида. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс пишет: «Богатый человек — это в то же время человек, *нуждающийся* во всей полноте человеческих проявлений жизни, человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда»⁶.

Мы уже говорили, что для Маркса общественная необ-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 387; т. 23, с. 605.

⁶ Там же, т. 42, с. 125.

ходимость не существует в «царстве свободы», поскольку оно противостоит «царству необходимости». Уменьшение общественной необходимости не означает исчезновения внутренней принудительности практического разума. В последней цитате внутреннее принуждение определяется как «потребность»: это «внутренняя необходимость», которая обозначает единство ноуменального и феноменального человека. Самое это внутреннее (рациональное) принуждение появляется не в своей собственной форме, а в виде потребности. И тем не менее это все же принуждение, поскольку является внутренней необходимостью. Кроме того, нет никакого основания считать, что Маркс отказался от этой идеи в последующих своих произведениях. Напротив, в «Критике Готтской программы» он подчеркивал, что труд станет жизненной потребностью (в «Капитале» он отрицал это самым решительным образом). Интерпретация свободы и абсолютной автономии индивидов как полного и тотального саморазвития личности — «цели самой по себе» — представляет собой концепцию, которую с полным основанием можно назвать «суперпросветительство».

Однако когда речь заходит об изменении хода истории и перестройке капиталистического общества, Маркс решительно отказывается от просветительской позиции. К радикальному преобразованию общества не могут привести ни нравственное воспитание, ни интеллектуальное просвещение человечества (или какого-либо отдельного общества) по той простой причине, что все интеллектуальные и нравственные понятия принадлежат как раз тому обществу, которое подлежит преобразованию.

Когда Маркс рассуждает о нравственных нормах и идеях в связи с религией, метафизикой и государством, поскольку они присущи специфическим формам социального обмена (Verkehrsformen) и в свою очередь связаны с конкретными типами производства, он имеет в виду систему нравственного поведения, названную Гегелем *Sittlichkeit*. Независимо от того, принимается или нет тезис о развитии производительных сил как независимой переменной исторического развития, без всяких оговорок можно подписаться под теоретическим выводом о том, что любая система норм нравственного поведения тесно связана со всей совокупностью процессов общественной жизни в любой культуре и в любом данном обществе. Поскольку речь идет об этой идее, «материалистическое понимание истории» достаточно широко распространено в современном западном, как марксистском, так и немарксистском, научном мышлении. Точка зрения Маркса была чужда различным «идеологическим формам», как он называл их. Он стремился понять их такими, каковы они есть, без «морализирования»: иными словами, он не хотел подчи-

нять их никакой разновидности современной морали; он не хотел их судить. Хотя бы то были отчужденные формы, тем не менее они были проявлением человеческого, а, как известно, латинское изречение «ничто человеческое мне не чуждо» было среди наиболее любимых Марксом.

Известно также, что Маркс верил в неуклонно идущую по пути прогресса всемирную историю. Ввиду того что преемственность прогресса он принципиально приписывал развитию производительных сил, он доказывал, что любая общественно-историческая формация стоит на более высокой ступени по отношению к предыдущей, несмотря на «неравномерное развитие» и возможные движения вспять. Такое понимание подразумевало также прогресс *Sittlichkeit*. Интересно заметить, что самая решительная критика капиталистического общества как раз самому этому обществу приписывала заслуги наибольшего, решающего прогресса в человеческом социальном обмене. Именно в этом месте вступает в силу «диалектика» прогресса. Все, что необходимо для освобождения человечества, создано капитализмом — включая самого освободителя, но исключая только самое освобождение. Что же касается мира докапиталистического, то о нем Маркс говорит: «Здесь, в пределах определенного круга, может иметь место значительное развитие. Возможно появление крупных личностей. Но здесь немыслимо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества, так как такое развитие находится в противоречии с первоначальным отношением [между индивидом и обществом]... Поэтому древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, кажется куда возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства. На самом же деле, если отбросить опраниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он

не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»⁷.

Иными словами, в противоположность всем другим предшествующим формам общества, в которых нормы *Sittlichkeit* указывали на предел человеческих усилий (направленных на производство богатства), капитализм преодолевает всякое ограничение. Не осталось никакой внешней силы, а лишь только внешнее экономическое принуждение. Таким образом, было реализовано избавление от внешней необходимости. Все, что остается, — это задача преодоления экономического принуждения (буржуазной частной собственности). Приписывание нравственной миссии пролетариату является результатом неверного толкования Маркса. Немного спустя я еще вернусь к этому, но уже теперь скажу: общественная или историческая миссия может быть нравственной миссией лишь в той мере, в какой исторический деятель имеет дело со значимостью человеческого поведения. «Могильщику» капитализма нет нужды соотноситься с какой-либо установившейся системой нравственной необходимости, так как капитализм успел уже разрушить их все. Маркс с одобрением отзывался о «цинизме» Рикардо как раз за то, что он в подходящей форме выразил «дух капитализма». Системы конкретных нравственных ценностей нового времени не являются «капиталистическими», а скорее, по Марксу, мелкобуржуазными; это изношенные лохмотья давно ушедшего мира. Осталась только одна внешняя сила — государство. Государство — это не нравственная власть, просто представитель гражданского капиталистического общества, по крайней мере так считал Маркс. В отношении к государству «миссия» пролетариата вовсе не «нравственная», а политическая: подчинить его, а затем уничтожить, используя для своих целей.

2. Против проповеднической морали

Антропо-этнологическая интерпретация различных структур *Sittlichkeit* и оправданная сдержанность в их моральной оценке не помешали Марксу вынести историческое суждение по поводу этих самых структур с точки зрения неизбежного «человечного общества». Одобрение разрушения всех внешних сил морального поведения как исторического прогресса — это само по себе суждение об истории. Внешние силы человеческого поведения — силы отчужденные по определению. Каковы бы ни были их субстанциальные ценности, их призывы к должному — все они подчиняют индивидуумов их собственным творениям, сводят все многообразие индиви-

⁷ Там же, т. 46, ч. I, с. 475—476.

дуальных качеств личностей к чему-то усредненному и сковывают их свободное развитие; все они поддерживают систему господствующей власти, вызывают страдания — прежде всего тех, у кого они и так в избытке. Господствующие нравственные идеи — всегда идеи господствующего класса. Однако существование классов и классовых морали представляет собой отчуждение господствующего класса ничуть не в меньшей степени, чем отчуждение класса угнетенного, хотя обычно в условиях отчуждения господствующий класс живет в свое удовольствие, а угнетенный страдает. Таким образом, материалистическое понимание истории приводит к утверждению ценности абсолютной автономии как свободного саморазвития каждой человеческой личности. Маркс пытался понять любую систему чуждых сил независимо от нравственных оценок, так как с точки зрения действительной истории «человеческого рода» все они оценивались негативно.

Марксова трактовка *Sittlichkeit* является ключом к пониманию Марксом нравственной мотивации. Хотя рассуждения по поводу этой проблемы встречаются сравнительно редко, идеи Маркса могут быть реконструированы довольно точно. Вот что он пишет в «Немецкой идеологии»:

«...коммунисты не выдвигают ни эгоизма против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не восприимчивы теоретически эту противоположность ни в ее сентиментальной, ни в ее выпяченной идеологической форме; они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезает сама собой. Коммунисты вообще не проповедуют никакой *морали*... Они не предъявляют людям морального требования: любите друг друга, не будьте эгоистами и т. д.; они, наоборот, отлично знают, что как эгоизм, так и самоотверженность *есть* при определенных обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов»⁸.

Общество, в котором мотивационный конфликт между эгоизмом и альтруизмом столь углубляется, — это как раз, по Марксу, и есть общество буржуазное. Самое противоречие вызвано этим обществом, и люди не могут не попасться в его сети. Вот почему коммунисты не проповедуют «мораль», а во все не потому, что они равнодушны к ней, как зачастую понимают только что процитированный фрагмент многие интерпретаторы. Тот самый Маркс, который писал свою докторскую диссертацию по древнегреческой философии и знал наизусть Аристотеля, имел в виду именно то, что он писал, — и ничего иного. Несомненно, что конфликт между эгоизмом и альтруизмом совершенно отсутствовал в древнегреческой философии. У Аристотеля целью каждого является

⁸ Там же, т. 3, с. 236.

счастье. Счастливый человек — человек добрый. По определению, добрый человек — это добропорядочный гражданин. Всякое свободное человеческое отношение носит взаимобразный характер. Хорошее государство служит основой благой жизни добропорядочного человека, и наоборот. Дружба основывается на взаимной выгоде, на взаимном удовольствии и на взаимной добродетельной деятельности. Эгоизм и альтруизм как типичные и противоположные крайние полюсы этического мира были немыслимы. Маркс был неоспоримо прав, утверждая, что этот конфликт мотиваций не «вечен», а коренится в капиталистическом мире. С другой стороны, Маркс, конечно, не описывал буржуазию как нравственное чудовище. Скорее напротив. Выступая против Штирнера, он говорил:

«„Корыстолюбец“, выступающий здесь как нечистый, нечестивый эгоист, т. е. как эгоист в обыкновенном смысле, есть не что иное, как заташенная моральными хрестоматиями для детей и ставшая излюбленной темой романов, но в действительности встречающаяся только в виде исключения фигура, а отнюдь не есть представитель корыстолюбивых буржуа — этим последним, наоборот, незачем отрекаться от «велений совести», «чувства чести» и т. д. или ограничивать себя одной только страстью корыстолюбия»⁹.

Когда Маркс отвергает «проповедническую мораль», то среди прочего он имеет в виду снять с капиталистов моральную ответственность за капитализм — предостережение, которое позже он повторил в «Капитале». Отсюда следует, что капиталистов только за то, что они — капиталисты, не следует ни наказывать, ни порицать как во время пролетарской революции, так и после нее. Этот важный вывод понят лишь немногими марксистами, может быть, только Розой Люксембург. Физическое уничтожение en masse капиталистов по той простой причине, что они были капиталистами, как это происходило после Октябрьской революции, уже доказывает неправомочность ссылок Ленина на Маркса.

Противоречивый выше фрагмент из «Немецкой идеологии» есть переформулировка концепции, изложенной в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Способ аргументации Маркса таков: «Мораль политической экономии — это *нажива*, труд и бережливость, трезвость, но политическая экономия обещает мне удовлетворить мои потребности. — Политическая экономия морали — это обладание, богатство такими вещами, как чистая совесть, добродетель и т. д.; но как я могу быть добродетельным, если я вообще не существую? Как я могу иметь чистую совесть, если я ничего не знаю? — В самой сущности отчуждения заложено то, что

⁹ Там же, с. 237.

каждая отдельная сфера прилагает ко мне другой и противоположный масштаб: у морали один масштаб, у политической экономии — другой, ибо каждая из них является определенным отчуждением человека, каждая... фиксирует некоторый особый круг отчужденной сущностной деятельности и каждая относится отчужденно к другому отчуждению¹⁰.

Впрочем, стоит отметить, что здесь в отличие от «Немецкой идеологии» Маркс ссылается на мотивационный конфликт рабочего, а не капиталиста. Очевидно, следовательно, что противоположность эгоизма и альтруизма — не что иное, как выражение противоречия между экономическими законами и нравственными нормами, а следовать тем и другим одновременно невозможно. Когда Макс Вебер будет позже говорить о множественности форм религиозности в новое время и о невозможности руководствоваться какой-либо одной из них, то он окажется намного ближе к Марксу, чем он мог себе это представить.

Однако существует огромное различие между Вебером и Марксом, проистекающее из скептицизма первого и мессианского оптимизма второго. Имея дело с дилеммой новой морали, с вызванными ею затруднениями у людей действия, в особенности политического действия, Вебер, несмотря на свой скептицизм, пытается по крайней мере установить твердый принцип морального деяния и суждения. Даже если его теоретическое решение в пользу «морали ответственности» недостаточно удовлетворительно, то заслугой является уже сама по себе его чуткость к подлежащей решению проблеме. Мессианский оптимист Маркс, впрочем, никогда не пытался сформулировать какой-либо принцип моральности деяния, и марксизм дорого заплатил за эту нерадивость. Появилась она не из-за равнодушия Маркса к вопросам морали, а благодаря его приверженности абсолюту.

В период «предысторий» нравственность носит отчужденный характер; нравственным поведением людей управляют чуждые силы. В последнем классовом обществе эти управляющие нравственным поведением людей внешние силы были уничтожены и появилась на свет новая индивидуальность с ее богатством потребностей и неограниченными стремлениями. Однако внутреннее управление людьми (сознание) встретилось с противодействием только одной неморальной и нуждающей силы — с природоподобными законами капиталистической экономики. Не было больше нужды во внешних нравственных принципах. Как только будет ликвидировано последнее препятствие «внутреннему давлению», люди станут наконец-то самими собой — свободными индивидами, в полной мере владеющими своим «нравственным органом», то есть сознанием.

¹⁰ Там же, т. 42, с. 133.

Само собой разумеется, что люди, порожденные капитализмом, раздраемы мотивационным конфликтом между эгоизмом и альтруизмом. Для того чтобы стать свободными индивидами, осуществляющими себя универсальным образом, они должны изменить себя. Люди создают сами себя. Они не могут изменить себя, не изменив мир. Революционно преобразуя мир, они изменили бы самих себя. Революция будет тотальной, и эта «тотальность» подразумевает тотальное изменение человека. Хотя Маркс и не думал, что феникс тотальной революции, возродившийся из пепла, предстанет в виде совершенно свободного человеческого существа, не обремененного своими нуждами, во всяком случае, он полагал, что после тотальной революции развитие человека пойдет по пути его беспрепятственного, полного, всестороннего, внутреннего и внешнего обогащения. В «Экономических рукописях 1857—1859 годов» он говорит об этом так: «Свободное время — представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности — разумеется, превращает того, кто им обладает, в много субъекта...»¹¹ Это «разумеется» весьма примечательно. «Естественным» для Маркса было не только то, что люди изменяют себя, преобразуя мир, в рамках этого процесса и с его помощью — это было бы слишком просто. «Естественное» — то, что предназначено к самопреобразованию в особом направлении (к свободе, к изобилию и т. п.). Естественным для Маркса было не только то, что свободное время изменит людей (новизна здесь несколько банальна), но прежде всего то, что люди будут меняться определенным образом (а именно: тяготея к полному и всестороннему развитию личности). В этом прочном убеждении имеется теоретическая ошибка. Подмена «преобразования в лучшую сторону» чистым и простым преобразованием (второе действительно «естественно», тогда как первое весьма далеко от него) — вот подлинная причина расхождения, о котором я уже говорила: вовсе ни к чему регулировать преобразование моральным принципом, если само преобразование и так приводит к высшему благу.

Твердое убеждение в том, что тотальная революция ведет к «подлинно человеческому миру», вовсе не подразумевает уверенности в нравственном превосходстве носителя (субъекта) революции. Маркс никогда не утверждал, что пролетариат нравственно стоит выше любого другого общественного класса. Всякий раз, когда он затрагивал эту проблему, он скорее настаивал совсем на противоположном. Вот что он писал в «Святом семействе»:

«Если социалистические писатели признают за пролетариатом эту всемирно-историческую роль, то это никоим обра-

¹¹ Там же, т. 46, ч. II, с. 221.

зом не происходит от того, что они... считают пролетариев *богами*. Скорее наоборот. Так как в оформившемся пролетариате практически закончено отвлечение от всего человеческого, даже от видимости человеческого; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя, однако вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечности велением неотвратимой, не поддающейся уже никакому приукрашиванию, абсолютно властной *нужды*, этого практического выражения *необходимости*, — то ввиду всего этого пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя... не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных устоев современного общества...»¹²

Маркс идет даже дальше и подчеркивает, что процесс освобождения (пролетариата и человечества в единовременном акте) вовсе нет нужды представлять как цель субъекта революции. Цель определяется «историей», а не историческим деятелем. «Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, согласно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать»¹³. Это не что иное, как сверхгегельянская трактовка. Освобождение понимается не только как признание необходимости, но и как признание необходимости, *необходимой* в себе самой (результат *необходимой* мотивации). Таким образом, цель не выбрана, а просто-напросто «дана», и в силу этого не может функционировать в качестве ценности как идея, направляющая действие. Мы знаем, что любое нравственное обязательство связано со специфическими объектными ценностями (Wertdinge). Если не существуют подобные ценностные объекты, принимаемые человечеством, общественным классом или прослойкой, то не может существовать никакое нравственное обязательство. Если пролетариат не постулирует хотя бы своего освобождения и освобождения человечества в качестве ценностной установки, то он как класс не наделен никаким нравственным обязательством. Места для какой-либо этики не остается — и это в отношении класса, о котором нам говорят, что он утверждает совершенный нравственный миропорядок.

Итак, не стоит удивляться тому, что участвующие в повседневной борьбе пролетариата марксисты ничего не могут поделать с великой философской конструкцией Маркса, ис-

¹² Там же, т. 2, с. 39—40.

¹³ Там же, с. 40.

током их идеологии. Неверное понимание этических следствий из общей теории Маркса — не только их вина. Здесь мы перечислим лишь некоторые из неверных трактовок.

3. Неверные марксистские трактовки этики Маркса

В то время как для Маркса нравственные и нормативные идеи включены в тотальность процесса общественной жизни, марксисты понимают нравственность как чистое выражение классового интереса. В то время как для Маркса вся классовая мораль, по определению, носит отчужденный характер, марксисты просто подчеркивают тот факт, что классовая пролетарская нравственность «справедлива». Конфликт между эгоизмом и самоотверженностью, описанный Марксом как выражение буржуазного общества, не описывается и не анализируется в качестве конфликта. Все происходит наоборот. Согласно трактовке последователей Маркса, пролетариат должен следовать собственному классовому интересу и отдельные трудящиеся должны отождествлять себя со своими классовыми интересами, которые, как предполагается, более значимы по сравнению с интересами личными. Больше того. Они должны подчинить свой собственный личный интерес этой высшей инстанции. Вот это и есть как раз та этика, которую, пользуясь словами самого Маркса, можно назвать полностью отчужденной. И все же именно эта полностью отчужденная этика (отчужденная в марксистской интерпретации) стала той самой этикой, которой придерживались в марксизме после Маркса.

Таким образом, как это ни парадоксально, «полезность», которую Маркс никогда не считал основой «справедливых» действий, превратилась в краеугольный камень этики, носящей его имя. К примеру, А. Паннекук, один из наиболее блестящих мыслителей-марксистов II Интернационала, выступал против утилитаристского редукционизма. Если бы этика могла быть просто дедуцирована из классового интереса, писал он, то тогда «моральное суждение всегда должно быть замещено на суждение здравого смысла, удостоверяющее полезность его или вред для общества»¹⁴. Однако после того, как он подверг критике редукционизм, сам он предлагал следующее окончательное определение «нравственного»: «Мораль — это не то, что полезно для класса, а то, что обычно и нормально соотносится с выгодой и интересом класса»¹⁵. В свою очередь Плеханов разрушает ультрагегель-

¹⁴ A. Pannekoek. Ethik und Sozialismus. — In: "Leipziger Buchdruckerei Aktiengesellschaft", 1906, S. 20.

¹⁵ Ibid., S. 22.

янство Маркса, превращая его в гегельянство традиционное. Подобно Марксу, он настаивает, что историческое деяние пролетариата необходимо, но выдвигает тезис о том, что признание этой необходимости уже есть свобода — свобода от невежества и от рабства — противоречия между идеальным и реальным¹⁶. Естественно, что сам Маркс никогда не говорил и не думал, что признание необходимости любого рода и есть свобода, какое бы толкование ни давать его словам.

Плеханов, как уже указывалось, строго отличал «научный социализм» от «идеалов» пролетариата. Первый дает нам возможность выявить необходимые тенденции исторического развития (свобода), вторые предлагают нам нравственные обоснования. Таким образом, «примирение» идеи и реальности подразумевает, что чем более обоснованно разумное воплощение необходимости, тем более оно будет нравственным. Плеханов подходит к общей формулировке такого взаимодействия: «И чем энергичнее борется человек за осуществление своего общественного идеала, чем больше самоотвержения обнаруживает он в такой борьбе, тем выше поднимется он на лестнице *нравственного развития*»¹⁷. Отвлекаясь от абсурдности (вовсе не безвредной) подобного обобщения, очевидно, что здесь полностью игнорируется противоположность эгоизма и альтруизма, которая, по Марксу, свойственна буржуазному обществу. Эгоизм и альтруизм не только «примиряются», но превозносятся в качестве воплощения подлинно марксистской этики: классовый эгоизм, с одной стороны, индивидуальная самоотверженность — с другой. В соответствии с подобной трактовкой классовый интерес образует «социалистическую этику», в силу чего индивиды должны пожертвовать собой ради этого интереса, если они мечтают «выше подняться на лестнице нравственного развития». Подобная концепция могла бы быть названа Марксом этикой тотального отчуждения, поскольку она предполагает, что классовый интерес функционирует как чуждая по отношению к индивидам сила. Индивиды же обязаны подчиняться полностью этой внешней силе. Когда позже Ленин отметил, что все, служащее интересам пролетариата, — благо, он положил завершающий мазок на картину этого опасно неверного понимания. Только что процитированная формулировка, конечно, утилитаристская. Но она имеет и иные следствия. Так, Ленин в работе «Что делать?» утверждал, что пролетариат не осознает своего подлинного интереса (его «стихийное» сознание есть сознание буржуазное) и что только марксистская

¹⁶ G. V. Plechanov. A személyiség történelmi szerepének Kérdéséhez. Budapest, 1947, p. 13.

¹⁷ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, с. 730.

элиты ясно представляет этот его подлинный интерес. Поэтому «добро» отождествляется с планами и целями этой элиты, профессиональными революционерами, партией. Таким образом, может быть сформулирована следующая максима: «Все, что служит партии, — правильно». А все остальное — зло. Следует смело жертвовать собой ради партии, воплощающей в себе классовый интерес. Марксова философия суперпросветительства превращается в идеологию антипросветительскую.

Начиная с последнего десятилетия XIX века некоторые теоретики социал-демократии стали понимать, что утилитаристский редукционизм (сочетаемый с «идеалом» самоотверженности) не работает, что в нем таится опасность. Стремлению уменьшить ее обязано своим происхождением предложение сочетать «марксистскую науку» с марксистской этикой. Совершенно четко *проблема* была сформулирована Штаудингером:

«Простой факт участия в законодательной деятельности подразумевает обязательство сотрудничества в установлении порядка. Именно здесь не хватает критерия того, что есть благо, так как первоначально оно было задано конкретным, навязанным порядком. Что именно должно бы сегодня руководить человеком, если он всерьез спрашивает, где ему взять критерий решения, при том что теперь именно он создает новый порядок?»¹⁸

Штаудингер не запутывает Маркса, он интегрирует его. Очевидно, идея о том, что социалистический проект нуждается в принципах и обязательствах для нравственного действия, противоречит марксистской концепции, утверждающей, что принципы и обязательства такого рода вовсе не нужны. Но это противоречие значительно менее проблематично по сравнению с зияющим разрывом между идеологией «ортодоксальных» марксистов, критикуемых Штаудингером, и философией Маркса. Заметное различие существует между социалистами, сообразующимися с внешним принципом (разумеется, не описываемым в терминах марксистской теории), и теми, кто подчиняет себя «классовому интересу» и слепо повинуется партии. Я считаю вполне законным сам вопрос и думаю, что должны быть разработаны (или приняты) некоторые обязывающие *принципы*. Однако в своем ответе Штаудингер явно не на высоте. Он пишет так: «Все, что благоприятствует жизненным связям людей, ищущих свободу, — благо, все, что мешает им или уменьшает их, — зло»¹⁹. Эта формула бессодержательна, подобно кантовской, она пуста.

¹⁸ F. Staudinger, *Sozialismus und Ethik*. — In: Hans Jorg Sandkühler, Rafael de la Vega (Hrsg.), *Marxismus und Ethik*. Frankfurt am Main, 1974, S. 128.

¹⁹ Ibid., S. 131.

«Ищущий свободу» (*freiwillender*) человек не тождествен чистой воле свободно-практического разума. Соблюдение принципа подразумевает знание того, что представляют собой «ищущие свободу люди». Решение этого вопроса не имеет ничего общего с соблюдением обозначенного формулой условия.

Наиболее интересная дискуссия по этому вопросу происходила между Отто Бауэром и Каутским. Бауэр не ставил проблему обоснования особого принципа социалистического действия, а подошел к этике с совсем иных позиций. Он подчеркивал, совершенно справедливо, что все моральные решения индивидуальны, что они не могут быть выведены из исторической необходимости или из классового интереса. Вот какова была его формулировка: «Совершенно разные проблемы: подвергнуть нравственные феномены научному исследованию... и разрешить нравственную дилемму жизни, ответить на страстный вопрос: „Что я должен делать?“»²⁰. Он не разработал никакой новой формулы, а просто подписался под кантовской: человек не должен быть использован как простое средство других людей. В пользу своего предложения о принятии кантовской формулы Бауэр выдвигает чрезвычайно интересный аргумент: «Кто мог бы сказать, что в социалистическом обществе отдельный человек или группа людей не будут использованы хотя бы единожды как просто средства, а отнюдь (в то же самое время) не как цели сами по себе?»²¹ Он не выдвинул никакого решения, проблемы ввиду того, что его этика принципиально исключала эту возможность. Он утверждал, что в современном обществе люди вынуждены использовать других людей просто в качестве средства для достижения своих целей, и поэтому в настоящее время кантовская формула не способствует разрешению наших конфликтов. Иными словами, в силу того что категорический императив оказался недействительным (разумеется, так оно и есть — по принципиальным соображениям), он абсолютно «бесполезен».

Каутский же превращает нравственную проблему в «научную»: «Материалистическое понимание истории, очевидно, не всегда позволяет объяснить отдельные индивидуальные действия, даже если такое объяснение носило бы необходимый характер. Однако исторический материализм открывает возможность понимания необходимости нравственных суждений, вынесенных по поводу этих индивидуальных деяний»²². Лежащая в основе этого утверждения идея состоит в том, что оптимальное действие должно быть обосновано «оптимальной

²⁰ O. Bauer. *Marxismus und Ethik*. — „Die Neue Zeit“, 1906, S. 486.

²¹ Ibid., S. 497.

²² K. Kautsky. *Leben, Wissenschaft und Ethik*. — „Die Neue Zeit“, 1906, S. 523.

наукой» и что каждое отклонение от оптимального действия может быть объяснено оптимальной наукой. Эта идея Каутского — не что иное, как дальнейшее развитие Энгельсова определения «свободной воли» как способности принимать решения со знанием дела («Анти-Дюринг»), которое является совершенно позитивистским. И все же, несмотря на недостатки предложенных Каутским решений, он по крайней мере подошел к этике как к реальной проблеме. Он объединил Дарвина и Маркса, так как был озабочен задачей сочетания «материализма» с «нравственным обоснованием». Он шел в этом направлении вплоть до утверждения об унаследовании людьми нравственных установок (включая сюда «демократическое чувство») от животного царства. Эта концепция, хотя она и может показаться забавной, защищала демократию и признавала относительную независимость нашей системы обоснования идей в непрерывном процессе изменения «надстройки».

В то же время проблема насилия и власти все более выступала на передний план. Возможно, будет полезным отметить, что здесь есть новый подход по сравнению с первоначальной постановкой проблемы Марксом. Маркс считал насилие важным, но все же второстепенным, если не третьестепенным фактором. За всеми внешними силами стоит насилие и, следовательно, принуждение. Государство понимается как субъект насилия, так же как и закон (в широком смысле слова). Пролетарская революция — разновидность гражданской войны — должна уничтожить государство. Но проблема того, сколько именно людей погибнет во время революции, кто будет нести за это ответственность, оправдана ли гибель людей, эта проблема никогда не занимала Маркса. Чистым измышлением является утверждение о том, что он якобы говорил, будто «человеческая цена» революции не будет чрезмерно высокой. По его представлениям, капитализм — это агонизирующая экономическая система, а разрушение больного социального тела не потребует много крови. Маркс считал, что государственная машина станет легкой добычей, а революцию представлял в основном как последовательность принимаемых организованным пролетариатом мер против капитала. Краткий отрезок времени, названный Марксом «диктатурой пролетариата», не имеет абсолютно ничего общего с террором. На деле же это был как раз террор, терроризм в том виде, в каком на практике был он осуществлен русскими нигилистами, превратившими проблему насилия в нравственную. Террор «Народной воли» считался гуманным, так как был исторически оправдан. Однако ждала своего решения такая проблема: означает ли историческое оправдание и оправдание нравственное? Почти все марксисты становились в тупик перед этим вопросом. Все они были воспитаны в

рамках «исторической необходимости», считали марксизм «наукой» и социально-политическим, а не этическим учением, поэтому им было проще осудить терроризм с политической точки зрения (то есть как средство, неадекватное цели), нежели этически. Все тот же Бернштейн пришел к выводу, что заповедь «не убий» постоянно нарушается, и в интересах пролетариата нужно убивать, если это «действительно необходимо», хотя совершенно очевидно, что при этом второе требование не следует из первого. Кроме того, он уточнял, что убийство не должно стать «привычным» для социалистов; в противном случае «мы бы отделились от социалистического общества»²³. Стоит отметить, что именно Сорель, написавший книгу о насилии, был непримирим в своем неприятии нравственного оправдания терроризма «ревизионистом» Жоресом, поклонником якобинства.

4. Этика конечных целей

На несравненно более высоком уровне все вопросы, относящиеся к марксистской этике, были обобщены Лукачем в исследованиях 1919—1922 годов. Его упоминания об «исторической необходимости» или о «классовых интересах» были лишь данью общепринятому марксистскому языку того времени — его анализ включал в себя важные оригинальные аспекты и совершенно новую позицию.

Конечно, интерпретация Лукачем коммунистического общества — ортодоксально-марксистская, хотя его словарь слегка отличается от Марксова. Вот прекрасное изложение главного момента: «Конечной целью коммунизма является построение такого общества, в котором на смену юридическому принуждению придет нравственная свобода, и именно она будет определять все действия»²⁴.

Образ абсолютной свободы, лишенной всякого внешнего принуждения, какого бы то ни было «долга», налагаемого на индивидов, как и соответствующее марксистское представление, предполагает общее развитие индивида и рода, homo phetepop и homo poetepop, идущее в направлении осознанного руководства человеческой личностью.

Лукач рассматривал и такую проблему, которая никогда не анализировалась Марксом: проблему нравственных предпосылок реализации высшей цели, — предпосылок, которым должно следовать всегда. Согласно Лукачу, у пролетариата имеется нравственная миссия, воплощаемая коммунистичес-

²³ E. Bernstein. *Moralische und unmoralische Spaziergänge*. II: Recht und Gerechtigkeit. — "Die Neue Zeit", 1893—1894, S. 361.

²⁴ G. Lukács. *Die Rolle der Moral in der Kommunistischen Produktion*. — In: "Werke", Band II. Berlin, 1968, S. 90.

кой партией. Она несет в себе все идеалы, которые, по предположению, еще только будут воплощены в будущем. Более того, будущее зависит от нравственности действующих в настоящем исторических личностей. «От пролетариата зависит преодоление «человеческой предьистории», власти экономики над человеком, власти учреждений и принуждения над нравственностью. От пролетариата зависит, чтобы началась действительная история человеческого рода, а она есть не что иное, как власть нравственности над учреждениями и экономикой»²⁵. Или: «Человеческий идеал царства свободы для коммунистических партий должен стать... осознанным принципом их деятельности, основой их жизни»²⁶. Эти несомненно немарксистские положения имеют два различных следствия, тесно связанных одно с другим. С одной стороны, в отличие от Маркса Лукач понимает, что необходимое изменение отнюдь не обязательно окажется «изменением к лучшему». К принципу блага (ценностный идеал Маркса) должно относиться со всей серьезностью; он должен стать движущей силой деятельности исторических личностей, которые могли бы изменить мир в другом направлении или даже в направлении, противоположном их первоначальным намерениям. Таким вот образом нравственное начало было введено в марксизм. С другой стороны, Лукач отождествлял пролетариат и коммунистическую партию. В то время как Маркс настаивал на том, что пролетариат исполнит свою историческую роль в силу полной своей дегуманизированности, в силу внутреннего побуждения, Лукач подчеркивал прямо противоположное: пролетариат и коммунистическая партия должны в нравственном отношении быть выше всего остального человечества, чтобы надлежащим образом исполнить свою историческую роль. Именно это следствие того, что Лукач отстаивает нравственные принципы. Хотя его теория оставляет открытым вопрос, станут ли пролетариат или партия или не станут тем, чем они должны были бы стать, выбор является лишь номинальным. Лукач придерживался теории, согласно которой прорыв к коммунистическому обществу является исторической необходимостью. При этом остается реальным выбор, убеждение в сущностной правоте деяний пролетариата и партии. На этом основании место осмысления и понимания заняла слепая вера. Согласно букве этой теории, партия должна превозноситься как страж морали человечества даже в те времена, когда она действует на базе, лежащей ниже среднего уровня общечеловеческой нравственности.

Та же двусмысленность, характеризующая взгляды Лукача на нравственные принципы, может быть прослежена и

²⁵ Ibid., S. 94.

²⁶ ID. Die moralische Sendung der kommunistischen Partei, S. 110.

в его концепции нравственного решения и обоснования. Лукач утверждает, что любое нравственное решение является непременно индивидуальным, что каждый самостоятельно должен принимать решение и брать на себя полную ответственность за него и за его последствия. Лукач формулирует даже особый постулат правильного морального решения (к которому я сейчас и подойду). Таким образом, он решает проблему, выдвинутую Штаудингером, то есть проблему применимости категорического императива к изменяющемуся миру на уровне значительно более высоком и философски более обоснованном, чем у самого Штаудингера. Вот как выглядит упомянутый постулат:

«Этика обращена к индивиду, необходимым следствием этого является ответственность индивидуального сознания и сознательности, выражающейся в требовании действовать таким образом, как если бы судьба мира зависела от действий индивида или от его поддержки»²⁷.

Разумеется, требование это не категорическое (таково оно только по форме), поскольку предполагает знание будущего, от которого «зависит судьба мира». Лукач осознает некатегоричность своего императива. Он также понимает, что этот постулат может противоречить другому, а именно традиционной кантовской формуле, согласно которой человек никогда не должен использовать другого человека в качестве всего лишь средства. Наконец, Лукач отдает себе отчет в том факте, что кантовская формула стоит несравненно выше предыдущей. В его концепции обязательства вступают в конфликт друг с другом, против чего решительно выступал Кант. Однако тот, кто отказался от категорического императива в пользу императива гипотетического, должен знать, что он принес в жертву высший нравственный долг.

Но отчего необходимо жертвовать одним высшим долгом ради другого? Единственным объяснением может служить только то, что этот другой, более предпочтительный долг связан с высшей целью (коммунистическим обществом). Различение высшей цели и высшей нравственности служит моральному оправданию безнравственности, прежде всего террора. «Лишь акт убийства человеком, который окончательно и без тени сомнения убежден в том, что убийство не может быть оправдано ни при каких обстоятельствах, может иметь моральную природу»²⁸. И Лукач цитирует «Юдифь» Гёббеля *: «И если Господь возложил на меня вину и назначил мне деяние, то разве могу я уклониться?»²⁹ Нужно ли говорить,

²⁷ G. Lukács. Taktik und Ethik, S. 50.

²⁸ Ibid., S. 52.

* Немецкий драматург (1813—1863). — Прим. ред.

²⁹ G. Lukács. Taktik und Ethik, S. 53.

что подобный способ рассуждений был совершенно чужд Марксу. Герой или героиня, в одиночку принимающие на свои плечи вину мира во искупление ее, одинокий актер исторической драмы, размышляющий о вине и нравственной жертве, — все они так далеки от Маркса, что нет особой нужды это доказывать. Благоговение перед такими героями — несомненно, результат веберовского влияния на Лукача, симпатизирующего харизматическим лидерам. Как раз по причине этого очевидного влияния критика Лукача Вебером в книге «Политика как призвание», направленной против «этики конечных целей», не очень убедительна. Веберовский политик «этики ответственности» не мешает герою стать нравственно убежденным убийцей, если он сочтет последствия убийства выгодными.

Глубоко проблематичный характер такой этики, очевидно, состоит не в разделяемом Вебером и Лукачем убеждении, согласно которому любое нравственное решение принадлежит индивиду, а последний принимает на себя полную ответственность за собственные действия. Это убеждение преломляется в следующем из него выводе о том, что только нравственные решения индивидов решающим образом влияют на этику общественно-политической деятельности. Этой модели можно и должно противопоставить демократическую модель общественно-политического принятия решений, такую процедуру, участники которой пытаются достичь морального консенсуса в отношении желаемого действия, оставляющего перед индивидом открытой возможность неучастия в нем, если такое участие идет против его совести, не исключая при этом возможности участия в любой дискуссии или в последующей деятельности. Эта модель никогда не разрабатывалась в марксистской этике. Лишь Каутский предпринял слабую теоретическую попытку в этом направлении, что составляет его важную заслугу в марксистской теории; Роза Люксембург же следовала этике подобного типа, не разрабатывая ее теоретически.

5. Заполнить чистую страницу

В этом месте я прерву свои рассуждения об этическом аспекте марксистской теории. Разумеется, можно было бы реконструировать «скрытую этику» некоторых теоретиков западного марксизма, до сих пор еще связанных с марксистским наследием. Иные интерпретаторы западного марксизма черпают этическое вдохновение из других источников. Восточный «марксизм» вписал совершенно иную главу в историю этики и теории нравственности. То, что можно назвать «советской этикой», было и есть комбинация старых и новых средств, прямо служащих системе жестокой и преступной

власти. Оппозиция этому режиму вынесла на сцену некоторые нравственные проблемы. Настоятельная потребность в разработке «марксистской этики» признается также и в других сферах. В пожилом возрасте и Сартр, и Лукач хотели изложить письменно свою этику. Оба этого не сделали. Наше поколение унаследовало гигантскую задачу на фоне молчания пустых страниц.

Витгенштейн отказывался вести разговор об этике на том основании, что мы ничего не можем сказать ни о чем и должны поэтому пребывать в молчании. В состоянии ли мы сегодня высказать нечто о марксистской этике — это проблема, нуждающаяся в очень серьезном рассмотрении.

После второй мировой войны марксисты и марксологи часто предпринимали анализ этики Карла Маркса. Эта работа, хотя и важная сама по себе, не сыграла заметной роли в разработке новой нравственной философии, по духу марксистской, способной примкнуть к современной проблематике на уровне, отвечающем достижениям философии. Это задача чрезвычайной трудности, и вызывает сомнение, может ли она быть решена даже частично. Говорить о том, что перед непомерными трудностями стоит не только марксистская, но и любая современная моральная философия, — легкомысленно. Причины существования этих огромных трудностей могут быть поняты на основе марксистской философии: пропасть между пониманием того, что есть нравственное поведение, и возможностью наделить людей нравственными принципами, руководящими их действиями, — непреодолима. Игнорируя незначительный второй аспект, марксистское решение проблемы сегодня не показывает выхода. Если всерьез принимать философию практики, то нельзя опробовать никакой «мета-этики». Если надо всерьез учесть исторический опыт, то в него невозможно вписать никакую философию практики, которая не обосновывала бы нравственные принципы нашей деятельности. Если надо принять всерьез критику буржуазной этики, то нельзя не вспомнить утилитаризм, единственную современную философию, все еще способную преодолеть разрыв между пониманием нравственного поведения и последовательными принципами, предлагаемыми действующим лицам «исторической драмы».

Этика философии практики должна отвечать на вопрос, столь страстно поставленный Бауэром: «Что я должен делать?» Конечно, никакая философская этика не может дать людям совет в отношении всех возможных особенных ситуаций, освобождая их тем самым от ответственности за свободу и от выбора. Но предложить людям постулаты, нравственные принципы в качестве руководства к действию — это обязанность, от которой не может избавиться никакая философия практики. Разумеется, постулаты и нравственные

принципы не могут быть построены на основе одной только философии. Они должны иметь обоснование в жизни. Они должны формулироваться на доступном людям языке. Более того, любая марксистская философия занимает необходимую позицию перед всем человеческим родом. Постулаты и нравственные принципы, построенные философией, должны быть обращены к любому человеку на земле, каким бы ни было его привычное окружение и какой бы ни была его особая система морали. Эти требования вызывают трудности, которые были незнакомы Марксу, мыслившему только в категориях западного общества, к которому он сам и принадлежал.

Преодоление разрыва между пониманием нравственного поведения и разработкой постулатов, управляющими правильными действиями, — это тяжкая задача, если мы вспомним многочисленные поведенческие системы современной жизни. Эта задача была указана Марксом и все еще остается задачей — до тех пор пока соответствующий подход (этнологическо-антропологический, как я его назвала выше) не заставит нас осознать трудности действительно восприятия любого принципа или этического постулата, даже когда таковые выводятся из жизни как нормативные идеи. Если философия будет следовать в этом отношении марксистскому решению, она может излечить себя от мигрени, но станет бесплодной, так как проблемы нравственные отделит от общественно-экономических. Для того чтобы сочетать конституирование постулатов и нравственных принципов (на основе понимания их как нормативных идей) с уяснением общественно-экономических и политических трудностей как конститутивных идей и с исследованием возможностей осуществления всего этого, прежде всего необходимо сформулировать нравственные постулаты.

Я отлично понимаю, что в тот самый момент, когда мы начинаем искать нормативные принципы деятельности, мы вступаем на путь, идти по которому Маркс явно отказался. Дело в том, что этот путь предполагает некоторые внешние силы, ставящие своей целью регуляцию человеческой жизни. Любой принцип или постулат деятельности есть обязательство, разработанное intersubjectively, а не индивидуально. Несмотря на все это, можно оставаться достаточно верным Марксу, отстаивая тезис о принятии видовых постулатов (пола человеческого), к чему я сейчас вернусь. Я не имею в виду «временную» меру, действительную лишь для предшествующего периода «осуществления коммунизма»: никакая философская этика не может быть сформулирована «на время». С помощью такого конструирования некоторых принципов или постулатов человеческой деятельности открывается не только возможность, но и смысл совместного развития индивида и рода.

Как уже упоминалось выше, в течение всей «предыстории» нравственные ценности (и добродетели) всегда соотносились с ценностными объектами (Wertdinge), и нет никакого резона считать, что в будущем может или должно быть иначе. Отрицая нравственные нормы и принципы, Маркс утверждал свободу, понимая под ней полное и свободное развитие каждого индивида как высшую ценность. Ценность свободы — это не случайный выбор. Свобода стала идеальной ценностью всего человечества, а ее противоположность (не-свобода) не может быть выбрана в качестве ценности. Интерпретация свободы как «полного и свободного развития каждого индивида» раздвигается, конечно, не всеми. Она может быть принята только теми, кто хочет уничтожить любую систему власти, эксплуатации, социального неравенства, так как полное и свободное развитие каждого индивида было бы невозможно (самопротиворечиво) без такого уничтожения. Эта интерпретация свободы дает нам в точности кантовский нравственный постулат: одна личность не должна использовать другую в качестве средства, иначе ее действия не будут положительным образом связаны с ценностью «полного и свободного развития каждого индивида».

Отчуждение, не-свобода, эксплуатация приносят страдания. Однажды Маркс оказал об уничтожении страданий как о «категорическом императиве» коммунистов. (Сегодня более точно надо бы говорить о социалистах, имея в виду ассоциации, вызываемые термином «коммунист» в последнее время.) «Уменьшение страданий» становится ничуть не в меньшей степени, чем свобода, идеалом нашего времени, а его противоположность (причинение страданий) не может быть принята в качестве ценности. Идеал уменьшения несчастий дает нам все та же этическая формула марксистской интерпретации свободы: личность не должна использовать другую личность в качестве средства, в противном случае ей будет причинен вред и, следовательно, ее действия не смогут быть связаны позитивным образом с идеалом уменьшения несчастий в любом ее виде (не входя при этом во внутреннее противоречие с самим собою). Нет сомнения в том, что предлагаемое употребление кантовской формулы категорического императива не соответствует самой философии Канта, которая выводит любую материальную ценность за пределы области нравственных обязательств. В случае же предлагаемой мной формулы не категорический императив конституирует объектные ценности (Wertdinge), а они сами приводят к следующему императивам: «Действуй так, как если бы полное и свободное развитие каждой личности зависело бы от твоего действия». Очевидно, что нравственный конфликт не исключен и в этом случае при условии, что два постулата не могут соблюдаться одновременно. Однако использование дру-

гой личности в качестве средства нравственно запрещено и в этом случае. Теория «нравственной жертвы» Лукача, на основе которой убийство может быть *нравственно* оправдано, также должна быть отвергнута. Даже если убийство может быть иногда оправдано личностно, социально или политически, оно никогда не может быть оправдано нравственно. Что касается более общей проблемы (каким образом разрешить нравственный конфликт, не используя других людей как средства), то современная философия многим обязана этической теории коммуникации Апеля и Хабермаса.

Некоторые марксистские и немарксистские философские теории пытаются сформулировать универсальные постулаты человеческих действий, увязанные с универсальными общечеловеческими ценностями. Некоторые марксистские и немарксистские социологические теории подвергают анализу социальные, политические и экономические возможности (и невозможности) различных систем. Немногие из них (марксистские и немарксистские, философские и социологические) следуют одновременно идеалам личной свободы и уменьшения несчастий. Если бы можно было сочетать их ориентации, в то же время превратив их в идейные движения, то в результате возникла бы новая этика, не «ортодоксально-марксистская» на словах, а родственная по духу марксизму. Чистые страницы, оставшиеся нам в наследство от предыдущих поколений марксистов, в эпоху планетарной ответственности заполнились бы осмысленными словами. Это был бы «шаг вперед» не только в теории, но также и в нравственных обязанностях.

Джакомо Маррамао

**ПОЛИТИКА И «СЛОЖНОСТИ»:
ПОЗДНЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО
КАК КАТЕГОРИЯ И КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА**

Анализ некоторых сторон нынешней дискуссии о государстве выявляет немалые трудности с точки зрения изложения методологии для всякого (исследователя), стремящегося подать их в ключе проблем, отвечающих целому ряду новых моментов внутренней дифференциации и прогрессу, достигнутому в последние годы благодаря исследованиям, разработкам и категориальным уточнениям. Указанные трудности неизбежно возрастают еще больше, если, как в нашем случае, речь идет о работе, носящей по необходимости отрывочный и избирательный характер. Поэтому мы решили распределить материал по темам (а не по авторам или занимаемым ими позициям), так как такое распределение обеспечивает большую ясность и необходимое соотношение между анализом и синтезом.

Тот факт, что ссылки и исторические экскурсы играют здесь подчиненную роль по отношению к преимущественно систематическому изложению, объясняется исключительно причинами целесообразности, связанными с самой «внутренней структурой» настоящей работы, а, конечно же, не более общими установками. Кроме того, мы убеждены, что проводящаяся в настоящее время теоретическая дискуссия о государстве, или — точнее говоря — подчеркнуто теоретический интерес к теме государства, затрагивает уже более целенаправленные узловые проблемы исторической периодизации. Не случаен и тот факт, что все большее внимание к так называемому «институциональному вопросу» проявляется в тесной связи со значительно возросшим числом исследований по истории современного государства, авторы большей части которых при всем разнообразии культурных, предметных и методологических подходов стремятся рассмотреть все вопросы, начиная от возникновения и развития до современного этапа «застоя» или «кризиса» государства всеобщего благосостояния (Welfare state) как единую проблемную цепь.

1. Теория кризиса и теория государства: проблема «неуправляемости»

С большей долей схематизации можно было бы утверждать, что марксистская концепция (при всех своих разнообразных и сейчас весьма многочисленных «вариантах») подвергается серьезным нападкам и давлению с двух направлений.

Первый вопрос состоит в трудности понимания современного периода преобразования государства в свете концепции кризиса: причем речь идет не столько об исправлении, дополнении и пересмотре ограниченного (в экономическом смысле) понятия кризиса, сколько о радикально новом подходе к самой семантике этого понятия, которое тесно связано с медико-биологическим образом, подразумевающим нечто отрицательное, — это всегда патологическое явление, с которым надо бороться, болезнь, которую следует лечить. Поэтому понятие кризиса тесно связано с процессом секуляризации, который затронул все категории истории и общественных наук, но особенно глубоко — макросоциологические модели понимания исторической эволюции, такие, как позитивизм, марксизм, функционализм. Кризис, по всей очевидности, не выступает как некий предзнаменователь «смерти» (*memento mori*) капиталистической системы, то есть кризис не выступает как тезис вульгарного марксизма времен II и III Интернационалов о необходимости подготовки перехода от капитализма (толкуемого как переход от системы, постоянно находящейся в «кризисе») к системе, основанной на абсолютно открытых отношениях и на консенсусе или, другими словами, базирующейся на идеях всеобщей гармонии, что в конечном счете не намного отличается от роли, которую либеральные теоретики отводили сфере рынка.

Таким образом, концепция кризиса подвергается двойному преобразованию. В теоретическом плане она утрачивает глобальные и заранее заданные масштабы, которые марксизм традиционнo принимал в качестве философии «трансформационистской» истории (другими словами, эта философия характеризуется антагонистической диалектикой «достижение — исчерпание» и «переворот — преодоление» применительно к различным общественным формациям); в плане исторического анализа эпохи кризисов «критические» этапы цикла теперь изучаются как положительные периоды созидания нового социального строя, а не как исключительные периоды упадка, застоя или утраты сил и возможностей. Иными словами, выражаясь более четким и простым языком, можно сказать, что кризис не всегда по необходимости является предпосылкой или причиной обновления: нередко он выступает как его следствие или даже результат.

Второй вопрос затрагивает проблему, относящуюся к самой возможности использования концепции государства в условиях растущей дифференциации и усложнения политико-административного процесса: согласно некоторым интерпретациям, речь идет о необходимости переместить «центр тяжести» самого этого вопроса, придать концепции более емкий и широкий смысл, нежели тот, который традиционно подразумевается под термином «государство» (использовать, например, понятие «политической системы»); согласно другим интерпретациям, напротив, речь идет о понимании того, по какой причине не сбылись классические, «синтетические» модели в отношении политической власти, выступающей как показатель исторических или даже эпохальных тенденций кризиса современного государства. Таким образом, нынешний этап, видимо, представляет собой такую динамику распада, при которой государство-Левнафан проходит этапы зарождения и становления в обратном порядке, то есть в направлении разрушения своей структуры. (На этих этапах корпоративная власть и конфликты оказываются в опасной степени «свободными».)

Сам факт одновременного обращения к понятиям кризиса и государства, близким и в определенном смысле имманентным двум наиболее значительным традициям политической и общественной мысли последнего столетия — либерализму и марксизму, воспринимается в настоящее время наиболее критическими и глубокими направлениями современного марксизма как логический результат кризиса в силу особых и беспрецедентных черт времени. Причем наиболее выпященные и устоявшиеся уже во времени парадигмы и идеи, которые основываются на этих традициях, в лучшем случае могут лишь описывать их, но не в состоянии заранее предвидеть.

Анализируя в сравнительно недавней работе различные теории кризиса и «неуправляемости», которые в избытке выдвигаются начиная с 1974 года в ходе международной дискуссии, Клаус Оффе отметил удивительную «структурную общность», наблюдающуюся ныне между консервативными и левыми интерпретациями современного этапа. В результате этого сопоставления выявляется не только изменившаяся социально-политическая расстановка макросоциологических и политологических воззрений по проблеме кризиса в целом, но прежде всего — тенденция, которую проявляет неоконсервативная критика: присвоить понятие «структурного кризиса» себе, которое в свое время было исключительным и признанным достоянием марксистов¹. Однако речь идет не столько

¹ C. Offe. Unregierbarkeit. Zur Renaissance konservativer Krisentheorien. — In: J. Habermas (Hrsg.). Stichworte zur "Geistigen Situation der Zeit". Vol. I. Frankfurt am Main, 1979, S. 295.

о некоей узурпации, сколько скорее о логическом следствии тенденции марксистской культуры к инерции и застою, которая, как уже отмечали в 1976 году К. Кох и В. Д. Нарр², обрекла на рутину концептуальные и эмпирические исследования кризиса, сведя их к схоластическому маневрированию категориальными определениями. Эта интроспекция концептуального статуса марксистской теории кризиса обеспечила, по мнению Оффе, сценариям, разработанным неоконсерваторами, куда большую прочность (по отношению к «критике идеологии»), чем «мнимые апокалипсисы» 20-х годов в духе Шпенглера. За внешним и еще более броским рекламным фасадом, чем буржуазное сознание, изобилующее апокалипсическими замечаниями в свой адрес (кстати говоря, о «закате Запада» упоминал, правда в качестве пугала, З. Бжезинский в своем введении к известному докладу «Тройственной комиссии»³), выдвигается тезис, который исходит — отбросив как ненужный балласт оптимистическо-апологетические воззрения, бытовавшие в годы послевоенного бума, — из признания конфликта как постоянного и непреходящего фактора, нарушающего равновесие промышленно развитых обществ и постоянно упрощающего принципам организации и порядка.

Оффе указывает, что марксистские теории кризиса продолжают по-прежнему руководствоваться устаревшими и уже вхолостую работающими концептуальными схемами (находящимися весьма далеко от реальной динамики преобразований, затрагивающей современные индустриально развитые общественные системы), в то время как заявляющий о себе новый подход «буржуазных» теорий расширяет горизонты исследования от области «структурных противоречий» и «отношений наемного труда» до все более тесной связи между социально-экономическими и политико-институциональными проблемами: речь идет о взаимосвязи, которая в разной степени и форме характеризует все современные массовые демократии. Проблема неуправляемости выступает поэтому при подобном подходе как кризис демократической формы правления и целой совокупности демократических учреждений в обществах, отличающихся высокой степенью широко распространенной конфликтности. «То, что марксисты ошибочно относят на счет капиталистической экономики, — подчеркивает Сэмюэль Хантингтон, — в действительности является результатом демократического политического процесса»⁴.

² C. Koch, W. D. Narr. Krise — oder das falsche Prinzip Hoffnung. — "Leviathan", 1976, № 4, S. 291—327.

³ См.: "The Crisis of Democracy". Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission, New York, 1975.

⁴ S. P. Huntington, The United States. — In: "The Crisis of Democracy", p. 75.

На подобный анализ марксисты отвечают по большей мере оборонительными тезисами, подчеркивая логику господствующих экономических интересов, от которых якобы зависят в конечном счете и парадоксы демократии. Но таким образом они оставляют, по сути дела, в тени именно те собственно политические и институциональные аспекты кризиса, которые противостоят «логическим отступлениям» от экономических механизмов кризиса и непонимание которых является одной из основных причин теоретического застоя, переживаемого ныне марксизмом.

Указанная склонность занимать оборонительные позиции выдает, таким образом, опасную тенденцию марксистской теории к подчиненности и окостенению перед лицом проблем, затрагивающих не только отдельные эмпирические аспекты, но и саму теоретическую форму, измененную традицией (речь идет прежде всего о видимой связи, которая установилась в ней между проблематикой кризиса и проблематикой государства). Отсюда первое предостережение методологического порядка, которое мы можем сделать после прочтения работы Оффе: критика не выигрывает, если априорно осуждаются доводы, приводимые другой стороной, даже, и прежде всего, когда другая сторона выступает как противник. Эта критика становится более действенной лишь при условии ее выхода на новый уровень понимания проблем.

Исходя из этих предпосылок, теорема управляемости превращается в анализе Оффе в настоящую парадигму, дающую общее объяснение кризисам, вызываемым «перегрузками». Согласно основному тезису этой модели, государство — в западных демократиях — органически неспособно противостоять давлению завышенных ожиданий (такие термины, как «чрезмерность», «избыточность» и т. д., означают разрыв, который образуется в условиях конкуренции между партиями, между объемом потребностей и жесткостью предложения). В рамках указанной модели есть широкий выбор мер «терапевтического воздействия», которые можно, однако, отнести, согласно двум основным стратегическим направлениям: а) к стратегии сокращения спроса, имеющей целью сократить перегрузку административно-политической системы; б) стратегии увеличения мощи и усиления контроля административно-политической системы. Эти основные варианты (соответствующие двум сторонам диагноза указанной парадигмы — в зависимости от того, учитывается ли перспектива спроса и консенсуса или же перспектива предложения и решения) включают в свою очередь дополнительные варианты «терапии», которые (более схематично по сравнению с анализом Оффе) можно выразить следующим образом:

а) стратегия «приватизации» или «деэтактизации» государственных функций;

а2) стратегия «жесткой экономии» — этот стратегический дополнительный вариант состоит в пропаганде таких морально-этических ценностей, как воздержание, дисциплинированность, чувство общественного долга и т. д., и обращен он к членам общества и учреждениям, регулирующим разработку и соблюдение общественных норм;

а3) стратегия «селективности» — обуславливает создание механизмов отбора «избыточного» спроса: выражая определенный уровень знаний обычно нейтральных, межпартийных учреждений или инстанций (осуществляющих контроль за соблюдением законности запросов), призванных «ограждать» государство от инфляционного давления спроса, они смягчают таким образом воздействие на государственную структуру со стороны так называемой «революции возрастающих ожиданий» (в таком качестве могут выступать конституционный суд, консультационные и экспертные комиссии и т. д.);

б1) административная стратегия возрастания возможностей государства предусматривает расширение информационного и оперативного горизонта правительства и правительственных органов с помощью структурных реформ или же путем увеличения социальных показателей и программирования бюджета;

б2) политическая стратегия возрастания возможностей государства: институционализация союзов и механизмов ведения переговоров и заключения соглашений «неокорпоративистского» типа.

По сравнению с подчеркнутой тенденцией к абстрактности или односторонности, которая отличает как объективистские, так и субъективистские теории кризиса, исходящие из марксистских традиций (также в форме диалектического синтеза двух сторон), Оффе подчеркивает незаурядные дескриптивные достоинства неоконсервативной парадигмы (варианты которой, приведенные выше, не дают альтернатив, а скорее подсказывают дополнительные аспекты или, во всяком случае, аспекты, являющиеся составной частью самой области деятельности), другими словами — ее умение наглядно показать взаимозависимость, тесно увязывающую между собой различные аспекты кризиса, который, нарушая системность взаимосвязи государство — партии — общество, подрывает основы институциональной совокупности, давшей начало в послевоенные годы немаловажным стратегическим обновляющим направлениям преобразований на Западе, а также связанным с ними проектам развития демократии. Несмотря на это преимущество, неоконсервативная модель неуправляемости также страдает внутренне присущей ей апорией или, другими словами, двойной степенью непоследовательности.

Во-первых, несоответствие состоит в том, что ни одна из

предложенных «терапевтических мер» не учитывает недостаток консенсуса как характерной черты современных политических систем (этот пробел периодически заполняется обманым путем или же с помощью проведения политической линии, вызывающей общественное беспокойство или отвлекающей внимание недовольных масс от неурядиц социальной структуры на внешние факторы, например на особую международную политическую конъюнктуру). Это имеет место в связи с предложениями по увеличению политической мощи государства (так как неокорпоративные платформы, выдвигая гипотезу широкого использования систем комбинации-ассоциации между государством и крупными организованными группами, в действительности предлагают в качестве решения модель, которая рискует привести политические учреждения к застою и бездействию, в то время как они по необходимости зависят от целого ряда противоречивых устремлений, которые в принципе вполне могли бы взаимно нейтрализовать друг друга в системе взаимоперемежающихся запретов). Такое положение наблюдается также и в отношении административной стратегии, направленной на увеличение способности вмешательства государства, в связи с «новой деловитостью» (*Neue Sachlichkeit*) «тех лиц, которые, полагаясь на «объективность технократических структур», тешат себя надеждой решить политические проблемы „средствами неполитического знания“»⁵.

Во-вторых, мы имеем несоответствие еще более глубокого характера, то есть относящееся к тому, каким образом построена модель неуправляемости. В самом деле, по мнению Оффе, ей не хватает — опять-таки используя медицинскую терминологию — момента этиологии, а именно объяснения причин, вызывающих явление неуправляемости. По той же причине эта парадигма не в состоянии выработать свою собственную теорию: «В консервативном образе мира «кризис неуправляемости» выступает непредусмотренной случайностью, перед которой необходимо отказаться от слишком сложных путей политической модернизации и, напротив, необходимо вновь утвердить такие внеполитические принципы, как семья, собственность, производительная работа, наука»⁶.

Видимая убедительность стратегии децентрализации и «дезтатизации» — и в особенности ее доктринальной поддержки (речь идет о теориях Фридмана о возврате к действенным механизмам рынка и о решении политического кризиса «путем его облегчения» с помощью внеполитического отклонения спроса от государства на рынок) — объясня-

⁵ *C. Offe. Op. cit.*, p. 122.

⁶ *Ibid.*, p. 123.

ется, таким образом, остроумно отмеченным К. Б. Макферсоном фактом⁷, что эта стратегия под весьма воинственным и веским изложением умело скрывает вторичную непоследовательность, о которой мы упоминали выше и которую Оффе определяет как неспособность перейти от описательного плана к самому диагнозу.

Недостаток этиологического толкования вызван тем обстоятельством, что неоконсервативная «картина мира» (Weltbild) не в состоянии уловить «решающий «конструктивный недостаток» социальных систем, страдающих от симптомов неуправляемости»⁸. Обнаружение этого «недостатка» Оффе рассматривает как «необходимое условие» (conditio sine qua non), от которого зависит «прогноз успеха стратегий оздоровления, развертывающихся перед нашими глазами», чтобы «теоретически (а не только политически) ответить теоретикам неуправляемости и их прагматическим концепциям»⁹. Оффе определяет «конструктивную ошибку», скрытую от парадигмы неуправляемости, такими терминами, которые в известном смысле напоминают уже указанную выше критику Фридмана Макферсоном (и другими исследователями, например Дж. Голдторпом). Доктрина последнего основывается на незнании характеристик, отличающих рынков труда от всех других рынков. По отношению к этой критике Оффе прибегает даже к искусственной взаимосвязи между дихотомной структурой (которую он вслед за Хабермасом называет «противоречием») рынка труда и этиологией неуправляемости — причины, в силу которых возникает патология неуправляемости, необходимо поэтому искать в особом характере товара «рабочая сила», а следовательно, в противоречивой структуре, которая отличает рынок труда, а также попытки его перестроить и управлять им.

На основе этого положения неуправляемость понимается как тот «случай», который последовательно вписывается в «общую патологию общественных систем». Однако эта патология отнюдь не получает в промышленно развитых капиталистических странах какие-то особые черты или отклонения. Для своего воспроизводства каждая система должна найти структурную и историческую форму, определяемую соответствием между «объективными» аспектами структур и функциональных связей, с одной стороны, и «субъективными» аспектами нормативной и целесообразной деятельности своих членов — с другой; между закономерностями, которые проявляют себя неукоснительно и независимо от субъектов, от их нормативных правил деятельности, от соответствующего

⁷ C. B. Macpherson. The Life and Times of Liberal Democracy. Oxford, 1977.

⁸ C. Offe. Op. cit., p. 124.

⁹ Ibidem.

им фактического поведения индивидов. Этот дуализм выражается в различии между «системной интеграцией» и «социальной интеграцией». Соответствие между этими двумя формами интеграции может быть осуществлено двумя способами, которые сам Оффе, используя терминологию Вебера, определяет как «идеально-типичные»: с помощью защитной прослойки, обеспечивающей полную невосприимчивость структур и функциональных законов к пертурбациям, исходящим из контекста деятельности в определенной обстановке; или же чтобы системы определяли свои структурные возможности функционирования с помощью нормативной целенаправленности деятельности. В обоих этих случаях (анти-тезно), когда расхождения между этими двумя видами интеграции удается избежать, обеспечивается «управляемость». И наоборот, социальные системы становятся «неуправляемыми» в случаях, определяемых другой «идеально-типичной» альтернативой, когда с помощью правил, которых придерживаются действующие лица, нарушаются закономерности функционирования системы или же когда деятельность субъектов протекает в таких формах, которые мешают действию законов или структурных связей или же парализуют их.

Дав такое определение общему контексту управляемости как структурной проблеме всех общественных форм, мы можем установить своеобразие капиталистически развитых стран в парадоксальной механике: в самом деле, они стремятся одновременно достигнуть двух указанных выше «идеально-типичных» решений. Или, что одно и то же, они решают проблему воспроизводства — в смысле эволюционного поддержания и сохранения своих основных признаков «структурной тождественности», идя тем не менее противоположными путями: «Капиталистические общества отличаются от всех других обществ не проблемой своего воспроизводства, то есть не взаимным согласованием социальной и системной интеграции, а тем, что они разрабатывают эту фундаментальную для всех обществ проблему таким образом, что *одновременно* идут двумя взаимоисключающими путями — путями дифференциации или приватизации производства и одновременно путем его социализации и политизации»¹⁰.

В самом деле, с одной стороны, характерной чертой капиталистической общественной формации является «нормативно-политическая нейтрализация сферы производства», которая находит свое выражение в форме рынка; благодаря такому отрыву материального производства от традиционно ограничивающих политических механизмов, «интересы» —

¹⁰ Ibid., p. 127.

используя известную формулу Хиршмана — заменяют собой «страсти». Однако, с другой стороны, явление секуляризации, которое вызывается указанной нейтрализацией-деполитизацией производственно-экономической сферы (релятивизация на первых этапах, а затем постепенная эрозия и разрушение традиционных нормативных связей, лежавших в генезисе капитализма), приводит к необходимости создания таких институциональных связующих систем, которые могли бы гарантировать не только сохранение общих условий функционирования рынка — коль скоро механизм может функционировать лишь благодаря и с помощью деятельности участвующих в нем членов, то есть, по терминологии Маркса, с помощью «живой рабочей силы», — но также и сохранение характера «упорядочения» производственной сферы. В историческом развитии промышленно развитой общественной формации логика рационализации и упорядочения выступает как дополнение и вместе с тем как противоположность логике «невидимой руки»* (hidden hand). Повторное введение элементов институционализации представляет собой для капиталистической динамики жизненную необходимость; но одновременно оно чревато риском нарушения первоначального генетического кода и последующей утратой тождественности. По Оффе, суть парадокса состоит в том особом характере товара «рабочая сила» (а следовательно, в особых чертах, отличающих рынок труда от всех других рынков), благодаря которому системная и социальная интеграция понятия «товар» и «рабочая сила» делают их неразрывно связанными друг с другом — причем все это происходит по простой, но фундаментальной причине: момент субъективности, присущий рабочей силе, представляет собой непреходящий и неустраняемый фактор. Таким образом, наблюдается парадоксальное явление — тем не менее самым широким образом проявляющееся в истории капитализма этого столетия, начиная с первой тейлоровской рационализации, — явление систематического и постоянного противоречия между экономическим и общественно-политическими аспектами процесса воспроизводства: в то время как, с одной стороны, дифференциация сферы рынка, «нейтральная» по отношению к нормам, то есть «приватизированная» и «деполитизированная», пытается решить проблему воспроизводства, поддерживая отделение функционального уровня от уровня деятельности, то, с другой стороны, рационализация — понимаемая как принцип организации труда, институционально включающий в себя науку и технологию, — идет (выступая как дополнение и посредник «приватизации») в прямо противоположном направле-

* «Невидимая рука» — принцип регулирования капиталистической экономики, впервые предложенный А. Смитом. — *Прим. ред.*

нии: «процесс накопления не может протекать без политического регулирования, которое в свою очередь нуждается в легитимации»¹¹ Капиталистические общества оказываются, таким образом, вынужденными постоянно решать дилемму: им необходимо абстрагироваться от нормативных правил в отношении своей деятельности, но в то же время они никогда не могут не обращать на них внимания. Таким образом, «политическая нейтрализация сферы труда, производства и распределения, — согласно сжатой и точной формулировке Оффе, — одновременно и утверждается и отрицается»¹².

Согласно этой параболе в аргументации, неуправляемость можно определить как постоянную характерную черту индустриальных капиталистических систем, «не располагающих каким-либо механизмом, который мог бы привести нормы и ценности членов общества во взаимное соответствие с условиями системного функционирования, которым они подвержены»¹³. Как только были утрачены благоприятные обстоятельства, определившие «период процветания», явления неуправляемости стали проявляться во всей своей структурной тяжести: причем этиология явления наблюдается именно в тенденции к взаимному параличу этих двух логик, что в свою очередь приводит к ошибке построения капиталистической формации: вынужденная необходимость повторять синхронный характер двух идеально-типичных способов интеграции.

Этой схемой, которая в своих существенных чертах продолжает, развивая и обновляя в отнюдь не второстепенных аспектах, его предшествующие работы и труд Хабермаса об условиях легитимации, воспроизводства и кризиса государства в условиях «позднего капитализма» (*Spätkapitalismus*), Оффе снова ставит вопрос о необходимости разработки теории кризиса, обладающей достаточно развитым теоретическим статусом, но одновременно способной заполнить пробелы, которые либеральные и марксистские парадигмы кризиса (противоположные по намерениям, но исключительно «симметричные по построению») допускали в последние десятилетия в отношении институциональной проблематики и политической теории вообще. «Этиологическая связь», установленная Оффе между неспособностью капиталистических систем достичь так называемой «ев-функциональной цели», то есть добиться координации двух логически исключających друг друга стратегий, и «противоречивой» схемой, относящейся к товару «рабочая сила», вынуждает нас отнести и это его последнее предложение к одной из марксистских теорий кризиса, в частности, из-за постоянства «эссенциалистской» мето-

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

¹³ Ibidem.

дологии, выводящей диагноз «критического» исхода через цепь причинных толкований. Тем не менее такое объяснение получает отнюдь не простое выражение, которое трудно свести к модели однолинейной дедукции. По существу, позиция Оффе соблюдает равновесие между двумя разнородными требованиями: с одной стороны, Оффе не намерен отказаться от идеи кризиса как теоретической проблемы (в классическом, марксистском смысле причинного объяснения, исходя из дихотомного первоначального ядра); с другой стороны, это же его «толкование» должно учитывать в настоящее время значительно большее количество переменных, чем можно было бы себе представить во времена Маркса, а следовательно, оно должно включить в поле своего зрения категории и инструментарий, относящиеся к другим кодам или парадигмам, особенно, согласно самому Оффе, а также последней работе Хабермаса¹⁴, те коды и парадигмы, которые предлагаются в других системных теоретических работах. В центральной части работы по вопросу о неуправляемости Оффе весьма четко излагает главные направления пересмотра «теории кризиса», которая в совершенно других условиях была изложена — по-марксистски — в известных критических заметках Грамши в 1926 году. «В настоящее время, — писал Грамши, — мы знаем, что экономические кризисы благоприятствуют не только причинам (хотя, конечно же, и им) принципиальной оппозиции, но также умению приспособиться и интегрироваться. В такой же мере проблематично, может ли даже весьма высокий уровень требований, возрастание спроса и даже самая крайняя демотивация серьезно подрывать функционирование механизма накопления»¹⁵.

Исчерпывающего ответа на этот вопрос не могут дать ни концептуальная модель объективистских теорий кризиса (типа «постоянно возрастающие трудности валоризации»), ни модель субъективистских теорий кризиса (типа «критическое осознание постоянно развивающейся системы»), ни модель, которая могла бы явиться результатом их взаимодействия или «синтеза» — так как они учитывают лишь тот или иной аспект, ту или иную историческую конъюнктуру, но не «структуру капиталистической системы в целом»¹⁶. Уже в силу того, что парадигмы, подверженные воздействию объективистских и субъективистских теорий кризиса, построены

¹⁴ Мы имеем в виду, в частности, вводную статью к уже упомянутому сборнику "Stichworte zur 'Geistigen Situation der Zeit'" и труд Хабермаса, которые, по всей вероятности, представляют собой итог его исследований последнего десятилетия. — "Theorie des kommunikativen Handelns", 2 vol. Frankfurt am Main, 1981.

¹⁵ C. Offe, op. cit., p. 124—125.

¹⁶ Ibid., p. 125.

лишь на одной причине, они не в состоянии «соответствующим образом учесть гибкость различных подсистем»¹⁷.

В тот самый момент, когда вновь встает необходимость дополнительно использовать системный подход (что мы постоянно отмечаем в работах Оффе и что еще более явно подчеркнуто у Хабермаса, поскольку они оба используют формулу «функциональной дифференциации» и комплексности для отображения взаимосвязи и взаимодействия между различными подсистемами), нынешний подход исследований о государстве в постфранкфуртский период, видимо, указывает на невозможность того, чтобы подобный метод стал всеобщей теорией или комплексной моделью. Следовательно — косвенно и с определенной степенью самосознания, которое не всегда можно сбросить со счета, — этот подход наносит ущерб самой применимости понятия системы в определении современного капитализма. Правда, термины «потребительная стоимость» — «меновая стоимость» продолжают символизировать основное ядро социальных систем, в которых мы живем, дополнительно подтверждая, таким образом, определение таких обществ как «капиталистические». Но это имеет силу лишь при условии, если мы не принимаем этот термин исключительно в первоначальном его значении, раскрытом К. Марксом в «Критике политической экономии». Скорее всего, потребительную стоимость и меновую стоимость следует понимать как парную категорию, подобно Я (внутреннее) и Оно (внешнее), деятельности и структуре, воле и потребностям, государству и обществу, которые выражают и всячески скрывают основное различие между социальной и системной интеграцией; это «выражение» и «скрытие» указывают, что один и тот же экономический уровень подвержен дихотомии и символической цезуре, которые классическая политическая экономия пыталась нейтрализовать в форме рынка (и которую Марксова критика — создавшая в этом смысле «новую эпоху» (*epochenmachend*) — сумела разбить и «изобличить»).

Таким образом, мы отмечаем значительное обновление теоретической программы, провозглашенной 10 лет тому назад Оффе в работе «Структурные проблемы капитализма»¹⁸ и Хабермасом в работе «Проблема легитимации в условиях позднего капитализма»¹⁹. Тем не менее в рамках международной дискуссии о государстве указанный новый подход мог поставить, сформулировать и уточнить, но, конечно, не смог решить ряд поставленных в то время проблем. Цель на-

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ C. Offe. *Strukturprobleme des kapitalistischen Staates*. Frankfurt am Main, 1972.

¹⁹ J. Habermas. *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*. Frankfurt am Main, 1973.

стоящей работы состоит прежде всего в том, чтобы выявить некоторые из этих вопросов, рассмотрев «генеалогически» их матрицы и «синхронные» взаимосвязи.

2. Кризис господствующих парадигм марксистской традиции

Мы видели, что в работе, посвященной вопросу неуправляемости, Оффе, хотя он и продолжает указывать на необходимость разработки теории кризиса в смысле выяснения причинного механизма — этиологии, теорем которой о неуправляемости якобы абсолютно недостаточно, считает возможным, по крайней мере на современном этапе исследования, чтобы все концепции, обсуждавшиеся в ходе дискуссии, могли претендовать на разработку единой, целостной модели объяснения кризиса. Возникает вопрос, представляет ли его предложение об интеграции различных кодов, основанное на обширном материале философско-социологических исследований Хабермаса в его последней работе «Теория коммуникативных действий», переходную платформу («в ожидании» нового и более четкого и ясного обобщения) или же, напротив, это его предложение следует понимать в смысле принятия ряда взаимовлияющих точек зрения, являющихся логическим следствием растворения — в этом смысле неизбежного, а поэтому свободного от обязательств — всех «крупных систем», то есть всех макросоциологических моделей понимания современной социальной динамики.

Судя по последним работам, Оффе, видимо, склонен отказаться от комплексной программы «третьего теоретического пути», которую он провозгласил в своей книге 1972 года. В этом, по всей видимости, весьма схематическом определении «третьего пути» мы понимаем проблематику, очерченную в то время Оффе благодаря двойному разграничению: с одной стороны, по отношению к марксистской дискуссии в Германии о «дедукции» формы-государства из концептуального аппарата критики политической экономики, которая наконец возвратилась (после десятилетий упрощений и искажений) к своему первоначальному статусу; и с другой — по отношению к методу «сравнительной политики» (*comparative politics*), разбивающему концепцию капитализма на множество (по существу бессвязных) национальных своеобразий. В первой односторонности — которую отличает, по Оффе, категориальный объективизм, уклоняющийся от всякой исторической и эмпирической проверки вообще, — ответственные якобы все позиции, которые связывают свою критику с «концепцией кризиса дедуктивного типа» и «революционного класса»: подобный метод, который лишь внешне придерживается линии марксистской «ортодоксии», возводит на самом

деле в теоретическую предпосылку то, что нужно было бы сначала доказать, то есть классовый характер аппаратов политического господства и руководящего ими принципа организации, и отводя второстепенную незначительную роль конкретным историческим методам осуществления господства, наталкивается в конце концов на трудности, которые немалого отличаются от тех трудностей, которые были присущи критике нормативистского типа (впадая, таким образом, в метаисторический формализм): Второй односторонностью, напротив, прешат компаративистские методы, которые, определяя при прочих равных условиях (*ceteris paribus*) правила исключения, отличающие одну систему от другой, лишают себя возможности установить вероятное соответствие между системами, которые, несмотря на немалое различие между собой в историческом и социально-культурном плане, обладают функционально равнозначными или даже логически однородными между собой избирательностью и способом осуществления политического господства. Герменевтическая способность концепции капитализма должна была утверждаться, по мнению Оффе, в противоположность двум указанным устоявшимся научным подходам, которые уклонялись от специфического уровня абстракции в двух смыслах: оставаясь ниже этой концепции (и выбрав в качестве предмета исследования данную систему государства-нации с его особой историей) или же переходя к идеально-типическим обобщениям, которые определяют координаты концепции, приводя их к минимальному общему знаменателю (типа «отделение производителей от средств производства»), характерному в равной степени для всех промышленно развитых обществ, а поэтому не позволявшему учесть разнообразие и даже различие между формами осуществления политического господства (в самом деле, не случайно, что все дедуктивистские стратегии в конечном счете прямо или косвенно сводятся к теории конвергенции капитализма и социализма)²⁰.

Аналогичные суждения развивал Хабермас в работе «Проблема легитимации в условиях позднего капитализма», когда он создавал свою ясную синоптическую картину теорий кризиса²¹. В концепциях, связывающих теорию кризиса и теорию государства на основе постулата «относительной автономии политики», доказывается, что обычно в истории общественно-экономических капиталистических формаций неполитическое формирование «фактической общественной власти» (*Macht*) с помощью частного присвоения прибавочной стоимости никогда само не воспроизводилось капиталистическими средствами, а постоянно нуждалось в государст-

²⁰ C. Offe. *Spätkapitalismus. Versuch einer Begriffsbestimmung*. -- In: C. Offe. *Strukturprobleme des kapitalistischen Staates*, op. cit.

²¹ J. Habermas, op. cit.

венных функциях, дополненных рыночным «автоматизмом», то есть нуждались в функциях, которые в свою очередь не были подчинены и были «относительно» автономны от самой логики рынка. Короче говоря, «власть» (*Macht*), или «фактическая мощь», подразумевает политическое господство (*Herrschaft*), понимаемое как законная власть, относительная самостоятельность которой находит свое выражение в существовании политического и бюрократического слоя, социологически отличающегося от буржуазного класса. В этом смысле, исходя из вышеназванных теорий, бонапартизм представляет собой не только типичный случай, но и квинт-эссенцию капиталистической «политики» — воплощение необходимости того, что, не будучи капиталистическим, государство навязывало себя отдельным капиталам и различным внутренним интересам буржуазии, утверждая наместнической функцией «глобальную капиталистическую волю», которая не может спонтанно возникнуть из сферы взаимной конкуренции.

Таким образом, тезис об относительной автономии представляет собой взаимодействие и взаимодополнение двух идеологических парадигм государства, которые превалировали в марксистской традиции: «инструменталистской» и «коллективного капиталиста».

а) Первая модель утверждает — причем не обязательно жестко, схематично или механистически — по сути дела инструментальный (подчиненный) характер отношений, проявляющихся между государственным аппаратом и классами (или частью класса), которые доминируют в социально-экономической области. Под инструментальностью мы не понимаем здесь отношение «средство—цель» (так как в разрезе такого отношения — если, конечно, не придерживаться сугубо «государственной» позиции — государство может быть лишь инструментом и никогда не выступает как «самоцель»), а имеем прежде всего в виду зависимость, которая устанавливается между политической сферой и классом или подподчиняющей группой в области социально-экономических отношений. На этой модели основаны все более или менее откровенно этатистские стратегии перехода к социализму: весьма характерна в этом плане теория государственно-монополистического капитализма (*Staatkapitalismus*), которая вновь актуализирует центральный тезис концепции государства-орудия в форме «слияния государства и монополий». Поэтому у теоретиков ГМК противоречие выступает, по существу, как возможное антагонистическое отклонение «общественных функций» государства и корыстного его использования в «частных» или «корпоративных» целях «наиболее мощными капиталистическими группами»²².

²² О теориях ГМК см. статью Э. Альфатера в этом же томе.

б) Вторая парадигма, напротив, исходит из известного определения Энгельсом государства как «идеального коллективного капиталиста», но проводит радикальную структурно-историческую ревизию, поскольку прилагательное «идеальный» заменяется прилагательным «реальный». В то время как сам Хабермас определяет «ортодоксальной» позицию, согласно которой капиталистическое государство, выступая идеально совокупным капиталистом, никоим образом не преодолевает стихийного характера производства товаров (оно ограничивает, обуславливает это производство нормами регулирования, но не господствует над ним в смысле «планирующей организации совокупного капиталиста»), в современных версиях о государстве как «совокупном капиталисте» (Gesamtkapitalist) капиталистические преобразования нашего века подаются в ключе постепенного сокращения конфликтной конкуренции между отдельными капиталами и все более широкой эксплуатации со стороны государства. Для этой модели — объединяющей в себе целый ряд вариантов концепции «авторитарного государства» или «планового государства» — типичным является единый тип процессов рационализации и обобществления под знаком полного, тотального планирования, что дает повод определить совокупность государственной деятельности как бесконечный ряд функций процесса валоризации.

Обе эти концепции воспроизводят экономическую теорию кризиса в размытой, ревизованной, а подчас даже эклектической форме. Сама теория ГМК исходит из положения, согласно которому первоначальные условия капиталистического воспроизводства были глубоко искажены вследствие государственного вмешательства: производство прибавочной стоимости обеспечивается якобы благодаря «отрыву» — хотя и частичному — механизма рынка от инвестиционных решений. Reductio ad unum (сведение к единому), осуществленное теоретиками «коллективной капиталистической мысли» с помощью субстанциализации-персонификации концепции «совокупного капиталиста» (Gesamtkapitalist), проводится теоретиками ГМК путем использования «теории равенства», которая с соответствующими поправками на современную действительность продолжает защищать известный тезис о политическом руководстве как о «комитете управляющих делами» буржуазии; но в обоих случаях политический «центр» жестко и обусловленно зависит от конечной цели валоризации; поэтому в обоих случаях экономический тезис принимает непосредственно политическую форму.

В отношении этой теоретической перспективы Хабермас выдвигает два возражения: во-первых, невозможно эмпирически обосновать гипотезу о том, что государственный аппарат независимо от интересов, которые он представляет,

мог бы активно планировать, развивать и осуществлять централизованную экономическую стратегию»; во-вторых, в той же мере невозможно эмпирически доказать гипотезу о том, что государство выступает как представитель объединенных монополий»²³. В то время как теоремы «авторитарного государства», «планового государства» и т. д. не признают — подобно теориям технократии — недостатков рациональности государственно-административного планирования перед лицом множества организованных парциальных интересов, точно так же и концепция ГМК переоценивает — наряду с теориями элиты — «важность личностных контактов и норм, направляющих деятельность»²⁴.

Представляется, что Хабермас склонен принять — как, впрочем, и Оффе — предложение о замене критерия причинность/зависимость критерием функциональности, который был выдвинут теоремой относительной автономии. Но и в отношении этой теоремы, пусть и косвенно, выдвигается решительное возражение: отсутствие периодизации различных этапов развития капиталистической системы способствует риску представить бонапартистское государство как некую постоянную форму буржуазного «политика».

Немаловажно подчеркнуть то значение, которое имеет подобная периодизация; в самом деле, проводить периодизацию — это значит понять изменение форм проявления кризиса и роль «политического фактора» в эволюции капиталистического производства. Возникновение проблемы государства как узловой проблемы можно понять лишь с точки зрения теоретической перспективы, способной обеспечить взаимодействие функционально-структурного момента с моментом эволюционно-историческим. Отдавая должное Оффе за его весьма острую и последовательную разработку первого момента — при энергичном подчеркивании необходимости использования функционального и систематического кода, чтобы постичь логику функционирования политических и административных учреждений и по-новому сформулировать теорию законности, соответствующую современности, — не следует, однако, забывать, что эта разработка входит как составная часть в синхронно-диахронную интерпретацию капитализма, которую провел Хабермас на основе подлинной «метакритики» политической экономии.

Теперь мы рассмотрим прежде всего предложение о совершенно новом методологическом подходе, чтобы затем поднять вопрос о периодизации (а следовательно, и о теории эволюции), равно как и о сложных отношениях преимущественность/разрыв, наблюдающихся между этим подходом и первоначальной тематикой Франкфуртской школы.

²³ *Habermas*, op. cit., p. 67.

²⁴ *Ibid.*, p. 67—68.

3. Структура, эволюция и изменение формы

Ранее мы убедились, что теоретическое предложение, выдвинутое Оффе в его книге 1972 года, находится в непрочном равновесии между двумя полюсами. В самом деле, с одной стороны, он заявляет, что «использование марксистского анализа современного капитализма не в состоянии объяснить и даже теоретически упорядочить все явления „позднекапиталистических“ формаций; с другой стороны, он добавляет, однако, что «утвердившиеся общественные науки, и в особенности политические, тем более не могут в настоящее время ставить основной вопрос, рассмотренный Марксом, о законах движения капитала и об определенной социальной структуре его движения, и еще в меньшей степени способны найти ответ на эти проблемы». Теоретическое определение «высокоиндустриализованных «западных» социальных систем» вынуждает поэтому исследовать три вида проблем: 1) на основе каких критериев и фактических данных их можно определить как капиталистические; 2) каково значение термина «поздний капитализм» (*Spätkapitalismus*); 3) какова мотивация отказа от общих типологий или от распространенных идеально-типических категорий (прежде всего в англосаксонских странах) вроде «постиндустриального общества», «постсовременного общества», «технотронного общества» и т. п.²⁵

Критерий определения капитализма состоит не в «статическом» типе собственности, а в «конкретном и типическом способе распределения»²⁶, который в современных общественных системах включает в себя также институциональную программу, охватывающую господствующие стратегические варианты. Поэтому концепция представляет собой не описание общих признаков данной социальной структуры, а отражает внутреннюю логику определенной модели развития. Это уточнение подчеркивает тот факт, что в основе анализа Оффе действует специфическая интерпретация тенденций (*trends*), характеризующих структурную динамику капиталистической общественной формации и фигурирующих под тезисом «изменения роли предпринимателя». Толкование логики развития капиталистической системы как тенденции к растущему расхождению между типом собственности и типом управления средствами производства — основа теорий рационализации — представляет собой главную связь между работами Оффе и Хабермаса, а также темами, которые поднимал марксизм, подвергнутый «ревизии» немецкой и австрийской социал-демократией в период между войнами, что

²⁵ C. Offe, op. cit., p. 18.

²⁶ Ibidem.

доказывается, между прочим, тем фактом, что Хабермас использовал концепцию «организованного капитализма Гильфердинга»²⁷. Преимущества этого метода анализа, благодаря которому проявляется немаловажное взаимодействие наиболее критических моментов дискуссии социал-демократов с научными исследованиями в социальной области (от Вебера до Шумпетера с его работой «Капитализм, социализм и демократия»), не вызывает абсолютно никакого сомнения, особенно если его сопоставить с тормозящей ролью, которую играл марксизм II и III Интернационалов, когда все теоретическое и практическое внимание концентрировалось на структуре собственности. Однако «в культурном климате... который определяется «открытием» разделения между собственностью и контролем», «находящим поддержку в социологических исследованиях», присутствует основной риск пренебречь «твердым ядром собственности»²⁸. Причем под «твердым ядром» следует понимать не только явление, которое «более глубокое теоретическое исследование и некоторые практические неудачи поставили в центр внимания», а именно явление «возврата» «машин собственности» (*property machine*), с помощью которой удается «перемолоть» самые совершенные механизмы, созданные исключительно для контроля»²⁹; скорее под этим ядром надо понимать роль, которую имеет идея собственности в плане, так сказать, «метасоциологическом» как ключевая категория западной истории (достаточно вспомнить о решающей роли, которую, несмотря на противоположность тенденций, играла идея «вторичного присвоения» в либерализме и марксизме). Если сегодня тема собственности вновь поднимается как центральная, превращается, как говорил Токвиль, в «поле битвы», то это происходит не из-за того, что наблюдается какой-то «возврат», «периодически повторяющееся событие» (фундаментальный конфликт Запада между государственным и частным принципом, рынком и планированием, свободой и контролем, вновь встает ныне в совершенно ином свете), а, напротив, из-за того, «что стали проявляться интересы и ситуации, которые все труднее свести к цифрам и данным по собственности»³⁰. По всей вероятности, Оффе отдает себе отчет в этом и не только в своих недавних трудах, которые в качестве главной темы затрагивают поднятую сейчас проблему нового сочетания интересов и конфликтов, что отвечает ло-

²⁷ О концепции «организованного капитализма» Гильфердинга см.: H. A. Winkler, Einleitende Bemerkungen zu Hilferdings Theorie des Organisierten Kapitalismus. — In: Organisierter Kapitalismus. Göttingen, 1974, S. 9—18.

²⁸ S. Rodotà, La rinascita della questione proprietaria. — In: Il terribile diritto. Bologna, 1981, p. 18—19.

²⁹ Ibid., p. 19.

³⁰ Ibidem.

тике «постматериалистического» или «постприобретательского» типа³¹; но уже в вводной части своей книги о государстве, посвященной «концептуальной дефиниции «позднего капитализма» (*Spätkapitalismus*), он утверждает, что концепция *частного* присвоения сегодня менее, чем когда бы то ни было, опраничивается рамками его формального санкционирования или частными юридическими отношениями»³². Категории «собственности» и «приватности» продолжают выступать как основные отправные пункты не только для объяснения исторического развития капиталистического способа производства, а прежде всего для обнаружения в нем «тенденциально саморазрушающейся» недостаточности, коренящейся в структурном дефиците сознательного общественного контроля над ресурсами и развитием жизни (развитием, которое оказывается, правда, социализированным, но в «чисто фактическом» выражении³³). Помимо любой редукции формально-юридического или психологического плана (например, редукции, исходящей из понятия «эгоизма» для объяснения «стремления к прибыли» владельцев капитала), «категория приватности, напротив, схватывает общественно-экономическую реальность, складывающуюся из структурной абстрактности по отношению к потребностям, группам и классам, которые не учитываются автоматически структурным механизмом валоризации капитала при возможности получить прибыль»³⁴. Парная категория собственность/приватность остается, таким образом, по Оффе, основополагающей для оппелеления социальной системы, в которой «потребительные стоимости появляются лишь как гипопеномены меновых стоимостей»³⁵.

Связь между приватностью и иррациональностью-неосознанностью остается определяющей для дефиниции и новой формулировки противоречия, которое Оффе продолжает называть основным: «Наш подход обнаруживает основное противоречие капиталистических обществ в контрасте между неосознанным расппирением (независимо от намерений, а только фактически) отношений взаимозависимости в процессе обобществления, с одной стороны, и, с другой стороны, отсутствием осознанной организации и планирования этого процесса»³⁶.

³¹ См. прежде всего доклад, прочитанный К. Оффе на симпозиуме «Индивид и государство», который был проведен в Торонтском университете в феврале 1979 г., и опубликованный под заголовком «Stato, ingovernabilita e ricerca del "non politico"». — «Fenomenologia e societa», 1979, № 8, p. 324—334.

³² C. Offe, *op. cit.*, p. 24.

³³ Ibid., p. 25.

³⁴ Ibid., p. 24.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibid., p. 21.

Фактор неясности представлен в объективном плане отношениями частного присвоения, которые понимаются как отношения специфически капиталистического производства, а в субъективном плане они представлены вездесущностью или неизменностью, постоянством частных инвестиционных стратегий, которые блокируют или ограничивают сознательную организацию и планирование. Методологический подход, определяющий анализ, выполненный Оффе по недостаткам позднекапиталистической административно-политической рациональности, исходит из необходимости нового определения Марксовой теории государства и кризиса, дополнив эту теорему системной парадигмой. Эта необходимость выводится из подробного обзора «структуралистских» интерпретаций категориального аппарата, разработанного Марксом, с одной стороны, и полемики, противопоставившей интерпретацию этих вариантов марксистской теории, которые подвергаются критике со стороны «структуралистов» как «исторические по преимуществу», — с другой стороны³⁷.

Хотя Оффе и считает — филологически и теоретически — правильным эпистемологическое разграничение концепции «капитализма» на материале марксистской критики, основываясь на дефинициях капитализма, данных «классиками» и «неоклассиками» (ни «использование» средств производства, ни господство и свобода действия отдельного предпринимателя, ни форма «безликого рынка» не представляют собой фактически самостоятельных критериев, чтобы соответствующим образом определить капиталистическую общественную форму), он указывает на весьма недостаточное — для самостоятельной и творческой разработки теоретического наследия, оставленного Марксом, — «определение капитализма единственно по логике движения или „тотальности процесса“»³⁸. Одним словом, категориальный аппарат обречен на бесплодность, если он не в состоянии обзавестись оперативно-аналитическими структурами, то есть не может провести конкретные социальные исследования. И если различие между логическим и историческим является основополагающим для определения эпистемологического статуса марксистской теории, то столь же основополагающим для «теории капитализма» является осуществление связи между логическими и социологическими категориями. Именно такое различие помогает Оффе проводить критику структуралистских интерпретаций Маркса: отождествление или молчаливая подмена, которые эти интерпретации устанавливают (Оффе явно имеет в виду позицию Гodelье) между логическим и социологическим планом, приводит к тому, что под-

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibid., p. 26.

мена противоречия сводится к проблеме «функциональной совместимости» между структурами, но при этом никогда не удастся установить носителей и действующих лиц социальных антагонизмов. Комбинационные вычурности заменяют собой, таким образом, отнюдь не легкий труд аналитического разбора и социологическо-исторического исследования, направленного на изучение специфических форм действующих лиц (классов и общественных групп) и специфических, а нередко многогранных связей, которые они поддерживают со структурной динамикой. Подобное смешение логического и социологического уровней, подобная структурологическая стилизация проблемы классов и антагонизмов могут функционировать, по мнению Оффе, лишь на этапе «палеокапитализма», для которого правомерно относить процессуально-динамическую категорию антагонизма к классовому субстрату, с которым он непосредственно и функционально связан (с одной стороны, меньшинство, которое концентрирует в своих руках собственность на средства производства, с другой стороны, образование класса, лишенного собственности, для которого его рабочая сила является единственным источником существования). Это сравнение, проведенное Оффе между протокапиталистической эпохой (или капитализмом свободной конкуренции) и двойственной определяющей функцией концепции класса — которая одновременно означает логический уровень структурного антагонизма и уровень эмпирико-социологических групп и объединений, обеспечивающих его оперативную функциональность, — выдвигает, как мы это скоро увидим, критерий периодизации, который оправдывает теоретический статус, данный категории позднего капитализма, и который находит у Хабермаса свою цельную систематизацию внутри сложного отношения с наследием франкфуртской критической теории. Важно пока отметить общее методологическое значение, придаваемое Оффе критике структуралистского теоретизирования, понимаемого не столько как течение специфической мысли, сколько как ментальная установка или скрытая тенденция, направленная на то, чтобы снабдить Марксизму концепцию самопротиворечивого характера капиталистического способа производства «элементами фактической обстановки»: логическая структура концепции капитала принимает, таким образом, масштаб «независимой, кумулятивной, совокупной, необратимой исторической силы с телеологической ориентацией»³⁹.

Результат этой критики — невозможность вывести из эволютивных динамических законов («движения» (*Bewegungsgesetze*)) суждения о фактической обстановке или дать прогноз на будущее — подкрепляет оценку, данную Оффе раз-

³⁹ Ibid., p. 28.

личным марксистским позициям по проблеме государства. Шаткость позиции Оффе проявляется с особой очевидностью именно в этой области. Марксистские позиции по этому вопросу, несмотря на все их различие, оказываются приведенными к наименьшему общему знаменателю: к принятию ими классового характера государства. Это приведение к общему знаменателю, по Оффе, следует не отрицать, но в значительной мере подвергнуть сомнению. Хотя и отрицая тезис о государстве как о реальном коллективном капиталисте, он полагает — в полемике с Милибэндом ⁴⁰, — что правомерно и, во всяком случае, следует говорить о капиталистическом государстве, а не просто о государстве в капиталистическом обществе. Здесь Оффе пытается примирить два противоречивых требования (заметим, что иногда их считают даже альтернативными) — требование определения капиталистического характера государства в промышленных странах Запада и требование устранения апории, заключающейся в «узкоклассовом подходе», который отрицает за государством любую общую функцию, сводя его к орудию или аппарату класса или отдельных отрядов класса, которые господствуют в экономической и социальной области. В общем, не «инструментальный», а специфически «групповой», апоретический характер такой интерпретации государства (который значительная часть марксистов разделяет с плюрализмом либерально-утилитарного толка) состоит в невозможности найти аргументированный ответ, способный убедительно объяснить, в чем политическая власть находит собственный источник законности, а следовательно, возможность воспроизводить себя, не испытывая бентамовского «страха боли» от санкций. Но в таком случае проблема законности выливается, коротко говоря, в проблему силы, как это наблюдается, только при видимой парадоксальности, с утилитаристскими решениями и некоторыми марксистскими решениями проблемы политических обязательств (political obligation) ⁴¹.

Оффе считает непригодным оба варианта этой интерпретации внутри марксизма: а) теории влияния и б) теории принуждения. Действительно, если первые смешивают классовый интерес с эмпирическими группами, выражающими

⁴⁰ См.: R. Miliband. *The State in Capitalist Society*. London, 1969 (trad. it., Bari, 1970), а также критику со стороны Оффе: *Offe. Klassenherrschaft und politisches System, die Selektivität politischer Institutionen*. — In: *Strukturprobleme des kapitalistischen Staates*, cit. (trad. it. in *ID.*, *Lo Stato nel capitalismo maturo*, cit., p. 123—124). См. также более позднюю работу Милибэнда: *"Marxism and Politics"* Oxford, 1977.

⁴¹ См.: J. Bentham. *A Fragment on Government*. Oxford, 1948, p. 107, note. По этому вопросу см. также: A. Passerin D'Entreves. *Sulla natura del obbligo politica*. — In: *"Rivista internazionale di filosofia del diritto"*, XLIV, luglio—settembre 1967; или. — In: *ID.* *Obbedienza e resistenza in una società democratica*. Milano, 1970; p. 67 sgg.

практическую заинтересованность, то вторые даже отдают предпочтение схеме внешнего, поверхностного объяснения, переводя проблему политической власти в механическую концепцию влияния. Ни одна из этих двух теорий не задается вопросом о типе и степени рациональности государства как исторического артефакта капиталистической буржуазии. Поскольку они ограничиваются изучением «внешних условий, которые придают политическим процессам классовое содержание», то «обе эти теории невозможно использовать для того, чтобы доказать классовый характер государства»⁴². Итак, «групповая» интерпретация политической власти исходит из постулата «нейтральности государственного аппарата», выступающего как инструмент, который по своей структуре и внутренней рациональности мог бы в принципе использоваться также для утверждения иных или даже противоположных интересов.

Если это — критический уровень разговора, то еще более сложными представляются предложения в интерпретациях Хабермаса и Оффе. Если отбросить эти решения структурно-функционального характера, склонные превратить бонапартизм в своего рода неизменный образец буржуазного государства (эта линия по-разному представлена в рамках обеих исторических традиций марксизма, который находит обширную и богатую область применения в анализе фашизма — достаточно назвать имена Тальгеймера, Ставара, Бауэра или даже Грамши и Троцкого, — однако эта область все же принимает структурно-функциональный теоретический поворот благодаря сознательному восприятию Парсонса лишь с помощью альтюссеризма, переделанного Никосом Пуланца-сом⁴³), то единственно возможное определение буржуазного государства — это определение, исходящее из динамики формы товара и из его системно-исторических преобразований. Тесная связь этих двух сторон — исторической и системной — является основополагающей для понимания смысла предложения Хабермаса и Оффе о переходе от политической экономики к социологии (или, лучше сказать, к социально-

⁴² С. Offe. *Klassenherrschaft und politisches System*.

⁴³ См. в качестве примера основополагающий вывод, к которому приходит Никос Пуланцас в работе: *The Problem of the Capitalist State*. — "New Left Review", 1969, № 58, p. 73: «Можно сказать, что капиталистическое государство отвечает наилучшим образом интересам класса капиталистов только тогда, когда члены этого класса не участвуют прямо в государственном аппарате или, иначе говоря, когда *правлящий* класс не является политически *правлящим* классом». Интересно отметить — согласно методу замечанию Г. Терборна (*What Does the Ruling Class Do When it Rules?* London, 1978), — что Оффе придерживается позиции, аналогичной той, которую занимает Пуланцас (сказанное выше подтверждается, в частности, в работе "Pouvoir politique et classes sociales" и в "Fascisme et dictature") по вопросу о *классовом интересе* (кстати, возникает такая же трудность придать этой концепции точное эмпирическое значение).

политической науке, понимаемой в материалистическо-критическом смысле). Сближение двух категориальных формулировок марксизма и общественных наук (*Sozialwissenschaften*) происходит, правда, на самом деле — как, впрочем, и в других современных неомарксистских перспективах — на основе анализа, относящегося к целесообразности-результативности сопоставления двух наиболее значительных традиций критики, максимизирующей модели рациональности, присущей политической экономии; однако ковершено особое значение эта модель приобретает, если ее рассматривать как результат особого развития и отхода от франкфуртской традиции критической теории.

Здесь мы не в состоянии напомнить о ведущих направлениях анализа массового общества, который проводился Франкфуртской школой, и тем более подчеркнуть их обновляющее влияние на левую культуру (марксистскую и не-марксистскую) прежде всего из-за исключительной способности этого анализа использовать непредвзятую и вместе с тем строго междисциплинарную инструментровку. Тем не менее, несмотря на эту культурную и дисциплинарную широту взглядов, теоретическая платформа, характеризующая подавляющее большинство сторонников критической теории (которая складывается в исследованиях и дискуссиях 30-х и 40-х годов), озаглавлена марксистской ортодоксией, которую мы могли бы определить как «застывшую», находящуюся как бы в спячке. Если мы возьмем в качестве примера модели анализа, содержащиеся в работе «Авторитарное государство» («*Autoritärer Staat*») Макса Хоркхаймера или «Государственный капитализм» («*State Capitalism*») Фридриха Поллака, то сможем отметить в них (несмотря на несомненное стремление дополнить концептуальную марксистскую картину «конкурирующими моделями», как мы сегодня их могли бы назвать, чтобы привести эту картину в соответствие с морфологическими характеристиками «нового порядка») странный апоретический аспект: марксистский эссенциализм и его учение об «общественных законах» никогда настоящему не подвергаются обсуждению (тот же Адорно еще в середине 60-х годов объявит полностью работающими марксистские теории стоимости и классов)⁴⁴. Противоположная тенденция «авторитарному государству», несмотря на то что принимает «эпохальный» размах, не снимает, а блокирует тенденцию к краху (основы этой тенденции остаются, таким образом, по существу не опровергнутыми, прочными), из-за чего при ее не-историчности оказываются неизменными

⁴⁴ См.: *Th. W. Adorno. E superato Marx?..* — In: *Marx vivo*. Milano, 1969, p. 19—35. Для этой интерпретации Франкфуртской школы автор позволит себе отослать читателя к работе: *G. Marramao. Il politico e le trasformazioni*. Bari, 1979, p. 36. sgg., 193 sgg.

социальные результаты. С этой точки зрения представляется абсолютно условной вводная часть, которую Хоркхаймер посвятил авторитарному государству: «Исторические предвидения о судьбах буржуазного общества подтвердились»⁴⁵. Сразу же возникает вопрос, откуда берет начало эта «застывшая ортодоксия», которая лежит в основе преобладающего направления «Института социальных исследований» (Institut für Sozialforschung). Начало это, по нашему мнению, следует искать в уравнении — которое представители Франкфуртской школы заимствуют у Лукача в его работе «История и классовое сознание» — капитализма и абстракции обмена (Tauschabstraktion), то есть в идее, согласно которой формальный смысл (ratio) стоимости выступает единственным подходящим признаком «основного ядра» капиталистического общества как общества, основанного на производстве товаров. Уже в анализе критической теории 30-х годов вполне четко проявляется убеждение, которое в дальнейшем послевоенном исследовании, проведенном Адорно дополнительно, подкрепляется и усовершенствуется — из-за чего бесчисленные «феноменологические» оценки фундамента не разрушают основного ядра, хотя и могут отрицательно сказаться на его оперативности и прозрачности, ограничивая эффект его воздействия с помощью противоположной тенденции институционализированного насилия. Контекст, сложившейся вследствие латентного характера тенденции (trend) к катастрофе и, вследствие постоянной рационализации и автоматизации институционального контроля, образуя, таким образом, единственный механизм, логика которого настолько сильна, что подавляет всякую возможность автономии «гражданского» и «частного» лица — как прерогативу индивидуальной эмансипации буржуа — и воспроизводит себя с помощью господства, которое предварительно деполитизирует массы, а это в свою очередь при помощи средств массовой информации и техники манипулирования обеспечивает их лояльность императивам накопления и валоризации. Кроме увеличения степени взаимодействия между «государством» и «гражданским обществом», новый авторитарный порядок представляет собой для франкфуртских теоретиков настоящую экспроприацию и дискредитацию второй составляющей.

С этой точки зрения Франкфуртская школа, изображая переход к новому авторитарному порядку не как воплощение роста, а скорее как снижение комплексности, оказывается на одной культурологической платформе с анализами (в том числе социал-демократического происхождения), ко-

⁴⁵ M. Horkheimer. *Autoritärer Staat* (1942). — In: *ID. Gesellschaft im Übergang*. Frankfurt am Main, 1972.

торые — от Маннгейма до Ледерера и (со значительными различиями) Ханны Арендт — связывают явление тоталитаризма с разрушением «классовой системы»⁴⁶. Однако в культурной жизни Германии предвидение тезиса о новом порядке в 30-х годах как характерной черте возврата государства (в то время эта тема широко и живо обсуждалась во всей Европе, как мастерски отметил в 1935 году Люсьен Февр⁴⁷), а также резкого изменения отношения между политикой и экономикой по сравнению с капитализмом свободной конкуренции мы отмечаем прежде всего в исследованиях, которые проводились кружком, образовавшимся вокруг ежемесячного журнала «Ди тат» под руководством Фердинанда Фрида⁴⁸. Позиции этого кружка являются прямой противоположностью господствующему неоклассическому образцу: эпоха промышленной революции окончательно канула в прошлое, и на смену ей идет «тоталитарная политическая революция», отличающаяся постоянными методологическими переменами социального организма. По свершении этой «революции» политическая сторона займет место экономической как центральный нерв и движущая сила общества. Если мы сегодня вновь прочтем исследования Фрида, то не сможем не отметить поразительное, но вполне четкое предвидение им тезисов, которыми Альфред Зон-Ретель — недавно открытый исследователь, также сформировавшийся в переходный период между двумя войнами, — по существу исправил и дополнил франкфуртские исследования по новой капиталистической морфологии, перемещая акцент на аспекты, которыми подчас пренебрегают: речь идет о второстепенных процессах рационализации и обобществления производственного процесса⁴⁹. Тождественным является также исходный тезис двух авторов (несмотря на значительное различие между ними по образованию и политическим взглядам). Речь идет о рационализации как факторе массовости и гомологизации с помощью постепенного разрушения собственности и управления средствами производства («еди-

⁴⁶ См.: K. Mannheim. *Ideologie und Utopie*. Bonn, 1929. — In: J.D. Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus. Leiden, 1935; E. Lederer. *State of the Masses*. New York, 1940; H. Arendt. *The Origins of Totalitarianism*. New York, 1951. С точки зрения четкого и пунктуального изложения дискуссий по тоталитаризму и массовому обществу см.: E. Saccomani. *Le interpretazioni sociologiche del fascismo*. Torino, 1977, p. 37 sgg.

⁴⁷ L. Febvre. *De l'Etat historique à l'Etat vivant*. — In: *Encyclopédie Française*, tome X. Paris, 1935, p. 1—15.

⁴⁸ См.: K. Sonthheimer. *Der Tatskreis*. — In: G. Japper (Hrsg.). *Von Weimar zu Hitler 1930—1933*. Köln—Berlin, 1968.

⁴⁹ Главная работа Зон-Ретеля “*Geistige und körperliche Arbeit*”. Frankfurt am Main, 1970. Однако фундаментальным, прежде всего в связи с историческим применением его тезиса, является его труд о нацизме: “*Ökonomie und Klassenstruktur des deutschen Faschismus*”. Frankfurt am Main, 1973.

ничный владелец дробится на безликую массу»; «капиталистический предприниматель также становится чиновником»⁵⁰). Тождественна у них также документальная основа, а именно исследование Шмаленбаха о фатальном направлении развития капиталистической экономики «от конкуренции к жесткому режиму», из-за чего берет верх экономика «твердых затрат» на предприятии (в таких условиях заработная плата имеет все меньшее значение)⁵¹.

Между этими исследованиями и исследованиями Франкфуртской школы, несмотря на немалую внешнюю аналогию, все же наблюдается существенное различие. В линии Хоркхаймера—Поллака—Адорно утверждение одноразмерной схемы, несмотря на то что она выступает как подчеркивание автономии государства, на самом деле представляет производное жесткой логики господства, проистекающей из самой «сущности» общественных отношений, основанных на товарной форме. В исследованиях кружка журнала «Ди тат» и Зон-Ретеля, напротив, настойчиво обращается внимание — при значительных различиях в акцентах и выводах — на процессы, которые необратимо развенчивают меновую стоимость как функцию-гегемон, как функцию «социального синтеза»⁵².

Этот аспект нас больше приближает к теоретическому требованию Хабермаса, заслуга которого состоит в том, что он разбил застывшую ортодоксию франкфуртской традиции и первым начал дискуссию о пригодности теории стоимости. Тем не менее, не говоря уже о всевозможных механических соотношениях между функциональной тенденцией и противотенденциями, историю капитализма надо понимать как специфическую динамику преобразования производственных отношений (а с ними — и степени внутренней рационализации, которая определяет организацию и воспроизводство этих отношений). «Преобразование производственных отношений»⁵³ в современном позднем капитализме можно охарактеризовать тремя главными чертами: 1) модифицирован-

⁵⁰ F. Fried. *La fine del capitalismo*. Milano, 1932, p. 211. Тезис Фрида о технологическом отмирании промышленного капитализма — который включается в широкую и отчасти уже затронутую тему Зомбартом, Зиммелем и Шпенглером в работе «Пруссачество и социализм» ("Preussentum und Sozialismus") — предвяряет тезисы о постиндустриальном обществе, которые обретут известность в послевоенный период в работах Дэниела Белла и Алена Тулена. Тот факт, что такое ясное и раннее предвидение этих близких нам тезисов возникло в культурных слоях правого толка, является обстоятельством, о котором, видимо, стоит поразмыслить.

⁵¹ См.: Ibid., p. 209—213; Sohn-Rethel. *Ökonomie und Klassenstruktur des deutschen Faschismus*.

⁵² См.: Sohn-Rethel. *Geistige und körperliche Arbeit*; "Die ökonomische Doppelnatur des Spätkapitalismus". Darmstadt—Neuwied, 1972, S. 43.

⁵³ Habermas. *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*.

ной формой производства прибавочной стоимости; 2) парapolитической структурой заработной платы, которая выражает классовый компромисс; 3) возросшей необходимостью узаконить политическую систему, что обуславливает появление требований, направленных на потребительные стоимости. Контекстуально анализ государства организованного капитализма является, по Хабермасу, исключительно анализом изменения форм. Для определения современной морфологии кризиса недостаточно более — как это наблюдалось на протокапиталистическом этапе — организации плана, обеспечивающего совпадение между политико-динамическим уровнем и уровнем описательно-статическим. Скорее необходимо установить особую роль, которую выполняет политическая система, и те условия, в которых эта роль способствует определению масштаба социального конфликта и функционирования самых различных экономических механизмов, отличающихся от механизмов, которые проявлялись на этапе капитализма свободной конкуренции. Преобразования производственных отношений определяют в конечном счете перемещение центра тяжести кризиса. Весьма ясны по этому вопросу формулировки, которые мы встречаем в книге «Легитимационные проблемы при позднем капитализме». «В ходе капиталистического развития политическая система переместила свои границы, продвинув их не только в экономической системе, но также в системе культурно-общественной»⁵⁴. Воздействие этого перемещения состоит в том, что «кризис рациональности... занимает место экономического кризиса» и что, следовательно, «логика проблем валоризации не только воспроизводится в другом контрольном инструменте — конкретно в инструменте законной власти, — но вследствие смещения противоречивых контрольных императивов из области рынка в административную систему меняет также логику кризиса»⁵⁵.

Неоспоримая новая черта этой постановки вопроса по сравнению с преобладающей линией франкфуртской традиции заключается, следовательно, в подчеркивании изменения формы — и логики — кризиса. Однако необходимо одновременно отметить, что это изменение формы приобретает диахронный, а не только синхронный поворот: то есть оно наблюдается как движение перемещения, которое, во всяком случае, имеет своим исходным пунктом кризис сферы экономики. А государство между тем вынуждено «логикой своих средств контроля» включать «все большее число элементов, внешних к системе», поскольку таким образом «может компенсировать слабость экономической системы, блокирующей

⁵⁴ Ibid., p. 53.

⁵⁵ Ibidem.

саму себя, и берет на себя задачи, восполняющие рынок»⁵⁶. Основная деятельность позднекапиталистического государства направляется, таким образом, на выполнение двух различных, но симметричных между собой функций накопления и легитимации, в то время как смещение границы политической системы вызывает в сугубо историческом плане явление повторной политизации производственных отношений.

Ключ для утверждения значения такого вывода из исследования Хабермаса (и указанной дефиниции) лежит в том, что остается нетронутой эквивалентность капитализма и абстракция обмена, хотя из этого теоретического положения затем следует тематическое развитие и историческая периодизация, которые весьма отличны от того же Поляка или Хоркхаймера. Историческое своеобразие капитализма на первых порах заключается, по Хабермасу, который изучает область проблем, опираясь то на Маркса, то на Вебера, в нарушении гомологического отношения, которое имело место в традиционных (или докапиталистических) обществах между юридической формой и производственными отношениями. В то время как в феодальной системе, где господствовала форма неравного права, которое верно отражало реальное неравенство, производственные отношения имели непосредственное политическое значение, то, напротив, при капитализме эти отношения теряют свой политический вес из-за того, что власть осуществляется уже не в форме политической зависимости, а посредством меновой стоимости и ее зеркального образа — формы «равного права»: «В либеральном буржуазном обществе легитимация господства выводится из легитимизации рынка, то есть из «справедливости» обмена эквивалентов, присутствующего в отношениях обмена»⁵⁷.

С помощью этой аргументации Хабермас оправдывает исторически также Марксов вывод теории кризиса и критики политики зеркального отражения из спекулятивного характера юридической и товарной формы. Маркс, читаем мы в работе «Техника и наука как идеология», «провел критику буржуазной идеологии в форме политической экономии: его теория труда как источника стоимости разрушила видимость свободы, с помощью которой юридический институт свободного трудового соглашения сделал неузнаваемыми социальные отношения власти, подчиняющиеся отношениям наемной рабочей силы»⁵⁸. В работе «Познание и интерес» Хабермас возвращается к этой теме и освещает ее с еще большей ясностью: «Маркс анализирует такую форму общества, кото-

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ ID. *Technik und Wissenschaft als Ideologie*. Frankfurt am Main, 1968 (trad. it. — In: ID. *Teoria e prassi nella società tecnologica*, a cura di Carlo Donolo. Bari, 1969, p. 213).

рая институционализирует антагонизм классов уже не в форме непосредственно политической зависимости или социальной власти, а в институте свободного трудового соглашения, который навязывает товарную форму производственной деятельности. Эта товарная форма является объективной видимостью, так как делает неузнаваемым для обеих сторон — как капиталистов, так и наемной рабочей силы — предмет их конфликта и сужает область их общения. Товарная форма труда является идеологией, так как одновременно скрывает и выражает подавление диалогического отношения, лишенного принуждения»⁵⁹.

С кризисом рыночных автоматизмов необратимо нарушается легитимация буржуазной власти, выражающаяся в «квазиестественной» стихийности меновых отношений, а на ее месте образуется новая форма легитимации, основанная на «компенсационном программировании»⁶⁰. Итак, и для Хабермаса, как и для Зон-Ретеля, переход от капитализма свободной конкуренции к организованному капитализму означает необратимый кризис меновой стоимости как функции «социального синтеза», как абстрактного посредника (*medium*) процесса обобществления. Но Хабермас в отличие от Зон-Ретеля считает невозможной разработку концептуально строгой и вместе с тем социологически эффективной теории «позднего капитализма» без анализа специфики функционирования и чрезвычайного характера институционно-политического уровня как фактора, замещающего собой (в плане рациональности) «стихийное» обобществление и валоризацию. Напротив, у Зон-Ретеля факт политической власти выступает — как при анализе национал-социализма в функции какого-то паллиатива, полумеры при общем худосочии (дискразии), которое постоянно рискует парализовать позднекапиталистическую формацию; речь идет, другими словами, о разрыве между «производственной экономикой», отвечающей логике обобществления (*Vergesellschaftung*), «освобожденной», согласно Шумпетеру, от рационализации, с одной стороны, и «рыночной экономикой», которая продолжает придерживаться собственно капиталистической логики извлечения прибыли⁶¹, — с другой. Следует отметить, что

⁵⁹ *Id.* Erkenntnis und Interesse.

⁶⁰ См.: *Id.* Bedingungen für eine Revolutionierung spätkapitalistischer Gesellschaftssysteme (1968). — In: Marx und die Revolution. Frankfurt am Main, 1970, S. 30—31.

⁶¹ См.: *Sohn-Rethel.* Ökonomie und Klassenstruktur des deutschen Faschismus. Небезынтересно, видимо, напомнить, что Зон-Ретель вместе с Эмилем Ледерером получил в 1928 году диплом в Гейдельберге, защитив докторскую диссертацию об «экономической эпистемологии», которая непосредственно была связана с работами Шумпетера. Впоследствии указанная диссертация была опубликована под заголовком: "Von der Analytik des Wirtschaftens zur Theorie der Volkswirtschaft". Emsdetten, 1936.

именно здесь вновь возникает своеобразная первоначальная апория франкфуртской критической теории в том смысле, как мы ее определили выше. В самом деле, государство продолжает, пусть по-иному, подчинение «основному закону» обмена — выступая уже не абстрактно-всеобщим гарантом процесса извлечения прибыли, «самоуправляемого» рынком, а в качестве фактора, который постоянно срывает при преодолении «дисфункций» механизма конкуренции. Появление государства, осуществляющего свое вмешательство в рыночный механизм, оказывается поэтому, с точки зрения Хабермаса, прямым следствием, ответом, зависящим от кризиса рынка и форм легитимации «классического» буржуазного государства. Таким образом, вновь дает о себе знать противоречие между подчеркиванием политического характера позднекапиталистического кризиса, в котором механизм легитимации, видимо, отодвинул область экономики в ранг простой подсистемы, и чисто реактивно-негативной дефиницией роли государства. То, что мы назвали первоначальной апорией, проявляется, впрочем, со всей четкостью очертаний в интерпретации изменения формы кризиса как линейное перемещение его центра или оси вращения из экономической сферы в сферу политическую и общественно-культурную. И как мы увидим ниже, речь не идет лишь о диахронически размытом философском недоразумении исторического материализма, а прежде всего об ошибочной концептуализации реальной истории отношений между государством и рынком в современной им общественной формации.

Аналогичные проблемы возникают у Оффе, когда он переходит от критики — острой и по существу — различных внутренних вариантов марксистского анализа государства к построению концепции «позднекапиталистического государства» в свете «материалистической методологии политологии». По этому вопросу, вероятно, стоит обратиться, кроме работ в сборнике «Структурные проблемы капиталистического государства», к последующей работе, написанной им совместно с Фолькером Ронге, «Тезисы к пониманию концепции «капиталистического государства» и к материалистическому исследованию политики» («Thesen zum Begriff des Konzepts des «kapitalistischen Staates» und zur materialistischen Politikforschung») ⁶². Непрерывная связь между общей (систематической) стороной и стороной частной (классовых интересов) функционирования государства осуществляется на основе ранее рассмотренной критики, в инструментально-прупповом ключе, политической власти в соответствии со следующей ар-

⁶² Тезисы опубликованы в сборнике: "Rahmenbedingungen und Schranken staatlichen Handelns". Frankfurt am Main, 1976 (trad. it. — In: Stato e crisi delle istituzioni. A cura di Lelio Basso, Milano, 1978).

гументацией: капиталистическое государство, охраняя и институционно формализуя капиталистические производственные отношения с ковокупностью социальных отношений, которые развиваются вокруг него, вместе с тем решает эту задачу, исходя уже не из того, что оно сектарно или «корпоративно» защищает интересы той или иной социальной экономической группы, а скорее из того, что выступает как защитник и гарант «общих интересов» всех членов «капиталистического классового общества»⁶³. Роль, которую призвана выполнять любая государственная стратегия, характеризующаяся в капиталистическом смысле, состоит в создании условий, чтобы каждый «гражданин» был включен в меновые отношения.

Но поскольку капиталистическое государство имеет свою архимедову точку опоры в виде товара, то его несущая структура и рациональность в ходе истории стали колебаться, начиная с того момента, когда с кризисом саморегулирующегося рынка дали осечку механизмы, связывавшие между собой отдельные единицы стоимости с помощью абстракции обмена. Чтобы справиться с последствиями разрушения и утратой законности в ходе кризиса «классических» автоматизмов, государство после «великой депрессии» 1929 года и соответствующей перестройки не может более ограничиваться негативной функцией гарантии и защиты, а должно ставить перед собой прямую задачу — придать универсальный характер форме товара как единственному условию стабильности двух основных компонентов, «двух частичных структур» (Teilsstrukturen) капиталистического общества — «политики» и «экономики».

Переход государства к «вмешательству» становится поэтому необходимым вследствие «постоянной тенденции, которая открыто проявляется в историческом и практическом плане динамики капиталистического развития, с наступлением паралича «товарного характера» стоимости, а следовательно, с нарушением меновых отношений»⁶⁴. Оффе справедливо подчеркивал по этому вопросу тот факт, что теоремы, выработанные «неомарксизмом» (то есть марксизмом, «ревидированным» начиная с первых десятилетий нашего века уроками неокантианства, Маха и неоклассиков) в попытке дать убедительное объяснение утраты функциональности стихийного уравнивающего механизма, были весьма различны и противоречивы. Причем это — различие в выборе и подходах, которое почти неощутимо дает о себе знать также в марксизме послевоенного времени. В подтверждение замечаний Оффе мы со своей стороны могли бы привести, во-первых, те-

⁶³ Ibid., p. 37 sgg.

⁶⁴ Ibid., p. 39.

зис, выдвигаемый Бэраном и Суизи в работе «Монополистический капитал»⁶⁵, подкрепленный положением о неспособности рынка справиться с потоком прибылей, вызванным капиталистической концентрацией; с другой стороны, тезис Зон-Ретеля, который, исходя из анализа процесса рационализации и массивификации производства, удивительно сходного, как мы видели выше, с тезисом Фердинанда Фрида и кружка журнала «Ди тат», объясняет кризис уравнивающей функции обмена по мере все возрастающей дифференциации между различными отраслями (а также внутри самого крупного рационализированного предприятия), а это в свою очередь вызывает — вследствие увеличения размеров постоянного капитала, вложенного в производство, — все более подчеркнутую специализацию и все меньшую гибкость и умение приспособиться в других отраслях.

Какую бы интерпретацию мы ни приняли (ни Хабермас, ни Оффе не вникают сколько-нибудь в существо вопроса), неоспоримым остается тот факт, что «великая депрессия» сильно подорвала (и в буржуазном лагере) традиционное доверие к эффективности самопроизвольного регулирования рынка. Более того, даже самые ортодоксальные либералы не расположены сейчас доверяться ожиданиям автоматического повторного включения в оборот оказавшихся «за его рамками» единиц стоимости.

Поэтому задача капиталистического политического государства состоит, как мы видели ранее, в том, чтобы максимизировать как по капиталу, так и по рабочей силе возможности вхождения в отношения обмена. И в силу перехода от негативного действия к действию позитивному, которое эта максимизация вызывает, государственная политика в настоящее время «методически очищается как от остатков феодальных концепций, так и от идеологических опраничений либеральных программ и рецептов»⁶⁶. Тем не менее «новый курс», будучи далек от того, чтобы устранить указанные неполадки, придает им, напротив, органический характер.

Как же отвечает государство на структурную проблему, возникшую вследствие паралича меновых механизмов? Если отбросить как совершенно неэффективную и «устаревшую» неоллибералистскую гипотезу простого возобновления действия механизмов уравнивания, не остается иной альтернативы, кроме альтернативы субсидирования тех единиц стоимости, которые не могут удержаться в отношениях обмена. Отсюда принятие методов государственной «помощи» для решения проблемы единиц стоимости, «утративших свою

⁶⁵ Monopoly Capital. New York, 1966. Критику Зон-Ретелем тезисов Бэрана и Суизи см.: «Die ökonomische Doppelnatur des Spätkapitalismus». S. 16 sqq.

⁶⁶ C. Offe und V. Ronge. Thesen...

функцию товара». В этом отношении Оффе и Ронге пытаются указать на возникновение дополнительной альтернативы, — альтернативы, которую они определяют как стратегию «возвращения товарной функции административными методами». Эту стратегию следует понимать как своеобразное третье решение по отношению к «либералистской *laissez-faire*» и по отношению к «протекционистской политике» государств, оказывающих помощь. Указанная альтернатива имеет целью не только «пассивное оздоровление» тех отраслей, которым не удастся удержаться в сфере обмена, но вообще установление, посредством политических мер, условий для поддержания механизма обмена между правовыми или экономическими субъектами⁶⁷.

Однако — именно здесь мы подходим к центральной части упомянутого тезиса — исходя из задачи обеспечить всеобщий характер формы товара, этот вид вмешательства государства вызывает в конечном итоге «частичную экспроприацию» среди владельцев капитала, что в свою очередь угрожает отношениям обмена между владельцами товаров. Поэтому реформистские меры не приводят ни к рационализации государства с первостепенной функцией процесса извлечения прибыли (как этого хотели бы сторонники тезиса «коллективного капиталиста» или «планового государства»), ни к превращению государства в инструмент господствующих общественно-экономических групп (согласно классическому марксистскому положению и его новому выражению в теории государственно-монополистического капитализма). Скорее всего, эти меры впадают в противоречие с интересами капиталистического класса, как это доказывает «сильное сопротивление, которое они нередко встречают со стороны политических организаций этого класса»⁶⁸. Но в чем состоит механизм возникновения этого нового уровня противоречия (повторная формулировка которого требует, как мы видели ранее, использования категориального кода социологической теории систем)? Этот механизм состоит, по Оффе — как, впрочем, и для Хабермаса, — в том, что «попытки государства спасти и придать всеобщий характер форме товара требуют таких форм организации, способ действия которых переходит границы товарной формы»⁶⁹.

Комплексная теория «позднекапиталистического» кризиса и «позднекапиталистического» государства, разработанная благодаря немалому вкладу франкфуртской традиции, выливается, таким образом, в новую формулировку Марксовой парадигмы противоречия (производительные силы/производ-

⁶⁷ Ibid., p. 44.

⁶⁸ Ibid., p. 47.

⁶⁹ Ibid., p. 48.

ственные отношения), в антиномии между непреходящей логикой капиталистического производства, «анархически» обращенной на производство «абстрактных» меновых стоимостей, и «рационализирующей» логикой вмешательства государства, призванного не производить непосредственно меновые стоимости, а благоприятствовать и поддерживать их производство с помощью мер регулирования и планирования, отвечающих схеме производства «конкретных» потребительных стоимостей⁷⁰. Но — и это, на наш взгляд, очень важно — подобная новая формулировка не отходит от «классической» схемы зависимости (хотя и выражается уже не в механических, а в функционалистских формулировках, как в социал-демократическом марксизме 20-х годов). Именно из специфической ревизии, проведенной там марксизмом, и прежде всего Гильфердингом, возникает концепция «организованного капитализма» (принятая Хабермасом) в области политической власти, регулирующей экономику (движение от нарушения равновесия к его восстановлению); в самом деле, новая формулировка не выходит за рамки парадигм основного противоречия — постоянно дает о себе знать настоячивая претензия выработать единую модель причинного объяснения кризиса, — а ограничивается попыткой воссоздать этот образец с помощью теории систем.

Следовательно, и в этих исследованиях — большая заслуга которых, повторяем, состоит в том, что они освободились от множества предрассудков, укоренившихся в марксистской традиции, и учли наиболее прогрессивные вклады политических и социальных наук, — вновь возникает обветшавшая философская идея капитализма как отчуждения. Итак, вполне понятно, что вновь дает о себе знать традиционный разрыв между объективной стороной (кризисом) и стороной субъективной (критикой). «Расслоение нравственной ткани, — заключают Оффе и Ронге в своей работе, — или нравственно-нормативных опор общества, основанного на обмене, корни которого уходят в меры и стратегию, направленные на придание всеобщего характера форме товара, не представляет собой само по себе «тенденцию к краху». Тем не менее это структурное противоречие, несомненно, может стать в идеологическом плане точкой развития социальных конфликтов и политических битв, началом преодоления формы товара как принципа организации процесса общественного воспроизводства»⁷¹.

Как мы уже говорили ранее в отношении Хабермаса, в исследовании которого этот разрыв проявляется в выдвижении критически-дискурсивной рациональности «общест-

⁷⁰ D. Zolo. Introduzione a Offe, Lo Stato del capitalismo maturo, p. 8.

⁷¹ C. Offe und V. Ronge. Thesen...

венной сферы» (Offentlichkeit), единственная возможность которой состоит в использовании промежутков общения, еще свободных от господства, — здесь налицо не только возврат к старой теоретической апории, но также и прежде всего неадекватная и искаженная историческая картина перехода от капитализма свободной конкуренции к организованному, или позднему, капитализму. В самом деле, он преподносится как переход общей системы «саморегулирующегося рынка» к такой же общей системе «государственного вмешательства». Границы неопределенности этой историко-герменевтической схемы настолько широки, что с аналитическо-практической точки зрения оказываются обманчивыми, вводящими в заблуждение, — и не столь важно, что в подтверждение тезиса приводятся немаловажные практические замечания.

Теоретический недостаток «франкфуртского» определения капитализма как системы «деполитизированного» рынка выступает также как политико-исторический недостаток анализа. Действительно, капиталистический рынок никогда не был «бесхребетным», никогда не был в собственном смысле «неполитической системой» (как считает Хабермас в работе «Техника и наука как идеология») ⁷², именно из-за того, что исторически он всегда выражал в современном обществе форму «нейтрализации» конфликта, свойственную определенному этапу буржуазной гегемонии: фактически рынок всегда символизировал собой — то есть независимо от идеологических представлений — результат определенных отношений власти между различными субъектами, которые в своей взаимной конфликтности давали политическую окраску абстрактным отношениям обмена. Тому факту, что периодизация становится менее ясной и четкой, чем это следует из схемы Хабермаса — отвлекаясь даже от этого замечания общего характера, — способствует определенное историческое обстоятельство, имеющее тем не менее весьма большое значение для понимания мира, в котором мы живем: в последние десятилетия прошлого века, начиная с «великой депрессии», в рыночной системе почти всех капиталистических стран появляются новые коллективные образования и субъекты (концерны, монополии, синдикаты), которые обуславливают и в значительной мере изменяют и преобразуют симметричность и «правила игры», на которых основывалось функционирование политической власти. Стремления, ведущие к утверждению в большинстве промышленно развитых стран всеобщего избирательного права, являются лишь социальными показателями этой тенденции преобразования капиталистического общества. Для того чтобы документально доказать морфологическое влияние этого явления, совершен-

⁷² См.: *Habermas. Technik und Wissenschaft als Ideologie.*

но нет необходимости обращаться к весьма существенным фактам в общественной истории Германии и англосаксонских стран. Для этого достаточно вновь обратиться к дебатам, которые ведутся в общественных науках стран Средней Европы со времен Бисмарка до первой мировой войны, начиная от «катедер-социалистов» до исследования Союза социальной политики*. Впрочем, уже у Вебера весьма большое внимание уделяется изменениям, вносившимся в рыночную систему «новыми субъектами социализации». Напротив, этот аспект в творчестве Вебера полностью ускользает как от более влиятельного крыла критической теории (Франкфуртской школы. — *Ред.*), так — по крайней мере в значительной своей части — и от реформы, предпринятой Хабермасом. Если Вебер у Хабермаса — это «легитимация», то Вебер у Хоркхаймера, Адорно и Маркузе — это *ratio*, как вездесущая категория, как «отрицательная тотальность» капиталистического господства (*Herrschaft*). Следуя выводам Лукача в работе «История и классовое сознание» («*Geschichte und Klassenbewußtsein*»), «франкфуртцы» (от политико-теоретических выводов которой они, однако, отрываются) осуществляют чисто философскую реконструкцию связи рациональности — господство и поэтому не задаются вопросом об исторических факторах власти, лежащих в основе нарушения расчетов. Они извлекают из этой работы исключительно признак капиталистического отчуждения как следствие нечеловеческой сущности способа производства, основанного на обмене товаров (тогда как, по Веберу, формальная рациональность и расчет представляют собой признаки «совокупного развития «западного рационализма»⁷³). Таким образом, они лишают себя возможности осознать политическую значимость процесса рационализации, который — предвосхитив важный компонент (остающийся тем не менее до настоящего времени почти незамеченным) веймарской политической теории — в качестве непосредственного результата вызывает кризис равновесия, постулированного неоклассической доктриной (а следовательно, любой гипотезой «нейтрализации», ориентирующейся на «аксиому параллелей», как ее называл Кейнс, то есть на критерий «совершенной конкуренции»), и как долгосрочный результат — «деформализацию» государства и «плюрализацию» самого господствующего класса.

* Союз, ставивший своей целью социальные реформы. Действовал в Германии в конце XIX — начале XX века. — *Прим. ред.*

⁷³ См. весьма подробную реконструкцию веберовских тезисов, которую провел Вольфганг Шлуктер в работе: «*Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus*». Tübingen, 1979. Немаловажные новые положения имеются также в сборнике его очерков: «*Rationalismus der Weltbeherrschung. Studien zu Max Weber*». Frankfurt am Main, 1980.

4. Экскурс: корпоративизм и коллективная демократия у Неймана и Френкеля

В своей работе 1937 года «Изменение функции закона в праве буржуазного общества» («Der Funktionswandel des Gesetzes im Recht der bürgerlichen Gesellschaft») Франц Нейман подвергает глубокой критике ошибочную периодизацию, находящую поддержку в «фашистской и социал-реформистской критике», которая приветствует нынешнюю эпоху как эпоху государства — эпоху, которая якобы знаменует собой явное нарушение преемственности, разрыв по сравнению с предшествующим либеральным этапом. Другими словами, обе критики объединяет то, что они рассматривают либеральное государство как «отрицательное», то есть, находя поддержку в этом вопросе со стороны самой либеральной идеологии, они принимают известную дефиницию Лассалля о либеральном государстве как «ночном стороже»⁷⁴. «Можно стать, однако, жертвой исторической ошибки, — отмечает Нейман, — если придется поставить на одну доску, уравнивать «негативность» и „слабость”»⁷⁵. Действительно, либеральное государство «всегда было настолько сильным, насколько этого требовала политическая и общественная обстановка и интересы общества»⁷⁶. Просто государство выражало свою мощь лишь в той области, где оно должно было быть сильным и где в применении силы возникала необходимость; оно вело войны, чтобы защищать или расширять свои границы; оно стояло на страже своих капиталовложений и рынков с помощью мощных флотов; оно подавляло забастовки и восстанавливало «мир и порядок», используя силу внутреннего принуждения в лице полиции. Позиция Неймана не отрицает — кстати, и сам заголовок работы свидетельствует об этом — необходимость рассматривать превратности современного капиталистического государства в ключе «изменения формы и роли». Тем не менее теоретическая операция не может основываться на произвольной исторической периодизации, так как последняя в конечном итоге может отрицательно сказаться на самой достоверности и действенности категории; напротив, необходимо изучать метаморфозы буржуазной политики и, в частности, отношений, которые устанавливались в ней от случая к случаю между государством и правом, исходя из исторической констатации функциональности системы и формы рациональности политической власти в зависимости от потребностей управления социальным конфликтом.

⁷⁴ См.: F. Neumann. Der Funktionswandel des Gesetzes im Recht der bürgerlichen Gesellschaft. — "Zeitschrift für Sozialforschung", VI, 1937, S. 542 u. d. f. (In: ID. Lo Stato democratico e lo Stato autoritario. Bologna, 1973, p. 245 sgg.).

⁷⁵ Ibid., p. 245.

⁷⁶ Ibidem.

Исследование Франца Неймана — который начиная с 1936 года вместе с Отто Кирхаймером, видимо, представлял в Институте социальных исследований и затем в эмиграции в Соединенных Штатах политологическое направление, активно выступающее против преобладающей линии критической теории, вместе со своим философским антикапитализмом, строящимся на категории «авторитарного государства», — концентрируется в течение более 30 лет (начиная от веймарского кризиса до борьбы между политико-юридическими системами континентальной и англосаксонской Европы, вплоть до своей гибели в автомобильной катастрофе в 1954 году) на принятии заранее определенного и в некотором смысле парадигматического характера веймарской системы, развившейся в 20-е годы до таких пределов, что стала «самой рационализированной во всем мире»⁷⁷ с точки зрения юридического регулирования отношений труда и конституционно-демократического контроля социальных конфликтов: «В период монополистического капитализма, берущего свое начало в Германии с возникновения Веймарской республики, теория и юридическая практика подверглись решающим изменениям. Чтобы облегчить понимание этих изменений, может оказаться более полезным рассматривать политическую структуру веймарской демократии, чем описывать ее экономическое развитие... Наиболее важная политическая черта Веймарской республики после 1918 года заключалась во влиянии, которое приобрело движение трудящихся. Средние классы не могли более игнорировать существование классовых конфликтов, как это делали либералы предыдущей эпохи; напротив, они должны были учесть эти конфликты и на этой основе найти способ организовать их. И в этом случае они использовали в качестве технического средства контракт как единственную меру, сделавшую необходимым политический компромисс»⁷⁸.

В истолковательском подходе Неймана, в этом основном очерке и в других работах того же периода, в концентрированной форме и в тесной связи между собой выявляются три главных аспекта: 1) соображение общего методологического порядка, которое схематически можно было бы кратко сформулировать следующим образом: Веймар представляет собой блестящее проявление изменения формы общественной системы развитого капитализма, дающее основание для испытания как традиционной либеральной схемы, так и схемы классического марксизма (в самом деле, он требует определенных усилий для выявления своеобразия политической структуры и ее внутренней эволюции); 2) сравнительное историческое соображение, из-за которого вид «рационально-

⁷⁷ Ibid., p. 272.

⁷⁸ Ibid., p. 274.

сти» этой системы следовало принимать не только в общем структурном смысле (то есть исключительно с точки зрения «предвидимости»), но также в непосредственно «социальном» смысле; в отличие от Англии, где существование рациональности в защиту статус-кво гарантировалось «развитием, которое совершенно не соответствовало законам защиты бедноты», в первой немецкой республике «преимущества рациональности закона шли на пользу трудящимся классам»⁷⁹; 3) соображение, исходящее из конституционной теории и истории, которые обнаруживают своеобразие веймарской системы в двуедином отношении между политическим компромиссом и формой-контрактом: влияние «политической» стороны на социальную приобретает специфическое значение, которое принимают договорные отношения как факторы перестройки общества — стратификации и социальных конфликтов.

Итак, по Нейману, квазиобразцовый, лабораторный характер веймарской Германии заключается в том, что здесь «в наиболее чистой форме» обнаруживаются явления или «параллельные тенденции», которые можно отметить также в других странах (таких, как Англия и Франция). Эта «типичная» структура, которую можно анализировать почти в «чистом виде», отвечала — в терминологии, утвердившейся в дискуссиях о политической теории 20-х годов, — определению «коллективной демократии»: «веймарская система носила название «коллективной демократии», так как к разработке политических решений нужно было приходить не только путем совокупной воли отдельных избирателей, но также представительством самостоятельных общественных организаций»⁸⁰.

За несколько лет до этого, в самый разгар событий и веймарской дискуссии, другой политолог-социал-демократ (так же как Неймар и Кирхаймер, сотрудник журнала Гильфердинга «Ди гезельшафт») пытался построить модель коллективной демократии как системы, которая, не игнорируя классовую борьбу, стремилась «превратить ее в форму межклассового сотрудничества»⁸¹. Очерк Эрнста Френкеля, опубликованный в 1929 году⁸², представляет собой по мно-

⁷⁹ Ibid., p. 273.

⁸⁰ Ibid., p. 275.

⁸¹ Ibidem.

⁸² F. Fraenkel. Kollektive Demokratie. — "Die Gesellschaft", 1929, S. 103 u. d. f.; а также: T. Ramm (Hrsg.). Arbeitsrecht und Politik? Quellentexte 1918—1933, Neuwied—Berlin, 1966, S. 79 u. d. f. Итальянская антология, которая лишь частично воспроизводит немецкую антологию под редакцией Тило Рамма, имеет, однако, то преимущество, что включает и ставит в нужный контекст таких недостаточно известных в Италии авторов, как тот же Френкель и Хуго Зинцгеймер, основоположник исследований по трудовому праву в Германии периода Веймарской республики.

гим причинам характерный показатель такой области исследования и, по нашему мнению, является блестящим и удивительным предвидением дискуссии о «корпоративизме» и «корпоративистском плюрализме»⁸³, которая в последние годы внесла — и в (Западной) Германии и в США — немалый вклад как в область исторических изысканий, так и социологических исследований (наложив немалый отпечаток на те же работы Хабермаса и Оффе, не говоря уже о трудах таких политологов, как Нарр, Нашольд, Шефер и Аньоли)⁸⁴.

С нашей стороны было бы несложным упражнением в пророчествах, обращенных к прошлому, заметить, что немало упрощенческих, а нередко и напыщенных позиций в отношении прошедшего опыта и развития институционно-социологического устройства (которое в немецкой политико-юридической терминологии носит название «Конституция» (*Verfassung*) Веймарской республики) было проникнуто излишним оптимизмом. Тщеславное отрицание всей действенности попытки «моделирования» веймарского конституционного опыта, предпринятой Френкелем, представляется в самом деле некорректным с двух точек зрения. С одной стороны, по причинам исторического порядка Френкель считал, как, впрочем, все веймарские левые, что политическая ситуация давала возможность положительного исхода для дальнейшего развития процесса демократизации. С другой стороны, по причине, связанной с соображениями структурного порядка, главные отмеченные морфологические черты сохраняют всю свою силу, несмотря на опыт национал-социализма, и за его пределами⁸⁵. Наиболее значительный вклад, внесенный попытками ретроспективного анализа в 30-е годы Нейманом, Кирхаймером и тем же Френкелем, состоял все же в том, чтобы понять и отметить аспект, который веймарская интеллигенция пыталась обойти (и который, напротив, коммунистическая интеллигенция стремилась гипостазировать в поверхностных, «пораженческих» формулировках, весьма мало способствовавших пониманию специфичности конъюнктуры), понять то обстоятельство, что немаловажные преобразования юридической и институционной структур республики — в частности, конституционное значение права на труд, обеспе-

⁸³ К этой дискуссии в историографическом плане побуждало прежде всего сравнительное исследование: C. S. Maier. *Recasting Bourgeois Europe. Stabilization in France, Germany and Italy in the Decade after World War I*. Princeton, 1975.

⁸⁴ Отсылаем читателя к работам и дискуссиям, которые были опубликованы за последние десятилетия журналами: "Leviathan", "Gesellschaft" "Politische Vierteljahresschrift", "Kollner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie", etc.

⁸⁵ См. по этому вопросу: G. E. Rusconi. La "Kollektive Demokratie" di Fraenkel e il corporativismo contemporaneo. — "Giornale di diritto del lavoro e di relazioni industriali", 1980, № 8, p. 593—599.

ченное переходом от индивидуального контракта к контракту коллективному, — эволюционно не ограничивались осуществлением или поддержкой простого проведения конституции в жизнь, а выступали, скорее всего, как факторы кризиса, разобщенности, а со временем и тормоза политической системы.

Итак, если не считать оптимистической напыщенности, которую вполне можно отметить у Френкеля, концепция коллективной демократии отсылала к институционно-социологической стороне, упрощенно выраженной Гильфердингом в 1927 году в категории «организованного капитализма». Собственно говоря, это прилагательное означало критический момент перехода эволюционной динамики: в вопросе о «корпоративизме» — на средостении между индивидом и государством — в постлиберальном обществе разыгрываются судьбы демократии. Очерк Френкеля исключительно полезен — он указывает, что в то время само собой разумеющимся условием веймарских левых был аспект, который ныне, напротив, по всей видимости, утрачен и который необходимо постоянно выдвигать как требование. Речь идет о необходимости не придавать тематике «корпоративизма» (и соответственно терминам «корпоративист» и «корпоративный») отрицательного аксиологического значения и, напротив, больше учитывать структурно-исторический объективный момент усложнения путем перехода от одной динамики индивидуальной сделки-контракта к контракту коллективному — «классических» механизмов представительства (то есть механизмов, предусмотренных либеральной традицией законности (*rule of law*), равно как традицией правового государства). Исторически можно говорить о «коллективной демократии», так как формированию политических решений институционно способствует не только сумма отдельных желаний избирателей, но также — и прежде всего — представительство коллективных организаций.

Эта динамика лежит в основе решающего явления, которое для Френкеля обретает характерную ценность по сравнению с историческим моментом: он определяет это явление как «изменение функции парламента»⁸⁶. Хотя в Веймарской конституции «остается господствующая и принципиальная идея о том, что парламент является высшим и постоянным органом государства»⁸⁷, он все же фактически не играет центральной роли: «В ретроспективном исследовании десяти лет действия Веймарской конституции нельзя не вспомнить, что ожидания ее отцов, согласно которым парламент должен был выступать как центр формирования воли государства, движитель деятельности государства, не оправдались в той

⁸⁶ *Fraenkel*. Kollektive Demokratie. In: "Die Gesellschaft", 1929, p. 92.

⁸⁷ *Ibid.*, p. 90.

мере, как это можно было предвидеть из самой работы учредительного собрания»⁸⁸.

В то время как конституция предусматривала зависимость от парламента высших чинов правительства и прямое влияние парламента на административно-бюрократический аппарат, на самом деле, отмечает Френкель; «зависимость министров от парламента диалектически обернулась своей противоположностью»⁸⁹, вследствие чего с социологическо-политической точки зрения можно утверждать, что парламент зависит уже от бюрократии. «Изменение функций» (Funktionswandel) парламентского института объясняется тем, что бюрократия рассматривает министров как «буферную группу»⁹⁰ по отношению к народному представительству (в настоящее время, согласно терминологии, утвердившейся в дискуссии о «кризисе демократии», о них можно было бы говорить как об «отсеивающих фильтрах» требований, которыми классические каналы представительства «перегружены»). Возникновение идеи о правящей оси: правительство — бюрократическо-административный аппарат, выполняющий отборочно-контрольную функцию по отношению к представительству, в его динамике является показателем научного поворота, который обусловлен в значительной мере тем, что был прерван первый этап развития процесса демократизации (1919—1923), но результаты которого вышли далеко за рамки конъюнктурных соображений. Достаточно вспомнить о самокритичном пересмотре отношения между бюрократией и демократией — о критической оценке, данной Кельзенем между первым (1920 год) и вторым изданием (1929 год, то есть когда был опубликован очерк Френкеля) его труда «О сущности и ценности демократии» («Vom Wesen und Wert der Demokratie»), где проводится идея об административно-бюрократической рациональности как необходимом самоограничении принципа демократического участия, как о подлинном условии существования демократии, которая без этого ограничения и контроля утратила бы свою структуру под напором неконтролируемых многочисленных центростремительных устремлений к местному самоопределению, в принципе противоречащему критерию законности. Указанная административно-бюрократическая рациональность логически предваряет современную тематику демократической формы как непрочного равновесия между «сохранением» и «сокращением» сложности⁹¹.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Ibidem.

⁹⁰ Ibidem.

⁹¹ По существу, в этом смысле идет полемика между Луманом и Нашольдом о «сложности и демократии»: F. Naschold. Komplexität und Demokratie, ivi, 1969, p. 314 sgg. Реплика Нашольда появилась опять-таки в журнале "Politische Vierteljahresschrift", 1969, S. 326 u.d.f.

Однако в позиции Френкеля по проблеме кризиса представительства имеется новое положение, которое не только переходит границы подхода Кельзена, но стремится также выйти за рамки подхода Вебера к вопросу об отношении парламент — правительство. Между этими двумя терминами наблюдается отношение уже не дуализма, а, скорее, направленного воздействия, смещение центра тяжести решений от первого ко второму: «Поскольку дуализм парламент — правительство не оправдал себя, парламент утратил роль стимула, который в глазах широких народных масс превращал его в центр их политических интересов»⁹². Это явление можно концептуально понять лишь при условии, если в сильном — парадигматическом — смысле принимать кризис, затрагивающий понятие «политического представительства» (*politische Repräsentation*), которое современное государство унаследовало в силу специфических исторических условий, определявших его возникновение и развитие от традиции «сословного государства» (*Ständestaat*). Парадокс кризиса представительства ясно и кратко сформулировал Френкель. «Несомненно, парламент до сих пор представляет народ. Но он не выступает более представителем народа в смысле совершенного соответствия этому понятию. В самом деле, соотношение представительства народа возможно, лишь когда присутствует вторая сторона. Другой натуральной стороной парламента является правительство. Но, спрашивается, как могут Герман Мюллер и Густав Штреземан представлять в качестве руководителей парламентских групп самих себя против Германа Мюллера, рейхсканцлера, и Густава Штреземана, министра иностранных дел?»⁹³

Наиболее важный аспект исследовательской работы Френкеля состоит, по всей вероятности, в попытке рассмотреть в целом указанные замечания о парадигматическом аспекте кризиса представительства с исключительно широкой областью экспериментирования, которая становится доступной благодаря изменениям, наступившим фактически в деятельности Веймарской конституции. Характерная черта этой конституции состояла в игре «чеков и балансов» (*checks and balances*), в которой, по замыслу «отцов конституции», власть административно-бюрократической структуры и соответственно власть, которой был наделен, по известной статье 48 Конституции, рейхспрезидент (*Reichspräsident*), должны были, видимо (согласно тенденции, которую Карл Шмитт в работе «Учение о конституции» (*Verfassungslehre*)⁹⁴ справедливо свел к немецкой традиции правового государства, рас-

⁹² *Fraenkel*, *Kollektive Demokratie*, p. 92.

⁹³ *Ibid.*, n. 91—92.

⁹⁴ См.: *C. Schmitt*, *Verfassungslehre*, Berlin, 1928, S. 201 sgg.

смагивающего принцип законности как механизм превентивного контроля и тормоза демократического принципа), выступать гарантиями, препятствующими тому, чтобы верховная власть парламента превратилась в «диктатуру парламента»⁹⁵. Обращение к институту президентства с прямым избранием, за который, как известно, ратовал Макс Вебер, институту, отвечавшему амбициозным устремлениям дополнить европейскую конституционную историю американским опытом, в принципе должно было бы «укрепить возможные центробежные или «тоталитарные» устремления парламентской демократии»⁹⁶. Однако эволюция юридическо-политической системы вызвала развитие, оказавшееся в явном противоречии с указанными ожиданиями. Явление постоянного преобразования юридической зависимости правительства от парламента в политическую подчиненность парламента бюрократии оказалось на самом деле не только не предусмотренным, но даже непонятым для «по существу рационалистской направленности», которой были проникнуты подготовительные работы по выработке текста конституции. Рационалистической, согласно широко утвердившемуся тогда пониманию, была позиция, связанная с уравниванием формальной (в веберовском смысле) рациональности и законности. Именно в свете постановки вопроса, по Френкелю, можно «объяснить переоценку, осуществленную Веймарской конституцией, авторитета закона, не говоря уже о законодательной власти»⁹⁷.

Недостаток формализма, по мнению Френкеля, состоит в его неспособности понять структурную новизну факторов, которые нарушают картину равновесия власти, задуманную конституцией. Тем не менее эта новизна была схвачена, но по-своему (и, во всяком случае, в терминах, с трудом согласующихся по форме со старой реакционной традицией), фашизмом: «Знаменателен в этом отношении тот факт, что конституция итальянского фашистского государства, которое сознательно выступает против рационалистической идеи конституции, свойственной Веймару, ставит во главу угла государственной системы не законодательный, а исполнительный принцип»⁹⁸. Узловой характер момента исполнительного принципа — на нем Френкель будет настаивать в последующие годы, вплоть до предложения конституционной реформы в 1932 году, по которой решительно выступят Герман Хеллер

⁹⁵ *Fraenkel*. Kollektive Demokratie. trad. it., cit., p. 89.

⁹⁶ *A. Bolaffi*. Introduzione a *O. Kirchheimer*. Costituzione senza sovranità. Saggi di teoria politica e costituzionale. Bari, 1982, p. LXXXIII. Отсылаем также читателя к вводной статье Болаффи, содержащей весьма богатый фактический материал дебатов по вопросу о Веймарской конституции.

⁹⁷ *Fraenkel*, op. cit., p. 93.

⁹⁸ *Ibidem*.

и Отто Кирхаймер⁹⁹, — следует утверждать не иначе, как в перспективе, имеющей целью по-новому оценить парламентский институт, освободить его от тенденции (иначе неизбежной) постепенной утраты центральной роли. Этот аспект, относящийся к необходимости двойной и одновременной переоценки роли исполнительной власти и парламента, отсутствует в очерке 1929 года — который, напротив, еще в значительной мере возлагает надежды на возможность положительно решить структурную проблему управляемости путем расширения институционального участия, которое все же окажется на мели так называемого «заблокированного контрактуализма» или «нейтрализующего компромисса», — но все же потенциально заключен в установившиеся связи между устойчивостью оборонческой (и в конечном счете консервативной) позиции экстремистских «рационалистов» и «перемещением власти от законодательного к юридическому принципу»¹⁰⁰. Выхолащивание представительных учреждений и *in primis* института территориального всеобщего представительства происходит вследствие деятельности юридической власти, которая постольку расширила область своего вмешательства, что уже выступает не как простой исполнительный воли закона, а в первую очередь как настоящая автономная власть, принимающая решения и «все в большей мере рассматривающая позитивные нормы как досадную помеху своей деятельности»¹⁰¹.

Френкель усматривает здесь брешь, через которую прорывается кризис веймарской политической системы: в отсутствие обновляющей инициативы левых сил на уровне учреждений и под напором борьбы в области культуры, проводимой внутренне разнородным фронтом (от Зомбарта и Шпенглера до «консервативного социализма» (*konservativer Sozialismus*) Меллера ван дер Брука, вплоть до шмиттовской позиции и ее восторгов в отношении «истинной демократии» как неизбежной критики формализма¹⁰²), судебное ведомство в конеч-

⁹⁹ См.: H. Heller. Ziele und Grenzen einer deutschen Verfassungsreform. — "Neue Blätter für den Sozialismus. Zeitschrift für geistige und politische Gestaltung", 1931, № 2, S. 576 u. d. f.; O. Kirchheimer. Die Verfassungsreform. — "Die Arbeit", IX, 1932, №12, trad. it. — In: ID., Costituzione senza sovrano, op. cit., p. 172 sgg. Для документального восстановления материала дискуссии о конституционной реформе см. предисловие Френкеля к работе: Zur Soziologie der Klassenjustiz und Aufsätze zur Verfassungskrise 1931—1932, Darmstadt, 1968, а также сборник: Reformismus und Pluralismus. Hamburg, 1973.

¹⁰⁰ Fraenkel, op. cit., p. 93.

¹⁰¹ Ibidem.

¹⁰² См.: K. Sontheimer Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1964². Для реконструкции внутренних тенденций, наблюдавшихся в дебатах веймарской социал-демократии по проблеме социального и политического кризиса, отсылаем читателя к коллективному труду под ред. В. Лютхардта: W. Luthardt. Sozialdemokratische Arbeiterbewegung und Weimarer Republik. 2 voll., Frankfurt am Main, 1978.

ном счете подменяет собой ту функцию принятия решения, которую парламентская демократия — вследствие неспособности выступать как политическое руководство, — по всей видимости, не в состоянии выполнить. Эта подмена осуществляется путем освобождения судьи от соблюдения отдельных позитивных норм и соотнесения его деятельности с толкованием духа судебного решения в его совокупности (согласно интерпретации, даваемой Германом Изей в одной из его работ, посвященных вопросу отношений между юридической нормой и решением¹⁰³, в связи со статьей 102 Веймарской конституции). В качестве наиболее характерного примера такой тенденции можно отметить, что Френкель цитирует по этому вопросу позицию Трипеля (весьма влиятельного в тот период участника дискуссии, с которым, кстати говоря, полемизируют как Кельзен в своем очерке о демократии, так и Нейман в уже упомянутой выше работе 1937 года)¹⁰⁴: его тезис, согласно которому «святость» и непреложность относятся к праву, а не к закону, со всей очевидностью выражает «тенденцию устранить юриспруденцию от норм позитивного права, от закона, принятого в парламенте»¹⁰⁵. Ссылаясь на один из очерков Неймана, вышедший в том же году в журнале «Ди гезельшафт», Френкель усматривает в сочетании этой тенденции (которая уже возводит вопрос свободы или зависимости судьи по отношению к закону в «центральный вопрос политики права в наше время»¹⁰⁶) с преобладающим направлением конституционной теории (представленной Карлом Шмиттом и «Учением об интеграции» Рудольфа Шменда¹⁰⁷), которая неизменно старается придавать первостепенную роль «основополагающим принципам» (для осуществления с их помощью юридическо-

¹⁰³ H. Isay. Rechtsnorm und Entscheidung. Berlin, 1929, S. 212.

¹⁰⁴ См.: H. Kelsen. Vom Wesen und Wert der Demokratie. Tübingen, 1929 (trad. it. — In: ID., La democrazia. Bologna, 1981, p. 57—60); Neumann. Der Funktionswandel des Gesetzes.

¹⁰⁵ Fraenkel, op. cit., p. 94.

¹⁰⁶ Ibidem. Френкель ссылается на брошюру Неймана: Gegen ein Gesetz über Nachprüfung der Verfassungsmässigkeit von Rechtsgesetzen. — "Die Gesellschaft", 1929, S. 517 u.d.f.

¹⁰⁷ «Учение об интеграции» Шменда (о котором в первую очередь см.: Verfassung und Verfassungsrecht. München—Leipzig, 1928; позднее эта работа была опубликована в: ID., Staatsrechtliche Abhandlungen. Berlin, 1955) хорошо отвечает климату, который характеризовал дискуссию о «кризисе учения о государстве», как его определил Герман Хеллер, см.: H. Heller. Die Krisis der Staatslehre. — In: "Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik", LV, 1925, S. 289 u.d.f.; а также: ID., Gesammelte Schriften, vol. II, Leiden, 1971, S. 5 u.d.f. Для ознакомления с тезисами Шменда отсылаем читателя к работе: U. Pomacci. La teoria dell' integrazione in Rudolf Smend. — "Democrazia e diritto", 1982, № 2, p. 109 sgg. По сути дела, не только по работе Хеллера, но и по всему контексту веймарской научно-политической дискуссии см.: W. Schluchter. Entscheidung für den sozialen Rechtsstaat. Köln—Berlin, 1968.

го контроля над деятельностью парламента), как вызывающий тревогу симптом «постепенной утраты власти парламентом»¹⁰⁸

Тем не менее, как было сказано, Френкель занимал в упомянутом очерке довольно оптимистические позиции о возможности противостоять (и даже обратить вспять) этой тенденции, которая, продолжая проявляться, привела бы к весьма значительному сокращению роли парламента «как фактора выработки законодательных норм в рамках государственного устройства»¹⁰⁹. Этот фактор, способный противостоять указанной тенденции, усматривался именно в полном осуществлении аспекта «коллективной демократии», состоящей в функциональной идее представительства, понимаемого не как альтернатива, а как необходимое дополнение парламентского представительства на этапе постлиберального капитализма. Эта идея заключалась в статье 165 конституции, предусматривавшей разработку «Экономической конституции», которая, указывал Френкель, «не только не завершилась, но после 1920 года ни разу не предпринималось серьезных попыток ее осуществления в желаемом смысле с помощью самой конституции»¹¹⁰. Итак, реализация конкретной идеи, содержащейся в статье 165, могла якобы обратить вспять тенденцию отведения второстепенных ролей парламенту и привести к его выхолащиванию с помощью «дополнения политической демократии экономическими силами», «восполнения индивидуальной демократии демократией коллективной»¹¹¹.

Эта «новая форма демократическо-коллективного управления» выступает, согласно Френкелю, как единственная форма, способная найти выход из обстановки институционального застоя, имевшего названные выше отрицательные последствия перерождения, давая возможность «трудящимся участвовать в управлении и в судопроизводстве шире, чем это позволяла делать старая либерально-индивидуалистическая форма»¹¹². Однако, учитывая конкретную формулировку указанного выше предложения, элементы кооперации, способствующие компромиссу, в значительной мере преобладают над элементами конфликта. Френкель ссылается на тезисы, входящие как составная часть в «Учение об интеграции», настолько энергично, что чувствует необходимость отличать свое предложение поглощения промежуточных звеньев функционального представительства в органы государственной власти от фашистской модели. И все же приводится лишь один, правда решающий, элемент различия — «признание

¹⁰⁸ *Frenkel*, op. cit. p. 95.

¹⁰⁹ *Ibidem*.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 69.

¹¹¹ *Ibid.*, p. 98.

¹¹² *Ibid.*, p. 100.

свободы союзов»: «В этом состоит основное различие между фашистской идеологией государства и действительностью государства, основанного на коллективной демократии, которая создается в Германии»¹¹³. Связь четкой, хотя и непроявленной преемственности с традициями немецкой государственности в этой позиции, несмотря на всю выразительность кульминации в разработке культуры веймарских левых, ознаменована четким отказом принимать решения в защиту — кроме свободы создания организаций (как предварительного условия, чтобы можно было говорить о прочности демократической формы) — автономии заключения договоров между социальными партнерами (как это имеет место в англосаксонских странах, где государство относится к плюрализму ассоциаций как к сфере договоренностей, по отношению к которой оно, конечно, может выступать как судья и гарант, но не допускать при этом авторитарного вмешательства). «Коллективную демократию, — пишет Френкель, — не следует изображать как социальную конституционную автономию, параллельную автономии государственной, ибо она призвана, напротив, стать составной частью государства»¹¹⁴. В другом отрывке текста Френкель выдает себя еще в большей степени, указывая, что характерной чертой коллективной демократии является институциональная кристаллизация организаций: «Свободно учрежденные организации все более кристаллизуются, становясь факторами, являющимися совокупностью жизни государства. Они выступают как функциональные рычаги, дополняющие государство... Их область действия лежит в администрации и отчасти в судопроизводстве; однако чем более государство перестает жить либеральной перспективой, чем более оно превращается в «государство благоденствия», тем более широкие народные массы принимают первенствующую роль в исполнительной власти и соответственно тем больше организации, включенные в исполнительную власть, становятся символами восстановления и нового воспроизводства всего государственного организма»¹¹⁵.

5. «Конституционный кризис» в исследованиях Неймана и Ласки

Стремление всячески подчеркивать элементы сотрудничества в ущерб элементам конфликта, рискуя даже впасть в органицизм, объяснялось у Френкеля — как, впрочем, и у всех теоретиков — функциональной идеей представительства,

¹¹³ Ibid., p. 102.

¹¹⁴ Ibidem.

¹¹⁵ Ibid., p. 98—99.

типичной чертой, объединявшей вплоть до 30-х годов все версии плюрализма. Но за этой восторженностью скрывалась логическая апория плюралистической концепции, которая наблюдалась также в беспристрастном антиэтатизме англосаксонских прагматических вариантов. Апория затрагивала соответствие связи между предпосылками и выводами плюралистической доктрины, вовлекая в нее атомистические и бихевиористские постулаты. Кстати, она была отмечена с исключительной ясностью — положениями, по нашему мнению, еще сохраняющими свою актуальность, — Францем Нейманом в введении к его работе «Чудовище» (*Behemoth*) о системе национал-социалистской власти, опубликованной в 1942 году.

Первоначально цель плюралистической политической доктрины заключалась в продлении либеральной власти. Необходимо было вновь включить индивида в свободно созданные организации, в противовес центральной государственной власти: «В основе плюралистического принципа было неудобное положение индивида, безоружного перед лицом сверхмощной государственной машины. По мере постоянного усложнения жизни и умножения функций государства беззащитный человек все активнее протестует против того, что оказывается оставленным на произвол судьбы перед силами, которые он не может ни понять, ни контролировать. Таким образом, он вступает в независимые организации. Препоручая решающие административные функции частным организациям, плюралисты надеялись достичь двоякой цели: устранить разрыв между государством и индивидом и дать конкретную основу демократическому торжеству между правителями и их подчиненными. Кроме того, они стремились добиться максимальной эффективности, наделяя административными функциями компетентные организации»¹¹⁶

Тем не менее, выступая первоначально как «ответ индивидуалистического либерализма государственному абсолютизму», плюрализм в конечном итоге достигает своей цели, так как вынужден принять парадоксально противоречивые результаты по отношению к своим же предпосылкам. С одной стороны, путем своей деструктуризации-децентрализации (что фактически равносильно полному развенчанию) концепции суверенитета плюрализм понимает государство как одно из множества учреждений (то есть организаций, наделенных властью, не превышающей власть профсоюза, или профессиональной организации, политической партии или церкви); с другой стороны, он оказывается вынужденным ре-

¹¹⁶ F. Neumann. *Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism*. New York, 1942.

шать щекотливую проблему как фактор, являющийся составной частью единства социального организма (условие того, чтобы плюрализм организаций не оставался лишь простой совокупностью не соотнесенных между собой единиц) и поэтому поневоле вынужденный признать, что после того, как пала высшая власть принуждения, «лишь договоренность между отдельными общественными организациями, господствующими внутри общества, может дать конкретное удовлетворение общим интересам»¹¹⁷ Таким образом, получается, что одно и то же единство, которое лишилось своей основы (и осуждаемое как чисто юридическая функция) по отношению к теории суверенитета, фактически вновь встает в форме постулата гармонии (условия функциональной интеграции). Чтобы обеспечить практику ведения переговоров, должна иметься «общая основа договоренности между различными социальными группами: одним словом, общество должно быть в основном гармоничным. Но поскольку фактически общество имеет антагонистический характер, то рано или поздно плюралистическая доктрина оказывается развенчанной».

Эти замечания Неймана представляют собой завершение его десятилетних изысканий, которые в 30-е годы находились в связи с другим немаловажным рядом критических (или, вернее сказать, самокритичных) размышлений по поводу плюралистической теории, разрабатывавшейся Гарольдом Дж. Ласки. Встреча Ласки с Нейманом, относящаяся к пребыванию последнего в Англии (1933—1936), состоялась как раз в тот момент, когда интеллигент-лейборист завершал процесс глубокой теоретической ревизии, приведшей его первоначально к критике постулатов плюрализма гильдейской традиции, а в дальнейшем — постулатов фабианства и к постановке вопроса отношений между демократией и капитализмом в свете идеи социальных антагонизмов и политического кризиса, открытой к критическому восприятию марксизма¹¹⁸.

Духовная близость между этими двумя интеллектуалами, которые были различны по своему происхождению и теоретической традиции, но которых объединяла общая решимость поставить в центр своей деятельности проблему

¹¹⁷ Ibid., p. 33.

¹¹⁸ См.: H. Deane. The Political Ideas of Harold J. Laski. New York, 1955. По существу работы: C. Hawkins. Harold J. Laski. A Preliminary Analysis. — "Political Science Quarterly", LXV, 1950; J. C. Rees. La teoria politica di Harold Laski. — "Il politico", 1951, № 3; а также: E. Sciacca. Alcune osservazioni sul pensiero di Harold Laski. — In: "Rivista internazionale di filosofia del diritto", XXVIII, 1961, — являются продолжением развития идей Ласки. Напротив, весьма обстоятельно и точно в характеристике различных этапов исследование: C. Palazzolo. La liberta' alla prova. Stato e societa' in Laski, Pisa, 1979.

условий функционирования и развития демократии, представляет собой немаловажный, хотя до сих пор почти не известный¹¹⁹ момент отношений между марксизмом и политической теорией этого столетия. Поворот, осмысленный Ласки в 1927—1933 гг. — который официально рассматривался как переход к марксизму и как открытое предательство либерального наследия, — затрагивает основную оценку решающих вопросов не только в плане анализа «политического процесса», но также в плане собственно методологическом: диагноз, который Ласки ставит факторам кризиса демократии (как анализ, удивительным образом предвещающий немало тем современной дискуссии о «кризисе демократии» и «управляемости»), выступает промежуточным звеном радикальной ревизии бентамовского утилитаризма, на который ссылались как работы плюралистического периода (от работы «Власть в современном государстве» до очерков о суверенитете)¹²⁰, так и работы фабианского периода, и в частности, известный труд 1925 года «Грамматика политики»¹²¹, который остается по своей систематичности и концептуальному размаху, видимо, главным политологическим произведением (*opus magnum*) этого теоретика-лейбориста.

Основной пункт совпадения подхода Ласки с идеями Франца Неймана (совпадения, которое в свою очередь было решительно направлено на анализ причин, приведших в движение механизм веймарского кризиса) идет, однако, значительно дальше чисто общеметодологического интереса — увязать вклад марксистского метода с вкладом метода «политической науки» (*political science*): этот пункт следует искать более конкретно в общем стремлении занимать марксистскую точку зрения об антагонистическом обществе в рамках перспективы, которая отдает немалое предпочтение политическому и конституционному аспекту кризиса, который оба оценивают как кризис перехода к постлиберальному строю социальной системы. У Ласки, как и у Неймана, ссылки на категориальное соотношение классовой борьбы и антагонизмов никогда не совпадают с принятием догматики,

¹¹⁹ Тот же Альфонс Зёлльнер, немецкий исследователь, заслуга которого состоит в том, что он более других познакомил нас с работами Неймана, тем не менее ограничивается в своих трудах скудными замечками о Ласки и берет за основу книгу Дина. См.: A. Söllner. *Geschichte und Herrschaft*. Frankfurt am Main, 1979, S. 96 u.d.f.; ID., Franz L. Neumann, — *Skizzen zu einer intellektuellen und politischen Biographie*, introductione von F. Neumann, Wirtschaft, Staat, Demokratie. Aufsätze, 1930—1954, Frankfurt am Main, 1978. Напротив, ни одна из монографий о Ласки ни разу не упоминает Неймана (в том числе хорошо документально подкрепленная работа К. Палаццоло).

¹²⁰ См.: H. J. Laski. *Authority in the Modern State*. New Haven—London, 1919; ID., *The Foundations of Sovereignty und Other Essays* (1921). Freeport, 1968.

¹²¹ ID., *A Grammar of Politics* (1925). London, 1948.

а скорее с потребностью увидеть в «конституционном кризисе» (constitutional crisis) конкретную сферу деятельности, в которой проблематика политических наук переплетается с политическими категориями марксизма¹²².

Постоянное подчеркивание политического момента кризиса свидетельствует в случае с Ласки о том, что в так называемом «марксистском повороте» 30-х годов не были утрачены основные аналитические достижения предыдущего этапа, то есть преодоления антиэтатистских предпосылок гильдейского плюрализма.

В самом деле, «фабианский» этап Ласки, характерной чертой которого является работа «Грамматика политики» (то есть труд, которым занялся автор после его знаменательного пребывания в Соединенных Штатах), проявился в отходе от гильдейской идеи функциональной демократии и от наивной критики «бюрократизма» и «эффективности», на которой она зиждилась (эта критика вплоть до начала 20-х годов отличала его единомыслие с Коулом на основе своеобразного принятия «кооперативной теории» (Genossenschaftstheorie) Гирке, благодаря Майтланду и Фиггису)¹²³. Выдвигая необходимость анализа специфической деятельности (modus agendi) «политика» и его логически самостоятельной специфической активности по отношению к функциям «гражданского общества» (civil society), Ласки пытается подчеркнуть — уже в полемике с Коулом — два апоретических аспекта плюралистической концепции: недопустимость отождествления принуждения и «бюрократизма» с государственной сферой, а свободы и «автономии» — со сферой деятельности организаций (коль скоро тенденции к принуждению и бюрократизму проявляются и в группах)¹²⁴; во-вторых, невозможность решить необходимые вопросы критики либерализма («банкротство» которого отмечалось уже на плюралистическом этапе, проявляясь в отсутствии связи между свободой и равенством), заменяя «групповой личностью» (group-person) «индивидуальную личность» (individual-person) и не решая глубоко проблемы отношения между частными и общественными интересами. Осуществление этого ре-

¹²² См.: Söllner. Franz L. Neumann, p. 19 sgg.; Palazzolo. La libertà alla prova, p. 221 sgg.

¹²³ Как известно, «плюралистическое движение» (pluralistic movement) — школа, в которой Ласки формировался во время своего обучения в Оксфорде, — берет начало с Фредерика Майтланда, хотя и приходит к формулировке доктрины, последовательно связанной лишь с Невиллем Фиггисом. Никто иной, как Майтланд, в начале столетия написал введение и редактировал работу «Das deutsche Genossenschaftsrechte» Гирке (O. Gierke. Political Theories of the Middle Age. London, 1900). См. по этому вопросу: J. D. Lewis. The Genossenschaft-theory of Otto von Gierke. A Study in Political Thought. Madison, 1935.

¹²⁴ См.: Laski. A Grammar of Politics, p. 138.

шения не может быть доверено воображаемой гармонии, которая якобы характеризует динамику групп; скорее это преобладает использование особых форм посредничества со стороны государства¹²⁵. Утверждения, что необходимыми методами общественного контроля, разработанные «политиком» в отношении стихийной тенденции к разобщению интересов в обществе, мотивируются Ласки путем прямого разрушения основ у термина «плюрализм» в понимании гильдейского социализма: спонтанно возникшие, добровольные организации совсем не выступают как «плюралистические», а как монофункциональные, то есть они подчеркивают лишь один аспект общественной жизни¹²⁶. Напротив, истинный плюрализм осуществляется в рамках государственной жизни, то есть той инстанции, которая способна одновременно схватить и уравновесить различные точки зрения и интересы.

Итак, в отличие от своей позиции в работе «Изучение проблемы суверенитета» Ласки 1925 года не ставит более государство и добровольные группы на одну доску; он не рассматривает более государство как систему в ряду других учреждений, столкнувшись, таким образом, с апорией Коула. То есть для решения проблемы общих ценностей, которые делают возможной конкуренцию и сотрудничество между организациями, он вынужден обратиться к высшей регулирующей инстанции «демократического суда, отличающегося функциональной справедливостью», причем скорее как учреждения, способного обеспечить контекст и основу рациональности, на которую могут ссылаться в своих действиях отдельные индивиды и группы. Этот контекст является одновременно плюралистическим и единым: несмотря на то что организации сотрудничают между собой во имя «общего блага» (*common good*), государство все же следует рассматривать как «последний источник принятия решений», как некое «сообщество сообществ» (*community of communities*)¹²⁷. Гегелевская формула указывает, что Ласки, дабы найти положительное и убедительное решение вопроса альтернативы между централизмом и федерализмом, единичным и множественным, решением и участием, вынужден вновь в корне пересмотреть все вопросы, касающиеся плюрализма, причем с таким подходом к проблеме, который, как это ни парадоксально, как будто перенят с континента; истинный плюра-

¹²⁵ См.: Ibid., p. 247 sgg. Любопытно отметить, что в другой работе, также изобилующей удачными новыми положениями, Райнер Эйсфельд свободно трактует как «плюралистическую» работу "A Grammar of Politics" (см.: *Pluralism zwischen Liberalismus und Sozialismus*. Stuttgart, 1972).

¹²⁶ См.: H. J. Laski. *The Recovery of Citizenship*. — In: *ID.*, *The Dangers of Obedience and Other Essays* (1930), New York, 1968, p. 67.

¹²⁷ См.: Ibid., p. 87; *ID.*, *A Grammar of Politics*, p. 38, 105.

лизм — это плюрализм учреждений внутри государства (выступающий, таким образом, как единственно настоящий синтез «свободы и власти» (freedom and authority)). Если, с одной стороны, этот итог ласкианской критики плюрализма давал целостное, а не упрощенное толкование государственно-политической сферы, то, с другой стороны, он выявлял весьма проблематичный аспект. Последний можно было отметить в появившейся тогда теории программирования и государственного вмешательства — понимаемых в диаметральной противоположности «обструкционистской» (в гриновском смысле¹²⁸) функции *laissez-faire*, которая перекликалась с оптимистической постепенностью, свойственной фабианской позиции и родственной тогдашним выводам Рудольфа Гильфердинга об «организованном капитализме». С этой точки зрения фабианизм Ласки — находящийся под немалым влиянием тем, поднимавшихся в те годы Тоуни, Хобхауза и Вебба, — видимо, как метко отметил один его биограф, принимает черты «социализированного бентамизма»¹²⁹. Государство, принятое в явно фабианском уравнении с административным аппаратом, выступает как нейтральная сила принуждения, способная «непрерывно» осуществлять (впрочем, можно документально доказать влияние Бернштейна на работы Ласки 20-х годов) переход от негативной свободы к свободе позитивной, от юридических гарантий к экономическим и социальным гарантиям. Согласно формуле Макдональда, государство не должно ограничиваться тем, что «гарантирует жизнь», а должно «активно бороться за хорошую жизнь»¹³⁰. Поэтому демократическое правительство выступает в фабианской доктрине 20-х годов как «добровольное» правительство, способное приступить к мирному переходу от капитализма к социализму путем постепенной социальной перестройки принципов либеральной демократии. Кстати, тот же Тоуни в своем манифесте, составленном по поручению лейбористской партии к выборам 1929 года, говорит о линии социалистических преобразований как о постоянном расширении государственного вмешательства в экономику в выражениях, аналогичных подходу Ласки в его работе «Грамматика политики»¹³¹.

Поворот, осуществленный Ласки в начале 30-х годов — начиная с работы «Свобода в современном государстве» и

¹²⁸ См.: *T. H. Green. Lectures in the Principles of Political Obligation.* — In: *ID., Works*, edited by *R. L. Nettleship*, vol. II. London, 1885, где устанавливается прямое соотношение между деятельностью государства и общим благом.

¹²⁹ *Deane. The Political Ideas of Harold J. Laski*, p. 8.

¹³⁰ *J. R. MacDonald. Socialism and Society.* London, 1908, p. 12.

¹³¹ Кстати говоря, в те годы имели место тесные личные, творческие и политические контакты между Ласки и Тоуни, которому в 1930 году он посвятил сборник «The Dangers of Obedience and Other Essays».

«Введение в политику»¹³², — объясняется неудовлетворенностью в отношении этатистской идеи компромисса (как техники «социальных преобразований» (social change), осуществляемой с помощью политики), который имеет не только теоретическую природу, но в значительной мере обусловлен историческим опытом тех лет: от поражений лейбористской партии на выборах 1931 года, вызвавшего выход из партии широких групп интеллигенции¹³³, до трагических последствий кризиса в Германии и Австрии. Полагая, что теоретическая платформа «компромисса» между либерализмом и социализмом, разработку которой он предпринял в работе «Грамматика политики», потерпела крах, так как являлась слишком гармоничной и оптимистичной, Ласки, таким образом, самостоятельно подходит к выводам, которые аналогичны выводам некоторых веймарских юристов и политиков социал-демократов: любой «доктрине интеграции» (Integrationslehre) грозит антагонизм, конфликтная динамика которого, видимо, развивается в направлении, весьма далеком от фабианских представлений о «хорошем правительстве». «Функциональный» аспект творчества, как представляется, уступает место аспекту экономико-юридическому и политико-юридическому: независимо от большей или меньшей рационализации классового господства (то есть отделения собственности от управления средствами производства) каждый раз, когда частнособственническая структура подвергается опасности социальных столкновений и политического кризиса, возможности посредничества и маневрирования резко сокращаются, нанося ущерб самому осуществлению «мирных преобразований» (peaceful change)¹³⁴.

Несмотря на явный пессимизм в отношении лейбористской идеи перехода без слома правового государства к социальному государству (идеи, основанной, по его мнению, на иллюзорном методе убеждения и «добровольной сдаче» класса капиталистов), Ласки все же весьма далек от радикализма Стрэчи¹³⁵, выступая с идеей «революции путем

¹³² H. J. Laski. *Liberty in the Modern State*. London, 1930; *ID.*, *An Introduction to Politics* (1931). London, 1971.

¹³³ См.: G. D. H. Cole. *La Gran Bretagna negli anni trenta*—In: *ID.*, *Storia del pensiero Socialista*, vol. V: *Socialismo e fascismo*. Bari, 1968, p. 74 sgg.

¹³⁴ Знаменательным с этой точки зрения является коренной пересмотр, которому Ласки подвергает бентамовский утилитаризм в работе *Machiavelli and the Present Time*. — In: *The Dangers of Obedience*. свидетельством этого процесса ревизии доведенной до максимума рациональности является также его переписка с Холмсом, см.: Holmes—Laski *Letters. The Correspondance of mr Justice Holmes and Harold J. Laski. 1916—1935*. Cambridge (Mass.), 1953, p. 1059 (письмо Ласки Холмсу от 28 мая 1928 года).

¹³⁵ Чтобы составить себе представление о явном отличии этих двух позиций, см.: J. Strachey. *The Coming Struggle for Power*. London, 1932; H. J. Laski. *Revolution by Consent*. — “The Nation”, 22 March 1941.

консенсуса» (revolution by consent). Он продолжает давать весьма высокую оценку тому вниманию к конституционно-политическому уровню, который был важнейшим достижением фабианского периода. В самом деле, как было очень кстати отмечено, таким же образом, как и после опубликования работ по переосмыслению марксизма в 1922—1927 гг. (от «Карла Маркса» до «Коммунизма»¹³⁶), осуществляется явный отход от Прудона, которого до этого восхваляли как провозвестника самоуправления и творческого синтеза либерализма и социализма, и дается оценка научного вклада Маркса—аналитика промышленного общества и исследователя механизма функционирования капитализма; так же, как после «Основ политики», представляется, что недопустимо более обходить или игнорировать специфическую роль, которую играет политическое правительство в «дисциплине социальных отношений»¹³⁷

В книге 1933 года «Кризис демократии»¹³⁸ кризис демократической формы усматривается в уровне власти. Таким образом, эта власть проявляется как кризис ценностей-предписаний, без которых бесповоротно нарушается равновесие между принуждением и консенсусом: «По существу, кризис капиталистической демократии — это кризис власти и дисциплины. Требования повиновения своим принципам ослабли, так как люди все более отказываются принимать сами цели власти как безусловно справедливые. В какой бы сфере мы ни рассматривали требования соблюдения закона, становится очевидно, что его власть над подданными в последнее время сократилась. И этот упадок власти не зависит исключительно — как в случае с «сухим законом» — от реализации неумных законодательных положений в какой-то особой сфере поведения людей. Это не выход из постоянно нарастающей волны преднамеренных и решительных нарушений законности, преследующих именно эти цели. В настоящее время подавляющее большинство народа, как и во времена Бэрка, не заинтересовано вызывать беспорядки. Отсутствие уважения к властям нельзя объяснить каким-то неожиданным всплеском анархического энтузиазма; оно коренится в том, что ослабла вера в принципы, во имя которых власть была учреждена в капиталистическом обществе»¹³⁹.

Установленное таким образом Ласки соотношение между политическим кризисом и кризисом ценностей-целей, присутствующих капиталистической демократии (понимаемой как при-

¹³⁶ См.: *ID.*, Karl Marx. An Essay. London, 1922; *ID.*, Communism, London, 1927.

¹³⁷ *Palazzolo*. La liberta' alla prova, p. 203.

¹³⁸ *H. J. Laski*. Democracy in Crisis (1933). New York, 1969.

¹³⁹ *Ibid.*, p. 130.

обретательская демократия), предусматривало подключение дополнительного теоретического уровня к решению этого вопроса — уровня критики и кризиса «бентамовской рациональности», которая еще в фабианский период являлась платформой перехода от либерализма к социализму. Отход от этого постулата и соответствующих гармонизирующих гипотез, кстати говоря, широко документирован в работе 1935 года «Государство в теории и на практике»¹⁴⁰. Здесь завершение долгого самокритичного пути Ласки находит свое знаменательное выражение в окончательном отказе как от утилитаристской доктрины, так и от реформаторской тенденции оксфордского идеализма, который отождествляется с именем Грина и который оказал столь большое влияние — несмотря на полемику — на интеллектуальное формирование Ласки. В самом деле, своим стремлением вернуть момент гарантий в своеобразном новом синтезе идеалистической философии и либерализма Грин выступал в англосаксонской дискуссии как теоретик перехода от правового государства к социальному государству¹⁴¹. Ласки более не считает метаморфозы плодом эволюционной закономерности, опирающейся на мифический закон социальной гармонии, а скорее результатом комбинации-напряжения между антагонистическим толчком и реакцией капиталистической логики, которая стремится обеспечить свое выживание путем жесткой «организации дефицита»¹⁴². Сама политическая демократия выступает лишь как результат этой сферы напряженности, которая обрисовалась между тенденцией и контртенденцией, поэтому она представляет собой — согласно тезису, который уже за несколько лет до этого был выдвинут Кельзенем и (по другому поводу) австромарксистскими теоретиками, — «цену, которую средний класс западной цивилизации должен был заплатить, чтобы добиться поддержки масс в своей борьбе за власть с феодальной аристократией»¹⁴³.

Эти соображения, заимствованные из одной работы 1943 года, кстати говоря, были уже довольно подробно изложены в «Кризисе демократии». Политическая демократия, которую Ласки, согласно терминологической традиции, столь дорогой теоретикам «гильдейского социализма» (*guild socialism*), продолжает называть «капиталистической демократией», являлась формой государства, способной гарантировать

¹⁴⁰ *ID.*, *The State in Theory and Practice*. London, 1935.

¹⁴¹ См.: *E. Barker. Political Thought in England 1848—1914* (1915). London, 1947.

¹⁴² *H. J. Laski. Faith, Reason and Civilization. An Essay in Historical Analysis*. London, 1944, p. 47.

¹⁴³ *ID.* *Reflections on the Revolution of our Time* (1943). London, 1968, p. 34.

и воспроизводить превосходство тех «средних слоев», которые пришли к власти на волне промышленной революции. Она представляла собой прочную структуру до тех пор, пока не активизировались эгалитаристские движения, ставившие перед собой цель всеобщего избирательного права. Не замечая, что за этими движениями протеста скрывалась «новая борьба за власть», господствующие классы предоставили всем гражданам определенную долю политической власти, выдвинув «необъявленное допущение, что равенство, заключенное в демократическом идеале, не попытается завладеть экономической сферой»¹⁴⁴. Но подобное условие не могло быть выполнено из-за того, что в динамике, развернутой самой политической демократией, заключено стремление к отмене всяческих привилегий, а такое упразднение можно откладывать лишь до тех пор, пока завоевания парламентского строя не дадут возможность массам постоянно повышать свой жизненный уровень. Поэтому давняя причина кризиса, «болевая точка неомогания представительной демократии», заключается, по Ласки, в том, что политические руководители были не в силах удовлетворить требования, которые им предъявлялись. И это произошло по одной причине структурного характера: «Система находилась перед дилеммой, которая, именно когда производственные процессы были в зените своей силы, не могла решить проблему распределительной справедливости, поскольку, чтобы выжить, обеспечить свое существование, она была вынуждена снизить жизненный уровень именно в тот момент, когда демократические ожидания способствовали ее драматическому росту в связи с возрастанием производственной мощи»¹⁴⁵.

Возникающий на этой основе исторический антагонизм оказывает свое влияние одновременно на экономическую, материальную структуру общественных отношений и на форму рациональности, которая поддерживает ее. Кризис рациональности развивается в «особую трудность» господствующего класса «приспособить свои социальные формы к новым условиям», то есть преодолеть максимизирующий «разум» (*ratio*), выражающийся в «типичных чертах» дельца, для которого «любой вид деятельности сводится в конечном счете к величине прибыли»¹⁴⁶. Из альтернатив структуры политической демократии и кризиса рациональности (и ценностей), который охватывает эту структуру, Ласки получает, таким образом, анализ специфической логики политического кризиса и вместе с тем логику сложностей его взаи-

¹⁴⁴ *Id.*, *Democracy in Crisis*, trad. it., p. 43.

¹⁴⁵ *Ibid.*, p. 44.

¹⁴⁶ *Ibid.*, p. 45.

моотношений с другими уровнями кризиса и «изменения функций», — анализ, выражающийся прежде всего в двойственном характере категорий и института представительства, которые значительно приближают этого автора к ходу рассуждений Неймана.

Знаменательно, что один из наиболее интересных документов — который еще несколько лет тому назад был практически не известен — это не что иное, как диссертация, которую Нейман во время его встречи с Ласки обсуждал под руководством последнего в 1936 году в Лондонской школе экономических и политических наук. Эта работа, озаглавленная «Исполнение предписаний закона», «The Governanpce of the Rule af Law», (которая в оригинале еще находится в рукописи, отпечатанной на машинке) представляет собой солидную базу для практического исследования, своеобразную критическо-историческую реконструкцию и категориальную систематизацию, результаты которой собраны в очерке под заглавием «Изменения функции закона в буржуазном обществе». По существу, в названной диссертации проводится не только сравнительно-историческое исследование о развитии англосаксонской традиции «законоуправления» (rule of law) и соответственно континентальной традиции «правового государства» (Rechtsstaat), понимаемых как варианты преобразования государства, характерные постоянным соприсутствием права и силы, «рациональности» и «принуждения», — но прежде всего это различие между тремя крупными историческими этапами политического компромисса (этапом либеральным, организованного капитализма и фашизма), что, видимо, оказало немалое влияние на последующую дискуссию. Заключительная часть диссертации, а также статья 1937 года вращаются вокруг двух вопросов, столь близких для деятельности Ласки того же периода.

Прежде всего герменевтика преобразований политической системы (в большей мере проявляющаяся в методологическом плане, чем герменевтика Ласки, применительно к которому, кстати, трудно документально подтвердить восприятие работ Макса Вебера), в которой аспект интеграции тесно переплетается с аспектом конфликта, аспект сотрудничества — с аспектом антагонизма, аспект контракта — с аспектом власти: «В сфере государственного права, равно как и в сфере частного права, трудовое соглашение по необходимости является творцом власти. Другими словами, договорная система также в политической сфере содержит в себе элементы своего разрушения. Те сторонники плюрализма, которые хотели бы построить «народное государство» посредством ограничения независимой роли бюрократии, армии и полиции и посредством заключения договоров ме-

жду добровольными организациями, на самом деле приходят к тому, что лишь усиливают власть бюрократии и сокращают политический и социальный вес добровольных ассоциаций, укрепляя, таким образом, тенденции, приводящие к тоталитарному государству»¹⁴⁸.

Во-вторых, парадигматический характер анализа веймарского «конституционного кризиса» (constitutional crisis) как показательная анатомия кризиса представительной-демократической формы: «Идея всеобщего характера закона, вновь возникшая во времена Веймарской республики и примененная в равной степени к личным и политическим свободам и к свободам экономическим, была использована для урезания власти парламента, который не представлял более исключительных интересов крупных латифундистов, капиталистов, армии и бюрократии. Таким образом общий закон, применяемый в экономической области, использовался для сохранения существовавших отношений собственности, защищая их против всякого вмешательства, которое считали несовместимым с интересами названных групп»¹⁴⁹.

Из этого проистекала сложная, хорошо разработанная тенденция, отмеченная Френкелем в работе «Коллективная демократия» («Kollektive Demokratie»), придавать огромную дискреционную власть судье в ущерб «принципу формальной рациональности»¹⁵⁰. «Конституционный кризис» (Verfassungskrise) характеризуется, другими словами, постепенным ослаблением рациональности закона в пользу апелляции к естественному праву контрреволюционной направленности. Шмиттовская попытка провести четкое различие — применяя американскую теорию «ограничений, связанных с внесением законодательных поправок», — между конституционными реформами, которые вносят добавления, и реформами, которые нарушают конституцию, указывала, что «обращение к идеям равенства и юридическим нормам» на самом деле является «подспудным возрождением естественного права, которое теперь играет контрреволюционную роль»¹⁵¹.

6. Равновесие, компромиссная демократия и «диктатура без суверена» в идейном наследии Кирххаймера

Нейманская тематика трех этапов функционального преобразования политической системы в буржуазном обществе получает серьезное дальнейшее развитие в работе Отто Кирххаймера «Изменения в структуре политического компромис-

¹⁴⁸ *Id.*, Der Funktionswandel des Gesetzes, trad. it., p. 276.

¹⁴⁹ *Ibid.*, p. 280.

¹⁵⁰ *Ibid.*, p. 283.

¹⁵¹ *Ibid.*, p. 281.

са»¹⁵². Эта работа, входящая как составная часть в полемику, которая в конце 30-х годов вызвала раскол среди членов Института социальных исследований по проблеме природы национал-социалистского строя и вообще по тенденциям развития массового общества, убедительно подтверждает явную тенденцию ортодоксального марксистского отношения зависимости политики от экономики, проявившуюся в работах Хоркхаймера, Поллока и Маркузе (и с иными оценками Гильфердинга последних лет жизни в таких трудах, как «Государственный капитализм и тоталитарная государственная экономика» и «Историческая проблема»)¹⁵³, а также в герменевтическом подходе в завершавшемся исследовании Неймана по «структуре и практике национал-социализма»¹⁵⁴. Более того, в определенном смысле представляется, что в своем очерке Кирххаймер стремится систематизировать немаловажные познавательные результаты в более общей и доступной теоретической форме. Оригинальность методологической и категориальной установки работы «Чудовище» («Behemoth») — труда, который в Соединенных Штатах был воспринят как подлинно классический для современной политической науки, — состояла в тесном переплетении структурного (политико-экономического) анализа с комбинированным социологическим анализом теории классов и теории элиты. Новизна неймановского анализа «четырехпартийной структуры» системы национал-социалистской власти состояла не в выделении характерных черт, функций и моделей поведения институционно-политической элиты, социологически отличной от буржуазии: в самом деле, этот аспект, хотя и вновь стал предметом анализа и дальнейшего развития в недавнее время благодаря теоретическому труду Никоса Пуланцаса в поддержку нового марксистского анализа капиталистического государства, был значительно шире освещен интерпретациями, которые — в рядах социал-демократии, равно как

¹⁵² O. Kirchheimer. Changes in the Structure of Political Compromise.— In: "Studies in Philosophy and Social Science" (в: "Zeitschrift für Sozialforschung"). IX, 1941, p. 264—289.

¹⁵³ В этих последних работах Гильфердинг (причем одна из них была опубликована уже после его кончины) завершает инверсию ортодоксального марксистского отношения зависимости политики от экономики, начатую в 20-х годах. См.: R. Hilferding. State Capitalism and Totalitarian State Economy. — In: "Socialist Courier". New York, 1940; *ID.* Das historische Problem, вышедшая уже после кончины автора под ред. Benedikt Kautsky. — In: "Zeitschrift für Politik". I, 1954. См. также: W. Gottschalch, Strukturveränderungen der Gesellschaft und politisches Handeln in der Lehre von Rudolf Hilferding. Berlin, 1962, S. 242 u.d.f.

¹⁵⁴ По конкретному вопросу исследования Нейман неоднократно выступал с докладами в дискуссиях и на семинарах в Институте социальных исследований. Чтобы дать более полную картину тех дебатов, автор позволяет себе отослать читателя к своему введению уже упоминавшейся ранее антологии: "Tecnologia e potere nelle società post-liberali".

внутри самого коммунистического движения, — исходили из аналогии между бонапартизмом и фашизмом (а следовательно, из гипотезы применения к фашистским режимам и массовому авторитаризму вообще аналитической модели, разработанной Марксом в таких трудах, как «18-е брюмера Луи Бонапарта» и «Классовая борьба во Франции»): от Тальгеймера до Ставара, от Грамши до Троцкого, от Отто Бауэра до Рихарда Лёвентала. По сути дела, новая черта заключалась в другом: с помощью безжалостной анатомии структуры власти и экономики режима был со всей очевидностью показан конституционно-конфликтный строй отношений между четырьмя группами давления, которые делили между собой контроль в государстве: речь идет о промышленности, армии, государственной бюрократии и партии. Уничтожающий аспект неймановского герменевтического подхода состоял, следовательно, в демистификации идеологического характера образа порядка и рационального планирования, — образа, который нацизм пытался составить о самом себе. Автор со всей очевидностью показал, что даже такое террористическое и репрессивное общество, как нацистское, не в состоянии реализовать безраздельное господство, исключая из своей политической системы конфликтно-плюралистическое звено, которое все государственные решения, последовавшие за великим кризисом, заимствовало из массового общества, возникшего благодаря рационализации 20-х годов.

Однако если в этом всеразрушающем эффекте демистификации и развенчания заключался неоспоримый результат анализа, проведенного в работе «Чудовище», то не менее очевидным был апоритический аспект, тесно связанный с ним и очевидный в определении национал-социализма как «не-государства», как царства «хаоса» и «анархии» (что как нельзя лучше отвечает символике библейского чудовища, изображенного Гоббсом)¹⁵⁵. Трудность осуществить органический сплав между категориями марксистской экономической критики и веберовскими категориями власти, между классовым анализом и теорией элиты приводит Неймана к противоположной — хотя определенным образом спекулятивной — апории, с которой столкнулись исследования Хоркхаймера и Поллока по вопросу авторитарного государства. Он, конечно же, может скрывать и описывать с исключительной ясностью и пронизательностью внутренние противоречия и конфликты между господствующими организмами. Но он не способен объяснить, какова же логика — истинная «рациональность», — которая их подкрепляет, давая таким образом возможность воспроизводить систему власти.

¹⁵⁵ *Neumann. Behemoth*, trad. it., p. 416 sgg.

Показатель этой трудности обобщения состоит в определении им нацистской системы как «тоталитарного монополистического капитализма»: кстати, указанная дефиниция, казалось бы, противоречит отказу Неймана давать интерпретативную и аналитическую оценку понятию «тотального государства». Исходя из необходимости дать обзор сложного переплетения факторов власти и факторов прибыли в новом порядке нацистской Германии, анализ в «Чудовище» и представлялся поэтому парадоксальным дуализмом между «индивидуальной» рациональностью, присущей отдельным группам власти, и «коллективной» рациональностью, которая совпадает с невообразимой иррациональностью совокупности (в смысле какого-то набора разнородных величин, которые объединяет лишь тенденция к дальнейшему расширению). Поэтому в конечном счете интерпретация Неймана рисковала поддерживать — вопреки намерениям самого автора — тезис «исключительности» или «высшего начала» феномена фашизма по сравнению с общими тенденциями преобразования постлиберального капиталистического общества¹⁵⁶.

Поэтому книга Кирххаймера является попыткой преодолеть эту апорию, найдя критерий объединения классового анализа с теоретической трактовкой изменений, происшедших в сфере управления. Это позволяет включить «феномен» национал-социализма в рамки исторических преобразований, которые в массовых демократиях глубоко изменили отношение между властью и конфликтом, между политической формой и обществом, и вместе с ними сам показатель изменения этой динамики и отношения между слоями, представленными во власти, и слоями, исключенными из этого представительства: структуру политического компромисса.

В своем анализе Кирххаймер исходит из предпосылки существования «тесной связи между политическим компромиссом и управлением промышленно развитыми обществами»¹⁵⁷. Причем в своей работе он вновь предлагает в еще более общей и почти аксиоматической форме это соотношение, утверждая, что компромисс свойствен «любому обществу, обладающему высокой степенью социальной стратификации». На основе этого положения он касается в терминах возрастающей сложности метаморфоз структуры компромисса, отвечающих трем политическим формам, которые характеризовали конституционную историю Европы: 1) либе-

¹⁵⁶ См.: G. Stollberg. Der vierkpflige Behemoth. Franz Neumann und die moderne Auffassung vom pluralistischen Herrschaftssystem des Faschismus. — "Gesellschaft. Beiträge zur Marxschen Theorie", 1976, № 6, S. 100.

¹⁵⁷ Kirchheimer. Changes in the Structure of Political Compromise, trad. it., p. 103. Уведомляем читателя, что приводимые цитаты из Кирххаймера заимствованы, если не сделаны оговорки, из этой работы.

ральная представительная система, в которой политический компромисс состоит из комплекса трудовых соглашений между парламентскими представителями и между ними и правительством (ось парламент — правительство); 2) массовая демократия, в которой компромисс выступает как система договоров между добровольными организациями (интересно отметить, что Кирххаймер весьма четко датирует начало эпохи «массовой демократии» (mass democracy) примерно 1910—1911 годами); 3) фашизм, где компромисс состоит в структуре, основанной на своеобразной сделке, «когда руководители слоев, осуществлявшие наибольшее принуждение, распределяют между собой власть и вознаграждения».

Явно ссылаясь на работу «Философия денег» Зиммеля, Кирххаймер устанавливает симметрию между закатом представительной системы (которая, впрочем, «в своей относительно чистой форме» имела весьма ограниченные продолжительность и географическое распространение) и «закатом» центрального положения денег в качестве всеобщей меры стоимости: если на этапе «либерального капитализма» деньги выступали «всобщим фильтром», который «глубоко обуславливал политические учреждения», то в нынешнюю эпоху организованного капитализма и массовой демократии функция денег — это функция инструмента власти. «Однако эта чисто техническая функция денег, — уточняет Кирххаймер, — выступает как явление лишь в монополистический период». В самом деле, фактор, обуславливающий утрату формой денег роли всеобщего регулятора, состоит в возрастающей «автономии представительства» монополистически организованного общества. Одно из наиболее характерных воздействий этой «автономии представительства» на политическую систему массовой демократии состоит вплоть до великого кризиса в «антагонизме между государственным контролем правительства и частным контролем центральных банков» (хотя этот же частный контроль имеет в свою очередь «государственные функции исключительной важности»). На последующей фазе (которая соответствует примерно 30-м годам) девальвация, возникшая в ряде стран, контроль за внешней торговлей и отход от традиционной доктрины бюджетного равновесия устраняют «проблему зависимости правительства от нередко невообразимых притоков и капризов банкиров». После того как государство стало «наиболее крупным клиентом промышленности», исчез тот дамоклов меч, который висел над головой западных правительств на этапе, предшествовавшем кризису: то есть речь идет о возможности того, чтобы финансовые интересы осуществляли свое вето с целью вызвать беспорядок валютной системы.

Однако наиболее очевидные и радикальные новые черты

периода, последовавшего за 1929 годом, — это окончательный подрыв «главенствующей роли денег как автоматического регулятора общественных отношений» и система правительственных расхождений, влекущая за собой разрыв с доктриной «самопроизвольного подъема» силами рынка — не противоречат, по Кирххаймеру (который по этому вопросу выдвигает позицию, весьма близкую Нейману и скрыто полемическую по отношению к позиции Поллока), «системе производства богатств на основе частной инициативы и предпринимательства», а, напротив, укрепляют ее. Таким же образом эти новые черты не меняют, по существу, иерархии и «шкалы преобладающих социальных ценностей». Все же наблюдается фундаментальное структурное изменение, которое непосредственно затрагивает отношения между политической системой и обществом: «колебания, сопровождающие преобразование отношений между правительством и финансовыми и промышленными кругами», зависят теперь от формы отношений, наблюдающихся между различными общественными силами. Таким образом, государство выступает — согласно выражению, которое в равной мере используют и Ласки и Нейман в отношении институционализма, — как «параллелограмм сил», «сообщество, которое прочно опирается на другие сообщества более низкого порядка»¹⁵⁸.

Для иллюстрации этого аспекта Кирххаймер указывает на фундаментальный элемент отличия по сравнению с фазой, которая предшествовала кризису: в то время «символы политики» непосредственно выражали «уравновешенную диаграмму отношения правительства с финансовыми и промышленными ассоциациями, из-за чего их преобразования выступали как переменная величина, зависящая от решений, принимавшихся в производственно-экономической сфере»; начиная с 30-х годов «равновесие окончательно смещается в пользу правительства, проявляя тем самым тенденцию распространения в мировом масштабе, которая уже реализовалась в явно авторитарных странах».

Важно не терять из виду «стратегической роли, которую играло это положение в комплексной экономике у Кирххаймера. В самом деле, именно таким путем феномен нацистской Германии включается в рамки структурных преобразований политического компромисса. Тем не менее эти же метаморфозы нельзя толковать в смысле перехода (по существу прямого) от однородной косвенной власти к также однородной и непротиворечивой прямой власти (как это ут-

¹⁵⁸ Neumann. Der Funktionswandel des Gesetzes, trad. it., p. 291. Проблематика «параллелограмма общественных сил» трактуется Ласки в: "Reflection on the Revolution of Our Time", p. 213.

верждают в парадоксальной симметрии противоположностей апологеты и непримиримые критики фашистских режимов).

Возвращаясь к уже бывшей предметом обсуждения в начале 30-х годов — в ходе острой и драматической дискуссии о Веймарской конституции — политико-теоретической тематике, Кирххаймер утверждает, что переход от «косвенной власти» к «прямой власти» не имеет сугубо технико-инструментального значения, а указывает, что уже отсутствует традиционный отрыв государства от общества, что «нет более противоречия между социальным содержанием и политической формой общества» (в том смысле, что, используя терминологию Хабермаса, общественные производственные отношения затронуты процессом реполитизации). И для Кирххаймера это преобразование, не выражая, конечно, подавления или смягчения антагонистической структуры в массовом обществе организованного капитализма, означает, скорее, что оно сместилось к самой политической системе, приняв ее общие черты: «В самом деле... противоречие не уменьшилось по своей интенсивности, а изменились лишь форма и структура компромисса. Общая тенденция этого изменения вызывает переход от либеральной формы компромисса, который, по существу, являлся разграничением сферы компетенции между индивидом и правительством, к компромиссу между группами власти, находящимися в конфликтных отношениях».

Эволюционная динамика, лежавшая в основе этого перехода, — которую Бэрк рассматривал в прошлом столетии как перемещение центра тяжести власти в европейских обществах к «плутократическим олигархиям», — перехода, начало которому было положено революционной политикой конфискаций, приведшей к «распылению собственности» и к созданию «общего богатства», основанного на «азартной игре»¹⁵⁹, иллюстрируется Кирххаймером в свете дальнейшего развития идеологических позиций по компромиссу.

Одна из первых попыток теоретизации была предпринята Гербертом Спенсером в работе «Исследование социологии»¹⁶⁰, которая определяет политический компромисс как все более необходимое средство, по мере того как социальные формы развиваются, то есть становятся более «организованными» и «сложными». Либеральная доктрина компромисса находит, таким образом, свое характерное выражение в различии, введенном Джоном Морлеем, между «законным» компромиссом и компромиссом «незаконным»¹⁶¹: законным является лишь тот компромисс, который принимает во вни-

¹⁵⁹ См.: *E. Burke. Collected Works. Boston, 1977, vol. III, p. 485 a.o.*

¹⁶⁰ *H. Spencer. The Study of Sociology. New York, 1874* (по вопросу о компромиссах в сложных обществах см. на с. 396).

¹⁶¹ См.: *J. Morley. On Compromise. London, 1877, p. 209.*

мание защиту права на шнакомыслие со стороны меньшинства или со стороны того же индивида. Этот тезис, который Кирххаймер определяет как «типично индивидуалистичный», частично пересматривается Джоном Стюартом Миллем в работе «Размышления о представительном правлении»¹⁶². Ядро этой основополагающей ревизии состоит в том, что компромисс устанавливается уже не между отдельными индивидами, а между группами, поэтому его роль, как представляется, состоит в исключении возможных злоупотреблений, совершаемых одной социальной группой по отношению к другим.

Итак, возникает идея равновесия как необходимого условия законного компромисса в демократическом строе, а следовательно, двуединого отношения между компромиссом и демократией в теоретической перспективе, характеризующей переходом от чистой и радикальной концепции демократии в классическом смысле (за которую ратовал Руссо, благодаря чему на субъект-народ перемещается субстанциальный атрибут суверенитета) к реалистической, а следовательно, релятивистской концепции демократии, понимаемой как оптимальная компенсация интересов, как улаживание их конфликта на какой-то средней точке. Эта идея «компромиссной демократии», которая играет, как известно, определяющую роль в работах Кельзена 20-х годов, принимает, согласно Кирххаймеру [на которого оказывали немалое влияние разработки австромарксизма, и в первую очередь Макса Адлера, в его оценке Веймарской конституции как «конституции без решений» (*Verfassung ohne Entscheidung*¹⁶³)], «одну из наиболее крайних форм» в теории Отто Бауэра (с ним живо полемизировал в 1930 году тот самый Аркадий Гурлянд, который в эти годы выступает как один из инициаторов дискуссий в Институте социальных исследований)¹⁶⁴.

Эта теоретическая эволюция становится, по Кирххаймеру, настоящей обратной реакцией по отношению к динамике развития, в которой «сфера компромисса расширялась с переходом от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму». Переход от компромисса между индивидами (отвечающего идее «конкурирующего общества», свойственной либеральному строю) к компромиссу между группами интересов подобен соскальзыванию с плато-

¹⁶² Considerations of Representative Government. Oxford, 1948.

¹⁶³ См.: O. Kirchheimer. Weimar —und was dann? Entstehung und Gegenwart der Weimarer Verfassung. Berlin, 1930; *ID.*, Politik und Verfassung. Frankfurt am Main, 1964, S. 9 u.d.f. (trad. it. — In: *ID.*, Costituzione senza sovrano, p. 45 sgg.).

¹⁶⁴ В отношении указанных дискуссий отсылаем читателя к нашей работе «Между большевизмом и социал-демократией: Отто Бауэр и политическая культура австромарксизма», опубликованной в части первой тома третьего «Storia del Marxismo»

скости индивидуальных гарантий на плоскость корпоративных гарантий. Это соскальзывание вызывает разрушение персонализированных форм ассоциаций и возникновение «крайне запутанной системы рабочих соглашений между монополиями, которые вышли победителями из либеральной эры». Повседневный компромисс, который в либеральном обществе представитель парламента заключал со своими коллегами и правительством, был заменен «компромиссом между крупными социальными и политическими органами в «плюралистическом» государстве». Сугубо характерной чертой этой сопутствующей — причем крайне важной с точки зрения конституционных изменений, — является метаморфоза либеральных прав индивида (то есть индивидуальных гарантий, за признание которых в качестве предварительного условия функционирования самого компромисса выступал Морлей) в ряд гарантий на существование социальных групп, участвующих в компромиссе.

Находясь под явным влиянием работы своего учителя Карла Шмитта «Право на свободу и институциональные гарантии имперской конституции»¹⁶⁵, Кирххаймер замечает по этому поводу — причем в формулировках весьма сходных со статьей Френкеля 1929 года и с работами Неймана 1933—1937 годов, — что подобный процесс, «наблюдающийся во всем мире», особо отразился в Веймарской конституции, где соприсутствие традиционных свобод и гарантий в довольно двусмысленной формулировке основных свобод представляло собой прекрасную исходную юридическую основу для этого развития: права, гарантии, защита прав предоставлялись теперь исключительно организованным группам, а не отдельным индивидам. Структура, регулирующая отношения между группами, в свою очередь являлась договорной структурой, которая только на идеологическом уровне могла быть представлена как органическое сообщество, в то время как в действительности отличалась крайней нестабильностью и «физиологической» конфликтностью. Структура компромисса в нацистском режиме отличается эволюцией, которая полностью соответствует следующей общей тенденции: «Автоматическая интеграция политической структуры с помощью денег в XIX веке и систематическое использование с этой целью кредитного аппарата в период массовой демократии уступили место формам экономической власти в лице институционализированных монополий. Эти изменения были осуществлены в наиболее очевидной форме в Германии».

¹⁶⁵ *Freiheitsrechte und institutionelle Garantien der Reichsverfassung*. Berlin, 1931. По вопросу об отношениях между Шмиттом и Кирххаймером см. уже упомянутую вводную статью Анджело Болаффи к работе Кирххаймера «Конституция без суверена».

Особая тенденция, характеризующая развитие массовой демократии, — почти тотальное поглощение индивидуальных прав групповыми правами — достигает своей крайней формы, когда «все более сильное порабощение диктату группы, находящейся под господством монополии», переходит в «узаконенное порабощение». Используя хорошо известное выражение в истории немецкой конституции, можно определить статус различных групп интересов в Германии той степенью, в которой им удалось воспользоваться *privilegium de non appellando*, то есть той мерой, в которой они смогли завоевать привилегию лишать отдельного индивида, входящего в группу, способности обращаться в другие организации для защиты своих индивидуальных прав против решений самой группы. Этот аспект был широко разработан Кирххаймером в других значительно более специализированных работах, в частности в главе о «новых тенденциях в политике карательных мер при фашизме», написанной им в дополнение исследования Георга Руше «Наказание и социальная структура» и в статьях «Уголовное право в национал-социалистской Германии» и «Правопорядок национал-социализма». Обе статьи появились в журнале «Исследования в философии и социальной науке» (издании на английском языке журнала «*Zeitschrift für Sozialforschung*») ¹⁶⁶. В этих работах подчеркивается мысль, что юридическая доктрина нацистской Германии, правда, преодолела старое либеральное отделение частного сектора от государственного, но ценой ликвидации первого. Лишь в некоторых областях, как, например, в антисемитском законодательстве, и в отношении мер в пользу демографического роста фактически преследовалась «конкретная» политика, которая была обещана пролагандистскими лозунгами режима, в то время как в других областях, таких, как сельское хозяйство, была дана полная свобода [вопреки риторике лозунга «Кровь и земля» (*Blut und Boden*)] потребностям модернизации.

Итак, основная тенденция изменений формы закона при национал-социализме отличалась, правда, критерием «рациональности». Но он не был критерием законно-формальной рациональности, а, скорее всего, критерием функциональной, технологической рациональности, на которой так настаивал Маркузе в своем выступлении во время дискуссии в Институте социальных исследований ¹⁶⁷. Проведя необходимые

¹⁶⁶ См.: *G. Bushe, O. Kirchheimer. Punishment and Social Structure. New York, 1939; O. Kirchheimer. Criminal Law in National Socialist Germany.* — In: «*Studies in Philosophy and Social Studies*», VIII, 1939, p. 444—463; *ID., The Legal Order of National Socialism*, ivi, IX, 1941, p. 456—473.

¹⁶⁷ *H. Marcuse. Some Social Implication of Modern Technology.* — In: «*Studies in Philosophy and Social Science*», IX, 1941, p. 414—439. По вопросу различного толкования отношений между нормативной ра-

уточнения, мы можем добавить, что, по Кирххаймеру, понятие рациональности отнюдь не имеет в виду в этом случае идеи всеохватывающей и универсально применимой плоскости, а скорее сведения без остатка «личного» принципа к принципу «государственному»: рациональность означает лишь, что весь правовой аппарат непосредственно поставлен на службу корпораций, делящих между собой власть. Обнаружив в изменениях юридической формы (и функциональной подчиненности рациональной концепции закона механизму политического решения) граничную точку «разума» (*ratio*), используемого как орудие, — точку, в которой веберовская «рациональность по отношению к цели» переходит в свою противоположность: в произвол и в отсутствие правил, Кирххаймер вновь вводит неймановскую тему конфликта между господствующими группами давления как элемент демистификации идеологической посылки, лежащей в основе «официальной конституционной теории». Ей (и здесь он, очевидно, намекает, правда, не цитируя, на Карла Шмитта) «не трудно рассматривать отношение между государством и партией как отношение между весьма технически продвинутой системой и политическим движением, в котором первая (система) придерживается указаний второго (движения). Причем движение уверено, что выражает собой жизнь и волю всей нации». В действительности партия, будучи далека от того, чтобы представлять собой «неразрывное единство», играет двоякую роль: с одной стороны, она выступает в определенном смысле «наследницей массовых партий, существовавших в период массовой демократии»; с другой стороны, она осуществляет в тесной связи с государственной бюрократией функцию «органа массового господства». Другими словами, партия не ограничивается тем, что действует как «орудие» определенных классовых интересов и вместе с тем идет навстречу требованиям своих членов и сочувствующих лиц (которые, кстати говоря, образуют исключительно разношерстную массу), «но включает также в свою структуру концепцию нового политического порядка». Социальная разнородность основы ее консенсуса приводит к тому, что этот консенсус должен постоянно акцентировать «чисто политические элементы нового порядка по отношению к экономическому базису», занимая пропагандистско-идеологические позиции именно для того, чтобы «не приводить в замешательство и не разобщать своих сторонников на отдельные социальные компоненты». Эта характеристика объясняет нам, почему

ционализацией и политической рационализацией принятия решений при фашизме, интерпретации, отличающейся от позиций в этом вопросе Неймана и Кирххаймера, а также от интерпретаций Маркузе, см.: E. Fraenkel. *The Dual State*. New York, 1940.

именно в партии вновь возникают наиболее острые и значительные противоречия режима: «И хотя отношение между партией и бюрократией может вызвать бесконечные пространственные юридические диспуты, все же следует иметь в виду, что отнюдь не в этой области имеют место наиболее глубокие конфликты, а в структуре самой партии».

Выступающий здесь «постоянный образец» (pattern) указывает на двойственный характер представительства в структуре партии: некоторые ее составные части — и государственной бюрократии — «являются приводным ремнем» для наиболее сильных групп, способных самостоятельно подать голос в защиту своих прав; другие, а именно те, которые осуществляют «функции поощрения» (Betreuungsfunktionen), то есть вспомогательные функции «органов поощения масс», «представляют непредставленных». На основе так подробно обрисованной схемы отношений, наблюдающихся между показателем структурных вариаций политического компромисса, изменений юридической формы (и отношений между нормативным устройством и решениями) и институциональным значением пропорции между слоями, которые имеют свое представительство, и слоями, исключенными из представительства, Кирххаймер может увязать конфликтную динамику национал-социализма с общими тенденциями преобразования политических систем Запада. Правда, он следующим образом высказывается по поводу довольно основательного исследования Неймана: «Давний вопрос: как можно приводить к общему знаменателю интерес различных «попутчиков по компромиссу», то есть монополии, армию, промышленность и сельское хозяйство, помимо диверсифицированных слоев партийной бюрократии?»

Ответ, который Кирххаймер дает на этот вопрос, не намного отличается, однако, от ответа Неймана, а также от того ответа, который будет впоследствии дан наиболее основательными и серьезными интерпретациями фашизма. В самом деле, этот ответ основывается на «взаимозависимости между неоспоримым авторитетом руководящей группы и программы развития». Поэтому лишь при поверхностном наблюдении может показаться парадоксальным вывод Кирххаймера, согласно которому — с точки зрения классовой политической доктрины — решения фюрера были фактически (вопреки произволу и чудовищным репрессиям) значительно менее «суверенными». В действительности его решения выражали своим сугубо «функциональным» характером последней инстанции, к которой он прибегал в том случае, когда «соответствующим монопольным группам не удавалось самим принять какое-либо решение», отказ от однородной и субстанционалистской идеи «суверенитета»: «верховные» решения фюрера принимались лишь постольку, поскольку осу-

ществляли единственно возможную точку совпадения между интересами различных групп, конфликтующих между собой; лишь поскольку принимали «форму и функцию постоянной гарантии империалистического порядка».

Хотя в значительной мере и предвосхищая — причем яснее в методологическом и аналитическом отношении — последующие историографические споры между приверженцами «теории тоталитаризма» (*Totalitarismustheorie*) и «теории плюрализма» (*Pluralismustheorie*) по интерпретативным дилеммам, встречающимся при сопоставлении либерализма, демократии и фашизма как трех различных форм осуществления политической власти в промышленно развитых обществах (автономия/гетерономия политической системы, «примат политики», «примат экономики») ¹⁶⁸, исследования Неймана и Кирххаймера, подчеркнуто противопоставленные выводам Хоркхаймера, в конечном счете явно ставили на первый план момент нестабильности и антагонизма по сравнению с моментом интеграции. Упор на аспекте анархии целого и на случайном характере процесса принятия решений привел к тому, что оказалась нераскрытой проблема, относящаяся к изменению формы политической рациональности, выражением которой были, правда, в извращенных формах, фашистские режимы. Не случайно очерк Кирххаймера, несмотря на свою теоретическую основательность и то, что он был стимулом для дальнейших творческих размышлений, не смог до конца довести анализ другой составной части сравнения: структурных преобразований компромисса в массовой демократии. В самом деле, проведение такого анализа потребовало бы уточнения отношения аналогии и/или различия, наблюдающегося между формой политической рациональности постлиберальной демократии и формой политической рациональности фашистского авторитарного государства. Отнюдь не случайным представляется, таким образом, с этой точки зрения недостаточное внимание, которое Нейман уделяет институционной теории в своей английской диссертации 1936 года; такая недооценка перерастает в полную ликвидацию этой теории в работе «Применение функции закона» ¹⁶⁹.

¹⁶⁸ См.: *E. Nolte (Hrsg.). Theorien über den Faschismus. Köln—Berlin, 1967.* Дискуссия о «примате политики» или «примате экономики» при нацизме проводилась в период с 1965 по 1968 год в журнале «Аргумент» (*„Das Argument“*) (с выступлениями Мазона, Цихона, Эйххольца и Госсвейлера). Для оценки «Чудовища» в связи с современным развитием дискуссии о фашизме отсылаем читателя к: *G. Schafer. „Behemoth“ und die heutige Faschismusk Diskussion, послесловие немецкого издания: Behemoth. Köln, 1976.*

¹⁶⁹ См.: *Neumann. Der Funktionswandel des Gesetzes, trad. it., p. 291—292.*

7. Администрация и политики: современная проблематика «границ рациональности» в марксизме и теории систем

Итак, исследования, проведенные в период между двумя войнами политологами веймарского направления, видимо, трактуют (на уровне и с помощью аналитических инструментов, отвечающих своей эпохе) ту же проблему Хабермаса и Оффе, но весьма высоко отзываются именно о тех аспектах тематики этих авторов, которые в общем и целом оказываются наиболее слабыми. У Хабермаса и Оффе историческое признание изменения формы и функций институционно определяющих структур также играет главную роль в программе «восстановления исторического материализма»¹⁷⁰ и превращения в ее рамках парадигмы критики политической экономии в парадигмы общественно-политических наук. В их исследовании процесс перехода от либерально-демократического строя к строю организованного капитализма и массовой демократии характеризуется растущим усложнением общественной системы. Однако «социальная сложность» принимает здесь иное значение по сравнению с тем, что свойственно марксистской традиции и самому марксизму, подвергшемуся ревизии в 20—30-е годы. В самом деле, она означает не столько усложнение классовой стратификации (кстати говоря, аспект, энергично подчеркивавшийся во времена марксистской дискуссии, начиная с «бернштейновских дебатов»), сколько дифференциацию различных форм деятельности: согласно линии исследования, которая от Вебера до Парсонса и Лумана доводит до конца разрыв с классической традицией аристотелевского начала, линии, собирательно выражавшейся метафорой общества как организма, выступающего за органическое отношение часть—целое. По существу, индивид не представляет собой более общественную ячейку, тогда как составляющая структура социальной связи не является более отношением индивид—общество, а отношением между рациональностью и формами деятельности¹⁷¹. Это предположение абстрактно-формальной стороны рациональности и ее метаморфоз, которые у Хабермаса и Оффе отличаются непрерывной заменой функциональной дифференциации функциональным и систематическим кодом, не лишена, однако, определенных последствий. Причем с двух точек зрения, которые мы для удобства изложения можем тезисно указать, отличая слабую сторону от сильной по соответствующим подходам к вопросу.

¹⁷⁰ J. Habermas. Zur Rekonstruktion des historischen Materialismus. Frankfurt am Main, 1976.

¹⁷¹ О теоретической дискуссии по этим проблемам автор отсылает читателя к своему очерку: Il "possibile logicum" come frontiera del sistema. Le dimensioni della razionalità da Weber a Luhmann. — "Il Centauro", 1981, № 1, p. 99 sgg.

Несмотря на большую эпистемологическую обоснованность по сравнению с упомянутыми исследованиями периода между двумя войнами, они выражают два недостатка: во-первых, недостаток периодизации с тенденцией — о которой уже говорилось — упрощать в водоразделе 1929 года момент перехода от этапа саморегулируемого рынка к этапу «политизированного» капитализма, который переводит в плоскость «компенсационного программирования» цель достижения равновесия, ранее отводившегося «свободному» рыночному механизму; во-вторых, категориально-аналитический недостаток, который находит красноречивое свидетельство в трудности перехода — вопреки всем предварительным заверениям, стремящимся доказать противоположное, — от концептуально-абстрактного плана к плану практическому. Этот второй порядок трудностей (о чем свидетельствуют некоторые расхождения между Хабермасом и Оффе о возможности доказать теоретически, а не только в плане практических решений классовую природу позднекапиталистического государства¹⁷²) объясняется, на наш взгляд, тем, что не учитывается аспект, напротив, достаточно хорошо выделенный в работах Неймана (и Кирххаймера) в 30-е годы, — аспект, в силу которого корпоративистско-плюралистическая тенденция, осуществляемая политическими системами после 1929 года, отнюдь не является чистым эпифеноменом скрытого или латентного антагонистического противоречия, а скорее одним из особых выражений этого противоречия. Поэтому вопрос о значении межотраслевых конфликтов для самой тематики кризиса рациональности, видимо, ускользает в моделях Хабермаса и Оффе (а кстати, и в кейнсианской модели, учитывая исторические условия, в которых эта модель действовала, отдавая явное предпочтение макроэкономическому аспекту в ущерб микроэкономическому). Но с основным различием, состоящим в том, что связь кода теории систем (основанного на парной категории усложнение-упрощение) в конечном счете вызывает теоретическое отступление «неоклассического» (хотя и «реформированного» неоклассического) характера¹⁷³.

Но и с этой точки зрения исследования Хабермаса и Оффе оказываются проблематичными. Им, несомненно, удастся выполнить, с одной стороны, обновляющую роль, впервые

¹⁷² Критика единоначалия по вопросу принятия решений обращена Хабермасом в адрес Оффе в заключительной части работы: *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*, trad. it., p. 158—159.

¹⁷³ Автор попытался более широко показать в других работах («Il politico» и «Le trasformazioni»), что Хабермас и Оффе заимствуют в исключительно тонкой аналитической инструментровке некоторые характерные черты «реформированного» марксизма (который, кстати, значительно интереснее и живее) периода между двумя войнами.

проводя в области марксизма рассмотрение специфической деятельности политической власти, опирающейся на критерий функциональной дифференциации, и различая таким образом особые черты «политической замены» «в отношении» (*versus*) целого ряда вариантов «экономической теории демократии», которая имеет свое законное авторство в известных тезисах Шумпетера и их продолжения в тезисах Бьюкенена, Таллока и Даунса, навевая теорией маржиналистской микроэкономики¹⁷⁴, в идеях Хантингтона, исходящих из теории экономического развития¹⁷⁵, и, кроме того, в усложненно-либеральных тезисах Хернса и Коулмана¹⁷⁶. Но, с другой стороны, они сталкиваются с апорией, аналогичной апории, относящейся к «неоклассической» ревизии социал-демократического марксизма, попытку которой предпринял Гильфердинг в 20-е годы (на него они, по всей видимости, опираются, причем не только в прямых ссылках): соприсутствие «негативной» автономии политического деятеля с функционально-структурным подходом к отношению между государством и экономикой. Прежде всего этот апоритический аспект обретает свою форму и становится очевидным в дефиниции политической системы как селективного институционального фильтра запросов и тенденций социального конфликта, которые служат общекapиталистическим интересам. Именно здесь дает о себе знать риск, с которым сталкивается новая формулировка категорий критики политической экономии «посредством» (*medium*) системного кода. Речь идет о двойном и одновременном риске: он состоит в том, что становится самостоятельной сфера законодательных структур, и в то же время эта сфера проявляет отношение прямой зависимости между «потребностью валоризации» и императивами социального воспроизводства. Обязательность определения остается в силе даже тогда, когда необходимость сохранения равновесия и социального контроля вынуждает принять меры, которые как будто бы имеют совершенно противоположную направленность, как, например, в случае регулирующих мер, обеспечивающих производство «потребительных стоимостей».

Считать, что государство использует противоположные рычаги, чтобы воздействовать на тот же механизм, означает в конечном счете подчеркивание его тесной структурно-логической зависимости от «законов» отношения обмена и от их дисфункции. Если такая дисфункция обуславливает возник-

¹⁷⁴ См.: *J. Buchanan e G. Tullock. The Calculus of Consent. Michigan, 1962; A. Downs. An Economic Theory of Democracy. New York, 1957.*

¹⁷⁵ См.: *S. Huntington. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.*

¹⁷⁶ См.: *G. Hernes. Makt og avmakt. Oslo, 1975; J. Coleman. The Mathematics of Collective Action. London, 1973.*

новение механизма принуждения на меры регулирования, предпринимаемые государственной администрацией, то это означает, что логическое противоречие капиталистической системы, о котором продолжают говорить Хабермас и Оффе, не наблюдается в действительности (даже на «позднем» или «зрелом» этапе в государстве), а лишь в сфере обмена. Автономия политического деятеля и его абсолютная независимость парадоксально совпадают между собой или, вернее, представляют две стороны одной апории, из-за чего ссылки на «социальные сложности» рискуют поэтому проявиться как эмпирический отказ, никак не согласующийся с теоретической формой анализа¹⁷⁷.

Несмотря на глубину и точность методологической критики, проводимой ими в отношении плюралистических и элитарных теорий, но из-за тенденции переоценки межличностных форм господства (их критика имеет некоторую аналогию с позициями Бахраха и Баратца и с более современными позициями Лукаса по поводу явлений сведения теории демократии к «теории демократического господства элиты» под влиянием концепций Липсета, Корнхаузера, Трумэна и Дарендорфа¹⁷⁸) исследования Хабермаса и Оффе не в состоянии дать ответ на основной вопрос: каким же образом политическому посредничеству удастся фильтровать «ряд плюралистических интересов», не подвергаясь воздействию конфликта между «корпорациями»¹⁷⁹? Уклоняясь от проблемы не эпифеноменологического характера (но все же морфологически значительной) плюрализации классового интереса в агломерате нестандартных (гетероклитных) интересов, которые можно удовлетворить лишь совместными усилиями, в неизменно шатком равновесии, теория «институционального избирательного фильтра» рискует — в той же мере, как и упрощенные неоклассические и гармонизирующие версии «политической смены», — не идти далее чисто описательного изображения функциональных возможностей современного государства, то есть понимать его исключительно как отражение самодовлеющего социального конфликта, который оно лишь регистрирует, сводя, таким образом, свою деятельность к простому административному и/или репрессивному контролю.

¹⁷⁷ См. по этому вопросу критику Т. Кремером-Бадони позиций Оффе: *T. Kramer-Badoni. Crisi e potenziale di crisi nel capitalismo avanzato.* — In: *Stato e crisi delle istituzioni*, op. cit., p. 99 sgg. Видимо, автор выражает слишком сильную ностальгию по «тотальности», чтобы довести свою критику до конца.

¹⁷⁸ См.: *Habermas. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*, trad. it., p. 136—137; *W. D. Narr und F. Naschold. Theorie der Demokratie.* Stuttgart, 1971, S. 22 u.d.f.

¹⁷⁹ См.: *Offe. Klassenherrschaft und politisches System*, trad. it., S. 136 u.d.f.

Поэтому, может быть, и правомерно было бы противопоставлять аналитические исследования Хабермаса и Оффе всем прочим марксистским ортодоксиям, но все же вполне возможно, что это будет арьергардным боем. Напротив, нам представляется, что значительно актуальнее установить, сколько непоследовательной ереси остается в постфранкфуртском течении. Или, предпринимая еще один шаг вперед, посмотреть, не повторяется ли — на языке функционализма и социологической теории систем — недостаток, свойственный любой неоклассической перестройке марксистских постулатов. Рассматривая государство как внутренне согласованную сферу административной рациональности, сугубо однородную инстанцию контроля — отбора «требований», вызванных социальным конфликтом, вновь появляется на свет «закон Сэя о политике»: то есть утрачивается преобразовательный динамический аспект, лежавший в основе эпистемологического отрыва, проведенного по отношению к «аксиоме параллелей» Кейнсом, который твердо придерживался господствующей неоклассической парадигмы в экономической теории (кстати, от этого отрыва не остается ничего, кроме слабого следа кейнсианства наших дней). Логика государственного вмешательства функционально отвечает (в этом состоит недостаток системного подхода, несмотря на значительные теоретические достижения, которые были внесены в обсуждение проблематики европейских общественных наук) потребностям чистого «управленчества» различных подсистем; эта логика совершенно не выдвигает новых схем и социальных связей, не вызывает кризисных явлений (как у Кейнса и у того же Шумпетера), былых равновесий и плоскости «управленчества», на которой зиждился либеральный строй.

Именно здесь коренится особое различие между теоретической картиной, открытой кейнсианской революцией — которая еще ждет своего ответа от марксистов — и старыми и новыми попытками неоклассической и систематико-функциональной перестройки марксизма. В эти «ревизованные» марксистские модели государство постоянно вмешивается уже «позднее» (ex-post), чтобы устранить неполадки и нарушение равновесия, которые самостоятельно могли бы быть вызваны кризисом механизма обмена, и вмешивается соответственно «заранее» (ex-ante) лишь в своей «отрицательной» функции, чтобы свести на нет возможность образования интересов, «способных быть обобщенными». Напротив, кейнсианская эпистемологическая цезура указывает на возможность изменения функции и структуры капиталистического государства, причем с большей ясностью и точностью, чем это сделано у любого теоретика «революции 30-х годов», включая сюда и Шумпетера. В самом деле, кейнсианская теория имеет предписательно-теоретический аспект, который

отсутствует в проблематике Шумпетера, где управление кризисом выступает как внутренний момент «нормы» самого кризиса, а процесс нормализации, выхода из кризиса имеет абсолютно эндогенный характер, не подверженный воздействию государства. Политическое управление кризисом не может иметь даже относительной автономии: единственная автономия состоит в цикле. Не случайно у Шумпетера появляется некий «горизонтальный разрез критической программы»¹⁸⁰, картина, представленная историко-логическим «континуумом» (*continuum*) общей экономической деятельности, из которого выкраивается (пусть ограниченная) сфера деятельности для неоклассической парадигмы. Подчеркивая этот глубокий раскол, который, несмотря на «кажущуюся однородность взглядов», разделяет Кейнса и Шумпетера, необходимо все же напомнить, — как это, кстати, блистательно удалось Аугусто Грациани¹⁸¹, — что Шумпетер оказался более дальновидным, чем Кейнс, в своих прогнозах. Действительно, он выступает как автор, который наряду с Михаэлем Калецким смог с большей прозорливостью и точностью отметить политическое влияние кейнсианской модели: то есть те политические контртенденции класса предпринимателей при полной его занятости, контртенденции, которые знаменуют исторический переход от экономического цикла к «циклу политическому» и перемещают ось антагонизма к отношению: полная занятость — социальная устойчивость (контроль)¹⁸².

Итак, наш разговор возвращается от описательной полярности (государство — экономика) к субъектам и критическим факторам, которые определяют своими конфликтными намерениями динамику процесса преобразования. Парадоксально, но именно из нынешней перспективы так называемого «заката государства благоденствия» (*Welfare State*) и так называемого «кризиса кейнсианских политик», — кризиса, который отличается повышенной трудностью соблюдать предпосылки политики государственного вмешательства: возможность «заранее» (*ex-ante*) определять конфликтные переменные¹⁸³, — в настоящее время можно понять масштаб попыток теоретического обновления, предпринятых в период между

¹⁸⁰ См.: *D. Giva. Storia dell'analisi economica e teoria dello sviluppo. Note su Schumpeter.* — In: "Annali della Fondazione Luigi Einaudi", XI, 1977, p. 90.

¹⁸¹ См.: *A. Graziani. Introduzione a J. A. Schumpeter, Il processo capitalistico, Cicli economici.* Milano, 1977, p. 24.

¹⁸² Для этого критико-исторического прочтения работ Калецкого автор ссылается на: *F. De Felice, G. Marramao, M. Tronti e L. Valiani. Stato e capitalismo negli anni trenta.* Roma, 1979.

¹⁸³ По вопросу «парадигматического» значения кризиса кейнсианских политик см.: *E. Tarantelli, Il ruolo economico del sindacato. Il caso italiano.* Bari, 1978,

двумя войнами такими интеллектуалами-марксистами, как Франц Нейман, Гарольд Дж. Ласки и Отто Кирххаймер. Опираясь на новую устойчивость послевоенного времени, государство проводит глубокие изменения не только функционального, но и структурного характера: ими оказывается затронут весь конституционный аппарат. Начиная с 20-х годов, причем со все большей интенсивностью и размахом после второй мировой войны, политическая система представляет собой картину, которая придает форму и направление экономическому развитию (являясь в определенном смысле его предпосылкой), но одновременно все более расширяясь и захватывая учреждения и сферы, которые ранее входили в «общественную» и «частную» области. Эта система превращается в поле постоянных поединков и конфликтов и *поэтому* также в естественное поприще союзов и компромиссов. «Политический компромисс» или, если угодно, «политическая смена» коллективных субъектов становится тогда предпосылкой любой стратегии вмешательства государства во имя избежания кризиса. Но как раз из-за того, что экономическая и социальная политика является плодом компромисса, она не планируется на основе узконаправленного, единого и однородного (пусть даже «общего») интереса. Скорее всего, эта политика является вектором, который с определенной периодичностью выступает из конфликта среди различных «автономий», на которые конституционно разделена политическая система. Принятие парадигмы «политической смены»¹⁸⁴ все же закономерно — учитывая все выше сказанное — лишь при двух условиях: при выполнении условия исторического порядка, относящегося к трудности перевести этот образец-парадигму в однородную и последовательную модель (учитывая разнообразие социальных слоев и коллективных субъектов, которые в истории капитализма активно или пассивно участвовали в отношениях «политической смены»); при условии теоретического порядка, направленного на то, чтобы различать критическое понимание концепции от его неотраженного и «нейтрализующего» восприятия; в самом деле, в отношении последнего всегда возможно возражение, причем возражение не только в защиту Маркса, но и других серьезных общественных теорий этого столетия, от Вебера до Кейнса, что в рамках политических отношений обмена (как, впрочем, и на экономическом рынке), во всяком случае, действуют субъекты, как индивидуальные, так и коллективные, которые выражают определенные отношения к власти, оказывая на нее влияние, поэтому не могут не приве-

¹⁸⁴ См. многозначное уточнение различных аспектов этой концепции у Дж. Э. Русconi: *G. E. Rusconi. Scambio politico*. — In: “*Laboratorio politico*”, 1981, № 2, p. 65 sgg.

сти в социальных отношениях к нарушениям равновесия и постоянной неустойчивости. «Доктрина интеграции» (Integrationslehre), заключенная в лишенных драматизма, гармонически функциональных версиях «политической смены», видимо, столкнулась, таким образом, со своим обратным уклоном: то обстоятельство, что заключаются лишь мировые сделки (а следовательно, сделки временного характера и не планируемые) для решения социального конфликта, который отнюдь нельзя однозначно толковать в «интеграционном» ключе, является явным признаком того, что антагонизм полностью и бесповоротно вошел как составная часть в саму политическую систему.

Однако в подходе Хабермаса и Оффе имеется теснейшим образом связанная со «слабой стороной», а поэтому с трудом от нее экстраполируемая «сильная сторона»: речь идет о внимании к процессу радикальных перемен той области «рациональности», к которой относятся предпосылки законности самого «политического компромисса». Изменение формы совпадает в их анализе с постепенным расширением шкалы в масштабе рациональности по отношению к веберовской «целевой модели». И с этой точки зрения они в принципе начинают положительно воспринимать те дополнения, которые были внесены в эту модель функционально-структурной теорией сначала Парсонсом, а затем социологической версией теории систем Лумана. Новая черта состоит прежде всего в несоответствии «монополистической» концепции власти самой реальной действительности «сложного общества»: в обществе, отличающемся высоким уровнем функциональной дифференциации (и взаимодействия), власть не может выступать как «совершенно автаркическая сфера», а зависит от других факторов как по условиям, в которых она может осуществляться, так и по потребностям и запросам, с которыми она связана¹⁸⁵. Но если в сложном обществе власть окончательно перестает быть преходным явлением и целиком и полностью становится функционально-реляционным процессом, то, следовательно, отношения власти не могут более отвечать логике вертикального и однопричинного перехода. В статье 1974 года, посвященной проблеме границ административной рациональности¹⁸⁶, Оффе исходит из посылки, тождественной той, которую принимал Луман в одной из своих работ десятилетней давности (но приходил на ее основе к иным выводам): речь идет о тезисе, согласно которому административно-бюрократический аппарат нельзя понимать по-веберовски, «как наиболее рациональный по форме способ отправ-

¹⁸⁵ См.: N. Luhmann. Macht. Stuttgart, 1975.

¹⁸⁶ См.: C. Offe. Rationalitätskriterien und Funktionsprobleme politisch-administrativen Handelns. — In: "Leviathan", 1974, № 3, trad. in. — In: Le trasformazioni dello Stato. Firenze, 1980, p. 70 sgg.

ления власти»¹⁸⁷. В указанной статье 1974 года Луман утверждал, что угаданная Вебером параллельная зависимость между целевой схемой и иерархической структурой командования покоилась на типичной предпосылке классической концепции рациональности; согласно этой предпосылке, имеется лишь «одна правильная типичная и оптимальная форма внутренней рациональности системы», а ее осуществление и распространение на все общество автоматически должно привести к установлению «гармоничных отношений со средой»¹⁸⁸. Однако система, регулируемая таким рациональным устройством, фактически становится какой-то механической утопией, то есть системой-машиной, которая, для того чтобы работать, подразумевает наличие «однородной смоделированной среды» и которая, согласно модели онтологического мышления, может в каждом конкретном случае принимать лишь одно условие существования (автоматически исключая все прочие). Следовательно, недостаток такой системы состоит в том, что на изменения обстановки она может реагировать лишь «одним-единственным, а поэтому всегда заранее предусмотренным образом»¹⁸⁹.

Аналогичным образом Оффе считает, что Вебер смог настолько использовать это двуединое соотношение между бюрократией и принципом формально-законной рациональности, насколько абсолютизировал модель рационализации, по-клящуюся «на полном разделении предпосылок деятельности, с одной стороны, и исполнительного аппарата — с другой»¹⁹⁰. Но кроме «рациональности, состоящей в применении абстрактных правил, которая характерна для определенной модели деятельности», имеется еще и другой критерий рациональности — критерий функциональной рациональности, который измеряется на основе степени соответствия «функциональным потребностям и нуждам высокоразвитого промышленного капиталистического общества, удовлетворение которых является задачей государственной администрации»¹⁹¹. Итак, недостаток Вебера, по Оффе, состоит в том, что он не смог различить между собой эти два отличных критерия рациональности и, напротив, положил начало концептуальному «континууму» (continuum) между рациональностью бюрократической деятельности и всемирно-историческим процес-

¹⁸⁷ Известное утверждение Вебера ("Economia e societa", vol. I. Milano, 1968, p. 217) приводится Оффе в работе: *Rationalitätskriterien*, trad. it., S. 95.

¹⁸⁸ См.: N. Luhmann. Zweck-Herrschaft-System und Prämissen Maxs Webers. — In: "Der Staat", III, 1964, S. 129, а также: *ID.*, Politische Planung, op. cit./trad. it. — In: *ID.* Stato di diritto e sistema sociale, p. 173 sgg.

¹⁸⁹ *Ibid.*, p. 201.

¹⁹⁰ Оффе. *Rationalitätskriterien*, trad. it., S. 95.

¹⁹¹ *Ibidem*.

сом рационализации. С другой стороны, невозможно даже допустить гармоническое совмещение этих двух критериев — которые Оффе определяет даже как «социологически-бюрократическое» понятие (зависимость бюрократической деятельности от общих норм) и «научно-политическое» понятие рациональности (отношение между эффективностью систем и функциональными запросами функциональной среды), — поскольку «в условиях развитого социального капиталистического государства» бюрократическая рациональность не только не гарантирует, но даже препятствует политической рациональности¹⁹².

До сих пор анализ Оффе и анализ Лумана полностью совпадают между собой: не только в том, что они решительно выступают против веберовского тезиса бюрократического господства как «структурно-неотъемлемой черты всех будущих обществ»¹⁹³, но и в утверждении, следовательно, исторической возможности преодолеть этот тезис более осторожным понятием «системной рациональности»¹⁹⁴; тем не менее на этом основании они указывают на необходимость радикально новой дефиниции традиционных отношений между политикой и администрацией. Однако если в этом состоит их общая исходная позиция, то совершенно по-разному они развивают ее, причем приходя к значительно отличающимся друг от друга, если не противоположным выводам. Причина этого весьма большого различия состоит не только в различных политических убеждениях этих авторов, но прежде всего в том, что они используют два совершенно чуждых между собой по происхождению категориальных кода: один из них основан на парных категориях система-среда и упрощение-усложнение, а другой — на идее двух антагонистических логик, проходящих красной чертой через всю шкалу системной сложности. Итак, если, согласно Луману, межсистемные «кризисы» выступают лишь как временная дисфункция, расстройство деятельности или же как тенденции упорядочения отношений между подсистемами и действительный (и непреодолимый) недостаток, налагаемый на рациональность, объясняется исключительно «пробелом» (gap) между сложностью обстановки и системной избирательностью, то, по Оффе, напротив, недостатки политической и административной рациональности происходят от ее все возрастающей неспособности ответить на антагонистические устремления, которые уже приняли всеобщий характер на всех уровнях и которые коренятся в возрастании «функциональных запросов»¹⁹⁵.

¹⁹² Ibid., p. 98.

¹⁹³ Ibid., p. 97.

¹⁹⁴ См.: *N. Luhmann. Zweckbegriff und Systemrationalität*. Frankfurt am Main, 1973, S. 55 u. d. f.

¹⁹⁵ См.: *Offe, Rationalitätskriterien*, trad. it., p. 97.

Согласно Луману, который придерживается очень пространного тезиса (впрочем, общего как с «оппортунистическими» позициями, так и с позициями «роста» (*à la*) Линдблум¹⁹⁶), направленного на установление административной рациональности (в чисто тактическом плане), свободной от содержания, наиболее эффективная степень формализации и систематической избирательности совпадает с «условной программой» административной подсистемы (и в рамках этой подсистемы — юридической подсистемы). Итак, как считает Луман, именно администрация, а не подсистема партий (или политическая система в «узком смысле») должна играть роль верховного руководства в процессе принятия решений. В самом деле, в «легитимизации путем процедуры» (*Legitimation durch Verfahren*) государственной администрации система достигает наиболее высокой степени автономизации и избирательной способности, освобождая механизм принятия решений от обусловленностей «политического рынка» и от вмешательства межпартийной конкуренции¹⁹⁷.

Напротив, согласно Оффе, подобная теоретическая перспектива — которая хорошо вписывается в тенденцию «сведения государства и демократии к процедурным категориям, которые относятся к временам первой мировой войны, и до сих пор развивается»¹⁹⁸ — дает совершенно неадекватную и нереальную картину отношений между политикой и администрацией. Подчеркнуто искусственное разделение труда, при котором «политика» служит общему обеспечению консенсуса, а «администрация» разрабатывает и осуществляет программы, не выдерживает критики из-за простого, но очень важного факта: по мере того как вмешательство администрации принимает все более специфический и конкретный характер, тем в меньшей мере она сможет замыкаться в мнимо «самостоятельной», весьма формализованной «условной программе», то есть тем в меньшей степени ей удастся избежать (при условии, чтобы ее программы встречали понимание и готовность сотрудничества) прямого участия в решении проблемы консенсуса. «Наш тезис, — пишет по этому

¹⁹⁶ См.: C. Lindblom. *The Intelligence of Democracy*. New York, 1965; *ID. Politics and Market*. New York, 1977 (trad. it. Milano, 1979); N. Luhmann. *Opportunismus und Programmatik in der öffentlichen Verwaltung*. — In: *ID. Politische Planung* (trad. it. — In: C. Donolo e F. Fichera. *Il governo debole. Forme e limiti della razionalità politica*. Bari, 1981, p. 253 sgg.). По всем этим аспектам дискуссии по административно-политическим отношениям (в отношении дискуссии необходимо по крайней мере упомянуть об основных вкладах в нее, внесенных Ренате Майнцем и Фрицем Шарпфом) см.: G. Lenhardt und C. Offe. *Staatstheorie und Sozialpolitik*. — In: *“Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie”*, № 19, 1977.

¹⁹⁷ См.: N. Luhmann. *Legitimation durch Verfahren*. Neuwied — Berlin 1969.

¹⁹⁸ Lenhardt und Offe. *Staatstheorie und Sozialpolitik*, trad. it., p. 107.

вопросу Оффе, — заключается в том, что в настоящее время государственная администрация, учитывая задачи, которые она призвана решать, находится в таком положении, когда выполнение планов и осуществление государственных функций не может быть возложено лишь на нее, но, очевидно, в этом деле должен активно участвовать с исполнительными функциями каждый гражданин и его общественные организации»¹⁹⁹. «Структурная модель административной политики социального государства» опрокидывает вверх дном не только веберовский критерий бюрократической практики (коль скоро сейчас предпосылки деятельности, на основе которых административная практика рационализируется, становятся конкретными и определенными задачами²⁰⁰), но и классическую схему отношений между процессом принятия решений (decision-making) и административной работой. Однако на поверку оказывается, что это вызывает разноречивый, антагонистический (в тенденции) дуализм в самой административной деятельности, постоянно ограничивая ее рациональные черты: то есть возникает «диспропорция между внутренней структурой и отношением со средой», между «структурой» и «функцией»²⁰¹. Причем это болезненное противоречивое состояние нельзя оздоровить — как это пытаются сделать, предлагая рецепты по восстановлению равновесия, социология организации — «с помощью усовершенствования организационной структуры»²⁰². В самом деле, по Оффе, истоки кризиса и пределы административной рациональности (пределы, которые не приводят ее к полному провалу лишь из-за «случайных обстоятельств»²⁰³) не состоят в недостаточном технологическом развитии или отставании в организованном плане, а в том, что «экономико-социальная среда» выдвигает теперь уже «требования, которые превышают сами возможности развития государственной административной структуры»²⁰⁴. Допустив, что глубокий разрыв между структурной и функциональной рациональностью является в конечном счете перемещением в административно-политическую сферу антагонизма между двумя логиками капиталистической системы, мы со всей категоричностью можем утверждать, что «такое несоответствие между моделью администрации и функциональными запросами, идущими извне, нельзя решить путем какой-то реформы администрации, а лишь с помощью «преобразования» самих окружающих структур, которые определяют наличие противоречия между

¹⁹⁹ *Offe. Rationalitätskriterien*, trad. it., p. 107.

²⁰⁰ *Ibid.*, p. 100.

²⁰¹ *Ibid.*, p. 98.

²⁰² *Ibid.*, p. 99.

²⁰³ *Ibid.*, p. 114.

²⁰⁴ *Ibid.*, p. 99.

структурой и внутренней работоспособностью административного аппарата, эффективностью его самого как целого²⁰⁵.

Итак, даже на этом столь сложном и аргументационно насыщенном уровне исследования, которое проводит Оффе, — при всей глубине, основательности его труда — проявляется противоречие, заключающееся в отказе от причинной схемы для описания рациональности и его изменений по форме, с одной стороны, и постоянством причинной парадигмы — с другой. Более того, эта парадигма вновь предлагается нам в своей концептуально-генеалогической связи с юридическим понятием «обвинительного акта»: сведение функциональной сложности к «упрощению обстановки принятия решений» оказывается возможным, утверждает Оффе, лишь постольку, поскольку функциональная интерпретация кризиса (типа «кризис — это такая ситуация, когда должно быть сделано что-то») берет верх над причинной интерпретацией (типа «кризис — это продукт определенных интересов, действий, упущений, соотношения сил»), а следовательно, «лишь те кризисы, для которых нет виновного и которые в этом смысле безымянны, располагают этой возможностью упрощения»²⁰⁶.

Поэтому проблема, не решенная в работах Оффе, то есть проблема, которую Хабермас лишь косвенно пытается решать в своей последней книге, относится к возможности по-новому определить понятия «антагонизм» и «антагонистическое общество». Это новое определение адекватно теоретическим разработкам, начиная от Вебера и в последующий период, в отношении понятия рациональности и, более конкретно, понятия административно-политической рациональности. Дополнительный и, видимо, еще более радикальный вопрос, к постановке которого нас вынуждают как теоретические разработки Хабермаса и Оффе, так и исследования и анализ, проведенные веймарскими политологами, по всей вероятности, можно подразделить на целый ряд вопросов — рабочих заданий, тесно связанных между собой, а именно: действительно ли институционно-политические преобразования, которые столь глубоко, по-новому определили схему отношений между «фактической властью» и «законной властью» (*Macht* и *Herrschaft*), между формальной конституцией и конституцией «в материальном смысле», в конечном итоге приводят к процессу «деформализации» (который отмечался как тематикой о недостатках рациональности, так и открытыми вопросами о плюрализации/утрате центра в процессе принятия решений), то, спрашивается, какой смысл сохранять сам термин «государство»? Стоит ли еще использовать это емкое, синтетическое понятие для обозначения

²⁰⁵ Ibidem.

²⁰⁶ Ibid., p. 112—113.

широчайшего комплекса функций, учреждений, аппаратов, ассоциаций и культурных организаций, которые все в своей совокупности определяют «политический процесс»? Нельзя ли сказать, что история развития социального государства представляет конечную, завершающую ступень истории современного государства, которое было законодательно оформлено и передано традицией европейского публичного права? И наконец, можно ли толковать кризис современного государства как метаморфозу власти, а не как простое разрушение всякого высшего начала, которое в качестве «реальной абстракции» утратило, таким образом, место того, что традиционно было предметом Марксовой (и марксистской) «критики государства»?

МЕЖДУ КРИЗИСОМ КАПИТАЛИЗМА И НОВЫМ СОЦИАЛИЗМОМ НА ЗАПАДЕ

Поиск новых путей перехода от капитализма к социализму начался сразу же после окончания второй мировой войны. Это произошло как в силу возникновения общих, более благоприятных для рабочего движения условий (созданных главным образом победой СССР и успехами прогрессивно-освободительных движений и идей повсюду в мире), так и в силу неудовлетворенности определенными, вызвавшими критику аспектами строительства социализма, а также признания (высказывавшегося, в частности, и советскими руководителями¹) необходимости и возможности внесения изменений в курс, которым шло развитие советского общества после Октябрьской революции. Роспуск III Интернационала уже начиная со времени освободительной борьбы против фашизма способствовал развитию самостоятельных линий в коммунистических партиях, которые приобрели в послевоенный период большое значение. С другой стороны, социал-демократические и лейбористские партии, а также коалиции прогрессистского толка разработали и в какой-то мере осуществили социалистические программы реформ и мер государственного вмешательства². Такая эволюция, бесспорно,

¹ Одним из таких заявлений можно считать, например, утверждение, высказанное Сталиным в 1946 году о том, что не существует лишь одного обязательного пути построения социализма (см.: *П. Сприано. Коммунистическое движение в период войны и послевоенное время: 1938—1947.* — В кн.: "Storia del Marxismo", t. III, p. II), — утверждение, которое вскоре после этого он сам опроверг повсюду в Восточной Европе. Однако наиболее откровенным высказыванием в этом плане было выступление Хрущева на XX съезде КПСС, идеи которого также не получили последовательного претворения в жизнь. См.: XX Congresso del partito comunista dell'Unione Sovietica. Atti e risoluzioni. Roma, 1956, p. 40 sgg.

² О программных установках коммунистов см.: *П. Сприано. Цит. соч.* О новой программе германской социал-демократии, принятой в октябре 1945 года и основывающейся на идеях социализации и экономической демократии, см.: *W. Abendroth. La socialdemocrazia in Germania.* Roma, 1980, p. 81. О следующем, Ганноверском партийном съезде в мае 1946 года, где были выдвинуты идеи планирования и экономической реформы, см.: *E. Collotti. La socialdemocrazia tedesca.* Torino, 1959, p. 52 sgg. В кон-

имела свое значение, как и те ограничения, которые привели к ее остановке в 40—50-е годы и в рядах коммунистов, и внутри других течений. Это произошло под воздействием наступления «холодной войны» и образования военных блоков, благодаря призывам к порядку, который получил разное воплощение на Востоке и на Западе.

Обратимся к более близкому по времени периоду — годам после XX съезда КПСС. Печатью незаурядной — по сравнению с другими лидерами левых партий в Европе — способности к обновлению собственных идей и опыта, активного и непосредственного участия в теоретических спорах о новых проблемах социализма отмечена в эти годы позиция Тольятти, которому, впрочем, также были присущи колебания и остановки, поскольку его взгляды развивались в столь тесной связи с конкретными ситуациями, что многим представлялись преимущественно тактическими установками. В чем же заключаются, по существу, предложенные или поддержанные им новшества? Естественно, я рассмотрю также другие позиции и другие вклады в теорию, однако начать нужно с Тольятти — этого требует не только выполнение национального долга.

1. Экономические реформы и природа государства

При определении наиболее отчетливо выраженных взглядов Тольятти на способы перехода к социализму в условиях развитого капиталистического общества обоснованно ссылаются на его статью «Коммунизм и реформизм» и другие его выступления и статьи начала 60-х годов. Тольятти отталкивается от такой оценки реформизма, по которой, как он полагает, порок этого последнего заключается и заключался в прошлом не в том, что реформисты ставили перед рабочим движением непосредственные и конкретные цели, а в том, что они забывали и перечеркивали главную и конечную цель борьбы, рассматривали реформы в изоляции от других мер и оказывались на положении подчиненной силы в существующем обществе. Но реформы приобретают новый характер «на современном этапе глубокого кризиса капиталистического общества» и там, «где, как у нас, существуют демократические порядки, опирающиеся на наличие и боевитость сильного народно-демократического и революционного движения». В наши дни «путь реформизма нельзя рас-

ституции некоторых западногерманских земель социал-демократам удалось ввести прогрессивные нормы (конституция земли Гессен, например, предусматривала социализацию крупной промышленности), осуществление которых было приостановлено оккупационными властями (ibid., p. 57—58).

смагивать в отрыве от тех реформ, которые более или менее тесно связаны с самой структурой капитализма»³.

Неспособность осуществить реальные экономические перемены, развить концепцию демократии при неуклонном соблюдении ее принципов — таковы изъяны социал-демократического пути. В то же время для непосредственного революционного пути в настоящий момент нет практических возможностей. Учитывая существующие условия, Тольятти рассматривает революцию как процесс: структурные реформы являются этапами и орудием, призванным постепенно открыть путь к социализму⁴. Эта линия отличается от традиционной реформистской линии, во-первых, тем, что реформы рассматриваются здесь не как отдельные и отраслевые меры, но в органическом комплексе и как результат непрерывного действия масс и давления широких кругов общественности; а во-вторых, тем, что борьба за реформы не может абстрагироваться от борьбы за изменение политического руководства обществом. В 1962 году в докладе X съезду ИКП Тольятти утверждает, что для проведения реформ экономической структуры необходимо вести борьбу с засильем крупных монополистических групп. Но «эту обновительную работу нельзя осуществить иначе, как путем вмешательства государства и под его руководством»⁵.

Вопрос о политическом руководстве, как он поставлен Тольятти, не является простым повторением распространенного в III Интернационале тезиса, в соответствии с которым преобразования экономической структуры не считались возможными, если предварительно не была разрешена проблема власти. Напротив, по мысли Тольятти, начало преобразования в демократическом и социалистическом направлениях не должно откладываться до момента взятия власти

³ П. Тольятти. Коммунизм и реформизм. — В кн.: П. Тольятти. Избранные статьи. М., 1965, т. II, с. 722. Впрочем, указания в таком смысле имелись уже в его докладе на IX съезде ИКП в 1960 году (см. там же, с. 342—343). Ошибка социал-демократических партий, приходивших к власти до и после второй мировой войны, заключалась в том, что они либо не осуществили глубоких преобразований экономики, либо пошли на попятный после попыток их осуществить и в том, что они понимали демократию формально. «Допустить, как мы допускаем, возможность движения к социализму по демократическому пути — значит согласиться с тем, что экономические и политические преобразования, необходимые для перехода к новому обществу, могут совершаться постепенно, через последовательную борьбу и завоевания. Это, однако, должны быть действительно настоящие завоевания. Ни одно из них не может противоречить принципам демократии. Они должны стремиться во всей своей совокупности и в своем развитии придать демократии новое экономическое и политическое содержание...» (там же, с. 727).

⁴ См.: D. Sassoon. Togliatti e la via italiana al socialismo. Il PCI dal 1944 al 1964. Torino, 1980, p. 241; G. Vacca. Saggio su Togliatti e la Tradizione comunista. Bari, 1974, p. 373.

⁵ П. Тольятти. Избранные статьи и речи. Т. II, с. 800.

рабочим классом и его союзниками; оно при нынешнем соотношении сил еще до этого момента может представлять собой конкретную и осуществимую задачу⁶. Путь, которым следует идти, уточнит Тольятти в ялтинской «Памятной записке», — это путь «развития и координации непосредственных требований рабочего класса и предложений о реформе экономической структуры (национализация, аграрная реформа и т. д.), объединения их в общий план экономического развития, который должен быть противопоставлен капиталистическому программированию». Речь идет не о социалистическом планировании, но о «новой форме и новом средстве борьбы за движение вперед к социализму»: возможность мирного продвижения в этом направлении «тесно связана с постановкой и решением этой проблемы»⁷.

Поскольку известно, что в предшествующий период Тольятти и вся руководящая группа Итальянской коммунистической партии с подозрением и сомнениями относилась к идее планирования при капиталистическом строе⁸, необходимо задаться вопросом, какие же причины привели к столь значительной коррекции, в результате которой общий план экономического развития сделался стержнем мирной борьбы за социалистические преобразования и, следовательно, но-

⁶ Elementi per una dichiarazione programmatica del partito comunista italiano. — In: VIII Congresso del partito comunista italiano. Atti e risoluzioni. Roma, 1957, p. 909.

⁷ «Правда», 14 сентября, 1964 года.

⁸ Как и к новым моментам, созревшим во взаимоотношениях между государством и капитализмом (F. Sbarberi. I comunisti italiani e lo Stato. 1929—1945. Milano, 1980, p. 12—13). Ф. Сбарбери придает определяющее значение полемике Тольятти с Бухариным осенью 1929 года. Однако если обратиться по этому поводу к материалам экономического совещания компартии 1945 года (см. об этом: *ibid.*, p. 230 sgg.), то следует сказать, что выступление Тольятти на нем отличается довольно большой гибкостью. По поводу возможностей планирования он говорил: «Мы должны стараться вводить все большее число элементов планирования в экономическое руководство страной, но общее планирование нашей экономики... я считаю на сегодняшний день утопичным, а это означает, что мы должны оставить обширное поле деятельности частной инициативе как в производстве, так и в области распределения и обмена». По мнению Тольятти, общее планирование в тот момент означало упразднение или резкое сокращение частной инициативы. Интересно его позиция по вопросу о национализации. Могут быть изучены и предложены определенные меры, «однако пусть будет ясно, что мы не хотим бюрократизировать ни одну из частей национальной экономики. Если для национализации ФИАТ нам пришлось бы превратить его в государственный завод... это было бы ошибкой». Здесь примечательно, что уже тогда он отвергал модель огосударствления советского типа. Но из этих позиций тем не менее еще никак нельзя вывести представление о программировании как средстве продвижения к социализму: до Ялты было пока далеко (см.: Ricestruire. Resoconto del Convegno economico del PCI. Roma, 1946, p. 274—276). Роведо и Серени также высказались против усиления бюрократического аппарата государства посредством национализаций, против «этатистской концепции национализации» (*ibid.*, p. 125).

вого пути к социализму⁹. Вкратце, полагаю, можно ответить, что причин, в сущности, было три: углубление демократической стратегии прихода к социализму и обновление концепции отношений между социализмом и демократией; учет существования социалистического лагеря и его успехов; и наконец, анализ тенденций и противоречий современного капитализма, особенно под углом зрения новых функций государства.

Для Тольятти, но не только для него одного, идея о новом направлении развития производства, которого можно добиться с помощью экономического плана, вытекала не из «идеологических соображений, а из осознания специфической связи, существующей между экономикой и государством», хотя теоретические изыскания по этому вопросу были скудны¹⁰.

⁹ Уже в 1946 году, выдвигая лозунг «нового курса» в экономической политике, ИКП требовала, чтобы государство во имя национальных интересов взяло на себя задачу осуществления «руководящей роли в подъеме всей экономики», используя с этой целью «как энергичную налоговую политику, бьющую по зажиточным классам, так и меры планирования, проводимые специальными правительственными органами в центре и на периферии, контроль над производством, осуществляемый советами управления, эффективный контроль над ценами и увеличение норм выдачи по продовольственным карточкам, национализацию монополистических предприятий, начало аграрной реформы в пользу безземельных крестьян» (*“Rinascita”*, settembre 1946, p. 210). В момент выдвижения руководством ВИКТ известного «трудового плана» Тольятти чувствует потребность предупредить, что было бы ошибкой рассматривать его «как проект подлинного планирования итальянской экономики». В самом деле, «в капиталистической стране критерием, регулирующим экономическую жизнь, являются интересы отдельного предпринимателя; интересы, которые каждый предприниматель волен преследовать, свободно осуществляя собственную инициативу. Коллективное благо при таком положении вещей должно достигаться, как считается, путем удовлетворения индивидуальных интересов. Плановая же экономика — это такая экономика, в которой та прибыль или то коллективное благо, которые собираются получить, определяются заранее, на базе анализа общественных потребностей, и координируются с тем, чтобы обеспечить достижение этого блага» (*“Rinascita”*, febbraio 1950, p. 57). Здесь явно проступает как его представление о капитализме, почерпнутое из схем давно канувшего в прошлое капитализма свободной конкуренции (схем, которые именно в Италии открыто опровергались фактами), так и категорическое разделение — столь далекое от последующих, более зрелых размышлений — того, что может быть сделано до, и того, что после взятия власти. В том же номере «Ринашты» Р. Ломбарди трактует выдвинутый профсоюзам «трудовой план» как шаг в направлении структурных реформ, которые не смогут не обрести антимонаполистического характера (*ibid.*, p. 73).

¹⁰ D. Sassoon. *Op. cit.*, p. 276. Политико-теоретические предпосылки использования социалистических институтов и инструментов для корректирования деятельности и проведения реформ политической демократии содержались в теоретическом багаже социал-демократов еще в 30—40-е годы, но, не исключая непосредственного их восприятия Тольятти, а также заимствования им определенных формулировок вроде «структурных реформ», следует все же сказать, как мне кажется, что внимание Тольятти сосредоточено на новейших аспектах капитализма и вытекающих из

Тольятти предлагает набросок рассуждения на эту тему в процессе рассмотрения проектов национализации в период деятельности «левого центра». Во всем капиталистическом мире, отмечает он, проблема национализации выступает как реальная проблема. «Переход к государственному управлению крупной и решающей отраслью производственной деятельности — это одна из наиболее высоких форм вмешательства государства в экономическую жизнь» и постоянный компонент экономики капиталистических стран в нынешней фазе их развития¹¹. Но он не ограничивается выявлением объективного характера, который приобретает в этой фазе государственное вмешательство, а пытается дать ему объяснение. «Государство обычно утверждает, что вмешивается для того, чтобы навести порядок в экономике, преодолеть местные и общие диспропорции, подстегнуть развитие в некоторых направлениях. Его вмешательство, следовательно, есть проявление и следствие острых противоречий капиталистической системы как таковой, а также социальных битв, которые разворачиваются в ее недрах». В Италии «борьба рабочего класса, крестьянства и других трудящихся масс за свое социальное возвышение дала и дает импульс к расширению вмешательства государства в экономическую жизнь, то есть к развитию государственного капитализма». Упор здесь сделан на борьбу трудящихся, тогда как тема внутренних противоречий системы лишь названа¹².

этих новшеств стратегических последствиях. См.: *М. Телó*. Теория и политика планирования в европейском социалистическом движении от Гильфердинга до Кейнса.—В сб.: “*Storia del Marxismo*”, t. III, p. II, где говорится о понятии структурных реформ, которое было выдвинуто Де Маном в 30-е годы и особенно плодотворно было разработано итальянскими авторами. См. также: *G. Vacca*, op. cit., особенно с. 369; об использовании предпосылок, имевшихся в социалистической традиции, см. также среди прочих: *G. Maramao*. *Austroromaxismo e socialismo di sinistra fra le due guerre*. Milano, 1977; *D. Albers*. *Socialdemocrazia di sinistra ed eurocomunismo: la tradizione dell'austromarxismo*. — “*Critica marxista*”, 1978, № 6, p. 79—100; *A. Agosti*. *Rodolfo Morandi. Il pensiero e l'azione politica*. Bari, 1971; *S. Merli*. *Fronte antifascista e politica di classe. Socialisti e comunisti in Italia. 1923—1939*. Bari, 1975.

¹¹ *P. Togliatti*. *Obtorto collo*. — “*Rinascita*”, 30 giugno, 1962 (ora in: *Togliatti editorialista. 1962—1964*. Roma, 1971, p. 38).

¹² *Ibid.*, p. 38—39. Отсылка к тезису о подчинении национальной экономики, и особенно сельского хозяйства, государственно-монополистическому капитализму содержится в тезисах к VIII съезду ИКП (VIII Congresso, p. 935) и в: “*Elementi per una dichiarazione programmatica*”, p. 915. Здесь говорится о слое мелких и средних земледельцев, а не только о беднейшем крестьянстве, заинтересованных в борьбе против монополий и крупных землевладельцев, за аграрную реформу и социалистическое сельское хозяйство. Углубленный анализ противоречий, которые государственно-монополистический капитализм создает в деревне, и последствий этих противоречий для демократической и социалистической стратегии содержится в: *Э. Серени*. *Старое и новое в итальянской деревне*; *R. Zangheri*. *Emilio Sereni e la questione agraria in Italia*. Roma, 1981, p. 36 sgg.

Важнее всего для Тольятти разъяснить, что возросшее экономическое могущество государства может воздействовать на развитие лишь в том случае, если руководствоваться оно будет демократическим курсом. «Расширение экономической деятельности государства, национализации, попытки программирования и т. д. сами по себе не обеспечивают ни устойчивой демократии, ни того ее развития, которое сегодня напрашивается само собой и которого требуют трудящиеся массы. Экономический процесс должен сопровождаться политическим демократическим процессом, более интенсивным проявлением демократии во всех областях экономической и общественной деятельности, а следовательно, более широким привлечением и доступом народных масс к управлению». Вплоть до сегодняшнего дня этого не произошло ни в одной из западных стран. И Тольятти без колебаний признает, что «часть ответственности ложится также на авангард рабочего класса и демократических сил, который не осознал этой проблемы и не предпринял шагов к ее разрешению»¹³.

Сходным образом данный вопрос трактуется и в его докладе на X съезде ИКП в декабре 1962 года. Отмечаются аргументы в пользу экономического программирования, в том числе и исходящие от других партий; в порядок дня ставится задача борьбы с крупными монополистическими группами: «Эту обновительную работу нельзя осуществить иначе, как путем вмешательства государства и под его руководством». Однако необходимо задаться вопросом: «Какое государство будет разрабатывать и осуществлять экономический план? Демократическое государство, которое ставит перед собой цель уважать и развивать демократию, или же консервативное и корпоративное государство, которое продолжает действовать в интересах привилегированных экономических групп и крупного монополистического капитала?» Поставив эти вопросы, Тольятти сразу переходит к изложению реформаторского ответа.

Реформы в соответствии с нормами конституции должны затронуть прежде всего государство, а это значит, что необходимо принять практические меры к учреждению областного самоуправления, расширению прав муниципальных органов, усилению функций парламента в области принятия решений и контроля над их исполнением.

«Демократическое экономическое развитие и политическая демократия, таким образом, совпадают с подробно разработанной системой исследований, обсуждений, исполнения и контроля. Это новая система политической жизни...»¹⁴ Бес-

¹³ *P. Togliatti. Ob torto collo, cit. p. 40—41.* Эта тема развивается также в его докладе на X съезде ИКП.

¹⁴ *П. Тольятти. Избранные статьи и речи. Т. II, с. 800—801, 803.*

спорно, перед нами новый подход к проблеме, продиктованный потребностями управления сложной экономикой в том виде, как они анализируются сегодня исследователями. Тольятти знает, однако, что на этом пути неизбежна встреча с традиционным вопросом о классовой природе государства. Это правда, признает он, что национализация не изменяет этой природы: сама конституция в этом смысле несет отпечаток классовой ограниченности. Все это, однако, абстрактные истины. Необходимо конкретно установить, способны ли трудящиеся классы, ведя борьбу на демократической основе и осуществляя предусмотренные конституцией реформы, изменить нынешний правящий блок и создать вместо него другой, частью которого были бы они сами. С этой целью необходимо, чтобы рабочий класс нашел «в развитом капиталистическом обществе ту массовую силу, которая складывается в результате соглашений, сотрудничества и союза с не-пролетарскими слоями населения, какими в других странах были огромные недифференцированные массы бедных и безземельных крестьян». Это возможно, ибо «в условиях нынешнего развития капитализма экономическое и социальное расслоение общества таково, что если есть намерение разрешить жизненно важные актуальные вопросы, то оно не только допускает, но даже требует выступлений всех трудящихся против руководящих кругов монополистической буржуазии»¹⁵.

Упоминание о новой экономической и социальной стратификации носит совершенно недвусмысленный характер. Эта тема вновь затрагивается в тезисах, утвержденных X съездом ИКП в связи с задачей расширения союзов рабочего класса и, более того, в предвидении построения социалистического общества, «в котором участвовали бы социальные слои, отличные и далекие от пролетариата и бедного крестьянства». Этим представителям производительных сил из среднего слоя, а также инженерно-техническим работникам и интеллигенции принадлежит при социализме позитивная роль. Политическим следствием образования такой, не исключительно пролетарской коалиции должна стать множественность политических партий¹⁶. Необходимость и возможность изменения и замены у кормила власти блока господствующих сил выступает, следовательно, в качестве стратегически ключевого элемента перспективы нового пути к социализму. Противоречия монополистической системы, хотя они бегло лишь отмечены, образуют основу новой стратификации и расстановки классов. И пусть в анализе Тольятти

¹⁵ Там же, с. 809.

¹⁶ X Congresso del partito comunista italiano. Atti e risoluzioni. Roma, 1963, p. 666—667.

не разобрана до конца возникшая в условиях капитализма необходимость систематического вмешательства государства в экономику, однако в нем фактически преодолены какие бы то ни было «односторонние теоретические позиции, содержащие тенденцию усматривать в государственно-монополистическом капитализме просто-напросто подчинение государственного аппарата капиталистическим монополиям»¹⁷ Демократическое использование происходящих процессов возможно: на этом основывается обновленная стратегия социалистического преобразования.

2. Дискуссия о новых тенденциях капитализма

Исследовательская работа по вопросу о масштабах и последствиях новых тенденций капитализма уже была проведена левыми силами в Италии впервые перед тем, как образовалось правительство с участием ИСП, ставившее своей целью превратить экономическое программирование в орудие обновления хозяйственного развития Италии. Эти проблемы подверглись особенно внимательному рассмотрению на конференции, проведенной Институтом Грамши в марте 1962 года. Для объяснения высоких темпов развития производства, достигнутых в капиталистических странах, во вступительном докладе приводился целый перечень разнообразных причин: широкие возможности накопления, свойственные монополистической экономике, расширение рынков, техническое развитие, растущее вмешательство государства в экономический процесс. Это вмешательство «поддерживает норму прибыли для господствующих капиталистических предприятий, воздействуя на издержки производства (посредством премий и субсидий), определяя уровень гарантированных цен, обеспечивая государственный спрос (государственные заказы и закупки, экспортные субсидии), непосредственно регулируя с помощью финансово-кредитных маневров соотношение между прибылями и зарплатой, прибылями и банковским процентом (в соответствии с хорошо известными кейнсианскими концепциями и техническими рецептами)»¹⁸. В целом перед нами довольно подробное описание, охватывающее как инвестиционный процесс, так и потребление.

Особое внимание в этом докладе было уделено «растущему значению» государственного капитализма и «новым чертам», приобретенным им в Италии «в качестве одного из основных компонентов современной экономической жизни», в

¹⁷ См.: *L. Barca. Il meccanismo unico. Roma, 1968, p. 33.*

¹⁸ *A. Pesenti, Vitello V. Tendenze attuali del capitalismo italiano. — In: Istituto Gramsci. Tendenze del capitalismo italiano. Atti del Convegno di Roma. 23—25 marzo, 1962. Roma, 1962, p. 22—23.*

частности, в сравнении со структурой других капиталистических стран. В других выступлениях на конференции также были предприняты серьезные усилия по выявлению новых аспектов современного капитализма. Налицо «объективная тенденция» — вытекающая из непрерывного процесса технологических преобразований, — «рассматривать перспективу накопления для отдельного капиталистического предприятия крупных размеров в рамках программируемых направлений сбыта, во все большей мере обуславливающих ориентацию массового потребления». Именно эта тенденция стимулирует дальнейшее и в новых формах развитие государственного капитализма как постоянного, а не экстраординарного орудия «стабилизации» процесса накопления крупных монополий¹⁹. Следует вместе с тем отбросить «всякое мифическое представление о государственном капитализме» как средстве, способном обеспечить преодоление кризиса системы. С другой стороны, не менее заслуживает критики и такая реакция на этот кризис, при которой национализация рассматривается как «идеологическая» цель, предвосхищение структуры социалистического типа: такая реакция приводит к впадению в «априорный этатизм». Необходимо точно установить взаимоотношения, связывающие воедино политику развития и преобразование структур, реформы и функционирование новых институтов рабочего и демократического контроля²⁰.

По существу анализ процесса накопления выявлял, таким образом, систематическую потребность в поддержании нормы прибыли. Почему возникает эта потребность — и притом она не укладывается в рамки классических объяснений, годившихся для капитализма свободной конкуренции, — и почему именно государство призвано удовлетворять ее? Безоговорочного ответа на эти вопросы не было дано. Вместе с тем проведенное исследование форм и способов государственного вмешательства и влияния монополистической экспансии на классовый состав общества оказалось плодотворным. Преобладало, хотя и не было единым, мнение о том, что новые, непролетарские слои также будут вовлечены в антимонополистическую борьбу и борьбу за социализм. В центре внимания участников дискуссии стоял вопрос об условиях формирования нового руководящего блока и использования стратегии реформ. На следующем симпозиуме в Институте Грамши, проведенном в 1965 году²¹, анализу под-

¹⁹ Доклад Б. Трентина в: *ibid.*, p. 102.

²⁰ *Ibid.*, p. 139.

²¹ A. A. Arzumanian, R. Barjonet, L. Basso, J. Bernard, M. Dobb, T. Timofeev, B. Trentin, V. Vitello. Tendenze del capitalismo europeo. Atti del Convegno di Roma organizzato dall'Istituto Gramsci 25—27 giugno, 1965, Roma, 1966.

верглись прежде всего общеевропейские аспекты новых тенденций капитализма и требования международного сотрудничества в борьбе за реформы и социализм, в частности, в связи с положением развивающихся стран и соревнованием между двумя системами. Советские экономисты, участвовавшие в симпозиуме, подчеркивали, что рассматривают образование «общего рынка» как «этап в развитии государственно-монополистического капитализма, приобретающего интернациональный характер»²². Одновременно Лелио Бассо предпринял важную попытку обосновать «борьбу за социализм, которая делала бы главный упор на внутренние противоречия капитализма»²³.

Социализм, утверждал Бассо, не может прийти извне; он представляет собой «конечный пункт процесса, происходящего внутри капитализма», является именно преодолением его противоречий, достигаемым путем отказа как от «социал-демократического приспособления к неокapитализму», так и от «мистического ожидания революционного кризиса» — путем использования, напротив, всех возможностей «антагонистического участия в жизни и развитии капиталистического общества». Главным орудием такого вмешательства служат структурные реформы, которые становятся возможными в связи с изменениями капитализма. «При посредстве этих изменений внутри капиталистического общества произошло существенное смещение границ между частным и общественным, и коллективность стала полноправным компонентом управления экономикой». Таким образом, решения, касающиеся хозяйственных вопросов, «во все большей мере оказываются подверженными коллективному контролю; при условии, естественно, что рабочий класс будет сознательно и активно вмешиваться в этот процесс и действительно бороться за этот контроль».

Такое накопление антикапиталистических элементов и последующие преобразования возможны еще до завоевания власти; в самом деле «сегодня больше чем когда бы то ни было власть заключена в структурах, в механизмах, обеспечивающих функционирование общества, а... следовательно, отношения власти изменяются в той мере, в какой в общественный уклад внедряются новые отношения, новые механизмы, новые организационные принципы». Это становится возможным особенно в странах «с такой сложной структурой, как структура развитого капитализма», где «власть все более обуславливается социальными механизмами и в некоторой степени включена в них и где преобразование государства осуществляется именно в направлении все большего его отождествления с общественными структурами, превращения

²² Ibid., p. 49.

²³ Цитируемый доклад Бассо см. там же.

его из просто надстроечной политической власти в центр организации всей общественной жизни».

Бассо не разъяснял, по каким причинам, по его мнению, произошло это «отождествление» между государством и обществом. Из этого нового отношения, принимаемого им за данность, он выводил возможность включения в самую власть — посредством непрерывной реформаторской инициативы — воли к революционному преобразованию. Речь, следовательно, идет уже не о власти, замкнутой в цитадели государства, но рассеянной, как сказал бы Грамши, в гражданском обществе и требующей для овладения ею нового типа завоевания. Такого рода анализ, как анализ Тольятти (правда отличающийся от анализа Бассо в некоторых аспектах), означал фундаментальную критику теории государства Ленина и его «маневренной» стратегии, стратегии фронтальной атаки. К стратегическому курсу на реформы более подходила грамшианская категория «позиционной войны».

3. Суизи: государственная власть и власть монополий

Что касается соотношения этих двух понятий — государства и монополий, — то в аналитическом плане марксистская мысль уже проделала немалую работу. Ее результаты идут не непосредственно от Маркса, хотя, впрочем, уже у Маркса имеются существенные указания на явления, которые широко обнаружат себя лишь после его смерти: развитие монополий, акционерных обществ, государственное вмешательство в экономику²⁴. Но это разрозненные и не систематизированные указания, а что касается вопроса, наиболее непосредственно интересующего нас в данном случае — вопроса о государстве, — то он затрагивается лишь мимоходом: возможно, из-за высокого уровня абстракции, на котором ведется исследование, или из-за незавершенности главного труда Маркса, или из-за того, что в его эпоху непосредственное вмешательство государства в экономику объективно было еще незначительным. Но этот дефект, если его можно так назвать, присущ и последователям Маркса: например, у Каутского и далее до Бухарина и более поздних авторов²⁵.

²⁴ В особенности, как известно, в главе 27 III тома «Капитала», хотя и не исключительно в этой главе.

²⁵ Ленин, как известно, придавал большое значение экономическому вмешательству государства во время войны, но в отличие от Бухарина приписывал этому фактору значительно меньшую важность при описании новых характерных черт империализма. См.: R. Zangheri. Lenin, lo Stato e la teoria dell'imperialismo. — "Rinascita", 27 marzo, 1970; L. Basso. La teoria dell'imperialismo in Lenin. — Annali dell'Istituto Giangiacomo Feltrinelli, XV, 1973, p. 721; A. Löwy. La teoria dell'imperialismo in Bucharin. — In: Ibid., 890. Напротив, весьма малый интерес к новым хозяйственным функциям государства при империализме раскрывается в работе: L. Meldolesi. La teoria economica di Lenin. Imperialismo e socialismo nel dibattito classico. Bari, 1981.

В разгар войны, в 1942 году, вышла книга Пола Суизи «Теория капиталистического развития» (правда, пик ее влияния и вызванных ею дискуссий приходится на послевоенное время). Государство в ней анализируется как инструмент экономического воздействия, особенно в связи с переходом от капитализма свободной конкуренции к монополиям; при этом проводится специальное исследование деятельности государства по преодолению так называемой хронической депрессии капитализма²⁶. По мысли Суизи, централизация капиталов и развитие монополий не смягчают, а усиливают анархию капиталистического производства. Отдельные промышленные монополистические предприятия стремятся следовать собственным курсом, не считаясь с требованиями системы в целом. «Тем самым диспропорции множатся и рынок лишается возможности оказать свое уравнивающее влияние. Государство вынуждено вмешиваться в попытке заменить своими мерами действие „закона спроса и предложения“». Неравномерное развитие разных отраслей производства, исчезновение предприятий, переставших приносить доход, банкротство и разорение многих капиталистов — все это были вещи известные и при капитализме свободной конкуренции. Но когда пришедшее в упадок предприятие принадлежит крупной монополистической группе, распространившей свое влияние на всю экономическую систему, тогда случаи неплатежеспособности и банкротства становятся куда более серьезными происшествиями. «Тогда необходимо, чтобы на помощь приходило государство: с субсидиями, займами из общественных фондов, а в некоторых случаях — даже путем превращения в государственную собственность предприятий, не приносящих более прибыли»²⁷.

Без прямого вмешательства государства — таково центральное положение в аргументации Суизи — противоречия процесса накопления становятся непереносимыми для системы. Государство, иначе говоря, не только продолжает обеспечивать существующие социальные отношения, подобно тому, как оно делало это на всех стадиях истории, но и прямо вмешивается в экономику ради поддержки тех предприятий или отраслей производства, крах которых может отразиться на всей системе. Во имя этой цели оно может «даже» сделаться собственником этих предприятий или отраслей — так действительно и произошло в Италии в 30-е годы²⁸. Подоб-

²⁶ P. M. Sweesy. La teoria dello sviluppo capitalistico. Torino, 1954 (первое американское издание, как уже было сказано, вышло в 1942 году), особенно части четвертая и третья.

²⁷ Ibid., p. 402—403.

²⁸ Наилучший анализ этих процессов содержится в: P. Grifone. Il capitale finanziario in Italia. Torino, 1945 (написанная в 1940 году, эта книга была переиздана в 1971 году с предисловием В. Фoa). Из литературы последующих лет см.: M. V. Posner, S. J. Woolf. L'impresa pubblica

ные мероприятия, отмечает Суизи, могут выглядеть «социалистическими», однако, в точности, как предвидел Ленин, социализации «почти неизбежно подвергаются лишь потери соответствующих групп капиталистов»²⁹.

Начиная с последней четверти прошлого столетия курс экономической политики повсюду в капиталистическом мире полностью изменился. Причины, в том виде как они изложены Суизи, были таковы: «1) возвышение новых стран, особенно Германии и Соединенных Штатов, выдвинувшихся на такие позиции, которые позволяли им противостоять английскому промышленному превосходству; 2) возникновение монополистического капитализма; 3) созревание противоречий процесса накопления в наиболее развитых капиталистических государствах»³⁰.

В согласии с Лениным Суизи подчеркивает в особенности, что монополия испытывает тягу к экспорту капиталов — как в форме заграничных капиталовложений отдельных капиталистов, так и в форме создания и расширения гарантированных рынков, что в свою очередь влечет за собой контроль и политическое господство со стороны того государства, чьими гражданами являются данные монополисты. Эти потребности и порождаемое ими международное соперничество приводят к замене свободной торговли и ограниченного протекционизма безграничным протекционизмом и агрессивностью, направленными на захват источников сырья и обеспечение экспортируемому капиталу выгодных сфер помещения. В фазе империализма государство приобретает новые функции также — и в особенности — в связи с возлагаемыми на него военными обязательствами. Но поскольку военные расходы с экономической точки зрения представляют собой расходы на потребление, то они служат противодействием заложенной в системе тенденции к недопотреблению. Наконец, используя рабочую силу и средства производства, для которых иначе не нашлось бы спроса, милитаризм открывает более широкие возможности для выгодного помещения капитала³¹.

По сравнению с марксистской традицией здесь ставятся новые темы. Кое в чем, правда, ощущается влияние Розы Люксембург, а что касается непосредственного стимула, то он заимствован у Кейнса, хотя Суизи и старается преодолеть

nell'esperienza italiana. Torino, 1967; G. Mori. Il capitalismo industriale in Italia. Roma, 1977, p. 219 sgg; F. De Felice, G. Marramao, M. Tronti, L. Villari. Stato e capitalismo negli anni trenta. Roma, 1979; V. Zamagni. Lo Stato italiano e l'economia. Storia dell'intervento pubblico dall'unificazione ai giorni nostri. Firenze, 1981.

²⁹ P. M. Sweezy. Op. cit., p. 403.

³⁰ Ibid., p. 379.

³¹ Ibid., p. 382, 388, 392.

кейнсианский конъюнктурный подход. Особое внимание Суизи уделяет функции государства в связи с «хронической депрессией» капитализма. Даже признавая, что данное явление представляет собой «лишь одну из проблем капитализма, требующих государственного вмешательства», и что его разбор в отрыве от всего остального привел бы к ложным выводам, Суизи трактует его как некую органическую цельность и в рамках собственно теоретической проблематики своей книги. Ссылаясь на Каутского, он отмечает, что кризисы становятся все более серьезными, причем этот процесс приводит в конечном счете — если только не произойдет победоносной социалистической революции — к периоду «хронической депрессии» капитализма³². При этом автор задается вопросом, что же позволило капитализму осуществить на протяжении своей истории столь энергичную экспансию, несмотря на имманентную ему тенденцию к недопотреблению³³, и отвечает, что причиной стало действие сил, достаточно могущественных, чтобы противодействовать ей. Если эти силы станут относительно более слабыми, тенденция к недопотреблению будет проявляться все сильнее и предсказание Каутского получит подтверждение.

Действительно, некоторые силы, противостоящие тенденции к недопотреблению, действуют, по Суизи, с «убывающей мощностью». Имеются, однако, другие, возрастающие силы: непроизводительное потребление (которое в наши дни уже не ограничивается потреблением земельной аристократии эпохи классических экономистов) и государственные расходы, которые из-за колоссального роста их объема и разнообразия не могут уже рассматриваться просто в качестве категории непроизводительного потребления и требуют отдельного анализа.

Суизи различает три категории государственных расходов. Затраты капитала с целью производства товаров и услуг, будучи осуществлены в условиях нормальной рентабельности, не влияют на тенденцию к недопотреблению, ибо государственное накопление в данном случае заменяет частное накопление и произведенная прибавочная стоимость продолжает превосходить возможности ее поглощения. Однако, как мы увидим, такая гипотеза необоснованна, ибо государство вторгается чаще всего в те отрасли и производства, которые,

³² Ibid., p. 279—280. Позиция Каутского в данном случае выводится из его рецензии 1902 года на книги Туган-Барановского.

³³ Об ограниченности проделанного Суизи анализа механизма капиталистического кризиса см. вступительную статью К. Наполеони к новому изданию «Теории капиталистического развития» (см.: *P. M. Sweezy. Teoria dello sviluppo capitalistico*. Torino, 1970, p. XXII sgg.; (в этом издании отсутствует часть IV), а также уничтожающую критику в: *T. Kemp. Paul M. Sweezy e la teoria dello sviluppo capitalistico*. — In: «Annali Feltrinelli», p. 1475—1490.

как признает сам Суизи, приходят в упадок и где уровень прибавочной стоимости низок или вообще близок к нулю. Государственные расходы, возросшие в результате выплат по социальному страхованию, обеспечению, вспомоществованиям, а также благодаря перераспределительной налоговой политике, приводят к увеличению потребления и образуют, таким образом, препятствие на пути тенденции к недопотреблению. Государственное потребление как в виде текущих управленческих расходов и расходов на общественные работы, не приносящие дохода, так и в виде военных расходов влечет за собой «необратимое изъятие стоимости из процесса воспроизводства», подобно тому как это происходит при частном потреблении капиталистов и трудящихся. Именно государственное потребление «в растущей мере обусловило рост потребления в целом».

Эти силы, противодействующие тенденции капитализма к недопотреблению, возросли и могут возрасти тем больше, чем более государство прибегает для финансирования своих расходов уже не только к налогодобложению, но и непосредственно к выпуску денег либо банковским займам, создавая тем самым дополнительную покупательную способность и дополнительное потребление. Ныне имеется возможность использования «специально разработанных политических директив государства, направленных на получение определенного эффекта в функционировании экономики, то есть на противодействие тенденции к недопотреблению». Именно об этом и говорится в рекомендациях современных экономистов; «вполне оправданна также интерпретация с этой точки зрения многого из того, что капиталистические правительства предприняли на протяжении последних 10 лет» (это писалось, напомним, в 1942 году)³⁴.

Так анализ подводит к теме либеральной реформы, цель которой состояла бы в том, чтобы сократить накопление (то есть самовозрастание капитала) и увеличить потребление всего общества в целом, для того чтобы избежать усиления противоречия между накоплением и потреблением, являющегося критическим моментом капиталистического развития. Но капиталисты стихийно воспротивятся подобной программе до тех пор, пока сохранится хоть какая-то возможность империалистической экспансии. С другой стороны, невероятно, чтобы это была программа пусть даже постепенного устранения противоречий: могущество капитала так или иначе помешает ей осуществиться и в конечном счете ей пришлось бы приспособливаться к этому могуществу. «Господство капитала оставалось бы по сути в полной безопасности, если бы угрозой ему была лишь реформа, как либеральная, так и

³⁴ P. M. Sweezy. Op. cit., p. 282—292.

социалистическая». Единственный подлинный враг капитализма есть сам капитализм: именно внутренние конфликты приведут его к распаду и будут способствовать переходу к социализму в насильственных формах (что произойдет на следующей фазе укрепления — в том числе и мирным путем — социалистической системы)³⁵. Из насыщенного мыслью новаторского анализа Суизи не делает никаких выводов в форме указаний на необходимость поиска новых путей перехода к социализму. Он не раскрывает — а может быть, в американской действительности ему и не дано было раскрыть — никаких изменений в социальной стратификации и характере государства; изменений, оправдывающих отличный от традиционного подход к проблемам союзов и власти. Теория в некоторых своих разделах обновляется, стратегия остается прежней.

В ходе последующего развития идей Суизи и его сотрудников тезис о невозможности следования путем социалистических преобразований в странах монополистического капитализма приобретает форму и обоснованность теоретического положения. Рабочий класс в этих странах полностью интегрирован: освободительный импульс может прийти лишь из «мировой деревни» («третий мир») и от слоев маргиналов, вытолкнутых на обочину общества в метрополиях³⁶. В более

³⁵ Ibid., p. 441—444. В другом месте он утверждает, что ни один из его выводов относительно экономического вмешательства государства не подтверждает «ревизионистской идеи о социализме, которого можно достичь с помощью ряда частичных реформ». Цитировать главу «Капитала» о рабочем дне, «как зачастую делают ревизионисты, в поддержку теории частичных и постепенных реформ — значит расписываться в непонимании всей Марксовой теоретической системы» (ibid., p. 319).

³⁶ Критике тезиса об интеграции рабочего класса в 60-е годы было посвящено много работ. Но на этих страницах внимание сосредоточено на исследовании позитивных аспектов поиска путей перехода к социализму на Западе. Поэтому в позициях сторонников указанного тезиса следует обратить внимание скорее на те моменты, которые выявляют выдвижение на авансцену новых участников социального действия. См., например, подчеркивание роли «расовых и национальных меньшинств, безработных и хронических бедняков — людей, которые фактически представляют собой живое отрицание системы», в известном докладе Г. Маркузе на семинаре в Корнелле в 1964 году. Однако, признает Маркузе, «ни с точки зрения развития сознания, ни с точки зрения организации эти группы еще не достигли той ступени, когда бы их можно было рассматривать как субъектов социалистических тенденций». Более существенной представляется революционная роль интеллигенции и студенчества, как в самих США, так и в некоторых национально-освободительных движениях. См.: H. Marcuse. Le prospettive del socialismo nella società ad alto sviluppo industriale. — “Problemi del socialismo”, 1965, № 1, p. 6—20. См. также некоторые критические замечания и гипотезы иного рода в докладе, сделанном там же С. Малле (S. Mallet. La nuova classe operaia e il socialismo. — “Problemi del socialismo”, 1965, p. 21—46), где, в частности, подчеркивается противоречивое отношение — сотрудничества и враждебности — между новой государственной технократией и частным капиталом. Более подробно эти темы разработаны С. Малле в: S. Mallet. La nuova classe operaia. Torino, 1967.

поздних работах, и особенно настойчиво в «Монополистическом капитале»³⁷ Бэран и Суизи пытаются выстроить соответствующую своему тезису концептуальную конструкцию, пользуясь особенно категорией *surplus* (излишков), разработанной ранее Бэраном, с помощью которой они стремятся показать гигантский и отчасти неиспользуемый потенциал американской экономики, образовавшийся в ней с переходом от свободной конкуренции к монополиям. Именно на государство в значительной мере ложится задача найти способ «реализации» этих излишков. В иных формах здесь выступает на первый план противоречие капитализма, приобретающее в монополистической фазе неслыханную остроту: развитие производственного потенциала превосходит способность системы к поглощению произведенного. Если бы не вмешательство государства, экономика впала бы в состояние перманентного паралича. Было отмечено вместе с тем, что при следовании избранной Бэраном и Суизи логике анализа возникают трудности «установления связей необходимости... соединяющих рост власти монополий и развитие государственных расходов»³⁸, причем речь идет о тех же трудностях, с которыми мы встречались и еще встретимся у других авторов. Однако взаимодействие было выявлено со всей очевидностью. И при всех изъянах этого исследования³⁹ сохра-

³⁷ P. A. Baran, P. M. Sweezy. *Il capitale monopolistico. Saggio sulla struttura economica e sociale americana*. Torino, 1968. В этой книге, как известно, подчеркивается, в частности, тот факт, что увеличение государственных расходов в Соединенных Штатах обусловлено в значительной мере военными расходами, в то время как гражданские расходы натапливаются на предел в виде классовой структуры общества. См. также: P. M. Sweezy. *Teorie del nuovo capitalismo*, 1959 (ora in: "Il capitalismo moderno" Napoli, 1975, p. 80—94). В этой работе утверждается, что расточительство средств, особенно обусловленное деятельностью государства, представляет собой фактор, нейтрализующий депрессивные тенденции капиталистической экономики: «С количественной точки зрения единственная подлинно новая черта капитализма после второй мировой войны заключается в огромном увеличении военных расходов». О «Монополистическом капитале» см.: G. Mori. *Un contributo alla teoria del capitale monopolistico*. — "Critica marxista", 1967, № 6, p. 74—84, а также выступления на симпозиуме, организованном журналом «Сайенс энд сосайети» ("Science and Society", p. 85—121), *Sul capitale monopolistico* (a cura di F. Botta). Bari, 1971.

³⁸ M. Salvati. *Il capitalismo dei monopoli*. — "Classe e Stato", 1968, № 5 (ora in: "Sul capitale monopolistico", p. 210—211).

³⁹ Особенно отмеченного многими отсутствия в нем какого бы то ни было анализа трудового процесса. Но см., кроме этого: V. M. Bader, H. Gaussmann, W. Goldsmith, B. Hoffmann. *Sulla teoria del "Capitale monopolistico"*. — "Das Argument", 1969, № 51 (ora in: "Sul capitale monopolistico", p. 222—225), где отмечается умолчание Бэраном и Суизи проблем, связанных с мелкими предприятиями и вообще немонополистическим сектором экономики, что приводит авторов к искаженному представлению о формировании монополистических сверхприбылей. По Марксу, они образуются не в результате увеличения массы прибавочной стоимости, а из прибыли немонополистических секторов. Оставляя в стороне

няют свое значение, содержащиеся в нем указания на такие явления, как распространение при монополистическом капитализме излишнего и непроизводительного труда, выпуск лавины ненужных товаров, обострение проблемы безработицы и расовой проблемы, ухудшение качества жизни, империалистическая агрессивность. Все эти явления сделались ныне неустранимыми компонентами капиталистического общества США, так что их разбором и обличением занимаются даже такие ученые либеральной ориентации, как Дж. Гэлбрейт ⁴⁰.

4. «Изменился ли капитализм?»

К концу 50-х годов в повестке дня международной научной дискуссии главным был вопрос: «Изменился ли капитализм?» Одной из работ, вызвавших тогда наиболее обширный и насыщенный живой мыслью поток комментариев, было исследование Сигэто Цуру ⁴¹. Японский экономист берет за отправной рубеж картину экономики США как воплощающей в себе основные характеристики капитализма и признает, что имеются по меньшей мере три обстоятельства, позволяющие говорить о «новой стадии капитализма» или, во всяком случае, дающие если не доказательства, то доводы тем, кто ищет причины 20-летнего процветания в США (с

сделанные авторами выводы, по которым, поскольку растущие прибыли монополий образуются за счет прибылей немонополистических секторов, они не могут служить ни прямым объяснением тенденции к росту surplus, ни достаточно веским основанием для отказа от закона о тенденции нормы прибыли к понижению, следует отметить другое важное следствие, вытекающее из отношений, устанавливающихся между монополистическим и немонополистическим секторами и создающее элементы глубокого конфликта между ними. См., в частности, работу: *Nakamura Masanori. La transizione al capitalismo monopolistico di Stato.* — In: *F. Mazzei. Il capitalismo giapponese. Gli stadi di sviluppo.* Napoli, 1979, p. 242, где анализируется конфликт между мелкими и средними предприятиями и монополистическими фирмами в условиях японского капитализма. При этом возникает вопрос о том, не является ли одной из специфических задач государственного вмешательства в экономику именно поддержание разных уровней прибыли (что отчасти объясняется и собственной силой монополий). См.: *M. Heininger, P. Hess. Die Aktualität der Leninischen Imperialismuskritik.* Frankfurt am Main, 1970, S. 34.

⁴⁰ Более обширный обзор см. в: *L. Costabile. La teoria del capitalismo moderno.* Hobson, Schumpeter, Baran, Sweezy, Galbraith. Torino, 1978. Фактические данные содержатся в: *A. Shonfield. Il capitalismo moderno. Mutamenti nei rapporti tra potere pubblico e privato.* Milano, 1967; *M. Kidron. Il capitalismo occidentale nel dopoguerra.* Bari, 1969.

⁴¹ Выступления и комментарии по поводу работы Цуру за 1957 — 1960 годы были собраны и опубликованы вместе с текстом самой работы в Токио в 1961 году. Годом позже этот сборник (название в оригинале «Has capitalism changed?») вышел в переводе на итальянский: *Tsuru, Strachey, Sweezy, Bettelheim, Kronrod, Dobb, Baran, Galbraith. Dove va il capitalismo?* (a cura di Shigeto Tsuru. Milano, 1962). Очерк Цуру напечатан на с. 11—66 итальянского издания.

конца 30-х до конца 50-х годов) и «вообще склоняется к положительной оценке будущего капитализма». Эти обстоятельства классифицируются следующим образом: масштаб технологических нововведений, эволюция экономической политики, конституированные изменения в экономике. На самом деле при внимательном анализе оказывается, что главным необходимым условием для функционирования американского капитализма является увеличение государственных закупок, позволяющее правительству оказывать влияние на деловую активность со стороны платежеспособного спроса. К этому добавляются ассигнования на общественные работы. Но решающие 10 процентов представлены государственными расходами на оборону, образующими сумму, превосходящую как затраты на новое строительство, так и вновь образующийся валовый частный капитал. Если эти 10 процентов являются элементом, необходимым экономике США для поддержания спроса и обеспечения дальнейшего процветания, то увеличение этой суммы в абсолютных величинах — с учетом прогнозируемого увеличения валового национального продукта — предполагает в последующие годы расходы, которых не сможет вынести национальная экономика. Если предположить, что вследствие ослабления напряженности времен «холодной войны» и улучшения международной обстановки указанные расходы можно будет сократить, допустим, на 30 миллиардов долларов, то эквивалент этой суммы все равно должен быть использован на ненужные расходы, то есть на приобретение товаров, которые «в действительности не участвуют в процессе воспроизводства» и не конкурируют с товарами, предлагаемыми рынку частным капиталом. «Тот факт, что процветание американской экономики, — пишет Цуру, — поддерживается бесполезными расходами, имеет куда более глубокое значение, чем то, что можно вывести из непосредственной отсылки к военным расходам».

В Соединенных Штатах действует тенденция к рационализации и институционализации «расточительства» с целью поддержания экономического процветания. Но как бы ни возрастало в будущем это растрачивание средств, оно не сможет уравновесить предполагаемое сокращение военных расходов, а следовательно, не останется ничего другого, как «приспосабливаться к прекращению экономической экспансии» либо «позволить правительству осуществить программу производительных расходов в широком масштабе», что, однако, приведет к прямому конфликту с интересами частного капитала и повлечет за собой осуществление фундаментальных изменений в капиталистической системе. Вопрос, таким образом, заключается не в том, изменился ли капитализм, а в том, может ли он измениться.

Цуру прямо подступает к этой проблеме, отталкиваясь от констатации того факта, что «ни одно из существующих социалистических обществ не прошло развития, вырастающего из эволюции противоречий *зрелого* капитализма»: речь идет поэтому о том, чтобы «решить, может ли и каким образом капиталистическая страна, такая, как Соединенные Штаты, Великобритания или Япония, преодолеть присущие капитализму противоречия». Проблема эта не может быть разрешена путем импровизаций; «ее природа требует каждодневного продуманного стратегического планирования, выискивания даже самых малых трещин в виде социальных вопросов, в которые можно было бы вбить клин соответствующих социальных реформ, определения характера сопротивления, которое может встретиться на этом пути, и выработки мер, позволяющих преодолеть его». Поскольку ставится проблема перехода от капитализма к социализму, Цуру, отдавая дань реализму, покидает американскую сцену. В других капиталистических странах некоторые черты системы — от «институционализации расточительства» до характера государства, степени влияния профсоюзов и т. д. — выглядят иначе, чем в США. Иной является степень сопротивления класса капиталистов вторжению в пределы их собственного «поля игры». И главное, чрезвычайно резко варьируется от страны к стране сила политической партии рабочего класса, что «оказывает колоссальное влияние на успех либо поражение каждой конкретной попытки такого вмешательства».

Стратегия, в пользу которой высказывается Цуру, не требует немедленного и полного перехода собственности на средства производства из частных рук в общественное владение. Речь идет скорее об изменении формы произведенных *surplus*. Эти «излишки», выступающие как непрерывный «поток», следует постепенно превратить из капиталистической прибыли в фонд, подлежащий общественному контролю. Чем более обостряются противоречия капитализма и разрастается конфликт между национальными интересами и интересами частного капитала, тем скорее класс трудящихся будет иметь возможность обеспечить успех преобразования.

В дискуссии, последовавшей за выходом работы Сигето Цуру, выступил в числе прочих Дж. Стрэчи⁴². Он поддержал тезис об осуществлении программы некапиталистических, «а в крайнем случае и антикапиталистических» реформ, главным образом с помощью рациональной политики капиталовложений в новые средства производства. Подобная цель может быть достигнута только путем использования власти государства ради удовлетворения интересов реформаторских сил, подобно тому как это было при проведении рузвель-

⁴² Ibid., p. 67—79.

товского «нового курса» и политики лейбористского правительства в 1945—1951 годах⁴³. Суизи возражал, что ни государство, ни демократия не могут сделать из капитализма то, чем он не является, и что союз между трудящимися и «дальновидными представителями класса капиталистов», составлявший политическую суть «нового курса», бесспорно был выгоден трудящимся; однако для того, чтобы в Соединенных Штатах была обеспечена полная занятость, оказалась необходимой мировая война, а относительно позитивное развитие экономики после 1945 года следует приписывать не демократии, или заботе государства о всеобщем благосостоянии, или давлению трудящихся классов: дело здесь в «буме старого типа, вызванном спросом на инвестиционные товары и новым строительством, да вдобавок военным бюджетом таких масштабов, какие даже не снились никому раньше в мирное время»⁴⁴. В соответствии со своим складом мышления Суизи усматривает единственную перспективу, ожидающую капитализм, в наступлении эпохи «хронической депрессии». Что же касается стратегического замысла Цуру социализировать поток «излишков», а не запасы основных средств производства, то, не отвергая его целиком, Суизи полагает, что социалистическая партия, которой удалось бы завоевать власть на выборах, должна была бы как можно быстрее добиться передачи в общественную собственность «командных высот» экономики, то есть основных средств производства.

Беттельхем со своей стороны отрицает способность капиталистического государства помешать функционированию экономических законов капитализма⁴⁵. Государство — это не организм, стоящий над классами, и это подтверждается, в частности, его неспособностью справиться с экономическим кризисом путем предоставления возможности увеличения потребления населения. Думать о постепенном переходе от капитализма к социализму — значит предаваться реакционной утопии: в самом деле, тем самым совершалась бы попытка упрочения способа производства, который утратил какие бы то ни было черты прогрессивности. Кронрод подчеркивает структурные изменения, происшедшие в капиталистической экономике: международные (успехи соперничающей социалистической системы, распад колониальной системы) и внутренние (концентрация капитала, милитаризация)⁴⁶. Государственно-монополистические формы получают распространение как следствие того, что общественный характер производст-

⁴³ Более подробно эти позиции изложены в книге: *J. Strachey. Il capitalismo contemporaneo*. Milano, 1957.

⁴⁴ "Dove va il capitalismo?", p. 81—88.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 89—101.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 103—113.

ва достиг чрезвычайно высокого уровня. Но это не поможет капитализму избежать взрыва мирового циклического кризиса перепроизводства. Добб и Бэран ссылаются на новые функции государства, но один — для того, чтобы выявить их антициклический характер, особенно на рынке средств производства, другой же — чтобы раскрыть заключенную в них возможность, используемую лишь частично, поглощения *surplus* (которые, по его уже известному мнению, активно растут)⁴⁷. Гэлбрейт излагает теорию уравнивающих властей, препятствующих тому, чтобы государство подпало под решающее влияние центров частного бизнеса⁴⁸.

В своем ответе на все эти комментарии Цуру уделяет первостепенное значение «ключевому пункту», то есть интерпретации вопроса о функции государства⁴⁹. Конкретно он ссылается на условия Англии и Японии. Партия, основывающаяся на подлинно социалистической программе и ведущая

⁴⁷ Ibid., p. 115—121, 123—137. Уже в своей работе «Очерки развития капитализма» (*“Studies in the Development of Capitalism”*), вышедшей в 1946 году, Добб указывал на избыточные производственные мощности и недостаточность спроса, проявившиеся в межвоенный период и после войны, как на причину одновременно капиталистических кризисов и прогрессирующего государственного вмешательства в экономику, а также — и в особенности — роста ассигнований на вооружение. Под термином «государственный капитализм» Добб понимает явления иного рода: «Общий для всех капиталистических стран аспект заключается в сосуществовании капиталистической собственности и капиталистического управления производством с разветвленной системой контроля над экономической деятельностью, осуществляемого государством и не совпадающего по целям с целями отдельного предприятия. Система может также включать в себя — но это не обязательно — производство определенной доли национального продукта непосредственно силами государства» (*M. Dobb. Problemi di storia del capitalismo. Roma, 1980, p. 312; а также p. 400, 406 sgg.*). Но см. также доклад Добба на симпозиуме о тенденциях европейского капитализма (*“Tendenze del capitalismo europeo”*, p. 24—26), где он отвергает в качестве узкого и механистического советский тезис о «подчинении» государственного аппарата капиталистическим монополиям. Напротив, может иметь место позитивная и отчасти самостоятельная деятельность государства: это зависит от относительного влияния классовых сил и политических действий рабочего класса и народных масс. В то же время Добб критикует неофабианское утверждение, будто государство превратилось в «промежуточную независимую власть» и уже обеспечило преодоление капитализма (см.: *Cambiamenti nel capitalismo dopo la seconda guerra mondiale. — “Marxism Today”, Dic. 1977; Teoria a economia e socialismo. Roma, 1960, p. 377*). См., кроме того, его выступление, опубликованное в журнале «Критика марксиста» (*“Critica marxista”*, 1967, № 6, p. 98), где критике подвергаются теории ожидания застоя — «позиция, которая уже не раз приводила к серьезным отрицательным последствиям для европейских левых сил», между тем как ситуация, пишет Добб, по-видимому, требует «внимания к тому новому, что выдвигает наше время (например, тенденции капитализма к кризисам инфляционистского типа и различным формам государственного капитализма), как основе для выработки новой тактики и стратегии рабочего и социалистического движения, предполагающих также новые союзы рабочего класса».

⁴⁸ Ibid., p. 138—151.

⁴⁹ Ibid., p. 153—169.

борьбу за власть, сталкивается с двумя трудностями: начальной, заключающейся в завоевании большинства в законодательном собрании, и последующей, состоящей в необходимости преодоления сопротивления и саботажа класса капиталистов. Если эта социалистическая партия сумеет при поддержке масс сохранить власть и вынудить противника отказаться от подрывных действий, то она, несмотря на «вероятное временное расстройство экономики», окажется в состоянии преобразовать «основы способа производства». В этом благоприятном случае «государство неизбежно носит переходный характер, промежуточный между капиталистическим и социалистическим государством». Решающим, иначе говоря, является соотношение сил: классовый характер государства в отличие от того, что думает Беттельхейм, определяется на поле боя. Парадоксально, однако, что в своей разработке Цуру не предпринимает усилий по углублению анализа классовых противоречий в новой фазе капитализма и не исследует вопроса о союзах, необходимых рабочему классу. Объясняется это, по-видимому, не столько теоретическим характером его работы, сколько тем, что автор в ней многократно уклоняется в сторону примеров из практики. Между тем составной частью теории капитализма является выявление антагонистических по отношению к нему сил.

5. Государственное финансирование капиталистического производства

В ходе работы международной конференции в Шуази-ле-Руа в 1966 году были достигнуты значительные результаты в теоретической разработке некоторых вопросов вмешательства государства в капиталистическую экономику⁵⁰. Во вступительном докладе Боккара подверг критике взгляды, бытовавшие в международном рабочем движении до 1960 года⁵¹, особенно взгляды Варги, который еще в 1934 году признавал развитие государственно-капиталистических тенденций, но не предвидел, что война сможет усилить эти тенденции, позволив тем самым буржуазии временно преодолеть свой кризис, и, главное, не улавливал, что объективные процессы государственно-монополистического капитализма предоставляют новое оружие для борьбы пролетариата. По словам Боккара, марксистская литература и в послевоенное время страдала недооценкой степени преобразования экономической структуры: на взгляд Сталина, новшества сводились просто-

⁵⁰ Эта конференция, организованная ФКП и журналом «Экономиэ политик», проходила с 26 по 29 мая 1966 года. Доклады и выступления были опубликованы в двух номерах этого журнала под заглавием: "Le capitalisme monopoliste d'Etat"

⁵¹ Ibid., I, p. 5—22.

напросто к «подчинению государственного аппарата монополиям». В 1955 году советский учебник политической экономики снова повторял, что государственно-монополистический капитализм «заключается в подчинении аппарата государства капиталистическим монополиям»; да и в более поздних определениях государственный капитализм рассматривается как своего рода привилегированный инструмент монополий, затрагивающий лишь особые аспекты экономической жизни. В 1960 году совещание 81 коммунистической и рабочей партии вырабатывает новую формулу, резко порывающую с предыдущими: «государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм для спасения капиталистического строя, для максимального увеличения прибылей империалистической буржуазии посредством эксплуатации рабочего класса и ограбления широких слоев населения». В этом определении делается упор на развитие новых процессов в масштабах всего капиталистического общества⁵²: речь идет о том, что в условиях стадии империализма складывается новая, более высокая фаза, в которой центральную роль играет государство. Эти новые процессы, заявляет Боккарá, дают новое оружие капитализму, но также — демократическому и революционному движениям, которые, реально приобретая контроль над государством, могут решающим образом использовать его против монополий и проложить путь периоду непосредственного и мирного революционного перехода к социализму.

Новые отношения между государством и монополиями, собственно говоря, не могут быть названы слиянием. Этот термин затушевывал бы диалектику процесса и мог бы привести к умозаключению об исчезновении двух ранее существовавших компонентов, между тем как частные монополии, например, разумеется, никуда не исчезли (Боккарá, однако, ничего не говорит о тех преобразованиях, которые претерпело государство). Государственно-монополистический капитализм соединяет экономическую деятельность монополий и капиталистического государства (деятельность, а не структуры) в некую органическую целостность, которая существует в соответствии с собственными способами функционирования. Внутри этого организма действуют узы связи, но одновременно также противоречия и конфликты.

Если монополистический капитализм образует органическую целостность, то более чем когда-либо очевидной становится недостаточность любого чисто описательного подхода и, напротив, на первый план выступает необходимость раскрытия существа явлений и их движения. Внимания при этом в особенности заслуживают, по-видимому, два вопроса: эво-

⁵² Однако выражение «единый механизм» уже применялось Лениным в 1917 году.

люция производительных сил, вплоть до нынешней научно-технической революции, и — в непосредственной связи с нею — модификация классов и социальных слоев. Происходит распространение сферы использования наемного труда, особенно в связи с расширением сектора услуг, и осуществляемое государством ограбление всех слоев трудового населения с тем последствием, что поляризация общества на монополистическую олигархию и подавляющее большинство населения тяготеет к своему максимуму.

Такой социоэкономический подход необходим, но он не отражает уровня основных противоречий капиталистической системы производства. Анализ этих последних Боккарá посвящает специальное теоретическое изыскание. Следует, однако, сказать, что само «социоэкономическое» исследование ведется им, судя по всему, недостаточно глубоко, в результате чего такие понятия, как «подавляющее большинство населения», которые могли бы сыграть решающую роль при выработке антимонополистической стратегии, выглядят недостаточно определенными; более того, они скорее называются, чем действительно выводятся из анализа общества в том виде, в каком оно подошло к данной фазе своего развития, между тем как государственные институты вообще остаются на заднем плане и не подвергаются отдельному рассмотрению.

Теоретическая часть доклада Боккарá посвящена государственному финансированию капиталистического производства⁵³. Исходной посылкой для автора является марксистская теория перенакопления капитала, то есть избытка накопления капитала в данном капиталистическом обществе относительно пределов, представленных общей суммой прибавочной стоимости или прибыли, которой можно добиться в процессе возрастания массы этого капитала. В самом деле, начиная с определенной ступени понижения прибыли, мы становимся свидетелями ломки процесса накопления, и если цель заключается в сохранении условий накопления для индивидуальных капиталов, то возникает необходимость того, чтобы определенная доля совокупного общественного капитала не участвовала в процессе самовозрастания, то есть не приносила соответствующей прибыли. Такого рода «впадение в летаргический сон» определенной части капитала обеспечивает принесение дохода другой его частью, а именно частномонополистической долей. Потеря в стоимости не означает, что попавший в столь невыгодное положение капитал не выполняет производительной функции — более того, в некоторых случаях это очень важная функция в ключевых секторах промышленности и технологических областях, — но оз-

⁵³ "Le capitalisme monopoliste d'Etat", p. 23—48.

начает лишь то, что данный капитал, то есть, как правило, государственный капитал, или капитал, финансируемый из государственных фондов, не приносит прибыли.

Понятие девалоризации (то есть потери, а не приращения стоимости в процессе обращения капитала) выступает как инструмент интерпретации тех тенденций, которые быют по капиталистической экономике более глубоко и более длительно, чем циклические кризисы. В свете этих тенденций государственное финансирование, которое уже в течение многих лет поддерживается на высоком уровне, должно рассматриваться не как случайное обстоятельство, но как факт подлинного структурного преобразования. Оно предназначается в особенности для тех отраслей производства, где особенно высоко органическое строение капитала и, следовательно, сильнее действует тенденция к понижению нормы прибыли. Представляется оно при куда более низком проценте, чем на денежном рынке, или даже без процентов, что влечет за собой долговременные инфляционные последствия. Формы государственного вмешательства не являются, как думают реформисты, элементом социализма, который можно и достаточно развивать дальше; тем не менее при условии демократического контроля над государством и проведения решительной антимонополистической политики эти формы могут быть включены в арсенал экономики, служащей народу, открывая тем самым путь к социализму.

Однако пронизательный анализ Боккарá останавливается перед лицом этих задач преобразования, которые включают в себя использование государства, определение новых направлений экономического развития и дифференцированную мобилизацию различных классовых и политических сил — ни одна из этих проблем не рассматривалась на указанной конференции⁵⁴. В определенной мере на эти вопросы

⁵⁴ Доклад С. Лорана мало что добавил к сказанному (см.: *ibid.*, p. 73—89), если не считать утверждений о том, что усиливается господство капитала над всеми промежуточными слоями населения и обостряется поляризация общества вокруг основных классов, рабочего класса и капиталистической буржуазии; хотя в действительности происходит не совсем так или, во всяком случае, то, что происходит, происходит не столь схематично, как это представляется Лорану. Что касается государства и демократии, то некоторые указания на этот счет содержатся в докладе А. Журдена (см.: *ibid.*, p. 201—229), где потребность в демократизации рассматривается в связи с возросшим взаимопроникновением экономического базиса общества и государства: после демократизации государственного аппарата национализация и демократическое планирование расцениваются как главные орудия преобразования. Разумеется, есть еще проблема, связанная с политикой де Голля. Но В. Вителло (см.: *ibid.*, II, p. 145), основываясь на итальянском опыте, показывает, что здесь нет никакого «начала» и «потом» и что уже сейчас может вестись и ведется борьба за новый курс экономической политики с опорой на те функции социального и политического посредничества, которые государство вынуждено взять на себя в силу развития самого монополистического капитализма.

дает ответ вышедший во Франции в 1971 году очерк марксистской политической экономики⁵⁵, в котором, в частности, очень подробно описываются многообразные формы вмешательства государства и усиливающийся транснациональный характер процесса накопления и вместе с тем вновь повторяется доктрина поляризации классовых сил и расширения так называемых «промежуточных слоев наемных работников», причем дело не обходится без существенной недооценки факторов социальной дифференциации.

Серени подверг критике фигурирующий и в докладах конференции в Шуази-ле-Руа, и в «Очерке» тезис о том, что государственно-монополистический капитализм следует рассматривать как «действительно отдельную фазу империалистической стадии» (как мы видели, разговор шел о фазе простого монополистического капитализма, предшествующей фазе государственно-монополистического капитализма). Между тем, утверждает Серени, следуя за советскими авторами, государственный характер «принципиально присущ» капитализму и его империалистической стадии⁵⁶. Однако же так не считали ни Ленин, который не включил данной характеристики в определение империализма, ни Варга, ни другие. Мне же представляется, что если брать явления в международном масштабе, то только после первой мировой войны, и в особенности после 1929 года, складывается та общая взаимозависимость государства и монополий, которая позволяет говорить о «едином механизме», а стало быть, и о новой фазе империализма. Это не исключает того, что в некоторых странах, например Германии, Италии, Японии, прямая связь с государством установилась уже под конец XIX века из-за потребностей запоздалого и задерживаемого пережитками предыдущих способов производства капиталистического развития.

Пуланкас отвергает теорию «единого механизма», потому что в этот механизм, по мнению авторов «Очерка», входит лишь ведущая фракция крупного монополистического капитала, но не входят другие фракции господствующей буржуазии. Тем самым оказывается перечеркнутым понятие правящего блока⁵⁷. Государство между тем сохраняет за собой роль «политического объединителя правящего блока», образованного несколькими фракциями буржуазии и пронизанного внутренними противоречиями. В своих отноше-

⁵⁵ "Trattato marxista di economia politica. Il capitalismo monopolistico di Stato". Roma, 1973, 2 voll.

⁵⁶ E. Sereni. Fascismo, capitale finanziario e capitale monopolistico di Stato. — "Critica marxista", 1972, № 5 (ora in: "La rivoluzione italiana". Roma, 1978, p. 17—19).

⁵⁷ N. Poulantzas. Classi sociali e capitalismo oggi. Milano, 1975, p. 87 sgg.

ниях с монополистическим капиталом государство не отождествляется прямо ни с одним из его отдельных компонентов, но действует как «политический организатор гегемонии монополистического капитала» в целом по отношению к монополистическим фракциям. Таким образом, все еще можно говорить об относительной самостоятельности государства, о «непрочном компромиссном равновесии» (Грамши) между монополистическим и немонополистическим капиталом ⁵⁸.

6. О'Коннор и Хабермас: кризис экономики и социокультурный кризис

Как бы с полярных по сравнению с Бэрном и Суизи позиций подходит к проблемам современного капитализма О'Коннор в своей книге «Налоговый кризис государства» (1973). Если у Бэрна и Суизи проблема состояла в чрезмерности *surplus*, а также способов и трудностей их поглощения, то здесь мы встречаемся с настоящим «бунтом налогоплательщиков»: государство с помощью налогового инструмента изымает колоссальные суммы для своих целей субсидирования, корректирования и изменения приоритетов капиталистического развития. Правительственные расходы имеют тенденцию возрастать в большей мере, чем налоговые поступления ⁵⁹.

В теории О'Коннора государственные затраты выступают в двух обличьях: социального капитала, когда расходы направлены на обеспечение прибыльного частного накопления, и социальных расходов, необходимых для обеспечения функции легитимации («поддержания социальной гармонии»). В свою очередь социальный капитал подразделяется на социальные инвестиции, увеличивающие производительность наемного труда, и социальное потребление, уменьшающее издержки воспроизводства рабочей силы. Однако при классификации государственных расходов трудно обойтись без двусмысленности, поскольку они почти всегда предназначены для выполнения одновременно нескольких задач. Тем не ме-

⁵⁸ Ibid., p. 137.

⁵⁹ J. O'Connor. La crisi fiscale dello Stato. Torino, 1977, p. 4—5. Уже П. Маттик обнаружил суть кейнсианского порочного круга: если при росте не приносящего дохода сектора, стимулированного государством, сокращаются доходы частного сектора, то для способности государства собирать налоги и получать займы существует определенный предел. «При достижении этого предела дефицитному финансированию и стимулируемому государством производству как политическим средствам, направленным на смягчение социальных последствий тенденции к сокращению норм накопления, должен быть положен конец. Кейнсианское решение оказывается разоблаченным как псевдорешение, способное оттянуть, но не устранить противоречивое развитие накопления капитала, предсказанное Марксом» (P. Mattick. Marx e Keynes. I limiti dell'economia mista. 1969. Bari, 1972, p. 212—214).

нее, несмотря на эту сложность, «всегда можно установить, какие политико-экономические силы извлекают выгоду из тех или иных решений по бюджету», и в основном можно отметить, что рост государственных расходов представляет собой условие роста доходов монополистического сектора и, наоборот, является результатом такого роста. Будучи иррациональным, развитие монополистического сектора сопровождается безработицей, нищетой, экономическим застоем. «Для того чтобы заручиться лояльностью масс и сохранить собственную легитимность, государство должно удовлетворять различные нужды тех, кто платит за «издержки» экономического развития»⁶⁰.

Все средства, применявшиеся государством после второй мировой войны для обеспечения стабильности капитализма, оказались в большой мере сопряженными с инфляцией. Ответные меры государства могут развиваться в трех направлениях: дефляционные мероприятия, контроль над зарплатами и ценами, сотрудничество с монополистическим капиталом для повышения производительности как в частном, так и в государственном секторах. Но дефляционные меры, даже если и сокращают коллективно-договорное влияние профсоюза, вызывают уменьшение совокупного спроса и объема продаж, порождают неиспользуемые производственные мощности и повышают себестоимость продукции. С другой стороны, растет безработица, а следовательно, и число людей, находящихся на иждивении у государства, между тем как спад производства ведет к уменьшению массы налогоплательщиков и поступлений в государственную казну. В конечном счете единственной реально осуществимой альтернативой оказывается стимулирование производительности как в монополистическом секторе (с целью сокращения издержек), так и в государственном: для смягчения налогового кризиса, хотя в этом втором случае перспектива повышения производительности выглядит достаточно отдаленной.

В частном монополистическом секторе государственные инвестиции могут быть использованы для снижения себестоимости, например, в области профессионально-технического обучения, транспорта, строительства. Так можно прийти к «формированию настоящего «социально-индустриального комплекса» под эгидой государства и монополистических предприятий» к их обоюдной выгоде.

Для развития социально-индустриального комплекса требуются многочисленные политические условия. Монополистический капитал должен установить новые и более тесные связи с государством. Для того чтобы избежать резкого сопротивления трудящихся, новые отношения должны установить

⁶⁰ J. O'Connor. La crisi fiscale dello Stato, p. 10—14.

ся между монополистическим капиталом и профсоюзами. Но перераспределение монополистических сверхприбылей к выгоде трудящихся монополистического сектора — задача нереалистическая, так как приходится учитывать интересы рабочего класса немонаполистических секторов и потребности остального населения, обнищание которого должно быть как-то компенсировано, не говоря уже, естественно, о самих монополиях, не желающих поступаться своей прибылью. Мелкие предприниматели будут настроены против быстрого развития социально-индустриального комплекса, потому что это не сулит им выгод в области увеличения объема производства, между тем как им пришлось бы платить больше налогов. Да и сами организованные трудящиеся монополистического сектора были бы враждебны или безразличны к такого рода перераспределению, потому что уплаченный ими повышенный налог предназначался бы на финансирование услуг для остального населения, между тем как им пришлось бы пойти на сужение собственной коллективно-договорной практики. Наконец, против был бы и военно-промышленный комплекс из-за необходимого в таком случае ограничения военных расходов и трудностей перевода военных предприятий на выпуск гражданской продукции.

Расценивая, таким образом, подобную реформу как невозможную, О'Коннор привлекает внимание к процессам политической радикализации, получающим распространение среди государственных служащих и людей, чье существование зависит от государственных субсидий. И у тех, и у других, помимо собственных специфических интересов, есть общие основания для борьбы «за выделение больших экономических ресурсов для народа» и против социальных отношений, образующих комплекс условий, которые определяют выделение государственных ассигнований: «расизм, дискриминация женщин, авторитаризм, бюрократизм». Необходимая, но маловероятная перспектива состоит в том, что этнические меньшинства, государственные служащие, бедняки могут вступить в союз с организованным в профсоюзы рабочим классом монополистического сектора. Если массовое социалистическое движение окажется неспособным «переосмыслить потребности в терминах коллективных требований» и воссоздать единство рабочего класса, налоговый кризис будет продолжать разделять все те социальные группы и слои, которые ныне, к сожалению, изолированно ведут борьбу за большую долю государственных ассигнований или ослабление налогового давления⁶¹.

⁶¹ Ibid., p. 284 sgg. Хороший разбор книги О'Коннора дан Б. Сальвини в: "Critica marxista", 1977, № 6, p. 151—159. См. также: J. O'Connor. The Fiscal Crisis of the State Revisited: a Look at Economic Crisis and Reagan's Budget Policy.—"Kapitalistate", 1981, № 9 p. 41—61.

С анализом О'Коннора перекликается, превосходя его по богатству охваченной тематики, главная работа Хабермаса о зрелом капитализме (1973). Точно так же, как Оффе, Хабермас считает, что уже в самом применении термина «зрелый капитализм» (*Spätkapitalismus*) заложено предположение о кризисе⁶². Регулируемый государством капитализм делает неизбежными длительные потрясения системы и возможными ее преобразование или распад. Интерес к анализу этих кризисных тенденций продиктован поисками исторически нового общества и исторически нового принципа социальной организации⁶³.

Каковы же главные структурные характеристики зрелого, или «организованного», или «регулируемого государством» капитализма? С одной стороны, процесс концентрации предприятий, как национальных, так и мультинациональных; с другой — заполнение государством растущих пробелов в функционировании рынка. Наряду с сектором олигополий и государственным сектором продолжает существовать сектор, регулируемый свободной конкуренцией. В государственный сектор входят предприятия, непосредственно контролируемые государством или живущие государственными заказами. Через свой административный аппарат государство занимается условиями капиталообразования и планированием экономической системы. С помощью планирования оно исправляет второстепенные дисфункции рыночного механизма; вместе с тем, когда оно вмешивается для предотвращения последствий избыточного накопления капитала, оно буквально заменяет собой весь этот механизм. Данная цель преследуется с помощью:

- «усиления национальной конкурентоспособности», организации национальных экономических союзов, обеспечения империалистическими средствами международной стратификации и т. д.;

- непронизительного государственного потребления (индустрия вооружений и аэрокосмическая индустрия);

- направления капитала посредством рычагов структурной политики в те секторы, которые не испытывают влияния стихийных рыночных сил;

- улучшения материальной инфраструктуры (транспортная сеть, школьная система, социальные рекреационные центры, программирование развития городов и регионов, жилищное строительство и т. д.);

- улучшения нематериальной инфраструктуры (общее стимулирование науки, капиталовложения в НИОКР, приобретение патентов и т. д.);

⁶² J. Habermas. *La crisi della razionalità nel capitalismo maturo*. Bari, 1982, p. 3 sgg.

⁶³ Ibid., p. 21.

— повышения производительной эффективности человеческого труда (система всеобщего образования, система профессионального обучения, программы повышения профессиональной квалификации и переквалификации и т. д.);

— отнесения на государственный счет второстепенных социальных и материальных издержек частнокапиталистического производства (пособия по безработице, программы общественного вспомоществования; исправление урона, нанесенного окружающей среде)⁶⁴.

Таким путем улучшаются или даже создаются возможности для инвестиций и роста производительности труда. Производственные отношения, составлявшие при либерально-капиталистической общественной формации независимую государственную сферу, применительно к которой государство ограничивалось лишь обеспечением ее предположений, ныне оказались «реполитизированными». Непосредственно вмешиваясь в производственный процесс, государство испытывает возросшую потребность в легитимации, которую, однако, в этом обществе невозможно удовлетворить путем расширения участия граждан в формировании политических решений. Развитие демократии привело бы к осознанию людьми противоречия между «административно социализированным производством и частным присвоением и помещением прибавочной стоимости». Административная система поэтому должна быть отделена от легитимирующего волеизъявления. Формальной демократии должно соответствовать реальное «политическое воздержание».

Вследствие этого необходимой становится система компенсаций, которые реализуются по каналам государственных вспомоществований, между тем как в «зоне структурно наиболее вероятного конфликта», то есть на крупных предприятиях, где сосредоточен наиболее боевитый рабочий класс, предпринимаются наибольшие усилия по интеграции трудящихся с помощью политики компромисса в области зарплаты, иначе говоря, «квазиполитической структуры оплаты труда»⁶⁵. Инфляционные последствия подобных операций перекладываются на социальные «квазигруппы», например потребителей, учащихся и их родителей, больных, стариков и т. д., либо на группы, от природы слабо организованные. Таким образом достигается растворение классового облика и дробление классового сознания».

Значит, основное противоречие капитализма ликвидировано? Или же оно передвинуто, но осталось нерешенным?

⁶⁴ Ibid., p. 37—40.

⁶⁵ О проблеме политического определения заработной платы см.: Э. Альтфатер. Капитализм организуется: дискуссии в среде марксистов в период между первой мировой войной и кризисом 1929 года. — См.: "Storia del Marxismo", v. III, 2.

Ответ Хабермаса заключается в том, что кризис перенесен с непосредственно экономической и классовой почвы на почву социокультурную⁶⁶.

Если оставить в стороне опасности общего характера, вытекающие из капиталистического развития и способные привести к катастрофическим последствиям в экологическом, антропологическом и военном планах (применение термоядерного оружия), то специфически экономические кризисные тенденции зрелого капитализма, как их ни анализировать, сами по себе, по мнению Хабермаса, не приведут к взрыву противоречий. Все зависит от эмпирически выявляемого обстоятельства: «Сумеет ли капитал, используемый косвенно-производительным трудом, реализовать такое повышение производительности труда, которое... будет достаточным для обеспечения лояльности масс и в то же время поддержания процесса накопления»⁶⁷. Проблему можно сформулировать в финансовых терминах: будет ли государство в состоянии извлекать налоговые поступления, достаточные для финансирования империалистической стратегии, бремени гонки вооружений и космических полетов, инфраструктуры, программ социального потребления, вспомоществования и т. д., способно ли оно будет применять эти ресурсы рационально, то есть избегая кризиса.

Дефицит рациональности может наступить в том случае, если особые социальные интересы окажутся перенесенными внутрь административной системы. Государство как глобальный капиталист вступает тогда в конфликт с отдельными конкурирующими капиталами. Необходимость расширять плановые prerogatives государства угрожает существованию капитализма. Вмешательство государства колеблется в пределах между самостоятельностью, опасной для системы, и подчинением частным интересам. Может возникнуть и «ловушка взаимоотношений». Но допустимые пределы этих колебаний и противоречий неизвестны. «Возможность того, что административная система проложит себе — между конкурирующими притязаниями — компромиссный путь, который позволит ей добиваться в достаточной пока мере организованной рациональности, такая возможность не может быть исключена просто по соображениям логики». Разумеется, с той поры как экономический кризис превратился в проблему бюджетного регулирования, он лишился своего ореола «естественной социальной фатальности». За его предотвращение отвечает ныне государственное управление — если оно не справляется с задачей, наказанием ему служит лишение легитимации. Проблема становится политической. Трудности легитимации, порожденные в конечном счете классовой

⁶⁶ J. Habermas. La crisi della razionalità., p. 41—45.

⁶⁷ Ibid., p. 69.

структурой общества, которая продолжает существовать, даже если внешне это не бросается в глаза, могут создавать угрозу стабильности системы. Но эта угроза может претвориться в кризис лишь тогда, когда культурная система будет уже не в состоянии создавать достаточную мотивацию для политики, образования и занятости. В этом случае скудость идеологических ресурсов, ощущение их недостаточности становятся источником непоправимой ломки⁶⁸.

Хабермас не считает, расходясь в этом с Луманом, что администрация, управляющая сложными обществами, способна разрешить все их проблемы. В самом деле, и при зрелом капитализме имеются «поразительные механизмы самонадаптации». Возможности действия административной системы, между тем, ограничены как строем частной собственности, который подрывает контроль над экономикой, так и отсутствием мотиваций, последовательно согласующихся с интересами общества в целом. Хабермас, с другой стороны, отвергает «активистские» позиции Оффе, по которым классовый характер государства может быть раскрыт лишь в практике классовой борьбы (поскольку теоретически они недоказуемы, ибо при зрелом капитализме «они не дают распознать себя в качестве такового»). Хабермас возражает, говоря, что в таком случае революционное действие основывается на домыслах а *posteriori* и практически сводится к иррациональной практике. Должна же, напротив, сформироваться рациональная воля, и трудности исследования не должны срывать «попытку критического путем испытать пределы допустимого для зрелого капитализма»⁶⁹.

Перерабатывая эти идеи в очерке «Проблемы легитимации в современном государстве» (1975)⁷⁰, Хабермас отмечает, что, если государство «может убедительно представить себя в качестве социального государства», легитимации ничто серьезно не угрожает. Однако условием этого является способность государства обеспечивать функционирование экономической системы, избегая перерывов в процессе накопления, покрывая внешние издержки частного производства (через удовлетворение коллективных потребностей), корректируя неравномерное распределение состояний и доходов. Все это должно делаться «без нарушения условий функционирования капиталистической экономики». Задача является внутренне противоречивой, поскольку проникновение капиталистических экономических отношений во все новые сферы жизни и рост взаимозависимостей в буржуазном обществе делают перемены политически значимыми и возлага-

⁶⁸ Ibid., p. 70—79.

⁶⁹ Ibid., p. 149 sgg. Тезисы Оффе см. в: "Strukturprobleme des kapitalistischen Staates" Frankfurt am Main, 1972.

⁷⁰ J. Habermas. Per la ricostruzione del materialismo storico. Milano, 1979, p. 207—235.

ют на государство «общую компетенцию в части исправления дефектов». Возникающая при этом дилемма состоит в том, что государство для разрешения своих задач должно пускать в ход свое легитимированное могущество, но оно не может этого делать в форме принуждения, чтобы не лишать частных субъектов их самостоятельности: оно вынуждено действовать косвенным образом, а это кладет предел эффективности его действия.

Ограничительные условия, в которых государство осуществляет свои задачи, проистекают, во-первых, из конфликта, особенно очевидного в фазах низкой конъюнктуры, между политикой стабильности, ориентированной на движение экономического цикла, и политикой реформ, призванной компенсировать социальные издержки роста капиталистической экономики с помощью капиталовложений, не связанных с конъюнктурой и доходностью отдельных предприятий. Во-вторых, они обусловлены внешними пределами (например, влиянием транснациональных монополий), ограничивающими сферу деятельности национальных государств. В-третьих, они порождаются «практикой самоопровержений», связанной с самим распространением средств массовой коммуникации. Такие ограничительные условия могут помешать государству удерживать дисфункции экономической системы в приемлемых границах. В Западной Германии, однако, ни повышение уровня инфляции вкупе с финансовым кризисом и ростом безработицы, ни «развал политики реформ» не производят сколько-нибудь серьезного воздействия на политическую систему. Гипотеза, от которой отталкивается Хабермас, состоит в том, что оппозиция системе, «сложившаяся в рабочем движении», оказалась обезвреженной практикой легитимации. Может, однако, случиться так, что категории компенсации, согласующиеся с логикой системы («больше денег, свободного времени и уверенности», «углубление в семейную, профессиональную и гражданскую частную жизнь»), перестанут считаться удовлетворительными. И «the pursuit of happiness» (погоня за счастьем. — *Ред.*) в один прекрасный день может начать означать нечто совсем иное: уже не накопливание груды материальных благ, используемых в частном порядке, но формирование общественных отношений, в которых бы царила взаимность, а удовлетворение потребностей не означало бы больше торжество одного над другим, чьи потребности остались неудовлетворенными⁷¹.

⁷¹ В своей очерке «Техника и наука как идеология» (1968) Хабермас, отрицая возможность того, что «старый классовый конфликт» мог привести к «реполитизации иссохшей общественной жизни», усматривал единственного носителя действительно конфликтного протеста в студенчестве и учащихся средних школ (см.: *J. Habermas. Technik und Wissenschaft als Ideologie. — J. Habermas. Teoria e prassi nella società tecnologica. Bari, 1978, p. 192—194*).

7. За расширение понятия революционного класса

Базовой моделью исследования на тему о движущих силах революции в наши дни, как и исследований Маркузе, послужил пример деполитизации масс в Западной Германии и Соединенных Штатах. В ситуации этих стран, как в зеркале, отразилось снижение конфликтности в политической и экономической системах зрелого капитализма, или, точнее говоря, отсутствие очевидных конфликтов, их скрытость, позволяющая капитализму оттягивать момент вызова на суд революционных сил, тем более что те четко не оформлены.

Правомерно ли смещать юсь исследования этих сил за пределы рынка, в среду новых или маргинализованных слоев населения, являющегося как бы ненужным с точки зрения потребностей накопления капитала? Это — вопрос, который ставят перед собой как Суизи и его американские сотрудники, так и Хабермас со своими западногерманскими учителями и последователями (с тем различием, что американские марксисты уделяют большее внимание развивающемуся миру). Следует отметить, что современный капитализм в растущих размерах порождает неполную занятость и маргинализацию, распространяющиеся в особенности на новые пополнения армии наемного труда. Технологический, структурный барьер становится для них непреодолимой преградой на пути в святая святых процесса капиталистического производства. Следует вместе с тем заметить, что постановка проблем зрелого капитализма для выявления сил, воплощающих в себе социальные последствия, носящие антагонистичный характер в отношении движения капитала, является малоуспешной. Противоречивое движение процесса образования капитала улавливается лишь в некоторых его аспектах. И в теориях государственно-монополистического капитализма, и во всех других рассмотренных нами аналитических подходах, как это ни парадоксально, слабым является именно анализ классового элемента: от внимания исследователей ускользает не столько глубина противоречий, сколько облик субъектов революционного действия. Критическое отрицание капитализма никак не претворится в этой марксистской литературе о позднем капитализме в отрицание действием.

Более сложной является позиция Оффе. Он утверждает, и не без основания, что в фазе палеокапитализма (или точнее было бы сказать, классического капитализма) категория социального антагонизма легко соотносилась с общественными классами. «Логическая категория противоречия и социологическая категория функциональных социальных групп — класса пролетариев и класса капиталистов — совпадали. Понятие классовости обрисовывало как антагонистический

характер капиталистического развития, так и — на эмпирическом уровне — социальные группы и функциональные объединения, в которых этот антагонизм реализовывался».

Тем самым можно выявить и закономерности развития капитализма, и фронт конфликта. Но перенос категорий развития в социологический план не происходит автоматически. Пролетариат не всегда оказывается субъектом противоречий. Необходимо, таким образом, анализ «исторических превращений капиталистических систем, который позволил бы описать как конкретные силы и моменты развития, увековечивающие противоречивость данной системы, так и силы, способные преодолеть эту систему в целом». Если анализ «механизмов амортизации» поясняет, как контролируется противоречие между растущим обобществлением производства и решениями, вдохновляемыми погоней за прибылью, то остается тем не менее потребность в выработке теории конфликтного потенциала, без которой не только политико-стратегические перспективы, но и сама аналитическая последовательность теории капитализма рискует оказаться несостоятельной⁷².

В прямой связи с этой потребностью Оффе предлагает свою постановку такой важной проблемы, как вопрос о доле рабочей силы, не занятой в собственно экономической деятельности. По американской статистике, если исключить всех лиц, получающих трудовые доходы, и даже шире — всех занятых и домохозяек, — то останется 20,7 процента активного населения, чьи «характеристики определяются не экономическими, а непосредственно политико-государственными формами социализации». Речь идет об учащейся молодежи, безработных, иждивенцах систем социальной помощи, заключенных, военнотружениках, пенсионерах. Если прибавить к ним домохозяек, то окажется, что почти половина взрослого населения охвачена формами социализации, являющимися внешними по отношению к форме товарных отношений. Однако эти группы, жизнь которых организована и социализирована «нетоварным» образом, отнюдь не нейтрализованы. Уже их растущая исключенность «из процесса труда и капиталсобразования» побуждает их выступать «против этого последнего»⁷³. Сама занятая рабочая сила распределена по-новому: отчасти вне схемы продажи абстрактного труда и эквивалентного обмена за выполнение конкретного труда. Таков, по мнению Оффе, труд в сфере услуг, в банковско-кредитном деле, труд служащих на предприятии, чиновников, служащих и рабочих государственных ведомств, то есть всех тех, кого Горц и Малле определили как «новый рабочий класс». Это — промежуточные социальные слои, кото-

⁷² C. Offe. *Lo Stato nel capitalismo maturo*. Milano, 1977, p. 25—32.

⁷³ *Ibid.*, p. 77—80.

рые, даже будучи превращены в получателей заработной платы, не являются, по оценке Оффе, производителями прибавочной стоимости (что, по правде говоря, некоторые из них могли бы поставить под сомнение). И в качестве таковых они более заинтересованы в непосредственном качестве труда, нежели в его доходности. На первый план для них выступают потребности труженика в квалифицированном труде, «и в особенности его психологическое отождествление с трудовыми задачами и отношениями власти на предприятии»⁷⁴. Простой критерий рыночного успеха заменяется, особенно на самых верхних уровнях принятия решений (в области экономической политики, обновления технологии, программирования инвестиций и прибылей), соображениями, выходящими за рамки «естественного» процесса капиталистического накопления и требующими специальной мотивации и легитимации⁷⁵. Здесь смешиваются два разных вопроса. Существует «конкретный труд», который может не производить прибавочной стоимости, но вступать в отношения обмена с капиталом и, следовательно, являться товаром. Этот труд, как доказал Браверман, не слишком отличается от производительного труда и с точки зрения квалификации: в сфере услуг и в учреждениях так же, как на заводах, преобладает тенденция к деквалификации. С другой стороны, существует работа по принятию решений в высоких сферах, в контакте с капиталом, которая сама является капиталом. Не ясно, как могут быть уподоблены друг другу эти два вида трудовой деятельности.

Как бы то ни было, в анализе Оффе выявляются формы социализации, которые не являются «трудом», а также трудовые процессы, которые организованы не как процессы капиталообразования. Кроме того, имеются довольно значительные массы стоимости, которые применяются некапиталистическим образом: для создания инфраструктур (инфраструктур в широком смысле слова — школ, больниц, программ научно-исследовательских работ и т. д.). Это — государственные работы, выступающие, как отмечает Альтфатер, в качестве «конкретных потребительных стоимостей» и утратившие в силу своего предназначения форму товара. Однако в отличие от Альтфатера Оффе полагает, что у государства нет возможности с помощью подобных инфраструктурных мероприятий компенсировать изъяны процесса капиталообразования. более того — что таким путем созда-

⁷⁴ Ibid., p. 80—82.

⁷⁵ Динамика развития, иными словами, перемещается из сферы обмена в сферу принятия решений: даже при явном влиянии «администраторских» тезисов, заимствованных из западногерманской политической культуры, эта точка зрения сближается с американскими доктринами «техноструктуры».

ются новые противоречия. Такие процессы представляют собой «отклонения по отношению к капиталистическому способу социализации». На их основе рождаются новые классовые конфликты, у которых «общим является то, что действующими агентами в них выступают социальные группы, для которых чужда форма товара либо вообще, либо применительно к конкретному предмету конфликта», между тем как бытие промышленного рабочего, производящего прибавочную стоимость, разворачивается внутри товарной формы. Отсюда рождается необходимость расширения понятия революционного класса.

8. Труд в развитом капиталистическом обществе

Систематический анализ условий труда в американском обществе был проделан Браверманом. Его результаты могут быть суммированы следующим образом. Система занятости при монополистическом капитализме претерпевает непрерывные и глубокие изменения под воздействием технологических преобразований. Исследовательские работы финансируются в значительной степени из федеральных фондов и контролируются частной промышленностью. Следует говорить не столько об отдельных научно-технических нововведениях, сколько о таком способе производства, «составной частью которого сделались наука и углубленные технические изыскания»⁷⁶.

Но такое обретение капиталом науки, подняв содержание трудового процесса в целом, не повлекло за собой повышения квалификации работника. Более того, до крайних пределов развилась тенденция к отделению замысла от исполнения, рук от мозга. Труд утратил свой субъективный характер и попал в подчинение — в качестве объективного элемента — процессу, управляемому дирекцией. Трудящийся сам сделался инструментом, машиной — в развитие методов Тейлора его действия слагаются по команде из четко определенных, универсальных, повторяемых до бесконечности движений, независимо от особенностей конкретной трудовой деятельности. Модели стандартизированных движений разрушают границы между ремеслами. Трудовой процесс контролируется машинами, управляемыми в централизованном порядке. Машины с числовым управлением применяются с целью подразделения трудового процесса между разъединенными операторами, «каждый из которых по уровню про-

⁷⁶ H. Braverman. Lavoro e capitale monopolistico. La Degradazione del lavoro nel XX secolo. Torino, 1978, p. 165 (первое американское издание в 1974 году).

фессионально-технической подготовки, способностям и часовой заработной плате стоит на куда более низкой ступени, чем опытный рабочий-машиностроитель... От каждого из этих работников требуется знать и понимать не *больше*, а *меньше* по сравнению с тем, что знал и понимал рабочий в прошлом»⁷⁷. База индустриального труда сужается, между тем как расширяются коммерческие и административные функции по «массовому производству клиентов» (Веблен), а также учетно-бухгалтерские операции, которые в свою очередь регламентируются стандартизированными трудовыми моделями⁷⁸.

Формируется «практически новый» социальный слой — конторские служащие (в Соединенных Штатах их удельный вес в массе наемных работников повысился с 0,6 процента в 1870 году до 18 процентов в 1970 году, то есть сравнялся с удельным весом неквалифицированных рабочих всех отраслей). Эти служащие, работают ли они в промышленности, торговле или еще где-то, уже не пользуются привилегиями, которые раньше были связаны с близостью к хозяину, и если прежде их заработная плата была в среднем вдвое больше, чем зарплата рабочего, то теперь она в среднем ниже ее. Женщины составляют три четверти всех служащих. Одновременно конторская работа, к которой применяются методы научного управления трудом, также оказалась сведенной к монотонному повторению одной и той же ограниченной серии операций. Эксперты по управлению предприятиями отождествили фабричный и конторский труд, «анализируя и тот и другой на основе разложения их на элементарные жесты-движения». Так, в обеих сферах продолжается разрушение ремесленных навыков⁷⁹.

Глубинные перемены совершаются в сфере услуг, которая расширяется в силу распада старых моделей семейных и коммунитарных отношений взаимопомощи. Число занятых в секторе услуг в США за период с 1900 по 1970 год выросло с одного до девяти миллионов, причем с точки зрения общего положения и размеров оплаты труда к ним следует прибавить еще занятых в розничной торговле, число которых

⁷⁷ Ibid., p. 169 sgg., 199. Противоположной точки зрения, как известно, придерживается Р. Дарендорф и те авторы, на которых он ссылается (см.: *R. Dahrendorf. Classi e conflitto di classe nella società industriale*. Bari, 1963, 96 sgg.). Анализ альтернатив см. в: *S. Brusco. Nuove Tecnologie e politica industriale*. — In: *Regione e politica del lavoro, a cura della Regione Emilia-Romagna*. Bologna, 1982, p. 33 sgg.

⁷⁸ *H. Braverman. Lavoro e capitale monopolistico*, p. 244 sgg., 263 sgg.

⁷⁹ Ibid., p. 296 sgg. О сближении положения рабочих и служащих см. также: *G. Amendola. La classe operaia italiana*. Roma, 1968, p. 185, и исследование под руководством Д. Де Маззи и Дж. Феволы: *D. De Masi, G. Ferola. I lavoratori dell'industria italiana*. Vol. III, *Classe e conflitti*. Milano, 1974, p. 730 sgg.

достигает трех миллионов. Уровень оплаты труда в сфере услуг ниже, чем в любой другой сфере, за исключением сельскохозяйственных рабочих. Требования к профессиональной подготовке здесь минимальны⁸⁰.

Браверман внимательно разбирает вопрос о той части населения, которая по своему положению не примыкает непосредственно к пролетариату, хотя и не является самостоятельной ни в экономическом смысле, ни с точки зрения занятости. Эта часть включает в себя инженерно-технических работников, научно-технические кадры, управленческий персонал низшего уровня, специализированных служащих частных предприятий промышленности, школ, государственных учреждений и т. д. Было бы ошибкой объединять эти группы как понятие «нового среднего класса», потому что в отличие от старого среднего слоя они не занимают внешней позиции по отношению к поляризованной классовой структуре общества, не живут независимым предпринимательством. Они, если уж на то пошло, с одной стороны, получают часть прерогатив и благ от капитала, а с другой — несут на себе (при всем разнообразии типов) «отпечаток пролетарского положения», которое все больше дает знать о себе, особенно в людях таких массовых профессий, как чертежники, средний медицинский персонал, преподаватели и т. д.

Следует отвергнуть, считает Браверман, идею о том, что изменившиеся условия труда на заводе и в офисе требуют «реквалификации» трудового населения, увеличения объема профессионально-технической подготовки и общего образования. Напротив, «чем больше наука инкорпорируется в трудовой процесс, тем меньше рабочему удастся постигнуть этот процесс; чем больше машина становится продуктом сложного интеллектуального труда, тем меньше рабочий в состоянии контролировать и понимать ее». И впрямь, растет число специализированных технических видов занятости, но таково «условие отчуждения массы трудящихся от власти науки, знания и квалификации». Расширение массового образования не имеет никакой связи с потребностями занятости. Продление сроков обязательного школьного обучения преследует в действительности иную цель: сокращение безработицы среди молодежи, а также предоставление работы массе преподавателей, администраторов, работников строительства и сферы услуг⁸¹.

⁸⁰ *H. Braverman. Lavoro e capitale monopolistico*, p. 360 sgg. Во всех секторах промышленности и сферы услуг имеется «колоссальное количество» профессий и должностей, оплачиваемых настолько низко — ниже прожиточного минимума, — что в результате отмечается рост числа семей, в которых работать приходится не одному, а нескольким членам (*ibid.*, p. 398—399).

⁸¹ *Ibid.*, p. 405 sgg., 426 sgg. Анализ преимущественно западногерманских материалов см. в: *G. Lenhardt. On the Relationship between the*

Господство над производством может быть завоевано трудящимися «только путем овладения научными, проектировочными и оперативными характеристиками современной инженерии». С этой точки зрения требования «участия трудящихся в управлении» и «рабочего контроля» останутся формальными, если они не будут сопровождаться восполнением недостатка технических знаний и перестройкой структуры организации труда⁸².

В этом анализе Браверман по некоторым важным аспектам отходит от условий занятости в Западной Европе, где соответствующие процессы отличаются от американских не только темпами развития. Главное отличие заключается в степени концентрации и централизации капитала, которая в Европе менее высокая, чем в США, а в Италии, с ее массой мелких предприятий, даже куда ниже тех «промежуточных и переходных стадий», которые описаны Марксом. Структура капиталистического общества вследствие этого оказывается более дифференцированной, а рабочий класс отличается меньшей однородностью⁸³. В прямой связи с наличием такой структуры чрезвычайное распространение в Италии получили виды неполной, ограниченной занятости, наемного труда⁸⁴. Пуланкас полагает, что нынешняя фаза капитализма порождает «ускоренную ликвидацию» традиционной мелкой буржуазии (мелкие собственники и хозяева мелких предприятий, ремесленники и торговцы) — хотя эту тенденцию нельзя обнаружить в Италии, да, полагаю, и во Франции, — а также «ускоренный рост» новой мелкой буржуазии (новые работники по найму, не являющиеся рабочими, служащие,

Education System and Capitalist Work Organisation. — “Kapitalistate”, 1975, № 3, p. 128—145. О протекании этих процессов в Италии см. введение А. Пиккьеры в: *A. Touraine. L'evoluzione del lavoro operaio alla “Renault”*. Torino, 1974, p. XX sgg.

⁸² *Braverman. Lavoro e capitale monopolistico*, p. 448—449. «Это, естественно, не означает, — объясняет Браверман, — что завоевание позиций власти на промышленных предприятиях в форме рабочего контроля не является революционным актом. Это означает, напротив, что подлинная рабочая демократия не может существовать на базе формальной, чисто парламентарной схемы».

⁸³ Некоторые из аспектов освещены в: *Amendola. La classe operaia italiana*, p. 20 sgg.; о новых слоях ремесленников, поставляющих на рынок стандартизированную продукцию, см. с. 35, об относительном понижении доли «высококвалифицированных рабочих» — с. 38. О новых ремесленниках см.: *P. Sylos Labini. Saggio sulle classi sociali*. Bari, 1974, p. 29—30. По Альфатеру, напротив, развитый капитализм характеризуется «отсутствием промежуточных слоев», см.: *E. Altwater. I rapporti di classe nel capitalismo moderno*. — In: “Il capitalismo negli anni ‘70”. Milano, 1972, p. 63.

⁸⁴ *G. Fua. Lo sviluppo economico in Italia. Vol. I. Milano, 1981*, p. 88—89. Аккорнеро, напротив, отсылает к явлениям международного характера, см.: *A. Accornero. Il lavoro come ideologia*. Bologna, 1980, p. 182.

технические кадры). Новая мелкая буржуазия несет «новую историческую возможность социалистической революции во Франции» при условии, что рабочий класс сумеет наладить с ней союз⁸⁵.

Занимая совсем иные, чем Браверман, позиции по вопросу о служащих, Силос Лабини применяет категорию «служилая мелкая буржуазия» и отвергает всякую идею о ее ассимиляции или сближении с пролетариатом, причем делает это главным образом на основе критерия доходов, хотя и не исключает при этом, что применительно к части этих слоев имеет место процесс экономического сближения с рабочим классом⁸⁶. Он считает вместе с тем, что пределы политического сочувствия средних слоев (не только служащих) к борьбе рабочего класса расширяются «не как следствие процесса экономической пролетаризации, который не существует как общий процесс, но как результат процесса гражданского развития и культурного созревания». Как отметил Пачи, средние слои у Силоса Лабини включают преимущественно традиционные (крестьяне, торговцы, ремесленники — эти последние, правда, уже преобразившиеся из независимых ремесленников в сателлитов современной промышленности) и паразитические (продукт разбухания государственной бюрократии). По мнению Пачи, Силос Лабини недооценивает всей важности роли государства в стабилизации избыточного населения, которое растет пропорционально росту противоречий зрелого капитализма. У Пиццорно, напротив, специфическая черта анализа состоит в подчеркивании роли государства и политико-клиентурного опосредования в вопросе о регулировании роста средних слоев⁸⁷. Но Пачи затем обращается к, так сказать, структурному объяснению столь мощного представительства производительных сил средних слоев в Италии, обнаруживающих конкурентоспособность на рынках и неизвестных, по крайней мере в таких масштабах, в других развитых капиталистических странах. По его мнению, этот факт обусловлен применением моделей организации индуст-

⁸⁵ Poulantzas. *Classi sociali*., p. 167 sgg, 294—295.

⁸⁶ Sylos Labini. *Saggio sulle classi sociali*, p. IX, 27, 59. Позиции Бравемана здесь прямо не обсуждаются. См. также: P. Spano. *Ceti medi e capitalismo. La terziizzazione degradata in Italia*. Bologna, 1977. Факт снижения реальной заработной платы государственных служащих выявлен в: Sylos Labini. *Chi guadagna e chi perde con l'inflazione*. — "Le Milano", Luglio—agosto 1979.

⁸⁷ Однако в своей теории «политического торга» Пиццорно практикует более широкий подход, распространяющийся на все классы, которые обладают и могут воспользоваться властью отказа в консенсусе. См.: A. Pizzorno. *Scambio politico e identità collettiva nel conflitto di classe*. — *Conflitti in Europa. Lotte di classe e sindacati dopo il '68* (a cura di C. Crouch, A. Pizzorno). Milano, 1977, p. 407—433. См. также: *ID. I ceti medi nel meccanismo del consenso*. — In: *Il caso italiano*. A cura di F. L. Cavazza, S. R. Graubard. Milano, 1974 ed ora in: A. Pizzorno. *I soggetti del pluralismo. Classi, partiti, sindacati*. Bologna, 1980.

риального производства, опирающихся на обилие рабочей силы и согласующихся с зависимым положением Италии на мировом рынке⁸⁸.

Другие авторы, следуя за Хабермасом, Оффе и прочими в попытках объяснить как возникновение новых средних слоев, так и устойчивость традиционных средних слоев, настойчиво подчеркивают новые функции легитимации государства, его социальную политику, стратегию консенсуса. При этом, однако, не находит поддержки определение новых средних слоев как пролетариев в связи с процессами деградации статуса служащих и, напротив, подчеркивается неоднородность и нестабильность этих слоев, трудность прослеживания новых связей между «классом, сознанием и конфликтным потенциалом», причем все это — в рамках такой общей ситуации, в которой общественные отношения воспроизводятся «в менее зримых формах» и к тому же становятся «более сложными и дифференцированными из-за маскирующих их новых явлений социализации» благодаря опосредованию государства⁸⁹.

В условиях современного капитализма приобрели важность государственные меры, направленные на обеспечение подчинения или установления контроля над рабочей силой. Как было отмечено, в Федеративной Республике Германии, где отсутствует государственное программирование экономики и соблюдается политика невмешательства государства в сферу коллективно-договорных отношений между профсоюзами и предпринимателями, парадоксальным образом сохранились отнюдь не либеральные юридические принципы, своей «архаичностью» вполне соответствующие между тем современным потребностям капитализма, таким, как: признание статуса юридического лица за организациями наемных работников (то есть выведение их легитимности из факта признания или непризнания их государством), предоставление права на забастовку только специально определенным организациям, ограничение этого права как такового, обязательность профсоюзов соблюдать «индустриальный мир» на время действия трудовых соглашений и т. д.⁹⁰

⁸⁸ M. Paci. *Capitalismo e classi sociali in Italia*. Bologna, 1978, p. 17 sgg.

⁸⁹ G. Carboni. *Tra cielo e classe*. — In: *I ceti medi in Italia tra sviluppo e crisi* (a cura di C. Carboni). Bari, 1981, p. 3—58. См. также: F. P. Cerase. *Stato e ceti burocratici*. — In: *“I ceti medi in Italia tra sviluppo e crisi”* Bari, 1981, p. 251—268. В этой работе предлагаются также некоторые интерпретации эволюции «влево» бюрократических слоев и их возможной связи с перспективой обновления итальянского общества. Широкую известность получила работа о новых верхнебуржуазных слоях: E. Scafari, G. Turani. *Razza padrona. Storia della borghesia di Stato*. Milano, 1974.

⁹⁰ C. Crouch. *Relazioni industriali ed evoluzione del ruolo dello Stato nell'Europa occidentale*. — In: *“Conflitti in Europa”*, p. 350—351.

Если оставить в стороне эти «испосланные судьбой пережитки», то теория «политического торга», изложенная Пиццорно, довольно убедительно описывает увеличение массы ресурсов, которые вводятся в динамику отношений между классами и между классами и государством, а также происходящий из этого цикл стабилизации — дестабилизации. Особенно активный источник дестабилизации образуется в связи с формированием облика новых коллективных общностей, то есть когда цели борьбы выходят за рамки договорной практики, «потому что они заключаются в обретении своего собственного облика коллективным субъектом», который родился в результате раскола других субъектов или, во всяком случае, предпринимает попытку вступления в сферу коллективно-договорных отношений вне рамок традиционно принятых моделей. Такая интерпретация хорошо согласуется со случаями социальной мобильности, частыми при современном капитализме.

«К этому же по своей природе, — добавляет Пиццорно, — относится случай, правда отличающийся причинами и последствиями, складывания коллективного облика у групп населения, которые с точки зрения классификации, основывающейся на разделении труда, не должны были бы обладать собственным отдельным обликом: например, у молодежи, студентов, женщин, религиозных или территориальных меньшинств и т. д.»⁹¹. С учетом выбора темы рассуждение Пиццорно ограничивается вопросом о представительстве этих групп как членов профсоюзов. Но границы его постановки проблемы могут быть расширены. В самом деле, «политический торг» и трудности его реализации, его не только стабилизирующие или рестабилизирующие аспекты могут интерпретироваться и как почва для конфликта, не ассимилируемого современным капитализмом.

Довольно удивительно, что Сюзан Де Брюнофф не усматривает элемента конфликтности в государственных мероприятиях по частичному содержанию наемной рабочей силы, которым она между тем уделяет особое внимание в своем исследовании⁹². Государство берет на себя расходы по поддержанию безработной рабочей силы, причем делает это на протяжении всей истории в меняющихся от случая к случаю формах, вплоть до современных институтов социального страхования. Это происходит в рамках сущностной неопределенности, то есть последствия безработицы смягчаются, но при этом ни в каком обозримом будущем не гарантируются новые источники получения средств к существо-

⁹¹ Pizzorno. Scambio politico e identità collettiva, p. 426—427.

⁹² S. De Brunhoff. Stato e capitale. Ricerche sulla politica economica. Milano, 1979 (первое французское издание вышло в 1976 году).

ванию. Государственное содержание рабочей силы выступает как принятие на себя государством «той части ее стоимости, которую капиталисты не оплачивают непосредственно». Такое содержание является взаимодополняющим по отношению к капиталу, но не только не замещает его, а, наоборот, поддерживает и в известной мере заменяет его переменную часть. Правда, и государство обставляет эти свои мероприятия многочисленными ограничительными и защитными условиями именно для того, чтобы избежать вторжения «на чужую территорию», принятия на свое постоянное иждивение безработных: его задача состоит в том, чтобы, поддержав, потом возвращать их, когда необходимо, в процесс накопления капитала. Чего Де Брюнофф не учитывает, так это увеличения давления со стороны безработных и незанятого населения, возрастающего уже не только в результате конъюнктурных кризисов, но и органической неспособности капитализма поддерживать высокие уровни занятости в условиях крупных технологических сдвигов. В этом случае на сцену выступают массы структурно незанятого населения — главным образом молодежи и женщин, — которых государство не может взять на свое содержание, не взламывая границ упомянутой «неопределенности» и любого финансового равновесия. Процесс такой ломки может быть вызван противоречием между социально допустимыми уступками и вмешательством в эту ситуацию реформаторской, преобразовательной политической силы. Задача заключается не в том, чтобы установить, может ли такая сила образоваться — это уже произошло в некоторых западноевропейских странах, — а в том, чтобы выяснить, может ли она утвердиться на демократической почве.

9. Кризис социального государства и проблема демократии

Чрезмерное бремя безработицы также явилось одной из причин возникновения кризиса социального государства. И встающая ныне проблема заключается не столько в выяснении степени желательности этого государства, сколько в определении способности капитализма справляться с его противоречиями, которые могут быть сведены опять-таки к глубокому надлому современного «управления кризисом».

Социальное, или благотворительное, государство обвиняют в том, что оно поощряет безработицу вместо того, чтобы бороться с нею, поскольку дефицитное государственное финансирование ведет к повышению банковского процента и удорожанию кредита, в результате чего возникает хронический недостаток фондов для частных инвестиций; не говоря уже о том, что при этом, как утверждалось, подавляются

стимулы к поиску работы у тех, у кого ее нет. С другой стороны, бюрократический характер предоставления государственной помощи делает пассивными тех, кто ее получает; одновременно те, кто распоряжается предоставлением услуг, особенно на верхних уровнях государственного аппарата, заинтересованы в сохранении открытыми тех проблем, которые они призваны разрешать. Таким образом, заслуги кейнсианского благотворительного государства, состоявшие в том, что ему удалось сочетать экономическое развитие с действенной защитой трудящихся от риска, которому они подвергаются в капиталистическом обществе, по-видимому, скоро исчерпают себя либо уже исчерпались, и перед обществом открылась перспектива новых конфликтов⁹³.

Социальное государство описывалось как «переплетение структурных реформ 30-х годов с активным применением налоговой политики послевоенного периода»⁹⁴. Как правило, подобный синтез приносил успех, позволяя избегать внушающих страх спадов. Но при этом обнажилось противоречие между целями поддержания занятости и социальными выплатами. Сложился своего рода класс «remittance men» — людей, которым надлежит переводить деньги вместо того, чтобы обеспечивать им работу.

Если же стать на точку зрения Лумана⁹⁵, то проблемы «государства всеобщего благосостояния» порождаются, напротив, избытком требований, адресуемых органам принятия политических решений. Политика как бы переружается задачами, которые ей чужды, и даже «может оказаться призванной взять на себя своего рода конечную ответственность за нерешенные проблемы». Чем активнее будут расти число конфликтов и множиться попытки изъять из ведения суверенной власти все новые участки, тем более «государству всеобщего благосостояния» необходимо будет прибегать к завоеваниям и правилам конституционного государства.

По мнению Ф. Каффе⁹⁶, государству как гаранту социального благосостояния не только не отошло в прошлое, но еще и не родилось. Тем более непонятно обличие у него «избытка иждивенчества». Если уж на то пошло, речь должна идти скорее о дефекте качества (с чем можно вести борьбу)

⁹³ C. Offe. *Democrazia partitica e stato assistenziale*. — “Stato e mercato”, 1981, № 3, p. 495—497.

⁹⁴ H. P. Minsky. *Il fallimento della combinazione tra politiche rooseveltiana e keynesiana negli Stati Uniti*. Torino, 1981 (циклостилато). Ротапринтированный текст доклада, представленного на симпозиуме, «Преобразования „государства всеобщего благосостояния“ между историей и предвидением будущего» (V международная неделя исследований им. Лелио Бассо. Турин, 15—19 декабря 1981 года).

⁹⁵ N. Luhmann. *Il Welfare State come problema politico e storico*. Ротапринтированный текст см. там же.

⁹⁶ F. Caffè. *La fine del Welfare State come riedizione del “crollismo”*. Текст ротапринтирован.

и о трудностях, которые, по словам Хиршмана, могут быть интерпретированы как «болезни роста».

Однако если вернуться к главной теме нашего исследования, то основная трудность касается нового положения государства, а именно того обстоятельства, что, внедряя все более тонкие и глубокие инструменты воздействия в процессы обращения, да и производства, государство перестало быть внешним элементом по отношению к капиталистическому экономическому базису и капиталистическому воспроизводству. Оно само вошло в этот базис, сделалось его частью. Проникновение государства внутри производственных отношений и его распространение внутри них (в известном смысле это то, что Хабермас называет полипизацией экономики, однако применяемые им категории отмечены чрезмерным формализмом) олицетворяет новый этап капитализма, новую фазу его развития, замеченную, но не полностью проанализированную Лениным и определенную в конечном счете как «государственно-монополистический капитализм» — формула, справедливо считающаяся двусмысленной⁹⁷ и, честно говоря, неудовлетворительная в аналитическом плане.

Если государство не является уже лишь внешним гарантом капиталистического способа производства и если оно интенсифицировало свое вмешательство в экономику до такой степени, что изменилась сама природа такого вмешательства и оно преобразовалось во вмешательство изнутри процесса воспроизводства, то все это не означает, однако, никоим образом, что теперь государство в состоянии господствовать над базисом и приобрело независимую от него власть. Не означает это, с другой стороны, и того, что оно тем более подпадает под власть правил капиталобразования. Подобные умозаключения представляют собой явное искажение анализа, который должен вестись в строго соблюдаемых плоскостях исследования.

Одно из таких неправомερных умозаключений представлено теорией «организованного капитализма» и идеей Гильфердинга о том, что такой капитализм может управляться и планироваться государством в интересах трудящихся. Аналогичные упрощенные выводы вытекают из некоторых теорий «государственно-монополистического капитализма», в которых содержится мнение о том, что государство достигает достаточной независимости, позволяющей ему действовать в пользу трудящихся с того момента, как антимонополистическим силам удастся завоевать его⁹⁸. Однако если обсуждать

⁹⁷ См.: R. Miliband. *Lo Stato nella società capitalistica*. Bari, 1970.

⁹⁸ Опровержение таких позиций в: E. Altvater, J. Hoffmann, W. Semmler, W. Scholler. *Stato, accumulazione capitalistica e movimento sociale*. — In: «Stato e accumulazione del capitale» (a cura di A. Martinielli). Milano, 1977, p. 14 sgg.

ради опровержения подобных выводов и мнений вопрос, например, о том, безграничны ли возможности вмешательства государства, свободны ли они от противоречий и т. д., то возникает сложная проблема⁹⁹. Для выявления таких пределов и противоречий допускают, с одной стороны, что политическая власть «стоит над экономикой», как «внешний институт», «чуждый процессу производства», способный вмешиваться лишь в сферу распределения, а следовательно, «косвенно»; а с другой — что вмешательство государства определяется «базисом и закономерностями развития капиталистического общества», так что, когда оно берет в свои руки управление переживающими кризис предприятиями или отраслями, вынуждено действовать «как предприниматель, то есть в точности как всякий отдельный капиталист». На самом же деле, для выявления пределов и противоречий государственного вмешательства нет необходимости ударяться ни в предположение о том, что он полностью чужд экономике, ни в гипотезу о его полном подчинении базису. Указанные пределы и противоречия проистекают из противоречивого в самой своей основе характера капиталистического производства, который государство может лишь видоизменить, но не ликвидировать, а также из новых противоречий, вытекающих из самого вмешательства государства.

На базе всех перечисленных аналитических подходов можно с большим или меньшим основанием сделать вывод, что при зрелом капитализме изменяется отношение экономика — политика¹⁰⁰, открываются прежде неизвестные поприща для политических действий, на сцену выходят новые

⁹⁹ "Stato, accumulazione capitalistica..." p. 20 sgg. Особо выделяется югославская позиция, сформулированная уже в программе Союза коммунистов Югославии, в соответствии с которой «буржуазное государство берет на себя экономические функции на той фазе развития капитализма, когда частнокапиталистические отношения становятся слишком тесными для развития производительных сил. Государственный аппарат приобретает, таким образом, самостоятельную экономическую базу, благодаря чему его социальная функция значительно усиливается. Буржуазное государство и государственный аппарат стремятся поэтому стать над обществом, стараются подавить самостоятельную социальную функцию рабочего класса, но в то же время ограничить функцию частного капитала, не подрывая, однако, основ капиталистической системы». Одно из последствий этого процесса — мощное развитие государственной бюрократии и ее тенденция выступать при определенных условиях в качестве относительно самостоятельного социально-политического фактора. См.: P. Vranicki. *Storia del marxismo*. Roma, 1972, v. II, p. 536 e nota. В момент, когда я заканчиваю эти строки, появилась книга: B. Jessop. *The Capitalist State. Marxist Theories and Methods*. Oxford, 1982. Эту работу я уже не смог включить в настоящий обзор.

¹⁰⁰ Анализ новой роли государства см. в: R. Finzi. *Lo Stato del capitale: un problema aperto*. — "Studi storici", 1970, vol. I, p. 488—508, а также замечания по поводу «американизма и фордизма» Грамши в: F. Sbarber. *I comunisti italiani*., p. 48 sgg. См. кроме того: "State and Economy in Contemporary Capitalism" Crouch (ed.). London, 1979.

классы и завязываются новые классовые бои, перечеркивая ожидаемое «угасание конфликта».

Здесь вновь встает вопрос о том, может ли реформистская политика содержать элементы преодоления конфликта, ведя к социалистическому преобразованию общества, причем для ответа на него, возможно, полезно будет вернуться к тому типу критических замечаний, которые уже адресовались в начале 50-х годов опыту лейбористского правительства. Продвигаясь по неисследованной местности, отмечал тогда Р. Кроссмэн, лейбористская партия сбилась с пути¹⁰¹. Деятельность лишенного теоретической базы послевоенного лейбористского правительства ознаменовала «конец века социальных реформ, а вовсе не начало новой эпохи, как надеялись его сторонники — социалисты». В то время как британский народ был готов согласиться на мирную социалистическую революцию, он получил взамен лишь «иждивенческий капитализм», то есть общественное устройство, не являющееся социализмом по крайней мере по следующим причинам: «1) несмотря на более справедливое распределение национального дохода, незатронутой остается концентрация капитала, а потому — и экономические привилегии; 2) размеры прибылей и заработной платы рабочих и служащих продолжают определяться не требованиями национальных интересов или социальной справедливости, а традиционными методами либеральной экономики. В условиях полной занятости это неизбежно порождает непрерывное инфляционное давление, подрывающее ценность служб социального страхования и обеспечения и сбережения мелких вкладчиков, а также понижающее конкурентоспособность на внешних рынках и потому ставящее под вопрос возможность сохранения нашего жизненного уровня; 3) хотя некоторые предприятия базовой индустрии превращены в государственные, а частная промышленность поставлена под некоторый контроль, реальная власть остается в руках узкой элиты гражданских чиновников и технических специалистов».

Между тем «основная задача социализма сегодня заключается в предотвращении концентрации власти в руках как индустриальных менеджеров, так и государственной бюрократии». И именно к этой задаче «даже не подступило лейбористское правительство». Планирование было воспринято им «скорее как чрезвычайная мера, чем как первый шаг на пути к подчинению экономики, демократическому контролю. Никаких усилий не было сделано и для того, чтобы стиму-

¹⁰¹ Цитаты взяты из: R. H. S. Crossman. *Verso una filosofia del socialismo*. — In: "Nuovi saggi fabiani". Milano, 1953, p. 3—43. Анализ теорий о «пределах реформизма» см. в: N. Apple, W. Higgins. *La questione del riformismo: è possibile il socialismo dopo Keynes?* — "Stato e mercato", 1982, № 4, p. 93—127.

лизовать участие народа в управлении... Напротив, было создано впечатление, будто социализм — это дело одного лишь правительства». Пятнадцать лет спустя «Майский манифест» нового левого крыла лейбористской партии углубил эту критику в связи с новым «провалом», на этот раз правительства Вильсона¹⁰².

В Италии социалисты подвергли критике опыт западноевропейской социал-демократии, которой, в общем, оставалось чуждо «стремление обеспечить государству прямой контроль над процессом накопления и главными решениями в области инвестиций», точно так же, как и «тенденция к социализации власти». Экономический кризис «день ото дня все больше сокращает пределы возможностей традиционного реформизма, а следовательно, вступает в противоречие с концепцией социализма, целиком основывающейся на распределительных мероприятиях и схеме «государства всеобщего благосостояния», поскольку лишает этот замысел необходимых ресурсов. Столкновение с этой новой действительностью порождает во многих секторах европейского социалистического движения сознание того, что кризис требует глубоких перемен в укладе общества и государства»¹⁰³.

Во Франции социалисты заявляют: «Если мы не хотим, чтобы введение «реформ» в механизм, остающийся капиталистическим, привело в конечном счете к усилению контроля над обществом и интериоризации принуждений системы, необходима ломка. Социалистический проект — это глобальный и радикальный проект реорганизации общества, даже если эта реорганизация должна совершаться постепенно»¹⁰⁴.

Итальянские коммунисты считают, что «капитализм больше не в состоянии разрешать» проблемы человечества. «Ошибаются те, кто хочет уверить нас, будто идеи, потребность, необходимость социалистического преобразования отошли в прошлое. На самом деле в прошлое отошли старые политические и идеологические схемы: определенное понимание социализма, организации государства и власти, отношений с обществом... «Модель», примененная в СССР и перенесенная в страны Востока, не подлежит воспроизведению; неприемлемо какое бы то ни было отделение социализма от демокра-

¹⁰² "Manifesto di maggio. La sinistra laburista". Bari, 1967. Общую оценку см. в: D. Sassoon. Gran Bretagna: la sconfitta dello Stato socialdemocratico. — "Critica marxista", 1982, № 2, p. 61—71.

¹⁰³ О «Социалистическом проекте» см. в: Documenti 41° Congresso Partito socialista italiano. Milano, 1978, p. 41—42. См. среди прочих позицию Р. Ломбарди в: R. Lombardi. Riforme e rivoluzione dopo la seconda guerra mondiale. — In: "Riforme e rivoluzione nella storia contemporanea" (a cura di G. Quazza). Torino, 1977, особенно p. 325.

¹⁰⁴ Projet socialiste. Pour la France des années 80, Paris, 1981, p. 121. См. также: F. Mitterand. Qui e adesso. Roma, 1981 p. 145, 194—195. Кроме того, о совместной программе левых сил см. тексты, собранные в: "I comunisti e l'unità delle sinistre in Francia". Roma, 1972.

тии, форм собственности — от общественного контроля над средствами производства и демократических форм организации политической власти. Опыт, проделанный до сего дня социал-демократией, пути, которыми она шла... выглядят ныне не блокированными... Отсюда повсеместный — от Франции до Греции, от Скандинавии до Германии — поиск новых идей и конкретных политических и правительственных программ. Нынешний кризис капитализма... более, чем когда-либо, требует, чтобы все силы европейского рабочего движения приложили усилия во имя поиска нового пути к социализму»¹⁰⁵.

Так встает откровенно политическая проблема, которую мы указали вначале и которая постоянно возникала в этом обзоре, посвященном преимущественно экономическим вопросам. Но поскольку экономика при современном капитализме менее, чем когда бы то ни было, отделена от политики, политических проблем, роли государства, сложности и управляемости общества, институтов, вырабатывающих и принимающих решения¹⁰⁶, наконец и по существу от демократии, то все эти проблемы требуют, чтобы они были поставлены во всей своей масштабности.

По соображениям краткости ограничусь лишь некоторыми из них. Социально-экономическая формация капитализма отмечена богатством новшеств и противоречий, куда более сложной организацией, чем в прошлом. Подобно тому как исчерпала себя историческая фаза кейнсианского равновесия, так невозможно помыслить о том, чтобы управлять этой действительностью и преобразовывать ее в направлении большей рациональности и справедливости методами принудительного планирования, пусть даже построенного на научно-информационных критериях¹⁰⁷. Советская модель не-

¹⁰⁵ Резолюция руководства ИКП от 30 декабря 1981 года в: "Socialismo reale e terza via" Roma, 1982, p. 237, 243—244. О невозможности преодоления капитализма на путях традиционного реформизма см. статью К. Наполеони в «Республика» от 15 января 1982 года. О западногерманском и шведском опыте см.: E. Altvater. Crisi di un modello: la socialdemocrazia tedesca. — "Critica marxista", p. 41—59; W. Korpi. Svezia: conflitti di classe e democrazia economica. — "Critica Marxista", p. 73—89. Об известном проекте шведских профсоюзов см.: R. Meidner. Capitale senza padrone. Roma, 1980. Анализ и критику этого проекта см.: S. Finardi. La trasformazione in Svezia. Roma, p. 156 sgg. Материалы о практике социалистов и социал-демократов во Франции, Италии, Западной Германии и Англии см. в: S. Holland (ed). Beyond Capitalist Planning. Oxford, 1979.

¹⁰⁶ См. по этому поводу обзор программы V международной недели исследований им. Лелио Бассо, выполненный Дж. Маррамао. См. цит. ротапринтированный текст.

¹⁰⁷ См.: P. Spriano. Le riflessioni dei comunisti italiani sulle società dell'Est e il "socialismo reale" доклад на симпозиуме: I problemi della democrazia politica oggi. Roma, 4—6 febbraio, 1982. — "Study storici", 1982, № 1, p. 65—66. Весь этот доклад примечателен уравновешенностью изложения суждения, которое сформировалось на протяжении многих лет и оказалось всесторонне разработанным.

пригодна к использованию у нас уже по причине ее неприменимости к нашей многообразной действительности с ее предприятиями разных размеров и разного состава, множественностью участвующих субъектов и неоднородных актов государственного вмешательства, переплетающихся с логикой функционирования рынка. В подобной ситуации необходимы гибкие методы управления, поддающиеся самокоррекции; постепенно осуществляемые процессы перемен, внедрения форм самоуправления, участия трудящихся в широких масштабах и принятии политических и экономических решений.

Эта проблема переплетается, естественно, с проблемой демократии. Существует конституционное обязательство, существует неизменно позитивная оценка, которую как «еврокоммунисты», так и «евросоциалисты» дают понятию демократии вне зависимости от меняющихся конъюнктурных обстоятельств. К этому следует добавить, что силам обновления экономики просто необходимо основываться на демократической диалектике, если они не хотят, чтобы их управление выродилось в бездушное администрирование. Перемены, которые требуется осуществить не только в механизмах производства и распределения, но и в целях развития, предполагают согласие и поддержку трудящихся масс, что может быть достигнуто только на почве демократии. Эти перемены в основе своей требуют нового понимания благ и ценностей, требуют граммшианской «интеллектуальной и моральной реформы», которая не может созреть в бюрократических условиях или условиях отчуждения от политики.

«Мы придем к социализму не сразу, а через сложный процесс экономического и политического развития», — говорил Тольятти¹⁰⁸. Должен пройти длительный переходный период, во время которого международные отношения будут иметь не меньшее значение, чем отношения внутривнутриполитические. Благоприятные условия для наступления социализма на Западе возникнут не из преобладания одного блока над другим, а из преодоления блоков, установления разрядки напряженности и наступления эпохи мирного сосуществования между государствами. «Новая западноевропейская политика, основывающаяся на отношениях дружбы и сотрудничества, на условиях равноправия со всеми странами мира, начиная с Соединенных Штатов и Советского Союза, а также на новых отношениях с развивающимися странами, может внести в осуществление этих целей незаменимый вклад»¹⁰⁹.

¹⁰⁸ Из выступления на совещании 64 коммунистических партий в Москве 18 ноября 1957 года. См.: *П. Тольятти. Избранные статьи и речи*. М., 1965: т. II, с. 111.

¹⁰⁹ Заключительное коммюнике о встрече между делегациями ИКП и КПИ 9—11 июля 1975 года в: *E. Berlinguer, S. Carrillo. Una Spagna libera in un'Europa democratica*. Roma, 1975, p. 64—65.

При такой международной перспективе особую важность приобретает выработка модели нового социализма на Западе, способного управлять переходом и одновременно гарантировать и развивать демократию. Процесс перехода не может быть прочерчен на базе волюнтаристских актов или выведен из неких неизменных принципов. Он определяется «всей политической, экономической и социальной структурой каждой страны, их уровнем развития во всех областях, их традициями, формами организации их гражданской жизни и т. д. Если бы эти условия были повсюду одинаковы с теми, которые существовали в старой России, и если бы были аналогичные исторические обстоятельства, которые вызвали к жизни Октябрьскую революцию 1917 года, то очевидно, что пути развития к социализму были бы также более или менее одинаковыми. Однако действительность такова, что почти во всех странах сегодня существуют условия и обстановка, отличающиеся от того времени. Кроме того, нельзя забывать, что сегодня совершенно другая общая обстановка экономического и социального развития»¹¹⁰.

Особую важность приобретает тот факт, что рабочий класс — «первый в мире носитель социалистического сознания» имеет вокруг себя многочисленные средние слои трудящихся, куда более дифференцированные и развитые, чем «это было в дореволюционной России» как в сельском хозяйстве, так и в области ремесла и промышленности. Но постановка вопроса об отношениях рабочего класса с другими силами, которые могут идти к социализму, не может абстрагироваться от «форм организации этих сил», их политических традиций, точно так же, как и ориентаций, складывающихся в их среде. «У них имеется традиция демократической жизни. У них имеется традиция парламентской жизни... Невозможно намереваться разрубить насильственным актом передового меньшинства теперешнее переплетение самых народных политических позиций и организаций, определяющих сегодня структуру общества и государства. С другой стороны, стремления к глубоким преобразованиям социалистического типа распространяются все больше... Необходимо дать точную форму этим стремлениям, превратив их в практические предположения об экономических и социальных реформах»¹¹¹.

В этих словах прочерчена новая стратегия, в основе которой лежит более реалистическое видение общества и социальной стратификации и которая также по-новому трактует вопрос о демократической почве и демократических гарантиях. Неизбежно возникает вопрос, способна ли демокра-

¹¹⁰ П. Тольятти. Избранные статьи и речи. Т. I, с. 915—916.

¹¹¹ Там же, с. 916—918.

тия в том виде, как она известна и практикуется на Западе, способствовать или по меньшей мере позволять осуществление подобного процесса социалистического преобразования. Возможности проникать внутрь государства и контролировать его вмешательство в экономику возросли в силу самой эволюции производственных отношений и экономической политики. Тезис о необходимости разбить и уничтожить государственный аппарат, напоминал Тольятти, не предусматривался первоначальными взглядами Маркса и Энгельса: они пришли к нему после опыта Парижской коммуны; тезис этот потом был в особенности развит Лениным. Ныне нельзя утверждать, что эта идея полностью сохранила свою истинность, раз мы считаем «возможным путь продвижения к социализму не только на демократической почве, но и с использованием парламентских форм»¹¹².

Существует вместе с тем и негативное разрешение указанной проблемы. Тот, кто держит в своих руках власть, возражают сторонники такого решения, не откажется от манипулирования сознанием, связывания действий большинства разными условиями, использования идеи неэффективности политики сдачи государства «в аренду» специалистам, утверждения превосходства исполнительных органов над парламентом. Эти и другие уловки выхолащивают демократию, лишают действенности и урезают принцип представительности, разлагают классы на корпорации, деполитизируют массы. Сохраняет ли еще смысл, задаются при этом вопросом, «идея перехода к социализму, опирающаяся на практическую деятельность масс». Модель Тольятти, заключающаяся в «последовательных усилиях по налаживанию спайки и синтеза между либеральной и массовой демократией, между требованием соблюдать гарантии и требованием преобразования», сохраняет ли все еще свою действенность перед лицом совершившихся перемен? Речь идет, во-первых, об угасании идеи программирования, обусловленном тенденциями социального государства, а, во-вторых, об уязвимости плюралистской системы в наиболее продвинутых фазах капиталистического развития. Тем самым «все более частое включение социальных требований в круг вопросов либеральной демократии не только не влечет за собой мирного и безграничного расширения свободы, но и ведет к прогрессирующему сужению способности правительства к осуществлению своей роли, что ставит под сомнение самое базовую форму современного государства»¹¹³.

¹¹² P. Togliatti. La via italiana al socialismo. Rapporto al CC del PCI. 24 giugno, 1956. — In: "Problemi del movimento operaio internazionale", p. 149—150.

¹¹³ L. Paggi. Il PCI e i problemi nuovi dell'Occidente. Relazione al convegno "I problemi della democrazia politica oggi".—"Critica marxista",

Можно тем не менее ответить на это, что опыт социального государства, да и вообще опыт конфликта, получившего развитие в условиях современного капитализма, «переклассифицировал, но одновременно и высвободил социальные силы и привел к возникновению требований с качественно новым содержанием: требования не просто труда, но труда, который наделял бы смыслом жизнь человека; требования охраны окружающей среды и, следовательно, новых форм обмена с природой; требования освобождения женщины, причем не только в организации производства, но и во взаимоотношениях полов и положении в обществе; требования общения, межличностных отношений, общественного блага». Реагировать на подобные требования, как это пытаются делать путем их редукции и восстановления авторитетов, — значит загонять себя в тупик. Для того чтобы найти положительный ответ, «необходимо подвергнуться испытанию новым развитием, а это предполагает другой расчет, другое использование и другой способ формирования ресурсов — такой, при котором важность приобретают: творческое начало в работе группы и отдельных труженников, развитие сознания работника производства, построение массовой культуры развития, экспериментальное исследование различных областей кооперации, самоуправления, общественного волеизъявления»¹¹⁴.

Таковы некоторые компоненты содержания нового пути к социализму, не подчиненного капиталистическому способу производства и капиталистическому образу жизни даже в своих наиболее последовательно реформистских вариантах, но и не сплюсненного до социального упрощения того типа, которое имеет место в странах «реального социализма». «Это преобразование общества, опирающееся на консенсус и участие масс, потребует сложных переходов, моментов ломки и новых форм политического «компромисса», такого реформирования институтов, основы которого следует закладывать уже сейчас. Потребуются время и борьба. Еще менее пригодными краткосрочные действия выглядят применительно к задаче придания необходимых масштабов борьбе за мир и вновь предложенную социалистическую перспективу»¹¹⁵.

Если при этом мы хотим представить себе форму подобного перехода, то необходимо думать о «политической систе-

1982, № 4, p. 95--99. См. среди прочих: A. Botaffi. La democrazia in discussione: interviste con Abendroth, Negt, Flechtheim, von Oertzen, Habermas, Narr, Bahro, Luhmann, Offe. Bari, 1980.

¹¹⁴ P. Ingrao. La riforma che incomincia da noi. Intervento al convegno "I problemi della democrazia politica oggi". "Rinascita", 1982, № 6, p. 28. См. также: G. Napolitano. Intervista sul PCI (a cura di E. J. Hobsbawm). Bari, 1975, p. 63 sgg.; G. Ruffolo. Oltre il keynesismo e lo stalinismo. — "Rinascita", 1982, № 6, p. 9.

¹¹⁵ Ingrao. La riforma...

ме открытой демократии», при которой становится возможным «как сохранение существующего строя, так и его ниспровержение», и предоставляется «легальность и законность как консервации, так и революции». Разумеется, «возвращение от демократии вспять на Западе недопустимо». Но при выборе новой демократии преобразования следует считать место и время, определяющие «ту критическую точку, в которой совершается переход от теоретического исследования к политической инициативе»¹¹⁶. Конечно, каждый шаг на пути к новому социализму является куда более важным и необходимым, чем многие трактаты. Однако теоретическое исследование, наделенное своей собственной свободой, само составляет неотъемлемую часть третьего пути. Причем нерешенные в теоретическом плане проблемы колоссальны¹¹⁷.

Прежде всего необходимо углубить анализ государства. После того как мы рассмотрели необходимость установления с помощью государства господства над командными высотами экономики, нужно вспомнить Маркса: «Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный...»¹¹⁸. Но мы поступили бы против правильно прочтенного Маркса, если бы откладывали практику подчинения государства до периода после «прыжка в царство свободы»: тем более ныне, перед лицом государства, которое с помощью могущества, приобретенного во всех областях, может задушить тенденции к созданию экономических и политических альтернатив капитализму¹¹⁹.

Отмирание государства — его не только экономических, но и идеологических аппаратов, его административных мероприятий — означает передачу большей власти независимым учреждениям и объединениям, как государственным, так и частным; большую способность общества к самоорганизации,

¹¹⁶ M. Tronti. Il sistema politico tra rappresentanza e decisione. Intervento al convegno "I problemi della democrazia politica oggi" — "Critica marxista", 1982, № 4, p. 120—121. См. также: U. Cerroni. La democrazia come problema delle società di massa, p. 90: «Отношение к демократии образует, следовательно, исторический осколок зрелости современных классов в той мере, в какой вынуждает их подвергать свои частные программы испытанию на общую верность».

¹¹⁷ Несмотря на большую работу, проделанную в эти годы, Перри Андерсон прав, когда говорит: «Социалистическое движение еще далеко не разрешило гигантские научные проблемы, поставленные перед ним *самыми сильными*, а не самыми слабыми звеньями капиталистического способа производства» (P. Anderson. Il dibattito nel marxismo occidentale. Bari, 1977, p. 132). Например, по вопросу о государственных институтах см.: "Il marxismo e lo Stato. Il dibattito aperto nella sinistra italiana sulle tesi di Norberto Bobbio". — "Mondoperaio", quaderni, 1976.

¹¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 26.

¹¹⁹ Убедительный пример отстаивания иной, неэтикетской линии см.: C. Offe. Notes on the Future of European Socialism and the State. — "Kapitalistate", 1978, № 7, p. 27—37.

растворение отношений отождествления государство — партия, отказ от «государственной идеологии», демократизацию информационных систем. Каким бы длительным и тернистым ни суждено быть этому пути, с самого его начала должны стать отчетливо зримыми знаки свободы, ответственности масс, множественности позиций. Эти знаки потом упрочатся до состояния отличительных черт системы, но они не могут отсутствовать в какой бы то ни было форме ни на одной из стадий этого процесса. С другой стороны, открытая политическая демократия представляет собой не только наиболее благоприятную почву для развития классовой борьбы, как о том говорили Маркс и Энгельс, но и выступает сегодня в более общем виде как «наиболее высокая институциональная форма организации государства, в том числе социалистического государства»¹²⁰. Новая фаза развития социализма, которая развернется в западных обществах, не сможет абстрагироваться от этих теоретических и политических приобретений.

Но почему, в конце концов, Запад? Думаю, что никто или немногие среди тех, кто в эти годы прилагают усилия к изучению условий перехода к социализму в странах зрелого капитализма, не помышлял о том, чтобы исключить из перечня движущих сил революционного процесса другие части мира, другие социальные и политические компоненты. Как можно среди всего прочего игнорировать страны голода и отсталости и вообще международное переплетение движений борьбы с империализмом? Специфичность не означает исключения. Уточнение способов перехода к социализму на Западе не может вестись в отрыве от общемировой картины. Существуют, однако, как отмечал Берлингуэр, «структурные и политические факторы, которые делают из Европы и западного рабочего движения эпицентр новой фазы битвы за социализм». Европейский капитализм образует в одно и то же время одну из высших точек системы и переживает сегодня «глубочайший кризис перспектив, идей, инструментов действия». Он «в отличие от американского и японского капитализмов «выработан» изнутри борьбой и завоеваниями рабочего движения, которое породило не только мощные профсоюзные организации, но и сильные политические партии, причем не только социалистические, но и коммунистические». Политические отношения и критерии торгового обмена между Западной Европой и странами, в прошлом поработанными европейским империализмом, претерпели радикальную перемену. Европа, с другой стороны, — «это континент, непосредственно испытывающий на себе угрозу атомного конфликта» и наиболее непосредственно призван-

¹²⁰ XV congresso del Partito comunista italiano. Roma, 1979, p. 629.

ный предотвратить такую перспективу. В Европе «лицом к лицу стоят два блока, равновесие сил между которыми не может быть изменено», но которые должны постепенно изменить себя благодаря разрядке и сокращению вооружений: «Разрядка, разоружение и сотрудничество суть условие, без которого построение социализма в обстановке демократии превращается просто в розовую мечту»¹²¹.

Таким образом, в качестве самого высшего своего требования левые партии Западной Европы выставляют требование мира и развития демократии: лишь этот путь приведет к рождению социализма на Западе. По сравнению с воззрениями II и III Интернационалов марксизм совершил поворот, по существу соответствующий повороту, происшедшему в мире. На угрозу войны и одичания может быть дан лишь один ответ точно так же, как одно-единственное решение может быть найдено для проблемы примирения рациональности развития с человеческими правами и гражданскими политическими свободами.

¹²¹ Socialismo reale e terza via, p. 33—34. По вопросу о связи между борьбой за мир и перспективами социальных перемен см. речь В. Брандта на съезде Социал-демократической партии Германии (Мюнхен, 19 апреля 1982 года) в: "Politik", 1982, № 5, S. 10.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА И НОВЫЕ ФОРМЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ

Теория государственно-монополистического капитализма претендует на разработку адекватной концепции динамических тенденций и противоречий высокоразвитого капитализма. Эта теория стремится опереться на Марксово объяснение понятия капитала, а также на ленинский анализ империализма «как высшей стадии капитализма», из которого, кстати, выводится само понятие государственно-монополистического капитализма. Впрочем, если внимательно рассмотреть развитие этой теории, то приходится констатировать, что концепция государственно-монополистического капитализма понимается по-разному и что, следовательно, в этом смысле *не существует единой теории* государственно-монополистического капитализма. И все же, констатируя отсутствие этого теоретического единства, следует сразу же уточнить, что политические выводы данной теории являются относительно едиными. В самом деле, понятие государственно-монополистического капитализма фигурирует как в теории капитализма, поддерживаемой коммунистическими партиями западных стран, так и для теоретического обоснования той оценки капитализма, которая формулируется странами социалистического лагеря. Из этого следует, что эта теория является безусловно *партийной*, хотя, следует добавить во избежание возможных недоразумений, эта ее отличительная черта во все не обязательно подрывает ее *научный* характер. Она преследует определенные *политические цели* и, следовательно, предусматривает не только проведение анализа, но и разработку прогнозов и стратегии. «Термин «государственно-монополистический капитализм» давно уже перестал быть только понятием научного анализа, а сделался также понятием политического противоборства, понятием борьбы»¹. В этом смысле данная теория полагает, что является дальнейшим и с исторической точки зрения адекватным развитием

¹ H. Jung, J. Schleifstein. Die Theorie des staatsmonopolistischen Kapitalismus und ihre Kritiker in der Bundesrepublik Deutschland. Eine allgemeinverständliche Antwort. Frankfurt am Main, 1979, S. 7.

научного социализма — теоретического исследования противоречивых тенденций общества и в конечном итоге выработки соответствующих политических мер. Такого рода иерархическая концепция связи между теорией, с одной стороны, и политической стратегией и тактикой — с другой, не обходится без определенных сложностей, ибо в *объективистской* теории остается открытым вопрос — насколько теоретически обосновывается политическая практика или же она определяется просто объективными тенденциями развития общества². С другой стороны, объективизм ведет к недооценке теории в сравнении с политическими решениями, в силу чего критики теории государственно-монополистического капитализма нередко обвиняют ее в том, что она ограничивается тем, что заведомо поставляет комплекс оправданий для определенных стратегических решений, уже сформулированных коммунистическими партиями или государствами реального социализма. Этот тезис мог бы быть подкреплен тем фактом, что одни и те же теоретические положения в одном и том же историческом контексте использовались для оправдания политической тактики III Интернационала в 20-е годы, курса на «народные фронты» 30—40-х годов и политики союзов послевоенных десятилетий³.

Целью данного очерка является не «развенчание», а скорее выявление основополагающих структур теории государственно-монополистического капитализма, свойственных ее развитию после второй мировой войны. Мы рассмотрим вначале связь, существующую между теорией государственно-монополистического капитализма и теорией «общего кризи-

² Объективизм в теории, в частности и в особенности в марксистской теории, критикуется больше всего в: *E. P. Thompson. The Poverty of Theory and other Essays.* London, 1978. Проблема имеет двоякий характер: с одной стороны, претензия на обладание «объективной» истиной исключает множественность поисков, нацеленных на освоение окружающей действительности как в теоретическом, так и в практическом плане; с другой — недооценивается та творческая способность, которая содержится в самих процессах накопления опыта и знаний рабочим классом ради осуществления им своих преобразовательных задач. К этому добавляется то обстоятельство, что перспектива установления монополии на объективную теорию и ее толкование по меньшей мере угрожает ограничением политического многообразия. См. также: *M. Vester. "Wenn sich die Professoren streiten..." — Friedrich Engels Verhältnis zu den Len-Prozessen der Arbeiterbewegung im "Antidühring"* — "Prokla", 1981, № 43. Верным, однако, является и то, что серьезные возражения этих (и многих других) авторов не сопровождаются выдвижением позитивно определяемой парадигмы, которая позволяла бы оценивать также дотеоретические и теоретические интерпретации опыта, не впадая в произвольность релятивизма, или обосновывать притязание на научную «точность» тех или иных положений.

³ См. критические замечания в: *C. Möcklinghoff. Aspekte der Geschichte und Theorie der Bündnispolitik der KPD und DKP.* — "Prokla", 1972, № 4, S. 113 ff.; *P. Brandt. Einheitsfront und Volksfront in Deutschland.* — "Prokla", 1976, № 26, S. 35 ff.

са капитализма», затем исследуем развитие интересующей нас теории после второй мировой войны и, наконец, поговорим о центральной категории этой теории, то есть *понятии монополии*. И в соответствии с указанной целью мы выскажем некоторые замечания об эмпирическом содержании понятия монополии и связанных с этим политических трудностях данной теории.

1. Государственно-монополистический капитализм и «общий кризис капитализма»

Понятие государственно-монополистического капитализма создано Лениным с целью охарактеризовать один из аспектов империализма, представляющий ему важным для стратегии революции: «...Империализм, ...эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление «государственной машины», неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата...»⁴.

В статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин добавляет: «Государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаги к социализму!... Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией»⁵.

Таким образом, согласно точной интерпретации Маргарет Вирт⁶, государственно-монополистический капитализм является для Ленина *последней стадией обобществления капитала* в частнокапиталистических условиях, за которой непосредственно, с железной необходимостью может последовать та стадия развития человечества, которую представляет собой социализм. Разумеется, речь идет не о почти автоматическом переходе, но о результате революционного действия рабочего класса и его союзников. Своим успехом это революционное действие обязано *субъективным силам*, которые действуют на основе *объективной структуры* империализма как государственно-монополистического капитализма — что и было так или иначе показано Октябрьской революцией.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 33.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 191—192.

⁶ M. Wirth. Zur Kritik der Theorie des staatsmonopolistischen Kapitalismus. — Probleme des Klassenkampfes. 1973, № 8—9, S. 22.

При такой интерпретации обнаруживаются некоторые устойчивые долгосрочные последствия, вытекающие из теорий государственно-монополистического капитализма. В самом деле, в соответствии с такой парадигмой государственно-монополистический капитализм понимается как форма общественной организации «общего кризиса капитализма», как «последний час» капиталистического развития (причем все более проблематичным становится установление числа минут, которые этот час содержит). Во всяком случае, никогда не было и нет согласия насчет того, с какого момента вести отсчет общего кризиса, или, говоря словами Варги, «периода упадка капитализма». В одной из официальных публикаций Института международной политики и экономики ГДР утверждается, что «упадок капитализма происходит в значительной мере в такой исторический период, когда капитализм и социализм сосуществуют. Это означает, что историческая альтернатива капитализму — социализм — уже стал реальностью в одной части земного шара. Этот особый исторический период есть общий кризис капитализма. Его начало связано с исходом первой мировой войны и победой Великой Октябрьской социалистической революции в России. Мировой революционный процесс вступил тогда в новую стадию»⁷.

Мы уже показали⁸, что в рамках III Интернационала монополизация экономики истолковывалась как *дестабилизация* общества. В теориях государственно-монополистического капитализма, сформулированных после второй мировой войны, мы снова обнаруживаем эту связь в тезисе о воображаемом совпадении между организацией развитого капиталистического общества при государственно-монополистическом капитализме и «общим кризисом капитализма». Как нам предстоит убедиться, такое определение государственно-монополистического капитализма в терминах организации общего кризиса выступает в качестве исходного теоретического (и политического) пункта анализа капитализма и, по существу, также в качестве изначальной причины изъяснов такого ана-

⁷ Institut für Internationale Politik und Wirtschaft. Allgemeine Krise des Kapitalismus. Triebkräfte und Erscheinungsformen in der Gegenwart. Frankfurt am Main, 1976, S. 29. Варга различает три момента в общем кризисе капитализма. Первый характеризуется возникновением Советского Союза как первого социалистического государства в мире. Второй момент общего кризиса капитализма отмечен образованием социалистического лагеря после второй мировой войны. Наконец, третья фаза общего кризиса капитализма отождествляется с растущей неспособностью капитализма соревноваться с социализмом в экономическом и политическом отношениях. По концепции Варги, мировая социалистическая система вообще становится решающим фактором общественного развития как такового.

⁸ См.: Storia del marxismo, v. 3.

лиза. В самом деле, при этом заранее забывается, что в ходе кризиса буржуазное общество реорганизуется, перестраивает свою структуру не для того, чтобы дестабилизировать еще больше, а именно для того, чтобы вывести присущую ему систему господства из опасной зоны кризиса. В этой проблеме заключены также принципиальные различия между парадигмой государственно-монополистического капитализма, с одной стороны, и с другой — теориями, которые связываются с грамшианским понятием гегемонии и которые истолковывают прогрессирующее формирование «единого механизма государства и монополий» скорее как создание институтов буржуазной гегемонии⁹. Отчетливо подчеркнем этот пункт: если в процессе исследования понятие государственно-монополистического капитализма порождает трудности, то происходит это прежде всего потому, что этот последний понимается как общественная организация кризиса, то есть таким образом, при котором уже невозможно интерпретировать реорганизацию буржуазного общества при кризисе в качестве структурного приспособления с целью преодоления кризиса. Из подобной концептуализации вытекает неизбежное расширение самого понятия кризиса; «общий кризис капитализма» подразделяется на многочисленные этапы¹⁰ вплоть до того, что само понятие «общего кризиса» становится проблематичным, если принимаются во внимание меры по перестройке структуры и стабилизации системы в ответ на кризисные процессы. Но к этой проблеме мы еще вернемся.

Связь концепции «общего кризиса» с формой общественной организации, которая представляет собой государственно-монополистический капитализм, имела у Ленина недвусмысленное значение для стратегии революции. Правда, после него «государственно-монополистический капитализм» все более превращается в *объективистское понятие*, включающее в себя определенные черты, позволяющие понять структуру и развитие высокоразвитого капитализма. Теория, по которой общий кризис капитализма расчленяется на ряд этапов, заменяется либо дополняется концепцией, по которой капитализм подразделяется на определенные фазы, подчиняющиеся

⁹ Это различие отмечается в работе Борхи, который в остальном использует традиционные доводы и опирается на Бухарина (*R. Borja. Existe una teoría del Capitalismo monopolista de Estado? in Investigación Económica ISI, gennaio — marzo 1980, p. 99 sgg.*). Адам Пжеворский развивает тезис, восходящий к Грамши, но тщательно подчеркивает значение экономической основы консенсуса и регеомонии, а также обращает внимание на роль кризиса (*A. Przeworski. Material Bases of Consent: Economics and Politics in an Hegemonic System. — In: Political Power and Social Theory, vol. 1, 1980, p. 21 a. o.*).

¹⁰ См., например: *E. Varga. Der Kapitalismus des zwanzigsten Jahrhunderts. Berlin, 1962*; или же: *Institut für Internationale Politik und Wirtschaft. Allgemeine Krise...*

определенным объективным законам: от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму и, наконец, к государственно-монополистическому капитализму. Во введении к коллективному труду, подготовленному под руководством Поля Боккара и опубликованному в журнале «Экономи и политик» под заглавием «Государственно-монополистический капитализм», говорится: «Государственно-монополистический капитализм... есть та *стадия* империализма, в которой монополистические структуры расширяются, а внутри этой стадии — такова ее нынешняя фаза — развивается вмешательство государства в экономику и усиливается переплетение отношений между монополиями и государством». «Основная характеристика» этой новой фазы усматривается в государственном финансировании, в «развитии и большом усложнении государственного сектора, государственном планировании и организации производства»¹¹. В томе «Империализм ФРГ», опубликованном в Германской Демократической Республике, утверждается, что «главная экономическая характеристика государственно-монополистического капитализма заключается в усиленных государственной монополией концентрации и централизации капитала в руках финансовых олигополий»¹². Стремление определить исторический этап капитализма на основе нескольких характерных черт представляет собой крайне спорный метод, особенно если это влечет за собой такие важные последствия, как те, что вытекают из теоретического анализа государственно-монополистического капитализма. В самом деле, это понятие применяется для констатации того, что *отношение между экономикой и политикой изменилось* по сравнению с минувшими фазами, для подразумеваемого противопоставления новых форм репулирования действию закона стоимости, развитого Марксом в «Капитале»; и, наконец, для утверждения, что в классовой структуре общества произошли изменения, имеющие огромное значение для построения систем политических союзов.

2. Ретроспективная теория и прогнозы кризиса

Определение новой фазы развития капитализма на основе определенных характерных черт или, как нам придется убедиться, на основе способов функционирования и механизмов регулирования, отличных от тех, что были свойственны капитализму свободной конкуренции, представляет собой по-

¹¹ Le capitalisme monopoliste d'Etat. — Economie et politique (trad. tedesca: Der staatsmonopolistische Kapitalismus. Berlin, 1972, S. 52).

¹² Der Imperialismus der BRD. Berlin, 1971, S. 102.

пытку определить предмет и динамику развития капитализма в соответствии с *объективными* критериями. Поскольку же априорно установлено, что предмет рассмотрения находится в фазе общего кризиса и что субъективные силы революционной перемены уже даны «в себе» (например, в форме социалистического лагеря), то главной задачей исторического анализа становится указание *степени* обострения, которой достиг кризис. По этому пункту исследования по теории государственно-монополистического капитализма приходят к разным оценкам. После второй мировой войны с разных сторон задавался вопрос, способен ли еще капитализм стабилизироваться на какое-то время или же его кризису суждено неуклонно обостряться и дальше. Такое положение дел внезапно возникло в ходе «дискуссии по Варге», которая развернулась в 1947 году между главными исследователями современного капитализма в Советском Союзе. Диспут вспыхнул после выхода книги Варги, озаглавленной в немецком издании «Изменения в капиталистической экономике в результате второй мировой войны»¹³. Варга был убежден, что после второй мировой войны капитализм приобрел некоторые новые черты, которые, бесспорно, должны были обусловить стабилизацию системы. Косвенно он тем самым отвергал поддерживавшийся Сталиным тезис о всецелом вовлечении государства монополистического капитализма в кризис. Ни один кризис, утверждал Варга, не длится вечно: напротив, именно сам кризис формирует условия, делающие возможным дальнейшее развитие капитализма. Варга отмечал, что после второй мировой войны в метрополиях капитализма наблюдается тенденция к возрастанию влияния государства. «Проблема большего или меньшего участия государственной администрации послужит главной темой той политической борьбы, которая развернется между двумя главными классами капиталистического общества — буржуазией и пролетариатом»¹⁴.

Варга, с другой стороны, был озабочен тем, чтобы его анализ не оказался упрощенным, черно-белым. Он стремился поэтому подчеркнуть различия в сплетении государственных и конкретных классовых интересов в отдельных империалистических государствах. Он открыто отвергал тезис о том, будто финансовая олигархия и в мирное время может целиком определять политику буржуазии и всю политику государства. Так, в Германии в принятии политических решений участвовали не только финансовая олигархия, но и юнкеры; в Японии большое воздействие на это принятие решений ока-

¹³ Главные положения книги и вызванной ею дискуссии см.: E. Varga. Veränderungen in der kapitalistischen Wirtschaft im Gefolge des Zweiten Weltkriegs. — Sowjetwissenschaft. Band 1, 1948.

¹⁴ Sowjetwissenschaft, 1949, Band 4, S. 236.

зывала военщина, в Америке фермеры оказывали чуть ли не решающее влияние на политическую область. В самой Англии, например, рабочий класс и лейбористская партия повлияли в 1947 г. на национальную политику: финансовая олигархия в одиночку не смогла определить политику в целом, хотя Англия и представляла собой типичный пример страны монополистического капитализма. Далее Варга писал: «Сейчас сама европейская буржуазия... признает, что капиталистический строй общества нуждается в радикальной реформе; признает, что остро необходимы такие меры, как национализация главных отраслей производства, государственный контроль над экономикой, экономическое планирование... Ныне, через 30 лет после победы Великой Октябрьской социалистической революции, борьба в Европе, в ее историческом развитии, все более становится борьбой за быстроту и формы перехода от капитализма к социализму... Европейская буржуазия допускает, что человечество может выжить в рамках капиталистических обществ, только если в них будут приняты „социалистические меры“».

По мнению Варги, возникла даже возможность противопоставить «русским методам большевизма» медленный, постепенный и мирный переход к «демократическому социализму»... и это было бы «не простой игрой слов, не просто маневром...»¹⁵. Таким образом, временная стабилизация капитализма, на взгляд Варги, представляет собой не только структурную перестройку экономики, но и изменение соотношения политических сил, а также политических институтов и вмешательства государства в жизнь общества. С сегодняшней точки зрения эта констатация выглядит, бесспорно, крайне интересной, тогда же она не могла быть принята, потому что вступала в противоречие с ортодоксальной советской позицией тех лет¹⁶. Не только Варга обвинялся в «реформизме», но и сам его анализ оспаривался с помощью доводов, обращавшихся к «объективным тенденциям». *Стабилизация* капитализма, приобретавшая зримые очертания, отрицалась и утверждалось, что развивается *дестабилизация*, тенденция к обострению кризиса. Кронрод, например, писал: «Здание современного империалистического капитализма не

¹⁵ См.: W. Petrowski. Zur Entwicklung der Theorie des staatsmonopolistischen Kapitalismus nach 1945. — "Probleme des Klassenkampfes" 1971, № 1, S. 135.

¹⁶ Действительно, «его понимание сложности политического процесса свидетельствовало об известном признании различий, имеющих место между разными политическими группировками, и это бросалось в глаза на фоне более упрощенно-заговорщической теории Сталина, описывающей государство как нечто недифференцированное и в любом случае идущее навстречу фашизации» (S. Gannage. E. S. Varga and the Theory of State Monopoly Capitalism. — "The Review of Radical Political Economics", 1980).

просто прогнило, не просто потрясено... Над капитализмом нависает непосредственная угроза краха. Ныне, после второй мировой войны, многие капиталистические государства не в состоянии найти никакого мирного пути перестройки экономики и социальной стабилизации — капиталистические средства оказываются непригодными»¹⁷.

Утверждалось, что в то время как социалистический лагерь усиливался, капитализм после второй мировой войны действительно не имел уже шансов на выживание. Если он еще держался, то объяснялось это буржуазным государством, которое все еще не было уничтожено. Почему же? Потому что реформистская социал-демократия в странах Западной Европы либо намеренно не стремилась к этой цели, либо помешала достичь ее. Хотя оценки социал-демократии и буржуазного государства после VII конгресса Коммунистического Интернационала (1935) переменились, неизменным оставался основной элемент суждений о социал-демократах и реформизме: объективные тенденции капиталистического развития ведут к краху, к кризису и его обострению. И если эти тенденции не могут взять верх, то происходит это потому, что — вопреки объективным интересам пролетариата и мирового социализма — субъективные ошибки социал-демократического руководства задерживают начало объективного кризиса капитализма. Даже Варга, реалистически (с сегодняшней точки зрения) оценивший состояние капитализма после второй мировой войны, столкнувшись с догматизацией советской науки, вынужден был обратиться к самокритике: подобно другим советским ученым первой величины (Мендельсону, Фигурнову и др.), он отмежевался от «реформизма» в своих работах¹⁸. Официальная версия оценки государственно-монополистического капитализма после второй мировой войны была сформулирована А. Леонтьевым. В момент, когда в высокоразвитых капиталистических странах бум, связанный с войной в Корее, приближался к своей высшей точке, предсказывался близкий кризис: «Товарищ Сталин объяснил, что в условиях общего кризиса капитализма периодически кризисы перепроизводства становятся более частыми, их эффект — неизмеримо более разрушительным, а промежутки между кризисами — все более краткими»¹⁹. Поскольку в результате деколонизации и образования со-

¹⁷ J. Kronrod. Staatskapitalismus und Sozialismus. — "Neue Welt", 1948, № 1. Приведено в: W. Petrowski. Zur Entwicklung der Theorie..., S. 136.

¹⁸ Варга, в прошлом бывший одним из главных теоретиков Коммунистического Интернационала, ходил в обвиняемых вплоть до смерти Сталина. Он был реабилитирован только в 1953 г., после чего написал ряд работ о мировом капитализме, отмеченных, согласно справедливой критике Ганзйджа, «российскоцентриским» видением проблем.

¹⁹ Приведено в: W. Petrowski. Zur Entwicklung der Theorie..., S. 138.

циалистического лагеря внутренний рынок капиталистических стран сужается, борьба между социалистической и капиталистической системами обостряется, необходимость государственного вмешательства, непроизводительного по своему существу, угнетающе действует на производственные потенции, вследствие чего миллионы безработных, унаследованных от империалистической войны, не имеют ни малейших шансов на получение места в производственном процессе. Из описанной таким образом ситуации делались политические выводы: для того чтобы противостоять вытекающим из кризиса тенденциям к новому фашизму или даже к новой мировой войне, нужно мобилизовать «миролюбивые силы», которые бы выступили союзниками советской политики мирного сосуществования. В дальнейшем будет объявлено, что миролюбивая политика социалистического лагеря является основной отличительной чертой эпохи²⁰.

Как бы то ни было, «объективный» анализ оставался довольно проблематичным делом: при догматическом игнорировании конкретной действительности существующих обществ и ложном истолковании их тенденций и противоречий такой анализ приводил к плачевным результатам. Оценка, в соответствии с которой капиталистической системе суждено было вскоре претерпеть дальнейшую дестабилизацию, сделалась основой политики коммунистических партий и профсоюзов в капиталистических странах; но ориентированная таким образом политика могла принести лишь пагубные плоды. Особенно убедительно это можно проследить на участии КППГ — Коммунистической партии Германии (хотя ее положение, несомненно, было усугублено зоологическим антикоммунизмом, процветавшим в «эру Аденауэра»). Из-за своей политики, основывавшейся на ошибочных оценках экономической и социальной ситуации в мире капитализма, она потеряла свой избирательный потенциал и — что еще хуже — свою опору среди рабочих: так что в 1956 году власти, почти не встретив сопротивления, смогли загнать ее в подполье.

Разумеется, подобные суждения о дестабилизации капитализма не могли быть долговечными в период, когда страны Западной Европы настолько интенсивно реконструировали свою экономику, что даже возникло выражение «экономическое чудо». После смерти Сталина в 1953 году и в особенности после XX съезда КПСС в 1956 году утверждения об обострении кризиса сменяются вопросами о тех государственных мерах, которые вызвали циклический подъем 50-х годов. С другой стороны, однако, еще не была разработана система категорий, в которой на подобные вопросы могли

²⁰ См.: Institut für Internationale Politik und Wirtschaft, Allgemeine Krise...

быть даны удовлетворительные ответы. В исследованиях циклического развития ФРГ, произведенных двумя учеными из ГДР, Руди Гюнделем и Хорстом Хайнингером²¹, перечисляются некоторые дополнительные факторы, ускоряющие или затруднявшие экономический рост Западной Германии. Эти работы призваны служить эмпирическим подтверждением марксистской теории кризиса, однако если рассмотреть их результаты, то видно, что речь идет об анализе изменения конъюнктуры, авторы которого стараются пользоваться критическим языком. Поражает то обстоятельство, что социальная структура не проанализирована в тех категориях государственно-монополистического капитализма, какие известны нам с 60—70-х годов. Понятие государственно-монополистического капитализма применяется просто для характеристики вмешательства государства в экономику, а не для обозначения системы. Исходным пунктом является тезис о том, что монополистический капитал подчиняет себе органы государства и что органы государства заняты лишь тем, чтобы способствовать осуществлению интересов монополистического капитала. Тем самым авторы теряют из виду вопрос о том, не изменились ли уже при государственно-монополистическом капитализме и каким именно образом сами тенденции и структуры развития — например, кризисный цикл — еще до того, как государство вынуждено вмешиваться с помощью конкретных мер в пользу монополий.

Показательно, что такой тип подхода к проблеме взаимоотношений государства и экономики позже порождает другой вариант анализа: исследование воздействия, оказываемого крупным капиталом на политику, например, с помощью взаимозамещения экономической и политической элиты²².

²¹ H. Heininger. *Der Nachkriegszyklus der westdeutschen Wirtschaft 1945—1950*. Berlin, 1959; R. Gündel. *Zum relativ hohen Wachstums tempo der westdeutschen Industrieproduktion im Verlauf der Aufschwungsphase von 1950 bis 1957*. — "Probleme der politischen Ökonomie", vol. 3. 1960, S. 261 ff.

²² См. очерки, собранные в: "Die Macht der Hundert", 1966; или памфлет: "Wer regiert Bonn?" — *Die wahren Herren der Bundesrepublik*, 1957. В своей работе «Государство и капиталистическое общество» Ральф Милибэнд, даже будучи приверженцем другой теоретической традиции, исследует влияние капитала на политику с помощью таких же точно аргументов (см.: R. Miliband. *State and Capitalist Society*, 1969; trad. it., Bari, 1974), за что и был подвергнут резкой критике со стороны Пуланаса. Несмотря на моменты параллелизма с теорией государственно-монополистического капитализма, объясняющиеся влиянием, которое она оказала на него, Милибэнд не может быть просто причислен к числу ее адептов. Это отмечает и Ганзйдж: «Милибэнд замечает, что, когда роль государства сводится к роли орудия монополий, отношения симбиоза между государством и монополистическим капитализмом оказываются чересчур упрощенными. Даже признавая расширение государственного вмешательства в экономику в развитых капиталистических странах, он тем не менее обращает внимание на то, что различные способы этого вмеша-

Тезис, лежащий в основе такого рода исследования, представляет собой идею о двух подсистемах, подчиняющихся каждая собственным структурным принципам, то есть экономике (отождествляемой с крупными трестами) и государству (понимаемому как бюрократически организованный аппарат власти). Между этими двумя подсистемами развиваются *отношения обмена*: обмена персоналом на наиболее поверхностном уровне и обмена, опосредованного государственным вмешательством в жизнь общества, структура интересов которого изучается под углом зрения вопроса, совместима ли она, и если да, то каким образом, с «интересами» монополистического капитализма.

Курт Цишанг первым подверг критике в 50-е годы эту форму подхода к социально-экономической действительности, который в конечном счете сводится к простой констатации. В очерке «О некоторых проблемах государственно-монополистического капитализма в Западной Германии» (1957) Цишанг трактует государственно-монополистический капитализм как единый механизм: то есть уже не только как серию государственных мероприятий, но и как «комплекс государственных мер, имеющих целью оказать влияние на экономику в интересах монополий»²³. Он открыто оспаривает идею о том, что «финансовая олигархия обладает такой свободой принятия решений, которая позволяет ей заставлять подчиненное ей государство действовать в том или ином направлении»²⁴. В результате возросшей концентрации капитала и вытекающей из этого власти монополий государство оказалось встроенным в процесс воспроизводства общества и играет в нем роль регулятора. Монополизация породила дефекты регулирования; действие закона стоимости при капитализме свободной конкуренции оказалось поэтому ограниченным, и на

тельства составляют главную различительную черту альтернативных форм правления. Таким образом он различает буржуазно-демократическое государство, авторитарное государство и фашистское государство и замечает, что каждой из этих форм присущи иная политика вмешательства и иные контрольные полномочия. Политические последствия отсутствия дифференцированного подхода могут привести к утрате понимания классовой природы всех форм государства. Он подчеркивает катастрофические результаты политики Коминтерна 30-х годов, по которой не существовало подлинных различий между фашизмом и буржуазно-демократическими формами правления — интерпретация, завершившаяся поражением немецкого рабочего класса и всеми теми последствиями, которые вытекали из этого факта в международном плане» (*Gannage, E. S. Varga, S. 44*). Разумеется, такая дифференциация важна, но лишена какого бы то ни было методологического значения. В самом деле, фактически теория Мишланда основывается на предпосылке о наличии обмена между государственной и частнокапиталистической элитой.

²³ K. Zieschang. Zu einigen theoretischen Problemen des staatsmonopolistischen Kapitalismus in Westdeutschland. — “Probleme der politischen Ökonomie”, vol. 1, 1957, S. 26.

²⁴ Ibid., S. 37.

основе присущей капитализму динамики развития из заинтересованности в сохранении системы как таковой вырастает государственно-монополистический капитализм как система регулирования, опосредованного государством. То, что государство включено в процесс воспроизводства, дает возможность воздействовать на распределение общественного продукта и на производство в пользу монополий. Это не означает, что экономика стала плановой и организованной. «В случае государственно-монополистического капитализма речь идет о новых отношениях внутри капиталистических производственных отношений. Капиталистический характер новых производственных отношений... ограничивает роль и действительность политики империалистического государства»²⁵. По Цишангу, само это перераспределение составляет новую форму эксплуатации общества, поскольку монополии теперь извлекают свои прибыли уже не только из того процесса эксплуатации, который «нормально» протекает в ходе производства, но с помощью государства получают возможность черпать прибыли из таких новых рыночных источников, возможности которых намного шире, нежели только прибавочная стоимость, произведенная на предприятиях. «Рождается монополистическая прибыль, получаемая уже не через посредство свободного действия капиталистического механизма цены и прибыли»²⁶.

Мы еще подробно остановимся на вопросе о понятии прибыли в теории государственно-монополистического капитализма. Сейчас поэтому мы можем ограничиться указанием на важный вывод из теории Цишанга, благодаря которому он выступает, по-видимому, единственным европейским представителем теории государственно-монополистического капитализма, многократно отмеченным в дискуссии японских экономистов: по его концепции, механизм воспроизводства государственно-монополистического капитализма знаменует *новую стадию* капиталистического развития. Это его положение не претендует на особую оригинальность (и более того, наводит скорее на мысль о случайности выбора японцами именно Цишанга, а не кого-нибудь другого из не менее крупных европейских теоретиков государственно-монополистического капитализма). Тем не менее его подход заслуживает особого внимания, поскольку теперь оказалась поставлена в систематической форме основополагающая проблема: как и почему стало возможным характеризовать государственно-монополистический капитализм как единый механизм в отличие от других стадий развития капитализма (конкуренция, мо-

²⁵ Ibid., S. 40.

²⁶ R. Gündel, H. Heininger, K. Zieschang. Zu Problemen des staatsmonopolistischen Funktionsmechanismus. — In: "Probleme der politischen Ökonomie", vol. 8. 1965, S. 115.

нополия)? С этого момента перед нами встает необходимость уже не ограничиваться перечислением и измерением характерных черт государственно-монополистического капитализма, но изучать *способ действия* его механизма.

Однако прежде чем говорить о вкладах в разрешение этой проблемы, нам следует проследить другое направление исследований, также занимающееся анализом кризисных тенденций в развитых капиталистических странах. В самом деле, по существу, речь здесь шла — в соответствии с основной политико-теоретической концепцией, выделяющей значение объективных фактических данных как в классовой борьбе в капиталистических странах, так и в соревновании между двумя системами в мировом масштабе, — о том, чтобы «с объективной точностью» оценить степень обострения «общего кризиса капитализма». Все еще живо было ожидание, что капитализм впадет в настолько глубокий кризис, что это позволит странам социалистического лагеря догнать и перегнать капитализм со всех точек зрения — в точном смысле ленинского требования «догнать и перегнать»²⁷ В ГДР в октябре 1958 года состоялся международный экономический конгресс на тему «Конъюнктура — кризис — война»²⁸, на котором ученые как Западной, так и Восточной Европы попытались интерпретировать послевоенное развитие как некий деформированный

²⁷ Эту формулу «догнать и перегнать» следовало бы интерпретировать в контексте истории теории и истории политики. Заключенный в ней порыв обязан своим происхождением убеждению в принципиальном превосходстве социалистического строя по сравнению с кризисными тенденциями капиталистического накопления. Это в свою очередь является следствием той предпосылки, что при капитализме производственные отношения препятствуют развитию производительных сил и что эти последние могут выявить все содержащиеся в них возможности только при социализме. Сами производительные силы при этом понимаются как воплощение прогресса. Упоминанная формула становится путевой нитью политики построения социализма в одной стране, которой Сталин следовал примерно с 1926 г.; она становится тем лозунгом, с помощью которого трудящиеся должны быть вдохновлены на совершение особых усилий. Эта традиция, этот внутренний смысл становится балластом, мешающим осознанному восприятию процесса социалистического строительства. В самом деле, в формуле «догнать и перегнать» капитализм именно капиталистический способ производства служит указателем пути и темпов развития социализма. В соответствии с такой концепцией социализм в принципе остается зависимым от капиталистических способов обобществления, даже если «перегонит» капитализм в количественном отношении (более быстрый рост, более высокая производительность, большее обилие потребительских товаров и т. д.). Полностью абстрагируясь от вопроса, должен ли «обгон» совершаться на пути, пройденном процессом капиталистического накопления, общество вообще не сможет его осуществить, если только социализм не перенimmt ту форму рациональности, которая лежит в основе капиталистической логики самовозрастания капитала. Но на этом пути капитализм неизбежно будет двигаться скорей, и к тому же какая форма социализма может из этого получиться?

²⁸ Его материалы опубликованы в двухтомнике под тем же заголовком: «Konjunktur — Krise — Krieg» Berlin, 1959.

цикл. Уже сам этот факт позволяет выявить некоторые типичные черты марксистских дискуссий тех лет: первым делом конгресс занялся, по существу, самым недавним прошлым капитализма, пытаясь исправить ошибки, в которые впала интерпретация динамики капитализма после второй мировой войны и которые мы уже упоминали. Итак, теория государственно-монополистического капитализма действовала в качестве *ретроспективной теории*, даже если, с другой стороны, формулировались и прогнозы насчет будущего развития капитализма. Во вступительном докладе на тему «Воздействие социалистического лагеря на циклическое развитие капитализма» Отто Рейнхольд утверждал: «В той мере, в какой строительство социализма в Германской Демократической Республике идет успешно, усиливается его влияние на развитие экономики Западной Германии, и в особенности на положение ее рабочего класса. В Западной Германии полоса высокой конъюнктуры сменилась явлениями стагнации и кризиса в многочисленных отраслях экономики. Напротив, у нас, в Германской Демократической Республике, благодаря нашим усилиям и огромной помощи, оказанной нам Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря, ныне практически устранены те трудности, которые мешали нашей экономике развиваться более быстрыми темпами, с тем, чтобы наше экономическое развитие ускорялось и, следовательно, большим становилось его воздействие на изменение соотношения сил»²⁹. А советский экономист Кирсанов (проанализировавший характерные черты послевоенного цикла) отталкивался от той предпосылки, что «в развитии индустриального цикла фаза роста закончилась, экономика Западной Европы вступает в фазу кризиса... Мы не должны недооценивать более важную роль, которую приобретает в экономике современного капитализма буржуазное государство, однако объективные законы общественного развития прокладывают себе путь через все преграды... В ходе близкого экономического кризиса, который будет иметь место в капиталистических странах, массы сами воочию увидят, насколько несостоятельны распространенные теории о «вечном процветании» капитализма, и смогут убедиться в том, что есть лишь одна простая истина: капитализм — это общественная система, которая отжила свой век; только социализм в состоянии обеспечить бескризисное развитие общества и создать условия для действительного и неуклонного роста благосостояния народа»³⁰. Подобно тому,

²⁹ O. Reinhold. Die Answirkungen der Existenz des Sozialistischen Lagers auf die zyklische Entwicklung des Kapitalismus. — In: "Konjunktur—Krise — Krieg", S. 35—36.

³⁰ A. Kirsanov. Besonderheiten der Entwicklung des Industriellen Zyklus in den Ländern Westeuropas. — In: "Konjunktur — Krise — Krieg", S. 35—36.

как в 20-е годы III Интернационал был воодушевлен и одновременно блокирован верой в тенденцию капитализма к кризису и в эталонный характер Советского Союза, так и теперь, в конце 50-х годов теория государственно-монополистического капитализма несла в себе веру в возможность констатировать — на основе «объективного анализа» — начало серьезного мирового экономического кризиса в 1958—1959 годах; кризиса, перед лицом которого победоносное строительство социализма в странах социалистического лагеря приобретало значение образцового примера для масс в капиталистических странах Западной Европы, обреченных на нищету (одна из секций конференции занималась проблемами обнищания рабочего класса).

Таким образом, еще раз — *ретроспективно* — выяснилось, насколько глубоко ошибочной была и эта оценка, даже при том, что в ней содержалась попытка учесть особенности послевоенного цикла (рассматривавшиеся совершенно неправильно в теоретических дискуссиях и прогнозах, составившихся в 40-е и первую половину 50-х годов) Верно, что в 1958 году оживление конъюнктуры как будто приостановилось в Соединенных Штатах, да и в Западной Европе экономический рост замедлился. Однако речь шла лишь о конъюнктурной заминке уникального в истории капитализма подъема. Основы образования стоимости и накопления капитала в капиталистических странах еще не были подточены, как, по-видимому, произошло в ходе глубокого мирового экономического кризиса, начавшегося в середине 70-х годов. Напротив, все факторы мирового рынка еще способствовали сохранению фазы процветания³¹. «Основная повышательная тенденция длинных конъюнктурных волн» была еще достаточно сильна, чтобы преодолевать краткие конъюнктурные ослабления роста³². Период реконструкции в рамках отдельных национальных экономик еще не исчерпал до конца своих потенций. Разрыв между потенциалом роста и действительным экономическим развитием был еще достаточно большим, чтобы обеспечивать высокие темпы роста в 60-е годы³³.

Таким образом, теория продолжает развиваться как средство объяснения устойчивости системы, оказавшейся большей, нежели это предусматривалось. Для доказательства «Шаткости экономической системы Западной Германии» (таково название книги Гюндела, Хайнингера, Хесса и

³¹ По этому вопросу см.: E. Altvater, J. Hoffmann, W. Semmler. Vom Wirtschaftswunder zur Wirtschaftskrise. Berlin, 1979, 1 Kap.

³² E. Mandel. Der Spätkapitalismus. Frankfurt am Main, 1972.

³³ См.: F. Janossy. Das Ende der Wirtschaftswunder. Erscheinung und Wesen der wirtschaftlichen Entwicklung. Frankfurt am Main, 1968.

Цишанга, вышедшей в 1963 г.)³⁴ приходится выдвигать более сложные гипотезы по поводу механизма функционирования высокоразвитого капиталистического общества, чем те, которые, как правило, фигурировали в прошлом. «Основное противоречие» капитализма — между общественным характером производства и частной формой присвоения — развернулось с большим, чем когда бы то ни было, размахом (в том числе — и не в последнюю очередь — в результате образования социалистического лагеря после второй мировой войны), но в то же время получила развитие «тотальная система монополистического капитализма»³⁵, отмеченная некоторыми характерными особенностями.

Во-первых, при посредстве союза «власти монополий с властью государства» сформировались в конечном счете «стабильная система и единый аппарат», обеспечивающие «в основном механизм функционирования всего процесса капиталистической эксплуатации»³⁶. Во-вторых, хозяйственная деятельность государства «распространяется на все» и непосредственно влияет на «все секторы экономической жизни Западной Германии»³⁷. В-третьих, следует подчеркнуть, что государственно-монополистическое регулирование уже не ограничивается национальными пределами; «интернационализация государственно-монополистического капитализма» породила «прямое взаимодействие между государственно-монополистическими мерами внутри отдельных стран и такого же рода мерами на международном уровне»³⁸. В-четвертых, «сущностная характеристика сегодняшней ситуации заключается в том, что деятельность государства планируется на более длительный период, непосредственно встроена в экономические процессы и связана с ними более тесным и органическим образом»³⁹. «Экономическая деятельность западногерманского государства стала имманентным фактором процесса воспроизводства, а следовательно — экономической силой в непосредственном смысле слова, без которой уже не смог бы совершаться процесс капиталистического воспроизводства»⁴⁰. Из этого вытекает, в-пятых, «тенденция к некоторой трансформации способа действия экономических сил и форм развития капиталистических противоречий»; трансформации, которая является также, в числе прочего, плодом растущего влияния социализма на экономи-

³⁴ R. Gündel, H. Heininger, P. Hess, K. Zieschang. Die Labilität des Wirtschaftssystems in Westdeutschland. Berlin, 1963.

³⁵ Imperialismus heute. Berlin, 1968, S. 141.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid., S. 142.

⁴⁰ Ibidem.

ку и политику капитализма⁴¹. Наконец, государственно-монополистическая форма капиталистических производственных отношений пронизывает все остальные стороны общественной жизни. Отсюда вывод: «Весь процесс развития государственно-монополистического капитализма выступает в конечном счете как элемент и выражение общего кризиса капитализма»⁴². Государственно-монополистический капитализм интерпретируется, следовательно, как приспособление политической организации, структуры воспроизводства к экономике⁴³. По этому поводу подчеркивается, что рост регламентирующих прерогатив государства сопровождается большей способностью избегать кризиса. Государство предстает как важная часть самой структуры воспроизводства, в силу чего различие между базисом и надстройкой становится крайне шатким, в точности как утверждали представители Франкфуртской школы (особенно Оффе и Хабермас в 60-е годы). Стратегия государственного вмешательства направлена на предотвращение кризиса, но она не может вместе с тем устранить противоречий общества: таким образом, экономические кризисы, предотвращенные благодаря государственному вмешательству, внезапно проявляются в других областях. Такого рода структурный параллелизм между определенными вариантами теории государственно-монополистического капитализма и Франкфуртской школой был представлен в статье Мюллера и Нойзюсса «Иллюзия социального государства и противоречие между наемным трудом и капиталом»⁴⁴ в качестве образца «ревизионистской теории». Естественно, что параллелизм не должен пониматься слишком буквально, поскольку та противоречивость, которая, по мысли лидеров Франкфуртской школы, порождает антикризисным регулированием, не является той же самой противоречивостью, какая стоит в центре теории государственно-монополистического капитализма. Если для Франкфуртской школы противоречивость, с одной стороны, воспроизводится внутри государственного аппарата, а с другой — порождает (в рамках системы) проблемы легитимации, то теория государственно-монополистического капитализма усматривает противоречие главным образом, хотя и не исключительно, в существовании социалистического лагеря.

Итак, мы можем подвести первый частичный итог: пока

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibid., S. 143.

⁴³ О приспособлении политики к экономике см.: J. Hoffmann. Staatliche Wirtschaftspolitik als Anpassungsbewegung der Politik an die kapitalistische Ökonomie. — In: Brandes, Hoffmann, Jürgens, Semmler (Hrsg.). Handbuch, 5 Staat. Frankfurt am Main — Köln, 1977.

⁴⁴ W. Müller, C. Neuss. Die Sozialstaatsillusion und der Widerspruch von Lohnarbeit und Kapital. — "Prokla", Juni 1971, Band 1.

единственный подлинный вклад в теорию, внесенный теорией государственно-монополистического капитализма, заключался в попытке доказать, что развитие капитализма подразделяется на *ряд стадий*. Сама фаза государственно-монополистического капитализма, по сути дела, выделялась на основе набора определенных «характерных черт», причем классификация различных вариантов теории государственно-монополистического капитализма опиралась именно на различия в способе составления перечня этих характерных черт, их комбинации или в оценке важности каждой из них. Теория законов развития и противоречий государственно-монополистического капитализма присутствовала лишь в самой начальной форме, и к тому же эти первые упоминания ограничивались обычно перефразированием ленинских положений об отношениях между государством и монополиями. Такое в целом неудовлетворительное положение с теорией государственно-монополистического капитализма претерпело изменения лишь в конце 60-х — начале 70-х годов, когда в результате развернувшегося в Западной Европе наступления рабочего класса и возникновения студенческого движения более сильной и серьезной сделалась потребность в углубленном теоретическом анализе современного капитализма. С этого момента теоретики государственно-монополистического капитализма тоже стараются ввести свои понятия государственно-монополистического устройства в контекст Марксовой и постмарксовой теории. Наиболее интересные результаты этой тенденции представлены «Современным капитализмом» С. Л. Выгодского⁴⁵, исследованием П. Боккара о крахе перенакопления и обесценении капитала в ходе кризисного цикла, структурированного монополистическим образом; идеями Петера Хесса о монополистических прибылях в условиях государственного регулирования (1969). Следует упомянуть также попытки Роберта Катценштайна объяснить современную монополию категориями монополии на землю, проанализированными Марксом (в шестом разделе третьей книги «Капитала»), а также усилия Йорга Хуффшмида вывести монополистическую прибыль из способности крупных капиталов создавать внутреннюю дифференциацию структуры совокупного капитала для образования структурно-выгодных условий доступа монополистического капитала к общественным ресурсам. Сколь бы различными ни были подходы, применяемые в этих теориях (именно в этом смысле неверно было бы говорить о *единой* теории государственно-монополистического капитализма, поскольку перед ними разные ее варианты), всем им предстояло найти решение об-

⁴⁵ S. L. Vygodskij. Der gegenwärtige Kapitalismus. Berlin, 1972 (русское издание: С. Л. Выгодский. Современный капитализм. М., 1969).

щей для всех проблемы: как на основе теории Маркса объяснить тот факт, что внутри процессов капиталистической социализации развиваются *структурные диспропорции*, принимающие форму монополистических прибылей?

Ниже мы не станем подробно разбирать теоретические позиции упомянутых авторов. Вместо этого мы попытаемся рассмотреть теории государственно-монополистического капитализма, не ограничивающиеся перечислением его характерных черт, чтобы установить, как в них применяется категория монополистической прибыли (что предполагает также разработку гипотезы о формировании средней нормы прибыли). Но этой проблемой мы займемся ниже; здесь же целесообразно разобрать вопрос, о котором уже упоминалось при разговоре о позиции Курта Цишанга. Речь идет о японском варианте теории государственно-монополистического капитализма, в котором содержится концепция фаз в том виде, в каком она никогда не разрабатывалась в Европе и может представлять несомненный интерес для нашего анализа.

3. Дискуссии в Европе и Японии

«Основатель» японской теории государственно-монополистического капитализма Уно Кодзо подходит к проблемам анализа современного капитализма особым образом по сравнению с европейским марксизмом⁴⁶. Мы имеем в виду прежде всего Марковс анализ капитализма и ленинский анализ империализма. Трудность примирения этих двух теорий, отнюдь не обладающих одинаковым статусом, в анализе Уно не обходится стороной и не прикрывается общими рассуждениями о том, что теория Ленина якобы является «продолжением» теории Маркса либо представляет собой специфическую теорию эпохи империализма. Вместо этого автор ставит перед собой честолюбивую задачу разрешить эти трудности на методологическом уровне и с этой целью проводит различие между *теорией чистого капитализма*, теорией *стадий развития капитализма* и, наконец, историческим или *эмпирическим анализом*, который должен осуществляться на этих основаниях. Такая конструкция предполагает особое истолкование соотношения между логикой и историей; соотношения, которое в дискуссиях европейских марксистов о «Логике науки и „Капитале”»⁴⁷ приводило к отождествле-

⁴⁶ По сей день у нас нет обширной критической и сравнительной работы о марксизме в Западной Европе и Японии. В силу этого ниже следующие соображения основываются, главным образом, на очерках Секине, Ито, Фукудзавы и Маццен, а также на сведениях, почерпнутых автором во время дискуссии с японскими марксистами в Японии.

⁴⁷ I. Zeleny. Die Wissenschaftslogik und "Das Kapital" Frankfurt am Main — Wien, 1968.

нию логического метода с генетическим⁴⁸. Уно не принимает такого соединения; в анализе он различает три различных задачи: «Во-первых, он должен давать детерминистскую теорию механизма капитализма вообще (чистую теорию); затем он должен характеризовать все три исторических стадии развития капитализма — меркантилистскую, свободного предпринимательства и империалистическую (теория стадий) — и, наконец, должен снабжать нас данными исследования конкретно-практического капиталистического опыта (эмпирические исследования). Для исследования каждого из этих подразделений должны применяться различные типы анализа. Такого рода трехчленный подход к действительности есть отличительная черта научной методологии социальной науки, предмет изучения которой удерживается в целостности историческим временем»⁴⁹.

Чтобы получить идеальный тип чистого капитализма, Уно по-своему располагает разные части «Капитала» Маркса, в частности, устраняя из него все исторические элементы с целью выявления в «Капитале» модели чистого капитализма. В то время как Маркс уже в первой книге «Капитала» анализирует товар и стоимость, а его изложение охватывает как обращение, так и труд (производство), в предложенной Уно теории чистого капитализма учение о простом товарном обращении отделено и от теории производства, и от теории распределения⁵⁰. Таким образом, товар и стоимость

⁴⁸ Исследование Маркса понималось как реконструкция понятия капитала вообще (см.: *R. Rosdolsky. Zur Entstehungsgeschichte des Marx'schen "Kapital"* Frankfurt am Main — Wien, 1968), в которой в ходе развертывания концептуального содержания теории воспроизводится, в чрезвычайно сокращенной форме, исторический процесс развития капитала. Речь, однако, не идет об историческом анализе: это было бы ошибочной интерпретацией типа тех, что постоянно встречаются в марксистских текстах, когда, отталкиваясь от «простого товарного производства», выстраивается ряд стадий капитализма. В «Капитале» же, в первом отделе книги первой, нигде не говорится о простом товарном производстве: разговор ведется лишь о простом товарном обращении. И речь идет не о характеристике определенной исторической эпохи, а об анализе, призванном показать, что форма и существо стоимости представляют собой предпосылку того концептуального развития понятия стоимости, которое вызывает к жизни капитал. Японские марксисты школы Уно не разделяют такой концепции. Исторический анализ и концептуальный анализ у них разделены самым четким образом, и для того, чтобы это стало возможным, в само концептуальное изложение вводятся определенные «разъяснения». Убеденный в правильности такого подхода, Ито замечает: «Принимая во внимание результаты, можно спокойно утверждать, что японские исследования «Капитала» являются самыми передовыми в мире». (*M. Itoh. Value and Crisis: Essays on Marxian Economics in Japan*. New York — London, 1980, p. 54.)

⁴⁹ *T. T. Sekine. Uno-Riron: a Japanese Contribution to Marxian Political Economy.* — «*Journal of Economic Literature*», 1978, p. 853.

⁵⁰ *I. Fukuzawa. Aspekte der Marx-Rezeption in Japan.* Bochum, 1981, S. 34 ff.

анализируются независимо от формы, в которой осуществляется труд при капитализме. Труд есть *субстанция* стоимости. Маркс пишет об этом в первом и втором разделах первой главы книги первой «Капитала». Что же касается *формы* стоимости, то ее глубинная трактовка содержится в третьем разделе той же главы. Ито, который в своей аргументации следует строго за Уно, усматривает здесь противоречие, на которое и в его концепции возлагается ответственность за трудности, возникающие на пути теории стоимости: например, когда речь идет о трактовке «проблемы превращения»⁵¹. В рамках теории простого товарного обращения школа Уно весьма радикально подходит к форме стоимости, вначале анализируя ее и не затрагивая существа стоимости. Эта последняя вводится в теоретическую систему лишь в разделе «Производство». Противоречия между существом стоимости и формой стоимости, которые изложены Марксом в четвертом разделе о товарном фетишизме, в рамках теории Уно на первых порах вовсе не принимаются во внимание. Но таким образом происходит обеднение Марксовой теории как учения об обществе в пользу достижения формального изящества. С тем, впрочем, что результат оказывается аналогичным тому, к которому приходят экономисты, критикующие Марксову теорию с неорикардиянских позиций, они улавливают противоречие, возникающее из невозможности опосредования между системой стоимости и системой цен. Японская версия марксизма восходит к истокам этого противоречия, к куда более фундаментальному противоречию, сохраняющемуся между формой и существом стоимости, результатом чего является действительно проблематичная интерпретация понятия стоимости.

Модель чистого капитализма роднит с идеальным типом Макса Вебера тот факт, что такой модели конкретно не существует в истории. В ходе исторического развития возможны многие наслоения. Так что теоретическая модель чистого капитализма действительно определяется присущими ей законами, но не выступает в качестве таковой в истории капитализма. Правда, здесь встает крупная проблема: возможности построения *перехода* от чистой теории к теории стадий, или проблема «диалектики капитала как такового и диалектики капитала в истории»⁵².

«В отличие от диалектики капитала *как такового*, описывающей абстрактную природу капиталистической экономики, диалектика *капитала в истории* показывает конкретную игру капитала в конкретной исторической среде. Если чистый капитализм соответствует тому, что Гегель называл «идеей»,

⁵¹ M. Itoh. Value and Crisis, cit., p. 47 ff.

⁵² T. T. Sekine. Uno-Riron., p. 869.

предшествующей сотворению мира, то стадии капиталистического развития должны соответствовать его проявлениям в мире»⁵³.

Этот тезис может быть проиллюстрирован примером интерпретации соотношения между «Капиталом» Маркса и ленинским анализом империализма. В противоположность концепции, по которой теория Ленина есть дальнейшее продолжение теории Маркса, японские марксисты школы Уно утверждают, что эти две теории обладают разным статусом: Марксова трактовка понятия капитала в методологическом отношении располагается в плоскости «чистой теории», фундаментальных принципов⁵⁴, в то время как ленинский анализ империализма есть теория стадий. Следовательно, теория Ленина не может интерпретироваться в смысле дальнейшего развития Марксовой теории как *чистой* теории: его вклад в нее представляет собой концепцию иного порядка, принадлежащую к уровню *теорий о стадиях*, которые раскрывают динамику превращения капитализма в монополистический капитализм и империализм.

Здесь сходство японской трактовки с европейской теорией государственно-монополистического капитализма вновь становится очевидным. В то время как объяснение перехода от модели чистого капитализма к теории стадий и эмпирическим исследованиям представляется *методологической проблемой*, переход от одной стадии развития капитализма к другой рассматривается как проблема *логики исторического развития*. Этот последний случай имеет место, например, когда теоретики государственно-монополистического капитализма объясняют необходимость перехода от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму недостаточностью рыночного регулирования, как раз в ответ на которую государство осуществляет свое вмешательство в экономику с целью заполнения образовавшихся пробелов: «единый механизм» государства и монополий, то есть государственно-монополистический капитализм, по мнению сторонников этой теории, образовался именно таким образом. Из подобного рода построения для европейских теоретиков государственно-монополистического капитализма вытекает задача установить, не развиваются ли с переходом капитализма в монополистическую стадию или стадию государственно-монополистического капитализма новые законы общественного воспроизводства, способные видоизменять либо даже заменять «существо» капитализма. В «Монополистическом капитале» *Бэран и Суизи* действительно утверждают, что переход от капитализма свободной конкуренции к моно-

⁵³ Ibid., p. 870.

⁵⁴ *M. Itoh. Value and Crisi*, p. 40.

полистическому капитализму сопровождается процессом замены некоторых структурообразующих законов капитализма: закон тенденции средней нормы прибыли к понижению, действующий при капитализме свободной конкуренции, заменяется законом возрастающих излишков, которому подчиняется монополистический капитализм. И в теории государственно-монополистического капитализма появляются аналогичные построения, когда делается попытка доказать, что при государственно-монополистическом капитализме закон выравнивания нормы прибыли различных отраслей по уровню средней нормы прибыли утрачивает всякую действенность. Выводы из такого рода конструкций породили жаркие споры по вопросу о том, можно ли ещё говорить о капитализме в Марксовом смысле после того, как установлено, что некоторые его фундаментальные законы изменились или даже заменены другими. Выстраивались и вспомогательные гипотезы вроде гипотезы о «первопорядковой» сути капитализма и его сути «второго порядка»⁵⁵. На противоположных же позициях стоят те, кто категорически повторяет утверждение Ленина о том, что капитализм остается по-прежнему капитализмом, даже если превращается в государственно-монополистический капитализм.

Японские сторонники теории стадий не сталкиваются с затруднениями такого рода, потому что теория чистого капитализма (или, если угодно, теория его «первопорядковой сути») не затрагивается ни тенденциями исторического развития, ни резкими качественными изменениями при переходе к новым стадиям капитализма. В самом деле, «теория трех стадий» Уно и его учеников представляет собой не только теорию исторических фаз развития капитализма, подобно теории государственно-монополистического капитализма; это — теория стадий в *методологическом* смысле: чистый капитализм есть абстракция, теория стадий представляет собой исторический проект и конкретное, историко-эмпирическое исследование. Смена фаз капиталистического развития является исключительно предметом теории стадий и, при некоторых условиях, эмпирического исторического исследования, но не представляет собой никакого интереса с точки зрения фундаментальных принципов. Такое простое и относительно изящное разрешение проблемы не может быть непосредственно взято на вооружение европейскими приверженцами теории государственно-монополистического капитализма, ибо их исходная методологическая установка иная.

⁵⁵ G. Stiehler. Die Marxsche Analyse der Widersprüche des Kapitalismus im "Kapital" und der Staatsmonopolistische Kapitalismus. — "Deutsche Zeitschrift für Philosophie", XV, 1967, № 8, S. 952 ff.; F. Kumpf. Probleme der Dialektik in Lenins Imperialismus-Analyse. Eine Studie zur dialektischen Logik. Berlin, 1968.

Но здесь возникает еще одна проблема: «Развитие государственно-монополистического капитализма принесло с собой много нового, причем не только по сравнению с капитализмом начала XX века, но и с капитализмом 30—40-х годов. С этим согласны все авторы-марксисты. Расхождения же между ними существуют насчет оценки масштабов и степени этих новшеств. При всей своей плодотворности эта дискуссия обнаруживает также некий пробел: нет ясно сформулированных критериев, которые позволяли бы определять характер и степень перемен, совершившихся в капиталистическом способе производства. Каков решающий критерий для выяснения *перехода капитализма из одного качественно-го состояния в другое?* Где проходит граница между простым накоплением *количественных* изменений капиталистического способа производства, с одной стороны, и *качественным скачком* в развитии этого способа производства?»⁵⁶

На этот вопрос нельзя дать удовлетворительного ответа: он должен в принципе оставаться открытым. В самом деле, с одной стороны, попытка определять наличие качественной перемены на основе неких характерных черт является произвольной; с другой — попытка открыть общий закон перехода количества в качество обречена на абстрагирование от тенденций исторического развития. Поэтому вопрос Борко уже сформулирован так, что вынуждает скорей отрицать «переход количества в качество» в развитии капитализма, нежели утверждать его (как в теории стадий). Трудность выработки объективных критериев для определения смены стадий побуждает Хельгу Нусбаум открыто оспаривать теорию стадий; однако ее позиция осталась пока обособленной в кругу сторонников европейской теории государственно-монополистического капитализма⁵⁷. Впрочем, ее критика может затронуть лишь те варианты этой теории, которые трактуют переход сначала в монополистическую, а затем в государственно-монополистическую стадию не только как историческую смену стадий, но и как изменение самих «динамических законов способа производства» (и следовательно, «сути»). Эта критика, напротив, не может затронуть сторонников (японской) теории стадий, которые изображают стадии как исторические тенденции в узком смысле слова и вместе с тем сохраняют — на совсем другом теоретическом уровне — общую и абстрактную «чистую теорию», в которой не существует стадий развития.

⁵⁶ J. Borko. Metodologische Fragen der Analyse des staatsmonopolistischen Kapitalismus. — "Sowietwissenschaft, Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge", 1973, № 10. Приведено в: H. Nussbaum. Was ist staatsmonopolistischer Kapitalismus? — In: D. Baudis, H. Nussbaum. Wirtschaft und Staat. Vol. I, Berlin, 1978, S. 22—23.

⁵⁷ H. Nussbaum. Was ist staatsmonopolistischer Kapitalismus?

Здесь следует поставить вопрос об изменениях, способных обосновать утверждение о серии исторических стадий. Если мы не хотим прибегать к дефинициям, основывающимся на более или менее устойчивых характерных чертах, то сами исторические стадии должны быть теоретически обоснованы способами социализации буржуазно-капиталистического общества⁵⁸. Если в европейской теории государственно-монополистического капитализма переход в эту стадию капитализма связан с появлением монополий, а после второй мировой войны — с возникновением «соревнования между системами» капитализма и социалистического лагеря, то японские теоретики стараются заменить тезис о качественном скачке в новую стадию государственно-монополистического капитализма теорией кризиса и денег. По мнению Оучи, возникновение государственно-монополистического капитализма обусловлено тремя историческими событиями: социалистической революцией 1917 года в России; массовой безработицей, образовавшейся после 1929 года в ходе Великой депрессии и ликвидацией всемирного золотого стандарта (или того, что еще оставалось от него) после 1931 года⁵⁹. Этот начинающийся после первой мировой войны период всемирного переворота в условиях капиталистического воспроизводства (экономических, социальных и политических) расценивается как некая цезура⁶⁰. В отличие от теоретиков общего кризиса капитализма японская школа государственно-монополистического капитализма считает, что социальный кризис после первой мировой войны представлял собой не только процесс дестабилизации капитализма, способный обостриться вплоть до его краха; она рассматривает его как ситуацию всемирного переворота: «Естественно, каждый экономический кризис вылечивает сам себя (как это доказывает теория экономического цикла Уно). Но после 1970 года капитализм уже не может пассивно ожидать, чтобы кризис развивался своим неотвратимым путем, учитывая сопровождающие его социальный и политический кризисы. В этих условиях буржуазные правительства ищут способ смягчения последствий депрессии. Первым делом они приняли программы оказания непосредственной помощи и принялись распределять среди безработных питание, жилье или деньги. Затем были приняты внушительные программы общественных работ с целью сокращения безработицы. Перевооруже-

⁵⁸ См. об этом в: *E. Altvater. Wertgesetz oder Monopolmacht. — "Das Argument", vol. speciale AS 6. Berlin, 1975, S. 132—146.*

⁵⁹ См. также: *B. Hiroji. Contemporary Capitalism or State Monopoly Capitalism: a Review. — "Annals of the Institute of Social Science" University of Tokio, 1980, № 21.*

⁶⁰ См. замечания на этот счет в данной «Истории марксизма», т. III, ч. II.

ние, как политика увеличения занятости, представляет собой не что иное, как самый подходящий проект общественных работ, поскольку при этом не производится ничего такого, что могло бы конкурировать на рынке с частным сектором или ущемлять его интересы. Наконец, подобные программы приняли форму постоянной и систематической антициклической политики: с явным намерением удержать безработицу на некоем минимальном уровне»⁶¹.

Таким образом, кризис интерпретируется как *кризис структурной перестройки*, а процесс структурной перестройки ведет к новой фазе капиталистического развития, иными словами, к государственно-монополистическому капитализму. Другой довод, примененный для замены тезиса о новой стадии, заимствован из области денежного обращения. Он касается золотого стандарта, который интерпретируется как некий автоматический регулятор мирового рынка, соответствующий рыночному механизму внутри каждого данного общества, который не позволяет национальному государству контролировать процесс воспроизводства, вмешиваться в экономику с целью охраны системы. Крах золотостандартной системы, то есть ее упразднение Великобританией, «господствующей экономикой» мирового рынка, в сентябре 1931 года открыло перед крупными предприятиями возможность ускорить проведение своей политики рационализации без ограничения в виде золотого стандарта и одновременно дало возможность национальным государствам проводить политику вмешательства в экономику⁶².

Одним словом, по мысли японских теоретиков, в отличие от того, как это трактуется в европейском варианте упомянутой теории, вступление в фазу государственно-монополистического капитализма объясняется, главным образом, не монополизацией, концентрацией и централизацией капитала, и также вмешательством государства, вызванным этими явлениями. Их подход отличается большей сложностью и обширностью и предполагает более масштабную теорию общества. Разумеется, здесь есть аналогии с анализом Карла Полаanyi⁶³ (который тоже считает, что крах золотообменного стандарта в 1931 году ознаменовал начало новой фазы развития) или теорией регулирования Микеле Альетты, который интерпретирует кризис как скачкообразный переход к иной модели капиталистического обобществления и стремится найти по этому пункту точку соприкосновения с теорией Антонио Грамши: кризисы — это «моменты разрыва постоянного процесса воспроизводства социальных отношений; посмотреть, по-

⁶¹ B. Hiroji. Contemporary Capitalism., p. 109.

⁶² См. содержательное изложение в: Il capitalismo giapponese. Gli stadi di sviluppo (a cura di F. Mazzei). Napoli, 1979, p. 225 sgg.

⁶³ K. Polanyi, La grande trasformazione (1944). Trad. it., Torino, 1974.

чему кризисные периоды являются периодами интенсивного общественного созидания, и понять, почему разрешение кризиса всегда влечет за собой необратимое преобразование способа производства. Понятие разрыва имеет смысл лишь в теории, принимающей во внимание качественные перемены»⁶⁴. Естественно, этот пункт может быть связан с проблемой, поставленной Борко; кстати, в этом контексте она теряет свою взрывчатую силу, поскольку — в отличие от того, как это рассматривается в теории государственно-монополистического капитализма, — новая стадия, или новая форма капиталистической социализации, не интерпретируется безоговорочно как этап общего кризиса капитализма, этап на пути к его крушению, но как момент экономико-политико-социальной реорганизации капиталистического общества в процессе кризиса. И действительно, кризисы развития — это всегда фазы общественного переворота, когда происходят сложные процессы структурной перестройки, которые совсем не обязательно должны толкать систему к ее финальному крушению, но могут стабилизировать буржуазную гегемонию, приспособлявая ее к новым условиям.

Таким образом, для японских теоретиков государственно-монополистического капитализма понятия «монополия» и «государственная монополия», по-видимому, обладают меньшей важностью, чем для европейских теоретиков. У этих последних понятие «монополия» носит констатирующий характер. Монополизация даже определяет переход к государственно-монополистическому капитализму. У японских же теоретиков этот переход, хотя и связан, разумеется, с монополизацией, но интерпретируется в рамках более широкого социального контекста. Лишь если речь идет об анализе экономических законов государственно-монополистического капитализма, понятие «монополия» вновь приобретает то центральное значение, которое принадлежит ему и в европейской теории государственно-монополистического капитализма.

«Присущие государственно-монополистическому капитализму экономические законы усиливают следующие тенденции: 1) сокращение оплаты труда по отношению к его реальной стоимости и развитие инфляционистской политики при контролируемом денежном обращении; 2) усиление эксплуатации средних и мелких предприятий путем более жесткого навязывания монопольных цен; 3) тенденцию к усилению финансового гнета и преференциального распределения (с помощью искусственного создания дополнительного спроса) полученными таким образом средств.

Другими словами, государственно-монополистический ка-

⁶⁴ M. Aglietta. A Theory of Capitalistic Regulation, The US Experience. London, 1979, p. 19.

питализм вообще непрерывно усиливает тенденцию к искусственному перераспределению прибавочной стоимости в масштабах всего общества к выгоде монополистического капитала за счет средних и мелких предприятий и трудящихся»⁶⁵.

4. Трудности, связанные с понятием монополии

Дойдя до этой точки в нашем изложении, мы вновь сталкиваемся с проблемой необходимости концептуально определить специфические черты государственно-монополистического капитализма как системы воспроизводства. Ключевой категорией в анализе этой системы является понятие монополии, структуру которого мы теперь должны рассмотреть. С этой целью нам придется систематически определить это понятие, особенно потому, что оно противоречивым образом трактуется в марксистской литературе, в том числе и в теории государственно-монополистического капитализма. Зачастую понятие монополии употребляется *вообще* для характеристики структуры современного капитализма; в других же теориях это понятие строго соотносится с положением *отдельных* предприятий. В этом последнем случае монополия есть некий отдельный капитал, который определенные обстоятельства ставят в положение, позволяющее ему получать *монопольную прибыль*. В соответствии с такой интерпретацией, монополия без монопольной прибыли немыслима. Разумеется, что при этом сразу же возникает сомнение, возможно ли при капитализме (и если да, то в какой степени) получение в течение долгого времени той монопольной прибыли, которая — по теориям государственно-монополистического капитализма — противоречит тенденциям к выравниванию категорически сформулированных Марксом в законе выравнивания нормы прибыли отдельных отраслей производства к средней норме прибыли.

Речь идет, в конце концов, не только о монопольной прибыли, но и о том, каким образом в условиях высокоразвитого капитализма конституируются общественные отношения (если не сводить их попросту к отношениям власти, осуществляемой монополиями). Здесь мы оказываемся перед лицом проблематики, которая разбирается не только в теории государственно-монополистического капитализма, но и имеет решающее значение также в критике капитализма вообще. Теория государственно-монополистического капитализма представляет собой лишь особое направление исследования, в то время как имеется другая традиция — тяготеющая к

⁶⁵ Masaroni, 1975. — In: Mazzei (a cura di). Il capitalismo giapponese, p. 242—243.

противоположным в сравнении с теорией государственно-монополистического капитализма политическим выводам, — которая опирается на систему категорий, предложенную Бэра-ном и Суизи в «Монополистическом капитале»: с монополизацией законы конституирования общественных отношений радикально изменились, и это повлияло на отношения между базисом и надстройкой, а стало быть, также на логику и структуру государственного вмешательства в экономику. В этом контексте следовало бы рассматривать также теории Джеймса О'Коннора, а вместе с ними и выводы, которые делает Хабермас, опираясь на анализ О'Коннора⁶⁶.

На основе Марксовой теории прежде всего встает проблема отношений между отдельным — в нашем случае монопольным — капиталом и совокупным капиталом. Совокупный общественный капитал может быть взят как категория лишь при условии, что многие отдельные капиталы — а следовательно, и отдельные монополии — при осуществлении своих функций составляют совокупный капитал. Но они могут составить совокупный капитал, только если сами *ведут себя* как часть совокупного капитала; действительно, совокупный капитал есть категория, которая материально не существует вне множества отдельных капиталов; он не является величиной, независимой от этих последних. В этом контексте обретает свое значение категория средней общественной нормы прибыли. В самом деле, соотносительность со средней нормой прибыли есть выражение того же поведения и того же *отношения* каждого отдельного капитала к самому себе как части совокупного капитала. Так каждый отдельный капитал выступает всегда в двух лицах: *отдельного капитала как такового* и одновременно *отдельного капитала как части совокупного капитала*. В качестве олицетворения отдельного капитала каждый капиталист стремится к получению максимальной прибыли; однако поскольку все стремятся к этой цели, а масса прибыли ограничена (по причинам, которые более обстоятельно будут указаны ниже), то тенденция к максимальной прибыли вступает в противоречие с *законами выравнивания*, присущими совокупному капиталу.

⁶⁶ О'Коннор развивает свой тезис о фискальном кризисе государства целиком в рамках категорий теории монополии. За исходную предпосылку берется тот факт, что экономика зрелого капитализма подразделяется на монополистический сектор и сектор, где еще царит конкуренция. Правда, О'Коннор развивает этот тезис в направлении политической теории государства, каковая отсутствует обычно в попытках теоретического осмысления государственно-монополистического капитализма. Исследование противоречий между функциями накопления и узаконения, присущими государству, становится отправной точкой для анализа «проблем узаконения при зрелом капитализме», осуществленного Хабермасом или Оффе. В рамках данного очерка нет возможности детально рассмотреть это теоретическое направление.

Следовательно, отдельный капитал как часть совокупного капитала реализует в конечном счете лишь среднюю прибыль. Это отношение между *частным* (отдельный капитал как часть совокупного капитала) и *отдельным* (отдельный капитал как отдельный капитал) лежит в основе процесса выравнивания, в ходе которого образуется совокупный капитал как *всеобщее*. Это же отношение лежит в основе возможности для отдельных капиталов на время ускользать из-под власти условий выравнивания и становиться, таким образом, «монополиями». На этом пункте мы остановимся подробнее.

То, что средняя норма прибыли не может в точности соответствовать каждому отдельному капиталу в каждый данный момент воспроизводства капитала, следует уже из того факта, что «при капиталистическом производстве общие законы осуществляются весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некая которая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний»⁶⁷. Таким образом, «нормальным» является то, что средняя норма прибыли фактически никогда не достигается, и тем не менее отдельные капиталы подчиняются ее *действию*. Но если отдельному капиталу удастся длительное время избегать условий выравнивания, то он перестает функционировать как часть совокупного капитала. Такое положение, по-видимому, придает значимость утверждению о том, что монополия есть отношение господства или иначе говоря, что монополии обладают экономической и внеэкономической властью. В самом деле этот капитал, вырвавшийся из-под власти условий выравнивания, перестает повиноваться законам капитала и, стало быть, соблюдать его экономически детерминированные пределы, например, в получении прибыли. Этот капитал, следовательно, может представлять собой лишь *конгломерат власти*. Но тогда возникает сомнение относительно целесообразности приложения к этому конгломерату власти понятия «капитал». И тем самым часто употребляемое понятие монополии, по-видимому, несет в себе смысл, который весьма отличен от смысла, вкладываемого в понятие капитала.

Рассмотрим теперь более обстоятельно, как выступает категория экономической и внеэкономической власти, используемой монополиями. Применение этой экономической и внеэкономической власти отдельными (монополистическими) капиталами приводит к тому, что эти отдельные капиталы получают, будучи таковыми, возможность избегать экономического принуждения, диктующего каждому капиталу необходимость вести себя как часть совокупного капитала. Если

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.: т. 25, ч. I, с. 176.

оказывается, что достаточно большое число отдельных капиталов могут осуществлять — и притом с успехом — экономическую и внеэкономическую власть, то тогда, разумеется, уже становится невозможным создать капитал как таковой. Но в этом случае проблематичным становится и само понятие капитала вообще.

Капитал как категория выражается в общественном отношении, которое должно пониматься *качественно* — как отношение между наемным трудом и капиталом и как *материальное* отношение отдельных капиталов между собой, — а также *количественно* — как движение стоимости, как самовозрастание (валоризация) капитала, выражающаяся в увеличении авансированной массы стоимости. Поскольку социальные процессы в их совокупности не могут быть схвачены ни отдельным капиталом, ни какой-либо высшей инстанцией, то мы всегда лишь ретроспективно можем установить, соответствует ли отдельный капитал со своей продукцией, выраженной в форме количественных величин стоимости, также общественным потребностям качественного порядка (т. е. потребностям, находящим соответствие в потребительных стоимостях). Таким же образом, лишь задним числом, выясняется и другое: добивается ли отдельный капитал также в количественном отношении того, в чем он нуждается для своей необходимой валоризации? В самом деле, пока еще существуют отдельные капиталы, материальное воспроизводство общества может качественно пониматься лишь как результат процессов валоризации отдельных капиталов. Но здесь мы встречаемся со вторым принципом, регулирующим слияние отдельных капиталов в совокупный капитал. Цель максимальной возможной валоризации, которую ставит перед собой отдельный капитал, вступает в конфликт с таким же намерением других отдельных капиталов. В каждый данный момент валоризация капитала, действительно, лимитирована массой эксплуатируемого наемного труда, длительностью рабочего времени, интенсивностью труда, уровнем заработной платы и стадией развития производительных сил, то есть состоянием техники. Намерение отдельного капитала добиваться возможно большей валоризации наталкивается на эти границы, на возможность других отдельных капиталов черпать из «трудовых ресурсов», а стало быть — на самое относительную производительность труда.

Отдельные капиталы поэтому непрерывно конкурируют друг с другом из-за наемной рабочей силы и увеличения производительной силы труда. В этих своих взаимоотношениях, опосредуемых конкуренцией, они конституируются как части совокупного капитала и реализуют тенденции к обобществлению, присущие капиталистическому способу производства. Конкуренция с необходимостью имеет две стороны. В той

мере, в какой ее предметом является рабочая сила на рынке труда и степень ее эксплуатации в процессе производства, это всегда конкуренция между *наемным трудом и капиталом*; но в той мере, в какой она ведется также из-за производительной силы труда и количественно ограниченных трудовых ресурсов, она одновременно выступает всегда в качестве *конкуренции отдельных капиталов между собой*. Это означает, что, если капитал — пусть даже временно — не извлекает средней прибыли, а наблюдается, напротив, «иерархия особых норм прибыли» (как выражение разного количественного участия отдельных капиталов в дележе прибавочной стоимости, произведенной рабочим классом), это еще не может интерпретироваться как отмена закона стоимости, поскольку тот факт, что капитал как таковой может и должен реализовать некую прибыль, уже подразумевает *качественное отношение* капитала к классу наемных рабочих, отношение эксплуатации. На этом уровне аргументации количественная величина массы прибыли имеет столь же мало значения, как и величина нормы прибыли. В самом деле, речь идет об отношении между наемным трудом и капиталом, то есть об основополагающем отношении, которое в качестве такого определяет действия отдельных капиталов.

Но суть конкуренции в том, что *качественное уравнивание* капиталов — по отношению к наемному труду — принимает также форму *количественного уравнивания*. Сам по себе капитал как самовозрастающая стоимость может быть измерен лишь количественно, а долговременные количественные различия между отдельными капиталами затрагивают качественный способ существования капитала как отдельного капитала: если капиталам не удастся больше получать среднюю норму прибыли, то есть участвовать в среднем в дележе результатов отношения эксплуатации — прибавочной стоимости, — то в этом случае они девальвируются как капиталы и утрачивают свое качество капиталов. Долговременное и структурное количественное неравенство валоризации отдельных капиталов, а следовательно, «иерархия норм прибыли», противоречит внутренней природе капитала. Неравенство в валоризации может существовать только временно; устойчивая монополия в соответствии с этой аргументацией невозможна. Таким образом, по меньшей мере проблематична правомерность выведения из процессов концентрации и монополизации того заключения, что экономические законы и тенденции к выравниванию больше не могут действовать как условия, позволяющие отдельным капиталам конституироваться в совокупный капитал, либо что они оказались «превзойденными».

Эта проблематика находит свое выражение уже в той неуверенности, которую многие авторы, связывающие появле-

ние монополий с возникновением новых конституирующих условий капиталистического отношения, демонстрируют, когда им приходится определять отношение между конкуренцией и монополией. Здесь мы попытались определить отношение между конкуренцией и монополией в плоскости отношения между совокупным капиталом и отдельным капиталом. При этом с ясностью обнаружилось, что тенденция к получению монопольных, или максимальных, прибылей связана с системой так же, как связано с нею выравнивание норм прибыли к средней норме прибыли, и что, следовательно, между конкуренцией и монополией не существует никакого противоречия: в том смысле, что конкуренция якобы может быть заменена монополией. Гильфердинг же, исходя из предпосылки, что совокупный капитал может быть *структурирован* как единый отдельный капитал, «подчиненный всеобщему картелю», вынужден заключить, что монополия *заменяет конкуренцию*⁶⁸. Но монополия может быть также *направлена против конкуренции*, когда она перестает функционировать в качестве части совокупного капитала⁶⁹; или может даже существовать наряду с конкуренцией⁷⁰; а может, наконец, *образовать новую форму конкуренции — монополистическую конкуренцию*⁷¹.

Равенство валоризации отдельных капиталов конституирует их как части совокупного капитала, а следовательно, конституирует совокупный капитал как реальную величину. Лишь оно придает смысл категории капитала вообще. Но отдельные капиталы, действующие как таковые, не только производят — в тенденции — равенство валоризации; они также распределяют общественный труд по различным отраслям, развивают в каждый данный период специфическую структуру воспроизводства совокупного общественного капитала и реализуют динамические законы способа производства, в частности: тенденции к концентрации и централизации, рост органического строения капитала, значительное возрастание значения его постоянной части, повышение производительной силы труда и, наконец, тенденцию средней нормы прибыли к понижению. Таким образом, анализ монопольной прибыли не должен игнорировать материальную сторону воспроизводства. Это означает, что рассматриваемое нами явление, в силу которого множество отдельных капиталов конституируются в совокупный общественный капитал, пред-

⁶⁸ R. Hilferding. Das Finanzkapital. Frankfurt am Main, 1968, S. 313 ff.

⁶⁹ P. Hess. Monopoltheorie und Kapitalismuskritik. — In: "Ökonomische Theorie, politische Strategie und Gewerkschaften". Frankfurt am Main, 1971.

⁷⁰ Politische Ökonomie des heutigen Monopolkapitalismus. Berlin, 1972, S. 171 ff.

⁷¹ H. Heining, P. Hess. Die Aktualität der Leninschen Imperialismuskritik. Frankfurt am Main, 1970, S. 31.

ставляет собой не только факт статического объединения, но происходит в процессе накопления капитала. Хотя систематический анализ должен учитывать различия между законами развития и законами выравнивания способа производства, а также между формами, в которых проявляются те и другие, тем не менее эти законы не могут рассматриваться отдельно друг от друга: они взаимно обуславливаются.

Процессы, выражающие тенденцию выравнивания отдельных норм прибыли к средней норме прибыли, предполагают передвижение капитала и наемного труда из одних отраслей в другие так, что в этих процессах постоянно происходят изменения системы разделения общественного труда и структуры воспроизводства. Но по отношению к проблеме монополии это означает и нечто другое. Если предполагается, что отдельные капиталы могут избегать условий выравнивания, то из этого вытекает не только следствие в виде специфической иерархии норм прибыли; следует также рассмотреть последствия, вытекающие из этого для распределения общественного труда между разными отраслями и для общественной структуры воспроизводства, которая в свою очередь важна для движения стоимости. Если утверждается, что при монополистическом капитализме средней нормы прибыли больше не существует, то тем самым подразумевается также, что движение средней нормы прибыли подвержено модификациям или даже что тенденция к ее снижению перестала действовать. Из этого следует, далее, что образование средней нормы прибыли происходит лишь как тенденция. Движение капитала, служащее (бессознательному) производству средней нормы прибыли, для затронутых им отдельных капиталов есть не что иное, как капиталистическое накопление. Таким образом, ясно, что это уравнивание к средней норме прибыли есть момент кризисного цикла. По отношению к проблеме монополии это означает, что монополистическое подавление тенденций к уравниванию по необходимости должно иметь последствия для движения накопления.

5. Проблемы средней нормы прибыли

Итак, в плане анализа категорий мы пришли к тому выводу, что при капиталистическом способе производства с необходимостью действует тенденция к формированию средней нормы прибыли и что любое другое предположение разрушает имманентную связь между законами развития способа производства и функционированием отдельных капиталов, которое в конечном счете и придает действенность этим законам. Но при таком подходе социальные законы и императивы уже не могут быть поняты как таковые и должны

быть заменены *категориями власти* (с определенными последствиями для тактики, которые здесь нецелесообразно рассматривать). Естественно, это не означает, что — раз закон формирования средней нормы прибыли все еще действует — современный капитализм представляет собой идилию для мелких предприятий. Напротив, именно динамические законы способа производства породили в качестве собственного следствия крупные монополистические группы со всеми сопутствующими им явлениями экономического, социального и политического порядка. Но даже крупные группы не могут избежать действия динамических законов, ибо и эти группы являются отдельными капиталами: они по-прежнему подчиняются указанным законам и самое большее могут лишь видоизменять формы уравнивания и способы осуществления динамических законов. Насколько все еще непроясненным остается это обстоятельство, показывает прежде всего трактовка отношения между средней прибылью и средней нормой прибыли, с одной стороны, и монопольной прибылью — с другой. Поскольку формирование средней нормы прибыли есть не что иное, как реальное выражение того факта, что каждый отдельный капитал испытывает воздействие непрерывного процесса обобществления, в котором он ведет себя как часть совокупного общественного капитала, и что лишь таким путем он реально образует совокупный общественный капитал, то и структурные предпосылки формирования стоимости и движения стоимости с необходимостью должны обладать существенным значением для этого процесса, тем более, что формирование средней нормы прибыли имеет место лишь опосредованно — в процессе накопления капитала. Но если больше не существует тенденции к средней норме прибыли, то это обстоятельство затрагивает всю экономику или же только определенные ее секторы? И какие в конечном счете следствия вытекают из этого для условий, позволяющих множеству отдельных капиталов конституировать совокупный общественный капитал?

Утверждают, что меньшая мобильность капитала в стадии высокоразвитого капитализма приводит к тому, что перестают действовать те процессы уравнивания, которые, по видимому, необходимы для уравнивания разных норм прибыли до средней нормы общественной прибыли. Предполагается, кроме того, что эта мобильность сознательно ограничивается на основе позиций власти ради завоевания, а затем защиты монопольного доступа к особенно благоприятным условиям валоризации: с помощью экономического государства капитала и внеэкономического могущества государства. В этом смысле монополии, таким образом, выступают как результат конкуренции. Однако, единожды возникнув, они обеспечивают себе монопольную привилегию, то есть

монопольную прибыль, отмеченную, впрочем, дифференциацией структурного и систематического характера. «То, что возникло в форме исторически случайного неравенства, несущественного для концептуального развертывания капиталистического отношения, индивидуального роста капиталов в процессе концентрации, в движении, которому подлежат отдельные капиталы, в ходе кризиса превращается в систематическое неравенство, внутреннюю структурную дифференциацию, которая постоянно усиливается. Это в растущей мере обеспечивает наиболее сильным капиталам определенные и явные привилегии по части условий валоризации»⁷².

По этой концепции, таким образом, монопольная прибыль проистекает из того обстоятельства, что некий отдельный капитал обладает особыми возможностями доступа к определенным условиям валоризации (рабочей силе, сырью, а в плане реализации стоимости — рынкам, кредиту, инфраструктурам и т. д.): особым условиям, позволяющим капиталу возрасти в большей, чем средняя, мере и стабильно удерживать эту привилегию на протяжении всего кризисного цикла⁷³. Очевидно, что определение монопольной прибыли как результата долговременной и систематической структурной дифференциации предпосылок валоризации отдельных капиталов несовместимо с гипотезой, по которой тенденция к выравниванию условий валоризации отдельных капиталов приводит к усреднению этих условий в масштабе совокупного капитала. Поскольку эта проблема имеет центральное значение для концепций, относящихся к государственно-монополистическому регулированию, то на последующих страницах мы рассмотрим отношение между монопольной прибылью и средней прибылью с учетом главных позиций, выявившихся в специальной литературе по этому вопросу.

В том, что касается отношения между монопольной прибылью и средней прибылью в работах, трактующих проблему монополии, можно различить пять основных позиций.

1. В условиях монополистического капитализма имеются две средние нормы прибыли: одна — для «сектора свободной конкуренции», другая — для «монополистического сектора».

⁷² J. Hufschmid. Begründung und Bedeutung des Monopolsbegriffs in der marxistischen politischen Ökonomie. — "Das Argument", vol. speciale AS 6, S. 29.

⁷³ В своей работе 1929 года о проблемах образования монополий и теории «организованного капитализма» Варга различает монополии по их возможностям доступа к условиям производства и реализации. Тем самым он идет вслед за аналогичной, хотя и менее разработанной, идеей Хуффшида. Правда, Варга в отличие от Хуффшида сознает то обстоятельство, что «ни одна монополия... не гарантирована навсегда» (E. Varga. Die Krise des Kapitalismus und ihre politischen Folgen. Frankfurt am Main—Wien, 1969, S. 11 ff., 21).

2. Средняя норма прибыли образуется не в «монополистическом секторе», а в «немонополистическом секторе».

3. В условиях монополистического капитализма уже не существует средней нормы прибыли; существует, напротив, иерархия индивидуальных норм прибыли.

4. В условиях монополистического капитализма нет средней нормы прибыли, а регулирование производства и распределения обуславливается вмешательством государства.

5. И в условиях монополистического капитализма закон стоимости продолжает действовать в смысле формирования средней нормы прибыли, но в измененной форме.

Эти различные и отчасти несовместимые позиции свидетельствуют о трудностях и неопределенностях, на которые наталкивается рассмотрение проблемы монополии и ее последствий для анализа капитализма.

1. Тезис о двух средних нормах прибыли поддерживается, в частности, Манделем. Его исходным пунктом служит эмпирическая констатация: существование двух средних норм прибыли «может быть эмпирически установлено на протяжении всей эры монополистического капитализма, включая «классический» период империализма с 1890 по 1940 год»⁷⁴. Но прежде, чем привести эмпирические данные, Мандель пытается теоретически обосновать необходимость двух средних норм прибыли при зрелом капитализме. Он подходит к задаче постепенно, выстраивая свою аргументацию в виде трех следующих друг за другом пунктов. Поскольку «сверхприбыли монополизированных секторов достигаются за счет немонополизированных секторов, а следовательно, понижают среднюю норму прибыли этих последних»⁷⁵, то следует прежде всего заключить, что в монополистической сфере привлекаются более высокие — по сравнению с немонополистической сферой — прибыли. Во втором пункте предпринимается затем попытка доказать, что монопольные прибыли тяготеют к уравниванию по средней величине вследствие конкуренции между крупными капиталами. Ведь сверхприбыли влекут за собой явления замены и неудержимо притягивают «крупные конкурирующие капиталы».

«Эти две экономические силы, которые действительно ограничивают конкуренцию в монополизированном секторе, но не исключают ее, обуславливают уравнивание сверхприбылей, то есть тенденцию к уравниванию монопольной нормы прибыли. В случае если некоторые особые монополии превзойдут эту среднюю норму прибыли всех монополий, капитал нахлынет в данный сектор, невзирая ни на какие затруднения, и тем самым понизит сверхприбыли... В случае если

⁷⁴ E. Mandel. Spätkapitalismus, S. 475.

⁷⁵ Id., Marxistische Wirtschaftstheorie. Frankfurt am Main, 1968.

сверхприбыли некоторых монополий окажутся ниже этой средней, увеличение монопольных цен сможет повысить их до средней, не вызывая сильного сопротивления»⁷⁶.

В третьем пункте аргументации объясняется, почему норма прибыли монополистического и немонополистического секторов должны быть разными: «Но поскольку свободный отток и приток капиталов одновременно продолжает происходить в немонополизированных сферах, то и в этих сферах должен иметь место процесс тенденциального уравнивания нормы прибыли. Так, при монополистическом капитализме возникают две средних нормы прибыли, отдельные от средней нормы сверхприбыли: одна — в монополизированном секторе, а другая — в немонополизированном секторе»⁷⁷.

Изложив эту теоретическую аргументацию, Мандель вновь возвращается к эмпирическому анализу ситуации и приводит таблицу норм прибыли отдельных отраслей промышленности США. Из этой таблицы он выводит заключение, что существуют отрасли с нормой прибыли выше средней и отрасли с нормой прибыли ниже средней. Но даже если отвлечься от того, что монополия здесь приравнивается к особому, рассматриваемому в данном конкретном случае подразделению экономики и что отрасли промышленности могут быть разделены на указанные две группы лишь *после* вычисления общей всем отраслям средней нормы прибыли — а стало быть, нельзя *заранее предполагать* наличие двух средних норм прибыли, — то и с другой точки зрения таблица Манделя свидетельствует о чем-то прямо противоположном тому, что он хочет доказать, ибо подтверждает, что нормы прибыли отдельных отраслей промышленности уравниваются по средней. Во всяком случае, тезис о двух разных и отдельных нормах прибыли не может быть подкреплён данными Манделя.

Так что, изложив свой тезис, Мандель вынужден тут же ограничить его: «Таким образом, появление двух «средних норм прибыли» при монополистическом капитализме в конечном счете означает лишь *замедление, но не подавление процесса формирования средней нормы прибыли, общей для всего общества*. Если в эпоху свободной конкуренции формирование средней нормы прибыли совершалось обычно на протяжении индустриального цикла (от семи до десяти лет), то относительная экономическая мощь монополий значительно затрудняет это выравнивание. Оно может происходить лишь в течение более длительного периода»⁷⁸. Очевидно, что это положение противоречит тезису о двух средних нормах прибыли.

⁷⁶ Id., Spätkapitalismus, S. 476.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibid., S. 477.

Утверждение о существовании монополистической средней нормы прибыли влечет за собой два предположения: во-первых, о существовании двух тенденций и процессов выравнивания в *едином* капиталистическом обществе, а следовательно, во-вторых, о возможности существования «вечных» монополий, основывающихся на «систематических привилегиях валоризации». Если исходить из постулата о создании особой социальной структуры капитализма, то тезис о «двух средних нормах прибыли» подразумевает раскол капиталистического общества на два общества, а не просто на два сектора. Вместе с тем, если исходить из предпосылки, что средняя норма монопольной прибыли выше, чем соответствующая норма прибыли немонополистического сектора, потому что монополии присваивают дополнительную стоимость, распределяя ее между собой по критерию средней величины, то тем самым под сомнение будет поставлена строгость аргументации в пользу существования двух средних норм прибыли. В этом случае либо устанавливается существование связей между обоими «секторами» экономики, которые, как бы то ни было, должны подчиняться специфическим законам развития; либо признается существование системы голого произвола, хищничества и грабежа. Противоречивость аргументации Манделя явствует также из того, что, с одной стороны, он, по существу, заявляет о неспособности системы регулировать собственное развитие, а с другой — делает утверждение о регулярном характере отношений между конкуренцией и монополией: «Но все эти препятствия [со стороны конкуренции] не носят абсолютного характера. Если разница между средней нормой прибыли и нормой прибыли монополизированных секторов становится столь значительной, что предприниматели немонополизированных отраслей промышленности начинают опасаться разорения, то в этом случае они, спасаясь от угрозы, стараются всеми средствами проникнуть в монополизированные секторы... Вследствие этих попыток вновь разгорается конкуренция, которая снова доводит до «разумного» предела разницу между средней нормой прибыли и нормой монопольной прибыли»⁷⁹.

Подобное рассуждение (сформулированное иным образом, оно содержится и в «Позднем капитализме») означает радикальную критику тезиса о двух средних нормах прибыли, служащего Манделю изначальной отправной точкой. Тем самым совершается переход к пятой позиции, которую нам предстоит разобрать ниже.

2. По поводу тезиса о двух средних нормах прибыли Фред Эльснер пишет, что, на его взгляд, «тезис о средней норме монопольной прибыли является несостоятельным и в

⁷⁹ Id., *Marxistische Wirtschaftstheorie*, S. 435.

теоретическом отношении, ибо экономическая власть монополий представляет собой нечто весьма отличное. Средней нормы монопольной прибыли не может быть потому, что между монопольными предприятиями промышленности и торговли царит уже не свободная конкуренция прошлого, а монополистическая конкуренция. В отличие от свободной конкуренции монополистическая конкуренция является в высшей степени неравномерной⁸⁰. Правда, монополистическая конкуренция действует лишь в монополистическом секторе, признает Эльснер, делая отсюда вывод о том, что нет основания предполагать, что «в тех частях экономики, где еще царит свободная конкуренция, распределение оставшейся части прибавочной стоимости не должно было бы происходить в соответствии с законом средней нормы прибыли. Здесь свободное перемещение капитала все еще возможно»⁸¹. Таким образом, и в этом случае выдвигается гипотеза о том, что при монополистическом капитализме имеются две разновидности законов, действующие одна наряду с другой: закон стоимости, с одной стороны, и закон насилия — с другой⁸². Однако этот последний зависит от экономической силы монополий. Речь идет, следовательно, прежде всего о выяснении условий, регулирующих эту экономическую силу.

В противоположность Гильфердингу или Полу М. Суизи (по мнению которого распространение власти монополий наталкивается на пределы, лишь когда — в условиях данной экономики — процесс монополизации достигает ступени всеобщего картеля) Эльснер стремится выявить пределы, вытекающие из тех «связей между монопольной ценой и законом стоимости»⁸³, которые продолжают действовать и при монополистическом капитализме. Решающим экономическим пределом для монополистов — сколь бы велика ни была власть — в не меньшей мере, чем прежде, остается стоимость. По Эльснеру, во-первых, стоимость есть «логический и исторический отправной пункт для монопольной цены»; во-вторых, пределы этой последней определяются совокупной массой стоимости; в-третьих, монополии не охватывают всей экономики; в-четвертых, распространение монопольной прибыли ограничивается совокупной массой прибавочной стоимости. И если, несмотря на все эти попытки соотнести монополию со стоимостью, столь большое значение в регулировании монопольных прибылей приписывается тем не менее насилию, то объяснить это можно лишь статическим пониманием капиталистических отношений.

⁸⁰ F. Oelssner. Ein Beitrag zur Monopoltheorie. — "Probleme der politischen Ökonomie", vol. 3, 1960, S. 76.

⁸¹ Ibid., S. 77.

⁸² Ibid., S. 89.

⁸³ Ibid., S. 83.

В духе этой второй позиции невозможно интерпретировать констатацию Маркса, по которой формирование средней нормы прибыли «нисколько не изменилось бы, если бы капиталы, вложенные в определенные сферы производства, по каким-либо причинам не подлежали процессу выравнивания. Средняя норма прибыли исчислялась бы тогда на ту часть общественного капитала, которая входит в процесс выравнивания»⁸⁴. Подобное замечание справедливо в той мере, в какой описывает возможное положение, но недостаточно, если оно призвано объяснять движение стоимости в условиях монополистического капитализма и тенденции к выравниванию его отдельных капиталов применительно к их валоризации на основе процесса капиталистического накопления. Если стоимость составляет основу категорий «монопольная цена» и «монопольная прибыль», то это значит, что монопольные позиции, выражающиеся в виде монопольной сверхприбыли, связаны — пусть даже видоизмененным образом — с уравнительными тенденциями закона стоимости.

3. Более последовательной и богатой последствиями, чем первые две, является третья концепция, по которой в условиях монополистического капитализма уже не может проявляться никакой тенденции к формированию средней нормы прибыли и вместо нее возникает *иерархия норм прибыли*, соответствующих экономической силе монополий. Очевидно, что эта концепция делает излишней любую попытку материалистически установить пределы могущества монополии на основе закона стоимости. Опираясь на этот тезис, Альфред Браунталь пишет, что, учитывая условия монополистического капитализма, «трудовая теория стоимости, как и теория предложения, уже не в состоянии объяснить ценообразование»⁸⁵. А Рудольф Гильфердинг в свою очередь утверждает: «Монопольная цена может быть установлена эмпирически; вместе с тем ее уровень, конечно же, не может быть выявлен с помощью объективной теории, а может быть лишь уловлен с помощью субъективной психологической интуиции»⁸⁶. По этой концепции, следовательно, с переходом к монополии капитализм избавляется от собственных законов и подчиняется власти и насилию. Петер Хесс, например, пишет: «Основное новшество современного капиталистического регулирования заключается как раз в том, что тому закону, который правил в согласии с капитализмом, ныне создаются и должны создаваться препятствия к выполнению им своей регулирующей функции; что на его место пришли монополистическая власть, насилие и государственная монополизация, все более

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 190.

⁸⁵ A. Brauntal. Die Wirtschaft der Gegenwart und ihre Gesetze. Berlin, 1930.

⁸⁶ R. Hilferding. Finanzkapital, S. 313.

выступающие на первый план»⁸⁷. Монополия подавляет свободную конкуренцию, «хоронит [...] тот механизм, основанный на средней прибыли, в силу которого отдельные производители действовали в соответствии со стихийными экономическими законами, а распределение прибыли происходило в соответствии с размерами капиталов. Вместо подобной конкуренции и наряду с ней выдвигаются как раз насилие, а также экономическая и внеэкономическая власть монополий. Ныне именно эти последние противостоят производителям; монополии реализуют внутренние закономерности капиталистического способа производства по отношению к производителям как принудительные законы их деятельности. Таким образом, власть, экономическое и внеэкономическое насилие приводят «в исполнение» экономические законы»⁸⁸.

Монополия, порожденная динамическими законами капитализма, регулируемая конкуренцией, в конце концов ликвидирует эту последнюю, не уничтожая, впрочем, самих динамических законов. Так, Петер Хесс подчеркивает одновременно, что в то время, как тенденция к средней норме прибыли утратила свою действенность, тенденция к прибыли и максимальной прибыли продолжает характеризовать монополистический капитализм. «Тот критерий прибыли, который регулирует капиталистическое производство, не может привести к решению этих проблем, но претендовать на то, чтобы капиталистические монополии предложили какой-то другой критерий, объективно невозможно»⁸⁹. По его концепции, капитал продолжает реагировать только и исключительно на прибыль, но выражением этой его реакции уже не является средняя норма прибыли. Другими словами, *мотивы действий* отдельного капиталиста (то есть фигуры, за которой скрывается капитал), побуждающие его стремиться не только к средней, но и к максимальной прибыли, вынуждены утверждать себя вопреки законам капитализма (формирование средней нормы прибыли), вновь и вновь ограничивающим осуществление этих чаяний. Исчезло, таким образом, опосредование, рассеченной оказалась связь между законом и действием.

Средняя норма прибыли должна рассматриваться как категория, которая посредствует между отдельным капиталом и совокупным капиталом. В том же, что отдельный капитал получает среднюю норму прибыли, выражается как *качественное* участие отдельного капитала в дележе прибавочной стоимости, произведенной рабочим классом и вообще трудя-

⁸⁷ P. Hess. Der Kapitalismus und das Problem des gesellschaftlichen Fortschritts. — "Wirtschaftswissenschaft, XV, 1967, № 6, S. 1000.

⁸⁸ H. Heiningen, P. Hess. Die Aktualität der Leninschen Imperialismuskritik, S. 34.

⁸⁹ P. Hess, Der Kapitalismus..., S. 999.

щимися, так и *количественный* рост капитала как стоимости, которая увеличивает самое себя. Отсюда следует важный вывод: если валоризация отдельных капиталов становится и остается *количественно неравной*, то тем самым и *качественно* ставится под вопрос возможность существования капиталов с валоризацией ниже средней. В самом деле, их возможности накопления оказываются меньшими (что повлечет за собой относительное сокращение занимаемых ими позиций), а главное — вложенный в производство капитал будет стремиться к большей валоризации путем свертывания своей деятельности и бегству в другие сферы, где существуют условия для более высокой валоризации. Иными словами, невозможно отчленить качество капитала как субъекта, который производит и ищет прибыли, от количественной стороны этого качества, то есть от участия в валоризации на условиях, общих всем остальным капиталам. В аргументации Хесса не только проводится различие на основе типичных черт капиталистического развития (погоня за прибылью) и форм его осуществления (конкуренция и реализации средней нормы прибыли), но и дается также новое определение капитала как части совокупного капитала: отдельные капиталы теперь являются капиталами только в качестве отдельных капиталов; в качестве же отдельных капиталов, являющихся частями совокупного капитала, они выступают как *средоточия власти*, реагирующие друг на друга с помощью средств экономического и внеэкономического насилия.

Гипотеза о том, что монополизация обуславливает формирование иерархии норм прибыли, одной из своих сторон затрагивает также экономическую политику⁹⁰. Довод о монополизации зачастую применяется для подкрепления объяснения кризиса на основе теории недопотребления. Если разобратся, теория недопотребления опирается на тезис о том, что неравномерное распределение дохода ведет к большим диспропорциям между спросом на потребительские товары и производственными мощностями. Таким образом, со стороны потребления образуется дефицит спроса⁹¹, который проистекает из того, что на стороне прибылей потребление невелико, между тем как заработная плата, которая может быть почти целиком потрачена на потребление, оказывается слишком мала именно из-за того, что прибыли чрезмерно высоки. Этот типичный для традиционной теории недопотребления довод дополняется соображениями насчет инвестици-

⁹⁰ См. также: E. Altvater, J. Hoffmann, C. Maya. Konzentration als Ursache von Profitrendifferenzen? — Eine Auseinandersetzung mit der These vom positiven Zusammenhang zwischen Konzentration und Profitraten im "Memorandum" — "WSI-Mitteilungen", 1980, № 4, S. 196 ff.

⁹¹ E. K. Hunt, H. J. Sherman. Ökonomie aus traditioneller und radikaler Sicht. Frankfurt am Main, 1974, S. 151—152.

онной деятельности при развитом капитализме, характеризуемом наличием *иерархии прибыли*. Группа западногерманских авторов, издающих с 1975 года ежегодник «Меморандум» на тему «Альтернативы экономической политики», отталкивается в своем теоретическом подходе и эмпирических исследованиях от предпосылки о наличии сложившейся иерархии норм прибыли, которая, «если пренебречь немногочисленными исключениями, демонстрирует значительную устойчивость во времени»⁹². В плане *распределения* иерархия норм прибыли порождает следствие в виде слишком скудного спроса на потребительские товары, что согласуется с основополагающими принципами теории недопотребления. К этому добавляется, однако, другая предпосылка (восходящая к Курно): с целью максимизации монопольной цены (и монопольной прибыли) монополии лимитируют предложение, вводят ограничения со стороны *производства*. Хотя монополии — благодаря высоким прибылям — располагают инвестиционными фондами, они не слишком стремятся к капиталовложениям для расширения своих производственных мощностей. С другой же стороны, наращивание монопольных прибылей крупными предприятиями ведет к недостатку прибылей для небольших капиталов. Подавление тенденции к образованию нормы прибыли, одинаковой для всех капиталов, представляющее собой следствие власти монополий на рынке, влечет за собой, в свою очередь, возникновение экономики, разделенной на два сектора, в которой «сектор свободной конкуренции» должен смириться с нормой прибыли, постоянно отстающей от средней. В этом секторе может наблюдаться сильная тенденция к капиталовложениям, однако инвестиционные возможности здесь скудны. Следовательно, иерархизация норм прибыли ведет к общей недостаточности спроса: на рынках потребительских товаров — из-за того, что покупательная способность масс низка в силу взвинченных прибылей и чересчур низкого уровня заработной платы; на рынках инвестиционных товаров — из-за чересчур высоких прибылей монополий и одновременно из-за того, что прибыли предприятий, испытывающих на себе пресс конкурентной борьбы, слишком низки. В этой ситуации экономическая политика государства оказывается перед дилеммой, поскольку недостаток спроса, против чего необходимо вести борьбу, вызывается одновременно слишком высокими и слишком низкими прибылями. Регулирование системы становится более трудным делом. Иерархизация прибылей уже представляет собой выражение изъянов функционирования рынка. Государству поэтому приходится вмешиваться, но оно может делать это только противоречивым образом, и, следовательно

⁹² Memorandum "Alternativen der Wirtschaftspolitik", 1978, S. 83,

но, его экономическая политика становится менее эффективной. Здесь целесообразно перейти к четвертой позиции по вопросу о норме прибыли в условиях монополистического капитализма.

4. «Суть экономической политики государства, — пишет Петер Хесс, — заключается в попытке осуществить с помощью власти государства то, что в современных условиях механизм рынка сам по себе не в состоянии регулировать»⁹³. Курт Цишанг выражает ту же мысль другими словами: «Эта фундаментальная задача общественной системы производства, выполнявшаяся в прошлом регулирующими свойствами средней прибыли до тех пор, пока капиталистическая система в состоянии была функционировать и осуществлять свою исторически необходимую функцию, в ходе научно-технической революции уже не может быть реализована ни с помощью простого получения монопольной прибыли, ни посредством простого перераспределения национального дохода в пользу монопольной прибыли стараниями империалистического государства. Требуются еще более обширные средства и методы экономической организации, объединения производства»⁹⁴.

Перед нами — четвертая позиция, о которой мы упоминали выше, позиция, которая почти органически вытекает из третьей: тезис о том, что не существует законов, которые бы обуславливали выравнивание норм прибыли, естественно приводит к идее о том, что экономика регулируется государством. Тем самым противоречие, подрывавшее третью позицию, оказывается безусловно разрешенным, правда лишь формальным образом. В самом деле, государство берется как регулирующая сила, вводимая в систему в виде чего-то совершенно внешнего, с функцией заменить закон тенденциального выравнивания норм прибыли, взять на себя его задачи — даже при невозможности действительно добиться результата, достигаемого этим законом, то есть выравнивания прибылей до средней нормы прибыли. Напротив, та политическая власть, которую государство как таковое может положить на чашу весов, как раз и позволяет ему сохранять монополистическую иерархию в распределении прибыли и организовать перераспределительные процессы, необходимые для этой цели (и государство в самом деле эффективно используется в этом отношении). «Объединение власти монополий с властью государства в единую систему для удовлетворения потребностей производительных сил, для обуздания социальных и политических противоречий, порожденных са-

⁹³ P. Hess. Der Kapitalismus., S. 1005.

⁹⁴ K. Zieschang. Zu den Entwicklungstendenzen des kapitalistischen Grundwiderspruchs unter den Bedingungen der wissenschaftlich-technischen Revolution (Thesen). — "Wirtschaftswissenschaft", XVII, 1969, № 6, S. 875.

мой монополией, [...] — такова суть государственно-монополистического капитализма»⁹⁵. Так, политика и экономика переплетаются все больше, вплоть до такой степени, когда даже можно говорить о примате политики над экономикой.

Таким путем формально разрешается противоречие, вызванное тем, что, с одной стороны, прибыль продолжает выступать как специфическая цель капитализма, а вместе с тем, с другой стороны, утверждается, что тенденции к выравниванию прибылей до средней нормы прибыли при монополистическом капитализме уже не действуют. Вырисовывается, впрочем, и другое противоречие, которое необходимо отметить. Если, как утверждается, политическая власть государства необходима не только для перераспределения прибавочной стоимости в пользу монополий, но и для организации экономики вообще, для объединения производства и т. д., то, разумеется, все это действительно происходит так или иначе потому, что данные процессы не включаются «автоматически» в капиталистические отношения. Но сама констатация этой потребности подразумевает, что — даже при наличии монополизации — должны существовать тенденции, противодействующие перераспределению прибылей в пользу монополий; тенденции, которые направлены, в частности, на выравнивание норм прибыли и в то же время противостоят объединению производства, то есть его концентрации. Однако, если это так, если верно, что и в условиях монополистического капитализма продолжает действовать конкуренция со своей тенденцией к выравниванию норм прибыли, то тогда нельзя говорить о «примате политики» или о «единой системе государства и монополий». Тогда следует сказать, напротив, что государственное регулирование действует против тенденций закона стоимости (впрочем, не будучи в состоянии обуздать их на длительный срок) и что, следовательно, государство со своим вмешательством не только регулирует существующие противоречия, но и накапливает новые. «Государство монополий», таким образом, может выполнять эту функцию только наполовину. В то же время речь идет о государстве, которое своим вмешательством усугубляет проблемы монополий именно потому, что, не замещая закона стоимости, пытается противодействовать его тенденциям.

Следует подчеркнуть еще одно фундаментальное противоречие, таящееся в этой позиции. Если закон тенденциального выравнивания до средней нормы прибыли оказывается опровергнутым — ибо конкуренция не в состоянии больше

⁹⁵ P. Hess. Die Monopolproblematik und der heutige Kapitalismus. — In: Aktuelle Probleme des Imperialismus, zum 100. Geburtstag W. I. Lenins. — "DWI—Forschungshefte", 1970, № 5, Band 1; Heininger, Hess. Die Aktualität der Leninschen Imperialismuskritik, S. 28.

выполнять своей функции — и вместо него должно действовать государство со своей внеэкономической властью, то мы неминуемо оказываемся перед альтернативой: либо государство может лишь подтверждать иерархию норм прибыли, установленную монополистическим перераспределением (и, следовательно, может лишь санкционировать результаты, вызванные стихийным действием экономических законов); либо, напротив, цель, которую ставит перед собой государственное регулирование экономики, заключается именно в образовании средней нормы прибыли. В первом случае непонятно, почему государство должно играть особую роль, характеризующую его внеэкономической властью, если процессы перераспределения протекают *в любом случае*, в том числе и без какого бы то ни было вмешательства государства. Во втором же случае тезис о внеэкономической власти государства, применяемой для перераспределения в пользу монополий массы стоимости, изъятый у немонополистического сектора и трудящихся, становится сомнительным, если только согласиться с тем, что государственное регулирование ставит перед собой именно цель выравнивания норм прибыли до средней нормы прибыли. В первом случае для достижения результата, состоящего в перераспределении в пользу монополий, в сущности, нет никакой необходимости в государстве; во втором же случае государственное вмешательство, по-видимому, должно ставить перед собой цель перераспределения за счет капиталов с нормой прибыли выше средней и в пользу капиталов с нормой прибыли ниже средней.

5. Таким образом, если утверждается, что в условиях монополистического капитализма вообще не действуют тенденции к выравниванию, а государству одновременно приписывается функция репулятора системы, то это ведет к возникновению серьезных противоречий. Поэтому пятая позиция в отличие от предыдущих исходит из предпосылки, что закон стоимости сохраняет действенность и при монополистическом капитализме. Правда, «процесс уравнивания норм прибыли при монополистическом капитализме осуществляется более запутанным образом и в более осложненном виде, чем в условиях свободной конкуренции»⁹⁶. Более осложненном — потому что в условиях монополистического капитализма при посредстве конкуренции образуется не только цена производства, но и (на ее основе) также монопольная цена, постоянно отличающаяся от нее; а также потому, что монополии получают не только среднюю норму прибыли, но и — одновременно — превосходящую ее сверхприбыль⁹⁷. Кроме того, получается так, что все еще действующие факторы вы-

⁹⁶ С. Л. Выгодский. Современный капитализм. М., 1969, с. 173.

⁹⁷ Там же, с. 167—168.

равнивания могут проявить себя лишь в течение более длительного периода, чем тот, на протяжении которого они реализовались в те времена, когда мобильность капитала не встречала препятствий. «Поскольку конкуренция капиталов из-за инвестиций не устранена, а лишь блокирована, из этого следует, что и эти монопольные нормы прибылью хотя и проявляют тенденцию к выравниванию, однако эта тенденция уже не реализуется на протяжении одного цикла, как это происходило при домонополистическом капитализме»⁹⁸. А Выгодский заявляет, что, таким образом, становится ясно, «что монопольная цена представляет собой не отклонение от стоимости, а является результатом видоизменения самой стоимости, своеобразным проявлением закона стоимости в условиях монополистического капитализма. Стоимость, цена производства, монопольная цена, поскольку она базируется на модифицированной рыночной стоимости и цене производства, — это ступени функционирования стоимости»⁹⁹.

Итак, монополия ограничивается модификацией способа действия форм осуществления закона стоимости, в частности с тем результатом, что процессы выравнивания могут осуществляться лишь на протяжении более обширного отрезка времени. В самом деле, «ни одна монополия не гарантирована навечно»¹⁰⁰, а «взгляд на историю монополий показывает, что все монополии имели более или менее краткое существование»¹⁰¹. Это может означать только то, что отдельные монополистические капиталы постоянно утрачивают свой монополистический атрибут — монопольную прибыль — в результате конкуренции, взаимовлияния разных отдельных капиталов, но вовсе не обязательно прекращают вследствие этого существовать как капиталы.

Этот тезис, который представляет собой плод теоретических размышлений, подкрепляется и аргументами эмпирического характера. Целый ряд представителей теории государственно-монополистического капитализма, но также и эмпирических исследований концентрации стараются доказать, что следствием концентрации и централизации капитала является иерархизация норм прибыли в различных отраслях производства. По теории Хуффшмида¹⁰², от величины предприятия, сужения доступа к рынкам, ослабленной конкуренции зависят лучшие возможности черпать из общественных

⁹⁸ F. Behrens. Bemerkungen zur Profitrate im monopolistischen Kapitalismus. — "Wirtschaftswissenschaft", V, 1957, № 2, S. 256.

⁹⁹ С. Л. Выгодский. Современный капитализм..., с. 220.

¹⁰⁰ E. Varga. Die Krise des Kapitalismus und ihre politischen Folgen, S. 21.

¹⁰¹ W. Kalweit. Über die Ursachen der Preissteigerung im modernen Kapitalismus. Berlin, 1958, S. 77.

¹⁰² J. Hufschmid. Monopolbegriff...

ресурсов, а следовательно, и долговременные различия между нормами прибыли. Впрочем, эмпирические исследования по этому вопросу приводят к выводу, что связь между концентрацией и нормами прибыли не является очень выраженной¹⁰³. Более того, многочисленные попытки выявить корреляцию между ними свидетельствуют скорее в поддержку тезиса о том, что рост прибыли не зависит от концентраций. Это немаловажно для содержания понятия «монополия», поскольку, начиная с Ленина, монополии приписывается способность облагать все общество данью в пользу монополистов¹⁰⁴ и, таким образом, угнетать и грабить все общество в собственных интересах¹⁰⁵. Дань в форме монопольной прибыли является, следовательно, ключевой категорией в концепции государственно-монополистического капитализма; если невозможно последовательное теоретическое обоснование этой категории, а также нет возможности эмпирически доказать ее истинность — со всеми теми положениями, которые выводятся из нее в парадигме государственно-монополистического капитализма, — то последствия этого не могут не быть роковыми для нее. Отсюда следует, таким образом, что монополию нельзя ассоциировать с такой экономической властью — а также и внеэкономической, когда за предпосылку берется утверждение о «едином механизме», включающем государство и монополии, — которая якобы распространяется до тех пределов, когда может быть подавлено действие самого закона стоимости, вводящего постоянно власть отдельных капиталов в социальные границы. Как теоретический анализ, так и эмпирические исследования равным образом приводят к тому заключению, что и при высокоразвитом капитализме регулирующим принципом является не иерархизация по степени экономической и внеэкономической власти, а выравнивание до средней, динамически воспроизводящейся вновь и вновь в процессе накопления капитала, опосредованном конкуренцией.

6. Некоторые политические последствия

Работа «Империализм в ФРГ» содержит программное заявление: «Исследование процессов формирования монопо-

¹⁰³ См.: P. Sass. Das Grosskapital und der Monopolprofit. Industrielle Unternehmersgrösse und Profitrate in der BRD. Hamburg, 1978; C. Maya. Zur Entwicklung der Kapitalkonzentration und —zentralisation in der Industrie der Bundesrepublik Deutschland 1950—1975. Köln, 1981; E. Altvater, J. Hoffmann, C. Maya. Konzentration als Ursache von Profitratendifferenzen?; W. Semmler. Oligopoly, Differentials of Profitrates and Stagnation? The Empirical Evidence for Western Countries. — «Konjunkturpolitik», 1979, № 3.

¹⁰⁴ «Капитализм выделил теперь горстку... государств, которые грабят... весь мир» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 308).

¹⁰⁵ С. Л. Выгодский. Современный капитализм.

лий... позволяет нам познать современную экономическую структуру власти империализма. Это знание является предпосылкой для верной оценки всех процессов, происходящих в экономике, политике и идеологии государственно-монополистического капитализма, а также условием для того, чтобы рабочий класс и его союзники могли ориентироваться в антиимпериалистической борьбе»¹⁰⁶. Здесь еще раз с полной очевидностью выявляется, что категория монополии занимает центральную позицию и в политическом плане. Неудивительно поэтому, что вокруг парадигмы государственно-монополистического капитализма формируются политические группировки и блоки и что дискуссия о государственно-монополистическом капитализме («госмонкап-дискуссия», как у нас ее называют) имеет стержнем именно политические выводы из понятия монополии (особенно в Западной Германии). Теории, которые отстаиваются в этих спорах, приобретают функцию программных платформ и ведут к формированию различных политических фракций¹⁰⁷. И хотя дискуссия, вышшая точка которой пришла на начало 70-х годов, истощилась в следующем десятилетии, по крайней мере в Западной Европе (чего нельзя сказать о неевропейских странах: выше уже шла речь о Японии; однако и в Латинской Америке наблюдается возрождение интереса к теории государственно-монополистического капитализма)¹⁰⁸, тем не менее основные элементы теории государственно-монополистического капитализма продолжают широко определять политику (за исключением еврокоммунистической теоретической традиции, которая обращается к Грамши). Мы сможем яснее представить себе это обстоятельство, если рассмотрим некоторые политические последствия, выводимые из этой теории.

Во-первых, тезис о том, что монополии угнетают и грабят все общество¹⁰⁹, о дани, налагаемой на общество, имеет последствия в плане политики союзов. Поскольку все это порождает конфликты интересов между монополистическим капиталом и государством, с одной стороны, и широкими массами населения — с другой, возникает объективная предпосылка для создания антимонополистических союзов. «Образование и упрочение широких антимонополистических союзов представляют собой одно из основных условий успеха

¹⁰⁶ "Der Imperialismus der BRD...", S. 130.

¹⁰⁷ См.: J. Schleifstein, J.-P. Delilez, R. Katzenstein. Beiträge zur Stamokap—Debatte. — "Pahl-Rugenstein Hefte", № 8, Köln, 1973; "Der Thesenstreit um "Stamokap": Die Dokumente zur Grundsatzdiskussion der Jungsozialisten". Reinbek bei Hamburg, 1973; "Projekt Klassenanalyse: Stamokap in der Krise". Berlin, 1975.

¹⁰⁸ См.: R. Borja. Teoría del capitalismo...

¹⁰⁹ С. Л. Выгодский. Современный капитализм.

постоянной борьбы за демократию и социализм. Эти союзы в принципе учитывают общие интересы входящих в них компонентов, вовсе не игнорируя при этом их специфических различий... Объективный анализ показывает, что государственно-монополистический капитализм толкает на выступления против монополий также социальные слои, стоящие в стороне от наемного труда»¹¹⁰.

Категория монополии облегчает, таким образом, выработку стратегии союзов. В самом деле, теперь уже не только классовое противоречие между наемным трудом и капиталом порождает субъектов борьбы и, следовательно, требует также от класса наемных работников построения сложных союзов в этом противоборстве; ныне это происходит также в качестве результата противоречия между монополиями, представляющими лишь меньшинство населения, то есть «монополистическую буржуазию», с одной стороны, и подавляющим большинством населения — с другой. Но объективная структура интересов не порождает с необходимостью субъективные формы соответствующего сознания, и, следовательно, программы политических союзов, задуманные на базе теории государственно-монополистического капитализма, не обеспечивают автоматически политического успеха. Остается по крайней мере возможность объяснения неуспеха: как расхождение между объективным и субъективным, недостаточную зрелость субъекта по сравнению со степенью зрелости объективных отношений либо как соответствующие политические ошибки, в случае если предпринятые меры не отвечают объективным возможностям.

Проблема, впрочем, еще более сложна. Даже если бы понятие монополии было внутренне более стройным и могло быть обосновано на теоретическом уровне и доказано эмпирически, то и тогда оно еще не позволило бы нам адекватно постигнуть дифференциацию социальной структуры общества высокоразвитого капитализма. Союзы формируются *не для защиты* от «дани», тем или иным образом палоченной на общество монополиями; они образуются не для *борьбы* с монополиями, но создаются позитивно — для осуществления собственных интересов. Причем «объективные» экономические интересы в этом случае вовсе не обязательно играют главную роль. Развитие общественных движений может быть обусловлено также традициями, ценностями, социализацией индивидов и слоев в определенных исторических ситуациях. Подразумеваемая теорией государственно-монополистического капитализма логика главных противоречий и второстепенных противоречий не позволяет понять этого обстоятельства либо затрудняет его понимание. Поэтому при-

¹¹⁰ Der staalmonopolistische Kapitalismus., S. 197.

менительно к высокоразвитым капиталистическим странам можно даже сделать вывод, что политические союзы, задуманные на базе категории монополии, терпят провал.

Во-вторых, внутри «единого механизма» государственно-монополитического капитализма *государство* приобретает выдающееся значение. Однако это не означает, что государство полностью узурпируется монополистическими интересами. Подобно тому как это уже изображалось теорией организованного капитализма (с которой теория государственно-монополистического капитализма обнаруживает некоторые структурные аналогии ¹¹¹), государство понимается как система институтов и принципов, действующих в основном в интересах монополий, но имеющих, между тем, также «возможность воздействовать на государство, оказывать давление на его политику, бороться против одностороннего покровительства монополиям, противостоять антисоциальным мерам»¹¹². Таким образом, этот «антимонополистический союз» базируется на предположении об относительной самостоятельности государства по отношению к монополиям, что служит также оправданием стратегии «передовой демократии», разработанной в наиболее радикальном виде теоретиками Французской коммунистической партии ¹¹³. Стратегия эта, впрочем, страдает схематизмом в той мере, в какой исходит из убеждения о том, что в рамках антимонополистического союза могут быть выдвинуты более прогрессивные цели, которые затем могут быть навязаны государственным институтам массовым демократическим движением. При этом забывается, что государство в самом широком смысле (то есть как объединение «политического общества» и «гражданского общества») защищает с помощью своих институтов (или своих аппаратов, если воспользоваться терминологией Альтюссера, Каррильо или Хирша) материальные и духовные условия буржуазного господства.

Эта функция государства выражается не просто и исключительно в форме «односторонней» опеки монополистических интересов, но проявляет себя также в виде многообразных мер в поддержку индивидуальных и коллективных интересов производства — причем не только монополий, но и рабочего класса и других слоев. Экономические акты в пользу капиталистического накопления могут быть выгодны и наемным работникам (в той мере, в какой они гарантируют или расширяют занятость и позволяют повышать заработную плату). Функция государства при этом заключается в том, чтобы *посредничать* между интересами разных классов

¹¹¹ См. об этом в главе автора, опубликованной в данной “*Storia del Marxismo*”, v. 3.

¹¹² P. Hess. *Kapitalismus..*, S. 1004.

¹¹³ “*Der staatsmonopolistische Kapitalismus...*”

ради воспроизводства — благодаря «согласию низов» — предпосылок, позволяющих функционировать межклассовому компромиссу. К этому следует добавить, что государство действует не только с помощью экономических мер и выступает не только в роли социального государства, но также воспроизводит собственную легитимацию и легитимацию общества посредством самого своего существования и функционирования своих институтов («государственных идеологических аппаратов», как их называет Альтюссер). Если в этой легитимации обнаруживаются изъяны, то это объясняется не политикой государства в поддержку монополий, а просто его политикой, оказывающейся не в состоянии успешно реализовать эту цель и, следовательно, ставящей под угрозу опосредованный самим государством компромисс между классами. Положение, кроме того, осложнено еще тем, что такой компромисс влечет за собой многообразие тех *институтов* политической системы, в которых организуются и фиксируются обменные отношения между капиталом (капиталистическими организациями), с одной стороны, и трудом — с другой. Идея, в соответствии с которой сначала вне этой институциональной системы формируется антимонополистический союз, а затем, будучи создан, демократически воздействует на «государство в интересах народа и против интересов монополий», терпит крах, натолкнувшись на действительность в виде организаций буржуазной гегемонии в высокоразвитых капиталистических обществах, по крайней мере пока воспроизводственный процесс протекает нормально и в ближайшем будущем не предвидится переворота.

Неудивительно поэтому, что политическая тактика, берущая начало от такой интерпретации государства, продиктованной теорией государственно-монополистического капитализма, потерпела провал, даже если некоторые ее инициаторы не хотят этого признавать.

В-третьих, существенно важный пункт политической концепции теории государственно-монополистического капитализма заключается в интерпретации нынешней стадии капитализма в ключе «общего кризиса капитализма». Поскольку кризис этот в своей основе обусловлен возникновением и развитием социалистического лагеря, контраст между двумя мировыми системами приобретает в стратегических и тактических расчетах значение определяющего фактора. Перед лицом капитализма, переживающего «третий этап своего общего кризиса»¹¹⁴, практически существующий социализм образует реальную антитезу, которая в соревновании между двумя системами призвана принять четкие очертания и в глазах трудящихся классов капиталистических стран. Это должно

¹¹⁴ E. Varga. Der Kapitalismus des zwanzigsten Jahrhunderts., S. 102 ff.

происходить двумя путями: позитивно, в условиях самого капитализма — при сохранении капиталистических порядков, — поскольку реально существующий социализм вынуждает капитализм вводить структуры, которые, «строго говоря», чужды ему самому. Сюда входят меры антикризисного регулирования, вся обширная область социального законодательства или даже, при некоторых условиях, права участия рабочего класса в управлении экономикой. Несомненно, это утверждение служит дополнительной иллюстрацией того, что современное государство отличается от предыдущих форм, потому что учитывает интересы масс. Впрочем, этот тезис отстаивается не только теорией государственно-монополистического капитализма, но и образует прочную теоретическую и эмпирическую основу для самых различных теорий и моделей общества. Правда, акценты в них расставляются по-разному, а выводы не совпадают. В то время как теоретики неокорпоративизма интерпретируют изменения, происшедшие в буржуазном государстве вследствие «вступления масс в государство через посредство своих организаций», как момент структурной перестройки с целью защиты гегемонии буржуазии, для теоретиков государственно-монополистического капитализма этот же самый процесс выступает симптомом, показывающим, что капитализм исторически изжил себя по сравнению с социалистическим лагерем и его структурой, — симптомом «общего кризиса капитализма». Отсюда вытекает вторая функция противопоставления реального социализма капитализму в рамках парадигмы «общего кризиса капитализма»: выработка политической программы становится более легким делом, поскольку реальные социалистические общества уже своим примером могут политизировать массы и генерировать критическое сознание. Следовательно, стратегия борьбы за социализм в капиталистических странах может осуществляться с успехом лишь «плечом к плечу» с социалистическими странами — теория фаз оправдывает и этот тезис. В самом деле, каждая стадия развития означает исторический прогресс, и движение, выступающее в поддержку стран, которые преодолели капитализм, как раз и должно в свою очередь воплощать этот прогресс.

Не вдаваясь в другие подробности, мы можем сделать вывод, что политические последствия теории государственно-монополистического капитализма страдают упрощенностью и потому проблематичны. В общем, можно сказать, что теория государственно-монополистического капитализма совершает попытку концептуально определить формы социализации, меняющиеся при развитии капитализме, но терпит провал, поскольку подступает к проблемам, будучи вооружена ключевой категорией — понятием монополии, — сужающей круг анализируемой проблематики. Конечно, понятие моно-

полии не может рассматриваться как несущественное и еще менее того подлежит отбрасыванию. В рамках Марксовой теории накопления и конкуренции это понятие имеет значение и позицию, которые могут быть с точностью определены. Но если это понятие применяется как качественно новая «базовая категория» для анализа высокоразвитого капитализма, то оно не выдерживает груза подобной задачи, хуже того — становится препятствием на пути к теоретическому постижению новых форм обобществления, которые (вопреки теории государственно-монополистического капитализма) служат не только формами проявления «общего кризиса», но и являются также факторами новой стабильности капитализма, достигаемой посредством структурной перестройки.

Аугусто Грациани

МАРКСИСТСКИЙ АНАЛИЗ И СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Если бы в стремлении выявить влияние марксистского учения на экономические идеи современных ученых и интерпретацию ими проблем экономической структуры мы ограничились лишь кругом тех ученых, которые являются или открыто объявляют себя марксистами, то допустили бы серьезное упущение. В самом деле, как бы парадоксально или по крайней мере преувеличенно это ни выглядело, но самые плодотворные и значительные следы воздействия марксистской теории следует искать как раз в трудах тех ученых, которые не имеют явных идеологических связей с марксизмом.

Экономисты, работающие в русле марксизма, концентрировали свои силы преимущественно на одной определенной задаче: углубление Марксовой теории стоимости и цен, продолжении анализа, начатого уже Марксом, анализом превращения стоимости в цену. Придание проблеме превращения особой важности само по себе вполне ясно, если учесть ту центральную роль, которую теория стоимости играет в Марксовом учении о классовых отношениях в целом и в особенности в центральном положении этого учения: о существовании эксплуатации и ее мере. Не следует поэтому удивляться, если за пределами проблемы стоимости вклад ученых-марксистов в разработку собственно экономической теории выглядит несколько более ограниченным.

Напротив, сознательно или бессознательно, но многие ученые, в других отношениях чуждые марксизму, внесли в развитие экономической теории немало ценных вкладов, уходящих корнями в марксистское учение. Не касаясь жгучих теорий стоимости и эксплуатации, эти авторы пользуются сокровищницей идей, восходящих к Марксу, для постановки и решения проблем, связанных со структурой современного капитализма и особенностями современного экономического процесса. Это подспудно марксистское течение, границы которого по необходимости расплывчаты и нечетки, заслуживает попытки исследования.

При определении рамок нашего обзора следует сразу же исключить работы тех авторов, которые, даже открыто заяв-

ляя о своей приверженности Марксовой доктрине, сосредоточивают свою критику не столько на анализе экономического процесса и действия обеспечивающих этот процесс механизмов, сколько на порождаемых капиталистической системой последствиях в области распределения общественного богатства, диспропорциях между общественным и частным потреблением, социальной мобильности. Хотя эта литература весьма богата и хотя в ней справедливо подчеркиваются многие аспекты, в которых капитализм страдает отсутствием эффективности либо справедливости, ее вклад в познание и углубление анализа капиталистического экономического процесса ограничен. Мы будем стремиться, напротив, сосредоточить внимание на тех авторах, которые, вовсе не заботясь о непременном выдвижении на первый план социальных и имущественных аспектов современного капитализма, пытались анализировать его структуру и функционирование.

Для простоты мы, даже рискуя впасть в очевидный схематизм, построим наше изложение по следующим проблемным пунктам: а) противопоставление микроэкономического анализа макроэкономическому; б) проведение различий между промышленным и финансовым капиталом; в) анализ экономического процесса как цикла капитала.

1. Микроэкономический и макроэкономический анализ

Марксов экономический анализ представляет собой непосредственно макроэкономический анализ, при котором за исходную основу принимается классовое поведение, истолковываемое как нечто логически предшествующее пониманию действия всего социального механизма, и уже из этого поведения выводится индивидуальное поведение. Буржуазный экономический анализ отличается прямо противоположным подходом, то есть верностью так называемому методологическому индивидуализму, при котором на первое место ставится анализ поведения отдельного индивида, а поведение социальных групп рассматривается как результирующая поведения отдельных изолированных субъектов.

По этому пункту расхождения между буржуазным и марксистским анализами выступают более четко, чем по многим другим, а именно в этом аспекте линия буржуазных экономистов, как могло бы показаться, должна логически одерживать победу. Целесообразно поэтому уточнить постановку вопроса.

Позиция индивидуализма на первый взгляд ясна и убедительна. Социальные группы (неважно, имеются ли в виду просто статистически выявляемые средоточия или действительные общественные классы) образованы из отдельных индиви-

дов, каждый из которых действует самостоятельно. Группового поведения как такового поэтому, по-видимому, вообще не существует, ибо это предполагало бы некое предварительное согласованное действие, а стало быть, и соответствующие процедуры по такому согласованию, чего (если исключить особые случаи консорциумов, картельных и тому подобных соглашений) в действительности не бывает. Следовательно, группа, как утверждают сторонники этой точки зрения, не предпринимает никаких собственных действий, но ведет себя так, как хотят составляющие ее индивиды, каждый из которых в свою очередь действует совершенно независимо и самостоятельно. Анализ поведения *должен быть, следовательно, сосредоточен на отдельном участнике процесса*; лишь после того, как выявлено поведение этого типичного участника, станет возможным вывести из него поведение группы. Отказ от макроэкономического анализа как самостоятельной фазы исследования и отсылка к предварительному микроэкономическому анализу подаются, таким образом, как плод столь же простого, сколь неопровержимого рационального рассуждения¹.

Изложенная в таком виде позиция индивидуалистов выглядит скорее априорно заявленной, нежели логически обоснованной. Каковы в конце концов те доводы, в силу которых действия одиночки могут быть предметом теоретического анализа, а поведение класса должно рассматриваться как не подлежащее теоретическому осмыслению? Центральный аргумент, который приводится в поддержку этого тезиса, заключается в том, что отдельный индивид может рассматриваться как рациональный субъект, действия которого направлены на достижение определенной цели, между тем как в применении к социальной группе подобное допущение с очевидностью абсурдно. Впрочем, ведь и применительно к субъекту гипотеза о рациональном поведении остается всего-навсего допущением, лишенным точного обоснования.

Если мы хотим подвести убедительную логическую базу под микроэкономический анализ, то нам необходимо найти

¹ Классической работой в этом отношении является: *C. Menger. Il metodo nella scienza economica* (1882). Torino, 1937. В значительной мере аналогичным текстом является: *M. Weber. Il metodo delle scienze storico sociali* (1922). Torino, 1958. Выражение «методологический индивидуализм», по-видимому, впервые было употреблено Шумпетером в: *J. A. Schumpeter. Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie*. Berlin, 1908, Abteilung I, Kap. VI. Особенно наглядно суть этого методологического подхода синтезирована в известной работе: *L. Robbins. Saggio sulla natura e importanza della scienza economica* (1932). Torino, 1947. Пересмотр методологических позиций индивидуалистской школы в современном ключе содержится в очерке: *S. Zamagni. Sui fondamenti metodologici dell'economia individualistica*. — In: "Materiali filosofici", 1982.

принцип, который бы не замыкался рамками экономического анализа в узком смысле слова, но охватывал более обширное поле — социальную структуру в целом. Предположим, мы берем за начальную посылку идею о том, что общество состоит из независимых действующих лиц (потребителей, владельцев сбережений, предпринимателей, наемных трудящихся и так далее). На основе этой посылки зададимся вопросом: каковы те условия, которые должны соблюдаться для того, чтобы подобное индивидуалистское общество могло вести существование и воспроизводить себя, сохраняя неизменным свой характер? Поскольку очевидно, что такие условия должны соблюдаться (если бы они не соблюдались, то общество, каким мы его себе представляем, исчезло), то с момента, как мы сумеем их выявить, мы сможем с уверенностью сказать, что установили правила функционирования указанного общества. Такими условиями, которые экономический механизм должен соблюдать ради гарантированного выживания индивидуалистского общества, со всей очевидностью являются условия, гарантирующие выживание и, следовательно, воспроизводство индивидуального действующего лица: неважно, является ли он предпринимателем, потребителем или наемным работником.

Вернемся теперь на мгновение к традиционной микроэкономической постановке проблемы, базирующейся на тезисе о рациональном поведении отдельного индивида. Традиционная микроэкономическая теория, как известно, сводит свои построения к двум основополагающим построениям, которые могут быть обобщены следующим образом:

а) в интересах нормального функционирования экономического процесса необходимо, чтобы действия каждого субъекта могли максимизировать его собственную цель (удовлетворение индивидуальных потребностей, получение предпринимательской прибыли), не затрагивая вместе с тем ограничений, которые ставит перед его действиями рынок (субъективное условие равновесия);

б) каждое действующее лицо должно соблюдать равенство между доходами и расходами, или, как принято говорить, обязательное условие поддержания баланса (таково так называемое объективное условие равновесия, которое, будучи приложено ко всем действующим лицам одновременно, гарантирует уравнение спроса и предложения на всех рынках, вместе взятых).

При традиционном подходе эти условия вытекают из допущения рациональности субъекта, а поскольку они гарантируют исправное функционирование рынка, то они и рассматриваются как раз в качестве *условий равновесия*. Тем не менее, если мы рассмотрим содержание двух указанных условий, то легко убедимся в том, что они составляют в то же

время *условия выживания* отдельного действующего лица. В самом деле, если предприниматель не стремится к максимизации прибыли, то он будет вскоре же устранен с рынка. Такая же участь постигнет и потребителя, который бы не пожелал соблюдать правило сбалансированности доходов и расходов. Условия равновесия в традиционной теории являются, следовательно, не чем иным, как условиями воспроизводства каждого отдельного действующего лица².

Этот результат совсем не мало важен, раз он позволяет спасти всю традиционную микроэкономическую теорию, пусть даже применительно к строго очерченному кругу проблем и при весьма урезанных притязаниях на провозглашение всеобщих истин. Данная теория выглядит теперь как выведенная уже не из утверждения о некоей рациональности, покоящегося на явно шатком основании, а из тезиса о том, что общество образовано из индивидуальных действующих лиц. Выявляя условия, необходимые для воспроизводства подобного общества, мы, по-видимому, выстраиваем и указанную теорию.

В случае принятия такого рода подхода он оказывается существенным также и на втором направлении, поскольку позволяет обосновать макроэкономический анализ как самостоятельную дисциплину, не выводя его предварительно из микроэкономического анализа. В самом деле, предположим, что мы исходим из иного допущения относительно социальной структуры общества и рассматриваем общество как состоящее из предварительно определенных групп людей, или общественных классов: предпринимателей, капиталистов, наемных трудящихся. Целью анализа при этом должно стать *выявление условий, необходимых для того, чтобы обладающее данными чертами общество могло продлевать свое существование как таковое*, то есть именно как общество, имеющее классовую структуру. Такие условия, самоочевидно, должны будут касаться уже не отдельного действующего лица, не выступающего более основным элементом анализа, но относиться непосредственно к предварительно выявленным общественным классам. Макроэкономический анализ выступает тем самым в качестве самостоятельной теоретической разработки, совершенно независимой от предварительного анализа индивидуального поведения. Более того, при таком подходе анализ поведения одиночек выглядит как следствие их коллективного поведения: ведь только после установления условий, необходимых для обеспечения воспроизводства общественных классов, открывается возможность анализировать поведение отдельного действующего лица. Целью такого анализа дол-

² G. Lunghini. Equilibrio. — In: "Dizionario di economia politica", Torino, 1982.

жно быть установление условий выживания одиночки внутри одного из классов, механизм функционирования которого, как предполагается, уже изучен к этому времени³.

Общеизвестно, что господствующий ныне тип экономического анализа тяготеет к индивидуалистическому видению общества и стремится поэтому интерпретировать экономический процесс как равнодействующую действий отдельных изолированных действующих лиц, считая несущественным — по крайней мере для целей экономического анализа — понятие класса. В соответствии с таким подходом большинство современных исследователей экономики рассматривают микроэкономическую теорию в качестве неизбежно приоритетного момента, а макроэкономическую теорию — не как самостоятельное теоретическое построение, но как производный анализ, имеющий своим предметом социальные группирования, получающиеся в результате объединения индивидуальных действующих лиц. Следовательно, социальные группы, рассматриваемые макроэкономическим анализом, получают свои очертания в теоретическом плане не в результате аналитической операции, а в результате процедуры статистической группировки, предпринятой единственно в целях удобства и простоты. Из этого должно следовать, что макроэкономический анализ, по-видимому, не может добавить ничего нового к тому, что уже выяснено с помощью микроэкономического анализа⁴.

При том, что индивидуалистская традиция настолько широко распространена, что является абсолютно господствующей, возможно все же выявить небольшую группу авторов, отходящих от ее канонов. Стоя в стороне от Марксова учения в узком смысле слова, эти исследователи — каждый идя своим путем и по-своему расставляя акценты — основывают изучение экономического процесса на макроэкономическом анализе, определяемом как самостоятельный анализ, базирующийся на собственных принципах и не выводимый, следовательно, из предшествующего микроэкономического анализа. Авторами, которые более всего заслуживают внимания в данном случае, являются Викселль, Шумпетер, Калекский и Кейнс.

Случай Викселля особенно показателен, ибо перед нами автор неоклассического направления, который примкнул к маржиналистской австрийской школе во всем, что касается проблем, относящихся к теории цен и распределения дохода,

³ A. Vercelli. Causalità ed economia: a proposito di un saggio di J. Hicks. — "Note economiche", 1980, № 3.

⁴ Почти классической работой для этого направления является сборник под редакцией Харкурта (G. C. Harcourt. The Microeconomic Foundations of Macroeconomics. London, 1977). Наиболее авторитетные учебники макроэкономики используют такой же подход (см.: R. Dornbusch, S. Fischer. Macroeconomia. Bologna, 1980).

и которого тем не менее изучение проблем, связанных с денежным обращением, подтолкнуло сформулировать выводы, глубоко расходящиеся с постулатами этой школы⁵.

Схема экономического процесса, которой следует Викселль, проста. Хозяйственный мир подразделяется им на четыре крупных сектора: банки, предприятия, трудящиеся, владельцы сбережений. Хотя владельцы сбережений, которых Викселль называет капиталистами, не обязательно представляют собой обособленный класс (в принципе все трудящиеся могут стать владельцами сбережений), для простоты анализа оправданно предположить, что они образуют отдельную социальную группу. Экономический процесс, по Викселлю, проходит следующие фазы, идущие одна за другой:

а) банковский сектор, создавая ликвидность в форме кредита, производит начальное финансирование предприятий, которые обязуются возвратить полученные средства по окончании периода, увеличенные на сумму процента;

б) пользуясь полученными финансовыми средствами, предприятия приобретают рабочую силу, оплачивая ее в форме заработной платы, и с помощью этого наемного труда осуществляют производственный процесс;

в) получив авансированную заработную плату, трудящиеся незамедлительно тратят ее на приобретение средств существования, которые продают им капиталисты—владельцы сбережений;

г) выручив в денежном выражении стоимость проданных средств существования, капиталисты осуществили тем самым превращение сбережений из реальных сбережений (в форме потребительских благ) в денежные сбережения. Теперь они располагают суммой наличных средств, равной фонду заработной платы, каковую сумму они депонируют в банках в обмен на годовой процент, который, как предполагается, равен той активной ставке, по какой банки ссужают деньгами предприятия;

д) по окончании производственного периода предприятия продают созданный продукт капиталистам. Эти последние приобретают продукт, используя с этой целью суммы, ранее депонированные в банках и которые тем временем увеличились на величину оговоренного процента. Посредством продажи продукта предприятия вновь становятся собственниками первоначально затраченных средств, увеличившихся на сумму, равную банковскому проценту, и могут теперь вернуть свой долг банкам, завершая тем самым всю операцию.

Если этот процесс протекает в условиях равновесия, то по окончании операций отдельные социальные группы оказываются в следующем положении:

⁵ *K. Wicksell, Interesse Monetario e prezzi dei beni (1898). Torino, 1974.*

а) банки, инкассируя пассивный процент, равный активному, сводят баланс без какой бы то ни было сверхприбыли;

б) предприятия (при наличии все тех же гипотетических условий равновесия), извлекая из производственного процесса норму реальной отдачи, равную норме денежного процента, выплачиваемого банкам, также завершают процесс при полной сбалансированности доходов и расходов, без какой бы то ни было сверхприбыли;

в) владельцы сбережений—капиталисты по окончании периода получают плод своих сбережений в форме денежного процента на депонированные в банке суммы; этот денежный процент превращается ими в реальные блага, которые продают им предприятия. Владельцы сбережений, следовательно, являются единственными, кто получает доход от капитала — доход, который выступает как плод сбережения.

Выстроив эту схему, представляющую экономический процесс в условиях денежной экономики, Виксель не может не отметить, что, будучи, по-видимому, чисто технической, нейтральной, она в действительности заключает в себе пронизательный анализ капитализма и отношений власти, которые устанавливаются между социальными группами. В самом деле, Виксель задается следующим вопросом: что произошло бы, если бы банковский сектор решил установить норму денежного процента ниже реальной рентабельности производственного процесса? Поскольку совпадение между денежным процентом и реальной отдачей выступает просто как условие равновесия, такое совпадение может и не реализоваться. Банки могут установить денежный процент ниже нормы реальной отдачи просто по ошибке либо, как предполагает сам Виксель, в силу договоренности с предпринимателями с целью предоставления им кредита на более выгодных условиях. В этом случае экономический процесс, который с технической точки зрения продолжает разворачиваться в указанном выше порядке, приводит к существенно иным результатам. В самом деле, предприятия теперь интересуют суммы, взятые в долг у банков, при норме рентабельности, которая оказывается более высокой, нежели учетная ставка (процент), которую предстоит платить банкам, в силу чего предприятия по окончании производственного процесса заканчивают операции уже не при равных расходах и доходах, а получают весомую прибыль. Если при этом банки продолжают практиковать пассивный процент, равный активному, то сбережения капиталистов продолжают пополняться, как и в предыдущем случае, и сверхприбыль, образованная разрывом между реальной рентабельностью и денежным процентом, присваивается окончательно предпринимателями.

Уже здесь перед нами — перераспределение дохода в

пользу предприятий и к ущербу владельцев сбережений. Но процесс не обязательно останавливается в этой точке. Если предприниматели, побуждаемые появлением сверхприбыли, решаются на внедрение приемов и техники капиталистической интенсификации производства, это приводит к сокращению потока потребительских товаров и вследствие этого к принудительному снижению реального потребления трудящихся. Перераспределение, таким образом, захватывает и наемных работников, у которых снижается уровень реальной заработной платы вследствие манипуляций с денежным процентом, предпринятых банками.

Вот здесь-то Викселль, даже в принципе признавая маржиналистскую теорию распределения, основывающуюся на индивидуалистском механизме рыночной контрактации, вынужден признать, что при капиталистической экономике, где действует отделение труда от средств производства и где трудящиеся могут контрактовать лишь свою заработную плату в денежном выражении, объединенные силы банков и предприятий способны изменять распределение дохода в ущерб трудящимся в их двоякой роли потребителей и владельцев сбережений. Объяснить подобный маневр, замечает Викселль, может не изолированное действие одиночки, потому что обособленно взятый одиночка абсолютно бессилен. Свет на действие механизмов такого рода проливает классовое поведение; то, что Викселль называет «течением». Именно течение, действуя с «неудержимой силой», обуславливает поведение одиночек, а не наоборот⁶.

Случай Шумпетера столь же показателен, как и Викселля; в некоторых отношениях он менее впечатляющ, поскольку речь идет об авторе, который дальше отходит от ортодоксальной традиции. Шумпетер сосредоточивает свой анализ на проблеме капитала и прибыли. Капитализм существует в качестве экономической системы, потому что существует класс предпринимателей-капиталистов, который получает доход в виде прибыли; прибыль же в свою очередь может существовать в той мере, в какой существуют капиталовложения. Задача, которая стоит перед экономистом, стремящимся исследовать природу капитализма, заключается в том, чтобы объяснить, в чем заключается капиталовложение и каково происхождение прибыли⁷.

При стационарной экономике механизм конкуренции обеспечивает распределение всего национального дохода в форме трудовых доходов и ренты, уплачиваемой владельцам ог-

⁶ K. Wicksell. Interesse monetario..., cap. IX, sez. B.

⁷ J. A. Schumpeter. Teoria dello sviluppo economico (1912). Firenze, 1971. Что касается данной интерпретации теории Шумпетера, см.: "Messori, Keynes, Schumpeter e il ciclo del capitalismo". — In: "Il mondo contemporaneo". Firenze, 1982.

раниченных ресурсов. Стационарная экономика не может включать в себя прибыль, потому что эта последняя устраняется самой конкуренцией. Если предприниматель намерен получить прибыль, то есть доход, превышающий просто трудовой доход, он должен преодолеть механизмы конкуренции путем предложения рынку какого-то новшества (новый продукт либо новый метод изготовления уже известного продукта), которое бы обеспечило ему — пусть даже только временно — монопольную позицию. В тот момент, когда предприниматель-новатор выносит свое новшество на рынок, он способен победить соперников-конкурентов и присвоить себе прибыль. Со всей вероятностью, речь идет о временной прибыли, потому что все тот же механизм конкуренции подтолкнет его соперников на путь имитации, что приведет к вытеснению его с монопольной позиции и аннулированию его прибыли. Однако речь идет вместе с тем о прибыли, которая может постоянно возобновляться, если предприниматели будут непрерывно выбрасывать на рынок поток нововведений.

Но само определение нововведения и прибыли ставит вопрос о том, как же новатор оказывается в состоянии осуществить свое нововведение и представить его на рынке. Для того чтобы сделать это, новатор должен обзавестись производственными ресурсами, то есть должен быть в состоянии выплачивать заработную плату и ренту владельцам ограниченных ресурсов. Предприниматель, уже присутствующий на рынке, конечно, мог бы это сделать, но лишь ценой отвлечения части средств от уже идущего производственного процесса; у предпринимателя-новичка может и вовсе не оказаться ресурсов для претворения на практике своего нововведения. Единственный способ, с помощью которого предприниматель способен реализовать свое нововведение, не останавливая уже действующие производственные участки, а также единственный способ, который может позволить предпринимателю-новичку выйти на рынок, заключается в том, чтобы предоставить новатору дополнительную покупательную способность, то есть финансировать его не в обмен на уже произведенные товары, а в предвидении будущих прибылей, которые удастся реализовать благодаря проектируемому нововведению. Функция финансирования новатора есть специфическая функция банковской системы, которая способна создавать ликвидность *заново* в форме кредита, а следовательно, может вложить в руки новатора новые платежные средства. Платежные средства, выданные новатору, представляют собой *капитал*. Функция банковской системы является, таким образом, жизненно важной функцией в механике капитализма. Рынок без усталости производит новаторов или предполагаемых новаторов, которые наперебой требуют, чтобы финансировалось их новшество; именно на банковской системе лежит обязан-

ность осуществлять отбор, устанавливая, какие новшества заслуживают того, чтобы их финансировали, а какие благо-разумней отложить до поры до времени. Под этим углом зрения развитие капиталистических систем зависит от решений банкиров.

Получив в свое владение финансовые средства, новатор может выйти на рынок, приобрести производственные ресурсы (изъяв их, со всей очевидностью, из предыдущей сферы их применения), реализовать свое новшество и, если его предприятие увенчалось успехом, извлечь из него прибыль. Если новинка принесла прибыль, новатор может вернуть банку полученные финансовые средства с прибавлением оговоренного банковского процента.

Этого частичного переложения теории экономического процесса в том виде, как она сформулирована Шумпетером, достаточно для того, чтобы рассмотреть его позицию по отношению к той проблеме, о которой здесь ведется речь: о соотношении между микро- и макроэкономикой.

Шумпетеровская теория предпринимательства, как известно, явилась предметом обширнейших исследований и многочисленных разработок. Во многих отношениях она представляет собой, по крайней мере в американской традиции, наиболее изученную и широко применяемую часть теоретического наследия Шумпетера. В дискуссиях на эти темы фигура шумпетеровского предпринимателя трактовалась, исходя из строго микроэкономической точки зрения. Фигура новатора воспринималась как типичный образ субъекта, занятого поисками прибыли; как образцовое выражение индивидуалистического поведения, в результате которого бессознательно порождается позитивный эффект для всего сообщества. Подобная узкомикроэкономическая трактовка фигуры новатора, может быть, и родится в качестве обособленной доктрины предпринимательства, но оказывается несостоятельной, как только ее ставят в связь со всей теорией экономического процесса, сформулированной Шумпетером.

В самом деле, мы смогли убедиться, что в доктрине Шумпетера категория капитала служит средством осуществления новшества, а категория новшества — основанием прибыли. Помимо этого, капитал и прибыль, с точки зрения Шумпетера, являются отличительными чертами капиталистического экономического процесса. В этом смысле ход рассуждений Шумпетера ясен. Речь идет не об описании поведения новатора как продукта индивидуальной психологии и влечения к прибыли и не об описании капитализма как некоей рыночной экономики вообще, оживленной присутствием новатора (когда таковой имеет место). Речь идет, наоборот, об определении капитализма как экономического процесса, характеризваемого прибылью как доходом от капитала, и выясне-

нии вопроса: каково должно быть поведение предпринимателя, чтобы данный экономический процесс мог осуществляться? Фигура новатора, следовательно, не выводится из неизменных свойств человеческого духа; она берется, напротив, в качестве необходимого условия для воспроизводства капиталистической формы экономического процесса. И впрямь когда Шумпетер, в зените зрелости своей теоретической мысли, проанализировал последствия наступления «гарантистского общества» и определил их как ослабление предпринимательского риска, то он логично сделал из этого вывод о том, что с ослаблением импульса к обновлению сам капитализм как экономический процесс, условия воспроизводства которого сошли на нет, будет обречен на исчезновение⁸.

Сходные наблюдения применимы и к теории прибылей, изложенной Кейнсом в «Трактате о деньгах», а Калецким — в своих работах по макроэкономике. Речь идет о теориях, в известном смысле отличающихся друг от друга, и все же в своих основных положениях они могут фигурировать в качестве предмета общей интерпретации.

Центральная идея, определяющая анализ обоих этих авторов, заключается в том, что при классовом подразделении капиталистической экономики трудящиеся могут получить доступ лишь к распоряжению потребительскими благами, но целиком отстраняются от распоряжения средствами производства. Из их ведения, следовательно, изъяты решения, которые являются жизненно важными для участи обоих классов: решения об общем объеме производства, определяющие уровень занятости, и решения о распределении плодов производства на цели потребления и инвестиций, то есть решения, определяющие реальный уровень потребления трудящегося класса, а следовательно, и распределения дохода на заработную плату и прибыль.

В теории распределения Кейнса и Калецкого именно сами предприниматели, как класс, устанавливают уровень своих прибылей, принимая решения о производстве, то есть определяя подразделение глобального продукта на средства потребления и средства производства. Механизмы, приводящие к этому результату, выглядят несколько по-разному у этих двух авторов, хотя действие их, по существу, является аналогичным. Кейнс представляет себе дело так, что предприниматели, распределив фонд заработной платы между трудящимися обоих секторов — А и Б, — выставляют затем на продажу лишь часть всего продукта. Эта часть, которую он называет наличным продуктом, предназначается для продажи трудящимся и призвана стать их реальной заработной

⁸ J. A. Schumpeter. Capitalismo, socialismo, democrazia (1942). Milano, 1964.

платой. Тогда как поголовно все трудящиеся тратят свою заработную плату, а трудящиеся сектора, производящего личные блага (средства потребления. — *Ред.*), лишь создают предложение на рынке, то денежные расходы покупателей с необходимостью превосходят денежное выражение стоимости продукции, обуславливая тем самым меру роста прибыли, в точности равную фонду заработной платы трудящихся, занятых в секторе неналичных благ, то есть средств производства. Прибыль тем самым определяется просто как результат встречи спроса и предложения на рынке, где количества произведенной продукции регулируются классом предпринимателей⁹.

Механизм Калецкого немногим отличается от механизма, описанного Кейнсом. Калецкий представляет себе, что предприниматели не только располагают средствами производства, но и могут устанавливать рыночные цены на свои товары; что они могут тем самым устанавливать такую меру прибыли, которая обеспечивает им желаемую долю национального дохода. По его мнению, самостоятельное определение объема капиталовложений, которое предприниматели могут осуществлять в качестве обладателей средств производства, и столь же самостоятельное установление ими продажных цен, которое предприниматели могут осуществлять в качестве держателей монопольной власти на рынке, в совокупности определяют глобальный объем продукции, подлежащей производству, для того чтобы задуманные предпринимателями капиталовложения дали именно ту долю глобального продукта, которую предприниматели как класс намерены присвоить¹⁰.

При рассмотрении как одного, так и другого механизма становится очевидным, что решения, носящие определяющий характер для функционирования капиталистической экономики, не могут быть приписаны выбору какого-то одного предпринимателя, ибо, отдельно взятый, он ни в малейшей мере не располагает монополией и не имеет возможности по своей воле устанавливать долю прибыли в национальном доходе. Подобные результаты могут быть достигнуты лишь исходя из классового поведения предпринимателей, то есть отталкиваясь от макроэкономического анализа как самостоятельного уровня теоретического анализа.

Стоит добавить несколько кратких замечаний по поводу анализа экономического процесса, развернутого Кейнсом в его главном труде, «Общая теория занятости, процента и денег», опубликованном в 1936 году, всего через шесть лет

⁹ J. M. Keynes. Trattato della moneta (1930). Milano, 1979.

¹⁰ M. Kalecki. Sulla dinamica dell'economia capitalistica (1933—1954). Torino, 1975, особенно часть II.

после «Трактата о деньгах» и все же во многих отношениях весьма далеко отстоящем от этой работы¹¹.

Центральный пункт в анализе Кейнса образует проблема определения глобального спроса. В самом деле, именно глобальный спрос определяет объем производства и занятости; следовательно, в поисках объяснения феномена перманентной безработицы Кейнс высказывает предположение, что исследовать нужно факторы, которые определяют постоянно пониженный уровень глобального спроса. Кейнс анализирует капиталистический процесс, понимаемый как процесс, основывающийся на денежном обращении, при котором финансовые рынки, находящиеся под господством двух равно наносящих вред фигур — спекулянта и рантье, — перестают выполнять свою функцию. Этот анализ приводит его к выводу о том, что демонстрируемая капиталистическим рынком — и в особенности его финансовыми компонентами — анархия способна побудить предпринимателей отойти, в том числе и стабильно, на длительный срок, от выполнения своей специфической функции, которая заключается в том, чтобы приобретать рабочую силу, производить товары и перепродавать их, и «укрыться» в роли держателей запасов ликвидности, и только. Подобная ситуация неизбежно порождает падение спроса на товары и постоянную безработицу.

Таким образом, ключ к объяснению безработицы, в интерпретации Кейнса, заключается именно в обрисованном им столкновении между спросом на инвестиции и спросом на спекулятивные запасы ликвидности и в анализируемой им возможности того, что второй возьмет верх над первым. При более внимательном рассмотрении, однако, оказывается, что спрос на запасы ликвидности (со всеми теми свойствами, которые приписываются ей Кейнсом) вовсе не обязательно может быть прямым производным от поведения отдельного предпринимателя, руководствующегося стремлением к максимизации прибыли. Можно утверждать, напротив, что предприниматель, сокращающий производственную деятельность для того, чтобы превратиться в спекулянта — держателя запасов ликвидности, — это предприниматель, отрицающий функции, типично присущие его фигуре. Неудивительно поэтому, что все те, кто пытался реконструировать кейнсианскую теорию безработицы, исходя из микроэкономического анализа предпринимательства, достигнув этой точки, сталкивались с серьезными затруднениями, а многие (например, представители монетаристской школы) заявляли, что принять кейнсовскую гипотезу — значит приписывать предпринима-

¹¹ J. M. Keynes. *Teoria generale dell'occupazione, dell'interesse e della moneta* (1936). Torino, 1971.

телю иррациональное поведение. Дело же в том, что мысль Кейнса идет в прямо противоположном направлении: поскольку капитализм есть, как это известно всем и каждому, экономическая система, подверженная кризисам и периодам роста безработицы, и поскольку опыт учит, что подобные обострения безработицы не рассасываются автоматически, а порождают затяжные периоды застоя, то из этого можно сделать вывод, что на капиталистическом рынке действуют в числе прочих такие предприниматели, которые при снижении шансов на получение прибыли могут ответить отказом использовать деньги как капитал и использовать их, напротив, как сокровища. Подобное поведение реконструируется, не исходя из аксиом рациональности и максимизации плодов предпринимательской деятельности, но выводится из результатов макроэкономического анализа. При этом вопрос об индивидуальной рациональности такого поведения выступает лишь как последующая проблема, разрешаемая в рамках макроэкономического подхода, проведение которого предшествует анализу индивидуального поведения.

2. Экономический процесс и денежный цикл

Как бы странно это ни выглядело, но одним из не пользующихся вниманием аспектов экономической теории является как раз описание развития экономического процесса. Теоретическая разработка сосредоточилась на определении условий равновесия (или, как было сказано ранее, на выявлении условий выживания социальной структуры). Но сам по себе факт ограничения исследования определением условий равновесия (между тем как это исследование требует внимательного анализа конечных итогов упомянутого процесса) рискует привести — и не раз действительно приводил — к забвению того, что необходим столь же внимательный анализ механизма функционирования экономики. С точки зрения построения теоретической схемы неоспоримо, что выявление условий равновесия (или воспроизводства) представляет собой наиважнейший момент, тот, который обуславливает любой другой этап анализа; столь же несомненно, однако, что выявление механизма функционирования экономики должно являться такой же неотъемлемой задачей любой экономической теории.

В наиболее законченной форме неоклассическую теорию экономического процесса изложил Леон Вальрас¹². Это его изложение, в дальнейшем углубленное и подкрепленное анализом, по сей день представляет собой фундамент традици-

¹² L. Walras. *Eléments d'économie politique pure*. Paris, 1902⁴.

онной экономической теории. Экономический процесс через призму этой теории выступает как огромная совокупность одновременно происходящих и многосторонних обменов, охватывающих всех действующих лиц в принципе на равных основаниях. Момент открытия рынка представляет собой начало фазы переговоров. В ходе этой фазы действующие лица, вооружившись информацией благодаря полной ясности картины движения цен на рынке, принимают свои решения относительно предстоящей работы (неважно, выступают ли они в качестве наемных работников, независимых производителей или предпринимателей), распределения дохода между потреблением и накоплением, распределения потребления между различными видами предложенных благ; те из них, кто решает действовать в роли предпринимателя, принимают также решение о количестве и характере товаров, которые они собираются предложить. Когда на всех рынках достигается ситуация равновесия между спросом и предложением, переговоры заканчиваются и совершается переход к фазе обменов. Однако эта фаза, в сущности, представляет собой не что иное, как выполнение обязательств, взятых на себя их участниками в ходе переговоров.

Подобный механизм почти гарантирует возможность достижения полного и всеобщего равновесия. В самом деле, если мы установили, что переговоры должны завершаться, а обмены начинаться лишь тогда, когда спрос и предложение сравнялись на всех рынках, то тем самым имплицитно установлено, что никаких обменов вне рамок равновесия не происходит. Следовательно, равновесие и обмен проистекают из одного и того же определения, и механизм обмена автоматически становится механизмом равновесия. По той же самой причине исключенной остается какая бы то ни было возможность произвольной безработицы: если на рынке труда обретаются трудящиеся, которые намерены при существующих уровнях заработной платы предложить свою рабочую силу и не находят предпринимателей, согласных нанять их, то это, по определению, означает, что рынок труда не находится в равновесии, фаза переговоров не может считаться исчерпанной и никакие обмены не могут иметь места. Экономический процесс, следовательно, все по тому же определению, гарантирует полную занятость.

Тот же механизм гарантирует, что собственность на средства производства должна принадлежать владельцам сбережений, которые становятся тем самым единственными обладателями богатства данной системы. В самом деле, если принять посылку, по которой конкуренция обеспечивает взаимное сведение прибылей к нулю и по которой предприятия выходят из производственного процесса «без барыша и без потерь», то ясно, что предприятия как таковые не могут ста-

новиться владельцами каких бы то ни было форм богатства. Богатство же приобретается владельцами сбережений, которые благодаря этим последним приобретают ценные бумаги и тем самым передают не израсходованный на потребление доход предприятиям; предприятия в свою очередь используют полученные средства для приобретения средств производства. При посредстве собственности на ценные бумаги (например, акции промышленных компаний) владельцы сбережений делаются собственниками средств производства. Равенство между сбережениями и капиталовложениями, таким образом, означает в неоклассической модели не только то, что каждому капиталовложению должно соответствовать независимое и эквивалентное сбережение, но и то, что накопленное в данном сообществе богатство целиком является собственностью владельцев сбережений.

Остается рассмотреть один аспект, тесно связанный со сбережениями и капиталовложениями: функции, согласно неоклассической модели, присущие деньгам и кредиту.

Начнем с денег. Строго говоря, следует признать — и действительно многими признается, — что в чистой схеме всеобщего экономического равновесия не остается никакого места для сколько-нибудь реальной функции денег. В самом деле, если экономический процесс подразделяется на две фазы — переговоров и обменов, — то, по-видимому, ясно, что деньгам остается играть весьма скудную роль как в первой и второй фазах, так и в промежутке между ними. По-видимому, очевидно, что в фазе переговоров ни один из субъектов не применяет денег. В фазе обменов, если поставка товаров в оговоренных количествах происходит мгновенно и если, как предполагается в теории, каждый субъект соблюдает сбалансированность собственного бюджета, то деньги равным образом должны оказаться ненужными, поскольку каждый участник обменов в состоянии — благодаря совокупности проданных товаров — оплатить товары, приобретенные в ходе одновременного и многостороннего грандиозного торга. Таким же образом, по-видимому, мы можем исключить использование денег в качестве запаса ликвидности между одним и другим актами обмена. В самом деле, если один из субъектов намерен образовать себе резерв покупательной способности на будущее, то есть создать сбережение, то непонятно, почему он должен облекать свое сбережение в форму бесплодных денег, когда у него есть возможность приобрести ценные бумаги, приносящие доход. Для того чтобы подыскать деньгам полезную функцию в системе всеобщего экономического равновесия, необходимо предположить, что после завершения фазы переговоров обмены происходят на протяжении определенного времени и что для их материального осуществления необходимо опосредование деньгами. Не

подлежит сомнению, что в этом случае некоторое количество денег, выступающих исключительно в роли средства осуществления обменов, действительно необходимо.

Такая необходимость, однако, превосходно согласуется с неоклассической моделью. Ведь неоклассическая теория как раз наделяет кредитные учреждения функцией производства денег и предоставления их в краткосрочное пользование действующим лицам, чтобы те могли осуществлять обмены между собой. Речь идет о техническом акте предоставления средства обмена, применение которого необходимо для преодоления узких мест в ходе всеобщего торга. Но по совершении обменов деньги исчерпали свою функцию и спокойно могут уйти со сцены. В рамках данного подхода, следовательно, действует строгое разграничение между денежным рынком и финансовым рынком. На денежном рынке выступают банки, которые снабжают действующих лиц ликвидностью, необходимой для осуществления их обменов: со всей очевидностью, речь идет о временном предоставлении краткосрочных займов. На финансовом же рынке выступают владельцы сбережений, которые снабжают предприятия ликвидностью на длительный срок, причем передача этих средств, как мы сказали, влечет за собой превращение владельцев сбережений в собственников средств производства.

Неоклассическая схема экономического процесса и функция, которая в этой схеме отводится деньгам, находятся в радикальном противоречии с анализом экономического процесса, проделанным Марксом во второй книге «Капитала». Марксов анализ, как известно, опирается на метаморфозы капитала, в ходе которых этот последний превращается последовательно из денежного капитала в форму товарного капитала, а затем восстанавливается в виде денег, претерпев количественное приращение¹³.

Хотя между схемой неоклассиков и Марксовой моделью развития экономического процесса имеются коренные различия, в этом случае также можно найти авторов, которые, даже будучи в общетеоретическом плане приверженцами неоклассического направления, исследуют экономический процесс в терминах, куда более близких Марксовой теории, нежели традиционной доктрине. Это, по-видимому, удивительное и противоречивое обстоятельство оказывается вместе с тем не таким уж немотивированным. Чтобы убедиться в этом, достаточно принять во внимание то, о чем мы имели случай упомянуть в связи с неоклассической теорией, а именно что изображение экономического процесса как совокупности паритетных обменов между недифференцированной массой

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, книга II: «Процесс обращения капитала». Отдел первый: «Метаморфозы капитала и их кругооборот».

действующих лиц оставляет мало места для функций денег и кредита. Именно для преодоления такого разрыва между теоретической картиной, которая является, в сущности, картиной меновой экономики, и конкретным опытом, который указывает на деньги и кредит как жизненно важные факторы экономического процесса, некоторые наиболее проникательные представители неоклассической традиции почувствовали потребность в радикально ином изображении экономического процесса.

В денежной экономике любой акт обмена, по определению, должен регулироваться деньгами; отсюда необходимость объяснить в первую очередь, каким образом деньги попадают в хозяйственный оборот, какие субъекты становятся владельцами денег и на каких условиях. Первым автором, который задался этим вопросом и дал свою версию экономического механизма, учитывающую указанное обстоятельство, был Викселль. В сущности, аналогичным путем пошли вслед за ним Шумпетер, Хан, Калецкий и Кейнс. Отличаясь куда большей полнотой и систематичностью, анализ Викселля во многих отношениях может рассматриваться как сохраняющий свою действенность и по сей день.

При денежной экономике невозможно говорить о якобы равных позициях всех субъектов — тезис, столь дорогой сердцу неоклассической школы. Если, как мы отмечали выше, при капиталистической экономике именно банковский сектор создает ликвидность, то ясно, помимо всего прочего, что эта ликвидность не предоставляется в распоряжение первого встречного субъекта, но выдается в форме займов сектору предприятий. Предприятия используют полученную ликвидность для приобретения рабочей силы и технического осуществления процесса производства. По окончании производственного процесса предприятия продают продукт и возмещают банкам полученные вначале финансовые средства.

Излишне подчеркивать, что подобное описание экономического процесса куда больше напоминает цикл денежного обращения у Маркса, чем одновременность сделок у Вальраса, и порождает многочисленные проблемы, разрешение которых с неизбежностью уводит далеко от неоклассических формулировок. Можно сгруппировать эти проблемы в четыре главных аспекта: а) классовая структура общества; б) исключение трудящихся из процесса принятия решений, касающихся управления производственным процессом; в) невозможность для трудящихся обуславливать в договорном порядке уровень их заработной платы в реальном выражении; г) возникновение у предприятий в момент продажи произведенной ими продукции проблемы, связанной с реализацией прибыли в денежном выражении.

а) Что касается первого пункта, то описание экономиче-

ского процесса как денежного цикла, начинающегося представлением финансовых средств банковским сектором производственным предприятиям и завершающегося возмещением банкам взаимобразно полученных у них средств, сразу же вводят разграничение действующих лиц на тех, кто имеет доступ к кредиту, и тех, кто не имеет его. Поскольку банки заинтересованы в продуктивном характере выдаваемых займов, предприятия получают доступ к кредиту именно в той мере, в какой применяют полученные суммы для приобретения рабочей силы и технического осуществления процесса производства, приводящего к образованию прибыли. Для трудящихся, напротив, невозможно получение какого бы то ни было банковского кредита: они могут получать деньги лишь в той мере, в какой продают свою рабочую силу в обмен на заработную плату. Таким образом, с самого начала отпадает утверждение о якобы существующем равенстве всех действующих лиц на рынке — том равенстве, которое представляет собой один из исходных пунктов неоклассической теории. Помимо модели Викселля, в этой связи следует напомнить о схеме Шумпетера, в которой устанавливаются привилегированные отношения между финансистом и предпринимателем-новатором; в этой модели рабочий-потребитель по самому своему характеру не получает никакого доступа к банковскому кредиту¹⁴.

Пожалуй, полезно будет задержаться на мгновение на этом пункте, чтобы избавиться от вероятных возражений. Со стороны многих высказывается замечание, что указанное различие в возможностях предприятий и трудящихся пользоваться банковским кредитом, может, и было обосновано в прошлом; однако оно, как утверждают, в значительной мере преодолено в структуре современного капитализма, при котором все большие квоты кредита предоставляются потребителям для приобретения благ длительного пользования (от потребительских товаров длительного пользования до собственных домов и займов на оплату учебы детей — в наиболее развитых капиталистических странах). Не подлежит сомнению, что такие формы потребительского кредита существуют и распространяются все шире. Весьма сомнительно, напротив, чтобы в этом случае можно было говорить о подлинном кредите трудящимся-потребителям. Так называемый

¹⁴ K. Wicksell. Interesse monetario e prezzi dei beni..., cap. IX, sez. "B"; J. A. Schumpeter. Teoria dello sviluppo economico..., parte I, cap. III. Значение кредита как обладания средствами, предваряющего производство (das Vorherdasein), подчеркивается Найссером (H. Neisser. Der Tauschwert des Geldes. Jena, 1928); см. его же: "General Overproduction". — "Journal of Political Economy", 1923 (перепечатано в: "Readings in Business Cycle Theory" London, 1950). Та же версия экономического процесса содержится и в: M. Kalecki. A Macrodynamic Theory of Business Cycle. — "Econometrica", 1935.

потребительский кредит предоставляется, по сути дела, к выгоде сектора предприятий, которые тем самым получают возможность размещать на рынке большие количества своей продукции.

б) Если предприятия имеют доступ к кредиту, то они имеют доступ и к управлению производственным процессом, а следовательно, к выбору технологии, объема производства и типа продукта. Это не означает, что потребитель полностью отрешен от выбора продукта: в условиях рыночной конкуренции потребитель может выбирать продукт, который более других подходит ему по качеству и цене. Однако — и это важная сторона дела — потребитель может выбирать только из тех продуктов, которые предприятия решили производить, и никоим образом не может ни повлиять на их производственные решения, ни навязать им производство новых продуктов, не предназначенных к изготовлению самостоятельным решением самих предприятий. Разумеется, право определять номенклатуру предлагаемых продуктов принадлежит не одному какому-то отдельно взятому предприятию: каждое предприятие претерпевает воздействие конкурирующих предприятий, и с того момента, как продукт появился на рынке, оно может оказаться вынужденным производить какое-то сходное изделие, чтобы не быть побежденным в конкурентной борьбе. Но если вместо отдельного предприятия мы будем рассматривать весь сектор предприятий, то убедимся, что этот последний имеет реальную возможность решать, какая группа продуктов должна быть предложена на рынке¹⁵.

Это утверждение противоречит неоклассическому представлению о функционировании рынков — представлению, которое восходит к идее о суверенности потребителя как конечном факторе, определяющем виды произведенных благ. Однако полезно, может быть, напомнить, к каким крайним гипотезам вынуждены прибегать сторонники неоклассической модели, чтобы из нее можно было вывести указанную идею суверенности потребителя. В схеме Вальраса, как мы упоминали выше, производство осуществляется предприятиями лишь после того, как все переговоры завершились соглашениями (Вальрас представляет дело так, как если бы по окончании переговоров предприятия, не имея возможности вручить заказчикам товары, производству которых еще не на-

¹⁵ Это обстоятельство подчеркнуто Кейнсом в его «Трактате о деньгах» (см. в особенности гл. 10). В своем следующем труде, «Общая теория занятости, процента и денег», Кейнс также признает, что самостоятельный характер предпринимательского спроса на инвестиции опирается на то двоякое обстоятельство, что взятые в своей совокупности предприятия, имея возможность получать финансирование, необходимое для производства средств производства, и будучи сами их естественными потребителями, по существу, становятся самопроизводителями средств производства.

чалось, давали покупателям боны, предоставляющие потребителям право на получение товара по окончании производства). Но для того, чтобы договариваться о приобретении тех или иных благ, прежде чем они будут произведены и выставлены на продажу, необходимо, чтобы потребитель заранее знал об их существовании и их свойствах. И действительно, в неоклассической теории предполагается, что потребитель в состоянии оценить удовлетворение, которое он сможет получить от любых видов товаров, независимо от того, выставлены ли уже эти товары на продажу и имел ли он уже с ними дело (в аналитических терминах эта гипотеза формулируется как тезис о том, что функция полезности для потребителя носит характер экзогенной величины). Но если отбросить совершенно абстрактную идею потребителя, который выражает свой спрос в момент, логически и хронологически предшествующий моменту производства, и принять, наоборот, прямо противоположную идею, по которой производство с необходимостью предшествует спросу (поскольку лишь производство приводит к формированию дохода и лишь наличие дохода позволяет платежеспособному спросу проявиться на рынке), то тогда отпадает и гипотеза об априорном знании потребителя, а с нею и тезис о его суверенной власти над рынком.

в) Отказ от идеи о суверенности потребителя и признание того, что предприятия, управляя экономическим процессом, обладают властью определять характер и объем производства, влечет за собой отказ от другой милой сердцу неоклассиков теоремы: о том, что трудящиеся могут договариваться на рынке труда об уровне реальной заработной платы. В схемах неоклассической теории наемный рабочий, как и любой другой субъект, наделенный рациональностью, свободен от денежных иллюзий. Следовательно, он не обольщается уровнем номинальной заработной платы, но учитывает уровень цен и оценивает покупательную способность заработной платы в реальном выражении. Поскольку, по той же неоклассической теоретической схеме, трудящийся, имея возможность по договору определять в одно и то же время предложение рабочей силы и спрос на продукты, в точности осведомлен об уровне цен, то он ведет себя не только рационально, но и наделен способностью практически контролировать уровень реальной заработной платы. Ведь в неоклассической теории заработной платы утверждается, что если бы трудящийся мог по договору определять заработную плату и продолжительность рабочего времени без принудительного воздействия со стороны современного профсоюза, то он бы организовал свое поведение таким образом, чтобы сделать предельное утомление от работы равным предельной полезности благ, приобретенных на заработную плату, реа-

лизовав тем самым максимальный уровень удовлетворения, допускаемый рынком. Эта теорема, как можно видеть, предполагает, что наемный работник и впрямь может договорно определять уровень своей заработной платы в реальном выражении.

Построение модели экономического процесса на основе денежного цикла не оставляет места для подобного предположения. Если сделки не происходят одновременно, если рынок труда и рынок товаров определяются как отдельные рынки, то какая бы то ни было возможность практической контрактации реальной заработной платы отпадает. Договариваясь о заработной плате, трудящийся, разумеется, учитывает уровень текущих цен и, если у него есть хоть малая толика опыта, будет стараться принимать решения на базе прогноза о будущем уровне цен. Но знание реального уровня цен ускользает от него вплоть до того момента, когда он практически соприкасается с рынком и приступает к приобретению товаров. Лишь тогда он может конкретно измерить покупательную способность своей заработной платы и выяснить, таким образом, размеры своей реальной заработной платы¹⁶. (Целесообразно заметить в этой связи, что установление невозможности для наемного работника договорно определять реальную заработную плату вовсе не означает согласия с какой-то определенной теорией заработной платы. Достаточно напомнить, что на базе этой идеи Маркс сформулировал теорию реальной заработной платы как равной труду, содержащемуся в рабочей силе, а Кейнс, следуя той же самой идее, сформулировал теорию заработной платы как равной предельной производительности труда, соответствующей тому объему занятости, который зафиксирован при данном глобальном спросе.)

г) В неоклассическом представлении об экономическом процессе предприятия не приходится сталкиваться с какими-либо проблемами реализации продукта. Поскольку фаза производства начинается по завершении переговоров, предприятия производят лишь те товары, в продаже которых они уверены. С другой стороны, поскольку, как мы отмечали, в модели всеобщего равновесия создание запасов ликвидности не может выполнять никакой полезной роли, то в фазе переговоров предприятия могут выявлять совокупность производимых товаров, целиком поглощающихся рыночным спросом. Более того, фаза переговоров выполняет лишь ту функцию, которая позволяет выявлять отраслевое подразделение производимых товаров; что касается глобального спроса, то за-

¹⁶ Невозможность для трудящихся договорно определять свою реальную заработную плату при денежной экономике в особенности подчеркивается Кейнсом. См. его книгу «Общая теория занятости, процента и денег», например гл. 19.

ранее известно, что любой объем продукции находит соответствующий спрос. Естественно, то, что в неоклассических построениях произведенный продукт оказывается проданным без остатка, не означает, что весь этот продукт материально переходит к покупателям. Необходимо учитывать различие между предметами потребления и средствами производства. Потребительские товары продаются и вручаются их конечным пользователям, каковыми и являются как раз потребители; средства производства материально остаются на предприятиях, которым предстоит применять их в качестве средств производства; и под эти средства предприятия выпускают ценные бумаги (акции, доли участия в капитале и тому подобное), которые приобретаются владельцами сбережений. Продажа потребительских товаров и выпуск ценных бумаг представляют собой для предприятия средства размещения на рынке произведенных продуктов.

Если перейти к описанию экономического процесса как денежного цикла, то проблема реализации по праву занимает свое место. Это происходит не только в силу того, что сохраняется возможность перерыва в денежном обращении в случае, если один или несколько субъектов решат накапливать запасы ликвидности (то есть не тратить целиком полученный денежный доход) и вызовут тем самым снижение совокупного спроса. Дело еще в том, что предприятия — для поддержания своих позиций перед банковским сектором — по окончании производственного цикла должны обеспечить себе выручку, равную объему первоначально полученных финансовых средств плюс банковский процент за истекший период. Целесообразно опустить первый аспект этой проблемы, который подробно разобран Кейнсом и всей кейнсианской литературой, и сосредоточить внимание на втором, который не зависит ни от каких спекулятивно случайных моментов и обусловлен единственно определением экономического процесса как совокупности взаимосвязанных денежных обменов. Вопрос, таким образом, сводится к выяснению условий, которые должны сложиться для того, чтобы по окончании производственного процесса предприятия смогли реализовать продукт, получив за него денежную выручку, достаточную для возвращения банкам полученного долга плюс проценты.

Полезно сразу же пояснить, что указанная проблема возникает только в том случае, когда, как мы решили, предполагается, что сектор предприятий и сектор банков являются двумя различными и раздельно существующими секторами. Если бы предприятия и банки составляли единый сектор, ситуация была бы иной. В самом деле, если предположить, что проблем глобального спроса не существует и что, следовательно, все денежные доходы тратятся без остатка, то из

этого следует, что предприятия по окончании производственного процесса оказались бы в следующем положении: а) израсходованный ими фонд заработной платы (равный исходной сумме, полученной от банков) целиком вернулся в кассы предприятий благодаря покупкам трудящихся (то есть приобретению ими как потребительских благ, так и ценных бумаг в качестве средства помещения их сбережений); б) банки, получив процент на выданные ими определенное время назад кредиты, повинувшись все той же гипотезе о том, что все доходы должны быть израсходованы, также тратят весь свой доход без остатка, давая тем самым предприятиям возможность расквитаться с банковским сектором. Таким образом, ясно, что гипотеза о том, что все денежные доходы тратятся без остатка, равноценна гипотезе, по которой каждый субъект стремится к получению своего дохода в реальной форме, то есть в форме товара: трудящиеся — в форме потребительских благ и ценных бумаг, банки — в форме средств производства.

Если же, напротив, предприятия и банки рассматриваются как принадлежащие к двум отдельным секторам, то проблема не может считаться автоматически разрешаемой. В этом случае нельзя предположить, чтобы регулирование отношений между предприятиями и банками могло происходить в рамках одновременных двусторонних компенсаций. Если предприятия и банки принадлежат к различным секторам, то следует представить себе, что *в некий предшествующий момент* предприятия возвращают банкам полученный долг (плюс проценты) и что *лишь в некий последующий момент* банки — если они намерены истратить свой доход — используют эту денежную выручку на приобретение товаров. Перед предприятиями, следовательно, возникает проблема добывания соответствующего количества денег, достаточного для уплаты банкам собственного долга *до того*, как эти последние осуществляют приобретение товаров. Будучи одной из проблем реализации, данная проблема вместе с тем не имеет ничего общего с проблемой равновесия спроса и предложения у Сэя. В самом деле, мы можем, согласно Сэю, предположить, что все субъекты безукоснительно тратят на покупки все свои денежные доходы, устранив тем самым какие бы то ни было гипотезы о недостаточном совокупном спросе. Но и при этом перед предприятиями все равно будет стоять чисто денежная проблема добывания ликвидности в количестве, достаточном для выплаты банкам причитающегося им дохода в форме оговоренных процентов. Именно эту проблему нам и надлежит рассмотреть.

По окончании производственного процесса предприятия, несомненно, выручают количество денег, равное выплаченной заработной плате (по гипотезе о расходуемых без остатка

заработанных доходах). Предприятия, таким образом, вновь становятся владельцами первоначально вложенных финансовых средств и не испытывают затруднений в том, что касается возвращения банкам полученного от них в долг капитала. Трудности, напротив, возникают в том, что касается процентов. Для того чтобы отдавать банкам долг с процентами, предприятиям необходимо выручать при продаже товаров соответственно увеличенную сумму. Но для того, чтобы это происходило, на рынке должен существовать эквивалентный денежный спрос. Однако поскольку предприятия затратили деньги лишь в сумме, равной первоначальному финансированию (которое превратилось в выплаченную трудящимся заработную плату) и поскольку лишь банки производят деньги, то это означает, что для создания денежного спроса, покрывающего также и проценты, самим банкам необходимо выпустить в обращение эквивалентную денежную массу.

В таком случае следует задаться вопросом об условиях, необходимых для того, чтобы банковская система выпускала в обращение денежную массу, равную первоначально выданным предприятиям в долг суммам плюс проценты на них. Нетрудно убедиться, что существует одно-единственное условие такого рода: чтобы деньги, заимообразно полученные предприятиями и оплачиваемые последними по цене процентов, приносили одновременно такой же точно процент другим субъектам. Таково решение, указанное Вискеллем, который первым приступил к решению данной проблемы. Вискелль представляет себе экономику, обходящуюся исключительно банковскими деньгами, в которой банковские депозиты приносят своим владельцам процент, равный тому, какой предприятия выплачивают на займы, полученные у банков. В его схеме, следовательно, каждый платеж, осуществляемый предприятиями (после получения первоначального финансирования) в пользу других субъектов, вызывает депонирование соответствующей суммы теми, кто получает означенный платеж, и, таким образом, также взимание этими лицами процентов на депонированную сумму. Иначе говоря, в системе Вискелля эмиссия денег банками всякий раз вызывает двойной эффект: выплату процентов предприятиями и получение процентов другими субъектами. Поскольку Вискелль исходит из предположения о совершенно равных активном и пассивном процентах, то обе эти операции взаимно компенсируются. Следовательно, когда предприятия по окончании производственного процесса продают произведенный продукт, они встречают на рынке денежный спрос, по объему в точности равный первоначально полученным финансовым средствам (превратившимся в заработную плату), возросшим на сумму процентов. Выручка, полученная пред-

приятиями от продаж, оказывается, таким образом, в точности достаточной для оплаты долга банкам.

Абсолютно правильное само по себе, рассуждение Викселя тем не менее с полной очевидностью выявляет, что условия, требующиеся для того, чтобы предприятия были в состоянии разрешить возникающую перед ними проблему реализации, не могут считаться ни нормальными, ни автоматически складывающимися. Существует по меньшей мере два пункта, по которым рассуждение Викселя оказывается слабым, ибо оно оторвано от конкретных способов функционирования современных национальных хозяйств, основанных на денежном обращении:

а) если экономическая система использует не только банковские (кредитные) деньги, но и легальные деньги (банкноты эмиссионного банка), то эти последние, обходясь предприятиям в ту же цену, что и банковские деньги, в то же время не приносят никому никаких процентов, что на соответствующую величину понижает уровень денежного спроса, необходимый для покрытия финансовой потребности предприятий;

б) если банки устанавливают (как это обычно и бывает на практике) пассивный процент ниже активного, то разрыв между ними образует задолженность предприятий, которая никогда не сможет быть погашена путем финансирования из средств, вырученных от продажи товаров на рынке. Такая ситуация складывается как в том случае, когда на банковские депозиты выплачивается положительный, но более низкий процент, чем активный, взимаемый банками за предоставленные займы, так и в том крайнем (хотя и достаточно обычном в англосаксонских странах) случае, когда процент по вкладу на предъявителя равен нулю.

Поскольку эти два обстоятельства — использование легальных денег и разрыв между активным и пассивным процентом — появляются регулярно и не могут быть просто обойдены молчанием, это означает, что возникающая перед предприятиями по окончании производственного процесса проблема реализации вполне реальна. Это затруднение, которое не в состоянии устранить никакой автоматический механизм, может быть преодолено только в том случае, если в ходе экономического процесса происходит — по другим причинам — дополнительная эмиссия денег. Источником ее могут быть те же самые банки (например, если последние для обеспечения собственного функционирования используют труд наемных работников и, следовательно, сами выплачивают заработную плату) либо государство в той мере, в какой баланс государственного сектора сводится с дефицитом и этот дефицит покрывается дополнительной эмиссией денег. Однако легко констатировать, что речь идет о механизмах, со-

вершению независимых от каналов денежного обращения, которое само по себе не обладает внутренними элементами, обеспечивающими поддержание его равновесия.

Проведенный выше анализ денежного обращения позволяет высказать ряд дальнейших соображений по поводу отношений между банками и предприятиями. С этой целью полезно будет рассматривать как два отдельных явления тот гипотетический случай, когда предприятиям удастся разрешить проблему реализации и обеспечить себе выручку, достаточную для полного погашения своего долга банкам, и тот случай, когда предприятиям, напротив, не удастся обеспечить себе достаточной выручки и они вследствие этого остаются отчасти в долгу перед банковской системой¹⁷

В первом случае, после того, как товар продан и долг банкам возвращен, деньги, выпущенные банковской системой в начале цикла, *оказываются целиком уничтоженными*. В то же время предприятия полностью продали произведенные товары, отчасти вручив их непосредственно конечным потребителям (предметы потребления), отчасти передав владельцам сбережений ценные бумаги, представляющие соответствующие товары (средства инвестирования). В данном случае можно рассматривать как строго отдельные отношения между предприятиями и банками, с одной стороны, и отношения между предприятиями и владельцами сбережений — с другой:

а) предметом отношений между банками и предприятиями является первоначальное финансирование, цель которого сделать возможным начало процесса производства и функция которого исчерпывается с окончанием этого процесса и продажей произведенного продукта. Поскольку предоставленные банком средства призваны действовать столько, сколько длится производственный цикл, и не более, правомерно утверждать, что банки осуществляют краткосрочное финансирование, имея в виду под краткосрочностью не какой-то определенный отрезок времени, а именно время, связанное с техническими сроками производства и продажи. Рынок краткосрочного кредитования в этой его специфической роли обычно называют поэтому *денежным рынком*;

б) в центре отношений между предприятиями и владель-

¹⁷ Что касается нижеследующего анализа отношений между денежным и финансовым рынками, то фундаментальной работой по этому вопросу по-прежнему является: *L. A. Hahn. Volkswirtschaftliche Theorie des Bankkredits. Tübingen, 1920 (1930)*. Л. Хан в конечном счете совершенно правильно отрицает возможность сколько-нибудь строгого разграничения этих рынков. Из числа современных авторов, исследующих финансовый рынок в связи со всей проблемой обращения капитала, следует упомянуть: *H. P. Minsky. Keynes. Torino, 1980, cap. 4; P. Davidson. Money and the Real World. London, 1978, cap. 10, 11.*

цами сбережений стоит, напротив, приобретение средств производства (или, точнее, приобретение ценных бумаг, представляющих эти средства). Поскольку в принципе средства производства делятся вечно (средства производства либо постепенно заменяются по мере материального износа, либо вытесняются технически более совершенными, в силу чего продолжительность использования средств инвестирования в идеале может рассматриваться как не имеющая временного предела), можно утверждать, что владельцы сбережений снабжают предприятия ликвидностью на долгий срок. Рынок долгосрочного кредитования обычно именуют *финансовым рынком*.

Из сказанного выше совершенно ясно, что в тех идеальных случаях, когда предприятиям по окончании производственного цикла удастся целиком погасить собственный долг банкам, оба рынка действительно выступают как разные и раздельные: с одной стороны, денежный рынок, на котором предприятия и банки вступают в отношения заимодателя — кредитополучателя на срок в один производственный цикл, отношения, которые даже при постоянном возобновлении остаются ограниченными во времени; а с другой — финансовый рынок, на котором предприятия и владельцы сбережений вступают в отношения финансируемых и финансистов на потенциально неограниченный срок. Из проведенного анализа вместе с тем явствует также, что ситуация, при которой предприятиям удастся целиком и полностью расплатиться с банками за первоначально полученные средства, не может рассматриваться в качестве нормального случая. Вследствие этого должно явствовать также, что столь ценимое неоклассической теорией разделение на денежный рынок и финансовый рынок не может рассматриваться как действительно четкое и однозначное разграничение. Если по окончании производственного цикла предприятиям не удастся выручить денежную сумму, равную их долгу, они остаются должниками банковской системы. С точки зрения кредитно-финансовой техники такая задолженность может приобретать разные формы. Она может выступать в виде возобновления первоначального кредита либо в виде превращения первоначального краткосрочного кредита в среднесрочное финансирование, а может переходить и в настоящее долгосрочное кредитование — это происходит в тех случаях, когда банки, поступая так, словно они сами являются владельцами сбережений, решают приобрести выпускаемые предприятиями ценные бумаги. При всем разнообразии возможных технических решений во всех этих случаях банковская система в конечном счете выступает одновременно как краткосрочный и долгосрочный кредитор предприятий, и разграничение рынков на денежный и финансовый в тенденции исчезает. Слияние денежного рынка и финансо-

вого рынка соответствует выдвижению на сцену такого банка, который уже не ограничивается лишь выдачей краткосрочного кредита и приобретает очертания смешанного банка — института, фактически сыгравшего первостепенную роль в промышленном развитии многих капиталистических стран.

3. Промышленный капитал и финансовый капитал

Разделение капитала на промышленный и финансовый типично для Марксовой теории. Такого разделения нет, да и не может быть, в традиционной буржуазной экономической теории, которая исходит из иного представления о путях образования и приобретения богатства.

В Марксовом учении отправным пунктом для определения капитала служит представление о денежном цикле. Экономический процесс начинается в тот момент, когда банковская система осуществляет финансирование сектора предприятий для создания начальных условий развертывания производственного процесса. В этой фазе капитал выступает в основном в форме финансового. Предприятия применяют полученные суммы для приобретения рабочей силы, которую предстоит использовать в техническом процессе производства — в этой фазе рабочая сила представляет капитал. С выпуском же готовой продукции капитал представляют уже сложенные на складе товары (а также полуфабрикаты и вообще средства производства). В конечной фазе процесса произведенные товары реализуются, и капитал вновь приобретает свою денежную форму. После того как предприятия возвращают своим кредиторам денежный капитал, увеличенный на сумму процента, финансовый капитал восстанавливается в своей начальной форме в увеличенном размере. Производственный цикл, следовательно, включает в себя цепь последовательно происходящих метаморфоз капитала: из финансового капитала — в рабочую силу, в средства производства, материальные блага и снова — в финансовый капитал.

Согласно буржуазной экономической теории, собственность на средства производства принадлежит владельцам сбережений. Поскольку все экономические субъекты независимо от характера их деятельности (наемные работники, работающие на себя, предприниматели) при желании могут превращать часть своего дохода в сбережения, свойство быть владельцем сбережений и, следовательно, обладателем богатства есть качество, независимое от каких бы то ни было признаков классовой принадлежности. Традиционная теория, напротив, различает технические формы обладания богатством. Если владелец сбережений является предпринимателем или

лицом, работающим на себя, то он может стать собственником богатства, приобретая непосредственно средства производства (хотя, строго говоря, это не является обязательным условием). Если же владелец сбережений является наемным работником и вследствие этого не руководит прямо производственным процессом, то он может только косвенно приобрести право собственности на средства производства, то есть приобретая ценные бумаги, представляющие производственный капитал (например, акции или доли участия в капитале производственных предприятий). Для трудящегося—владельца сбережений возможности непосредственного приобретения реальных благ ограничиваются, следовательно, покупкой потребительских товаров длительного пользования (включая покупку собственного дома) и не распространяются на средства производства.

Традиционная теория, следовательно, признает две разные формы богатства: *реальное богатство* (производственные строения, оборудование и вообще средства производства) и *финансовое богатство* (ценные бумаги, представляющие реальное богатство, акции, доли участия, финансовые облигации и т. д.). Но, будучи технически различными, обе эти формы объединяются тем, что и та и другая имеют своим источником сбережения и созданы реальным имуществом, предназначенным для дальнейшего использования в процессе производства. Отсюда следует, что действительное различие реального капитала и финансового капитала, по существу, остается чуждым буржуазной экономической доктрине.

Вместе с тем, даже будучи чуждым логике неоклассической экономической модели, разделение капитала на промышленный и финансовый в конечном счете проникло и в работы ученых, далеких от Марксовой традиции, порождая сомнения и недоуменные вопросы, которые пронизывают ныне общую экономическую дискуссию. Если финансовый капитал представляет собой богатство в руках кредитно-банковского сектора, а промышленный капитал — богатство в руках непосредственно производительного сектора, то различие этих двух форм капитала влечет за собой постановку двух основных вопросов: с одной стороны, анализа природы денег и кредита, а с другой — различий между банковским сектором и сектором предприятий. Эти два вопроса, как станет яснее из последующего изложения, хотя и являются различными, но оказываются очень близки один к другому.

Различие между предприятиями и банками, которое лежит в основе разделения капитала на промышленный и финансовый, базируется на идее — в известном смысле банальной, но, несомненно, производящей внушительное впечатление — о том, что предприятия суть субъекты, использующие деньги, но не производящие их, между тем как банки произ-

водят их, но не применяют¹⁸. Встающие в этой связи вопросы заключаются в том, могут ли производственные предприятия также производить ликвидность и, наоборот, могут ли банки применять деньги для приобретения рабочей силы и товаров. Различие между банками и предприятиями основывается на той посылке, что в принципе на оба эти вопроса должен быть дан отрицательный ответ. В том случае, если на них может быть дан положительный ответ, очевидно, что отличие банков от предприятий становится менее четким и, следовательно, менее годным для практического применения.

Начнем с вопроса о предприятиях. Если мы пожелаем выяснить, в какой мере предприятия, производящие товары, могут производить также ликвидность, то ответ, очевидно, будет зависеть от того, каким критерием определения денег мы воспользуемся. Те, кто склоняется к представлению о деньгах как стихийном порождении рынка, скажут, что в случае, если рынок соглашается принимать ликвидность, созданную предприятиями (платежные обязательства, векселя и так далее), эта последняя по своей природе не отличается от ликвидности, созданной банками, и что вследствие этого не может быть установлено никакой четкой разницы между деятельностью предприятий и деятельностью банков, а следовательно, между промышленным капиталом и финансовым капиталом. Поскольку же, кроме того, известно, что предприятия пытаются всеми средствами избавиться от зависимости, привязывающей их к банкам за счет предоставления ликвидных активов, и с этой целью пытаются не только своими силами мобилизовать имеющиеся ликвидные активы, но и создавать собственные формы платежных средств, то различия между банками и предприятиями выглядят не только в принципе избычными, но и опровергаются фактами. Отсюда следует, что и какое бы то ни было разграничение промышленного капитала и финансового капитала является, по-видимому, неправомерным.

Иной позиции придерживаются те, кто разделяет теорию денег как продукта государственной власти. Хотя и приверженцы этой теории признают неоспоримость того факта, что каждое предприятие старается пускать в обращение ликвидные средства собственного производства, все же неизменным в их глазах остается то, что эти платежные средства представляют собой временные деньги и что окончательные платежи могут осуществляться единственно с помощью законных денег. Вследствие этого банки в качестве каналов поступления законных денег в обращение и единственных учрежде-

¹⁸ R. Hickel. Introduzione. In: "Ausgewählte Lesestücke zum Studium der politischen Ökonomie vom Gelde" (Hrsg. K. Diehl, P. Mombert). Frankfurt am Main, 1979.

ний, уполномоченных на получение этих законных денег из государственных источников их производства, должны рассматриваться как совершенно особый сектор.

При таком подходе возникают два вопроса, затрагивающие соответственно природу денег и определение их количества:

а) *природа денег* — в этом первом аспекте ставится вопрос о том, каким путем устанавливается, что именно на эти, а не на другие товары, блага или символы возлагается функция платежных средств;

б) *количество денег* — с этой точки зрения вопрос идет о том, каким образом определяется количество денег в обращении.

Первая проблема — о природе денег — была предметом длительных дебатов в начале века, особенно среди экономистов Германии и Австрии. Борьбу вели между собой в особенности две школы: с одной стороны, приверженцы теории денег как стихийного продукта рынка, с другой — сторонники государственной теории денег.

Авторы, отстаивавшие точку зрения на деньги как на продукт рынка, по существу, лишь применяли к теории денег общие принципы теории экономического процесса, понимаемого как совокупность сделок и обменов между независимыми и равными субъектами¹⁹. Осмысленный на базе индивидуалистской гипотезы, выпуск денег — по аналогии с производством любого другого товара — выступает как реакция рынка на потребность, ощущаемую участниками производства, действующими на этом рынке. Деньги, следовательно, возникают во имя преодоления неудобств, связанных с прямой меновой торговлей. Разные формы денег, сменявшие друг друга на протяжении веков, как о том свидетельствует история, были не чем иным, как проявлением последовательного технического совершенствования, осуществлявшегося для более полного удовлетворения одной и той же потребности. На всех этапах этого совершенствования — от самых примитивных денег (соль, скот) до ценных товаров, чеканной монеты, бумажных денег, банкнот — именно рынок снабжал хозяйство все более совершенными средствами обмена. С другой стороны, поскольку деньги производятся рынком, то они должны производиться предприятиями с целью получения прибыли. И действительно, в рамках указанной теории товарные деньги и банковские деньги определяются как продукт деятельности отдельных предприятий (производителей золота,

¹⁹ C. Menger. *Principi fondamentali di economia* (1871). Imola, 1909, cap. VIII; A. Marshall. *Money, Credit and Commerce*. London, 1923, vol. I, chapt. 5—6; L. von Mises. *Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel* (1912). англ. изд.: London, 1935; G. Simmel. *Philosophie des Geldes* (1907). London, 1978.

банков), организующих свою деятельность, подобно производителям любых других товаров, с целью получения максимальной прибыли.

В принципе эта теория — в рамках все того же индивидуалистского подхода — внешне обладает своей внутренней последовательностью. Единственный аспект, который эта теория оказалась не в состоянии непосредственно объяснить, был представлен случаем *легальных, узаконенных денег*, то есть выпуском банкнот эмиссионным банком или казначейских билетов министерством финансов. Поскольку деятельность эмиссионного банка не могла быть включена в круг видов предпринимательства ради получения прибыли, ей следовало найти какое-то другое объяснение. Оно было следующим: учитывая, что в давние исторические времена каждый частный банк обладал привилегией выпускать собственные банкноты и подобная практика порождала злоупотребления и вела к избытку денег в обращении, именно это обстоятельство, видимо, сделало необходимым вмешательство государственной власти. Для установления контроля над производством ликвидных активов и избежания опасности инфляции производство узаконенных денег решено было, по этой версии, сосредоточить в одном-единственном эмиссионном банке, поставленном под прямой контроль финансовых властей²⁰. В рамках индивидуалистской теории, таким образом, производство узаконенных денег объясняется уже не как производство определенного продукта рынком, а как предпринятый с целью контроля маневр финансовых властей — властей, которые, излишне напоминать, рассматриваются как органы, движимые стремлением оберегать всеобщее благоденствие общества превыше каких бы то ни было частных интересов.

Из того, что мы сказали о концепции индивидуалистской школы и о том, как она сближает деньги, выпущенные отдельными предприятиями ради получения прибыли, и узаконенные деньги — государственным сектором с целью контроля, с непреложностью явствует, что если *природа денег* — с точки зрения указанной школы — определяется рынком, то их *количество* — непосредственно финансовыми властями. На самом деле этот результат не вытекает непосредственно из вышесказанного, но может быть получен с помощью некоторых дополнительных мер.

Денежное обращение стран с современной экономикой контролируется финансовыми властями как путем закрепления за эмиссионным банком исключительного права на выпуск легальных денег, так и путем установления для кредитных учреждений обязательств оставлять определенный процент депонированных в них средств в качестве резервного

²⁰ V. Lutz. The Rationale of Central Banking. London, 1936.

фонда. Тем самым производство ликвидных активов всеми кредитными учреждениями не может превышать определенную величину, кратную массе узаконенных денег центрального банка (или иных средств, признанных законными для создания резервов). Таким путем, как утверждается, центральный банк, а стало быть, и финансовые власти обеспечивают себе контроль над всеми ликвидными активами, созданными в масштабах данной экономической системы.

Между тем сама природа механизма ведет к тому, что такой контроль, для того чтобы быть совершенным, требует постоянного и активного участия финансовых властей. Ведь правило об обязательном резервировании части средств запрещает банковской системе создавать ликвидные активы свыше некоего высшего предела, но не запрещает ей оставаться ниже этого предела. Когда это происходит, банковская система оказывается в известной мере свободной от сколь угодно реального контроля. Во избежание подобных ситуаций власти должны регулировать денежную базу таким образом, чтобы объем созданных банками ликвидных средств никогда не превышал максимума, определяемого существующей денежной базой. В самом деле, лишь при таком положении всякое изменение денежной базы порождает изменение общего объема ликвидных активов, и контроль становится подлинно эффективным. И индивидуалистская школа, которая, как мы уже говорили, считает количество денег величиной, строго подконтрольной государственным властям, действительно, полагает, что база денежного обращения регулируется таким образом, чтобы постоянно обеспечивать банкам возможность реализовать максимум своего кредитного потенциала²¹.

Согласно индивидуалистской теории денег, выпуск их вполне доступен для любого деятеля и единственное отличие денег от всех остальных товаров лишь в том, что их выпускают в таком количестве, которое устанавливается властями. Этой постановке вопроса о деньгах противостоит трактовка тех исследователей, которые, исходя из критического взгляда на капиталистическое общество, отвергают индивидуалистскую постановку вопроса и смотрят на капитализм как на общество, характеризующееся резким противопоставлением классов.

Для тех, кто отвергает индивидуалистский подход, правила денежного обращения неизбежно должны объясняться структурой общества. Этот пункт в теории денег Маркса затронут лишь косвенным образом. В самом деле, с ортодоксальной марксистской точки зрения деньги именно в качестве товара подпадают под распорядительную власть капита-

²¹ J. M. Keynes. Trattato della moneta, cap. 37, sez. III (b).

листов, которые могут управлять их предложением таким же точно образом, каким они, обладая собственностью на средства производства, могут контролировать предложение любого другого товара. В этом смысле в Марксовой теории без труда признается, что выбор товара на роль посредника при торговле осуществляется стихийным действием рыночных механизмов. Ведь те, кто своими решениями обуславливает поведение рынка, это и есть всегда предприниматели-капиталисты: им-то в конечном счете принадлежит и право выбора товара, используемого в роли денег.

Бесспорно, более сложной проблема оказывается для тех авторов, которые, даже отвергая индивидуалистское видение капиталистического общества, в принципе не разделяют Марксова учения. При том, что у них не вызывает сомнений тот факт, что господствующее в обществе противопоставление классов должно отражаться и на денежном обращении, определяющим моментом в этом отношении выступает государственная власть. Государственная теория денег как раз и утверждает, что в обществе, политически организованном вокруг государственной власти, рынок не может сам по себе устанавливать, что должно служить платежным средством, ибо над рынком стоит власть государства²². Природа денег определяется именно государством: как прямо — с помощью законодательных мероприятий, так и косвенно — установлением того платежного средства, которое само государство принимает в уплату налогов. Если следовать такой логике, то можно было бы сказать, например, что в современных государствах узаконенные деньги, то есть банкноты эмиссионного банка, сделались всеобщим средством обращения не потому, что рынок декретировал их превосходство над другими платежными средствами, а потому, что существует норма закона, приписывающая таким деньгам, и только им, способность погашения долга (так называемая «избавительная власть», подразумевающая запрет для кредитора отказываться от получения платежа, если он осуществляется в узаконенных деньгах). Продолжая рассуждение в том же духе, можно было бы сказать, что и без прямого законодательного акта государство, устанавливая, что налоги должны погашаться определенным платежным средством (чеканной монетой или билетами эмиссионного банка), фактически превращает его во всеобщее платежное средство. В самом деле, вследствие решения государственных властей принимать в уплату только одно определенное платежное средство все действующие лица при совершении своих сделок будут требовать, чтобы платежи производились той же самой монетой,

²² G. Knapp. Staatliche Theorie des Geldes. München, 1905 (1923⁴); J. M. Keynes. Trattato della moneta, cap. I, sez. I.

которая тем самым практически завоевывает роль господствующего на рынке посредника при торговой сделке.

Государственная теория денег не исключает того, что наряду с узаконенными деньгами рынок может использовать и другие деньги, созданные непосредственно частными действующими лицами. Впрочем, повседневный опыт современной экономики показывает, что наряду с билетами эмиссионного банка и казначейства (узаконенными деньгами) обращаются и зачастую даже преобладают в количественном отношении частные деньги (прежде всего банковские чеки, а также разные формы векселей и платежных обязательств, общий объем которых с трудом поддается практическому определению). Государственная теория денег вводит, следовательно, определенное различие между узаконенными и частными деньгами, присвоив этим двум типам денег отчасти различные функции. Частные деньги суть доверительные деньги, являющиеся по своей природе средством кредита. Лицо, применяющее эти деньги как средство платежа, не погашает долга, а лишь откладывает срок погашения. Тот, кто расплачивается, например, банковским чеком, отсрочивает погашение долга вплоть до того момента, когда с помощью банковских счетных операций уплачиваемая сумма будет перечислена с банковского депозита должника на счет кредитора, который начиная с этого момента может получить на руки соответствующую сумму в узаконенных деньгах. Лишь в этот момент, лишь с переводом узаконенных денег платеж действительно считается совершенным и долг погашенным. Следовательно, по государственной теории денег, в противоположность тому, что обычно утверждается, не следует говорить о существовании в современной экономике разных видов денег, выполняющих одни и те же функции. Говорить следует лишь о существовании различных типов *временных* денег (векселя, банковские чеки и так далее), являющихся по своей природе кредитным средством, и одного-единственного типа *окончательных денег*, каковыми являются узаконенные деньги.

Здесь возникает один вопрос: каковы соответственно сферы обращения узаконенных денег и частных денег? Узаконенные деньги, выпущенные прямо или косвенно государством, имеют хождение в пределах, установленных этим последним, то есть служат как для платежей в адрес государственных ведомств (уплата налогов), так и для всех остальных платежей, обусловленных потребностями рынка. Частные деньги, выпущенные банками (банковские чеки) или непосредственно предприятиями (платежные обязательства), могут циркулировать в пределах, установленных самим сектором предприятий.

Поскольку платежи в адрес государственного сектора по необходимости должны производиться узаконенными деньга-

ми, то платежами, в которых могут использоваться частные деньги, могут быть лишь выплаты между предприятиями и банками, между самими предприятиями, а также предприятиями и трудящимися. В первых двух случаях (отношения между предприятиями и банками, между самими предприятиями) трудности не могут возникнуть; обеспеченные депозитами банковские чеки, выпускаемые по соглашению между банками и предприятиями, как раз и обращаются между предприятиями и между предприятиями и банками. Аналогичным образом частные платежные обязательства, выпускаемые по соглашению между предприятиями, в большинстве случаев могут использоваться во внутренних расчетах между предприятиями; фактически общей практикой современной экономики является то, что для платежей в деловом мире почти исключительно используются банковские деньги.

Остается открытым вопрос о деньгах, употребляемых для платежей между предприятиями и трудящимися. Не подлежит сомнению, что трудящиеся, подобно предприятиям, нуждаются в том, чтобы получать часть своего дохода узаконенными деньгами, потому что именно в этих деньгах взимаются налоги. Остальная часть дохода используется трудящимися на приобретение товаров, то есть на выплату предприятиям либо перевод банкам. В некоей воображаемой экономике, где абсолютно все налоги взимались бы с трудящихся в виде удержания из заработной платы, лишь у предприятий была бы потребность в узаконенных деньгах, между тем как трудящимся требовались бы лишь ликвидные средства, принимаемые в уплату предприятиями. Фактически форму платежного средства для этой части доходов трудящихся могут выбирать именно предприятия. Если предприятия согласны продавать трудящимся товары, принимая в уплату банковские деньги (например, банковские чеки), то и трудящиеся согласны будут получать заработную плату в банковских деньгах; если же предприятия, напротив, продают товары исключительно за узаконенные деньги, то и трудящиеся практически потребуют, чтобы заработная плата выдавалась им узаконенными деньгами. Общеизвестно, например, что в странах, где крупные торговые компании принимают от покупателей в уплату банковские чеки, отмечается повсеместная выплата заработной платы в чеках; в странах же, где в розничной торговле ходят узаконенные деньги, фактически и заработная плата выдается узаконенными деньгами. Таким образом, вопрос о выплате заработной платы узаконенными или другими деньгами решается самими предприятиями, когда они устанавливают форму платежных средств, которую они принимают в уплату при продаже собственных товаров.

Сторонники статистической теории денег занимают диаметрально противоположную по отношению к сторонникам кон-

цепции стихийных денег позицию не только по вопросу о природе денег, но и факторах, определяющих количество их в обращении. Если сторонники концепции стихийных денег утверждают, что номинальное количество денег определяется финансовыми властями с помощью контроля, осуществляемого этими властями над банковской системой и, следовательно, над выпуском частных денег в целом, то сторонники государственной теории денег занимают в конечном счете противоположную позицию, утверждая, что хотя государственные власти и определяют природу денег, но вовсе не обязательно устанавливают их количество в обращении. Объем циркулирующей денежной массы устанавливается в силу того, что после утверждения властями природы денег механизмы рынка в зависимости от разворачивания производственных процессов определяют потребность в платежных средствах. Иными словами, если власти устанавливают количество узаконенных денег, сообразуясь со спросом рынка, то определение общего объема денежного обращения они доверяют в конечном счете самому рынку. Так, масса денег в обращении оказывается уже не величиной, определяемой извне финансовыми властями, но эндогенным фактором, определяемым изнутри, рыночными сделками²³. Подобная постановка вопроса восходит к той трактовке проблемы количественного определения денег, которой придерживались теоретики денег-товара. Если деньги, как логично рассуждали эти последние, являются товаром, производство которого доверено предприятиям, управляемым на основе критерия прибыльности, то именно рынку надлежит определять количество производимых денег, подобно тому как именно рынок определяет количество любого другого производимого товара. О механизме примерно такого толка рассуждают и сторонники эндогенного определения денежной массы: потребность в номинальном количестве денег определяется рынком, а власти регулируют выпуск денег в соответствии с рыночным спросом.

Сторонники идеи эндогенного определения количества денег в обращении указывают, что необходимо тщательно различать полномочия властей в установлении природы денег от их полномочий в определении объема денежной массы. Если государственные власти намерены навязать узаконенные деньги в качестве единственного средства конечных платежей, то они могут сделать это разными способами, которые были рассмотрены выше. Выяснение же пределов государственной власти в определении объема денежной массы в

²³ N. Kaldor, J. Trevithick. A Keynesian Perspective of Money. — "Lloyds Bank Review", 1981.

обращении представляет собой другую проблему; для ее разрешения необходимо предварительно проанализировать механизмы, посредством которых деньги создаются и вводятся в каналы обращения.

По уже утвердившейся классификации, существуют три пути создания (или, наоборот, изъятия) ликвидных активов: банковский канал, дефицит (или положительное сальдо) государственного сектора и актив (или пассив) внешних платежей. Если мы отвлечемся от этого последнего фактора, не имеющего непосредственного отношения к анализу данной проблемы, то остаются каналы банков и государственного сектора. Эти два канала характеризуются существенно различными механизмами функционирования с точки зрения большей или меньшей избирательности, с какой финансовые власти могут создавать или уничтожать ликвидные активы. Так, канал государственных расходов в техническом отношении со всей очевидностью предоставляет финансовым властям более широкую возможность избирательного подхода. Объем денежной массы, создаваемый таким путем, равен разнице между государственными расходами и суммой двух поступлений: налоговых и чистой эмиссии государственных ценных бумаг. Если эта разница является положительной, значит, речь идет о выпуске денег; если отрицательной — то об их изъятии. В каких пределах — политического и социального характера — власти могут определять три участвующие в этом взаимодействии величины (государственные расходы, уровень налогообложения, государственный долг), в таких власти могут регулировать и выпуск и изъятие денег. Что же касается банковского канала, то здесь дело обстоит иначе. Правда, финансовые власти могут определять объем денежного обращения и размеры обязательных резервов для кредитных учреждений; однако эти меры обуславливают лишь верхний предел создания кредитных средств банками и не определяют объема реально созданного кредита, который всегда может оказаться ниже того крайнего предела, который установлен властями. В самом деле, банки могут создавать ликвидные активы лишь в тех пределах, в каких сектор предприятий выражает действительный спрос на платежные средства. Всякий раз, когда реально созданный кредит оказывается ниже границы потенциального кредита, банковская система возвращает себе самостоятельность по отношению к финансовым властям и возникает возможность колебаний в объеме кредита, обусловленных исключительно решениями предприятий и независимых от постановлений финансовых властей.

Следует, таким образом, заключить, что теория установления природы денег государственной властью и теория эндогенного определения количества денег в обращении не

только не противоречат друг другу, но и могут без труда сосуществовать.

Рассматривая деньги как товарные деньги, Маркс в теории был сторонником идеи эндогенного определения денежной массы и приравнивал способы производства денег к способам производства всех других товаров. Буржуазная экономическая мысль, как мы уже говорили, в основном перешла на позиции теории определения количества денег в обращении государством, однако имеются примечательные исключения в лице теоретиков денежного обращения, которые оторвались от традиционного направления. Эти теоретики, даже не принимая теории товарных денег, в анализе современного бумажного денежного обращения и банковской ликвидности стали на позиции теории определения количества денег рынком. Наиболее крупные и известные из них — Викселль, Шумпетер и Кейнс.

Все эти авторы признают, что деньги в их подлинной форме денег, обладающих способностью окончательно погасить долг, создаются только государственной властью. Все они в то же время согласны с тем, что количество денег в обращении определяется, по существу, рыночными механизмами. Викселль, как мы указывали выше, прибегает к модели чистого кредита; банковский сектор при этом мог бы выступать в предельном случае как целиком частный, но речь идет лишь об упрощении, допущенном для удобства анализа; автор прямо поясняет, что во всех известных истории денежных системах узаконенные деньги, создаваемые непосредственно финансовыми властями, образуют жизненно важный компонент торговли. Излагая свою теорию финансирования предпринимательского новаторства, Шумпетер также использует в анализе модель чистого кредита, осуществляемого целиком частным банковским сектором. Но при разборе конкретных проблем денежного обращения он тоже поясняет, что базу денежного обращения образуют узаконенные деньги, поставляемые эмиссионным институтом. Кейнс выражается более определенно. Он прямо ссылается на учение Кнаппа и утверждает, что во все исторические эпохи источником денег всегда была государственная власть. В исследованиях всех этих авторов подразумевается, следовательно, идея четкого отличия банковской системы от сектора предприятий, поскольку первая представляет собой очевидный канал доставки узаконенных денег от места их производства к сектору предприятий. Сектор банков, следовательно, четко отличается от сектора предприятий своей иной позицией в процессе создания денежного капитала (по терминологии Шумпетера, единственной формой капитала является именно денежный капитал, созданный банковским сектором). Проводя различие между банковским сектором и

сектором предприятий, данное теоретическое направление заимствует в конечном счете Марксово отличие промышленного капитала от финансового.

Из этого краткого обзора явствует, что влияние, оказанное учением Маркса на мыслителей, чуждых научной традиции и практическим политическим задачам марксизма, является куда более широким, нежели может показаться на первый взгляд. Обычно типичные отличительные черты Марксова экономического анализа сводят к трудовой теории стоимости и вытекающей из нее теории прибыли, основанной на эксплуатации наемного труда. Если бы вклад Маркса в экономический анализ действительно ограничивался этими двумя (кстати говоря, тесно взаимосвязанными) пунктами, то оправданным выглядело бы утверждение, будто вне круга наиболее ортодоксального партийного марксизма влияние экономической мысли Маркса является не только ограниченным, но и убывающим с течением времени. Между тем в действительности проделанный Марксом анализ экономического процесса выходит далеко за рамки теории стоимости и эксплуатации и охватывает всю структуру экономического процесса в целом. В этом обзоре мы разобрали три аспекта, которые во многих отношениях могут считаться центральными: постановку макроэкономического анализа как приоритетного по отношению к анализу индивидуального поведения, отличие промышленного капитала от финансового, исследование экономического процесса как цикла денежного капитала. Применительно к каждой из этих групп проблем мы смогли установить, что влияние, оказанное Марксом на мыслителей-немарксистов, было весьма обширным. Как явствует из вышесказанного, наиболее очевидно Марксово влияние сказывается именно на анализе экономического процесса как цикла денежного капитала. Все исследователи, которые, отвергнув игру в построение абстрактных моделей, пытались создать экономическую теорию, связанную с конкретным опытом капиталистической экономики, вынуждены признать, что экономический процесс начинается с предоставления денежного капитала предприятиям, что он разворачивается путем приобретения рабочей силы и производства товаров и завершается реализацией прибыли в денежном выражении. Те, кто соглашается с таким изображением капиталистического процесса, признают, что характерной чертой капитализма является отделение труда от собственности на средства производства. В то же время они признают, что при рыночной экономике капиталист — обладатель средств производства — осуществляет свою распорядительную власть над наемным трудом не прямо, но при посредстве денег и рыночных операций купли-продажи. Отсюда особое значение и особое положение капиталиста, который именно в качестве собствен-

ника средств производства оказывается в привилегированных условиях с точки зрения доступа к источникам финансирования, то есть денежному капиталу. В условиях рыночной экономики именно это его положение позволяет ему осуществлять свою функцию капиталиста по отношению к наемному труженику.

Вся эта область еще мало изучена. Дальнейшие исследования в данном направлении смогут обогатить полученные прежде выводы.

Пьеранджело Гареньяни, Фабио Петри

МАРКСИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В НАШИ ДНИ

Никогда еще на протяжении минувшего столетия рассматриваемая здесь тема не выглядела так богато и многогранно, как сейчас. В последние десятилетия важная перемена произошла в тех отношениях, которые давно установились между марксизмом и экономической теорией.

В последнюю четверть прошлого столетия, сразу после выхода «Капитала», завершилась так называемая «маржиналистская революция». С нею вместе достиг своей завершающей точки процесс все большего затуманивания и устранения из теории той постановки проблемы стоимости и распределения дохода — а следовательно, как мы покажем ниже, самой сердцевины экономической теории вообще, — которая господствовала в политэкономии, начиная от первых систематических попыток изложения у Кенэ, физиократов и вплоть до Рикардо.

Еще при жизни Маркса результатом этого затуманивания явилась определенная изоляция Марксова вклада в политэкономии, заключавшегося в действительности в развитии указанного подхода к проблеме, в нацеленности, помимо всего прочего, именно на ее разъяснение, в попытке высвободить ее из растущей путаницы. Вследствие этого затуманивания и последующей «маржиналистской революции», в особенности после смерти Маркса, возникла особая трудность понимания и, наоборот, легкость искажения центральных пунктов его теоретического наследия. По этим причинам «Капитал» Маркса оказался в свое время — и в особенности потом — лишенным той естественной атмосферы обмена мнениями и дискуссий, которая была бы столь важна для разъяснения его реального значения. Творчество Маркса в его первоначальном виде поэтому смогло быть с большей легкостью представлено совсем не тем, чем оно было — продолжением и развитием научной политэкономии (как имел обыкновение называть ее Маркс), — а делом одиночки, плодом в первую очередь мощных политических побуждений.

Эта аномальная ситуация в дальнейшем нашла отражение — и усиление — в той критике, которую вели в адрес

Маркса авторы-маржиналисты. Их критика была направлена почти исключительно против теории трудовой стоимости, словно эту теорию изобрел Маркс, а вовсе не английская классическая школа, которая пришла к ней в лице Рикардо в ходе постепенного выяснения и разрешения встававших перед ней проблем теории распределения. Во-вторых, в тесной связи с этим первым искажением истории экономической мысли маржиналистская критика вела себя так, словно указанная теория стоимости составляла всю экономическую теорию Маркса целиком, а не была инструментом его анализа распределения и накопления — инструментом, нуждающимся, по признанию Маркса и самого Рикардо, в исправлениях и дальнейшем развитии.

Таким образом, маржиналистскому теоретическому течению удалось избежать того, что должно было бы стать его нормальной задачей, — критики *постановки* классической экономической теории. В то же время и именно благодаря несостоявшемуся углублению этой классической постановки и той аналитической роли, которую играла в ней трудовая теория стоимости, авторы-маржиналисты смогли очень легко приписывать защиту Марксом трудовой теории стоимости политически мотивированной попытке объяснить прибыль в терминах эксплуатации труда.

Но наибольший практический успех критиков-маржиналистов заключается в том, что им удалось навязать суть собственной интерпретации Маркса и самим марксистам, вынудив их защищать не столько реальные позиции Маркса, сколько позиции, приписываемые ими ему, и в частности трудовую теорию стоимости, применяемую для того, чтобы выводить из нее социалистические требования. После этого успеха, объяснимого лишь упомянутым затуманиванием и вполне понятной скудостью теоретических сил у защитников теории Маркса, маржиналистская постановка вопроса смогла распространить свое влияние по всему фронту, оставляя в глухом гетто то, что оставалось от марксистской экономической теории.

И вот уже на протяжении нескольких десятилетий эта сложная и аномальная с научной точки зрения ситуация, то есть сохранение двух противоречащих друг другу теоретических постановок, сопровождаемое их относительным взаимным игнорированием вместо реального живого сопоставления, радикально меняется. Положено начало куда более естественной и здоровой ситуации, при которой вклад Маркса в политическую экономию начинает признаваться за то, чем он и является на деле: анализом, в котором наибольшее систематическое развитие достигла постановка классической теории; иначе говоря, та постановка, которая ныне представляется многим наиболее перспективной альтернати-

вой господствующей экономической теории перед лицом выходящих все более слабыми доводов.

Разумеется, все это не означает, что Маркс не имел в виду реализацию определенного политического проекта. Напротив, в этом отношении за Марксом признается «политическая особенность, а именно то, что он стремился обосновывать политические цели результатами объективного анализа действительности. Именно в силу этого он всегда старался поддерживать различие между этими двумя уровнями, в сущности сосредоточивая свою энергию на объективном анализе действительности, от которого целиком зависел политический проект.

Это же самое различие мы проводим и здесь, где все сказанное нами и то, что будет сказано ниже, относится главным образом к основам анализа действительности. Иначе говоря, мы лишь вскользь затронем совершенно отдельный вопрос о том, в какой мере присущая Марксу теоретическая постановка оправдывает также основательность тех особых положений, на которые он опирался в своем выводе о неотвратимости перехода к иному социальному строю.

Причины упомянутой перемены в отношениях между «марксизмом» и «экономической теорией» следует искать в двух во многих отношениях взаимосвязанных явлениях.

Во-первых, открылась коренная слабость господствующей маржиналистской теории вследствие, с одной стороны, исследований Кейнса по вопросу о совокупном спросе, а с другой — критики Зраффой и другими маржиналистского понятия капитала как производительного фактора. Во-вторых, была проделана, возможно, еще более важная работа, и это сделал в первую очередь Зраффа, в результате чего на свет была вновь извлечена теоретическая постановка, о которой мы упоминали выше и которая была свойственна классикам политэкономии и Марксу.

Что касается критики маржиналистской теории, то ее первые по времени шаги были, как уже говорилось, связаны с выходом «Общей теории занятости, процента и денег» Кейнса¹.

В основе своей то была критика принципа (его мы постараемся изложить ниже), по которому базирующаяся на конкуренции экономическая система стремится к полному «использованию труда», то есть к равновесию между спросом на труд и предложением труда и других «производительных факторов», лежащему в основе предлагаемой господствующей теории трактовки заработной платы.

Результат этой критики был в известной мере ослаблен, как мы увидим в параграфе 1, тем, что в самой «Общей

¹ Эта работа издана в Лондоне в 1936 году.

теории» остались нетронутыми многие из предпосылок, характерных для маржиналистских теорий. Ограниченность кейнсовской критики обусловлена тем, что она не охватывала упомянутые предпосылки; она не замедлила поощрить последующую тенденцию к интеграции идей Кейнса в традиционную теорию. К тому же сторонники этой тенденции в последнее время, похоже, настолько осмелели, что предпринимают даже попытку глобального восстановления ортодоксии как в области теории, так и в области экономической политики. Однако результатом кейнсовского анализа было, несомненно, ослабление традиционной теории, проявившееся как в тенденции непосредственных последователей Кейнса к более радикальному отдалению от ортодоксальной теории, так и в том внутреннем недуге, который во все новых формах приводит в лихорадочное состояние весь ортодоксальный лагерь².

Второе обстоятельство связано с критикой понятия капитала как величины, измеряемой независимо от распределения дохода между заработной платой и прибылью. В отличие от теории Кейнса это критическое направление — выдвинутое Зраффой и другими авторами, несомненно черпавшими вдохновение в Марксовом идейном наследии, причем как в его теоретической части, так и в прослеженной Марксом истории теории, — достигло предпосылок маржиналистских теорий и раскрыло их глубинные логические пороки. Тем самым была продемонстрирована ошибочность некоторых коренных положений этих теорий, особенно обратной зависимости между уровнем банковского процента и величиной капитала на одного занятого, на чем основывается в конечном счете объяснение распределения в терминах предложения и спроса на «производительные факторы».

Господствующая теория не осталась пассивной и перед лицом второго типа косвенной критики. Однако ее ответное развитие, как мы увидим в конце параграфа 1, делает изъясны теории менее очевидными лишь ценой смещения всей методологической базы этой теории в таком направлении — в сторону «общего равновесия в краткосрочном периоде», — которое, будь оно последовательно проведено, заведомо лишило бы теорию какой-либо реальной способности интерпретировать факты.

Но не менее важным для объяснения сложившейся теоретической ситуации выступает второе явление, о котором упоминалось. Речь идет о новом открытии и восстановлении в

² См.: W. Clower. The Keynesian Counter-Revolution; A Theoretical Appraisal (1965); republished in: *ID. Monetary Theory*. London, 1969; A. Leijonhufvud. On Keynesian Economics and the Economics of Keynes. London, 1968; E. Malinvaud. Profitability and Unemployment. Cambridge, 1980.

правах той теоретической постановки, которая была присуща классикам политической экономии и Марксу. В основном заслуга воскрешения этой теоретической постановки принадлежит Зраффе, его трудам, и в особенности критическому изданию произведений Рикардо, подготовка которого заняла основную часть жизни Зраффы и которое появилось на свет в 1951—1968 годах.

Особенно заслуживают внимания «Введение» к «Принципам» Рикардо в томе I этого издания (1951)³, и в частности то место, где подчеркивается значение, которое Рикардо в «Норме прибыли» придавал измерениям стоимости на примере с зерном⁴, а стало быть, и роль, какую в глазах данного автора играла также вытекающая отсюда трудовая теория стоимости. Именно на этих страницах Зраффа с предельной отчетливостью восстановил основные элементы классической теоретической постановки.

Эта постановка была, как в дальнейшем скажет сам Зраффа в своем «Производстве товаров посредством товаров»⁵, «утоплена и забыта» под толстым слоем интерпретаций, изображавших Рикардо в свете последующих маржиналистских теорий. Отсюда столь значительный, в некоторых отношениях взрывной эффект работы, проделанной Зрафой, не только для маржиналистских теорий, но и для традиционного марксизма, который, как мы видели, согласился с таким юблнком теоретического наследия Маркса, какой — будучи в значительной степени плодом стараний критиков-маржиналистов — выглядит сегодня как серьезное искажение этого наследия.

Целью данного очерка является объяснение происхождения и характерных черт этой новой ситуации в отношениях между марксистской политической экономией и экономической теорией вообще. Сказанное выше облегчает понимание последовательности расположения тем в трех нижеследующих разделах, которые будут освещаться в следующем порядке:

- а) кризис маржиналистских теорий;
- б) структура теоретической постановки у классиков и у Маркса;
- в) воздействие критики маржиналистских теорий и возрождения классической постановки проблемы на традиционный марксизм.

³ P. Sraffa. Introduction. — In: "The Works and Correspondence of David Ricardo". Cambridge, 1951. Vol. I (trad. it.: Introduzione ai "Principi" di Ricardo. Bologna, 1979).

⁴ D. Ricardo. An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock (1815). — In: Works and Correspondence of David Ricardo. / P. Sraffa ed., vol. IV.

⁵ P. Sraffa. Produzione di merci a mezzo di merci. Torino, 1960, p. V.

Наконец, в параграфе 4 мы рассмотрим элементы реконструкции, представшие взору в эти годы в рамках тенденции к восстановлению теории классиков и Маркса.

1. Кризис господствующей теоретической постановки

Одним из важных последствий выяснения аналитической структуры постановки классической теории распределения (и стоимости) или прибавочного продукта является свет, который эта постановка проливает на логическую структуру и различия маржиналистских теорий.

Эти теории захватили с конца прошлого столетия господствующее положение в области экономической теории, в результате чего некоторые основные их положения и приемы рассуждения приобрели в сознании подавляющего большинства экономистов характер объективной и неоспоримой действительности.

От этого оказались не застрахованы и сами теоретики-марксисты. По сей день большинству профессиональных экономистов трудно вырваться из плена подобных теоретических схем; они же внедряются главным образом (если не исключительно) в головы студентов, штудирующих политическую экономию⁶.

Возрождение же классического подхода позволило, если можно так сказать, «взглянуть со стороны» на господствующую ортодоксию и выявить зависимость того, что принималось за бесспорный факт, от совершенно конкретной — и, как обнаружилось, весьма слабой — теоретической структуры. В частности, оно позволило установить, какие базовые элементы маржиналистской аналитической структуры образуют ее радикальное отличие от прежних теоретических постановок и каким образом от этих отличий проистекают другие, обуславливая — в не всегда ясно различимых формах — иное общее «видение» общества, в котором мы живем, а следовательно, в конечном счете иную оценку этого общества. Для того чтобы показать указанные отличия (что будет сделано в конце параграфа 2) и раскрыть таким образом значение предложенного возвращения к классической постановке, мы проследим в возможно более простом виде основные аналитические структуры обеих постановок. Мы начнем с маржиналистской постановки, которая будет описана в этом разделе; тем самым будет создана база для

⁶ Частичным исключением из этого правила являются некоторые страны — в числе которых Италия, — где наличие сильного марксистского теоретического течения наряду с другими причинами способствовало более быстрому распространению критики господствующей теории и возрождению классического подхода.

краткого рассмотрения в этом же разделе двух главных критических направлений, которые на протяжении последних десятилетий пошатнули веру в маржинализм, о чем уже упоминалось. Отсюда проистекает теоретическая неуверенность в лагере ортодоксии, что, с одной стороны, объясняет, а с другой — облегчает возрождение классической постановки⁷.

а) Структура маржиналистской теории распределения дохода

Для того чтобы четко определить различие между двумя теоретическими постановками, за отправную черту целесообразно принять теорию распределения дохода, то есть, если упростить, объяснение причин, по которым трудящимся достается то, что они получают в виде заработной платы; капиталисты присваивают именно эту, а не другую среднюю норму прибыли на вложенный капитал, и владельцы природных ресурсов извлекают эту, а не другую ренту из предоставления в аренду указанных ресурсов в производственных целях.

В противоположность предыдущей классической постановке, по которой (как мы увидим в параграфе 2) эти три основные формы дохода определялись тремя глубоко различными способами, маржиналистская постановка вводит некую симметричную интерпретацию, по которой они выступают в качестве возмещения трех соответствующих «производительных факторов»: труда, капитала и природных ресурсов, — возмещения, определяемого в каждом из трех случаев совершенно аналогичными механизмами.

Таким механизмом, как известно, является механизм «спроса и предложения». Маржиналистская теория утверждает: совокупное количество запрашиваемого (то есть «спроса») и совокупное количество предлагаемого (то есть «предложения») «производительного фактора» — суть функции его «цены», или, более точно, его нормы вознаграждения⁸. Если при данной норме вознаграждения некоего фактора спрос на него превышает предложение, то конкуренция между покупателями приведет к тому, что его норма вознаграждения приобретет тенденцию к росту; если, напротив, спрос

⁷ Авторы специально постарались сделать изложение доступным также и читателям-неэкономистам; отсюда наличие в этом, как и в последующих разделах некоторых объяснений, излишних в глазах тех, кто разбирается в вопросах, которые будут рассматриваться.

⁸ Под нормой вознаграждения определенного фактора понимается количество того, что единица этого фактора получает за некую единицу времени. Например, норма заработной платы есть зарплата одного рабочего за один час труда, если труд измеряется в часах; норма банковского процента, или прибыли, есть то, что единица капитала получает за рассматриваемый период времени, обычно — год, и т. д.

меньше предложения, то конкуренция между предлагающими приведет к тому, что норма вознаграждения станет уменьшаться. Так вот, утверждает маржиналистская теория, изменения этой «цены», обусловленные неравенством между спросом и предложением, в общем и целом имеют тенденцию к *уменьшению* этого неравенства вплоть до его исчезновения — в этой точке будет достигнуто равновесие между спросом и предложением и «цена» производительного фактора уже не будет тяготеть к изменениям. Для достижения такого результата, в сущности, требуется, чтобы спрос на каждый фактор увеличивался регулярно и достаточно интенсивно по мере уменьшения его цены. В таком случае если, например, заработная плата (норма ее) достаточно высока, то предложение труда со стороны рабочих будет большим, нежели спрос на труд со стороны предпринимателей, в силу чего будет действовать тенденция к уменьшению заработной платы, что приведет к увеличению спроса, но — по крайней мере зачастую — не предложения (или, во всяком случае, не приведет к увеличению предложения в большей мере, чем спроса), сокращая разрыв между ними вплоть до его исчезновения. Если же заработная плата (норма заработной платы) ниже ее равновесного уровня, то все будет происходить зеркально перевернутым образом. Поэтому норма вознаграждения каждого производительного фактора, по этой теории, тяготеет к той величине, при которой спрос приходит в равновесие с предложением: именно тяготение к этому равновесию объясняет, как утверждают сторонники данной теории, распределение дохода.

Для того чтобы доказать существование тяготения к такому рода равновесию (которое в силу этого может быть обозначено как *стабильное*), маржиналистская теория должна быть в состоянии доказать, что функции, или, как чаще говорят, имея в виду их графическое изображение, *кривые* спроса на производительные факторы, являются нисходящими⁹. Ради достижения такого доказательства маржиналистская теория основывается на предположении о существовании двух возможностей *замены*: психологической (одного блага другим в потреблении индивидов с целью достижения данного уровня удовлетворения) и технической (одного фактора другим в производстве определенного блага с целью достижения данного уровня производства). Теперь рассмотрим более подробно, как функционируют эти способы замены.

Если бы производился один-единственный товар, а предлагаемые количества факторов — измеряемые исключитель-

⁹ В некоторых особых случаях равновесие может быть стабильным и при восходящей кривой спроса.

но в физических величинах (ниже мы увидим, почему это важно) — можно было бы для простоты принять за некие постоянные данные, то существование одной только возможности технологической замены (в сочетании со стремлением каждого, кто выступает в роли предпринимателя, максимально увеличить собственный доход¹⁰) было бы достаточно для доказательства существования подобных стабильных равновесий.

Представим себе, например, воображаемую экономику, в которой производится один-единственный продукт — зерно — путем применения лишь двух производительных факторов: капитала (закключающегося в зерне, предназначенном служить посевным материалом) и труда (однородного типа)¹¹. Эти факторы используются в течение всего года для окончательного получения зерна и могут применяться в производстве в меняющихся соотношениях (что как раз и означает, что один из них может быть заменен другим). Чтобы не отклоняться от принятого изложения, предположим, что такие изменения могут происходить непрерывно.

Представим себе, что капитал-зерно, которым экономика располагает в начале производственного цикла, то есть в начале года, является собственностью многих мелких капиталистов, каждый из которых нанимает рабочих (то есть предъявляет спрос на труд) с целью их использования вместе со своим капиталом-зерном для производства зерна. Каждый капиталист должен решить, скольких работников использовать вместе со своим капиталом. Он будет действовать следующим образом. Прежде всего, основываясь на известных ему технических приемах производства, он для каждого количества примененного труда подсчитает так называемый предельный, или маржинальный, продукт (зачастую именуемый также *предельной производительностью*) труда, иначе говоря, на сколько *увеличился* бы продукт при добавлении *еще одной* единицы труда, примененной при данном количестве принадлежащего ему капитала. Начиная по крайней мере с определенного уровня применения труда, каждая следующая единица труда будет увеличивать продукт несколько

¹⁰ Существование такой тенденции принимается как гипотеза, характерная как для маржиналистской, так и для классической теории.

¹¹ Ясно, что мы не исключаем тем самым необходимости для производства зерна также земли, света, воды и т. д. То, что мы не включили их в число факторов, означает лишь, что они имеются в изобилии и не могут быть присвоены никем, то есть бесплатны, или представляют собой «свободные блага». Вообще в этом очерке мы для простоты будем прибегать к такому допущению ради того, чтобы иметь возможность сосредоточиться на проблеме, которая, судя по всему, является кардинальной для нашей цели: соотношении между определением нормы заработной платы и определением нормы прибыли. Здесь поэтому мы не будем разбирать теорию ренты.

меньше, чем предыдущая, поскольку оставшиеся еще не использованными производственные возможности будут характеризоваться все меньшей производительностью. Такой предельный продукт, или предельная производительность труда, представляет собой, следовательно, — по крайней мере начиная с определенной точки — *убывающую* функцию примененного количества труда. Графически кривая предельной производительности труда для отдельного капиталиста является нисходящей. Графически можно отметить на вертикальной оси также норму заработной платы (поскольку она тоже выплачивается зерном)¹². Если капиталисты достаточно многочисленны для того, чтобы ни один из них не мог заметно повлиять своим спросом на труд на общий уровень заработной платы, то правомерно предположить, что норма заработной платы выступает для каждого отдельного капиталиста в качестве некоей заданной величины. Допустим, что это будет величина w . Дальнейший ход рассуждения доказывает, что капиталисту выгодно будет применить такое количество труда, которое приведет предельную производительность труда в соответствие с данной нормой заработной платы: это будет количество L . В самом деле, предположим, что он применит количество труда меньшее, чем L , например L_1 . Тогда предельная производительность труда окажется выше нормы заработной платы. Таким образом, если капиталист применит еще одну единицу труда, то увеличение продукта (данное предельной производительностью труда) окажется большим, чем увеличение издержек (данных нормой заработной платы). Поэтому ему будет *выгодно* применить эту дополнительную единицу труда, потому что таким путем он получит большую прибыль (на свой капитал, не изменившийся в размере; то есть получит более высокую *норму* прибыли). Продолжая это рассуждение, мы увидим, что ему выгодно увеличивать количество применяемого труда вплоть до L . Противоположный результат дало бы увеличение количества труда сверх L , например L_2 . В этом случае ему выгодно было бы *уменьшить* применение труда, поскольку до тех пор, пока предельная производительность труда будет *ниже*, чем заработная плата, на каждой непримененной единице труда он будет экономить на издержках больше, чем терять на величине продукта.

В этом случае, следовательно, нисходящая кривая предельной производительности труда для отдельного капиталиста может быть интерпретирована как его «кривая спроса» на труд: для каждого данного уровня заработной платы она показывает, сколько труда капиталист сочтет выгодным для

¹² Чтобы не усложнять изложения, допустим, что заработная плата выплачивается по *окончании* года как часть полученного продукта.

себя применить, то есть затребовать на рынке. Суммируя — для каждого данного уровня нормы прибыли — количество труда, затребованное каждым капиталистом, мы получим совокупную величину спроса на труд. Таким образом мы получим и «кривую глобального спроса» на труд, которая будет совпадать с кривой предельной производительности труда в национальном хозяйстве в целом и будет нисходящей в точности по тем же причинам, по каким нисходящими являются индивидуальные кривые: именно принцип убывающей предельной производительности труда обуславливает влияние этой нисходящей формы кривой спроса на тот фактор, значение которого было рассмотрено выше. Точка пересечения этой кривой с кривой предложения труда дает уровень равновесной нормы заработной платы. Если кривая предложения представлена вертикальной линией (графически выражающей гипотезу о том, что предложение труда, не изменяясь при изменении уровня заработной платы, жестко фиксировано на уровне L^*), уровень равновесия представлен ω^* .

Последний этап доказательства заключается в рассуждении, что если ω не равно ω^* , то конкуренция заставит его тяготеть к ω^* .

По существу, то же самое рассуждение можно применить к зеркально симметричному случаю, когда «коллективы» рабочих (например, объединившихся в кооперативы) берут капитал-зерно в долг у его владельцев. Подобные займы выдаются на условиях выплаты процентов, причем по ставке, которая в силу конкуренции имеет тенденцию становиться единообразной и — при отсутствии риска — равной норме прибыли, достижимой при производительном помещении капитала, полученного взаймы. Маржиналисты и впрямь всегда предпочитали говорить о норме процента (а не о норме прибыли) как «цене» капитала¹³; здесь мы будем пользоваться этими двумя выражениями как синонимами.

Итак, предположим, что каждая группа рабочих устанавливает заранее и для всех случаев то совокупное количество труда, какое она намерена израсходовать. При этом она сможет подсчитать — для каждого уровня вложения капитала-зерна, — насколько увеличится продукт при применении дополнительной единицы капитала-зерна. Это увеличение (за вычетом единицы капитала-зерна, израсходованной на его получение) будет выражать (*чистую*) *предельную производительность* капитала-зерна. Кривая этой предельной произ-

¹³ Таким образом подчеркивается «симметричность» капитала в сравнении с другими факторами: подобно тому как рабочий — собственник своей способности к труду уступает эту способность и получает взамен заработную плату, владелец капитала уступает его использование и получает взамен проценты.

водительности также будет нисходящей, по крайней мере начиная с некой точки; и по тем же причинам, что в первом случае, *группе рабочих выгодно будет вкладывать то количество капитала-зерна, которое сделает его предельную производительность равной данной норме процента*. Например, если норма процента составляет 20%, то есть 0,2, вложение капитала выгодно будет увеличивать до той точки, в которой дополнительный килограмм капитала-зерна увеличит валовой продукт на 1,2 килограмма, а чистый продукт, следовательно, на 0,2 килограмма. Таким образом, кривая (чистой) производительности капитала-зерна для группы рабочих может быть принята нами за их «кривую спроса» на капитал. Суммируя кривые спроса разных групп рабочих, мы получим кривую общего спроса на капитал-зерно; будучи также нисходящей, эта кривая вместе с кривой предложения определяет равновесную норму процента r^* .

В обоих случаях, как мы видели, реализуется полное приращение запрашиваемого и предлагаемого фактора. Этот вывод получается независимо от выдвинутой нами гипотезы о полном применении также и другого фактора. В самом деле, мы получили бы нисходящую кривую спроса, например, на труд, каким бы ни было (данное) количество вложенного капитала; тем самым, по-видимому, доказывается, что, даже в том случае если бы предприниматели представляли собой какую-то третью группу, берущую займы капитал-зерно и нанимающую рабочих, тенденция к полному применению существовала бы для каждого фактора *независимо* от примененного количества другого фактора и потому наблюдалась бы тенденция к одновременному полному применению обоих факторов. Это в свою очередь демонстрирует правомерность гипотезы о полном применении одного фактора, когда определяется кривая спроса и равновесная «цена» другого фактора.

Этим доказывается, кроме того, что при увеличении всех факторов в одинаковой пропорции продукт тоже возрастет в той же пропорции¹⁴, распределение же продукта между трудом и капиталом останется неизменным независимо от того, будут ли выступать в роли предпринимателей капиталисты или рабочие. Иными словами, то, что остается, например, в качестве прибыли капиталисту-предпринимателю, применяющему L трудовых единиц, после выплаты заработной пла-

¹⁴ Иными словами, как обычно говорят, должен иметь место *постоянный рост выпуска продукции*. Причины, по которым эта гипотеза оказывается необходимой для обоснования того, что продукция должна быть ни больше, ни меньше той, которая требуется для восполнения производственных факторов при их предельной эффективности, а также соотношение между этой гипотезой и гипотезой свободной конкуренции представляют собой проблемы, на которых мы здесь лишены возможности остановиться.

ты w , равной предельной производительности затраченного количества труда, в точности соответствует тому, что он получил бы в качестве процентов на свой капитал при норме процента, равной (чистой) предельной производительности его капитала-зерна (приняв количество трудовых единиц, при котором он вложен, за равное L). Таким образом, в состоянии равновесия норма прибыли и норма процента совпадают.

Это рассуждение можно было бы без особого труда распространить и на тот случай, когда во взаимодействии участвуют многие производственные факторы, например разные виды труда, разные типы земли, разнородный капитал и т. д. При принятых допущениях для каждого из таких многообразных факторов можно было бы определить нисходящую «глобальную кривую спроса», выражаемую кривой предельной производительности этого фактора для национального хозяйства в целом при условии, что все другие факторы получают полное применение; пересечение этой кривой с кривой предложения зафиксирует, как утверждают, равновесную норму восполнения данного фактора. (Можно, однако, заметить, что гипотеза об изменяемости пропорций, в которых могут сочетаться производительные факторы для производства данного продукта, — и в особенности гипотеза о непрерывной изменяемости, о чем упоминалось, когда речь шла об определении предельного продукта, — становится тем менее доказуемой, чем более узким становится наше определение факторов.)

К рассматривавшейся нами вплоть до этого момента технологической взаимозаменяемости факторов маржиналистская теория добавляет — в случае производства не одного, а многих потребительских товаров — также возможность «непрямой» взаимозамены факторов. Такая возможность выводится из возможности «психологической» замены (именуемой так в силу ее значения для чувства удовлетворенности потребителя) определенных потребительских благ другими, а следовательно, — косвенно — замены производительных факторов, служащих в большей мере для производства одних потребительских товаров, производительными факторами, служащими в большей мере для производства других потребительских товаров. В этом случае, как мы сейчас поясним, так называемый принцип убывающей предельной полезности позволит нам заключить, что при прочих равных условиях количество одного из применяемых производительных факторов относительно других факторов увеличится с уменьшением его «цены», или нормы вознаграждения, даже при отсутствии возможности «технологической» замены, то есть изменяемости тех пропорций, в которых могут сочетаться эти факторы в процессе производства каждого продукта.

Предположим, в самом деле, что для изготовления каждого продукта потребления известен один-единственный метод производства, требующий, чтобы производительные факторы комбинировались в данных пропорциях (всякий раз иных в зависимости от того, какой продукт потребления требуется произвести). В силу конкуренции цены различных продуктов потребления будут испытывать тенденцию к равным изменениям применительно к соотношению между разными «производственными издержками» (то есть в том смысле, в каком мы пользуемся здесь этими выражениями, соотношению размеров вознаграждения факторов, требующихся для единицы каждого продукта потребления). Из этого следует, что уменьшение «цены» одного из факторов по сравнению с другими сделает относительно менее дорогими те продукты потребления, в процессах изготовления которых данный фактор применяется в пропорции выше средней; эти продукты, как принято выражаться, являются «более насыщенными» по отношению к данному фактору. Обычно это делает выгодным для потребителей изменение спроса на продукты потребления в пользу упомянутых продуктов. В самом деле, потребителю выгодно распределять свой доход между различными продуктами таким образом, чтобы максимизировать собственное удовлетворение. Поскольку обычно последующие партии какого-то продукта потребления будут приносить постепенно все меньшие количества удовлетворения (или *предельную полезность*), то в случае, когда еще одна лира, израсходованная на приобретение продукта потребления А, обеспечит увеличение удовлетворения, или предельную полезность, меньшие, чем если бы она была потрачена на приобретение продукта потребления Б, потребителю будет выгодно потреблять меньше продукта А и использовать высвободившийся таким образом доход для приобретения последующих единиц продукта Б до тех пор, пока предельная полезность последней лиры, потраченной на приобретение А, не станет (увеличиваясь по мере того, как потребитель сокращает свое потребление А) равной предельной полезности (которая постепенно уменьшается) последней лиры, потраченной на приобретение Б. Если при этом, однако, один из двух продуктов, скажем А, уменьшится в цене, то предельная полезность каждой следующей лиры, израсходованной на приобретение А, будет увеличиваться, и потребителю, следовательно, будет выгодно переместить часть своего дохода от приобретения Б на приобретение А¹⁵.

¹⁵ Как хорошо знает компетентный читатель, эти наши утверждения нуждаются во многих уточнениях, ибо в некоторых случаях имеется возможность того, что при относительном уменьшении цены какого-то продукта потребления запрашиваемое количество его *уменьшается* (случай так называемых «благ Гиффена»), что может приводить к множест-

Поскольку в силу сказанного продуктами, которые окажутся менее дорогими, будут именно те продукты, в себестоимость которых в большей пропорции входит фактор, сделавшийся менее дорогим, то сдвиг в структуре потребительского спроса в пользу этих продуктов приведет к увеличению в совокупном продукте доли продуктов, изготовленных при «высокой емкости» фактора, сделавшегося менее дорогим, и, таким образом, приведет также к увеличению применения указанного фактора в сравнении с другими факторами, применяемые количества которых предполагаются неизменными¹⁶.

Этот второй механизм (непрямой) замены одних факторов другими дает сторонникам рассматриваемой здесь гипотезы дополнительные доводы в поддержку тезиса о том, что пропорция, в какой один фактор будет применяться относительно других, представляет собой: а) убывающую функцию его (относительной) нормы вознаграждения, но б) убывающую «достаточно быстро» (в технической терминологии это называется «достаточно эластичной» функцией). В этом случае указанная функция может быть обоснованно интерпретирована (при допущении, что применяемое количество других факторов равно предлагаемому их количеству) как та самая «кривая спроса», на которой базируется уже описанный механизм спроса и предложения.

Заметим, что зависимость всего этого анализа от указанных свойств «а» и «б» — отношений, связывающих между собой применение определенного фактора (при данных количествах применения других факторов) и его «цену», —

венным (и в том числе иногда нестабильным) равновесиям. Отсюда применяемое в тексте выражение «обычно», отражающее господствующее мнение (которое, возможно, требует дополнительного разбора) о том, что происходящие отсюда затруднения для маржиналистской теории не являются такими уж серьезными.

¹⁶ Так, если мы предположим, что с помощью капитала-зерна и труда производится *два* продукта потребления, например зерно и ткань, причем каждый посредством одного-единственного производственного метода (и стало быть, при одной-единственной пропорции капитала и труда), и что ткань при этом является таким продуктом, при производстве которого на единицу труда требуется больше капитала-зерна, то уменьшение нормы процента должно было бы привести к уменьшению цены ткани по сравнению с ценой зерна. Потребители в этом случае стали бы требовать больше ткани и меньше зерна; часть труда, затрачиваемого в производстве зерна, была бы переведена на производство ткани, и вследствие этого увеличилось бы количество капитала-зерна, потребного в целом для обеспечения данного числа рабочих.

Данный механизм, изображаемый в приведенных примерах как *альтернативный* механизму прямой, или технической, взаимозамены факторов, может, разумеется, действовать и *совместно* с этим последним, по-вышая (по сравнению с тем случаем, когда действует один только этот механизм) размеры изменчивости относительной доли применения тех или иных факторов, обусловленной данными изменениями их относительных норм вознаграждения.

является на самом деле самой что ни есть кардинальной. Не будь этих свойств, интерпретация упомянутых отношений как «кривых спроса» на факторы привела бы к абсурдным выводам. Так, без убывания гипотетически возможное равновесие между «спросом» и предложением обычно не смогло бы быть ни единственным, ни стабильным. Оно могло бы быть нестабильным, когда заработная плата, если она больше равновесной, тяготеет к дальнейшему росту, а если меньше — к дальнейшему уменьшению, в конечном счете либо поглощая весь продукт, либо становясь равной нулю. При тех же условиях могла бы иметь место и ситуация множества возможных точек равновесия с переходом от одной к другой в силу воздействия чисто случайных обстоятельств. Может быть и так, что «кривые спроса» являются нисходящими, но нисходящими чересчур «круто» (указывая тем самым на малую изменяемость относительного применения факторов при изменении их относительных норм вознаграждения); в этом случае минимальные изменения предложения повлекли бы за собой колоссальные изменения «цены» фактора, когда уменьшение предложения труда с L^* до L_1 привело бы к увеличению заработной платы вплоть до поглощения всего чистого продукта, между тем как увеличение предложения труда с L^* до L_2 привело бы к уменьшению заработной платы до нуля. В обоих случаях противоречие между теоретическими предсказаниями и наблюдаемой действительностью лишило бы теорию какой бы то ни было убедительности, а также сделало невозможным изображение отношений между заработной платой и примененным трудом (или между нормой процента и примененным капиталом) в виде «кривых спроса», что побудило бы искать объяснения распределению продукта в действии других механизмов.

Теперь мы сможем убедиться, что в развернутом выше изложении маржиналистской теории мы могли более или менее обоснованно исключить возможность того, что отношения между заработной платой и примененным трудом (или между нормой процента и примененным капиталом) имеют целиком или отчасти форму восходящих кривых или, во всяком случае, таких, которые не обеспечивают традиционно предполагаемую единственность и стабильность равновесия *только потому*, что мы исходили из гипотезы о физически однородном капитале¹⁷. Если — как это, видимо, необходи-

¹⁷ Впрочем, и в рамках данной гипотезы маржиналистская теория затрудняется доказать единственность и стабильность равновесия. Например, уменьшение заработной платы, вызванное наличием безработицы, перераспределяя доход между трудящимися и капиталистами, обычно уменьшает спрос на предметы первой необходимости; если же эти последние являются «высоко трудоемкими», то следствием может стать *уменьшение* спроса на труд. Эта и другие возможные причины нестабильности и множественности равновесий даже при физически однород-

мо — отбросить данную гипотезу, то выводы, к которым мы придем, будут радикально иными: упомянутая выше возможность вовсе не может быть исключена и, похоже, именно из этого проистекает та утрата убедительности, о которой мы только что поговорили.

Как бы то ни было, прежде чем продолжать изложение, отметим — это будет полезно, когда речь пойдет о сравнении с классической постановкой, — те обстоятельства, от которых, по этой теории, зависит распределение дохода на заработную плату и прибыль:

1) условия производства;

2) количество имеющихся в национальном хозяйстве производительных факторов¹⁸;

3) вкусы потребителей (обстоятельство, не являющееся необходимым в случаях вроде тех, которые были разобраны ранее)¹⁹.

Обрисованная таким образом теория *распределения дохода* является одновременно теорией *стоимости* произведенных продуктов и теорией *структуры и уровня национального продукта*, а следовательно, и теорией *уровня занятости*.

Она является теорией уровня национального продукта и занятости в той мере, в какой тенденция «цен» факторов к равновесию представляет собой в то же время тенденцию количества произведенных продуктов к тому специфическому уровню, который ассоциируется с полной занятостью всех факторов (спрос на факторы, равный их предложению, как раз и означает полную занятость). Между тем, в силу вышесказанного, каждая точка кривой спроса на какой-то фактор ассоциируется с определенными «ценами» как этого, так и других факторов и с определенными производственными методами, следовательно, с определенными «издержками производства» продуктов, стало быть, с определенными ценами продуктов, а значит, также с опреде-

ном капитале (см., например, примечание 10 в данном разделе) уже сами по себе порождают сомнения в прочности всего здания теоретических построений маржиналистов.

¹⁸ Как мы видели, механизм «непрямой» взаимозамены факторов опирается на то, что взаимодействие между относительными ценами и вкусами потребителей влияет на структуру спроса. Структура общественного продукта и относительная цена факторов будут поэтому варьироваться при изменении относительного богатства разных потребителей и будут обычно зависеть также от распределения капитала (и ограниченных природных ресурсов) между индивидами, то есть от изменения принадлежащих им относительных долей факторов.

¹⁹ Поскольку в указанном примере сделано допущение, что производится один-единственный продукт потребления, а предложение факторов является жестко фиксированным, вкусы потребителей не могут повлиять ни на структуру продукта, ни на предлагаемые количества факторов (например, в виде выбора между трудом и праздностью), а следовательно, не влияют на равновесие.

ленным составом спроса. Детерминация распространения дохода, таким образом, одновременно детерминирует — при каждой данной «цене» фактора — уровень занятости и состав продукции. Это обстоятельство также будет важно, когда дело дойдет до противопоставления маржиналистской теории классической постановке.

б) Кейнсовская критика

Маржиналистская постановка безраздельно господствовала уже в течение нескольких десятилетий, когда в 1936 году Кейнс попытался опровергнуть провозглашенный этой теорией тезис о тенденции к полной занятости рабочей силы. Его главное критическое произведение по этому вопросу — уже цитировавшаяся «Общая теория» — завоевало широкий успех, обусловленный и той славой, которой уже пользовался к этому времени Кейнс, и особенностями переживаемого исторического периода (уже несколько лет бушевал «великий кризис»), и — главным образом — новизной его анализа и центральным тезисом, указывавшим наконец путь к преодолению проблемы массовой безработицы. Однако, помимо этих причин, та быстрота, с какой многие экономисты сделали «кейнсианцами», объяснялась, вероятно, также очевидной ограниченностью критики, обращенной Кейнсом в адрес господствующей экономической теории и капитализма.

Кейнс отталкивался от того, что подсказывали сами факты, иначе говоря, что массовая безработица 30-х годов вряд ли могла быть объяснена недостаточным понижением уровня заработной платы. Основываясь отчасти на вышедшей раньше работе Ричарда Кана²⁰, он выработал альтернативное объяснение, опирающееся на идеи мультипликатора и склонности к потреблению.

Однако он *разделял* предпосылки господствующей теории, и в частности положение о взаимозаменяемости между трудом и капиталом, на котором, как мы видели, в ортодоксальной теории основывалось доказательство существования тенденции к полной занятости рабочей силы²¹. Кейнс, следовательно, не подвергал критике существование описанных выше механизмов: он утверждал лишь, что эти механизмы не в состоянии обеспечить тенденцию к полной занятости в условиях экономики, *где посредником во всех обменах выступают деньги*.

²⁰ R. Kahn. The Relation of Home—Investment to Unemployment. — "Economic Journal", 1931, June; now in: *ID. Selected Essays on Employment and Growth*. Cambridge, 1972.

²¹ Почти тотальное засилье этой теории, особенно в англосаксонских странах, делало практически неизбежной поддержку указанных предположений; для того чтобы критика их набрала силу, должны были миновать еще многие годы.

В самом деле, при денежном хозяйстве указанные механизмы наталкиваются на трудности, которые можно представить себе, если еще раз обратиться к нашему простому примеру с зерном. Если доходы выплачиваются деньгами, а не зерном, то решения воздержаться от потребления *не* соответствуют автоматически решениям об инвестициях, то есть решениям об употреблении дохода, не потраченного на потребление, для приобретения той части годового продукта, которая остается после вычета из нее части, составляющей потребление²².

Тогда может получиться, что совокупный спрос в денежном выражении ниже стоимости предложения в нормальных ценах. Причем такое явление может иметь место, когда уменьшение *денежной* заработной платы, вызванное конкуренцией между безработными тружениками, порождает тенденцию (в соответствии с вышеизложенной теорией) к увеличению занятости, а следовательно, и производства. В самом деле, если сопутствующему росту сбережений (обусловленному ростом доходов, ибо увеличение занятости, вызванное понижением заработной платы, увеличит производство, а с ним вместе и национальный доход, что повлечет за собой увеличение совокупных сбережений) *не* будет соответствовать рост инвестиций, то результатом будет недостаточный уровень совокупного спроса в денежном выражении и — рано или поздно — падение цены на зерно, что нейтрализует сокращение денежной заработной платы, вынуждая предпринимателей снова увольнять только что нанятых работников. Уменьшение денежной заработной платы в этом случае неспособно было бы увеличить занятость и только послужило бы причиной непрерывного падения цены на зерно, не будучи в состоянии уменьшить *реальную* заработную плату (то есть заработную плату, измеряемую в единицах продукта, а не в деньгах), от уровня которой, по маржиналистской теории, зависит степень использования рабочей силы.

Нельзя сказать, однако, чтобы экономисты-маржиналисты пребывали в неведении относительно этой проблемы. Хотя они редко подвергали ее достаточно систематическому и глубокому анализу, в сущности их мнение сводилось к то-

²² В более общем виде под *решениями об инвестициях* понимаются решения о приобретении продуктов, не предназначенных для потребления; если предположить, что все решения такого рода реализуются, то можно считать, что они совпадают с *расходами на инвестиции*. Может случиться так, что расходы на инвестиции меньше, чем производство продуктов сверх того предела, который приобретается в целях потребления; в этом случае будет иметь место непроизвольное увеличение запасов непроданных продуктов. При таком обороте дела совокупный спрос или совокупный расход (расходы на продукты потребления плюс расходы на инвестиции) меньше совокупного предложения (равного стоимости совокупного производства).

му, что по крайней мере в долгосрочной перспективе она не может стать источником чересчур больших затруднений для их теории. Это мнение основывалось на том, что поскольку инвестиции суть не что иное, как восполнение и увеличение «капитала», то они должны быть убывающей функцией нормы процента наравне со спросом на капитал, необходимым проявлением которого фактически является спрос на инвестиции²³. Наличие не поглощенных производством денежных сбережений должно путем понижения нормы процента увеличить инвестиции до уровня полной занятости всех факторов.

Критика Кейнса сосредоточивается поэтому на этой способности нормы процента влиять на инвестиции. Эта критика основывается на I) препятствиях к достаточно большой эластичности к понижению нормы процента, порождаемых ожиданиями будущего дохода на ценные бумаги; II) нестабильности инвестиций из-за зависимости этих последних от ожиданий относительно их будущей доходности, — ожиданий, изменчивых в силу самой их природы и потому неизбежно затрудняющих, по крайней мере в краткосрочном разрезе, выполнение нормой процента ее уравнивающей роли (даже если предположить, что она обладает той высокой степенью эластичности, которая опровергается пунктом I). Кейнс делал из всего этого вывод об отсутствии гарантий того, что инвестиции находятся на том уровне (или тяготеют к нему), который необходим для того, чтобы совокупный спрос мог поглотить объем продукта, соответствующий полной занятости. На уровне практических рекомендаций он выводил из этого заключение о необходимости государственного вмешательства в экономику.

Если бы, однако, государственное вмешательство (необходимость которого доказывалась, таким образом, для всех тех ситуаций, в которых обнаруживался недостаточно высокий

²³ Здесь невозможны исчерпывающее объяснение и мотивация этого утверждения, мы отсылаем поэтому к *P. Garegnani. Note su consumi, investimenti e domanda effettiva (parte I). — "Economia Internazionale", 1964, № 4; ora in: Valore e domanda effettiva. Torino, 1979, p. 5—49 (особенно p. 22—36)*. Здесь мы должны ограничиться замечанием о том, что инвестиции суть то, что восполняет потребленные капитальные вложения, а также иногда изменяет их объем; поэтому, согласно маржиналистам, чем больше поток инвестиций, тем большим должно быть «количество капитала» (см. ниже) по отношению к труду и, таким образом, тем меньшей должна быть норма прибыли. Следовательно, тем более низкой должна быть норма процента для обеспечения условий для осуществления такого потока инвестиций. Например, в гипотетическом случае, рассмотренном ниже, поскольку весь капитал-зерно находится в обращении (то есть потребляется без остатка в каждом производственном цикле), инвестиции совпадают со спросом на капитал и тем самым непосредственно доказывается, что они представляют собой убывающую функцию нормы процента.

уровень расходов на инвестиции) привело и смогло бы поддерживать экономику в состоянии полной занятости, то в этом случае Кейнс допускал полную правомочность применения ортодоксальной теории.

Таким образом (это станет яснее в конце параграфа 2, где будут рассмотрены более общие последствия маржиналистского подхода для оценки капитализма как такового), оставалась неперечеркнутой возможность суждения о капитализме как о такой экономической системе, которая ради исправления своей неспособности устранить безработицу нуждается, конечно, в модификациях (в том числе и глубоких) и государственном вмешательстве (в том числе и в широких масштабах), но все же не таких; когда потребовались бы радикальные перемены типа тех, на необходимости которых настаивал Маркс.

в) Критика концепции капитала как производственного фактора

Второе направление критики носит более радикальный характер и, можно сказать, начинается там, где кончилось предыдущее — на тех предпосылках маржиналистской теории, которые не были отвергнуты Кейнсом.

В самом деле, критика второго направления охватывает саму логическую возможность построения кривых спроса и предложения «производительных факторов» за пределами тех условий, которые предусматривались рассмотренными выше примерами (где капитал был представлен одним-единственным благом), то есть в контексте реальной экономики, где капитал выступает в лице разнородных благ. Здесь мы вкратце изложим эту критику.

Дело в том, что маржиналистская теория должна трактовать капитал как производительный фактор, но это приводит ее к столкновению с непреодолимыми трудностями, когда оказывается, что капитал состоит из неодинаковых благ. Трудности эти могут быть представлены лучше, если разобрать проблемы, возникающие при детерминации как «предложения», так и «спроса» на капитал.

При обсуждении «предложения» капитала можно говорить о некоем путешествии по логическому кругу маржиналистской теории.

Если мы хотим установить распределение дохода с помощью кривых спроса и предложения «производительных факторов», то за каждым отдельным компонентом распределения дохода нужно выявить отдельный «производительный фактор». Например, если имеется несколько разных норм заработной платы (и разница между ними является устойчивой даже при наличии конкуренции), то это значит, что

должно быть столько же разных типов труда; если имеются разные нормы ренты, то должно быть столько же разных типов земли и т. д. Таким образом должен быть некий *единый* производительный фактор и за нормой процента, или прибыли, поскольку ведь и прибыль в условиях конкуренции повинуется тенденции к единообразию наравне с заработной платой за определенный тип труда и т. д.²⁴ Отсюда встающая перед маржиналистской теорией необходимость представлять производительный фактор «капитал» однородным, хотя и «инкорпорированным» в разнородные виды капитала и, следовательно, способным приспосабливаться по своему составу таким образом, чтобы включать типы и количества капитала, требуемые для производства соответствующих количеств продукции при данных принятых методах производства и без нарушения равновесия. Этот фактор, иначе говоря, должен быть способен изменять «форму», не меняясь в «количественном» отношении²⁵.

При измерении этого имеющегося в данной экономике «количества капитала», что необходимо для построения кривой предложения, маржиналисты должны каким-то образом связывать это количество со стоимостью «капитала» (ведь в действительности норма процента соотносится именно с единицей стоимости «капитала») и в конечном счете оказываются обязаны измерять его в качестве *стоимости* существующего капитала. Однако тем самым они вынуждены признать, что количество «капитала», представленное некоторой совокупностью разнородных видов капитала, зависит от цен, а следовательно — от нормы процента. Теория оказывается замкнутой в порочном кругу: она не может определить «количество капитала», содержащееся в видах капитала, имеющих в данной экономике, если не знает их цен; но поскольку эти последние зависят от нормы процента, то получается, что определение «количества капитала» зависит именно от того, что должно было бы им определяться.

²⁴ Это не исключает временных расхождений между нормами прибыли (подобных наблюдаемых порой расхождениям между нормами заработной платы за идентичный труд), которые конкуренция позаботится устранить путем перемещения капитала в отрасли с более высокой нормой прибыли.

²⁵ Можно математически доказать, что для того, чтобы возможно было установить единую норму прибыли, в число *данных* не могут быть включены количества *каждого типа* капитала — эти последние количества должны находиться в числе неизвестных, которые требуется установить. Однако маржиналистское равновесие оказалось бы в этом случае недетерминированным, если бы не включало в качестве заданных условий совокупное количество «капитала», рассматриваемого как однородный фактор (см. краткое изложение в: *F. Petri. The Difference between Long-Period and Short-Period General Equilibrium and the Capital Theory Controversy.* — "Australian Economic Papers", 1978, December; или более подробно в: *P. Garegnani. Il capitale nelle teorie della distribuzione.* Milano, 1960, parte II, cap. II).

Само это принятие — независимо от распределения — в качестве данных «количеств капитала», соответствующих агрегированным сведениям о средствах производства (в нашем случае в связи с альтернативными техническими способами производства), привело маржиналистскую теорию к ошибке в том ее положении, на котором базируется выведение ею нисходящих кривых спроса на факторы.

По маржиналистской теории необходимо, чтобы при изменении нормы процента (или прибыли) более выгодной для предпринимателей становилась та производственная техника, при которой соотношение капитал — труд росло бы все больше по мере того, как капитал «стоит» все меньше, то есть по мере того, как снижается норма процента (прибыли). Именно это и происходит, когда капитал, будучи однородным, поддается измерению в физических единицах. Но на основе полученных Зраффой результатов, о чем мы будем говорить ниже, было доказано, что вовсе не обязательно, чтобы происходило так, если капитал, будучи разнородным, должен измеряться в единицах стоимости.

Если в системе координат мы отложим на одной оси величину нормы процента, а на другой — «количество капитала» (по стоимости) вместе с данным количеством труда, вложенным в производство некоего типа продуктов (и включающим также восполнение средств производства, потребленных в ходе совокупного производственного процесса), то, как мы многократно видели выше, по маржиналистской теории, здесь необходимо должна обрисоваться нисходящая кривая. Между тем в действительности кривая может иметь практически почти любую конфигурацию ²⁶.

²⁶ Например, у П. Гареньяни доказано, что она может иметь «С»-образную форму (*P. Garegnani. Beni capitali eterogenei, la funzione della produzione e la teoria della distribuzione. — In: Produzione, capitale e distribuzione. A cura di G. Lunghini. Minano; ISEDI, 1975, p. 104.* Л. Пазинетти в свою очередь приводит другой пример очевидного отсутствия убывания (*L. I. Pasinetti. Growth and Income Distribution. Essays in Economic Theory. Cambridge, 1974, p. 136, note*).

Это явление было названо «инверсией капиталоемкости» (“reverse capital deepening”) Зраффа, кроме того, доказал, что не существует никакой единицы измерения — стоимостной или иного рода, — позволяющей однозначно ранжировать типы производственной техники, среди которых может делать свой выбор предприниматель таким образом, чтобы при понижении нормы процента предпочтение всегда отдавалось все более «капиталоемкой» технике. В самом деле, может получиться так (случай так называемого «технического возврата вспять»), что некая техника А, избранная в ситуации высокой нормы процента и замененная затем техникой Б в условиях все более низкой нормы процента, оказывается более выгодной при еще более низкой норме процента. В этом случае техника А оказалась бы одновременно более «капиталоемкой» и менее «капиталоемкой», чем Б. Обширная дискуссия по этому вопросу, известная как «спор между двумя Кембриджами», была открыта Джоан Робинсон в 1953 году после прочтения ею уже упоминавшегося «Введения» Зраффы

Все это показывает ложность маржиналистских постулатов насчет «прямой», или «технической», взаимозаменяемости капитала и труда.

Но не менее сокрушительные результаты были получены и применительно к механизму «непрямой» взаимозамены факторов. В самом деле, было доказано, что прекрасно может получиться так, что при повышении нормы процента или прибыли некоторые «капиталоемкие» блага уменьшаются в цене по отношению к «трудоемким» благам (в силу уменьшения стоимости капиталов, помещенных в производство первых) в противоположность тому, что должно было бы происходить, если бы действовал постулированный маржиналистами механизм «непрямой» взаимозамены ²⁷.

Таким образом, нет никакой уверенности в том, что отношение между нормой процента (или прибыли) и количеством капитала, связанным с данным количеством труда, затрачиваемым в экономике в целом, обязательно должно выражаться нисходящей кривой. Поэтому *даже если* бы у нас были законные основания (каковых нет) нанести в той же диаграмме кривую предложения капитала, то ее отношения с предыдущей кривой обычно не могли бы привести ни к единственному, ни к стабильным ситуациям равновесия, а, стало быть, сама теория — в силу уже рассмотренных нами причин — не могла бы считаться убедительной. В самом деле, ведь с другой точки зрения открывается логическая невозможность рассматривать «капитал» наравне с любым другим «производительным фактором», измеряемым в физических единицах, подобно труду. Но тем самым утрачивает убедительность и теоретическая структура маржинализма, а значит — и объяснение распределения дохода на основе кривых спроса и предложения «производительных факторов». Что же касается существующего капитала, то его придется рассматривать скорее как *результатирующую* применяемой производственной техники и подлежащих производству количеств продукции, устанавливаемых уже иным, нежели маржиналистским, способом ²⁸.

к «Полному собранию сочинений» Рикардо (см.: *J. Robinson. Capital Theory up to Date.* — “Canadian Journal of Economics”, 1970, p. 71), но привлекла к себе всеобщее внимание экономистов лишь после опубликования «Производства товаров посредством товаров» того же Зраффы. Многие выступления участников дискуссии, переведенные на итальянский язык, вошли в уже цитировавшуюся книгу: *Produzione, capitale e distribuzione*. Обзор и подробную библиографию этого спора о теории капитала 1953—1970 годов см. в: *G. C. Harcourt. Some Cambridge Controversies in the Theory of Capital*. Cambridge, 1972 (trad. it.: *La teoria del capitale* Milano, ISEDI, 1974).

²⁷ *P. Garegnani. Beni capitali eterogenei..*, p. 132.

²⁸ Важно отметить, что эти результаты были получены в основном благодаря возрождению классической постановки и ее развитию Марксом после Рикардо, а в дальнейшем другими отдельными авторами (Дми-

Эти выводы невольно ставят вопрос о вненаучных причинах, которые, должно быть, сыграли свою роль в том, что была принята теоретическая постановка, по-lying на недоказанном и фактически ошибочном постулате: возможности распространения и на «капитал» теории, первоначально задуманной для «факторов», измеряемых в технических единицах. Этот вопрос в значительной части еще ожидает своего разрешения. Несомненным представляется лишь то, что осознание примешиваемых к делу ненаучных мотивов, которое было присуще некоторым основателям маржиналистской теории и их непосредственным преемникам²⁹, вместо того чтобы стимулировать углубленное исследование проблемы, совсем исчезло³⁰.

г) Некоторые моменты позднейшего развития маржинализма

Как упоминалось вначале, кризис традиционной постановки в известной мере был смягчен теми изменениями, с помощью которых маржиналистская теория попыталась защититься от критики в свой адрес. Здесь мы кратко расскажем об этих изменениях, чтобы попытаться объяснить тот престиж, которым эта постановка все еще пользуется у большинства экономистов.

Критика трактовки капитала как производительного фактора, без сомнения, сыграла свою роль. Однако маржиналистская теория стоимости ради защиты прибегла к другим версиям, зачастую именуемым неовальрасианскими, в которых наиболее очевидная форма нелогичности, заключающаяся в трактовке капитала как «производительного фактора» — его стоимостное изменение, — обходится стороной. Этого удается добиться путем описания «капиталооснащенности» экономики при помощи нескольких данных (а не одного-единственного), то есть при помощи имеющегося количест-

триевым, Борткевичем). Тем самым стало возможно выявить — по контрасту — аналитическую структуру маржиналистской постановки и ее несовместимость с существованием такого производительного фактора, как «капитал». Стало также возможным изучать (о чем будет сказано ниже) изменение относительных цен при изменении нормы прибыли, что и создало ту основу, которая позволила получить вышеизложенные результаты.

²⁹ См.: K. Wicksell. *Lezioni di economia politica* (1920). Torino, 1966, p. 204: «Заведомо непостижимым представляется, чтобы увеличение капитала могло *ceteris partibus* совпадать с уменьшением как заработной платы, так и ренты: эту тему следовало бы, наверное, подвергнуть дальнейшему исследованию».

³⁰ В свете того, что будет сказано в конце параграфа 2 об идеологических и политических последствиях маржиналистской постановки, нельзя не заподозрить влияния вненаучных факторов на подобный некритичный конформизм.

ва каждого типа средств производства, рассматриваемого в качестве отдельного производительного фактора, измеряемого в технических единицах. Однако взгляд на состав капитала как на заданную величину, а не одну из переменных, подлежащих выяснению, влечет за собой невозможность удовлетворить (даже в рамках гипотезы свободной конкуренции) условие относительного равновесия при единообразии нормы прибыли (процента), а следовательно, отказ от попытки определения связанных с этим условием цен («естественных», или «производственных», цен у экономистов-классиков; «долгосрочно-равновесных», или «нормальных», цен у экономистов-маржиналистов).

Это ведет к радикальному разрыву с традиционным методом, базирующимся на изучении «долгосрочных позиций», при которых состав капитала может прийти в соответствие с составом продукции и применяющимися производственными методами с тем, чтобы обеспечить единообразную норму прибыли, то есть давая возможность обозначать центры притяжения, к которым экономическая система тяготеет в каждый данный момент ³¹.

В упомянутых же неовальтерасианских вариантах предпринимается попытка определить «краткосрочное» общее равновесие, весьма сомнительное по своему экономическому содержанию. Во-первых, это равновесие не может быть определено независимо от изменений, которые ему предстоит претерпеть во времени, поскольку физический состав запаса капитала будет быстро изменен тенденцией к единообразной норме прибыли, а это вызовет значительные изменения относительных цен. Неправомерно поэтому игнорировать воздействие подобных будущих изменений цен на текущие рыночные операции (что, напротив, является правомерным при определении долгосрочных позиций); это в свою очередь ведет к дилемме между абсурдной гипотезой о существовании временных рынков для всех товаров на все будущее и неопределенностью результатов, вытекающей из введения в анализ субъективных ожиданий изменения цен как фактора, *детерминирующего* равновесную позицию ³².

Во-вторых, невозможно принять эти точки равновесия за

³¹ См.: P. Garegnani. On a Change in the Notion of Equilibrium in Recent Work on Value and Distribution. — In: M. Brown, K. Sato, P. Zarembka (eds). Essays in Modern Capital Theory. Amsterdam, 1976 (trad. it.: P. Garegnani. Valore a domanda effettiva...

³² В традиционном методе, напротив, ожидания ставятся в однозначную связь с объективными явлениями, так что действия экономических агентов могут быть прямо связаны с фактами, объясняющими эти ожидания. Например, в тезисе о том, что при свободной конкуренции новые предприятия будут возникать в отраслях с нормой прибыли выше средней, внутренне подразумевается, что это объясняется ожиданием того, что более высокая норма прибыли не исчезнет сразу же.

центры тяготения системы, поскольку они зависят от данных, от количеств различных типов капитала, которые сами находятся в процессе быстрых изменений. Силы, которые их определяют (в числе их, напомним, обретаются — оставляя в стороне абсурдное предположение о всеохватывающих временных рынках — ожидания, являющиеся изменчивыми по самой своей природе), не обладают поэтому той «устойчивостью», которая необходима для отличения их от тех других сил случайного характера, которые в каждый данный момент будут удерживать экономику вне этого «краткосрочного равновесия» в не меньшей мере, чем вне долгосрочных равновесий прошлого. «Таким образом, прежде чем возобновляющиеся сочетания спроса и предложения окажутся достаточными для исправления или компенсации предыдущих случайных отклонений, сама позиция равновесия существенно изменится и равновесие не сможет играть никакой роли либо весьма малую роль в реальном управлении поведением экономики»³³.

Эти два затруднения — непосредственное следствие нового понятия равновесия — приплюсовываются к трудностям, связанным с понятием капитала, сохраняющимся и в новом контексте, даже если они и принимают в нем другие, менее бросающиеся в глаза формы³⁴ (именно эта меньшая очевидность и позволила ревнителям этого нового понимания равновесия пребывать в убеждении, будто критика трактовки капитала в маржиналистских теориях их не затрагивает).

Таким образом, критика в адрес маржиналистской постановки в наши дни нацелена на то, чтобы: а) восстановить ныне весьма затемненный смысл и значение метода, основывающегося на изучении долгосрочных позиций (отброшенного не из-за присущих ему недостатков, а из-за неспособности *маржиналистской теории* прийти к последовательным выводам в рамках этого метода), в частности путем подчеркивания бесплодности исследований в неовальрасианском русле

³³ «Кроме того, когда принимается во внимание последовательная смена этих краткосрочных равновесий (как фактически происходит при определении общего «межвременного» равновесия), возникает возможность того, что некомпенсированные отклонения от равновесных величин приведут к накоплению ошибок в последующие периоды» (см. *P. Garegnani. On a Change in the Notion of Equilibrium...*, p. 108; e nota 8 della trad. it. cit.).

³⁴ Представляется правомерным утверждать — хотя вопрос еще не исследован с той глубиной, какой заслуживает, — что отсутствие в долгосрочном плане обратной зависимости между *капиталом* и нормой процента делает крайне трудным утверждение о существовании как в долго-, так и в краткосрочном плане обратной зависимости между *инвестициями* и нормой процента, в силу чего сомнительной оказывается стабильность рынка сбережений-инвестиций в этих неовальрасианских равновесных конструкциях. Для введения в суть вопроса см.: *P. Garegnani. Note su consumi, investimenti e domanda effettiva...*, p. 31—34.

в результате отказа от традиционного метода; б) показать сохранение противоречий, связанных с трактовкой капитала, и в неовальрасианских вариантах³⁵. Что касается бесплодности, то сегования на этот счет часто раздаются не только со стороны во многих отношениях ортодоксальных экономистов, но и от самих ревнителей этих самых теорий³⁶.

Как это ни парадоксально, но именно в то время, как у исследователей теории стоимости, по-видимому, нарастает неудовлетворенность маржиналистской постановкой, в области экономической политики в последние годы наблюдается значительное распространение анализов и прогнозов докейнсианского толка, опирающихся на данную постановку. Мы имеем в виду рост влияния так называемой монетаристской школы, которая энергично восстанавливает в правах тезис об эффективности рыночного регулирования и, в частности, об автоматизме тенденции к полной занятости, достоинствах экономического либерализма и опасностях государственного вмешательства в экономику³⁷.

Можно предположить, что в такой науке, как политическая экономия, где давление со стороны соображений внеаучного характера сказывается особенно сильно, именно доводы такого рода способствовали росту влияния подобных мнений в последнее время³⁸. Однако теоретическая почва для распространения этих концепций, несомненно, была подготовлена тенденцией к поглощению Кейнса традиционной теорией, тенденцией, которая обнаружилась почти сразу же после выхода «Общей теории» и затем непрерывно усиливалась в 50—60-х годах, в частности также благодаря возможности опереться на элементы маржинализма у самого Кейнса.

³⁵ По пункту «а» см., например, кроме *P. Garegnani. On a Change in the Notion of Equilibrium...*, а также: *ID. Appendici.—In: Valore e domanda effettiva...*; *F. Petri. The Difference between Long-Period and Short-Period General Equilibrium...*; *J. Eatwell. Theories of Value, Output and Employment*. — “Thames Polytechnic Papers in Political Economy. London, 1979; *P. Garegnani. Notes on Consumption, Investment and Effective Demand: a Reply to Joan Robinson*. — “Cambridge Journal of Economics”, September, 1979, особенно с. 183—185. По пункту «б» см. предыдущее примечание.

³⁶ Особенно распространена неудовлетворенность по поводу характера доказательства ключевого положения: об устойчивости этих равновесий. См.: *F. M. Fisher. The Stability of General Equilibrium: Results and Problems*. — In: *M. J. Artis, A. R. Nobay (eds.). Essays in Economic Analysis*. Cambridge, 1976; а также примечание 35 в этом разделе.

³⁷ См.: например: *M. Friedman. Capitalism and Freedom*. Chicago, 1968; *J. L. Stein (ed.). Monetarism*. Amsterdam, 1976; а также публикации лондонского IEA (Institute of Economic Affairs).

³⁸ В политическом отношении все главные представители монетаристской школы могут быть отнесены к консерваторам, и их политический вес увеличился в прямой связи с усилением консервативных партий, которые в последние годы привели к власти Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональда Рейгана — в Соединенных Штатах.

В самом деле, особенность теоретической позиции Кейнса заключается в подчеркивании роли неопределенности и изменчивости ожиданий, «нейтрализующих» действие факторов, которые, проявляя себя через движение нормы процента, якобы приводят экономику к состоянию полной занятости; во всяком случае, существование этих факторов не отрицается. Именно это своеобразие кейнсовской позиции могло, как мы уже видели, способствовать быстрому согласию ученого мира с выводами Кейнса насчет краткосрочной экономической политики (что, кстати говоря, и было наиболее ценным для Кейнса). На теоретическом уровне, однако, эта позиция оказалась трудно защитимой. В самом деле, усилия по выяснению различий между кейнсианским анализом и ортодоксальной теорией привели к заключению о том, что трудно в одно и то же время верить в предпосылки маржиналистской теории и отрицать существование долговременной тенденции к полной занятости рабочей силы, даже при условии, что при наличии безработицы заработная плата уменьшается относительно денежной массы. И большинство экономистов, отталкиваясь от маржиналистских предпосылок, вполне логично сделали вывод, что в долгосрочной перспективе — то есть при условии, что несбывшимся ожиданиям предоставлена возможность свершиться, — глубинные факторы сумеют проявить себя и экономическая система обнаружит тяготение к полной занятости, при том, конечно, что финансовые власти будут достаточно гибкими, чтобы компенсировать эвентуальную жесткость денежной заработной платы. Именно в этом и состоит так называемый «неоклассический синтез»³⁹, который занимал господствующее положение в академическом мире в 50—60-е годы.

В этих условиях вопрос о том, являются ли более верными указания экономической политики, выработанные Кейнсом, или традиционные установки, становился, по сути дела, вопросом эмпирической проверки, поскольку его решение зависело от того, в какой степени неопределенность и изменчивость ожиданий сокращали — если не в долго-, то в крат-

³⁹ Среди его главных творцов можно упомянуть Джона Хикса, Франко Модильяни, Джеймса Тобина, Пола Сэмюэльсона; в учебниках эта концепция господствует до сих пор. Напротив, как уже упоминалось во вступлении, те исследователи — и в том числе прямые преемники Кейнса, — которые сохраняли убеждение, что и в долговременной перспективе при капитализме не существует тенденции к полной занятости, стремились еще больше отмежеваться от маржиналистской теории распределения; см., например, послевоенные работы Дж. Робинсон и *N. Kaldor. Alternative Theories of Distribution*. — “Review of Economic Studies”, XXIII, 1955—1956, p. 83—100. Особого разговора (для него у нас здесь нет места) заслуживает М. Калецкий, который, отправляясь от марксистских основ, пришел к позициям, близким Кейнсу, и который оказал определенное влияние на ученые круги Кембриджа, где он находился в годы второй мировой войны.

косрочном плане — как эластичность нормы процента, так и способность этого последнего гармонизировать инвестиции со сбережениями, соответствующими уровню полной занятости. Преобладавшая в 50—60-е годы полная занятость могла в этом случае рассматриваться — вопреки кейнсианским тезисам — как доказательство большей, чем полагал Кейнс, способности ожиданий приспособляться к действительности с вытекающей отсюда почти полной реабилитацией традиционного анализа.

Этот последний шаг, совершенный как раз «монетаристской» школой, оказался возможным, напомним, главным образом в силу двух обстоятельств:

1) возможности свести кейнсианский анализ к «частному случаю» ортодоксальной теории, обусловленному разного рода элементами жесткости или несовершенствами, вероятность возникновения и важность которых представляют собой в основном эмпирический вопрос; эта возможность основывается главным образом на некритическом отношении Кейнса к тем предпосылкам, из которых ортодоксальная теория выводила тенденцию к полной занятости;

2) стойкой веры значительной части экономистов как раз в эти предпосылки, — веры, обусловленной в немалой степени теми изменениями в понимании равновесия, о которых говорилось выше, и вытекающим из них затемнением смысла и значения критики указанных предпосылок, о чем упоминалось ранее.

Распространенная неудовлетворенность по поводу неовальрасианских теоретизирований, сопровождающихся упоминаниями о необходимости эмпирических исследований⁴⁰, и распространенное признание того, что во многих областях прикладных исследований положение дел, по-видимому, вовсе не таково, как требовалось бы по маржиналистской теории (например, в теории предприятия, рынка труда, дифференциации заработной платы; проблемах стран «третьего мира» и других вопросах, на которых мы здесь лишены возможности остановиться), — все это свидетельствует о наличии готовности к рассмотрению новых теоретических схем даже среди большого числа экономистов, которые во многих других отношениях, судя по всему, еще привязаны к ортодоксальным воззрениям. Так что и в отношении этих аспектов ситуация, по-видимому, благоприятна для распространения той теоретической альтернативы, которая вобрала в себя наследие Маркса и истинность которой мы попытаемся доказать в последующих разделах этого очерка. Если оставить в стороне причины идеологического характера, то глав-

⁴⁰ См., например: *E. P. Phelps Brown. The Underdevelopment of Economics.* — "Economic Journal", 1972, March; *D. N. Worswick. Is Progress in Economics Possible?*

ным препятствием к верной оценке идеи возврата к классической постановке ныне выступает, по-видимому, трудность постижения аналитической структуры этой постановки. Происходит это в значительной мере из-за затемнения смысла самого метода, основывающегося на изучении «долгосрочных позиций», затемнения, порожденного распространением взглядов неовальрасианской школы. В силу этого сохраняет свою важность критика маржинализма и в особенности разъяснение путаницы, которая облегчает его дальнейшее выживание.

2. Возрождение классической постановки

Перейдем теперь к тому возрождению классической постановки, которое, как уже было сказано вначале, образует сегодня главное новшество в отношениях между марксизмом и экономической теорией.

В работах, которые способствовали такому возрождению, и в первую очередь в трудах Зраффы, важно различать четыре элемента, выступающих, впрочем, в тесной связи друг с другом.

Во-первых, речь идет о *возвращении* на свет аналитической структуры классической постановки, забытой и похороненной по мере утверждения маржиналистских теорий.

Далее, в тесной связи с этой работой была проделана работа по *аналитическому развитию* классической постановки путем разрешения некоторых проблем, остававшихся нерешенными у Рикардо и Маркса (по сути дела, имеется в виду корректное определение производственных цен и нормы прибыли в более широком плане, чем тот, к которому применима трудовая теория стоимости). К этому фундаментальному теоретическому достижению следует добавить значительный шаг вперед, совершенный Кейнсом по вопросу о факторах, определяющих уровень общественного продукта. Этот вклад в теорию не укладывается, правда, в русло возрождения классической постановки, но объективно способствует ему, как мы покажем в параграфе 4.

В-третьих, была осуществлена *критика маржинализма*, что стало возможным именно из-за указанных успехов в области анализа.

Наконец, была проведена *критическая проверка тех интерпретаций Маркса*, которые выдвигались на протяжении последнего столетия как «буржуазной» политэкономией (то есть, по сути дела, авторами-маржиналистами), так и самими марксистами.

Третий аспект был рассмотрен в предыдущем разделе; четвертый будет рассмотрен в следующем. В этом разделе

мы займемся главным образом первым аспектом; что же касается второго, то есть аналитического развития классической постановки, то он будет рассматриваться как в этом, так и в 4-м разделе.

а) Аналитическая структура теорий прибавочного продукта и проблема стоимости.

Классическая постановка может быть названа также постановкой с точки зрения «прибавочного продукта» в силу той центральной роли, какую играет в ней понятие общественного прибавочного продукта.

Еще от Кенэ и школы так называемых физиократов Адам Смит унаследовал (и обобщил) понятие общественного прибавочного продукта. Под этим термином понимается часть общественного продукта, которая остается после того, как в производственный процесс возвращено все, что необходимо для его повторения в неизменном масштабе. В часть, подлежащую изъятию из общественного продукта для получения прибавочного продукта, включалось как восполнение израсходованных средств производства, так и стоимость средств существования, потребленных (производственными) работниками. Остаток годового продукта, превышающий эти два компонента, как раз и составлял «прибавочный продукт» («чистый продукт», по Кенэ), которым могло располагать общество (для приобретения предметов роскоши, содержания слуг, ведения войн, капиталовложений и т. д.), не подывая условий собственного выживания.

То, что средства существования производственных работников рассматривались в качестве необходимых для воспроизводства, устанавливало тесную связь между анализом происхождения и размером прибавочного продукта и анализом распределения продукта между классами. Прибавочный продукт представлял собой то, что доставалось классам, отличным от рабочего класса. Поэтому от его размеров зависел размер прибылей капиталистов и ренты землевладельцев.

В принципе определение прибавочного продукта осуществляется весьма простым образом. Предполагается, что до определения прибавочного продукта известны: 1) средняя норма реальной заработной платы, выраженная в физических величинах как совокупность неких товаров; 2) годовой общественный продукт, также выраженный в виде совокупности товаров. Поскольку известны также 3) условия производства (то есть количества средств производства и труда, необходимые для производства каждого продукта), то из этого следует, что известны как годовое потребление средств производства (а следовательно, та часть общественного про-

дукта, которая необходима для восполнения средств производства), так и число занятых рабочих (поскольку известна продолжительность рабочего дня). Умножая это число работников на их реальную заработную плату, мы получаем предназначенную им часть общественного продукта: их «необходимое потребление». Прибавочный продукт получается далее в результате вычитания:

общественный продукт (за вычетом восполнения
израсходованных средств производства) —
— необходимое потребление трудящихся = прибавочному
продукту. (1)

Особенность этой постановки по сравнению с маржиналистской — определение доли чистого общественного продукта, отличной от заработной платы как остатка, — находит поэтому свою логическую основу в рассмотрении реальной заработной платы и общественного продукта как величин, которые могут быть определены *до того*, как будет определена доля самого этого прибавочного продукта. Посмотрим вкратце, какая концепция функционирования экономической системы находит свое выражение в такого рода воззрениях.

Начнем с реальной заработной платы. На первый взгляд Кенэ, Смит, Рикардо и Маркс разделяли вроде бы представление о заработной плате как величине, тяготеющей к уровню прожиточного минимума. Если, однако, рассмотреть вопрос более внимательно, то оказывается, что «прожиточный минимум» трудящихся понимается как величина, зависящая от исторических и социальных условий не менее, чем от условий физиологических. Рикардо, например, включал в него «те удобства, которые привычка превращает в абсолютно необходимую потребность»⁴¹. Здесь представляется возможным провести разграничительную линию, с одной стороны, между Кенэ и Рикардо, разделявшими точку зрения на зарплату как величину, определяемую уровнем прожиточного минимума (у Рикардо это был результат влияния на него Мальтузианского принципа роста народонаселения⁴²), а с другой — Адамом Смитом и Марксом, позиция которых по этому вопросу отличалась большей широтой.

Адам Смит, предвосхищая некоторые аспекты Марксова

⁴¹ D. Ricardo. On the Principles of Political Economy and Taxation. — In: The Works and Correspondence of David Ricardo (ed. by P. Sraffa). Приведенная цитата дана по изданию: Milano, Oscar Studio Mondadori, 1979, p. 61.

⁴² То есть принципа, по которому повышение заработной платы относительно обычного уровня прожиточного минимума в конечном счете аннулируется вследствие роста народонаселения.

анализа, открыто признавал, что главная причина, объясняющая тенденцию приближения заработной платы к уровню прожиточного минимума, заключается в большой силе «хозяев» (предпринимателей-капиталистов) на коллективных переговорах с рабочими, проистекающей как из поддержки «хозяев» государством, так и из относительно большей легкости для них образовывать коалиции (причем нередко тайно), из их более высокой способности к сопротивлению в затяжной борьбе, забастовках и т. д. В соответствии с этой, куда более гибкой, чем у Рикардо, позицией Смит утверждал, что быстрый рост экономики может привести к увеличению заработной платы путем создания ситуации нехватки рабочих рук, что вынудит «хозяев» нарушить их тайное соглашение не повышать заработную плату. Смит допускал в то же время, что заработная плата может опускаться и ниже уровня прожиточного минимума в условиях упадка общественных дел⁴³.

Маркс развил эти мысли Смита в циклическую теорию уровня заработной платы, находящегося в зависимости от взаимодействия между реальной заработной платой и масштабами «промышленной резервной армии» безработных. Увеличения реальной заработной платы выше предела прожиточного минимума, добытые в период ускоренного накопления и пониженной безработицы, в дальнейшем сводятся на нет под воздействием технических нововведений и более медленного накопления, которые, будучи обусловлены повышением заработной платы, в конце концов приводят к восстановлению «промышленной резервной армии»⁴⁴.

«Таким образом, обнаруживается, что общим для этих авторов было не столько представление о заработной плате как величине, определяемой уровнем прожиточного минимума, сколько более широкая концепция заработной платы, регулируемой экономическими и социальными факторами, которые позволяют определять ее величину *до* и *независимо* от других частей продукта. Такая разделяемость между определением заработной платы и определением других частей продукта очевидна, когда заработная плата объясняется исключительно в терминах привычного прожиточного минимума, как у Кенэ и Рикардо. Однако такая же разделяемость с ясностью проступает и у Маркса и Смита, которые соглашались с большим воздействием на заработную плату текущих экономических условий. Именно это *separatное* определение заработной платы и объясняет трактовку ее как величины, кото-

⁴³ См.: A. Smith. *Indagine sulla natura e le cause della ricchezza delle nazioni*. Milano, 1973; ristampa in: Milano, 1973, p. 862—863, 67—70.

⁴⁴ См. также ниже, где эта тема связывается с «законом тенденции нормы прибыли к понижению».

рая выступает исходным данным (независимая переменная) для определения других долей общественного продукта»⁴⁵

Если теперь мы обратим внимание на общественный продукт и попытаемся здесь также свести такие разные в других отношениях трактовки этой темы, как трактовки Кенэ, Смита, Мальтуса, Рикардо или Маркса, к их общим базовым элементам, то обнаружим, что *объем* общественного продукта в их представлениях в первооснове своей зависит от двух рядов обстоятельств: 1) достигнутой стадии накопления капитала, регулирующей число занятых производственных работников⁴⁶; 2) технических условий производства, зависящих в свою очередь от достигнутой стадии накопления⁴⁷, которыми определяются физические размеры продукта на одного работника. С другой стороны, *товарная структура* общественного продукта изучалась этими экономистами либо с точки зрения потребностей воспроизводства, либо разбиралась от случая к случаю в соответствии с возникавшей необходимостью.

Здесь, на наш взгляд, важней всего подчеркнуть то обстоятельство, что природа тех факторов, от которых, как указывалось у этих авторов, зависят размеры общественного продукта, делала естественным в их глазах анализ данного вопроса в особом разделе экономической теории, *отделенном* от определения других частей продукта, не являющихся заработной платой. Рассуждая строго логически, это означает, что и общественный продукт выступает как исходное данное или независимая переменная при определении указанных частей.

Можно, таким образом, утверждать, что теориями прибавочного продукта описывается некое «ядро», отделенное от остального анализа тем, что заработная плата, общественный продукт и технические условия производства выступают здесь как уже детерминированные факторы. В этом «ядре» мы находим определение частей продукта, не являющихся заработной платой, как разницы между данным (чистым) общественным продуктом и «необходимым потреблением» трудящихся, которое также выступает как уже данное. Подобное определение, как уже говорилось, не представляло бы собой непреодолимо трудной задачи, если бы речь шла лишь о выполнении этой операции в физических величинах. Проблемы воз-

⁴⁵ P. Garegnani. Marx e gli economisti classici. Torino, 1981, p. 12.

⁴⁶ См. также ниже с. 448—452.

⁴⁷ Многие чрезвычайно интересные мысли, высказанные авторами-классиками по поводу такой зависимости, не получили развития на протяжении последующего столетия, потому что теоретики-маржиналисты находят более естественным трактовать технический прогресс как фактор, экзогенный по отношению к развитию экономики. Достаточно вспомнить известные замечания Адама Смита о зависимости распространения разделения труда от расширения рынка или высказывания Маркса о кризисах как стимуле к внедрению технических новшеств.

никают постольку, поскольку для определения *нормы прибыли* такого измерения в физических терминах недостаточно. Как мы вскоре убедимся, составные части продукта оказывается необходимо измерять в стоимостных единицах. Таким образом, проблема определения меновых отношений оказывается неотъемлемым компонентом «ядра», более того — на деле составляет в нем центральную проблему, решение которой выступает в качестве предварительного условия, делающего возможным определение нормы прибыли.

Для простоты мы и здесь оставляем в стороне существование ренты. Для этого мы прибегаем к гипотезе, по которой земля имеется в неограниченном количестве, ничего не стоит (в качестве альтернативной гипотезы мы могли бы предположить, как это делают Рикардо или Маркс, что рента может быть определена до того, как будут определены прибыли). В этом случае прибавочный продукт (за вычетом ренты при альтернативной гипотезе) и прибыли, совпадают.

Однако определение прибылей как совокупности товаров недостаточно для определения средней *нормы прибыли*, потому что эта норма представляет собой отношение между *стоимостью* совокупных прибылей и *стоимостью* совокупного авансированного капитала. Чтобы получить стоимость этих агрегированных величин, нужно умножить массу каждого входящего в их состав товара на его цену; следовательно, для определения нормы прибыли необходимо иметь также теорию относительных цен⁴⁸, или меновых стоимостей.

Само собой разумеется, что внутри «ядра», помимо упомянутой проблемы, находится также анализ того, как *изменения* реальной заработной платы, общественного продукта или технических условий производства — то есть независимые переменные — влекут за собой изменения массы и нормы прибыли, а также относительной стоимости товаров, то есть зависимых переменных.

Проведение подобного различия между независимыми и зависимыми переменными внутри «ядра» теории вовсе не исключает из теории в целом изучения, например, того, как заработная плата влияет на общественный продукт и наоборот или как технические условия производства влияют и на то и на другое и т. д. Оно лишь предполагает, что эти взаимодействия — во всем их многообразии и изменчивости в соот-

⁴⁸ Поскольку норма прибыли есть отношение между двумя суммами стоимостей, простое изменение всех цен и выраженной в деньгах заработной платы в одной и той же пропорции не привело бы к его изменению, потому что числитель и знаменатель изменились бы в одинаковой пропорции. Поэтому для определения нормы прибыли важны только меновые *отношения*, в особенности — отношения между продуктом и заработной платой, а вовсе не *уровень* цен и заработной платы, выраженной в деньгах. Важна, иными словами, *реальная* заработная плата (то есть измеряемая в единицах продукта), а не денежная.

ветствии с обстоятельствами — должны изучаться в других частях теории в широком смысле слова, за границами ее «ядра»: вместе со всеми другими обстоятельствами, которые определяют заработную плату, общественный продукт или технические условия.

Наступление маржиналистской теории повлекло за собой забвение той фундаментальной аналитической проблемы — до тех пор, пока Зраффа не извлек ее снова на свет в своем «Введении» к «Принципам» Рикардо, — которая была поставлена в теориях прибавочного продукта, но не нашла удовлетворительного решения даже у Маркса (который, впрочем, вплотную подошел к нему). Необходимо было, как мы видели, определить нормы прибыли как отношение между двумя агрегированными данными (прибылями и авансированным капиталом), измеряемыми в стоимостных единицах. Трудность здесь возникает в связи с тем, что такое измерение требует заблаговременного знания меновых стоимостей, или «естественных цен» товаров, между тем как в определении этих последних с необходимостью участвует та самая норма прибыли, которую как раз требуется определить. Возникает, таким образом, опасность замкнутого круга.

Посмотрим, как эта проблема представлялась Рикардо. До него не было никаких существенных достижений в ее трактовке после Адама Смита. Смит, со своей стороны, предлагал — в частности, для преодоления трудностей, связанных с колебаниями покупательной способности денег — «реальную» единицу стоимости в виде «затребованного труда», представляющего собой количество работы, которое может быть приобретено за определенный товар (например, если 1 кг хлеба стоит 500 лир, а час труда оплачивается в среднем по 2000 лир, то «реальная стоимость» килограмма хлеба будет составлять 0,25 рабочего часа; в самом деле, в качестве единицы измерения меновых стоимостей избирается стоимость товаров, приобретаемых на среднюю норму заработной платы). Такая мера, однако, была сопряжена с трудностями при определении нормы прибыли, и этими трудностями мы должны будем сейчас заняться.

В силу унаследованной от Адама Смита ошибки (которую исправит Маркс) Рикардо определял норму прибыли r так, словно весь общественный капитал состоит лишь из заработной платы, авансированной в начале годового производственного цикла. Обозначив чистый общественный продукт P , а необходимое потребление трудящихся — N , мы имеем в этом случае:

$$r = (P - N) / N \quad (2)$$

Чтобы решить это уравнение, необходимо, следовательно, знать P и N . Если мы будем измерять эти две совокупности

в терминах «затребованного труда», то обнаружим, что, выяснив размеры общественного продукта в физических единицах, мы по-прежнему не знаем его размеров в единицах стоимости. Предположим, например, некую экономику с 3 миллионами трудящихся (пользующихся, допустим, настолько простыми средствами производства, что их стоимостью можно пренебречь). Годовое необходимое потребление в этом случае «приобретет» 3 миллиона рабочих человеко-лет, а его стоимость будет равняться $N=3$ млн. Но «естественная стоимость» общественного продукта⁴⁹ будет равна этой сумме заработной платы (необходимому потреблению) плюс прибыль на нее при годовой норме прибыли $r \cdot P$, таким образом, будет равно 3,3 млн., если $r=10\%$; но то же P будет равно уже 6 млн., если $r=100\%$, даже если общественный продукт будет оставаться тем же самым в физических единицах. Может показаться, следовательно, что мы ходим по кругу, если хотим в соответствии с принципом прибавочного продукта определить размеры прибыли как разницу между двумя величинами на основе уравнений (1) и (2).

В самом деле, для того, по-видимому, необходимо знать величину общественного продукта, но эта величина не может быть известна, пока не известны те прибыли, или та норма прибыли, которые как раз и должны быть определены.

Эта опасность хождения по кругу более конкретно означает, что — в том случае, когда общественный продукт и необходимое потребление берутся в единицах стоимости и стоимость эта измеряется по способу Смита, — утрачивает свою зримость тот ограничитель, который выглядел столь очевидным, пока можно было измерять продукт в физических единицах: ограничитель, состоящий в том, что один класс не может получить большей доли продукта, не вызывая тем самым уменьшения доли, получаемой другим классом. Речь идет о том ограничителе, который Маркс позже назовет «сокровенной связью» буржуазных экономических отношений, выделяя в особенности тот факт, что *«заработная плата и прибыль находятся в обратном отношении друг к другу»* — свидетельство того, что *«интересы капитала и интересы наемного труда диаметрально противоположны»*⁵⁰.

Если это обстоятельство затемняется, то возникает та иллюзия, или «кажущаяся связь», в силу которой цены якобы способны вызвать рост заработной платы без уменьшения нормы прибыли. В самом деле, предположим, что реальная заработная плата возрастает: N не изменится, причем не

⁴⁹ То есть стоимость общественного продукта в том случае, если составляющие его товары оцениваются по их естественным ценам, равным в данном случае авансированной заработной плате плюс прибыль на нее, рассчитанная по ее естественной норме.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 449, 450.

только кажущимся образом, так как P (измеряемое в единицах затребованного труда) не может оставаться неизменным, обеспечивая тем самым неизменность r , либо даже увеличиться, увеличивая тем самым и r .

Сам Смит зачастую терял из вида этот ограничитель и, по словам Маркса, рассматривал заработную плату и норму прибыли как величины, определяемые «самостоятельным образом», то есть одна независимо от другой⁵¹. И хотя Рикардо в дальнейшем выявил этот ограничитель, а с ним и основу антагонизма между заработной платой и прибылью, за этот пробел в анализе Смита продолжали и после Рикардо цепляться те экономисты, которых Маркс называл «вульгарными» за их потуги отрицать существование конфликта между капиталом и наемным трудом⁵².

Идя вначале вслед за Смитом, Рикардо тем не менее пришел к выявлению указанного ограничителя. За недостатком места мы вынуждены здесь ограничиться доводами Рикардо в том виде, как они изложены в его «Принципах». Смит утверждал, что товары имеют тенденцию обмениваться друг на друга в соотношениях, продиктованных количеством труда, содержащимся в каждом из них, только при некоем «первобытном состоянии», когда для производства товаров не требуется ничего, кроме труда, и не существует прибылей. Рикардо возражает ему, что само по себе существование положительной нормы прибыли не является препятствием к тому, чтобы товары могли обмениваться в соответствии с количествами труда, содержащимися в каждом из них.

Предположим, в самом деле, что пропорции между заработной платой и прибылью в естественной цене⁵³ являются

⁵¹ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II.

⁵² См. иронические слова, адресованные Марксом этим экономистам: «И если иной раз при этом дело доходит до драки, то все же в конце концов в виде конечного результата этой конкуренции между землей, капиталом и трудом получается так, что в ходе своих споров о дележе они настолько увеличили благодаря своему соперничеству стоимость продукта, что каждому достается более крупный кусок, так что сама их конкуренция оказывается лишь подстегивающим всех агентов производства выражением их гармонии». *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, с. 529—530.

⁵³ Естественная цена товара включает в себя прибыль и заработную плату при их естественной норме, а также естественную цену использованных средств производства. Эта последняя в свою очередь может быть разложена на прибыль, заработную плату и расходы на средства производства, обусловившие естественную цену использованных средств производства. Восходя таким образом все дальше к истоку рассуждения, можно в конечном счете разложить цену определенного товара исключительно на прибыль и заработную плату, сведя к ничтожно малой величине остаточные размеры израсходованных средств производства (которые, однако, обычно так и не удается окончательно приравнять к нулю). При этом общая сумма заработной платы будет пропорциональна общему объему труда, который был затребован — прямо или косвенно — для производства данного товара и который может быть установлен с помощью аналитической процедуры восхождения ко все более ранним ступеням.

одинаковыми для всех товаров (какими они как раз и были бы в том гипотетическом случае, если бы капитал состоял из одной лишь заработной платы, авансированной в начале годового производственного цикла). Соотношение между естественными ценами двух разных товаров в этом случае будет равно соотношению между теми долями этих цен, которые соответствуют расходам на заработную плату, а следовательно — количествами труда, содержащимися в этих двух товарах (которым пропорциональны размеры выплаченной заработной платы).

В описанном случае увеличение реальной заработной платы не может не уменьшать норму прибыли. В самом деле, по той же причине, по какой два любых товара обмениваются в соответствии с содержащимся в них трудом, соотношение между стоимостями двух совокупностей любых товаров (иначе говоря, стоимостями двух многосоставных товаров) — либо суммами или разностями таких стоимостей — будет равно соотношению между соответствующими количествами содержащегося в них труда. Поэтому в уравнении (2) P и N могут быть приняты за показатели количеств труда, содержащегося в общественном продукте и необходимом потреблении⁵⁴ P и N становятся, таким образом, известными величинами, и уравнение (2) позволяет определить r без риска оказаться в положении ходящих по замкнутому кругу. Очевидным тогда становится и то обстоятельство, что если в результате увеличения заработной платы труд, содержащийся в товарах, потребляемых трудящимися, увеличивается, то r должно уменьшиться⁵⁵

Таким образом, по крайней мере в том случае, когда товары обмениваются в соответствии с содержащимся в них трудом, существование обратной зависимости между заработной платой и прибылями не может быть поставлено под сомнение. Что касается Рикардо, то он знал, что обычно меновые соотношения не являются независимыми от уровня r и не соответствуют соотношению между содержащимися в товарах количествами труда (см. ниже). Он сознавал, что в этом случае не в состоянии определить их, но был убежден, что это не изменяет вышеуказанного результата, поскольку — как он полагал — отклонения меновых отношений от соотношений по содержащемуся труду невелики, и что, кроме того, при увеличении r должны были бы увеличиваться в цене относительно средней те товары, в цене которых в боль-

⁵⁴ Это было бы все равно, как если бы мы соотнесли цены всех товаров с ценой товара, содержащего одну единицу труда.

⁵⁵ В нашем примере, если годовая зарплата работника содержит 0,5 рабочих человеко-лет, то $P=3$ млн., $N=1,5$ млн. и, следовательно, $r=100\%$; если же, однако, зарплата увеличится до $\frac{2}{3}$ человеко-года, то $P=2$ млн., а r упадет до 50% .

шей пропорции содержатся прибыли, и уменьшаться в цене те товары, на цену которых в большей мере оказывает влияние заработная плата. В том случае, если бы в качестве единицы измерения стоимости был избран товар, в цене которого удельный вес заработной платы и прибыли в известном смысле равен некоей средней, эти колебания взаимно компенсировались бы в совокупности. Данная аргументация — в том развитом и уточненном виде, о котором будет сказано ниже, — в основе своей будет принята и Марксом.

Маркс развивает рикардовский анализ «сокровенной связи буржуазных экономических отношений» с помощью того же инструмента, который сделал этот анализ возможным для Рикардо: трудовой теории стоимости. Первый шаг Маркса вперед по сравнению с Рикардо состоит в расчленении капитала на постоянный капитал и переменный капитал, устраняющем фактическое отождествление у Рикардо общественно-го капитала и заработной платы. Предположим, что постоянный капитал целиком состоит из оборотного капитала, то есть включает в себя лишь стоимость средств производства, израсходованных в ходе годового производственного цикла. Уравнение (2) в этом случае будет заменено уравнением

$$r = S/(C + V), \quad (3)$$

где «постоянный капитал» C — труд, содержащийся в средствах производства, — выступает наряду с «переменным капиталом» V (идентичным N у Рикардо) и «прибавочной стоимостью» S , то есть трудом, содержащимся в «прибавочном продукте». Обоснование этого уравнения, с помощью которого Маркс устанавливает норму прибыли и для общего случая, когда товары обмениваются не в соответствии с содержащимся в них трудом, заключено в его теории «цен производства», представляющей собой еще одно достижение Маркса по сравнению с Рикардо, еще один шаг вперед, вплотную приблизивший его к разрешению проблемы.

Маркс отталкивается от уравнений, определяющих цены, пропорциональные труду, содержащемуся в соответствующих товарах. Например, при экономике, где выпускаются лишь два вида товаров — хлеб и сталь — и где действуют гипотетические предприятия, производящие одну-единственную единицу продукта, мы будем иметь:

$$\begin{aligned} p_x &= c_x + v_x + s_x \\ p_c &= c_c + v_c + s_c, \end{aligned} \quad (4)$$

где даны постоянные капиталы c_x , c_c и переменные капиталы v_x , v_c , а также прямой труд («живой труд») $l_x = v_x + s_x$, $l_c = v_c + s_c$. Поскольку заработная плата (а следовательно, и

переменный капитал) за час труда является единообразной⁵⁶, то и «норма эксплуатации» единообразна, то есть $s_x/v_x = s_c/v_c$; но это означает, что норма прибыли в производстве хлеба выраженная $s_x(c_x + v_x)$, окажется равной норме прибыли в производстве стали — $s_c(c_c + v_c)$, только если $c_x/v_x = c_c/v_c$ (то есть при одинаковом «органическом строении капитала», по терминологии Маркса), что обычно не соответствует действительности. Следовательно, цены, определяемые уравнениями типа (4), как правило, не являются теми ценами, к которым конкуренция между капиталистами составляет тяготеть рыночные цены, потому что они не удовлетворяют условию единообразия нормы прибыли.

Идея, которой руководствуется Маркс при определении «цен производства», то есть меновых отношений, удовлетворяющих этому условию, заключается в том, что отклонение указанных меновых отношений от отношений между содержащимися в товарах количествами труда («стоимостями») играет роль фактора, перераспределяющего общественную прибавочную стоимость s между разными отраслями промышленности, отличающимися разным «органическим строением» капитала c/v . Поскольку речь идет о чисто межотраслевом перераспределении внутри промышленности, Маркс полагал, что общая норма прибыли остается при этом той, которую дает уравнение (3), как если бы товары действитель-

⁵⁶ Здесь следует напомнить, что для сведения к однородному труду Марксу (а до него Смит и Рикардо) достаточно было принять за данные отношения между нормами заработной платы за труд разного качества, соотношенные с избранной единицей времени. Например, если мы решили соотносить заработную плату с рабочим часом и при этом часовая заработная плата за труд В вдвое больше соответствующей платы за труд А, то час «сложного» труда В должен рассматриваться как равноценный двум часам «простого» труда А (см.: F. Petri. Sul Marx di Lippi. — "Note economiche", 1982, № 1, sez. 4; см. также: P. Garegnani. Marx e gli economisti classici. Torino, 1981, p. 9, nota 2; см. также примечание 10 в разделе 4). Следовательно, разная продолжительность рабочего дня разных трудящихся при данных условиях не отражается — как можно было бы предположить — на размерах нормы прибавочной стоимости, варьирующихся от трудящегося к трудящемуся. Но тогда разная продолжительность рабочего времени либо не затрагивает единообразия заработной платы за принятой единицу рабочего времени (а значит, и норму прибавочной стоимости), либо влечет за собой разную заработную плату за единицу рабочего времени, и в этом случае различие исчезает в ходе сведения таких работ к однородному труду. Так, например, равная часовая заработная плата за труд А, осуществляемый в течение 8 часов в день, и труд В, осуществляемый лишь 6 часов в день (из чего явствует, что оба этих труда будут считаться однородными, если за единицу измерения труда будет принят рабочий час), предполагает, что если за единицу измерения труда будет принят рабочий день, то труд А будет равноценен $\frac{8}{6}$ «простого» труда В, то есть предполагает, что рабочий день А равен $\frac{8}{6}$ «простого» рабочего дня В с тем результатом, что норма прибавочной стоимости будет одной и той же в обоих случаях при условии, что заработная плата будет одна и та же за принятую единицу рабочего времени.

но обменивались в соответствии с содержащимся в них трудом⁵⁷. Что же касается «цен производства» товаров, то их можно вывести путем применения данной нормы прибыли к капиталу, вложенному в их производство. Напримёр, при экономике, производящей только хлеб и сталь, мы получим уравнения:

$$\begin{aligned} p_x &= (I+r) (c_x + v_x) \\ p_c &= (I+r) (c_c + v_c), \end{aligned} \quad (5)$$

которые, поскольку r уже выведено из уравнения (3), достаточны для определения цен производства p_x и p_c обоих этих товаров⁵⁸. В этом состоит знаменитое «превращение» «стоимостей» в цены производства.

б) Аналитические достижения

Маркс сам заметил, что эти уравнения страдают недостатками, поскольку переменные и постоянные капиталы должны быть выражены в них в терминах цен производства, а не содержащегося труда⁵⁹. Он не заметил, однако, что при таком положении дел норма прибыли, как правило, уже не может определяться уравнением (3). В самом деле, если товары, как правило, не обмениваются в соответствии с содержащимся в них трудом, то нет оснований полагать, что такой обмен будет иметь место применительно к двум особым многосоставным товарам — прибавочному продукту и общественному капиталу, — соотношение которых и определяет норму прибыли.

Но как же тогда выяснить величину нормы прибыли и цен производства? Нужно всего-навсего произвести поправку, необходимость которой предусматривал сам Маркс (ни разу, впрочем, не проделавший такой операции), а именно выразить переменные и постоянные капиталы в ценах произ-

⁵⁷ Здесь различимо влияние на Маркса идеи неизменности совокупности, подразумеваемой в тезисе Рикардо о «взаимной компенсации» отклонений «цен» от «стоимостей», как их назовет позже Маркс.

⁵⁸ Уже в этих двух уравнениях можно уловить, почему p_x/p_c не может оставаться неизменным при изменении r . Такое изменение неизбежно было бы связано с изменением заработной платы, то есть v_x и v_c , которая изменилась бы в той же пропорции, но повлекла бы за собой изменение $c_x + v_x$ в иной пропорции, нежели $c_c + v_c$, если только органическое строение капитала не является одинаковым в производстве этих двух товаров.

⁵⁹ «Рассуждения, развитые выше, несомненно модифицируют определение издержек производства товаров... Так как цена производства товара может отклоняться от его стоимости, то и издержки производства товара, в которые включена эта цена производства другого товара, могут быть выше или ниже той части всей его стоимости, которая образуется стоимостью входящих в него средств производства». *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, с. 179—180.

водства. В нашем простом примере, то есть при предположении, что переменный капитал состоит из хлеба (зерна), а постоянный — из стали и что, помимо того, цены p_x и p_c соотносятся с количествами, содержащими рабочий человеко-год, мы получаем:

$$\begin{aligned} p_x &= (1+r) (c_x p_c + v_x p_x) \\ p_c &= (1+r) (c_c p_c + v_c p_x). \end{aligned} \quad (6)$$

Достаточно разделить оба эти уравнения на p_x , чтобы убедиться, что они содержат лишь два неизвестных: относительную цену p_x/p_c и норму прибыли r . Этих уравнений, следовательно, достаточно для определения *как* относительных цен, *так* и нормы прибыли. Напротив, они стали бы противоречивыми, если бы r было принято нами за уже известную величину, определенную уравнением (3), ошибочность которого, таким образом, получает подтверждение. Поэтому нам уже не нужны количества труда, содержащиеся в товаре, для решения уравнения (3); к тому же, если вдуматься, количества труда, фигурирующие в уравнении (6), выполняют лишь роль измерителя физических количеств данного конкретного товара и потому могли бы быть заменены физическими количествами указанного товара. Именно это и делает Зраффа в своей работе «Производство товаров посредством товаров»⁶⁰

Таким образом, корректное определение меновых отношений действительно демонстрирует наличие ошибки в определении нормы прибыли у Маркса и показывает, кроме того, ненужность сопоставлений по содержащемуся труду, которые рассматривались Марксом как существенно необходимые для определения нормы прибыли. Но оно подтверждает вместе с тем сущностные аспекты теории стоимости и нормы прибыли Маркса (и Рикардо), открывая в то же время путь к крупным успехам на пути аналитического применения этой теории.

Во-первых, оказывается подтвержденным, что, как полагали Маркс и Рикардо, норма прибыли поддается определению, когда даны: 1) реальная заработная плата; 2) технические условия производства, а также, там, где эти последние зависят от количеств произведенной продукции, общественный продукт: иными словами, когда имеются те же данные, которые служат для определения прибавочного продукта как совокупности физических количеств⁶¹.

⁶⁰ Эта возможность была отмечена также в: *F. Seton. The Transformation Problem.* — "Review of Economic Studies", June 1957 (trad. it. in: *P. M. Sweezy. La teoria dello sviluppo capitalistico.* Torino, 1970).

⁶¹ Как показывают уравнения типа (6), тенденция к единообразию нормы прибыли, выведенная на основании указанных данных, достаточна для определения нормы прибыли одновременно с относительными ценами,

Во-вторых, анализ характеристик систем уравнений, простейшим случаем которых выступают уравнения (6), определяющих r и цены, подтверждает — в плане самой широкой гипотезы — центральный результат, полученный Рикардо и Марксом с помощью трудовой теории стоимости, а именно: наличие обратной связи между нормой прибыли и реальной заработной платой, в силу чего если одна из них увеличивается, то другая должна уменьшаться⁶²

Подтвержденным оказывается и проделанный Марксом анализ — столь важный для понимания борьбы трудящихся и политики рабочего движения — воздействия, оказываемого на прибыль изменениями продолжительности либо интенсивности рабочего дня при неизменной заработной плате: увеличение «нормы эксплуатации», обусловленное продлением рабочего дня либо усилением темпов труда, всегда влечет за собой увеличение нормы прибыли⁶³

в) Отличия от маржиналистских теорий

Теперь мы можем выявить радикальное отличие этой постановки от маржиналистской, изложенной в предыдущем разделе.

Различительная грань, с которой целесообразно начинать такое выявление, заключается в тех *данных*, которые принимаются за исходные при определении нормы прибыли. В маржиналистских теориях реальная заработная плата и общественный продукт *не* фигурируют в числе таких данных: их место занимают количества производительных факторов, которыми располагает данная экономика, и вкусы потребителей. Причину такого отличия не трудно уловить. Как указывалось выше, это те данные, сочетание которых с данными о техни-

⁶² Некоторые исключения из этого правила могут иметь место, только когда допускается возможность совмещенного производства (зерна и соломы, бензина и минеральных масел и т. п.), и единица измерения выбирается определенным образом. Последствия подобных исключений изучены пока не до конца, точно так же как другие проблемы, порождаемые совмещенным производством при определении производственных методов, которые навязываются конкуренцией в том случае, когда имеется возможность выбирать между несколькими методами (см. ниже).

⁶³ В самом деле, в общем оказывается возможным подтвердить тезис Маркса о том, что норма прибыли зависит от нормы эксплуатации и органического строения капитала при условии, что указанное органическое строение: 1) соотносено не со всей экономикой в целом, а только с теми отраслями, которые прямо или косвенно способствуют производству средств потребления и которые взяты в той же пропорции, в какой средства потребления (в чистом виде) входят в чистый общественный продукт в физическом выражении; 2) понимается не как некая единая величина, но как совокупность величин, выражающих «периоды времени», вытекающие из сведения к «зафиксированным по времени количествам труда» упомянутых средств потребления. См.: *P. Garegnani. Marx e gli economisti classici*, p. 47.

ческих условиях необходимо для определения — как это предполагается в маржиналистских теориях — нормы заработной платы (а следовательно, и нормы прибыли) в терминах относительного спроса и предложения двух соответствующих производительных факторов.

Заработная плата поэтому уже не фигурирует в числе данных для определения нормы прибыли. Кроме того, сам механизм, выбранный для определения заработной платы и прибылей, предполагает, что распределение, а вместе с ним и относительные цены товаров, может определяться лишь одновременно с объемом и составом общественного продукта, которые, как мы видели выше, в любом случае будут достаточны для обеспечения полной занятости всех предложенных на рынке производительных факторов.

Таким образом, в маржиналистских теориях определение цен и доходов, не являющихся заработной платой, образует не ограниченное теоретическое «ядро», каким оно является в теориях прибавочного продукта, а охватывает почти всю сферу экономической теории, поскольку оно выступает по необходимости как одновременное с определением заработной платы и общественного продукта. Контраст выглядит особенно четким при подразделении анализа на отдельные логические стадии, что характерно для теорий прибавочного продукта.

Указанные различия в данных вытекают из основополагающего различия, заключающегося в том, что в маржиналистских теориях присутствуют описанные выше положения, постулирующие «взаимную замену» производительных факторов при изменении их относительных норм вознаграждения; положения, служащие предпосылками для построения нисходящих кривых спроса на «производительные факторы». Подобных постулатов нет в классической теории, в силу чего в ней отсутствует само понятие кривых спроса на факторы. Это различие позволяет лучше увидеть разницу в объяснении заработной платы каждой из двух теорий.

В самом деле, экономист-маржиналист вовсе не исключает возможности того, что размеры заработной платы окажутся установленными до того, как будет определена норма прибыли, «отношением сил между классами», например в виде коллективно-договорной практики профсоюзов в ситуации двусторонней монополии на рынке труда. Но он сделает из этого вывод, что примененное количество труда в этом случае уже не должно обязательно совпадать с предложенным количеством труда, поскольку первое из этих двух количеств обусловлено необходимостью того, чтобы предельная производительность труда не опускалась ниже данного уровня реальной заработной платы. Скажем, установленному уровню заработной платы соответствует некий ограниченный спрос

на рабочие руки; однако конкуренция между трудящимися почти неизбежно приводит к понижению уровня оплаты труда, следствием чего должна быть полная занятость. Из этого рассуждения вытекает тезис, зачастую повторяемый экономистами, о том, что вина за безработицу (если только речь идет не о функциональной безработице, связанной с межотраслевыми и межпрофессиональными перемещениями рабочей силы) лежит на профсоюзах, то есть в конечном счете на самих трудящихся.

В общем, в маржиналистской теории определение заработной платы *прежде*, чем нормы прибыли, *мешает* функционированию механизма конкуренции, который, как утверждается, и сам в состоянии устанавливать размеры заработной платы⁶⁴. При классической же постановке такое предварительное определение⁶⁵ является *необходимостью* и рассматривается как составная часть экономической системы, основывающейся на свободной конкуренции. Главное же в классической теории то, что наличие, например, более высокой реальной заработной платы само по себе вовсе не ведет к более низкому уровню занятости в силу закономерно действующего процесса замены труда капиталом. На этом уровне общего теоретического рассуждения вопрос остается открытым: воздействие указанной закономерности на занятость может быть негативным, но может быть и позитивным (например, в том упомянутом у Маркса случае, когда на пути продажи, или «реализации», продукта оказывается меньше препятствий), причем как в данной ситуации, так и в перспективе долговременной эволюции — в виде результата процесса накопления. При этом направленность данного результата может зависеть среди всего прочего и от размеров наблюдаемого увеличения реальной заработной платы.

Из этих аналитических различий вытекают радикальные различия и во взгляде на силы, регулирующие распределение продукта в капиталистическом обществе, а следовательно, и радикальные различия во взглядах на природу этого общества. Для того чтобы уловить некоторые важные элементы этих различий, следует задаться двумя вопросами:

1) давнишним вопросом о так называемом «происхождении», или «источнике», прибыли;

2) вопросом о природе сил («общественных» или «естественных»), регулирующих распределение дохода.

⁶⁴ Следует заметить, что, во всяком случае, общественный продукт определяется одновременно с нормой прибыли (процентами), обуславливающей форму кривой предельной продуктивности капитала, поскольку и общественный продукт и норма прибыли зависят от количества затраченного труда.

⁶⁵ Или же, как указал Зраффа, предварительное установление нормы прибыли административными решениями финансовых властей о мерах контроля над нормой банковского процента. См. ниже, с. 455.

В теориях прибавочного продукта внутренне подразумевающийся ответ на вопрос «Каково происхождение прибылей?» звучит так: прибыли имеют источником то обстоятельство, что трудящимся достается меньше того, что производится (то есть меньше, чем весь чистый общественный продукт). Но почему? В основном потому, что трудящимся — в силу способа организации общества, то есть того обстоятельства, что трудящиеся не являются собственниками средств производства, — не позволено присваивать весь продукт целиком. Или, с иной точки зрения, прибыли являются позитивными потому, что трудящиеся вынуждены в силу зависимости от капиталистов, которым они ради выживания продают свою рабочую силу, работать больше, чем нужно для производства того, что они в действительности получают. Неудивительно поэтому, что подобная теоретическая структура еще до Маркса сделалась основой для тех обвинений в адрес капитализма, которые Маркс окончательно облек в следующие выражения: при кажущемся формальном (юридическом) равенстве при капитализме действует неравенство по существу, ведущее к тому, что трудящиеся подвергаются *эксплуатации*; у них отнимается труд, то есть дополнительный, или «неоплаченный», продукт; отнимается в том самом смысле, в каком, как ныне считается почти общепризнанным, феодальные владельцы «эксплуатировали» своих крепостных, отнимая у них их труд (продукт). При феодализме, однако, это было *очевидным*; при капитализме же завеса стоимостей, а также кажущиеся равенство и свобода сторон, заключающих между собой трудовой договор, делают более трудноразличимой эту действительность.

В маржиналистских теориях на вопрос о происхождении прибыли дается совершенно иной ответ. Разумеется, маржиналист не станет отрицать, что трудящимся достается не весь чистый продукт, но скажет при этом, что называть это «эксплуатацией» — значит останавливаться у поверхности явлений. В самом деле, рассмотрим, что представляет собой — с маржиналистской точки зрения — прибыль, предназначенная владельцу некоей единицы капитала. То, что он получает, не отнимает равным счетом ничего у трудящихся, поскольку это полученное владельцем в точности равно тому, что принадлежащая ему единица капитала прибавляет к общественному продукту. Его прибыль, иначе говоря, равна предельному продукту капитала (см. выше), а следовательно — в данном специфическом смысле, — вкладу, этого капитала в производство, а следовательно, в богатство общества, благосостояние потребителей. То же самое относится к единице любого другого производительного фактора; «цены»

факторов, таким образом, в точности таковы: чтобы каждый из них мог быть компенсирован за свой вклад.

Конечно, продолжил бы свое рассуждение маржиналист, вклад данной единицы капитала может оказаться равным нулю (в том случае, если бы не ощущалось *нехватки* в капитале, то есть наличествовало бы такое изобилие капиталов, что их предельная продуктивность была равна нулю); если этого не происходит, то обусловлено это тем, что количество имеющегося в каждый данный момент капитала зависит от самоограничения в прошлом тех, кто отказался от потребления части собственного дохода в целях сбережения, то есть получения того будущего дохода, который сможет быть получен путем употребления капитала — продукта действия производительных факторов, оставшихся свободными в результате отказа от потребления⁶⁶ (Отметим здесь смысловой акцент, содержащийся в маржиналистских выводах, по которым система всегда тяготеет к полному использованию всех факторов: эти выводы обуславливают тезис о том, что, с точки зрения общества — в не меньшей степени, чем с точки зрения индивида, — большее накопление капитала требует сокращения потребления.) Но потребители обнаруживают все меньшую склонность к жертвам, связанным с отказом от немедленного потребления, по мере того как компенсация за такой отказ, то есть норма процента на сбережения (вложенные в приобретение капитальных благ или одолженные тем, кто вложит их таким образом), уменьшается с возникновением все большего изобилия капитала и, следовательно, уменьшается его предельная продуктивность. Очевидно, что в силу самого характера выбора между большим потреблением сегодня или в будущем, для того, чтобы побудить потребителей к образованию чистых сбережений, необходимо, чтобы норма процента была позитивной, а это и препятствует предельной продуктивности капитала сравняться с нулем.

Так с помощью этого сложного рассуждения маржиналистская теория приходит к утверждению, что капитал получает позитивное вознаграждение в силу того, что его не хватает, что в свою очередь обусловлено тем, что производство капитала сопряжено с жертвами. Неизбежный вывод в этом случае гласит, что справедливо, чтобы «производители» ка-

⁶⁶ «Накопление капитала заключается в решении тех, кто осуществляет такое накопление, воздержаться от потребления части своего дохода в ближайшем будущем. Вследствие уменьшения или прекращения спроса этих лиц на потребительские блага, труд и земля, которые были бы необходимы для производства указанных благ, остаются свободными для создания постоянного капитала в целях будущего производства и будущего потребления и используются в такого рода целях предпринимателями с помощью денег, которые благодаря накоплениям оказываются в их распоряжении» (K. Wicksell. *Lezioni di economia politica*. Torino, 1966, p. 450—451).

питала (то есть те, кто осуществляет сбережения) вознаграждались за их вклад (в виде жертвы самоограничения) в дело приумножения общественного богатства нормой процента, равной при равновесии факторов росту чистого продукта, ставшему возможным в результате самоограничения, позволившего создать дополнительную единицу капитала. Таким же образом, каким заработная плата компенсирует определенную жертву (тяготы труда), норма процента компенсирует жертву иного рода, причем в обоих случаях компенсация равна вкладу, внесенному тем, кто идет на жертву, в рост общественного богатства, а стало быть, и благосостояния. Не менее совершенной выглядит симметрия в распределении «производительных факторов», от *кооперации* которых, по маржиналистской теории, происходит образование общественного продукта. То, что часть этого продукта достается труду, а другая часть — капиталу, выглядит, по этой логике, столь же естественно, как и то, что плод коллективных усилий делится между участниками в пропорции, равной соотношению между вкладами каждого из них. Объяснение прибылей в терминах «эксплуатации» в этом случае действительно выглядит обманчивым, представляется результатом, как уже говорилось, «поверхностного» взгляда, игнорирующего отношения между размерами компенсации и «предельной продуктивностью» и связанную с этими отношениями симметрию ролей и «кооперации» производительных «факторов» в процессе углубленного и систематического анализа фактов производства и распределения.

Дойдя до этого пункта, мы можем отметить, что маржиналистская теория дает основания для выводов в защиту существующего строя. Если принять эту теорию за верную, то следует заключить, что те, кто усматривает в основе этого строя эксплуатацию труда, на самом деле игнорируют результаты глубокого и систематического объяснения фактов распределения. Мало того, капитализм, по этой теории, является *эффективным* строем, ибо ведет к полному использованию ресурсов (при том условии, чтобы капиталистической системе предоставили возможность функционировать) и структуре производства, отражающей вкусы потребителей. Из этой теории, наконец, вытекает, что требовать прибавки к заработной плате вредно — это, как утверждается, порождает лишь безработицу для других трудящихся и сокращение совокупного производства.

Таким образом, контраст с выводами из теорий прибавочного продукта, который мы здесь попытались схематически изложить, оказывается предельно резким. В этих теориях за прибылями кроется эксплуатация; не существует никакого автоматического рыночного механизма, который бы стремился к устранению безработицы, и даже напротив: эта послед-

няя — по крайней мере в теории Маркса — необходима капитализму для удержания рабочего класса в состоянии слабости; увеличение заработной платы просто приводит к сокращению прибылей, что же касается его дальнейших последствий для занятости, то как масштабы, так и направленность этих последствий будут зависеть от тех обстоятельств, при которых удалось добиться указанного повышения зарплаты.

Этот контраст, на наш взгляд, позволяет лучше понять и мотивы, по которым теории, исходящие из идеи прибавочного продукта, были отброшены после смерти Рикардо перед наступлением рабочего движения, и быстрое признание маржиналистских теорий в кругах интеллигенции, враждебных рабочему движению, и усилия, приложенные почти что всеми маржиналистами, с целью опровержения социалистических учений вообще и учения Маркса в особенности. В этой связи мы можем попытаться сформулировать подозрение — причем здесь более четко обрисовывается еще не освоенное исследовательское поле — насчет масштабов того консервативного влияния, которое, судя по всему, было оказано на рабочее движение засильем маржинализма в теоретической области. Тем самым более понятным становится уход в глухую оборону другой части рабочего движения: в условиях, когда при наличии тех теоретических сил, которые у него имелись, трудно было не только критиковать лагерь противника, но и действительно отражать его атаки, оно перешло к буквальному и догматическому отстаиванию Маркса (см. ниже, параграф 3). И если обратиться к современному положению дел, нельзя не ожидать, что выявившиеся ныне строго научные возражения против маржинализма и предложения отбросить его ради возвращения к классической постановке не натолкнутся на ожесточенное сопротивление.

3. Пересмотр интерпретаций Марксовых работ

а) Роль трудовой теории стоимости у Маркса и «критика политической экономии»

Важным последствием лучшего понимания классической постановки, описанного в предыдущем разделе, явился критический пересмотр выдвигавшихся в прошлом толкований роли трудовой теории стоимости в общем анализе Маркса.

У истоков жарких споров по поводу правильности указанных толкований лежало то обстоятельство — отмеченное лишь в результате дискуссий о работах Зраффы, — что создаваемые трудом стоимости не являются необходимыми для определения нормы прибыли и цен производства. В самом деле, у Зраффы эти величины определяются непосредственно

на базе коэффициентов, относящихся скорее к физическим количествам, нежели к содержащемуся в товарах труду.

Вначале многие марксисты просто сочли Зраффу чуждым марксизму, «рикардианцем» — отсюда и ярлык «неорикардианства», который приклеивали каждому, кто объявлял себя «последователем» Зраффы. На первых порах имело место также сильное противодействие принятию результатов анализа проблемы «превращения стоимостей в цены» (см. выше), то есть признанию того факта, что Маркс допустил ошибку в определении нормы прибыли и что для ее верного определения достаточно физических количеств товара. По мере того как понимание верности этих результатов получало все более широкое распространение, возник парадоксальный феномен: замечательный успех теории (описанный в предыдущих разделах) как в плане развития представлений о прибавочном продукте, так и в плане критики господствующей ортодоксальной доктрины был интерпретирован многими как причина *кризиса марксизма*.

Подобная реакция, по-видимому, объясняется широко распространенной (пожалуй, даже господствующей) среди марксистов трактовкой роли трудовой стоимости у Маркса, которая при более внимательном рассмотрении оказывается слабо обоснованной и выступающей скорее как плод вынужденно оборонительной позиции, занятой марксизмом в конце XIX века под атаками экономистов-маржиналистов.

Данный параграф посвящен разбору этих, только что высказанных предположений. Указание на роль трудовой теории стоимости у Маркса, подразумеваемое всем содержанием параграфа 2, позволит нам лучше понять, что понимал Маркс под «критикой политической экономии», то есть в каком смысле Маркс был *критиком* Рикардо. Мы докажем затем, что *порядок изложения*, принятый Марксом, — лишь скудные упоминания о «ценах производства» и «проблеме превращения» в первом томе «Капитала», единственном, опубликованном при жизни Маркса, — был в высшей степени логичен в рамках всей теории и политического проекта Маркса в целом (хотя такой порядок изложения и сыграл свою роль в распространении ошибочных взглядов среди марксистов, учитывая запоздание, с которым увидели свет третий том «Капитала» и «История экономических теорий» (так переводят порой название IV тома «Капитала» — «Теории прибавочной стоимости». — *Ред.*), а также затуманившееся к этому времени понимание той проблематики Рикардо, которая служила Марксу отправным пунктом). Мы постараемся затем подкрепить наш тезис о роли критики маржиналистов в адрес марксизма с помощью разбора ответа Гильфердинга Бём-Баверку и влияния этого ответа на последующую концептуализацию этих вопросов у марксистов.

стов. В особенности мы остановимся на значении Марковского анализа «фетишизма» и абстрактного труда. Наконец, мы рассмотрим вопрос о том, есть ли в действительности «кризис марксизма» или, иначе говоря, в какой мере еще сохраняют верность основы Марковского анализа, и в частности имеется ли необходимая связь между истинностью трудовой теории стоимости и фактом эксплуатации трудящихся при капитализме.

У Маркса трудовая теория стоимости, как это явствует из содержания параграфа 2, выполняла, по существу, ту же роль, что и у Рикардо: роль средства, позволявшего определять норму прибыли и естественные цены на основе понятия «прибавочный продукт» и избежать тем самым того замкнутого круга, в котором теория рисковала очутиться при непосредственных преемниках Адама Смита. Главное различие между Марксом и Рикардо заключалось в том, что если Рикардо определял норму прибыли в основном в рамках гипотезы о том, что товары обмениваются в соответствии с содержащимся в них трудом, то Маркс, напротив, полагал — на основании проанализированных нами выше соображений, — что норму прибыли правильно было бы рассматривать как отношение между количеством труда, содержащимся в прибавочном продукте и в капитале, даже когда «естественные» цены (или «цены производства») *расходятся* с количествами содержащегося труда.

Из работ Маркса при внимательном анализе явствует, на наш взгляд, что роль трудовой теории стоимости сводилась для него в конечном счете к вышеупомянутому определению нормы прибыли и цен производства и что вследствие этого замена уравнений (3) и (5) уравнениями типа (6) (см. параграф 2) означает не «кризис» постановки экономической теории у Маркса, но, напротив, представляет собой подтверждение и упрочение этой постановки.

Господствующим в марксистской традиции оказалось, однако, иное мнение, по крайней мере с 1904 года, когда был обнародован ответ Гильфердинга Бём-Баверку. Это получившее преобладание — и пожалуй, преобладающее по сей день — мнение состоит в том, что трудовая теория стоимости у Маркса несет в себе также, если не главным образом, такое содержание, которое не сводимо к определению нормы прибыли и цен и является жизненно важным для «критики политической экономии» — цели, которую ставил перед собой Маркс.

Первая задача, таким образом, состоит в том, чтобы выяснить, что имел в виду Маркс под «критикой» «политической экономии» и какую роль в ней играет трудовая стоимость. На наш взгляд, содержание этой «критики» заключалось для Маркса в раскрытии того, что *подспудно* содержа-

лось в анализе буржуазных *научных* экономистов (и прежде всего Рикардо), но не было ими уловлено. Иными словами, речь шла о раскрытии, по сути дела, исторической специфичности и преходящего характера капиталистических экономических отношений, выявленного тенденцией экономических процессов, вызванных к жизни этими отношениями и порождающих условия, которые делают необходимым и возможным преодоление самих этих отношений и их замену другими (коммунизмом) ⁶⁷.

Имеются, по-видимому, две группы доводов, на которых Маркс основывает свой вывод о том, что капитализм осужден на исчезновение. Первая связана с капиталистическим накоплением и его последствиями, которые, по Марксу, проявляются во все более частых и глубоких экономических кризисах, централизации капитала, росте относительного перенаселения и т. д. Трудовая теория стоимости была основополагающе важной для анализа этих вопросов в той мере, в какой она была необходима для определения и анализа тех обстоятельств (шормы прибавочной стоимости и «органического строения» капитала), от которых зависят нормы прибыли, а следовательно, для установления форм, темпов и последствий процесса накопления, имеющего в прибылях свой источник и стимул.

Вторая группа — это та, стержнем которой является конфликт между наемным трудом и капиталом, — конфликт, который, по Марксу, будет все более обостряться тенденциями капиталистического накопления, в перспективе усиливающими пролетариат до такой степени, что он будет в состоянии разрешить противоречие между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями путем экспроприации капитала. Трудовая теория стоимости была фундаментально важна и в этом случае, поскольку позволяла опровергнуть образ капитализма как «гармонического» строя, доказывая наличие постоянного конфликта интересов между капиталистами и трудящимися ⁶⁸.

Но если роль трудовой стоимости у Маркса в основном сводится к определению нормы прибыли и цен, то почему же он начинает «Капитал», как всем известно, рядом априорно выглядящих положений, а не занимается вместо этого оправданием трудовой теории стоимости в связи с реально су-

⁶⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 772—773. «Капитал», книга первая гл. XXIV, параграф 7: «Историческая тенденция капиталистического накопления»: «Монополия капитала становится оковами... (курсив автора). Она [капиталистическая оболочка централизации средств производства и обобществления труда. — *Ред.*] взрывается... Экспроприаторов экспроприруют... Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание».

⁶⁸ См. выше, с. 405.

ществующими нормальными меновыми отношениями, которые, как ему было хорошо известно, могли быть пропорциональны количествам труда, необходимым для производства соответствующих товаров?

Здесь нужно вспомнить прежде всего, что Маркс — уже в ту пору, когда он написал первый том «Капитала», — пришел к выводу о том, что норма прибыли в любом случае будет таковой, какой она была бы, если бы товары обменивались по содержащемуся в них труду⁶⁹. Поэтому изложение решения «проблемы превращения» не представлялось ему необходимым для анализа тенденций капиталистического накопления, поскольку гипотеза о том, что товары обмениваются по трудовой стоимости, не вносила в него никаких отличий. А если учесть, что в ту пору, когда работал Маркс, трудовая теория стоимости — в разных своих формах — была господствующей, то понятным становится, почему он не чувствовал потребности в развернутом изложении своей позиции с самого начала, полагая, что может принять как нечто заведомо правильное одну из форм трудовой теории стоимости, и заботился больше о том, чтобы представить эту теорию таким образом, чтобы она подчеркивала исторически преходящий характер товарного производства (об этом см. ниже). Становится ясным также, почему он откладывал изучение последствий тенденции нормы прибыли к единообразию до той части своего труда, которая должна была быть посвящена «конкуренции», и был, напротив, озабочен тем, чтобы сразу же прийти к тем результатам своего анализа, которые были наиболее важны для доказательства того, что капитализм не вечен.

б) Критика Бём-Баверка и ответ Гильфердинга

Между тем теоретическая ситуация быстро менялась с наступлением маржиналистских теорий. Маркс умер, не успев ощутить этого обстоятельства; но уже в считанные годы после его смерти маржинализм сделался, несомненно, господствующим среди экономистов учением. С изменением же исходной теоретической установки, как уже было сказано в параграфе 1, оказалось утраченным ясное понимание проблем, унаследованных Марксом от Рикардо. Этот процесс затемнения теоретической установки Рикардо на самом деле начался почти сразу же после его смерти и был обусловлен

⁶⁹ Как известно, рукописи третьего тома «Капитала» о «превращении стоимостей в цены» восходят к 1864—1865 годам, то есть предшествуют опубликованию первого тома «Капитала» (1867). См.: «Предисловие» Ф. Энгельса ко второму тому «Капитала» в: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 24, с. 7.

в значительной степени, как подчеркивал уже Маркс и подтверждают работы самого последнего времени, тем, что теория Рикардо была использована «социалистами-рикардианцами» в поддержку доводов нарождавшегося английского рабочего движения⁷⁰. Маржиналистская система может рассматриваться как завершение упомянутого процесса, направленного в действительности на то, чтобы найти некую альтернативную теоретическую установку, которая смягчала бы выводы насчет неизбежности классовых конфликтов, выявленной рикардовской теорией, и в то же время позволяла разрешить аналитические проблемы (такие, как трудности, связанные с теорией стоимости), оставшиеся неразрешенными у Рикардо. Неудивительно, таким образом, быстрое распространение маржиналистской системы, которая, казалось, удовлетворяет обе эти потребности.

Вооруженные своими новыми теоретическими представлениями, маржиналисты энергично занялись критикой Маркса. По-видимому, именно особенностями этой критики и ответов, которые сумел дать на нее марксизм, следует объяснять преобладание среди марксистов с начала века и до наших дней таких интерпретаций Маркса, которые приписывают трудовой теории стоимости еще иные роли, помимо той, что заключается в определении нормы прибыли и цен. Трудовая теория стоимости в этих интерпретациях рассматривается в известном смысле как «методологический инструмент, нацеленный на выявление основных черт капитализма и на раскрытие в особенности социальных отношений, скрывающихся за оболочкой капиталистического рынка»⁷¹. Под таким углом зрения трудовой теории стоимости обычно приписывается одна из двух (или даже обе) главных функций:

1) демистификации «фетишизма», благодаря которому социальные отношения при капитализме выступают как отношения между вещами;

2) доказательства того, что трудящиеся подвергаются эксплуатации.

Свою роль, по-видимому, сыграло — в связи с этими двумя функциями (но главным образом с первой) — обманчивое истолкование различий, проводившихся Марксом меж-

⁷⁰ Помимо известного «Послесловия» Маркса ко второму изданию «Капитала» (см.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, с. 12—22), см. работы последнего времени, и в частности: *M. Dobb*. Theories of Value and Distribution since Adam Smith. Cambridge, 1973, cap. IV; *R. L. Meek*. The Decline of Ricardian Economics in England. — In: *ID*. Economics and Ideology and Other Essays. London, 1967; *K. Bharadwaj*. Ricardian Theory and Ricardianism during and after Ricardo. — In: "Contributions to Political Economy (1983)"; *A. Ginzburg*. Introduzione. — In: *ID*. (A cura di). I socialisti ricardiani. Milano, 1976.

⁷¹ *S. Vicarelli*. Il "problema della trasformazione": fine di una controversia? — "Note economiche", 1975, № 5—6, p. 110.

ду конкретным и абстрактным трудом, и того значения, которое он придавал данному различию.

До недавнего времени господствующими в марксизме были интерпретации, которые приписывали трудовой теории стоимости Маркса главным образом первую из двух функций. Формирование этого интерпретационного направления восходит, по-видимому, к ответу Гильфердинга на критику Бём-Баверка в адрес Маркса. Этой критикой и этим ответом нам теперь надлежит заняться.

Бём-Баверк критиковал Маркса еще до выхода третьего тома «Капитала», основывая свою критику на отождествлении (без какого бы то ни было текстуального доказательства) теории стоимости Маркса с «этической» теорией стоимости Родбертуса и выстраивая свою аргументацию таким образом, словно понятие «эксплуатация наемного труда» вытекает из трудовой теории стоимости⁷². Это позволило ему изобразить трудовую теорию стоимости в качестве той основы, на которой держится все учение Маркса и без которой оно рушится. Тем самым ему удалось приравнять свою критику Маркса к критике вышеуказанной теории, да к тому же взятой в той ее неудачной «этической» формулировке, которая была дана Родбертусом.

Единственная *прямая* критика Маркса, содержащаяся в этой первой работе Бём-Баверка, имеет предметом «доказательство» — слово, употребленное Бём-Баверком, — трудовой теории стоимости, якобы данное Марксом в главе первой первого тома «Капитала». Указанное «доказательство», в котором Бём-Баверк без труда обнаруживает уязвимые стороны⁷³, по словам все того же австрийского экономиста, составляет единственное «новшество» у Маркса по сравнению с Родбертусом, ограничивавшимся простым «утверждением» вышеупомянутой теории стоимости.

С позиций подобного толкования вполне понятно, что решающим доводом против Маркса в глазах Бём-Баверка бы-

⁷² Родбертус, по-видимому, действительно выводил из собственного тезиса, что «все продукты, обладающие стоимостью, являются продуктом человеческого труда и, более того, когда они рассматриваются с экономической точки зрения, то выступают исключительно как продукт человеческого труда», следствие, в соответствии с которым трудящиеся якобы обладают «естественным и справедливым» правом требовать присвоения всего продукта труда целиком. См.: E. V. Böhm-Bawerk. Capital and Interest. New York, 1957, p. 315, 329.

⁷³ П. Уикстид также полагает, что в первой главе «Капитала» Маркс пытается *доказать*, что стоимость состоит лишь из труда. Между тем Маркс здесь действительно принимает как данность то, что стоимость образуется трудом, но озабочен главным образом тем, чтобы разъяснить, что это означает: например, что труд, образующий стоимость, есть абстрактный труд (см. об этом ниже, с. 360—361). См.: P. H. Wicksteed. Das Kapital: a Criticism. — “To-Day”, vol. II (п. с.), October 1884, p. 388—409 (now in: “The Common Sense of Political Economy”, vol. II. New York, 1967, p. 705—724).

ло «противоречие», признававшееся самим Марксом, между трудовой теорией стоимости и меновыми отношениями, отличающимися от отношений по содержащемуся труду в силу требований, диктуемых единообразием нормы прибыли. Это «противоречие», по Бём-Баверку, Маркс якобы так и не смог разрешить, хотя обещал это. Таким образом, после выхода третьего тома «Капитала» Бём-Баверку надлежало доказать, что Марксу не удалось сдержать свое обещание.

Попытка доказать это была им предпринята в пространном очерке «Выводы Марксовой системы» (1896), в подробности которого здесь нет нужды вдаваться. Достаточно будет отметить, что сначала он повторяет критические замечания, уже высказанные ранее; затем добавляет к ним ряд критических возражений против идеи Маркса, по которой, как он утверждает, норма прибыли, а следовательно, и цены возникают при перераспределении совокупной прибавочной стоимости; и наконец, среди этих критических высказываний (почти целиком основанных на непонимании мысли Маркса) появляется одно, указывающее на некоторое осознание реального противоречия, на которое наталкивалась Марксова теория цен производства. В этом пассаже Бём-Баверк отмечает, что определение совокупной прибавочной стоимости не может абстрагироваться от того факта, что средства существования «могут продаваться по ценам производства, отклоняющимся от содержащегося в них необходимого рабочего времени»⁷⁴.

По многим причинам ответ Гильфердинга Бём-Баверку оказал широкое влияние на экономистов-марксистов. Он был написан по-немецки — на языке крупнейшей из марксистских партий. Его автор сделался впоследствии знаменит и был уважаем среди марксистов как автор «Финансового капитала». На английский язык этот ответ был переведен годы спустя таким авторитетом, как Суизи. На самом же деле этот ответ выглядит сегодня во многих отношениях неверным или, во всяком случае, не содержащим ясного понимания тех проблем, над решением которых бились Маркс и Рикардо, и неспособным поэтому четко отразить реальные различия между постановкой вопроса у Маркса и у маржиналистов. Но, как уже было сказано в параграфе 1, отсутствие такого понимания не может быть просто поставлено в вину Гильфердингу: явление это было общим для экономической мысли той эпохи.

Как мы уже показали, даже одно лишь верное понимание теоретической установки Маркса и Рикардо, а также тех

⁷⁴ Из чего Бём-Баверк заключает, что в определении нормы прибыли «участвует по крайней мере еще один решающий фактор, чуждый закону стоимости». См.: E. V. Böhm-Bawerk. La conclusione del sistema marxiano. — In: Economia borghese ed economia marxista. Firenze, 1971, p. 53.

проблем, с которыми они имели дело, потребовало бы длительной и трудоемкой реконструкции предшествующих положений, так как экономическая мысль к этому времени давно уже двигалась в совсем ином направлении и проблематика классической теории оказывалась погребенной под слоем позднейших отложений. «История экономических теорий» (или «Теории прибавочной стоимости») Маркса, способная послужить подспорьем в этом деле⁷⁵, в ту пору еще не была опубликована, да и, как стало ясно вскоре, также требовала времени для своего усвоения.

Для обоснования независимости Марксовой постановки вопроса от уязвимой трудовой теории стоимости необходимо было к тому же иметь верное решение той проблемы, которую Рикардо и Маркс ставили перед собой, отталкиваясь от этой теории; между тем такого решения не было.

Не так просто было, кроме того, уловить сложную — и в основе своей единую — аналитическую структуру различных маржиналистских «школ». Эта структура еще не обнаружила себя в достаточной мере, чтобы позволить выявить ее логическую слабость и глубинные отличия от установки классической теории.

Вот к этим-то исторически объяснимым слабостям и восходят главные недостатки ответа Гильфердинга.

Прежде всего, он принимает тезис Бём-Баверка о том, что вся постановка вопроса у Маркса держится исключительно на трудовой теории стоимости. Более того, очевидно, не имея ясного представления о тех проблемах, на которые Рикардо и Маркс пытались ответить с помощью упомянутой теории⁷⁶, он не довольствуется в полемике с Бём-Баверком подтверждением правильности Марксова определения нормы прибыли⁷⁷, но стремится также найти другие оправдания для отождествления стоимости с содержащимся трудом.

⁷⁵ Особенно в части, касающейся физиократов, которые, несмотря на определение ими прибавочного продукта в физических терминах, считались в этой работе основателями теории, воспринятой позже Смитом, Рикардо и самим Марксом.

⁷⁶ Такое отсутствие ясности относится не только к роли этой теории, но и к некоторым ее аналитическим аспектам. Например, он не улавливает, что Маркс (как и Рикардо) для «сведения» сложного труда к простому нуждается, по сути дела, лишь в одном: чтобы были указаны зарплатные «дифференциалы», то есть отношения между разными зарплатами, между тем Маркс открыто говорит об этом. См.: *F. Petri. Sul Marx di Lippi. — "Note economiche", 1982, № 1, p. 94—98; R. Hilferding. La critica di Böhm-Bawerk a Marx (1904). — In: Economia borghese ed economia marxista, p. 131—133.*

⁷⁷ Он не может понять довода, с помощью которого Бём-Баверк выдвигает главное из своих критических положений (о чем говорилось выше), и ограничивается повторением (ошибочного) тезиса о том, что в совокупном анализе расхождения между ценами производства и созданным трудом стоимостями взаимно аннулируются. См.: *R. Hilferding. La critica di Böhm-Bawerk a Marx, p. 163.*

Он принимает, наконец, также тезис Бём-Баверка о том, что глава I «Капитала» якобы содержит «доказательство» правильности трудовой теории стоимости⁷⁸. Доводы, которые он приводит для того, чтобы разъяснить, в чем, по его мнению, заключается указанное «доказательство», могут быть синтезированы, по-видимому, в двух пунктах.

Первый — имеет стержнем идею о том, что, лишь приняв труд за меру стоимости, Маркс мог рассматривать товар как «общественную вещь». Аргументы в поддержку этой идеи остаются на уровне общих истин; не разъясняется, например, в каком именно смысле иное объяснение меновых отношений — ибо в конечном счете речь идет именно об этом — оказывается абсолютно не в силах отрицать, что товар есть «общественная вещь», то есть такая, производство, обращение и потребление которой требуют отношений между индивидами, организованными в общество.

Второй пункт, тесно связанный с первым, заключается в том, что лишь измерение стоимости в терминах содержащегося труда позволяет открыть «законы движения» капиталистического общества: «Принцип стоимости есть именно тот фактор, с изменением которого должны, в конечном счете, соотноситься изменения в общественных порядках»⁷⁹. Иными словами, утверждает Гильфердинг, труд представляет собой «фактор, качество и количество которого — организация и производительная сила — причинно обуславливают собой общественную жизнь. Поэтому фундаментальное положение экономики равноценно фундаментальному положению материалистического понимания истории»⁸⁰.

Априорный характер подобных утверждений можно выявить без труда. В каком именно смысле труд «причинно обуславливает» общественную жизнь при капиталистическом строе и в особенности действительно ли это происходит при посредстве определения меновых отношений, исходящего из труда, — все это должно было бы *вытекать* из экономического анализа в целом. Непонятно, каким образом Гильфердинг мог полагать, что решение этой проблемы может быть достигнуто иным путем.

Оборонительный характер и слабость ответа Гильфердинга обнаруживаются также в той критике, которую он обращает против альтернативной теоретической установки, пред-

⁷⁸ Он вступает тем самым в противоречие с тем, что сам он утверждает в главе II своего очерка, то есть, что, лишь измеряя общественный продукт в терминах содержащегося труда, можно определить норму прибыли и цены (см.: *R. Hilferding. La critica di Böhm-Bawerk a Marx*, p. 143—144). Какого же доказательства трудовой теории стоимости мы можем тогда ожидать от первой главы «Капитала», в которой о таком определении нет ни единого слова?

⁷⁹ *R. Hilferding. La critica di Böhm-Bawerk a Marx*, p. 122.

⁸⁰ *Ibid.*, p. 123.

ложенной Бём-Баверком. Гильфердингу, судя по всему, не удастся уловить ее аналитическую структуру и те основания, на которые опирались притязания Бём-Баверка перечеркнуть Марксову постановку вопроса. Стержнем критики Гильфердинга служит утверждение о бесплодности, якобы отличающей маржиналистскую теорию из-за того, что она исходит из потребительной стоимости, а не из труда. Поскольку она «исходит из индивидуального отношения между вещью и человеком, а не из взаимных общественных отношений между людьми... (и) в той мере, в какой такое индивидуальное отношение равным образом имеет место во всех типах общества, ...она вынуждена отказываться от открытия законов движения и тенденций развития общества. Ее метод неисторичен и несоциален... (Он) может пытаться объяснить лишь один аспект проблемы — спрос»⁸¹.

Важно, по-видимому, подчеркнуть один элемент, который, присутствуя в эмбриональной форме уже в этой критике Гильфердинга, в дальнейшем будет проявляться гораздо чаще и куда более весомо у более поздних авторов-марксистов. Речь идет, по существу, о признании (у марксистов, более глубоко вникнувших в логику этой теории, оно будет постепенно становиться все более широким) правильности маржиналистской теории в силу правильности данных, получаемых ею из своего анализа. При этом, правда, упоминалось, что анализ этот из-за неисторичности, индивидуализма и статичности, характеризующих маржиналистскую постановку вопроса, охватывает лишь узкий круг явлений и без помощи Марксова анализа не в состоянии дать ответ на те вопросы, которые интересуют марксистов — вопросы, связанные с исторической спецификой и динамикой капитализма.

Тем самым предпринималась попытка подменить вполне реальный спор об истинности одной из двух теоретических установок надуманным конфликтом из-за различия в вопросах, на которые эти две теории пытались дать ответ. В этом втором случае получалось, что спор отражает лишь разные познавательные интересы его участников, между тем как сами теории выступают как взаимодополняющие, а не альтернативные и несовместимые друг с другом.

Позиции этого типа, прослеживающиеся (в разной мере и с разно поставленными акцентами) почти у всех наиболее известных авторов-марксистов последующего периода⁸², ны-

⁸¹ Ibid., p. 122—123, 173.

⁸² Суизи в своем предисловии 1949 года к разбираемой здесь работе Гильфердинга доходит до утверждения, что Бём-Баверк ошибается, когда «считает доказанным, будто Марксу приходилось решать те же задачи, которые пытается разрешить он сам... будто обе теории следует измерять одной и той же мерой». Именно в силу этого «Бём-Баверк рассматривает Марксову теорию как безусловно ошибочную, между тем как Гильфер-

не следует, наконец, признать в основе своей ошибочными. Они объясняются главным образом неспособностью — исторически обоснованной — уловить: 1) реальные глубинные различия между постановкой вопроса у Маркса и классиков политэкономии, с одной стороны, и маржиналистов — с другой; фактическую несовместимость их теоретических установок как с точки зрения логической структуры теории, так и с точки зрения проистекающего из этой теории общего воззрения на экономический процесс; 2) возможности куда более энергичной защиты классической теории и подобной же критики — маржиналистской теории.

Вместе с тем указанные позиции имели по крайней мере тот практический результат, что сохранили в рядах рабочего движения в условиях временной теоретической слабости Марксову постановку вопроса, а следовательно, — в известной мере — и потенциальную возможность ее развития в будущем. Однако этот практический результат не мог не быть временным. Иначе говоря, он предполагал, что, поскольку в рамках тех вопросов, которые маржиналисты ставили перед собой, они получали вполне верные ответы, вышеупомянутые позиции оставляли поле боя маржиналистской гегемонии за пределами рабочего движения, а следовательно — в не всег-

динг считает теорию Бём-Баверка несущественной с точки зрения изучения основных тенденций развития капиталистической системы» (*P. M. Sweezy. Presentazione.* — In: *Economia borghese ed economia marxista*, p. XX). М. Добб критикует маржиналистскую теорию в основном за то, что в ней «меновые отношения трактуются абстрактно, в отрыве от людей как производителей и их связей со стоящей за ними структурой общественных институтов». Обвинения маржиналистской теории в том, что она занимается лишь меновыми отношениями, игнорирует процесс производства, является статичной, содержатся также в: *H. Grossman. Marx, l'economia politica classica e il problema della dinamica* (1940). Bari, 1971; см., например, p. 55—57, 67—69, где отчетливо видна попытка (см. об этом ниже в тексте данного раздела) радикального противопоставления Маркса не только маржиналистам, но и Смиту и Рикардо, также обвиненным в статичности (p. 67). Частичное исключение представляет собой: *N. I. Bucharin. L'economia politica del rentier*. Roma, 1970, где, помимо обычных обвинений Бём-Баверка в отсутствии историзма и статичности (p. 74—78), содержится также попытка критики этого автора изнутри его собственной логики. Бухарин приходит таким путем к мысли о логическом порочном круге в теории Бём-Баверка при измерении капитала (p. 159); однако это наблюдение тонет в массе других, менее значительных или ошибочных (книга написана 25-летним самоучкой, странствующим по европейским странам в годы эмиграции).

Вместе с тем совсем недавно Б. Рауторн вновь вернулся к перечислению основных изъянов маржиналистской политэкономии как состоящих якобы исключительно в субъективистском индивидуализме, натурализме и приоритете обмена перед производством (см.: *B. Rowthorn. Neo-Classicism, Neo-Ricardianism and Marxism.* — “New Left Review”, July—August 1974, № 86, p. 63—87); более того, он видит в повторении этих общих мест единственную критику, которую возможно обратить против неовальрасианских версий маржиналистской теории. См. также два следующих примечания.

да явных формах — и влиянию маржиналистской теории также и в рядах рабочего движения⁸³.

Другим важным последствием постановки вопроса у Гильфердинга явилось ослабление связи между Марксом, с одной стороны, и Рикардо и другими классиками политэкономии — с другой. При этом не только затуманивалась преемственность исходной теоретической установки, но и происходило нечто худшее. Указание на большее внимание к специфическим социально-историческим аспектам капитализма как на *основную*, глубинную, отличительную черту марксистской политэкономии по сравнению с политэкономией маржиналистской вело к сближению классической и маржиналистской школ, оказывавшихся одинаково виноватыми в пренебрежении к историзму, в признании *естественным* того, что специфически присуще лишь капитализму.

в) Фетишизм и абстрактный труд

Гильфердинг повлиял на многих исследователей Маркса наших дней также через известную книгу П. Суизи «Теория капиталистического развития», в которой его интерпретация была взята на вооружение и получила развитие. Следует остановиться на том, как она излагается в этой книге, поскольку темы, возникающие на ее страницах, бесчисленное множество раз фигурировали в дискуссиях последних лет.

Суизи, широко опираясь на разработку интерпретации Гильфердинга, проделанную Францем Петри⁸⁴, различает в тру-

⁸³ Например, Ланге утверждал в 1953 г., что «превосходство марксистской политэкономии в анализе капитализма объясняется не экономическими категориями, примененными Марксом (трудовой теорией стоимости), а точным описанием институционального аспекта, отличающего капитализм от рыночной экономики вообще» (*O. Lange. Marxian Economics and Modern Economic Theory*. — "Review of Economic Studies", 1953; trad. it. in: *P. M. Sweezy. La teoria dello sviluppo capitalistico*, p. 543). Поэтому она превосходит «буржуазную политэкономия» в предвидении динамики капитализма, но в том, что касается «изучения явления повседневной жизни» (p. 526), трудовая теория стоимости представляет собой «лишь более грубую формулировку» «современной теории экономического равновесия» (p. 533). Воззрения Ланге, похоже, оказали большое влияние на экономистов стран Восточной Европы.

⁸⁴ *F. Petry. Il contenuto sociale della teoria del valore in Marx*. Bari, 1973 (1916). Между тем мотивы, способные вызвать подозрения насчет правильности интерпретации Петри, обнаруживались уже в том несомненном влиянии, какое оказали на него философские позиции, весьма мало совместимые со взглядами Маркса. Петри открыто признает риккертовское различение метода социально-исторических наук (которые описывают исторические факты, чтобы уловить их смысл, суть) и метода естествознания (которое выискивает закономерности, то есть каузальные отношения). У Маркса, если верить Петри, противоречиво сосуществуют оба этих метода: «направление, связанное с идеями Рикардо, ставящее перед собой единственно задачу *причинного* объяснения естественных законов, регулирующих изменения стоимости и цены, сталкивается с пози-

довой теории стоимости «качественный» аспект и аспект «количественный». Этот последний состоит в определении меновых отношений и нормы прибыли; первый же, напротив, заключается в способности анализировать «специфическое, исторически обусловленное отношение между производителями»⁸⁵. Насколько можно судить, Суизи усматривает две главные отличительные черты «отношения между производителями» при капитализме, которые трудовая теория стоимости — в своем «качественном» аспекте — позволяет, по его словам, улавливать, в «сведении всякого труда к абстрактному труду» и «фетишистском характере товаров»⁸⁶. Попробуем же рассмотреть реальное содержание Марксовой трактовки этих тем, начав со второй из них.

В известном параграфе главы первой «Капитала», посвященном «товарному фетишизму», Маркс, судя по всему, ставит перед собой двоякую цель. Во-первых, он стремится подчеркнуть *исторический* характер товарного производства, то есть тот факт, что речь идет лишь об *одном* из возможных способов организации производства в обществе. Эту цель он реализует, показывая, что стоимость иденгьи суть лишь выражение некоего особого решения общей проблемы разделения труда и координации этого разделения с коллективными потребностями; проблемы, которую патриархальная семья или будущее общество равных людей смогут разрешить совершенно иными способами. Во-вторых, однако, он хочет подчеркнуть особенность этого способа координации: его *бессознательный* характер, то, что он предстает как результат действия факторов, которые — даже будучи фактически созданными сознательными действиями индивидов — выступают перед отдельными людьми в качестве объективных *безличных* сил, аналогичных силам природы; отдельные люди не в силах контролировать их, более того — сами оказываются под их контролем, из чего вытекает, например, возможность экономических кризисов, которых один человек в отдельности не хочет, но которые тем не менее становятся результатом действий совокупности этих отдельных людей.

цией, заимствованной из области социально-исторических наук, которая противостоит Рикардо и объявляет своей программой привязку изменений стоимости и цены к их социальному содержанию, то есть основание некоего «социального» способа исследования» (р. 6). Маркс, однако, со своей стороны признавал только первое из этих двух «направлений», см., например, его «Послесловие» ко второму изданию первого тома «Капитала». Недоразумения такого рода были более чем обычны в ту эпоху, проистекая большей частью из признания маржиналистской критики в адрес Марксовой теории. См.: S. Vicarelli. Il "problema della trasformazione": fine di una controversia? p. 115—118.

⁸⁵ P. M. Sweezy. La teoria dello sviluppo capitalistico, p. 29.

⁸⁶ Ibid., p. 38, 40. Речь идет о развитии тем, уже присутствующих в: R. Hilferding. La critica di Böhm-Bawerk a Marx, p. 121—122, 167.

Между тем, пока научный анализ не объяснит эти объективные и безличные экономические явления в терминах более глубоко заложенных личностно-общественных отношений, восприятие подобных явлений будет оставаться в плену ложно естественных, или «фетишистских», образов, принимаемых этими явлениями: например, золото и серебро по-прежнему будут выступать (в глазах меркантилистов) «в форме природных вещей со странными общественными свойствами», принадлежащими им в силу их сокровенного естества⁸⁷.

Способность развеивать подобные «фетишистские» иллюзии со всей очевидностью составляет одно целое со способностью дать исчерпывающее объяснение тому, как экономические явления капитализма возникают из более глубоко лежащих личностно-общественных отношений. Эта способность поэтому не зависит от самой по себе создаваемой трудом стоимости; она обуславливается комплексным объяснением экономических явлений, по отношению к которому трудовая теория стоимости, как мы видели выше, была лишь необходимым в то время инструментом.

Перейдем теперь к различию между конкретным трудом и абстрактным трудом. Это различие, как нам представляется имеет у Маркса сугубо аналитические обоснования, не уловленные теми, кто желает увидеть в этом различии определяющую черту капиталистического способа производства, независимую от меновых отношений. Для Маркса речь шла об углублении различия, уже очерченного Рикардо, между *стоимостью* и *богатством* с целью выяснения ошибок и путаницы, характерных для современного ему переходного экономического анализа.

Маркс считал, что отсутствие различия между трудом как производителем богатства, то есть *потребительной стоимости*, и трудом как производителем *менной стоимости* лежало в основе обвинения, выдвинутого Ж. Б. Сэем против Адама Смита. Сэй обвинял его в том, что тот «пренебрег стоимостью, приданной товарам природными факторами и машинами», поскольку Смит приписывает «одному лишь труду способность производить стоимость»⁸⁸. Это же обстоятельство лежало и в основе неспособности Рикардо ответить Сэю вполне удовлетворительным образом⁸⁹. Маркс поясняет: в качестве «конкретного полезного труда» труд «создает» стоимость (потребительную) *совместно с землей и машинами, а не в одиночку*⁹⁰. Когда же мы переходим к меновой стоимости, то

⁸⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 92.

⁸⁸ D. Ricardo. On the Principles of Political Economy, trad. it. cit., p. 212—213.

⁸⁹ Более обстоятельную трактовку этого пункта см. в: P. Garegnani. Marx e gli economisti classici, p. 80—83.

⁹⁰ Маркс в самом деле хвалит Петти за то, что тот называет «труд отцом богатства, а землю его матерью». См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 21.

товары (по Марксу) обмениваются в соответствии с отношениями, определенными в конечном счете анализом количества содержащегося в них труда; и именно в этом точном смысле труд — рассматриваемый здесь исключительно как количество, а потому однородный по качеству, то есть «труд вообще», «абстрактный труд» — является *единственным* «создателем» *меново́й стоимости*.

По мнению Маркса, идея Сэя насчет стоимости, придаваемой товарам «природными факторами» и «машинами», происходила из путаницы между двумя ипостасями труда, путаницы, в силу которой Сэй приписывал создание меновой стоимости не абстрактному, а конкретному труду. А поскольку эта его идея была типичной для всей «вульгарной политической экономии» с ее «триединой формулой»⁹¹, то можно понять, почему Маркс, полагая, что он таким образом выявил лежащую у самых истоков этого направления аналитическую путаницу, рассматривая различие между абстрактным и конкретным трудом как один из тех пунктов, в которых заключено «самое лучшее» в его книге⁹²

⁹¹ См. выше, с. 405.

⁹² См. письмо Маркса Энгельсу от 24 августа 1867 г. (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, с. 277—278). Отсутствие различия между конкретным трудом и абстрактным трудом рассматривается Марксом также как причина ошибки Смита и Рикардо, по мнению которых капитал в обществе, взятом в целом, можно отождествить с заработной платой, игнорируя «постоянный капитал» (см.: *P. Garegnani. Marx e gli economisti classici*, p. 83). Аналогичная цель — устранения путаницы, характерной для экономической мысли той поры, — объясняет, по-видимому, ту важность, которую Маркс придавал различию между трудом и рабочей силой. Такое различие позволило Марксу преодолеть путаницу, происшедшую из более или менее сознательной тенденции к отождествлению «стоимости труда» и стоимости *продукта* труда. Эта тенденция, по мнению Маркса, с одной стороны, приводила, как, например, у Смита, к ограничению поля приложения трудовой стоимости первобытным обществом, где нет ни прибылей, ни ренты; а с другой — обращала против Рикардо тезис о том, что «если меновая стоимость продукта равна содержащемуся в нем рабочему времени, то меновая стоимость рабочего дня равна его продукту. Другими словами, заработная плата должна быть равна продукту труда» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, с. 48). Тем самым открывался путь для протаскивания идеи вульгарной политэкономии насчет того, что стоимость, «произведенная» трудом, ограничивается заработной платой, земля же и капитал «производят» остальные части стоимости продукта. Сам Маркс добавляет затем в примечании к процитированному выше отрывку: «Это возражение, выдвинутое против Рикардо буржуазными экономистами, впоследствии было подхвачено социалистами. Предполагая теоретическую верность этой формулы, они обвиняли практику в том, что она противоречит теории, и призывали буржуазное общество осуществить на практике мнимый вывод из его теоретического принципа. По крайней мере таким способом английские социалисты обратили формулу меновой стоимости Рикардо против политической экономии» (там же). Подмена «стоимости труда» «стоимостью рабочей силы», похоже, рассматривалась Марксом как ключ к пониманию бессмысленности обвинения капитализма в нарушении «естественного» закона эквивалентного обмена, поскольку в действительности никакого нарушения не происходит: капиталист опла-

Следует добавить, что различие между абстрактным и конкретным трудом тесно связано, по Марксу, с исторически обусловленными чертами товарного производства, о чем упоминалось в связи с «фетишизмом». При продаже товара время труда индивидуального производителя превращается в «абстрактный труд», то есть участвует в создании меновой стоимости продукта лишь в той мере, в какой оно «общественно необходимо», иначе говоря, было применено в соответствии с принятыми в обществе техническими условиями и с целью производства действительно нужных обществу товаров. Другими словами, в обществах с товарным производством труд становится «общественным» (то есть регулируется обществом, становится предметом координации разделения труда) в силу своей способности производить стоимость, то есть путем своего превращения в «абстрактный труд». На этих соображениях (обусловленных на самом деле не трудовой теорией стоимости, а просто фактом существования конкуренции) основывалась критика Маркса в адрес тех авторов, которые, подобно Прудону, Брею, Грею, тешили себя иллюзией, что экономические кризисы и эксплуатацию наемного труда можно будет устранить с помощью «национальных банков», которые бы скупали и продавали произведенную продукцию на «боны», пропорциональные труду, выполненному производителями. В подобных программах фактически игнорировалась необходимость того, чтобы конкретный труд затрачивался в соответствии с наиболее эффективными техническими приемами и распределялся между разными отраслями в соответствии с общественными запросами. Речь шла, иначе говоря, о том, что превращение в «абстрактный труд» должно осуществляться неким механизмом, который бы оценивал соответствие конкретного труда нуждам общественного разделения труда,—при наличии массы независимых производителей таким механизмом мог быть только рынок.

Именно в недостаточном понимании чисто аналитических мотивов различения труда на абстрактный и конкретный, по видимому, следует искать корни того недоразумения, в силу которого некоторые авторы стремятся усмотреть причину

чивает *рабочую силу* по ее стоимости. В том, что трудящиеся получают в виде заработной платы меньше, чем весь чистый продукт, нет никакого нарушения «естественных» законов капитализма, наоборот: это-то и соответствует упомянутым законам. Этот глубинный смысл аргументации Маркса выступает независимо от возможности распространения — что, по правде говоря, сомнительно — «закона стоимости» также на рабочую силу (то, что рабочая сила оплачивается в точности по стоимости ее производства, не поддается доказательству так же, как в отношении других товаров, потому что рабочая сила не производится капиталистами, подобно другим товарам; впрочем, вся Марксова теория заработной платы свидетельствует о том, что он хорошо это знал).

такого различия в обличении «экспроприации человеческой личности» трудящихся, неотделимой от товарного производства⁹³.

После всего сказанного становится понятно, почему признание вклада Зраффы в качестве средства усиления теоретической установки Маркса натолкнулось на широкое сопротивление со стороны марксистов. В самом деле, в многочисленных сериях статей и книгах анализ Зраффы квалифицировался как внесоциальный и внеисторический. Зраффу обвиняли в том, что он рассматривает капитал, технологию и производственные отношения как технические, «естественные», а не социальные факторы и не уделяет внимания динамике капитализма; что он занимается лишь количественными аспектами, игнорируя аспекты качественные, охватываемые Марксовыми понятиями «формы стоимости», «абстрактного труда» и т. д.; наконец, что он не объясняет источника, или «происхождения», прибыли⁹⁴.

Читатель без труда может установить, что все эти критические замечания — за единственным исключением последнего, разбором которого мы займемся чуть ниже, — восходят к влиянию интерпретационной традиции, идущей от Гильфердинга; а также убедиться в том, что в сказанном нами выше уже содержится ответ на эти замечания. В особенности после того, как нами признана преемственность в постановке анализа между Рикардо и классиками политэкономии, с одной стороны, и Рикардо и Марксом — с другой (преемственность, выявленная в значительной степени именно благодаря Зраффе), должно быть очевидным, что реабилитация теоретической установки Рикардо и классиков не может не быть реабилитацией наследия Маркса, в котором указанная установка достигла своего максимального систематического развития, в частности и в том, что касается более общего вопроса о социальном характере процесса производства. Поэтому должно было бы быть ясно, что работы Зраффы исходят прежде всего именно из Маркса как из отправного пункта всей той работы по реконструкции теории, которую предстоит проделать.

⁹³ См.: *L. Colletti. Ideologia e società*. Bari: Laterza, 1975, 4-a ed., p. 117.

⁹⁴ В обширнейшей литературе на этот счет ограничимся указанием нескольких работ последнего времени, содержащих подробную библиографию: *B. Fine, L. Harris. Controversial Issues in Marxist Economic Theory*. — In: "Socialist Register", London, 1976; *I. Gerstein. Production. Circulation and Value*. — "Economy and Society", 1976; *F. Roosevelt. Cambridge Economics as Commodity Fetishism*. — In: *J. Schwartz (ed.). The Subtle Anatomy of Capitalism*. Santa Monica (Cal.), 1977; *Valori e prezzi nella teoria di Marx* (a cura di *R. Panizza, S. Vicarelli*), Torino, 1981.

г) Кризис марксизма?

Мы упоминали в начале этого раздела о парадоксе, в силу которого осуществленное Зраффой и другими авторами укрепление основ теории, исходящей из идеи прибавочного продукта, было воспринято многими как причина кризиса марксизма. Мы видели также, что подобное мнение проистекало из приписывания трудовой теории стоимости ролей, которые Маркс ей не приписывал; он относил их скорее ко всей совокупности положений, имеющих в основе понятие прибавочного продукта, между тем как указанная теория была лишь самым прогрессивным из инструментов, какими Маркс обладал для анализа «ядра» явлений, связанных с прибавочным продуктом.

Но и после того, как интерпретация Маркса очищена от искажений, вызванных нападками маржиналистов и слабостью ответов на эти нападки со стороны марксистов, вполне правомерно задаться вопросом: не ведут ли аналитические успехи, описанные в предыдущем разделе и повлекшие за собой, среди всего прочего, отказ от трудовой теории стоимости (в уточненном выше смысле), также к кое-каким важным последствиям для той «критики политической экономии», для которой Маркс и использовал эту теорию?

Подобно тому как это нормально происходит в любой науке, аналитические достижения, которые привели к верному определению меновых отношений и нормы прибыли, действительно продиктовали необходимость некоторых поправок к анализу Маркса. Одна из таких коррекций (относящаяся к определению нормы прибыли и необходимости для этого измерения созданной трудом стоимости) уже была изложена выше, другие будут упомянуты в последующем тексте. Но, как мы уже видели, в сущности, эти достижения *подтвердили* основные тезисы Маркса; те, на которых он основывал анализ тенденций капиталистического накопления и которые, как мы утверждали, образуют основополагающий элемент его «критики политической экономии», в особенности обратная зависимость между заработной платой и прибылью.

Есть один пункт (подробней мы остановимся на нем ниже), по которому упомянутые успехи теории имели негативные последствия для Марксового анализа тенденций капиталистического развития — «закон» тенденции нормы прибыли к понижению. «Закон» этот выглядит необоснованным, из чего вытекают некоторые важные последствия, на них мы в свое время укажем. Что же касается других положений, на которых — в не меньшей мере, чем на этом «законе», — основывалась вера Маркса в преходящий характер капитализма (невозможность для капитализма функционировать в течение длительного времени без наличия достаточно боль-

шой армии безработных; растущая концентрация капитала; все большая острота кризисов; тенденция к усилению пролетариата и т. д.), то на них упомянутые аналитические достижения не произвели, по-видимому, никакого отрицательного воздействия. Поэтому, даже если бы некоторые из этих положений оказались бы по проведению более тщательного анализа признанными недостаточно обоснованными или устаревшими в результате развития капитализма за минувшее столетие, то это не было бы связано с «отказом» от трудовой теории стоимости. Не следует, во всяком случае, забывать слова, написанные в 1937 г. маститым «буржуазным» экономистом по поводу «блистательного», как он назвал его, «анализа [Марксом] тенденций долговременного развития капиталистической системы». «Документальные подтверждения не могут не впечатлять, — писал этот автор. — Растущая концентрация богатства, быстрое устранение мелких и средних предприятий, прогрессирующее ограничение конкуренции, неудержимый технологический прогресс, сопровождаемый постоянно растущим значением постоянного капитала, и, наконец — хотя это не менее важно, — отнюдь не сокращающиеся масштабы постоянно повторяющихся экономических циклов — непревзойденная вереница осуществившихся предсказаний, по сравнению с которой современная экономическая теория со всеми ее усовершенствованиями мало чем может похвастаться»⁹⁵

По-видимому, ничего не устарело и в Марксовой критике «фетишизма» (см. выше) именно потому, что оказалось подтвержденным в своих основных деталях то комплексное объяснение экономических фактов, на которое опиралась эта критика у Маркса. Необходимо вместе с тем учитывать различия между той эпохой, когда творил Маркс, и нашим временем. В самом деле, правомерно, по-видимому, утверждать, что ныне, после целого столетия развития экономического анализа, «фетишистские» иллюзии в значительной мере утратили свое значение или же приняли формы, тесно связанные с маржиналистской системой, в силу чего их критика сделалась теперь неотъемлемой частью критики указанной системы. Так, например, «иллюзия физиократов, что земельная рента вырастает из земли», или сходное с нею понимание капитала как «самостоятельного источника стоимости»⁹⁶ либо не встречается в современной политической экономии, либо встречается в куда менее примитивных формулировках, чем те, с

⁹⁵ W. Leontief. The Significance of Marxian Economics for Present Day Economic Theory. — "American Economic Review" (supplement), March 1937; trad. it. in: D. Horowitz (A cura di). Marx, Keynes e i neomarxisti. Torino, 1981, p. 83.

⁹⁶ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23.

какими имел дело Маркс, и которые опираются на маржиналистскую систему⁹⁷.

Если обратиться теперь к различию, проводившемуся Марксом между конкретным и абстрактным трудом, то ясно, что ныне оно уже неприемлемо в тех терминах, в каких его формулировал Маркс, поскольку вообще нельзя отождествлять стоимость и труд (абстрактный). Но если иметь в виду цели проведения такого различия у Маркса, то тогда еще раз нельзя не убедиться, что ничто существенное в его анализе не устарело. «Вульгарная политическая экономия», процветавшая, по словам Маркса, на путанице между конкретным и абстрактным трудом, за минувшее время дала новые победы, с более глубокими корнями, но при этом полностью покинула почву трудовой теории стоимости, на которой держалась ее предшественница — вульгарная политэкономия марксовых времен (именно на этой-то почве путаница между конкретным трудом и абстрактным трудом и могла породить указанные выше последствия), и приняла, напротив, форму современных маржиналистских теорий. Их критика поэтому совпадает с критикой маржинализма и уже не может вестись в тех терминах, в каких вел ее Маркс.

Что же касается установления исторических характеристик капиталистического производства, то остается совершенно справедливым, что рабочее время индивидуального производителя участвует в создании меновой стоимости продукта лишь в той мере, в какой является «общественно необходимым». В силу этого цена производства любого товара зависит от труда, общественно необходимого для его производства (при желании этот труд можно по-прежнему называть «абстрактным»), а не от труда, затраченного индивидуальным производителем, и к тому же может быть реализована на рынке лишь при том условии, что произведенное количество товара не превосходит количества того, что Смит называл «действительным спросом» общества.

д) *Понятие эксплуатации труда*

Перейдем наконец к последнему из критических положений, выдвинутых против Зраффы. Это — положение (разбор

⁹⁷ Поэтому вряд ли можно утверждать, подобно тому как это делает Коллетти, следуя за Гильфердингом, что «решающей важности» проблемой является анализ фетишизма, который «предшествует проблеме меновых соотношений между товарами» (см. *L. Colletti. Ideologia e società*, p. 105). На самом же деле проблема меновых соотношений, жизненно важная для определения нормы прибыли, а следовательно, и для анализа капитализма в целом, судя по всему, стоит впереди анализа «фетишизма», точно так же, например, как способность гелиоцентрической гипотезы объяснять астрономические явления, предшествует факту объявления средневековой концепции Земли как центра Вселенной иллюзорной и антропоцентрической.

его мы оставили незавершенным), по которому Зраффа якобы не объяснил «источник», или «происхождение», прибыли и которое отражает стремление приписать трудовой теории стоимости, как мы уже упоминали выше, некую вторую и более общую функцию — доказательства того, что при капитализме прибыли имеют источником эксплуатацию трудящихся. Такое доказательство, по мнению некоторых авторов, стало бы невозможным, если бы мы отказались от трудовой теории стоимости.

Вплоть до совсем недавнего времени такую дополнительную роль трудовой теории стоимости приписывали главным образом авторы-маржиналисты. Они делали это на базе отождествления, которое, как они полагали, можно проследить у мыслителей-социалистов, поддерживающих трудовую теорию стоимости, «двух различных положений. Первое указывает на труд как источник всякого богатства и всякой собственности. Во втором (трудовой теории стоимости) утверждается, что товары обмениваются в соответствии с содержащимся в них трудом. Между тем в маржиналистской теории уподобление первого положения второму происходит самым *непосредственным* образом»⁹⁸. В самом деле, по этой теории, случай, когда товары всегда (то есть независимо от органического строения капитала, вложенного в их производство) обмениваются по содержащемуся труду — иначе говоря, когда норма прибыли равна нулю, — одновременно оказался бы случаем, когда труд выступает в качестве единственного дефицитного «производительного фактора», которому и должен принадлежать весь продукт.

Интерпретации такого рода, как мы видели, были облегчены «этическим» использованием трудовой теории стоимости, к чему прибегали некоторые социалисты в XIX веке. У Маркса, однако, невозможно найти текстуальные опоры для подобной интерпретации. Наоборот, он неоднократно подчеркивал радикальное отличие «этических» интерпретаций трудовой теории стоимости, прослеживаемых у «социалистов-рикардианцев», от своей интерпретации, направленной исключительно на открытие «закона движения» капитализма⁹⁹. Бём-

⁹⁸ A. Ginzburg. Introduzione. — In: I socialisti ricardiani, p. XVIII; см. также примечание 26 на этой же странице. Элементы маржиналистского «прочтения» трудовой теории стоимости обнаруживают себя также в некоторых положениях работы: C. Napoleoni. Lezioni sul capitolo sesto inedito di Marx. Torino, 1972, p. 179—180. Их критику см. в: P. Garegnani. Marx e gli economisti classici, p. 86.

⁹⁹ Например (см. прим. 92 к параграфу 3, а также с. 423 и след.), Маркс, комментируя вышеприведенный пассаж об «этическом» применении социалистами теории стоимости Рикардо, добавляет: «Доказано, что даже утопическое толкование формулы Рикардо в Англии уже бесследно исчезло, когда г-н Прудон по ту сторону пролива ее „открыл“» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 48). Совершенно ясно, что у Маркса не было намерения воскрешать ее в Германии или еще где-нибудь в 1859 либо

Баверк, как уже говорилось, смог приписать ему «этическую» интерпретацию только с помощью косвенного построения типа: Маркс — социалист; у социалистов в ходу «этическое» использование трудовой теории стоимости; следовательно, такое прочтение должно быть верно и для Маркса¹⁰⁰. Следует отметить, что по этому пункту Гильфердинг не пошел за ним.

Тем не менее позиция Гильфердинга фактически подготавливала почву для появления и среди марксистов интерпретаций такого рода (которые недавно действительно появились). В самом деле, если в трудовой теории стоимости видеть «инструмент, раскрывающий социальные отношения между людьми, скрытые за оболочкой товарообмена»¹⁰¹, то естественно требовать от нее и доказательства того, что отношение между капиталистами и трудящимися есть отношение эксплуатации. Именно это и делает трудовая теория стоимости, утверждают представители разных течений, поскольку эта теория показывает, что капиталисты присваивают прибавочный труд¹⁰². Вообще, стоит лишь ввести для объяснения трудовой стоимости любые дополнительные мотивы, кроме определения нормы прибыли и цен, как оказывается открытым путь и к протаскиванию «этических» мотиваций¹⁰³.

Как и следовало ожидать, учитывая то, что было сказано насчет конкретных опор в тексте Марксовых работ, подобные толкования скудны по части точных отсылок к этим текстам¹⁰⁴ и базируются, судя по всему, скорее на общих сообра-

1867 году. См. также Ф. Энгельс. Маркс и Родбертус. Предисловие к первому немецкому изданию работы К. Маркса «Нищета философии». — В: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21. с. 180—194.

¹⁰⁰ Вначале в такое же заблуждение впал и Конрад Шмидт; но, как он пишет, «лучше узнав Маркса, я вскоре убедился, что моя концепция абсолютно ошибочна и что Маркс не только не извлекает постулатов из закона стоимости, но и основывает свой социализм на других, куда более прочных опорах» (C. Schmidt. Il saggio medio del profitto e la legge marxiana del valore (1889). Milano, 1971, p. 202, nota 3).

¹⁰¹ E. Wolfstetter. Surplus Labour, Synchronised Labour Costs and Marx's Labour Theory of Value. — "Economic Journal", September 1973.

¹⁰² См., например: A. Medio. Profits and Surplus-Value; Appearance and Reality in Capitalist Production. — In: E. K. Hunt, Schwartz J. G. (eds.). A Critique of Economic Theory. Harmondsworth, 1972, p. 527—530; D. M. Nuti. La trasformazione dei valori in prezzi di produzione e la teoria marxiana dello sfruttamento. — In: Valori e prezzi nella teoria di Marx, p. 231; M. Morishima, G. Catephores. Value, Exploitation and Growth. New York, 1978, particul. p. 30 ff.; J. E. Roemer. Analytical Foundations of Marxian Economic Theory. Cambridge, 1981.

¹⁰³ См., например: D. M. Nuti. La trasformazione dei valori in prezzi, p. 238; C. Napoleoni. Lezioni sul capitolo sesto inedito di Marx, p. 179—180. См. также следующее примечание.

¹⁰⁴ Нам известна одна-единственная попытка проследить в трудовой теории стоимости Маркса — на базе детального анализа самих текстов — функции и цели, отличные от определения нормы прибыли и цен и якобы выдающие непосредственное намерение автора осудить капитализм. М. Липпи (за которым отчасти последовал Ф. Вьянелло) утверждает, что

жениях, подразумевающих, что именно необходимо для того, чтобы можно было говорить об эксплуатации.

Между тем необходимо, по-видимому наконец открыто рассмотреть эту тему об эксплуатации. Дело в том, что в вопросе о связи между трудовой теорией стоимости и эксплуатацией, вероятно, куда более трудно отделить — подобно тому, как мы пытались это делать выше, — задачу филологического характера, интерпретацию идей Маркса от сущностного вопроса о правильности его тезисов. Объясняется это тем, что, хотя Маркс, бесспорно, был убежден, что при капитализме трудящиеся подвергаются эксплуатации, ни в одной из его работ нет ни одного определенного места, где бы содержалось прямое доказательство этого факта (между тем, как можно найти, например, точное доказательство тезиса о том, что продление рабочего дня при неизменной заработной плате увеличивает прибыль). Причины такого положения дел, полагаем, станут более ясными ниже. Таким образом, для того чтобы разобраться, оказалось ли это убеждение Маркса подорванным в результате отказа от трудовой теории стоимости, нужно прежде всего выяснить, каким путем Марксов анализ подспудно служил обоснованию этого убеждения. А это возвращает нас к вопросу о том, наличие каких же условий необходимо для того, чтобы можно было утверждать, что при капитализме трудящиеся подвергаются эксплуатации.

Подобно большинству научных понятий, насыщенных также этико-политическим содержанием (вспомним хотя бы о понятиях «демократия» или «равенство»), понятие эксплуатации неоднозначно и исторически изменчиво с точки зрения его смысла. Но, пожалуй, основное, что необходимо для наших целей, все же можно выяснить путем сравнения с феодальным обществом, где наличие эксплуатации ныне призна-

Марксова трактовка издержек обращения, «рыночной стоимости», «превращения» стоимостей в цены была бы необъяснима, если бы функции трудовой теории стоимости ограничивались у Маркса только теми, которые мы указали. Эта трактовка стала бы куда более объяснимой — в частности, и в свете других работ Маркса — в качестве отражения стремления Маркса выявить в стоимости «реальные общественные затраты» (общественно необходимый труд), которых требует производство продуктов. Таким образом, в глазах Маркса, по Липпи, «труд получает... подтверждение как суть производства... цель коммунизма приобретает правомочность» (*M. Lippi. Marx; il valore come costo sociale reale. Milano, 1976, p. 151*). Мы полагаем, что выше уже доказали, что подобная интерпретация ошибочна и в основе ее, повторим еще раз, лежит отсутствие ясного понимания проблем анализа, с которыми имел дело Маркс. К сожалению, мы вынуждены просто отослать читателя к текстам этой дискуссии, поскольку ее нелегко резюмировать вкратце. Помимо указанной книги Липпи, см.: *M. Lippi. Il principio del valore-lavoro. — "Rinascita", 28 aprile, 1978, № 17; F. Vianello. L'anello spezzato. — "Rinascita", 14 aprile, 1978, № 15; P. Garegnani. Marx e gli economisti classici; Appendice A; F. Petri. Sul Marx di Lippi.*

ется почти всеми. Применительно к такому обществу суждение насчет эксплуатации крепостных феодалами, по-видимому, не связано с той формой *прибавочного труда* или *прибавочного продукта*, в которой выступает прежде всего отчуждение дохода в пользу феодала¹⁰⁵. Это суждение, по-видимому, опирается скорее на тезис (основывающийся в свою очередь исключительно на анализе действительности) о том, что доход феодального сеньора объясняется единственно тем обстоятельством, что феодальный строй устанавливает между классами такое соотношение сил, которое не позволяет крепостным присваивать весь продукт.

Если вернуться теперь к капитализму, то и здесь, очевидно, основной вопрос заключается не в том, приводит ли структура данной теории к изображению прибылей прежде всего как прибавочного продукта, а не прибавочного труда¹⁰⁶. Вопрос заключается в ином: основываются ли капиталистические прибыли на том, что социальная структура общества устанавливает такое соотношение сил между классами, которое не позволяет трудящимся присваивать весь чистый продукт целиком? Между тем ответ на этот вопрос может быть дан лишь всей совокупностью экономической теории, иначе говоря, углубленным и систематическим исследованием, раскрывающим суть всей совокупности экономических фактов. Подобное объяснение может подтвердить отсутствие иных оснований у прибыли, но может обнаружить и такие основания, которые не являются очевидными с точки зрения обыденного сознания. Оно может обнаружить, если перефразировать Маркса, что объяснение прибавочного продукта в терминах эксплуатации является «вульгарным», то есть типичным для тех, кто останавливается на «кажущихся истинах» здравого смысла, даже если им противоречат результаты научного исследования. Выше мы уже видели, что выстраивать аргументацию в соответствии с этой линией имело бы смысл только в том случае, если бы маржиналистские теории были верными и норма прибыли выступала в качестве цены за использо-

¹⁰⁵ Известно, в частности, что в некоторых случаях крепостные должны были отдавать часть своего рабочего *времени*, отрабатывая барщину на господских полях; в других случаях они должны были отдавать господину часть *продукта* собственного труда.

¹⁰⁶ В некоторых, совершенно особых случаях, которые мы здесь лишены возможности разобрать, измерение прибылей в терминах прибавочного труда может оказаться нелегким делом; см.: *I. Steedman. Marx dopo Sraffa. Roma, 1979, cap. II; M. Morishima. Marx in the Light of Modern Economic Theory. — "Econometrica", 1974; F. Petri. Positive Profits without Exploitation: a Note on the Generalised Fundamental Marxian Theorem. — "Econometrica", March 1980; F. Petri. Il mito del lavoro contenuto. — "Quaderni piacentini", 1981, № 2. Но именно, как говорится в нашем тексте, данное обстоятельство не имеет никакого значения для выяснения вопроса об эксплуатации.*

вание некоего особого дефицитного «производительного фактора»; из этого мы выводили подтверждение нашей мысли о важности критики маржиналистских теорий¹⁰⁷. В связи с этим один из нас писал по поводу роли трудовой теории стоимости: «Если все это верно, то становится ясно, что доказательство тезиса о существовании эксплуатации труда в капиталистическом обществе никоим образом не зависит от того, правильна или неправильна трудовая теория стоимости. Его доказательство зависит совсем от другого: правильности теоретической установки, опирающейся на понятие общественно-прибавочного продукта, которая позволяет увидеть, что у прибыли нет никакого иного основания, за исключением того простого факта, что существующая экономическая система препятствует присвоению трудящимися всего продукта. Если эта установка верна, то суждение насчет эксплуатации может быть применено к случаю прибылей с такой же точно обоснованностью, с какой оно может быть применено к случаю феодальной собственности»¹⁰⁸.

Мы не считаем, что тем самым исчерпали проблемы, связанные с вопросом о существовании эксплуатации при капитализме. Но мы показали ошибочность мнения о необходимой связи между правильностью трудовой теории стоимости (а не более обширной установки, частью которой является эта теория) и фактом наличия эксплуатации. *Доказательство* наличия эксплуатации всякий раз требует опровержения теорий, которые отрицают его существование. В наши дни это означает прежде всего опровержение маржиналистских теорий. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что уже сейчас намечаются попытки подыскать прибыли иное обоснование, чем то, которое дает маржинализм. Эти попытки в отличие от маржиналистских связываются скорей с идеями Адама Смита и социал-демократической традицией.

Обоснование это, как утверждается, состоит в том, что, поскольку большая часть прибылей реинвестируется, то, значит, прибыль обеспечивает «развитие производительных сил»

¹⁰⁷ Следовательно, Вольфштеттер и другие авторы, приведенные в примечании 102 к этому параграфу, заблуждаются, когда полагают, что трудовая теория стоимости подтверждает существование эксплуатации, поскольку якобы показывает, что прибыль соответствует прибавочному труду. Даже если бы мы вообразили себе мир, в котором реально действовала бы маржиналистская теория распределения и верным было бы маржиналистское обоснование прибылей, то и там прибыли соответствовали бы прибавочному труду (как его характеризует обычное определение содержащегося труда).

¹⁰⁸ P. Garegnani. Marx e gli economisti classici, p. 88. Теперь должно быть вполне ясно, почему Маркс нигде в своих работах не занимается специально доказательством того, что трудящиеся подвергаются эксплуатации, — такое доказательство могло вытекать лишь из всей совокупности его анализа.

(что считал необходимым и Маркс)¹⁰⁹, и что капитализм, по-видимому, обеспечивает такое развитие *лучше*, чем страны с плановой экономикой, особенно если государство предусмотрительно берет на себя усилия по смягчению двух главных изъянов капитализма: неспособности обеспечить полную занятость и тенденции к чрезмерному неравенству в уровнях потребления. Подобные теоретические построения, вероятно, будут становиться все более частыми по мере того, как будет признаваться неприемлемость маржиналистской теории, хотя — по крайней мере в настоящее время — они даже отдаленно не могут сравниться по систематичности и изощренности с маржиналистскими теоретическими разработками на тему о прибылях¹¹⁰

4. К реконструкции политической экономии

Из всего сказанного выше о нынешней ситуации должно с ясностью следовать, что сейчас нет никаких двух отдельных понятий — «марксистской политекономии», с одной стороны, и просто «экономической теории» без всяких прилагательных, с другой, — как мы в прошлом привыкли представ-

¹⁰⁹ Некоторые авторы открыто заявляют, что в силу этого обстоятельства из понятия «эксплуатации» следовало бы исключить ту часть прибылей, которая реинвестируется. См.: *C. Napoleoni*. Smith, Ricardo, Marx. Torino, 1970; *P. A. Samuelson*. C. C. Von Weizsäcker. A New Theory of Value for Rational Planning through the Use of the Bourgeois Profit Rate. — In: "Proceedings of the National Academy of Science", 1971; *ID*. Modern Capital Theory and the Concept of Exploitation. — "Kyklos", 1973. Между тем основная идея была со всей отчетливостью сформулирована уже более полувека назад: «Социалисты склонны были ожидать преобразования экономики и общества в результате ликвидации доходов от капитала и огосударствления средств производства... Мы начинаем видеть, что доходы от капитала, в сущности, это не что иное, как тот ресурс, в котором индустриальная экономика современного мира ежегодно нуждается для собственного роста; что доходы эти — после вычета из них пусть и произвольной, но все же ограниченной доли на потребление самого капиталиста — в остальной своей части вновь поступают в распоряжение экономики. В других работах я высказывал мнение, что произвольные размеры этой доли, вычитаемой на потребление, нуждаются в коррективах морального и экономического характера; однако полная ликвидация такого привилегированного потребления не привела бы к существенному улучшению условий жизни общества» (*W. Rathenau*. L'economia nuova (1918). Torino, 1976, p. 24—25.) В этом тезисе, насколько можно видеть, игнорируется проблема (а она-то, по-видимому, и является центральной) контроля над таким реинвестированием прибылей и формирующимся таким образом капиталом.

¹¹⁰ Критика таких теоретических построений (выходящая за рамки темы данного очерка), по-видимому, имеет прочное основание в доказанной, на наш взгляд, историей неспособности социал-демократических правительств стабильно нейтрализовать упомянутые «изъяны» капитализма: достаточно вспомнить о росте безработицы в последние годы, не пощадившем и страны с социал-демократическими правительствами.

лять себе. Вместо этого в области экономической теории существует сегодня сложная ситуация, в которой оборонительные ухищрения давно господствующей маржиналистской теории сталкиваются — а порой и комбинируются и смешиваются — с альтернативными концепциями. В числе этих последних теорией, по-видимому, демонстрирующей наибольшие потенциальные возможности развития является та, которая предшествовала маржиналистской и которая, по-видимому, подтверждается как самыми последними изысканиями в области теории, так и историей политической экономии. Она была в прошлом отброшена по причинам, имевшим мало что общего с выяснением, по существу, ее правильности и плодотворности¹¹¹ Такой теорией является именно та теория, которая — с точки зрения систематичности — нашла в Марксе свое самое завершенное выражение.

Поэтому сегодня высказываться об отношениях между марксизмом и экономической теорией это, в сущности, то же самое, что высказываться о нынешней ситуации в области экономической теории.

Отметим в этой связи, что, как мы видели, критика маржиналистской теории приводит к заключению, что предпринятая ею попытка объяснить распределение общественного продукта в терминах спроса и предложения «производительных факторов» на базе допущения об их взаимозаменяемости покоится на постулатах, ложность которых доказана аналитическими работами последнего времени.

Можно поэтому, по-видимому, заключить, что данная теория направила научный поиск по неверному в основе своей пути.

Перед учеными встает вследствие этого обширная задача по реконструкции, ибо указанная теория распределения и стоимости не преминула пропитать своими идеями самые различные области экономических исследований, в том числе и конкретных.

Сказанное означает, с другой стороны, что имеется альтернативная теория, к которой можно обратиться как к базе для проведения этой работы по реконструкции. И дело не сводится просто к разной постановке теоретических проблем. В самом деле, по существу, аналитические достижения последнего времени в области определения нормы прибыли не поколебали правильности многих важных положений классиков политэкономии и прежде всего Маркса. И если они, как мы увидим, затронули правильность отстаивавшегося Марксом «закона» о тенденции нормы прибыли к понижению, то они, по-видимому, оставили незатронутыми другие важные положения Маркса, касающиеся глубинных тенденций раз-

¹¹¹ См. с. 423 и примечание 70 на этой стр.; см. также параграф 1.

вития капитализма, как мы имели случай указать в конце параграфа 3.

Вместе с тем фактом остается то обстоятельство, что мы находимся перед лицом теоретической установки, жизнь которой в значительной мере оказалась прерванной, причем перерыв этот длился около ста лет. Речь идет поэтому не о продолжении работы над неким теоретическим корпусом (в который можно просто включить вышеупомянутые аналитические достижения), все части которого уже взаимоувязаны и осовременены, в котором уже накоплен опыт широко развернутых дискуссий и намечено, хотя бы отчасти, практическое решение проблем. Напротив, речь в значительной мере идет о создании нового теоретического корпуса посредством осваивания и развития уже существующих элементов; но существующих в разрозненной и несистематизированной форме. Эта последняя задача является куда более трудной и щекотливой, поскольку куда менее ясно очерченными являются пути, которыми следует идти.

Речь идет, следовательно, прежде всего о том, чтобы черпать из кладезя работ авторов-классиков, и главным образом Маркса; богатство как теоретических, так и конкретных наблюдений этих авторов в значительной мере еще предстоит вернуть на службу науке.

Далее, даже в период наибольшего засилья маржинализма наука не раз пополнялась полезными открытиями, которыми можно будет воспользоваться. Выдающееся место среди таких открытий занимает принцип мультипликатора Кейнса и Калецкого. Немаловажную роль сможет также сыграть, например, принцип, по которому влияние на капиталовложения оказывают главным образом *изменения* уровня спроса: важность этого принципа признана многими авторами¹¹²

В развитие «кейнсианской революции» приобрели большой размах изыскания, в значительной мере независимые от маржиналистских установок, в том числе исследования посвященные воздействию инфляции на спрос и издержки, работы по применению кейнсианских критериев к анализу платежного баланса и последствий фискальной политики; получили также развитие эмпирические исследования реального функционирования крупных предприятий, практики государственного регулирования цен, функционирования рынка труда и роли профсоюзов.

В последующие годы большинство экономистов испытало на себе влияние неовальрасианских и монетаристских устано-

¹¹² Обычно этот принцип называют «принципом акселерации». См.: J. Robinson, J. Eatwell. *An Introduction to Modern Economics*. Maidenhead (UK), 1973 (trad. it.: *Economia politica — una Introduzione*, Milano, 1974, p. 166).

вок; однако определенное меньшинство, состоящее из «институционалистов», «радикалов» или «неомарксистов» (по большей части попавших в университеты на гребне волны «студенческого бунта», выступлений против расизма и войны во Вьетнаме 60-х — начала 70-х годов), подхватило многие из этих тем, в особенности в области экономики труда, и произвело на свет ряд чрезвычайно интересных исследований¹¹³.

Перед нами, следовательно, далеко не ситуация теоретического вакуума¹¹⁴. Имеется сверх того весьма важное обстоятельство, облегчающее выполнение задачи реконструкции: присущая классикам политэкономии предельная гибкость в постановке основных теоретических проблем.

Как мы видели в параграфе 2, обстоятельства, в которых велись поиски объяснения уровня реальной заработной платы, позволяли трактовать этот уровень как уже известный к моменту определения других доходов. Аналогичным образом обстояло дело с общественным продуктом. Подобное разделение между определением реальной заработной платы, произведенных количеств продукции, технических условий производства и, наконец — оставаясь в рамках «ядра» теории, определением доходов, не являющихся заработной платой, и относительных цен позволяло «классикам» политической экономии опираться в своих рассуждениях на относительно короткие дедуктивные связи, что порождало куда более гибкую структуру анализа наблюдаемых фактов, нежели та, к которой нас приучили маржиналисты.

Это означает, что упомянутое «ядро» допускает разные решения вопроса о факторах, определяющих общественный продукт, уровень заработной платы (или нормы прибыли) и технические условия. У нас была, например, возможность указать на различие теорий заработной платы Смита, Рикардо и Маркса. Аналогичное, если не еще большее, различие характеризует соответствующие теории уровней дохода и накопления, о которых речь пойдет несколько ниже.

В оставшейся части данного параграфа мы попытаемся очертить как уже проделанную работу по реконструкции тео-

¹¹³ В обширнейшей литературе на эти темы ограничимся указанием на: *H. Braverman*. *Labor and Monopoly Capital*. New York, 1974 (trad. it.: *Lavoro e capitale monopolistico*. Torino, 1974); *R. C. Edwards, D. Gordon, N. Reich*. *Labor Market Segmentation*. Lexington (Mass.), 1975; *S. Bowles, H. Gintis*. *Schooling in Capitalist America*. London, 1976; *J. Rubery*. *Structured Labour Markets, Worker Organisation and Low Pay*. — "Cambridge Journal of Economics", March 1978; *B. Elbaum, W. Lazonick, F. Wilkinson, J. Zeitlin*. Symposium on "The Labour Process, Market Structure and Marxist Theory". — "Cambridge Journal of Economics", September 1979.

¹¹⁴ Существует уже учебник, в котором предпринята попытка представить общую картину политической экономии, альтернативную маржиналистской и во многих отношениях согласующуюся с классической теорией: *J. Robinson, J. Eatwell*. *An Introduction to Modern Economics*.

рии, так и те направления, по которым, по-видимому, ее можно вести дальше. Естественным представляется начать с того, что было проделано по вопросу об отношениях между заработной платой, нормой прибыли и ценами, то есть в том «ядре» теории, где велась наиболее интенсивная работа, поскольку задачи здесь совпадали с задачей разрешения проблем, оставленных не решенными Рикардо и Марксом.

Как мы уже видели, в рамках этих проблем получили подтверждение глубинные предвидения представителей классической теории и Маркса, в особенности тезис о наличии — в самом общем виде — обратной связи между нормой прибыли и реальной заработной платой.

Оказалось возможным, кроме того, существенно продвинуться вперед и добиться других значительных достижений (которые здесь нам придется лишь упомянуть без развернутого изложения, учитывая аналитическую сложность затронутых вопросов). Так, была доказана несущественность условий производства средств роскоши для определения нормы прибыли; стало возможным изучение изменения цен при изменениях реальной заработной платы (или нормы прибыли), а также — при наличии нескольких возможных методов производства одного и того же продукта — определение того метода, который будет продиктован конкуренцией¹¹⁵. В результате исследований была выявлена возможность того, что при увеличении нормы прибыли отношение между ценами двух товаров не всегда изменяется в том же направлении, а может, например, сначала увеличиться, а потом уменьшиться (такой возможности не подозревал даже Маркс), что создает условия для «возвращения к старой технике» и «инверсии стоимости капитала», образуя тем самым основу для той действительной критики изнутри маржиналистской теории, о которой упоминалось выше. Продвижение вперед отмечено в трактовке вопросов об основном капитале и совмещенном производстве. Развитие получила теория ренты; было обнаружено, например, что определение качества земли, не являющейся источником дифференциальной ренты, в противоположность тому, что думали Рикардо и Маркс, обычно невозможно до определения нормы прибыли, но должно осуществляться одновременно с этим последним¹¹⁶.

¹¹⁵ По этому вопросу остаются еще некоторые неразрешенные проблемы, относящиеся к случаю совмещенного производства; см. параграф 3, примечание 88.

¹¹⁶ См.: *P. Sraffa. Produzione di merci a mezzo di merci; P. Garegnani. Heterogeneous Capital, the Production Function and the Theory of Distribution.* — "Review of Economic Studies", 1970 (trad. it. in: *P. Sylos Labini (a cura di). Prezzi relativi e distribuzione del reddito.* Torino, 1973); *M. Lippi. I prezzi di produzione.* Bologna, 1980; *L. Pasinetti. Lezioni di teoria della produzione.* Bologna, 1975; *I. Steedman. Marx dopo Sraffa.*

Теперь обратимся к вопросам, с которыми и предстоит главным образом работать. Это в основном вопросы, связанные: а) с накоплением и определением количеств произведенной продукции; б) с определением факторов, детерминирующих распределение дохода между заработной платой и прибылью; в) с детерминацией технических условий производства (вопросы, в значительной мере игнорируемые маржиналистскими теориями).

Что касается первого круга проблем, то на базе идей, предложенных Кейнсом, уже была проделана работа по развитию принципа реального спроса и интеграции этого принципа в классическую теорию — в особенности (хотя и не исключительно) применительно к его использованию в краткосрочном плане, то есть для определения уровня загрузки производственных мощностей.

В самом деле, у авторов-классиков мы обнаруживаем разработки, которые нельзя назвать вполне удовлетворительными — хотя и насыщенные интересными идеями, отчасти еще ждущими дальнейшего углубления, — о факторах, определяющих уровень общественного продукта. Рикардо соглашался с тезисом Ж. Б. Сэя (позже получившим известность — и многократно подвергавшимся критике — под названием «закона Сэя») о том, что при нормальных ценах совокупный спрос якобы должен быть достаточным для поглощения всей совокупной продукции, и делал из этого вывод, что накопление прибылей, по-видимому, никогда не должно встречать препятствий со стороны спроса. В тенденции, таким образом, уровень общественного продукта должен соответствовать уровню полного использования существующих капитальных средств (или производственных мощностей), созданных предшествующим накоплением. Мальтус со своей стороны признавал возможность возникновения кризисов перепроизводства, но вместе с Рикардо соглашался с трактовкой актов сбережения и инвестирования как в сущности совпадающих моментов (ибо по этой идее сбережения создаются лишь с целью вложения их в производство), даже если это воздвигало непреодолимые препятствия на пути к удовлетворительному обоснованию его тезисов. Действительно, если сбереженный доход (то есть не потраченный на приобретение потребительских благ) по этой гипотезе целиком расходуется на инвестиции, то продукт (который, будучи предназначен для распределения среди индивидов, по стоимости должен быть равен сумме их доходов) с необходимостью оказывается равным по стоимости спросу (потреблению плюс инвестициям), и совершенно непонятно, откуда же может возникнуть кризис перепроизводства¹¹⁷.

¹¹⁷ См.: *P. Garegnani. Note su consumi, investimenti e domanda effettiva*, p. 12—19.

Куда более сложным и насыщенным мыслью выступает анализ Маркса. Тем не менее необходимость дальнейших исследований применительно к этому анализу дает знать о себе с особой настоятельностью; вот почему то, что будет нами сказано ниже на этот счет, следует рассматривать как сугубо предварительные и требующие углубления положения.

У Маркса мы обнаруживаем категорический отказ от закона Сэя. Отказ этот мотивирован прежде всего очевидными фактами истории и подкреплен тем соображением, что, поскольку товары обмениваются на деньги, то совсем обязательно, чтобы тот, кто совершил продажу, во что бы то ни стало немедленно совершал новую покупку. Продавший товар может сохранять в деньгах обеспеченную себе таким образом покупательную способность. Денежное обращение может, следовательно, прерываться, и, если первоначальный перерыв окажется достаточно продолжительным, то он распространится по цепочке на всю экономику, вызывая общий кризис¹¹⁸.

Маркс выявлял, таким образом, отсутствие необходимого соответствия между решениями о сбережениях и решениями об инвестировании. Однако он полагал, по-видимому, что кризисы это эпизоды — пускай даже жестокие и затяжные, — которые периодически *прерывают* процесс накопления рикардianского типа, и, по-видимому, сосредоточивал свое внимание главным образом на причинах, вызывающих такие кризисы¹¹⁹. Он, однако, не пытался выстроить теорию уровня, к которому должен тяготеть общественный продукт в том случае, если инвестиции — неважно, по какой причине, — оказываются недостаточными для поглощения всех сбережений, которые имелись бы при полном использовании существующих производственных мощностей (что предполагается как одно из обязательных условий в рикардianском процессе накопления).

Именно такую теорию дает нам принцип действительного спроса Кейнса, то есть тезис о том, что именно уровень совокупного производства (уровень национального дохода)

¹¹⁸ Имеется в виду предположение (встречающееся и у авторов — предшественников Маркса), что, если капиталист А, продав свои товары, не приобретет, как обычно, товары у капиталиста В, то этот последний, видимо, не сможет купить у В, тот в свою очередь у Г и т. д. См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 122—124.

¹¹⁹ Среди этих причин Маркс, судя по всему, выделяет в особенности три: понижение нормы прибыли, обусловленное увеличением заработной платы (циклические колебания размеров «резервной промышленной армии»); последствия действия тенденции нормы прибыли к снижению; трудности реализации товаров, вытекающие из диспропорций между структурой произведенной продукции и структурой общественных потребностей. См.: P. N. Sweezy. La teoria dello sviluppo capitalistico, cap. VIII—X; M. Dobb. Political Economy of Capitalism, Chap. IV.

приводит в равновесие сбережения и инвестиции. Принцип этот представляет собой крупное достижение, которым можно воспользоваться при работе по реконструкции теории, базирующейся на установке классической школы.

Подобно многим другим важным идеям, эта идея в основе своей очень проста. Она включает в себя три элемента. Во-первых, решения об инвестировании (то есть о приобретении капитальных благ) в каждый данный момент независимы от решений о сбережении (то есть о том, чтобы не тратить части дохода на приобретение потребительских благ), поскольку индивид может осуществлять сбережение и без того, чтобы этому соответствовали решения об инвестировании, и может инвестировать (например, уплачивая векселями) и без какого бы то ни было соответствующего решения о сбережениях. Таким образом, вовсе не обязательно, чтобы в народном хозяйстве в его совокупности решения о сбережениях и инвестициях по стоимости всегда и неизменно уравновешивали бы друг друга.

Во-вторых, стоимость продукции при нормальных ценах в тенденции должна быть равноценна стоимости спроса, или совокупных расходов, то есть совокупной стоимости расходов на потребление и на инвестиции. В самом деле, если бы стоимость произведенной продукции оказалась выше стоимости совокупного спроса, то произошло бы накопление запасов непроданных товаров, следствием чего стало бы давление на цены в сторону их понижения, и, стало быть, так или иначе начали бы действовать стимулы к *сокращению* производства. Если бы спрос превышал объем произведенной продукции, то все происходило бы наоборот. В обоих случаях, таким образом, наблюдается тенденция к приближению уровня доходов к уровню совокупного спроса, а следовательно, тенденция к обеспечению равенства сбережений (доход минус потребление) и инвестиций (совокупный спрос минус потребление).

В-третьих, изменения размеров дохода сами могут вызывать и, как правило, *будут* вызывать изменения в том же направлении также размеров совокупного спроса. Однако изменения совокупного спроса будут (кроме исключительных случаев) *меньшими*, чем вызывающие их изменения размеров дохода, в силу чего разница между доходом и совокупным спросом все равно будет тяготеть к сокращению, вплоть до полного исчезновения на *равновесном уровне дохода*. Ключевым здесь является различие между *экзогенным* (по отношению к доходу) компонентом совокупного спроса и компонентом, *обусловленным* уровнем дохода. Так, по крайней мере в первом приближении, мы можем рассматривать инвестиции I в качестве экзогенных по отношению к доходу Y , а потребление C , напротив, как обусловленное доходом и

равное, скажем, какой-то его части b , меньше единицы, например 80%, которую мы для простоты можем представить себе независимой от уровня дохода. Тогда мы будем иметь $C = bY$ (и, обозначив сбережения S , то есть $S = Y - C$, получим $S = (1 - b)Y$, также представляющее собой убывающую функцию дохода). Тогда совокупный спрос будет выражен $I + bY$; если он не будет равен доходу, то этот последний будет стремиться сравняться с ним. Например, если совокупный спрос будет больше дохода, то доход будет стремиться к увеличению. Это повлечет за собой также увеличение совокупного спроса (потому что приведет к увеличению потребления), но на меньшую величину, чем доход (потому что потребление увеличится лишь на 80% увеличения дохода), так что разрыв будет тяготеть к уменьшению вплоть до исчезновения, когда $Y = I + bY$, то есть $Y = I / (1 - b)$. Таков равновесный уровень, к которому будет тяготеть уровень дохода; он будет выражен экзогенными расходами I , умноженными на дробь $1 / (1 - b)$, которая так и называется: «мультипликатором дохода». Именно на этом уровне решения об инвестировании оказываются равноценными решениям о сбережении¹²⁰.

Эта простая формула чрезвычайно полезна, в частности, потому, что позволяет вывести изменения дохода, обусловленные изменениями экзогенных расходов. Например, если государство добавит к данным инвестициям I свою долю экзогенных государственных расходов G , то совокупный спрос будет выражаться формулой $I + G + bY$, а доход будет стремиться к уровню $Y = (I + G) / (1 - b)$, то есть возрастет на величине $1 / (1 - b) G$, представленную изменением размеров экзогенных расходов благодаря действию мультипликатора дохода¹²¹.

Должно быть совершенно очевидно, что изложенная здесь теория уровня дохода абсолютно независима от маржиналистской теории стоимости и распределения. Влияние этой последней сказывается в работах Кейнса на двух тесно связанных пунктах: а) определении уровня инвестиций, в отношении которого Кейнс допускает функциональную зависимость (пусть даже нарушаемую фактором неопределенности) от уровня нормы процента (см. выше); б) определении реальной заработной платы, которая, по Кейнсу, равна пре-

¹²⁰ Определение равновесного уровня дохода может быть достаточно просто продемонстрировано и на графике. См.: "Storia del marxismo", vol. IV, p. 819, № 10.

¹²¹ Кейнс как раз и предлагал, чтобы государство в случае, если равновесного дохода недостаточно для обеспечения полной занятости из-за нехватки инвестиций, восполняло недостаток экзогенных расходов путем увеличения государственных затрат и увеличения таким образом дохода и занятости.

дельной производительности труда, а следовательно, должна уменьшаться для того, чтобы уровень дохода мог повышаться¹²².

Однако эти два элемента, верность которых представляется сомнительной, по-видимому, могут быть изъяты из кейнсовской теории, причем не вызывая никакой необходимости отказываться от принципа действительного спроса. Например, уровень реальной заработной платы может быть — в первом приближении — принят за данный и неизменный при изменении уровня дохода, или же связанный регрессией с уровнем безработицы, как то подсказывается, по-видимому, эмпирической очевидностью.

Что же касается инвестиций, то (если отбросить маржиналистскую теорию) отпадают препятствия к изучению факторов, детерминирующих размеры капиталовложений, на основе того, что, судя по всему, демонстрирует сам опыт. Речь идет о том, что наиболее существенное влияние на инвестиции оказывают, по-видимому, уровень и изменения (как прошлые, так и ожидаемые) совокупного спроса, технологические новшества, открытие новых рынков, политическая ситуация и т. д.

Таким образом, мы могли бы попытаться ответить на вопрос о том, от чего же зависит как уровень дохода в *краткосрочном разрезе* (то есть степень использования существующих производственных мощностей), так и уровень *накопления*, то есть изменения самих размеров производственных мощностей. Ответ же этот открывает путь к признанию того, что затруднения со стороны спроса причинно обуславливают не только в краткосрочном, но и в долгосрочном плане уровни дохода и накопления, более низкие, чем те, которые могли бы быть достигнуты при постоянном полном использовании производственных мощностей.

По вопросу о распределении дохода важно в первую очередь отметить, что разработка тем, входящих в «ядро» теории, привела к пересмотру важного вывода Маркса, касающегося знаменитого закона о «тенденции нормы прибыли к понижению».

До сих пор идут споры о том, что именно имел в виду Маркс, формулируя этот «закон». Судя по всему, его центральной идеей или по крайней мере ключевой составной частью у Маркса выступал следующий тезис. Конкуренция и характерный для капитализма тип технического прогресса

¹²² Кейнс (прибегающий на протяжении большей части анализа к допущению, что заработная плата в денежном выражении уже дана) предполагает, что для того, чтобы уровень дохода мог возрасти, цена каждого из товаров должна увеличиваться соотносительно увеличению нормы заработной платы в денежной форме при увеличении производства данного товара.

(ведущий к повышению «органического строения» капитала), полагал Маркс, приводят к тому, что происходит внедрение новой технологии, которая на первых порах приносит сверхприбыли тому, кто первым внедрил ее; но по мере превращения во всеобщее достояние технические новшества ведут к *снижению* нормы прибыли, потому что возрастает «органическое строение» капитала в экономике в целом¹²³.

Если мысль Маркса действительно была такова, то она ошибочна. В этом убеждает тот самый анализ изменения методов производства в условиях свободной конкуренции (ставший возможным в результате корректного разрешения проблемы определения нормы прибыли и цен), который позволил подвергнуть маржиналистскую теорию действенной критике (см. выше). Этот анализ, кроме того, продемонстрировал, что — при постановке вопроса в достаточно широком плане — в условиях свободной конкуренции и при отсутствии повышения реальной заработной платы внедрение технических новшеств не может приводить в конечном счете к *уменьшению* нормы прибыли. Более того, если такое техническое обновление затрагивает какое-либо из средств существования или какое-либо из прямых или косвенных средств производства таких средств существования (а не предметы роскоши или специфические средства их производства), то при неизменной реальной заработной плате норма прибыли *должна увеличиваться*.

Это важно для анализа того влияния, которое капиталистическое накопление оказывает на среднюю норму прибыли и средний уровень заработной платы. Маркс благодаря значительной гибкости своей теории заработной платы, без труда признавал возможность увеличения — в долгосрочной перспективе — заработной платы, в той, разумеется, мере, в какой оно не создавало бы опасности для капиталистической системы¹²⁴. Но наличие «тенденции нормы прибыли к понижению» предполагает, что указанная возможность не должна приниматься в расчет, поскольку любое сколько-нибудь значительное повышение заработной платы *должно было бы* создавать угрозу для капиталистической системы. В самом деле, самостоятельное действие тенденции нормы прибыли к понижению должно было бы все более сужать пределы, существующие для повышения реальной заработной платы, и приводить в действие непреодолимые в долгосрочном плане силы, стремящиеся к снижению реальной заработной платы до ее минимального уровня и удержанию ее в таком положении.

Признание неверным «закона тенденции нормы прибыли

¹²³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 232—233.

¹²⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23.

к понижению» означает, напротив, выявление той истины, что технический прогресс открывает все новые ресурсы для увеличения реальной заработной платы и что его использование к большей выгоде заработной платы, а не прибыли будет зависеть от того, как будет складываться соотношение сил между классами при капитализме. А это позволяет объяснить (в частности, как раз с помощью Марксовых соображений насчет «промышленной резервной армии») то, что произошло: неоспоримое повышение на протяжении последнего столетия уровня жизни трудящихся классов в основных капиталистических странах.

В том, что касается факторов, реально определяющих деление общественного продукта на заработную плату и прибыль, то вопрос этот по сей день остается в значительной мере открытым. Открытой, например, остается возможность проверить предложение Зраффы рассматривать — в рамках «ядра» теории — норму прибыли как величину, «которая может быть детерминирована влияниями, посторонними по отношению к системе производства, и, в частности, уровнем ставок денежного процента»¹²⁵.

В самом деле, довольно убедительно выглядит предположение, что в силу конкуренции на рынке продуктов средняя норма прибыли и средний уровень нормы процента на долгосрочный кредит имеют тенденцию к тому, чтобы их изменения — если брать достаточно продолжительный отрезок времени — происходили согласованным образом. Если при этом норма процента зависит от политики финансовых властей, то у этих последних возникает возможность путем модификации нормы процента самостоятельно воздействовать на среднюю норму прибыли, а следовательно, и на реальную заработную плату. Надо, однако, предварительно выяснить, по крайней мере в масштабах главных капиталистических держав, является ли, и если да, то при каких условиях, такое воздействие подлинно самостоятельным; при каких же условиях, напротив, финансовые власти могут лишь подгонять норму процента к норме прибыли, детерминированной другими обстоятельствами, например уровнем реальной заработной платы, навязанным предпринимателям коллоговальной силой трудящихся. Если следовать дальше в этом направлении, то обнаружится, что распределение общественного продукта предстает детерминированным многообразными социальными факторами, влияющими на взаимодействие

¹²⁵ P. Sraffa. *Produzione di merci.*, p. 43. Указания в этом направлении можно проследить и у других авторов-классиков. Например, Тук утверждал, что уменьшение нормы процента приведет к фактическому снижению цен на продукты (относительно номинальной заработной платы), что предполагает снижение нормы прибыли. См.: T. Tooke. *An Inquiry into the Currency Principle* (1844). London, 1959, p. 81.

между политикой финансовых властей и политикой профсоюзов либо правительства.

Кроме того, мы уже упоминали о работах в области экономики труда, выполненных в последние десятилетия «кейнсианским», «институционалистским» и «радикальным» направлениями политической экономии. В массе своей эмпирические и исторические исследования, сделанные в этой области, начинают закладывать основы для того, например, чтобы развернуть более обоснованные изыскания по вопросу о роли и тенденциях развития профсоюзов, о причинах и следствиях дискриминации женского труда, расовой дискриминации. Эти работы, кроме того, значительно продвинули вперед понимание причин такого важного явления, как дифференциация заработной платы.

В этой же связи отметим также интересные исследования на тему о детерминированном характере новой техники и в особенности о социальной детерминации новой технологии. Было показано, в частности, что при смене производственной техники немаловажную роль (по мнению некоторых, даже определяющую) может играть необходимость контроля над рабочей силой, противодействия ее постоянным попыткам воспротивиться интенсификации темпов труда¹²⁶.

¹²⁶ Помимо работ, перечисленных в примечании 113 к настоящему, 4 параграфу, см. в особенности: *S. Marglin. What Do Bosses Do? The Origins and Function of Hierarchy in Capitalist Production.* — "Review of Radical Political Economics", vol. 6, № 2, Summer 1974; trad. it: *Origini e funzioni della gerarchia nella produzione capitalistica.* — In: *Socialismo e divisione del lavoro* (a cura di R. Villetti. Roma, 1978).

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том четвертый

МАРКСИЗМ СЕГОДНЯ

Выпуск второй

Технический редактор Л. Н. Шупейко. Корректор Т. С. Дмитриева

Сдано в производство 14.01 1986 г. Подписано в печать 12.02 1986 г.

Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская. Гарнитура литературная. Печать высокая
Условн. печ. л. 28,50. Уч.-изд. л. 29,70. Изд. № 24/40660. Заказ № 2

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «ПРОГРЕСС»

Государственного комитета СССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли

Москва 119847, Зубовский бульвар, 17